

Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв.

К 100-летию
со дня рождения И.С. Достян

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Славяне и Россия

Россия:
взгляд на Балканы.
XVIII–XXI вв.

К 100-летию
со дня рождения И.С. Достян

МОСКВА
2021

УДК 93/94
ББК 63.3(47)
С47

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

Авторы:

О.И. Агансон, Я.В. Вишняков, Т.В. Волокитина, Т.Н. Георгиева,
Н.С. Гусев, Е.Ю. Гуськова, С.И. Данченко, И.М. Захарова,
П.А. Искендеров, Е. Калинова, В.Б. Каширин, Л.А. Кирилина,
З.В. Клименко, Ю.Т. Константинова, Е.П. Кудрявцева,
Ю.В. Лобачёва, К.В. Мельчакова, К.В. Никифоров,
О.Е. Петрунина, О.В. Соколовская, Н.Г. Струнина-Бородина,
А.С. Стыкалин, М.М. Фролова, В.Б. Хлебникова

Редакционная коллегия:

С.И. Данченко (отв. ред.),
П.А. Искендеров,
Н.Г. Струнина-Бородина,
М.М. Фролова

Рецензенты:

к. и. н. О.А. Дубовик,
к. и. н. А.С. Аникеев

Славяне и Россия. Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв.
С47 **К 100-летию со дня рождения И.С. Достян.** Колл. монография /
Отв. ред. С.И. Данченко. — М.: Институт славяноведения РАН, 2021. —
670 с.: ил. — (Никитинские чтения «Славяне и Россия»).

ISSN 2618-8570

ISBN 978-5-7576-0454-1

DOI 10.31168/2618-8570.2021

Коллективная монография «Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С. Достян» подготовлена сотрудниками Института славяноведения РАН и других научных и образовательных учреждений России и Болгарии на основе материалов научной конференции в рамках X Никитинских чтений, прошедших в декабре 2020 г. в Москве. Они были приурочены к 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта и балканиста Ирины Степановны Достян (1920–2012). Вошедшие в монографию очерки охватывают различные аспекты развития российско-балканских взаимоотношений на протяжении трех с лишним столетий и основаны на неопубликованных архивных документах.

Издание рассчитано на ученых-историков, преподавателей и широкий круг читателей, интересующихся прошлым и настоящим России и народов Балканского полуострова.

УДК 93/94
ББК 63.3(47)

© Коллектив авторов, 2021

© Институт славяноведения РАН, 2021

Содержание

Предисловие (<i>П.А. Искендеров</i>)	5
Скромный корифей балканистики (<i>С.И. Данченко</i>)	9
Ирина Степановна Достян. Какой я её помню (<i>С.И. Данченко</i>)	54
Библиография опубликованных трудов И.С. Достян	84
«Верное описание прошедшей турецкой войны»: Неизвестный стратегический меморандум генерал-аншефа графа П.И. Панина и разгаданная тайна авторства анонимных воспоминаний о войне России и Турции 1736—1739 гг. (<i>В.Б. Каширин</i>)	95
Кризис русско-сербских отношений в конце 30-х годов XIX в. (<i>Е.П. Кудрявцева</i>)	165
Греческие земли в последней четверти XVIII в. в восприятии российских консулов (<i>О.Е. Петрунина</i>)	182
Дунайские княжества и Трансильвания глазами русских военных наблюдателей (1848—1849 гг.). (По документам Российского государственного военно-исторического архива) (<i>А.С. Стыкалин</i>)	193
«Подаренная победа»: взятие Гривицкого редута № 1 под Плевной 30 августа 1877 г. (<i>М.М. Фролова</i>)	224
Памятник Александру II в Софии — история создания (<i>Т.Н. Георгиева</i>)	283
Место служения — Сараево. Первый дипломатический опыт А.С. Ионина (<i>К.В. Мельчакова</i>)	299
Славянские и антиславянские идеи болгар и греков (середина XIX — начало XX в.) (<i>Ю.Т. Константинова</i>)	315
Российский дипломат П.М. Власов об итогах и перспективах развития Черногорского княжества в начале XX в. и о необходимости изменений в российско-черногорском сотрудничестве (<i>В.Б. Хлебникова</i>)	327
Черногория в донесениях российского посланника в Цетине С.В. Арсеньева (1910—1912 гг.) (<i>Н.Г. Струнина-Бородина</i>)	351

Политика России на Балканах накануне Первой мировой войны: ключевые аспекты проблемы (<i>П.А. Искендеров</i>)	370
Документы департамента полиции Российской империи о династическом кризисе в Сербии начала XX в. (<i>Я.В. Вишняков</i>)	385
Визиты в Россию сербского короля Александра Обреновича и сербские награды С.И. Сперанского (<i>И.М. Захарова</i>)	405
Публикации словенской газеты «Слован» о сербах, болгарях и черногорцах (1884–1887 гг.) (<i>Л.А. Кирилина</i>)	419
Путевые заметки П.А. Кулаковского о Болгарии (<i>Н.С. Гусев</i>)	439
МИД России и греко-сербский договор в годы Первой мировой войны. (Обзор сборников дипломатических документов) (<i>О.В. Соколовская</i>)	453
К вопросу о русско-сербских отношениях в начале 1920-х годов. Из истории семьи И.Г. Грицкат-Радулович (<i>Ю.В. Лобачёва</i>)	475
Особенности изучения русской эмиграции в Королевстве СХС (Югославии) (<i>К.В. Никифоров</i>)	502
Великобритания и проблема «балканского равновесия» в 1939 г. (<i>О.И. Агансон</i>)	513
Роль СССР в подготовке мирного договора с Болгарией после Второй мировой войны — мифы и факты (<i>Е. Калинова</i>)	529
Балканский вариант режима личной власти (Тодор Живков и Николае Чаушеску) (<i>Т.В. Волокитина</i>)	547
Советская политика на Балканах в период заката «перестройки» (1990–1991 гг.) (<i>Е.Ю. Гуськова</i>)	592
«Албанская заря»: российское общество и албанский вопрос в начале XX в. (по материалам некоторых «толстых» журналов) (<i>З.В. Клименко</i>)	608
Заключение (<i>П.А. Искендеров</i>)	641
Резюме	642
Summary	655
Сведения об авторах	668

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография «Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С. Достян» подготовлена в Институте славяноведения РАН на основе докладов, прозвучавших в рамках Десятых Никитинских чтений, прошедших в Москве в стенах Института в декабре 2020 г. Они были посвящены 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта и балканиста И.С. Достян (1920–2012). Вошедшие в монографию очерки носят разноплановый характер. Они охватывают практически все ключевые аспекты истории развития отношений России и народов Балканского полуострова в указанный период и тематически могут быть разделены на следующие блоки.

1. Очерк о научной деятельности И.С. Достян «Скромный корифей балканистики» и воспоминания о ней, подготовленные ее многолетней коллегой С.И. Данченко.

В этом же блоке коллективной монографии представлен список научных трудов И.С. Достян.

2. Анализ концептуальных и методологических вопросов, связанных с формированием и реализацией балканской политики России в рассматриваемый широкий хронологический период. Этой проблематике посвящены очерки Е.П. Кудрявцевой («Кризис русско-сербских отношений в конце 30-х годов XIX в.»), П.А. Искендерова («Политика России на Балканах накануне Первой мировой войны: ключевые аспекты проблемы»), О.И. Агансон («Великобритания и проблема “балканского равновесия” в 1939 г.»), Е.Ю. Гуськовой [«Советская политика на Балканах в период заката “перестройки” (1990–1991 гг.)»], Е. Калиновой («Роль СССР в подготовке мирного договора с Болгарией после Второй мировой войны — мифы и факты»).

3. Источниковедческий обзор и анализ впервые вводимых в научный оборот документов и материалов из российских и за-

рубежных архивов, а также периодической печати, посвященных различным вопросам взаимоотношений России и Балкан. Здесь следует особо отметить очерки, подготовленные В.Б. Кашириным («Верное описание прошедшей турецкой войны»: Неизвестный стратегический меморандум генерал-аншефа графа П.И. Панина и разгаданная тайна авторства анонимных воспоминаний о войне России и Турции 1736–1739 гг.), О.Е. Петруниной («Греческие земли в последней четверти XVIII в. в восприятии российских консулов»), А.С. Стыкалиным [«Дунайские княжества и Трансильвания глазами русских военных наблюдателей (1848–1849 гг.). (По документам Российского государственного военно-исторического архива)»], В.Б. Хлебниковой («Российский дипломат П.М. Власов об итогах и перспективах развития Черногорского княжества в начале XX в. и о необходимости изменений в российско-черногорском сотрудничестве»), Н.Г. Струниной-Бородиной [«Черногория в донесениях российского посланника в Цетине С.В. Арсеньева (1910–1912 гг.)»], Я.В. Вишняковым («Документы департамента полиции Российской империи о династическом кризисе в Сербии начала XX в.»), Л.А. Кириловой [«Публикации словенской газеты “Слован” о сербах, болгарх и черногорцах (1884–1887 гг.)»], Н.С. Гусевым («Путевые заметки П.А. Кулаковского о Болгарии»), О.В. Соколовской [«МИД России и греко-сербский договор в годы Первой мировой войны. (Обзор сборников дипломатических документов)»], З.В. Клименко («”Албанская заря”: российское общество и албанский вопрос в начале XX в. (по материалам некоторых “толстых” журналов)»).

4. Историческая реконструкция конкретных событий, явлений и процессов, вошедших в историю межгосударственных, военно-политических и социо-культурных взаимоотношений России и балканских народов. Особого внимания в этом плане заслуживают очерки, которые подготовили для настоящей коллективной монографии М.М. Фролова («”Подаренная победа”: взятие Гривицкого редута № 1 под Плевной 30 августа 1877 г.»), Т.Н. Георгиева («Памятник Александру II в Софии — история создания»), К.В. Мельчакова («Место служения — Сараево. Первый дипломатический опыт А.С. Ионина»), И.М. Захарова («Визиты

*Ирина Степановна
ДОСТЯН*

в Россию сербского короля Александра Обреновича и сербские награды С.И. Сперанского»), Ю.В. Лобачёва («К вопросу о русско-сербских отношениях в начале 1920-х годов. Из истории семьи И.Г. Грицкат-Радулович»).

5. Анализ наиболее дискуссионных и даже болезненных страниц взаимоотношений России и Балкан в различные исторические периоды. К этой сложной тематике обратились Ю.Т. Константинова [«Славянские и антиславянские идеи болгар и греков (середина XIX — начало XX вв.)»], директор Института славяноведения РАН К.В. Никифоров [«Особенности изучения русской эмиграции в Королевстве СХС (Югославии)»] и Т.В. Волокитина [«Балканский вариант режима личной власти (Тодор Живков и Николае Чаушеску)»].

В своих очерках авторы старались учесть и аргументированно рассмотреть новейшие достижения отечественной и зарубежной историографии по самым актуальным проблемам истории Балкан и России, дать свои ответы на современные вызовы, вставшие перед нашими народами в новом тысячелетии.

Надеемся, что коллективная монография «Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С. Достяна» найдет свой путь к читательским сердцам.

Скромный корифей балканистики

Эта работа о ней, нашей незабвенной Ирине Степановне Достян. Если бы не ее болезнь... Мы, ее ученики и коллеги, так мечтали и надеялись отпраздновать 21 апреля 2020 г. **вместе с ней** ее столетие. Фантастика? Возможно, но ведь мама Ирины Степановны Екатерина Морисовна прожила 101 год; Ксения Владимировна Пичета (дочь учителя И.С. Достян — В.И. Пичеты), с которой она дружила, также отметила свой 100-летний юбилей, а наш бывший коллега по Институту и сектору, участник Великой Отечественной войны Михаил Абрамович Бирман, эмигрировавший в Израиль, незадолго до своего столетия (10 октября 2019 г.) подготовил и издал очередную монографию.

В 2010 г. Ирина Степановна не разрешила нам проводить конференцию в честь ее 90-летия, чтобы, по ее словам, «не формировать совершенно не уместный культ обыкновенной личности». Но она была очень рада прекрасно изданному сборнику «В “интерьере” Балкан», который заранее был подготовлен под редакцией директора Института славяноведения РАН К.В. Никифорова целым коллективом известных ученых, славистов и балканистов, и вручен юбиляру 21 апреля 2010 г. в дружеском кругу в качестве «научного» подарка.

В начале 2012 г. Ирины Степановны не стало. Но все эти годы, прошедшие без нее, она оставалась с нами — мы никогда ее не забывали. Она незримо присутствовала и в жизни Института, в котором проработала более 60 лет, и в жизни тех, кто знал и любил ее. К сожалению, таких людей становится всё меньше...

Но мы не хотим, чтобы имя Ирины Степановны Достян было забыто. Поэтому пользуемся нынешней памятной датой — 100-летием со дня ее рождения, чтобы вновь обратиться к ее биографии и научному творчеству, показать ее вклад в становление и развитие отечественной балканистики и ее роль в истории

Института славяноведения, рассказать о ней нашей молодежи, которая знает И.С. Достян только по ее трудам.

Ирина Степановна Достян относится к тем труженикам отечественной исторической науки, без которых немислимо ее развитие в послевоенный период. И не только по количеству созданных ею трудов — их более ста, в том числе три монографии, разделы в коллективных обобщающих трудах, статьи, очерки, рецензии. Ирина Степановна всю свою творческую жизнь разрабатывала важнейшие проблемы исторического славяноведения и балканистики, начиная с периода Средневековья и заканчивая Великим Восточным кризисом 70-х годов XIX в. Кто-то из ее ровесников выбрал занятия отечественной историей, кто-то «замахнулся» на историю дальнего и даже заокеанского зарубежья, а Ирина Степановна осознанно сделала выбор в пользу «братьев-славян» и «балканских просторов». Это потом, много десятилетий спустя, данные «просторы» назовут «пороховым погребом Европы». А в то время, когда юная Ирина Достян приняла одно из главных решений в своей жизни — изучать историю славян Балканского полуострова, это был малоисследованный и потому чрезвычайно привлекательный для ученых регион. К тому же в 1940-е годы, когда принималось это решение, в советском обществе, после окончания Великой Отечественной войны, были широко распространены симпатии к «братьям-славянам» — результат совместной борьбы против фашизма. Безусловно, это тоже способствовало выбору Ириной Степановной своего творческого пути. Но вернемся к самому началу.

Ирина Степановна Достян родилась в Москве 21 апреля 1920 г. в армянской семье. Ее родители — Достян Степан Григорьевич (1895–1956) и Арутюнова Екатерина Морисовна (1896–1997) — в 1916 г. переселились из Баку в Москву и здесь поженились. А вскоре на свет появились их дочери: старшая Ирина и спустя два года Марина. Отец Ирины Степановны служил в Наркомпищепроме, а мама частным образом брала уроки рисования, затем стала художником-ретушером и работала в различных издательствах. Вот что вспоминала со слов своих родителей Ирина Степановна: «Я родилась в тяжелый, голодный и холодный 1920 год. Родители мои — бакинцы, приехавшие в Москву в 1916 году.

Баку в начале XX века был, кажется, единственным в России процветающим и привлекавшим иностранных инвесторов центром нефтеразработок. Больше половины его жителей составляли армяне и русские. Мои родители учились в русских учебных заведениях, хотя знали и разговорный армянский язык. Мой дедушка по отцу был, как теперь говорят, мелким бизнесменом. Бежав из провинции Шуша, где периодически вспыхивали погромы армян, он завел в Баку небольшую лавку. А дед по матери был бухгалтером одного из нефтяных олигархов, хорошо зарабатывал, купил имение, собираясь разводить розы для производства розового масла. Однако вскоре он разорился, потерял имение; его жена, моя бабушка, умерла от скоротечной чахотки. Оставшихся троих детей взял на свое содержание хозяин деда — нефтяной олигарх. Мама моя провела детство в доме родственницы из интеллигентной семьи. В 1915 году, как известно, в Турции было уничтожено около двух миллионов армян. В Баку также происходили расправы азербайджанцев над армянами. Вероятно, всё это и побудило моих будущих родителей, русскоязычных армян, отправиться в Москву».

В школьные годы Ирина Достян очень любила читать, особенно произведения западной литературы, поэтому после окончания школы в 1938 г. вначале она решила поступать на филологический факультет МГУ. Однако внезапно заболела и не смогла сдавать вступительные экзамены — вместо них поехала для поправки здоровья к родственникам в Ереван. В следующем же, 1939 году, она решила поступать не на филологический, а на исторический факультет, и поступила. До войны студентка Достян успела закончить два курса; затем была эвакуация, а с 1943 г. — продолжение учебы.

Ирина Степановна получила отличную профессиональную подготовку, что, разумеется, не могло не сказаться на ее последующей научной работе. Ей посчастливилось слушать лекции выдающихся историков, «людей дореволюционного времени», по словам Ирины Степановны. Среди них — блестящий лектор В.С. Сергеев, отец будущего академика Ю.В. Бромлея; С.Д. Сказкин, в то время декан исторического факультета; медиевист Е.А. Косминский; археолог А.В. Арциховский, стоявший на по-

роге выдающегося открытия — новгородских грамот, обладавший феноменальной памятью (знал всех студентов по имени и фамилии); востоковед, основатель советской школы индоведов и афганистов И.М. Рейснер; неподражаемый Е.В. Тарле с его образным историческим мышлением; академик, автор «Киевской Руси» Б.Д. Греков.

С третьего курса студентка Достян решила специализироваться по кафедре истории южных и западных славян, которую в то время возглавлял крупный ученый Владимир Иванович Пичета (1878–1947). Он и стал ее научным руководителем.

Перед В.И. Пичетой, оказавшимся в 1940-е годы на переднем крае борьбы за новый славистический центр — Институт славяноведения АН СССР, стояло много важнейших и неотложных задач и прежде всего — подготовка научных кадров. «Патриарх отечественного славяноведения», как позднее будут писать о Владимире Ивановиче сначала повзрослевшие, а затем постаревшие его ученики, в эти последние годы своей жизни торопился найти, научить, сформировать будущих историков-славистов. Через много десятилетий один из них, Михаил Абрамович Бирман, вспоминал: «...главное, что... с успехом успел сделать Владимир Иванович на заключительном этапе своей жизни: он воспитал группу молодых, пытливых и равнодушных учеников, зарядил их энтузиазмом, идеей служения избранному делу, импульсами к поиску новых знаний и новых путей»¹.

Ученицей Владимира Ивановича стала и Ирина Степановна. В 1945 г. она закончила МГУ и поступила в аспирантуру сектора славяноведения Института истории АН СССР. Института славяноведения пока еще не было, хотя чиновничье-бюрократическая машина уже вовсю крутилась — согласования, докладные записки, решения, утверждения и т.д. Научным руководителем аспирантки Достян, как и в МГУ, был В.И. Пичета, который сразу же предложил ей заняться историей Сербии.

Ирина Степановна, как и другие — в 1940-е годы молодые, впоследствии маститые, гордость Института — сотрудники и аспиранты, посещала «пичетники» — семинары, которые Владимир Иванович устраивал у себя дома для своих учеников, подобно профессорам XIX века, например, В.И. Ламанскому. «"Пичетни-

ки”, — вспоминала Ирина Степановна, — собирались регулярно, на них обсуждались доклады сотрудников, планы задумываемых трудов, курсовые работы аспирантов и разнообразные научные проблемы, прямо или косвенно затрагивавшие историческое прошлое славянских народов и их связи с Россией»². В «пичетниках» участвовали институтские друзья Ирины Степановны: Владимир Дорофеевич Королук, Генрих Эдуардович Санчук, Илья Соломонович Миллер, Иван Иванович Удальцов.

Тема кандидатской диссертации И.С. Достян была посвящена социально-экономическим отношениям* в сербской деревне накануне восстания 1804 г., в то время практически не исследованным в отечественной литературе. Это сейчас о предыстории Первого сербского восстания 1804–1813 гг. изданы тома документов и написаны сотни работ. А в конце 1940-х годов добросовестной и трудолюбивой аспирантке пришлось нелегко — ввиду незначительной источниковой базы и малочисленности историографии по теме. И, тем не менее, она справилась с поставленной задачей и в апреле 1950 г. успешно защитила свою первую квалификационную работу.

Защита диссертации проходила в Институте истории АН СССР, так как своего диссертационного совета в Институте славяноведения еще не было. Защиты тогда были довольно редким событием и поэтому привлекали всеобщее внимание. Как вспоминала Ирина Степановна, это мероприятие проходило более торжественно и значительно, чем позднее, в официальной части, и гораздо проще и веселее в неофициальной, то есть во время банкета. Кстати, последний имел место не в день защиты, а значительно позже — летом, в июне, на даче тогдашней заведующей аспирантурой Г.С. Можаровой. В тот незабываемый день сразу четверо молодых ученых — Ирина Степановна Достян, Любомир Борисович Валиев, Василий Дмитриевич Конобеев и Генрих Эдуардович Санчук — отмечали свою кандидатскую степень. Прямо на траве было расставлено скромное угощение — плавленые сырки, хлеб, винегрет. Тогда это было в порядке вещей. Но главное — всем было очень весело. Молодежь шутила, танцевала.

* Социально-экономическая тематика в те годы являлась в советской исторической науке одной из приоритетных.

Более старшее поколение от них не отставало, и даже чопорный, сдержанный профессор Сергей Александрович Никитин, один из «отцов-основателей» Института славяноведения, в праздничной белой рубашке лихо отплясывал вприсядку, по словам очевидцев.

В это время Ирина Степановна уже являлась сотрудницей Института славяноведения АН СССР: она была зачислена в штат 30 декабря 1948 г.

В 1950-е годы появились первые научные работы Ирины Степановны (прежде всего это были, конечно, материалы ее кандидатской диссертации) — в «Кратких сообщениях Института славяноведения Академии наук СССР» (1951. № 2) и в «Ученых записках Института славяноведения (Академия наук СССР)» (1952. Т. VI). Вместе с тем Ирина Степановна уже приступила к работе над новой темой, связанной с борьбой южнославянских народов против турецкой экспансии. И первая ее статья по данной проблематике была опубликована в журнале «Преподавание истории в школе» (1951. № 5) под названием «Южные славяне под игом турок в XV–XVIII вв.». Вскоре появились еще две работы на эту же тему — в «Византийском временнике» (1953. Т. 7) и в «Истории средних веков» (М., Госполитиздат, 1954). И эти публикации были вполне объяснимы, так как с начала 1950-х годов Ирина Степановна интенсивно работала над своей первой монографией.

Но так уж повелось в нашем Институте и, судя по всему, с давних пор, что исследователю время от времени приходится как бы раздваиваться и, наряду со своей «родной» темой, заниматься тем, на что укажет начальство. В данном случае оно указало на «Историю Болгарии». И хотя Ирина Степановна была принята в Институт как специалист по истории Сербии, ей было поручено написать для I тома готовившегося фундаментального труда, первого из «Историй» славянских стран, две главы: «Болгарский народ после завоевания Турцией (XV — первая половина XVI в.)» и «Болгарский народ под турецким игом в период упадка военно-феодальной Османской империи (конец XVI — первая половина XVIII в.)».

Участвовать в таком проекте было весьма ответственно и очень непросто для молодого сотрудника, но Ирина Степанов-

на успешно справилась со всеми трудностями. И, возможно, еще сама того не сознавая, работая над «своими» главами, она не только приобрела новые знания, в данном случае по истории средневековой Болгарии, но и вступила на собственный научный путь — путь в балканистику.

А для меня, как биографа и исследователя научного творчества Ирины Степановны Достян, в этом случае с «Историей Болгарии», прежде всего, важен момент, связанный с безотказностью, ответственностью и обязательностью моей «героини». Неслучайно за десятилетия работы в Институте она сумела приобрести репутацию «палочки-выручалочки». Руководители авторских коллективов целого ряда институтских обобщающих трудов вздыхали с облегчением, если она соглашалась войти в их «научный круг», ибо знали, что Ирина Степановна не подведет — напишет свой раздел или главу точно в срок и лучше, чем нужно.

А в первом своем коллективном труде (I том «Истории Болгарии» вышел в 1954 г.) исследовательница рассмотрела важнейшие вопросы средневековой болгарской истории: положение болгар под властью турок с XV — до середины XVIII вв.; развитие сельского хозяйства, городов, ремесла и торговли в болгарских землях; основные формы и особенности борьбы болгар и соседних с ними народов против власти османов. В распоряжении Ирины Степановны было совсем немного литературы — дореволюционной русской и современной болгарской. Использовала она также свидетельства путешественников и опубликованные болгарские источники (Документи за българската история. Т. VIII. София, 1940). Но несмотря на скудость источниковой базы и, безусловно, «классовый подход» к описываемым событиям (другого в начале 1950-х годов и быть не могло), Ирине Степановне удалось реконструировать события в болгарских землях в те далекие столетия. Уже в этом труде проявился сдержанный, настоящий академический стиль, который отличал Ирину Степановну от других авторов, стиль ученого-аналитика, идущего к выводам и обобщениям от источника.

Не обошла своим вниманием Ирина Степановна и вопрос о политических и культурных связях Болгарии с Россией. С конца XV в. среди болгар начала распространяться легенда о «дядо

Иване», в образе которого, как пишет исследовательница, «болгарский народ олицетворял свои представления о великом русском народе, о сильном Русском государстве»³.

В современной историографии фактов о русско-болгарских связях эпохи Средневековья опубликовано уже немало. А в начале 1950-х годов ситуация была совершенно иная. И, тем не менее, Ирина Степановна сумела на основе немногочисленных документов представить запоминающуюся картину взаимоотношений далеких предков русских и болгар, подчеркнув при этом, что с конца XVII в. эти связи, ранее ограничивавшиеся преимущественно культурным общением, стали приобретать политический характер. И в заключение — важный вывод, который впоследствии будет неоднократно подтвержден и развит в работах Ирины Степановны и других отечественных историков: «В условиях иноземного гнета болгар и эллинизаторской политики греческого духовенства, грозивших болгарам денационализацией, культурные связи с Россией способствовали сохранению болгарской письменности, богослужения на родном языке, а войны России с Турцией подтачивали основы Османской империи и играли большую роль в развитии освободительного движения балканских народов, в том числе болгар»⁴.

Следует отметить, что работа над главами для «Истории Болгарии», как бы она ни была важна, не могла отвлечь Ирину Степановну от главного труда на этом, начальном, этапе ее научной деятельности, посвященного борьбе угнетенных балканских народов, в первую очередь сербского, против турецкой экспансии. После первых статей на эту тему, уже упоминавшихся выше, в 1958 г. была опубликована её монография «Борьба сербского народа против турецкого ига. XV — начало XIX в.» — одна из первых книг в советской историографии по югославянской тематике.

При изучении данной темы Ирина Степановна включила в сферу своего исследования все области Балканского полуострова, населенные в XV — начале XIX вв. сербами, — собственно Сербию, Старую Сербию, Банат, Бачку, Баранью, Срем. В монографии прослежены основные этапы завоевания турками Балкан. При этом автор справедливо подчеркивает, что оно «нарушило

ход исторического прогресса сербов и других балканских народов», «привело к регрессу в развитии производительных сил, к консервации феодальных отношений»⁵.

Ирина Степановна последовательно рассмотрела в этой книге целый комплекс важнейших вопросов: положение сербских земель под властью Турции; освободительное движение в сербских землях в XVI—начале XVII вв.; борьба сербов за освобождение во время войны «Священной лиги» с Турцией, а также во время войн России и Австрии с Турцией в XVIII в.; особенности социально-экономического развития северной Сербии во второй половине XVIII—начале XIX вв. и рост национального движения в данном регионе; начало Первого сербского восстания 1804—1813 гг. Таким образом, речь в этом труде идет о всех важнейших проблемах сербской истории в течение четырех столетий!

Как-то, во время одной из наших бесед, Ирина Степановна, с присущей ей скромностью и высочайшей требовательностью к себе как к историку, назвала свою первую монографию «научно-популярной». Уважая ее мнение, вместе с тем позволю себе с ним не согласиться. На мой взгляд, по всем критериям, это серьезная научная работа, написанная прекрасным литературным языком. Фактически это история Сербии XV — начала XIX вв., изучение которой в советской историографии тогда только начиналось, а многочисленные архивные фонды еще ждали своих пытливых исследователей.

Вновь и вновь обращаясь к этой книге Ирины Степановны, поражаешься точности ее наблюдений и глубине выводов, многократно впоследствии подтвержденных, с открытием новых документов. Среди этих заключений хотелось бы, прежде всего, выделить тезис о роли внешнего фактора в различные периоды борьбы сербов за свое освобождение. «До конца XVIII в. антитурецкие выступления в Сербии, — пишет Ирина Степановна, — возникали обычно во время войн европейских государств с Турцией, и судьба восстаний зависела от исхода этих войн. С начала XIX в. внутренние силы сербского народа настолько созрели, что международные события уже не имели определяющего значения. Так, восстание в Белградском пашалыке вспыхнуло (в 1804 г. — *С.Д.*), несмотря на неблагоприятную внешнеполити-

ческую обстановку»⁶. Заслуживает внимания и положение о том, что «участие в австро-турецких войнах дало возможность сербам приобрести значительный военный опыт»⁷.

Обратившись к начальному этапу национально-освободительной борьбы сербского народа против власти османов, Ирина Степановна указала ряд причин, которые, по ее мнению, существенным образом ее облегчали: крайнее положение Белградского пашалыка в системе европейских владений Турции; тесные связи его населения с австрийскими сербами, позволявшие повстанцам тайно получать из Австрии военное снаряжение, оружие и помощь людьми. Но главным было то, что северная часть сербских земель являлась экономически менее зависимой от Османской империи, чем Греция, Болгария и Босния. Это обусловило меньшую заинтересованность сербов в турецком рынке, помогло им быстрее осознать свои национальные исторические задачи, важнейшей из которых, безусловно, являлось «ниспровержение владычества средневекового Турецкого государства, препятствовавшего дальнейшему общественно-экономическому прогрессу сербской нации»⁸. Кроме того, в результате австро-турецких войн и 20-летней оккупации Белградского пашалыка Австрией позиции турецких феодалов здесь были заметно ослаблены, а система турецкого управления подорвана. Особое внимание Ирина Степановна уделила роли местного самоуправления в жизни Белградского пашалыка. Она подчеркнула, что органы местного самоуправления располагали реальной властью, ограничивая вмешательство турецких властей в управление на местах. Именно они впоследствии сыграли важную роль в борьбе сербов за свою автономию и в подготовке восстания 1804 г.⁹.

Ввиду ее многочисленных достоинств, монография И.С. Достян, несмотря на свой солидный «возраст», до сих пор не устарела и заслуживает самой высокой оценки. Так, в юбилейном сборнике в честь 90-летия Ирины Степановны «В “интерьере” Балкан» его ответственный редактор К.В. Никифоров подчеркнул: «... и через 50 с лишним лет, прошедших после выхода книги в свет, она осталась добротным академическим исследованием»¹⁰.

В 1963 г. был издан I том фундаментального академического труда «История Югославии», автором и одним из четырех редак-

торов которого являлась И.С. Достян. Этому знаменательному событию в истории отечественной югославистики предшествовала, по отзывам создателей труда, долгая и сложная работа. Перу Ирины Степановны в нем принадлежат семь глав, в которых последовательно представлены: история сербских земель в VII–XI вв. (гл. 5), история Сербского государства, Македонии и Дубровницкой республики в XII–XVI вв. (гл. 8, 9, 11), история югославянских народов под властью Турции (гл. 15), а также развитие Дубровницкой республики и сербов Воеводины в XVI–XVIII вв. (гл. 16, 19). Безусловно, такой широкий охват исследуемых проблем, начиная с древности и заканчивая XVIII в., был невероятно сложен для исследователя. Но это была отличная школа для Ирины Степановны, всегда отличавшейся огромной исторической эрудицией, прекрасным знанием истории большинства балканских народов и ставшей позднее одним из первых в нашей стране историков-балканистов.

Обращаясь к этому труду Ирины Степановны, следует, прежде всего, отметить, что в своей тогдашней работе она во многом шла «по целине», да еще начиная с VII в. И, тем не менее, ей удалось представить все основные эпохи и события в истории югославянских народов. Среди них: византийское господство над сербскими землями; освобождение сербского народа от византийской зависимости в конце XII в.; расширение и укрепление Сербского государства в XIII–первой половине XIV вв. При этом Ирина Степановна рассмотрела события внутренней истории Сербии на широком международном фоне, уделив немало внимания ее отношениям с Боснией, Венгрией, Венецией, католической церковью.

Автору уже опубликованной к тому времени монографии о борьбе сербского народа против турецкого ига, разумеется, было нетрудно написать соответствующий раздел в «Истории Югославии». Что Ирина Степановна и сделала, выделив основные этапы турецкой экспансии на Балканах, начиная со второй половины XIV в. При этом ею была подчеркнута отрицательная роль турецкого завоевания в исторической судьбе югославянских народов, которое нарушило и задержало ход их общественно-экономического развития. Весьма подробно исследовательница

рассмотрела ту систему отношений, которая установилась у балканских народов после турецкого завоевания, отметив, что всё было приспособлено к нуждам военно-феодалного Турецкого государства.

Заслугой Ирины Степановны является и то, что в этом труде она много внимания уделила истории Черногории, борьбе черногорцев за свое освобождение от власти Турции и установлению в первой половине XVIII в. их связей с Россией.

Исключительно интересно представлена история Дубровницкой республики в XIII — начале XIX вв. (в 1808 г. Дубровницкая республика перестала существовать). На страницах 11-й и 16-й глав перед читателем разворачивается панорама важнейших событий в жизни этого уникального города, основного центра торговли и всевозможных денежных операций на восточном побережье Адриатики, единственного на Балканах в ту пору, отмечает Ирина Степановна, экономическое развитие которого шло в ногу с некоторыми итальянскими городами¹¹.

Перу Ирины Степановны также принадлежат два раздела, написанные в сжатой форме, — о средневековой Македонии и ее драматической судьбе, а также о сербах Воеводины, создании Военной границы и нелегком положении сербов в Габсбургской монархии, которые, тем не менее, активно боролись за свои национальные и политические права, что во многом помогло им, как национальному меньшинству, сохранить свой язык, культуру и уклад жизни.

«История Югославии» явилась очень важным этапом в научной деятельности Ирины Степановны. Многие ее главы представляют собой как бы развернутый план ее будущих работ, словно уже тогда она намечала те основные направления, по которым будет «шагать» в югославиистику и балканистику.

В 1960-е годы (помимо завершения работы в качестве автора и редактора I тома «Истории Югославии») главным направлением научных изысканий И.С. Достян становится тема российско-балканских связей и балканской политики России в первой трети XIX в. Задача, поставленная исследовательницей, была невероятно сложной, ибо в отличие от ее коллег по сектору, которые изучали отношения с Россией отдельных балканских народов, ей

предстояло охватить весь регион в целом, включая турок, греков, молдаван и валахов.

Написанию целой серии статей по вышеуказанной тематике предшествовала интенсивная и кропотливая работа в архивах Москвы и Ленинграда. В этот период Ирина Степановна выявила сотни уникальных документов — так создавалась источниковая база для ее будущих трудов. Многочисленные, еще никому не известные эпизоды из истории русско-сербских, русско-черногорских, русско-греческих и русско-молдаво-валашских связей складывались в общую яркую и впечатляющую картину, которая дополнялась теоретическими обобщениями и аргументированными выводами. И как итог — подготовка второй индивидуальной монографии: «Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в.» (М., 1972), которая была защищена в качестве докторской диссертации в марте 1973 г.

Впоследствии, в 1980-е годы, в Институте наиболее значимыми, важными и престижными будут считаться коллективные обобщающие труды по различным проблемам и обязательно по региону в целом. Для XIX века этот замысел был блестяще воплощен в серии трудов под общим заглавием «Международные отношения на Балканах». Однако книга Ирины Степановны «Россия и балканский вопрос», создававшаяся в конце 1960-х годов, была не коллективным, а одним из первых индивидуальных обобщающих трудов, и поэтому ценность этой «первой ласточки» отечественной балканистики очень велика.

Несомненной заслугой Ирины Степановны является то, что в своей второй монографии она выделила балканский вопрос в самостоятельный объект исследования, как часть Восточного вопроса, занимавшего значительное место в системе международных отношений XIX века.

Важной предпосылкой глубокого и целостного рассмотрения политики России на Балканах является ее научно обоснованная периодизация. Ирина Степановна обозначила четыре этапа, которые прошла в своем развитии русская политика на Балканах в конце XVIII — первой трети XIX вв. На каждом из них выдвигались самостоятельные, конкретные задачи, появлялись специфические политические программы.

Первый период, начавшийся русско-турецкой войной 1768–1774 гг., длился до конца XVIII в. Он характеризовался усилением противоречий между Россией и Османской империей, что привело к двум русско-турецким войнам. В это время значительную роль в балканской политике России начали играть Дунайские княжества.

Второй период — 1798–1812 гг. — наполеоновские войны. Его особенность — сближение России и Турции (до 1806 г.). Оба государства объединились перед угрозой французской агрессии, их противоречия были отодвинуты на задний план. Этот период характеризовался также быстрым расширением контактов с балканскими народами, поддержку которых царизм использовал в борьбе против Наполеона. Сфера русской активности в Балканском регионе, помимо Дунайских княжеств, распространялась на Ионические острова, Черногорию, Сербию и материковую Грецию. «В целом, — делает вывод Ирина Степановна, — русская политика в отношении балканских народов, находившихся под властью Турции, в течение первых двенадцати лет XIX в. была подчинена главной задаче — борьбе с наполеоновской Францией. Именно поэтому она была достаточно активной. Независимо от стремлений и целей русского самодержавия, Россия в это время стала оказывать значительное влияние на развитие национально-освободительного движения народов Балканского полуострова, на процесс возникновения их национальных государств»¹².

Третий период — от Бухарестского мира 1812 г. до 1821 г., начала греческой революции, — характеризовался стремлением царского правительства избежать новой войны с Портой, что объяснялось трудным внутренним положением Российской империи. В своей монографии Ирина Степановна выразила несогласие с высказывавшимися ранее утверждениями¹³ — будто царизм уже с конца 1815 г. готовился к решению ряда ближневосточных проблем, и обосновала следующий вывод: в этот период царское правительство не стремилось к территориальной экспансии на Балканах, а главную свою цель видело в упрочении тех успехов, которые были достигнуты в ходе войн с Турцией в предшествующие 50 лет.

Следует отметить, что в 1960–1970-е годы в советской историографии почти не была изучена балканская политика России именно этого периода (1812–1821 гг.). Поэтому ее глубокий анализ в монографии Ирины Степановны стал настоящим научным открытием. Автором были введены в научный оборот материалы, свидетельствовавшие о том, что Петербургом предусматривалось создание в Сербии конституционного устройства; то же самое намечалось и для Дунайских княжеств. Таким образом, в арсенале политических приемов, применявшихся царизмом на Балканах в XIX веке, была и конституционалистская политика, с помощью которой русское правительство собиралось опереться на более широкие слои балканского населения.

Четвертый этап балканской политики России в первой трети XIX в. — это период Восточного кризиса 1820-х годов, характеризовавшийся новым обострением Восточного вопроса. В эти годы «русская политика не была однотипной, менялась по своим целям и методам»¹⁴. В начале кризиса, вызванного восстанием 1821 г. в Греции, царское правительство, связанное обязательствами по Священному союзу, осудило «мятежных» греков. Однако революционные события на Балканах привели к резкому обострению русско-турецких отношений. Ирина Степановна отмечает, что в связи с закрытием Черноморских проливов для кораблей, плававших под русским флагом, существенным образом были задеты экономические интересы российских помещиков и купцов. Именно поэтому проблема Проливов, которая в предшествующий период не занимала значительного места в русско-турецких разногласиях, теперь выступила на первый план. И как результат — «созрели все причины, предreshавшие неизбежность новой русско-турецкой войны»¹⁵. При этом автор подчеркивает, что царское правительство не стремилось доводить дело до распада Османской империи, предпочитая урегулировать русско-турецкие противоречия в дипломатических сферах, и решилось на войну только тогда, когда другого выхода не оставалось.

1820-е годы характеризовались активной политикой всех великих держав. При этом Россия оказалась в полной изоляции. Отсюда важный вывод, к которому пришла Ирина Степановна: «Восточный кризис 20-х годов сделал ясным, что принципы

Венской системы несовместимы с интересами русской политики в отношении Турции и балканских народов»¹⁶. Петербург осознал необходимость перехода к более активному и самостоятельному курсу. Эта задача была практически осуществлена после прихода к власти Николая I.

Победа России в войне с Турцией 1828–1829 гг. означала завершение Восточного кризиса. О его итогах И.С. Достян пишет следующее: «Было создано независимое Греческое государство. Царское правительство получило возможность добиться осуществления на практике своей программы политической перестройки владений Турции, которая была впервые намечена Кючук-Кайнарджийским миром 1774 г. и с тех пор непрерывно расширялась и конкретизировалась в последующих русско-турецких договорах и соглашениях»¹⁷.

В монографии И.С. Достян рассмотрен целый ряд ключевых вопросов, в том числе о роли России в формировании балканской государственности. Как писал В.Н. Виноградов, И.С. Достян «внесла немалый вклад в изучение внешнеполитического курса России на Балканах — не в стремлении к территориальным захватам он заключался, а в подвижнической деятельности по возрождению их государственной жизни»¹⁸.

Стремясь добиться утверждения своего влияния на Балканах, царизм должен был в определенной мере считаться с особенностями общественно-экономических отношений у отдельных народов. Именно этим, по мнению Ирины Степановны, и можно объяснить тот парадоксальный, на первый взгляд, факт, что на протяжении первой трети XIX в. русский царизм, один из наиболее реакционных режимов Европы, державший в рабстве собственный народ, оказывал положительное влияние на процесс формирования национальных государств на Балканах и их развитие по капиталистическому пути. В то же время, подчеркивает исследовательница, официальный Петербург неизменно искал точку опоры в наиболее консервативных слоях балканского общества. Материал, приведенный в монографии, позволил ее автору опровергнуть сложившееся в западной историографии представление о русской политике в Восточном вопросе как всегда агрессивной, имевшей целью территориальную экспансию,

и обосновать вывод о том, что политика России в отношении Турции и балканских народов в первой трети XIX в. была обычно более консервативной и менее агрессивной, чем это нередко изображалось уже в XIX веке, а также позднее, в работах ученых XX столетия¹⁹.

Бесспорной заслугой Ирины Степановны, ее ценным вкладом в историографию проблемы явилось также исследование особенностей политического развития отдельных балканских народов. Впервые в отечественной историографии в книге было показано, что национальные элиты Сербии, Дунайских княжеств и Греции уже в начале XIX в. не собирались далее мириться со своим угнетенным положением в составе Османской империи, а имели собственные планы национального освобождения и будущего государственного устройства. И с этим руководители российской внешней политики не могли не считаться.

И, наконец, очень важным, на мой взгляд, является тезис автора о том, что при изучении темы «Россия и балканский вопрос» «необходимо четко разделять 1) реальные внешнеполитические акции, имевшие результаты, и 2) постоянно возникавшие, чрезвычайно разнообразные по идеям проекты и предложения, которые так и не были осуществлены»²⁰. Но тем не менее, отмечает Ирина Степановна, некоторые из этих противоречивых, а иногда и фантастических проектов стали поводом для «складывания ошибочных, стереотипных представлений о задачах политики России в отношении Турции и балканских народов»²¹.

Книга, в которой Ирина Степановна впервые в историографии представила целостную картину балканской политики России первой трети XIX в., попутно исследовав целый ряд не изученных ранее вопросов (например, о русско-черногорских отношениях в 1814–1821 гг.), стала значительным явлением в отечественной балканистике. Она наглядно отразила переход исследователей к комплексному изучению балканской проблематики XIX века.

1970-е годы были весьма плодотворными в научном творчестве Ирины Степановны. Одна за другой выходят содержательные статьи, а их автор регулярно выступает с результатами своих изысканий на симпозиумах и конференциях, в том числе

за рубежом. Имя И.С. Достян уже хорошо известно в научных кругах балканских стран, прежде всего в Югославии и Болгарии. С большим уважением к Ирине Степановне относились болгарские ученые — академик Николай Тодоров и Крумка Шарова, а также югославские коллеги — академик Славко Гаврилович, академик Васа Чубрилович, Неманя Маджаревич, Климент Джамбазовски, Раде Петрович, Радован Йованович и др.

После защиты докторской диссертации в 1973 г. Ирина Степановна интенсивно работала над новой, третьей по счету, монографией. Вышедшая в 1980 г. под названием «Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов», она явилась логическим продолжением ее предыдущего труда. Однако если в книге «Россия и балканский вопрос» в центре внимания исследовательницы находилась деятельность российской дипломатии, то теперь главным объектом научного анализа стали вопросы российско-балканских общественных связей первой трети XIX в.

До Ирины Степановны русско-балканские контакты указанного периода были изучены недостаточно и фрагментарно. Более того, в историографии сложилось мнение, что на рубеже XVIII–XIX вв. «говорить о какой-либо роли балканских народов, их национально-освободительного движения в русской идеологической жизни преждевременно»²². Выступив против данной трактовки, Ирина Степановна указала на необходимость детально проанализировать происходивший в этот период процесс ознакомления русской общественности с историей и настоящим положением населения Европейской Турции, проследить, как складывались в России представления об этнокультурной и исторической общности между славянскими народами. При этом исследовательница полемизирует с теми западными учеными, которые любое проявление интереса в русском обществе к славянским и балканским народам связывали с панславистскими идеями.

В монографии представлена эволюция изображения балканских народов в русской литературе XVIII века, начиная с эпохи Петра I, и в этой связи дан анализ исторических трудов В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, а также произведений других авто-

ров — русских и зарубежных. Особое внимание уделено отношению к истории и культуре балканских и славянских народов первого русского революционера А.Н. Радищева. Этот вопрос до Ирины Степановны фактически не был исследован. В соответствующем разделе ее монографии введен в научный оборот целый ряд новых документов, прежде всего переводы иностранных сочинений, выполненные Радищевым, и примечания к ним, в которых содержатся его мысли относительно славянской общности. Под этим же углом зрения Ирина Степановна проанализировала поздние поэтические произведения Радищева. В частности, в его незаконченной поэме «Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам» (1801–1802) ярко отразились, по ее мнению, понимание Радищевым значения этнической и культурно-исторической общности славян, его интерес к проблеме славянского родства как фактору в развитии политических и культурных контактов²³.

В итоге Ирина Степановна приходит к выводу, что Радищев являлся противником экспансионистских планов царизма в отношении Константинополя и Проливов, а зарубежные славянские народы интересовали его как этнически родственные, имевшие в какой-то степени сходные национальные задачи. Такой подход, подчеркивает автор, «для своего времени был уникальным»²⁴.

Эта монография Ирины Степановны занимает, на мой взгляд, особое место в ее научном творчестве. И связано это, в первую очередь, с привлечением в качестве источника по истории русско-балканских связей материалов русской общественно-политической литературы и периодики первых десятилетий XIX в. Разумеется, историки прекрасно знают, что русская периодическая печать содержит немало исключительно интересных сведений о контактах русского и других народов. Но почему-то ранее считалось, что периодика начала XIX в. малоинтересна с точки зрения своих заграничных связей, а балканских в особенности. Ирина Степановна не согласилась с данным мнением и приступила к изучению публицистики по балканской тематике, отдав этой весьма трудоемкой работе очень много времени и сил. И была за это сторицей вознаграждена как ученый, ибо на страницах газет и журналов начала XIX столетия обнаружила настоящие

сокровища — уникальные свидетельства русско-балканских общественных связей. Конечно, их публиковалось не так много, как в последующие десятилетия, например, в 1860–1870-е годы, но они были и после издания трудов Ирины Степановны (в том числе за рубежом — в Болгарии, Югославии, Румынии) стали достоянием науки. Материал по балканской тематике в русской периодической печати, подчеркивает автор, «не исчерпывающ, но, основываясь на нем, можно получить достаточно ясное представление — как в русской публицистике изображались балканские народы и события, происходившие в турецких владениях»²⁵.

Заслугой Ирины Степановны, безусловно, является тщательное изучение содержания как известных изданий: «Русская старина», «Сын Отечества», «Русский вестник», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Библиографические листы», так и малоизвестных и почти совершенно не исследованных: «Северные Цветы», «Военный журнал», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Московский телеграф».

Лидером по «балканским» публикациям был журнал «Вестник Европы». В 1802–1804 гг. его издателем и редактором являлся Н.М. Карамзин. В результате изучения материалов периодики Ирина Степановна пришла к выводу, что наибольший интерес «Вестник Европы» и другие издания проявляли в начале XIX в. не к славянам, а к грекам, народу-фавориту всей «просвещенной Европы» того времени. Остальные балканские народы занимали в русских изданиях гораздо меньше места. И еще одно важное заключение: «...в публицистике второй половины 1810-х гг. балканская тема большей частью подавалась в аспекте сочувствия освободительным стремлениям национально угнетенных народов. Внимание российской общественности, особенно прогрессивной, к балканским событиям... резко возросло с началом в 1821 г. революционных событий в европейских владениях Османской империи и возникновением под воздействием их Восточного кризиса 1820-х гг.»²⁶.

Несомненным достоинством книги Ирины Степановны являются и яркие, запоминающиеся портреты целого ряда русских исторических деятелей, имевших в начале XIX в. контакты с представителями балканских народов, поборников оказания

Россией помощи своим «единоверцам»: А.А. Самборского, В.Ф. Малиновского, В.Н. Каразина, А. Полева, А.М. Спиридова.

Впечатляет историко-биографический очерк об Андрее Афанасьевиче Самборском (1732–1815), влиятельном придворном священнике, образованном, энергичном и талантливом человеке, законоучителе и преподавателе английского языка русских великих князей (в том числе будущего императора Александра I), духовника великой княжны Александры Павловны, будущей жены венгерского палатина эрцгерцога Иосифа. Изучив архив Самборского, Ирина Степановна пришла к выводу, что этот деятель «сыграл немалую роль в расширении политических и общественных связей России с балканскими народами». Интересно, что она сравнивает Самборского с Михаилом Федоровичем Раевским (1811–1884), который несколько десятилетий спустя, будучи настоятелем русской посольской церкви в Вене, установил обширные контакты с национально-общественными и политическими деятелями славянских народов в Османской империи и Габсбургской монархии²⁷.

Не менее ярко представила Ирина Степановна еще одну выдающуюся личность, оригинального мыслителя, первого директора Царскосельского лицея Василия Федоровича Малиновского (1765–1814). Он был участником Ясского конгресса, завершившего русско-турецкую войну 1787–1791 гг., а также генеральным консулом России в Молдавии и Валахии в начале XIX в. Как показала Ирина Степановна, немалое место в его взглядах занимали идеи социально-политической перестройки Юго-Восточной и Центральной Европы. Анализ творчества Малиновского, на основе его опубликованных сочинений и новых архивных документов, позволил исследовательнице говорить о нем как «об одном из зачинателей идеи славянского единения в русской общественной мысли», не связанной у него «со столь обычной для позднейших концепций такого рода идеализацией славянской общности, с противопоставлением славян другим нациям Европы, с националистическими устремлениями»²⁸. Впервые в историографии Ирина Степановна подробно рассмотрела идеи Малиновского о политическом самоопределении народов, создании национальных государств и их федеративных союзах. И как результат ее

изысканий и размышлений — следующий очень важный вывод: «Подход выдающегося русского просветителя-демократа и гуманиста к вопросу о национальном освобождении и политическом будущем народов Юго-Восточной и Центральной Европы как бы предварял и идеологически подготавливал позицию, которую впоследствии заняли декабристы»²⁹.

Галерею исторических портретов, представленных в третьей монографии Ирины Степановны, безусловно, украсили яркие жизнеописания и других выдающихся русских деятелей, ученых и мыслителей. Среди них: Василий Назарьевич Каразин (1773–1842), автор ряда научных открытий, основатель Харьковского университета, сторонник оказания Россией помощи сербам в деле их освобождения и создания Сербского независимого государства; Александр Полев (1757–1818), «странный отставной майор», как пишет Ирина Степановна, впервые в историографии создавшая его портрет на основе открытых ею архивных материалов. Полев был ярким противником Наполеона, его «тиранической власти» в Европе, автором многочисленных философских трактатов и внешнеполитических проектов, которыми досаждал даже царю. Их главная идея — необходимость осуществления Россией своей освободительной миссии в отношении угнетенных славянских и других европейских народов.

Весьма интересен и исторический портрет малоизвестного ранее Алексея Матвеевича Спиридова (1785 или 1786–1830?), автора обширной статьи «Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в европейской части Турецкой империи» (журнал «Северный архив», 1825 г.), написанной на основе его личных впечатлений от общения с представителями балканских народов в 1818–1823 гг. Ирина Степановна отдает должное стремлению А.М. Спиридова «осмыслить реально существующие общности и различия в сложнейшей демографической структуре Балканского полуострова»³⁰, хотя и определяет его представления как ошибочные и упрощенные.

Ирина Степановна рассмотрела также взгляды по балканскому вопросу С.М. Броневского, П.П. Свиньина, А.С. Кайсарова, А.И. Тургенева и др. Многие из приведенных ею материалов представляют интерес и для истории отечественной славистики,

например, незавершенный труд А.С. Кайсарова «Сравнительный словарь славянских наречий». Его автор, по мнению исследовательницы, «один из первых русских ученых, который попытался определить основные задачи и методы славяноведения»³¹.

Разумеется, в книге, посвященной отражению в русской общественной мысли балканского вопроса в первой трети XIX в., Ирина Степановна не могла обойти своим исследовательским вниманием тему «Декабристы и революционное движение на Балканах». В её историографию, представленную в советский период работами М.В. Нечкиной, Б.Е. Сыроечковского, С.С. Ланды, О.В. Орлик, А.В. Фадеева, Г.Л. Арша и др., Ирина Степановна внесла свой важный вклад, высказав при этом ряд новых суждений.

Декабристы сочувствовали всем народам, боровшимся за свое социальное и национальное освобождение, в особенности находившимся под властью османов, и прежде всего греческому. Ирина Степановна подчеркнула, что оказание помощи грекам, боровшимся в начале 1820-х годов за политическую независимость, явилось одним из основных требований, выдвигавшихся декабристами в области внешней политики, и вслед за тем подробно рассмотрела взгляды ряда декабристов — А.В. Поджио, В.И. Штейнгеля, П.И. Пестеля и др. — в связи с революционными событиями на Балканах.

При всех неясных и спорных моментах, связанных с деятельностью в 1820–1821 гг. членов декабристской организации в Кишиневе, остается несомненным, по мнению автора, то, что они имели непосредственные контакты с руководителями греческой тайной организации Филики Этерия и стремились использовать революционные события на юго-востоке Европы, русско-турецкую войну в борьбе против царизма. Версию, которую выдвинул С.С. Ланда, — о существовании соглашения между руководителем этеристов А. Ипсиланти и командиром 16-й дивизии, стоявшей в Бессарабии, генерал-майором М.Ф. Орловым о совместной подготовке восстания греков, Ирина Степановна считала неосновательной. Вместе с тем, по её мнению, «можно полагать, что Орлова привлекала мысль сочетать дело освобождения народов Юго-Восточной Европы — от национального гнета и народов России — от оков самодержавия»³².

Рассматривая отражение балканского вопроса во внешнеполитических планах П.И. Пестеля, Ирина Степановна отметила ряд неточностей, прочно закрепившихся в литературе. Так, она скрупулезно проанализировала большой массив документов о служебной деятельности Пестеля в 1821 г. (командировки в Бессарабию) и пришла к выводу, что мнение, будто бы русский революционер намеревался оказывать практическую помощь восставшим грекам, произвольно. По её убеждению, речь шла лишь «о разработке с участием Пестеля правил приема на русской границе беженцев из княжеств (Дунайских. — С.Д.)»³³.

В монографии рассмотрен также вопрос об авторстве и назначении известной записки «Царство Греческое», найденной в архиве П.И. Пестеля. Он относится в отечественной историографии к числу дискуссионных. Так, Б.Е. Сыроечковский считал, что по содержанию этот документ походит на незаконченный проект политической перестройки Балканского полуострова после падения власти турок и ликвидации австрийских владений на побережье Адриатического моря. Имелось в виду создание государства федеративного или разделенного на области, пользующиеся значительной самостоятельностью. По мнению Б.Е. Сыроечковского, записка «Царство Греческое» являлась личным творчеством Пестеля и была составлена на случай активного вмешательства России в греко-турецкий конфликт³⁴. В противоположность этой точке зрения М.В. Нечкина утверждала, что документ — не личное творчество Пестеля, а одно из предложений этеристов, с которыми Пестель общался во время командировок в Бессарабию весной 1821 г., и что он отражает взгляды на политическое будущее освобожденных от власти османов земель наиболее умеренного течения греческого освободительного движения³⁵. По мнению же Ирины Степановны, «записка — не плод творчества одного лица — Пестеля или какого-либо этериста, а результат обдумывания балканской проблемы вождем Южного общества и каким-то греческим деятелем, совмещающий их взгляды в этом вопросе»³⁶. При этом исследовательница дала новую (отличную от Б.Е. Сыроечковского) датировку записки — не июль–август, а март–апрель 1821 г., исходя из ее содержания и анализа событий на Балканах. Весьма интересна оценка этого

документа в рассматриваемой монографии. Во-первых, Ирина Степановна отметила, что в записке достаточно определенно выражены филэллинские тенденции решения балканской проблемы, и это было весьма характерно не только для декабристов, но и для многих прогрессивных деятелей России того периода. Во-вторых, по её мнению, проект «Царство Греческое» был «нереальным», ибо «сам замысел объединения в одном государстве областей, очень разнородных по общественно-экономическому укладу, национальному составу населения, был утопичен и не соответствовал тенденциям исторического развития народов Юго-Восточной Европы»³⁷.

В заключительной части монографии рассмотрены идеи единения славянских народов и представления об их этнической общности, имевшие место в русской общественной мысли в 1815–1825 гг. В частности, подробно прослеживается эволюция взглядов по славянскому вопросу в самой декабристской среде, особенно в программе «Общества соединенных славян», главным идеологом и руководителем которого являлся подпоручик П.И. Борисов, наиболее последовательный приверженец идеи объединения славянских народов на федеративных началах. Эта идея «впервые оказалась увязанной с задачей социальных преобразований в России», что являлось «совершенно новым явлением в русской общественной мысли»³⁸.

Одним из главных выводов данного раздела монографии является следующий: ни о каком объединении славян в единое государство не было и речи в планах ни Южного, ни Северного обществ. Идеи единения славянских народов полностью отсутствуют и в проекте конституции Никиты Муравьева, и в «Русской правде» П.И. Пестеля, в которых рассматривались внутренние преобразования только в России, ее будущая система правления и т.д.³⁹. В записке «Царство Греческое» не было речи ни об объединении южнославянских народов в одно государство, ни о присоединении их к России. Сербь, болгары и босняки должны были войти в состав государства, в котором преобладающие позиции заняли бы греки, как народ наиболее развитой в экономическом и политическом отношении по сравнению с другими подданными султана. Вместе с тем, по мнению Ирины Степановны, «имелась

проблема, входившая в общий комплекс идей славянского единения, которая действительно привлекала большой интерес идеологов декабризма. Она касалась установления русско-польских дружеских контактов, союза и совместных действий русских и польских революционеров»⁴⁰.

Весьма важным представляется вывод исследовательницы о том, что рост значения славянских и балканских проблем в русской общественной мысли был связан с развитием национального самосознания русских, составной частью которого являлось осознание славянского этнического родства. Это повышало интерес к зарубежным славянам, их языкам, культуре и современному положению⁴¹.

Рассмотренная монография И.С. Достян стала значительным явлением в отечественной балканистике. Она и сейчас поражает широким охватом тем, проблем и сюжетов, новизной целого ряда оценок и уникальными документами. Изданная в 1980 г., она «стала в определенной степени ... предшественницей популярных ныне работ, в которых обобщаются разнообразные свидетельства русских о славянских и балканских народах»⁴², — констатировал К.В. Никифоров. И он же дал, на мой взгляд, очень точную и глубокую оценку всех трех монографий Ирины Степановны: «... они... ничуть не устарели, проверка времени ими пройдена, без всякого сомнения. За прошедшие годы ничего лучшего по этой проблематике и периоду... сделано не было... И даже обязательные в те годы ссылки на произведения классиков марксизма-ленинизма... даны весьма умеренно; не мешает восприятию и так называемый "классовый подход"... Книги И.С. Достян базируются на многочисленных архивных и других документальных источниках, на таланте исследователя и на ее искренней любви к балканским народам. А это устареть не может»⁴³.

«Монографический период» в научной деятельности И.С. Достян закончился с публикацией ее третьей монографии, и ... началась «эра коллективных трудов». Следует отметить, что именно они с начала 1980-х годов стали приоритетными в планах Института славяноведения и балканистики. Возможно, это был

необходимый этап развития науки, но очень жаль, что зачастую у исследователей, трудившихся над их созданием, не оставалось ни времени, ни сил для реализации индивидуальных творческих замыслов. Разумеется, Ирина Степановна в этот период писала и публиковала статьи, в том числе за границей, но всё же ключевыми, определяющими для ее научной деятельности 1980-х годов являлись коллективные работы.

Среди них, в первую очередь, следует отметить труд «Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг.» (М., 1983). Именно с него начиналась серия исследований по истории международных отношений в этом регионе в XVIII — начале XX вв., задуманная В.Н. Виноградовым и осуществленная под его руководством на протяжении последующих 20 лет целым коллективом авторов.

Период 1815–1830 гг. лежал в сфере исследовательских интересов Ирины Степановны, и поэтому вполне понятно ее участие в создании вышеупомянутого труда. Разумеется, некоторые вопросы ею уже были разработаны в книге «Россия и балканский вопрос» и ряде статей. Однако новая работа Ирины Степановны не была «перелицовкой» уже написанного и изданного. Ведь в «Международных отношениях» перед авторами стояла несколько иная задача: не только показать деятельность на Балканах российской дипломатии, но и проанализировать балканскую политику других держав — Великобритании, Франции, Австрии, Пруссии, Турции. И авторский коллектив (В.Н. Виноградов, Г.Л. Арш, И.С. Достян, Л.Е. Семенова, В.И. Шерemet) достойно справился с этой задачей.

В рассматриваемом труде перу И.С. Достян принадлежат 12 параграфов в четырех главах из семи. В них она исследовала следующие вопросы: международная обстановка в Юго-Восточной Европе в 1813–1814 гг.; дипломатическая борьба по балканскому вопросу в период Венского конгресса; международное положение в Юго-Восточной Европе и политика великих европейских держав в отношении Турции, Дунайских княжеств, Сербии и Черногории в 1816–1820 гг.; действия великих держав в балканском вопросе в 1821–1825 гг.; балканская проблема в годы русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

Обобщив и проанализировав обширный материал, Ирина Степановна обогатила балканистику и историю международных отношений XIX века обоснованными выводами, относящимися к важнейшим этапам балканского направления международной жизни в 1815–1830 гг. Так, в качестве одного из этих этапов ею был выделен Венский конгресс 1813–1814 гг. и создание Священного союза. Она последовательно рассмотрела позиции и действия в этот период России, Австрии, Англии, Франции и Турции; переговоры об Ионических островах; попытки русского правительства решить сербский вопрос. «В правящих кругах Стамбула и на Западе, — пишет исследовательница, — выражались опасения, что царизм намеревается под прикрытием Священного союза приступить к широкой экспансии на Востоке. Такая версия впоследствии широко распространилась в западноевропейской историографии. Она полностью расходилась с истиной»⁴⁴. И это утверждение подкреплено в книге целым рядом неопровержимых фактов.

Значительное место уделила Ирина Степановна действиям европейских держав в отношении Турции и балканских народов в 1816–1820 гг. Политика Петербурга в этот период, по её определению, «была наиболее активной в Дунайских княжествах и Сербии, внешне сдержанной в отношении греческих земель, очень осторожной в Черногории и пассивной в Болгарии»⁴⁵. В связи с этим Ирина Степановна впервые в историографии ставит вопрос: чем объяснить тот очевидный факт, что такой крупный южнославянский народ как болгары играл в первых десятилетиях XIX в. сравнительно небольшую роль в российской политике в Юго-Восточной Европе? И объясняет это следующим образом. Во-первых, ведя достаточно осторожную и реалистичную политику, царизм не рисковал подрывать власть Порты в том регионе, который составлял опорную базу турецкого владычества на юго-востоке Европы. Во-вторых, болгарские земли пока оставались вдали от крупных международных конфликтов, здесь не происходили массовые восстания населения, а имели место лишь локальные антитурецкие выступления. Среди прочих обстоятельств автором отмечаются и такие факторы как засилие в стране греков-фанариотов, выступавших в Константинополе

от имени болгар, но не в их интересах, а также отсутствие в болгарских землях деятелей, которые бы могли представить национальные интересы болгар перед европейскими кабинетами⁴⁶.

Не меньшее внимание уделила Ирина Степановна политике великих держав, прежде всего России, в отношении Дунайских княжеств в 1816–1820 гг. При этом она рассмотрела не только внешнеполитический аспект темы, но и особенности их внутриполитического и экономического развития.

Обратившись к сербскому вопросу, Ирина Степановна подробно исследовала контакты России с Милошем Обреновичем, стремившимся после завершения Второго сербского восстания (1815 г.) добиться признания Портой своих наследственных прав на княжескую власть в Сербии. Анализируя сложный процесс становления сербской государственности, автор подчеркивает важный момент: основы государственного устройства Сербии Россия разработала исходя из сербских исторических традиций⁴⁷.

Ценным вкладом в историографию явилось дальнейшее глубокое изучение И.С. Достян вопроса о русско-черногорских отношениях после 1814 г. В распоряжении автора оказались документы, из которых следует, что политические контакты между Черногорией и Россией во второй половине 1810-х годов были довольно оживленными, хотя Петербург и старался скрыть их от Порты и венского двора⁴⁸.

Несомненной заслугой И.С. Достян является то, что в данном разделе она обратилась к деятельности главы черногорского государства в этот период — Петра I Петровича Негоша, незаслуженно «забытого» отечественными историками. А ведь именно он не только боролся с племенным сепаратизмом в Черногории, но и вел активную внешнюю политику, целью которой, в первую очередь, было международное признание статуса его страны как независимого государства.

Свой вклад внесла Ирина Степановна и в разработку проблемы «Восточный кризис 20-х годов XIX в.», которая заняла одно из ведущих мест в «Международных отношениях на Балканах. 1815–1830 гг.». Ею были подробно рассмотрены действия великих держав в 1821–1825 гг. в связи с греческой революцией. Наиболее ярко, на мой взгляд, автором была представлена политика

Великобритании. Однако Ирина Степановна не ограничилась изучением лишь внешнеполитического аспекта темы. Интересно ее описание попыток греческих повстанцев привлечь к военному сотрудничеству Черногорию и Сербию, которого, впрочем, не получилось.

В заключительном параграфе главы, посвященной русско-турецкой войне 1828–1829 гг., рассмотрен вопрос о мерах по выработке правительством Николая I конкретной программы действий, начиная с 1827 г., на случай того или иного развития событий на Балканах и Ближнем Востоке. Однако это были всего лишь планы. Ирина Степановна вновь подчеркивает, что «царское правительство совсем не хотело доводить дело до падения Османской империи»⁴⁹.

Второй коллективный труд 1980-х годов, в котором Ирина Степановна выступила не только в качестве автора, но и ответственного редактора, — «Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII — 70-е годы XIX в.)» (М., 1986). При написании Предисловия, Заключения и ряда разделов она работала в соавторстве со своими коллегами — В.И. Фрейдзоном, К.И. Логачевым и В.П. Грачевым, но, разумеется, ее вклад в этот труд был значительным.

Уникальность рассматриваемой коллективной монографии заключается в том, что в ней впервые в отечественной историографии изучено формирование национальных государств на Балканах, систематизирован и обобщен сложный комплекс внутренних процессов в ходе их создания, а также показано влияние на эти процессы международной обстановки и политики европейских держав. Наряду с этим, авторы труда проследили формирование идей и программ, касающихся проблем государственности у различных балканских народов.

Как выше уже отмечалось, Ирина Степановна являлась автором ряда разделов: в соавторстве с К.И. Логачевым — «Греческие земли в конце XVIII–начале XIX в. Ионическая республика» и «Греческая национально-освободительная революция 1821–1829 гг. и создание Греческого государства»; в соавторстве с В.П. Грачевым — «Формирование сербского национального государства в период Первого сербского восстания 1804–1813 гг.»;

самостоятельно ею были написаны два раздела: «Борьба за признание автономии Сербского княжества» и «Конституционная проблема в Сербском княжестве в 1830-е годы. Режим уставо-бранителей».

При рассмотрении данного труда хотелось бы отметить раздел, касающийся Первого сербского восстания. Он был написан с учетом богатейших материалов российских архивов, часть из которых к тому времени уже была опубликована в совместном советско-югославском издании (см. ниже).

Заслуживает внимания анализ внутреннего развития Белградского пашалыка накануне восстания и особенно функционирования органов местного самоуправления, сыгравших важную роль в процессе складывания основ государственного устройства на освобожденной от турецкой власти территории. И, разумеется, здесь детально представлены основные этапы восстания и развития русско-сербских отношений. Это был значительный вклад советских историков, в том числе Ирины Степановны, в разработку, казалось бы, детально изученной югославскими учеными проблемы.

При рассмотрении процессов, происходивших в Сербии после 1815 г., И.С. Достян пришла к выводу, что в этот период в процессе формирования сербской государственности «произошло замедление, но он продолжался, хотя и в менее благоприятных условиях, при сильном вмешательстве со стороны турецких властей»⁵⁰. Интересны материалы о взаимоотношениях князя Милоша Обреновича с русским правительством, которое считало необходимым ограничить его власть Сенатом или Советом. В этой связи весьма важен один из выводов автора: «Русская дипломатия, участвуя в разработке принципов государственного устройства Сербии, конечно, не способствовала насаждению буржуазно-демократических порядков..., но и попыток утвердить в молодом балканском государстве систему власти и порядки, схожие с существовавшими в России, не предпринималось»⁵¹. При анализе социально-политического развития Сербии 1830-х годов Ирина Степановна указала на его специфическую особенность: «... привилегированный слой, формируясь из среды представителей местного самоуправления, а также зажиточных

торговцев и крестьян, тесно срастался с чиновничье-бюрократическим аппаратом княжества»⁵².

1840-е годы в истории Сербского княжества были не менее драматичны. Следует отметить, что в своих более ранних работах Ирина Степановна до этого периода еще не доходила. Представляется, что она совершенно справедливо сосредоточила свое внимание на главных событиях правления в Сербии уставообразителей (защитников Устава), подчеркнув при этом, что Россия была противницей их режима, ориентировавшегося на Австрию.

Проанализировала исследовательница и очень важный документ — внешнеполитическую программу Сербского княжества «Начертание», составленную в 1844 г. министром внутренних дел И. Гарашанином, которая ставила задачу национального освобождения южных славян и их политического объединения под главенством сербской династии, что имело великодержавную направленность.

В 1980-е годы Ирина Степановна активно участвовала также в двух академических проектах, связанных с публикацией архивных документов.

Еще в конце 1970-х годов академик А.Л. Нарочницкий привлек ее к работе над изданием документов «Внешняя политика России XIX и начала XX в. (II серия. 1815–1830)» («ВПР»)»⁵³. Трудиться, как вспоминала Ирина Степановна, приходилось много, сознавая при этом огромную ответственность, так как работа курировалась МИД СССР. В ее обязанности входили отбор тех документов, которые предоставляли исследователям сотрудники Архива внешней политики России (ныне — АВПРИ), а также участие в регулярных заседаниях редколлегии и встречах издателей с мидовским начальством, ответственным за публикацию и осуществлявшим постоянный контроль.

Наряду с «ВПР», Ирина Степановна участвовала в работе над публикацией документов из отечественных архивов «Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия» (М., 1980–1983. Кн. I–II). Она являлась ответственным редактором II-й книги (вместе с югославским академиком В. Чубриловичем), а также одним из составителей и комментаторов этого советско-югославского издания.

Публикация включает уникальные, в большинстве своем ранее не известные документы, которые впервые систематизированно освещают политику России в сербском вопросе в начале XIX в., в том числе вопросы об отношении русских правящих кругов к повстанцам, о русской военной помощи, о поездках сербских депутатов в Петербург и штаб Молдавской армии и др.

1990-е годы, уже ушедшие в историю, были непростым временем — и в житейском, и в профессиональном плане. И хотя сейчас модно провозглашать, что с началом перестройки и борьбы против догматизма и схематизма в исторической науке произошел коренной перелом, я не могу в полной мере приложить данное утверждение к трудам большинства моих коллег — славистов и балканистов старшего поколения, в том числе И.С. Достян. Да, разумеется, в советскую эпоху ученые часто делали обязательные для того периода «марксистские реверансы», но это не влияло на качество их научных трудов. Они всегда старались, опираясь на документы и факты, уходить от прямолинейных и односторонних оценок и, несмотря на трудности переходного периода, остались верными своему призванию.

«Демократка» — так в последние годы своей жизни иронично называл Ирину Степановну академик Ю.А. Писарев (1916–1993), имея в виду ее неизменно одобрительные высказывания по поводу перемен в политической жизни страны. Но еще и потому, что она написала «статью против классиков» — так мы, «секторские», окрестили ее произведение, опубликованное в журнале «Советское славяноведение» в 1991 г. (№ 2) под названием «Политика царизма в Восточном вопросе: верны ли оценки К. Маркса и Ф. Энгельса»⁵⁴. На мой взгляд, эта статья занимает особое место среди трудов И.С. Достян, в концентрированном виде демонстрируя ее профессионализм и достижения в изучении одной из важнейших исторических проблем. Первоначально, как поведала мне однажды Ирина Степановна, статья предназначалась для журнала «Вопросы истории», но даже в 1990 г. руководство этого издания, видимо, сочло ее чересчур новаторской и отказалось печатать.

Следует подчеркнуть, что основные положения этой работы не были для научного творчества Ирины Степановны чем-то абсолютно новым, как говорится, «разворотом на 180 градусов».

Мы, ее коллеги по сектору, были уже знакомы с ними и неоднократно слышали их в 1970-е годы, во время обсуждения различных трудов о балканской политике России на наших заседаниях и на теоретических семинарах (была такая форма научных собраний по секторам, теперь уже забытая). Помню, какое впечатление на меня, в то время молодую сотрудницу, недавнюю выпускницу МГУ, прошедшую суровую идеологическую школу истфака (о классиках можно было говорить лишь с пиететом и благоговением перед их бессмертными, не подлежащими сомнению выводами), произвела, мягко говоря, иная точка зрения. И было это задолго до перестройки. Ирина Степановна считала, что Маркс и Энгельс были, прежде всего, революционерами и на политику царизма в Восточном вопросе смотрели с точки зрения революции, а, значит, односторонне. К тому же в их распоряжении было очень мало достоверных источников, которые впоследствии стали известны ученым. Именно поэтому оценки классиков марксизма не могут в полной мере отражать суть процессов, происходивших на Балканах, и это нужно учитывать. Подчеркну, что это говорилось не в наши дни, а в те годы, когда научная статья, монография, диссертация обязательно должны были начинаться с цитат «из классиков» (дело доходило до анекдотических ситуаций типа: «Маркс писал, что Дунай — большая река»). Так что у Ю.А. Писарева были все основания называть Ирину Степановну «демократкой». Вспоминая сейчас то время, думаю, что она пришла к выводу о «заблуждениях» классиков постепенно, по мере углубления своих «балканских» исследований. И это жило в ней задолго до того, когда на критику и несогласие со взглядами Маркса и Энгельса было «дано» разрешение. Жило, не давало ей покоя как ученому и гражданину и время от времени прорывалось на свободу...

В вышеуказанной статье Ирина Степановна развивает свою точку зрения по данному вопросу. По её мнению, у Маркса и Энгельса в отношении России и ее внешней политики была «достаточно стройная и четкая концепция». Для них было очевидным, что «от турок следует освободиться»⁵⁵, но не Россия должна осуществить эту задачу, а европейская революция. При этом, не будучи «беспристрастными исследователями междунаро-

ной жизни Европы», подчеркивает автор, классики марксизма использовали в качестве источников для своих работ по внешней политике царизма публицистику и литературу русофобско-туркофильского толка, получившие значительное распространение в Западной Европе в 1840–1870-е годы⁵⁶.

В своей статье Ирина Степановна, с позиции науки конца XX в., прослеживает основные этапы балканской политики России, начиная с эпохи Екатерины II и русско-турецкой войны 1768–1774 гг., показывает особенности политики России в отношении отдельных балканских народов, ее просчеты, неудачи, иногда грубые методы в отношении слабой стороны. Ссылаясь на уже существующую научную литературу, она приводит устоявшиеся в отечественной историографии мнения. При чтении этой статьи вас не покидает ощущение, что исследовательница, в свойственной ей спокойной манере, как бы ведет дискуссию, полемизирует с Марксом и Энгельсом по поводу их высказываний по тем же вопросам, какими долгие годы занималась она сама. И в качестве аргумента в защиту своей позиции Ирина Степановна указывает на целый ряд неточностей в работах классиков, ошибочных утверждений, не соответствующих реальным фактам (о балканской политике Николая I, об Ункяр-Искелесийском договоре 1833 г., о согласованном австро-русском плане уничтожения и раздела Османской империи, о «русских агентах» на Балканах, о целях царизма в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и др.). При этом Ирина Степановна вовсе не «охаивает» классиков, как это порой случается в литературе последних десятилетий, она старается подходить к их взглядам с научной объективностью и, разумеется, она не на «стороне царизма». Так, говоря об объективно-прогрессивных результатах политики России в отношении Турции и балканских народов, Ирина Степановна пишет: «Однако вряд ли следует эту формулу абсолютизировать, превращать в ключ к пониманию балканской политики царизма, в критерий ее оценки. Такой подход вел бы к разрыву целей и результатов этой политики. Между тем на ее результаты активно влияли своекорыстные цели царизма»⁵⁷.

Ирина Степановна подчеркивает, что высказывания классиков — «нередко меткие и верные» — помогают избежать идеа-

лизации курса царского правительства в отношении балканских народов, преуменьшения его корыстных целей, приукрашивания русско-балканских связей. Но их концепция данных проблем не может служить ключом к пониманию характера, целей и результатов российской политики в Восточном вопросе.

В этой работе Ирина Степановна фактически призвала ученых, своих коллег, отказаться от прежнего подхода к наследию Маркса и Энгельса и рассматривать их концепцию внешней политики царизма, в частности, политики в Восточном вопросе, лишь «как одно из направлений революционной западноевропейской мысли»⁵⁸.

Помимо «статьи против классиков», в 1990-е годы Ирина Степановна опубликовала еще несколько интересных работ, в том числе по историографии Восточного вопроса, о национально-освободительной борьбе балканских народов и др. Но всё же главным в ее научной деятельности, как и в 1980-е годы, было участие в коллективных обобщающих трудах.

На мой взгляд, в этот период исследовательница переживала свой «научный Ренессанс». Может быть, это следует обозначить как-то иначе, но факт остается фактом — в исследование своих «любимых» тем ей удалось внести немало нового.

Именно это можно сказать, к примеру, об ее участии в труде «Александр I, Наполеон и Балканы» (Балканские исследования. Вып. 18. М., 1997.). В нем речь вновь идет о балканской политике России, но наряду с этим значительное внимание уделено международной обстановке конца XVIII — начала XIX вв. В разделе «Балканская панорама» Ирина Степановна специально останавливается на вопросе о ситуации в Черногории и русско-черногорских контактах с конца XVIII в. (в период правления императора Павла I). Попутно заметим, что в книге «Россия и балканский вопрос» об этом почти ничего не говорилось. В «Балканской панораме» исследовательница рассмотрела конфликт между русским правительством и черногорским митрополитом Петром I Негошем в начале XIX в., о чем раньше замалчивалось в отечественной историографии. Наряду с этим в разделе «Возрождаемая балканская государственность» Ирина Степановна представила краткий перечень планов, программ и проектов

возрождения балканских государств, начиная с XVIII в., принадлежавших как русским, так и балканским деятелям. «...по-степенно, — пишет она, — обрисовывались контуры возрождения балканской государственности на национальной основе. И сколь бы корыстны ни были мечты самодержавия о гегемонии в регионе, в проектах наличествовало здоровое ядро, мысль о перекройке карты Юго-Восточной Европы по национальному признаку»⁵⁹.

Особая тема в научном творчестве Ирины Степановны в 1990-е годы — роль православной религии и сербской церкви в процессе складывания сербской нации. В своих работах, написанных в предшествующие десятилетия, она, разумеется, уже затрагивала эту проблему, однако раньше изучать ее специально не было принято. И вот теперь Ирина Степановна получила возможность высказаться и по этому поводу, а также ввести в научный оборот новые документы. По вышеуказанной теме она вначале опубликовала небольшую статью⁶⁰, в которой рассмотрела три периода в деятельности Печской патриархии (1557–1766 гг.), а также привела интересные факты из истории русско-балканских связей по линии церкви. Более подробно эта тема была ею раскрыта в обобщающем коллективном труде «Роль религии в формировании южнославянских наций» (М., 1999), для которого она написала раздел «Православная церковь и складывание сербской нации» (в соавторстве с А.В. Карасевым, однако большая часть текста принадлежит перу Ирины Степановны). В этой работе дан аналитический очерк истории сербской православной церкви, начиная с эпохи раннего Средневековья, подчеркиваются ее значение в эпоху турецкого господства и решающая роль в этносоциальном объединении сербского народа.

Глубокое знание всех периодов сербской истории позволило Ирине Степановне прийти к целому ряду важных выводов. Так, она подчеркивает значение деятельности духовенства для упрочения национального единства сербов, закрепления общности их обычаев и исторических традиций, что в начале XIX в. «облегчило борьбу... за освобождение от турецкой власти»⁶¹. По мнению автора, уничтожение в 1766 г. Печской патриархии не нанесло существенного урона национальным интересам сербов, так как уже «появились новые организационные центры православия,

сыгравшие роль в национальном развитии югославянских народов, в их освободительной борьбе», — Карловацкая митрополия и Черногория (во время правления митрополитов из династии Петровичей)⁶².

Бесспорной заслугой Ирины Степановны является то, что она подробно изучила вопрос о «специфических условиях» развития православной церкви в Черногории, связанных с особым статусом последней в составе Османской империи (с конца XVIII в. она фактически стала независимой от Порты). В таком аспекте данная проблема в отечественной историографии еще не рассматривалась. Разумеется, многие вопросы, которые были затронуты автором, еще нуждаются в более глубоком исследовании. И, тем не менее, Ирине Степановне удалось представить общую картину развития православной церкви в Черногории, имевшей большое значение в формировании национального самосознания черногорского народа, а также показать роль отдельных выдающихся деятелей в данном процессе.

В этом труде Ирина Степановна обратилась также к вопросу о роли православной церкви в Воеводине, имевшей свою, отличную от Сербии, историческую судьбу, так как Воеводина входила в состав сначала Австрии, а затем Австро-Венгрии. При этом, замечает автор, «сколько-нибудь значительной германизации или мадьяризации сербов не наблюдалось. Оберегателем религиозного единства, а потому и национальной общности, выступило православное духовенство, что в значительной мере поддерживало его высокий авторитет»⁶³.

В 1997 г. появился еще один труд с участием И.С. Достян — «На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX вв.».

Ирина Степановна является автором двух его разделов: «Сербь и черногорцы в борьбе за национальное освобождение» и «Укрепление государственности Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы (1820—1850-е гг.)», в которых она кратко изложила историю Сербии и Черногории в указанный период, выделив ключевые проблемы. Наряду с этим здесь представлен весьма впечатляющий истори-

ческий портрет князя Милоша Обреновича, вождя Второго сербского восстания. По оценке Ирины Степановны, он — «сильная фигура в сербской истории», человек противоречивый, а с моральной точки зрения «отвратительный». И, тем не менее, при нем «престиж и влияние автономного Сербского княжества постепенно распространялись. Притягательный центр сербского освободительного движения в 1830-е гг. фактически определился»⁶⁴.

Отличительной чертой Ирины Степановны как ученого являлось то, что в своих исследованиях она очень уверенно и смело «шагала» по столетиям. Вот только что пребывала в Сербии и Черногории накануне Крымской войны, а теперь приглашает нас, своих читателей, в Средневековье. В данном случае речь идет о коллективном институтском труде «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.» (Ч. 1. М., 1998; Ч. 2. М., 2001). В дружный коллектив медиевистов Ирина Степановна была приглашена как специалист по международным отношениям на Балканах. Разумеется, историография, проблемы и сюжеты данной темы ей были хорошо известны — еще со времени работы над «Историей Югославии». На этот раз задача заключалась в том, чтобы обобщить имевшийся в ее распоряжении материал и сделать необходимые выводы, с чем она прекрасно справилась. В разделах, написанных Ириной Степановной, затронут целый комплекс вопросов: балканские народы в составе Османской империи; политика европейских государств в этом регионе; балканские народы и Россия; освободительное движение на Балканах. Очень важен один из главных выводов, сделанный исследовательницей: «Исламизация и колонизация балканских земель мусульманами всё же не изменила существенно конфессиональной принадлежности и демографии большей части полуострова, однако создала слой населения, духовно привязанный к Османской империи, рассчитывающий на ее защиту. Это, несомненно, разобщало национальные общности, затрудняло контакты между ними, что препятствовало развитию освободительного движения. С другой стороны, курс, направленный на притеснение таких общественных слоев как духовенство, феодалы-христиане, привилегированная рая, стимулировал борьбу за освобождение от власти султана»⁶⁵. Авто-

ром также был отмечен ряд особенностей в отношении Порты к своим подданным, указаны различия в положении отдельных областей и районов Балкан, находившихся под властью османов.

Говоря об антиосманском освободительном движении балканских народов в XVII в. и его основных формах, Ирина Степановна привела немало новых фактов, особенно об участии греков и южных славян в войнах Австрии и Венецианской республики с Турцией. Документы свидетельствуют о том, что с началом соперничества в борьбе за политическое влияние в регионе между Россией и Австрией возросла роль балканских народов в общем комплексе международных отношений в Юго-Восточной Европе. При этом Россия опиралась на религиозную общность, этническую и языковую близость с народами Балкан, а Австрия использовала географический фактор, экономические связи, наличие в самой Империи районов с компактными поселениями сербов⁶⁶.

Ирина Степановна прожила 80 лет в XX веке и вместе с нами вступила в XXI столетие. Она продолжала работать, не утратив интереса к науке. Ее перу принадлежат несколько опубликованных в этот период статей⁶⁷, как всегда познавательных, логично выстроенных. В планах Ирины Степановны было написание научно-популярной истории Сербии (начиная со Средневековья и до середины XIX в.), а также труда по отечественной историографии проблемы «Россия и Балканы». К сожалению, им не суждено было осуществиться.

Шесть десятилетий отдала служению науке Ирина Степановна Достян. Вся ее творческая жизнь прошла в Институте — начиная с 30 декабря 1948 г. Наряду с этим в разные годы она являлась членом Ученого и Диссертационного советов, возглавляла профком Института и никогда не уклонялась от участия в институтской общественной жизни.

Ирина Степановна работала методично, даже педантично, без суеты и поспешности, но увлеченно. Она была настоящим ученым, и поэтому ее труды не подвержены конъюнктуре. На всех работах Ирины Степановны незримо присутствует знак высокого качества. Фамилия Достян, предвещающая публикацию статьи,

монографии, раздела в коллективном труде или рецензии, означала, что читателю предлагается не очередной заумный опус и не наукообразная «скороспелка», а основательная, интересная работа, результат кропотливого труда авторитетного ученого.

Ирина Степановна всегда внимательно относилась к коллегам — своими советами, рекомендациями она очень помогала им в работе, а также публиковала рецензии на их труды: на монографии Г.Л. Арша, В.И. Шеремета, молдавского историка Г.С. Гросул, болгарских ученых С. Димитрова и К. Манчева, академика Н. Тодорова, на ряд томов издания «ВПр», на несколько коллективных трудов коллег из Института отечественной истории РАН и др.

В разные годы Ирина Степановна достойно представляла отечественную науку за рубежом. Ее статьи публиковались в солидных научных изданиях бывшей Югославии, Румынии, Австрии, Греции. В этих странах, а также в Турции она с успехом выступала с докладами на различных научных форумах.

Особая тема — «И.С. Достян и молодежь». У нее было немного официальных учеников-аспирантов (в их числе — директор нашего Института К.В. Никифоров и профессор МГИМО Я.В. Вишняков), однако она стала Учителем, Наставником для большинства ее последователей. Она рецензировала практически все работы, подготавливаемые в секторе (отделе), участвовала в их обсуждении, высказывая в деликатной форме ценные замечания, оппонировала на защитах диссертаций. Кроме того, она выступила в качестве ответственного редактора монографий Ю.П. Аншакова и О.В. Хавановой, ныне докторов наук. «Я видел очень мало ученых с такой доброжелательной позицией по отношению к молодым», — вспоминал об Ирине Степановне А.Л. Шемякин⁶⁸.

Вклад Ирины Степановны Достян в отечественную историческую науку бесспорен и признан в нашей стране и за рубежом.

«Классик отечественной балканистики» — таково мнение о ней большинства ее коллег. Известный историк В.М. Хевролина считала И.С. Достян «одним из выдающихся представи-

телей современной славистики и балканистики», «зачинателем школы российских исследователей по проблемам балканистики и особенно сербистики»⁶⁹. «По ее работам нужно учить молодых писать научные труды, — подчеркивает К.В. Никифоров. — Ирина Степановна олицетворяет академический стиль в науке и даже свое научное поколение в целом, когда планка научного творчества стояла очень высоко»⁷⁰. К ее трудам с большим уважением относились зарубежные коллеги: югославские историки — академики В. Чубрилович, Сл. Гаврилович и М. Экмечич; болгарский академик Н. Тодоров; американские балканисты Б. и Ч. Елавичи и многие другие.

Но как бы важны и интересны ни были труды Ирины Степановны, они не могут в полной мере обозначить ее роль в развитии славяноведения и балканистики в целом и нашего Института, в частности. Ее эрудиция, широкий кругозор, в высшей степени добросовестное отношение к избранной еще в юности специальности, истинная интеллигентность, принципиальность, житейская мудрость, необычайная душевность и доброта всегда притягивали к ней людей, представителей разных поколений, которые учились у нее, не будучи формально ее учениками.

Возможно не всё в жизни Ирины Степановны получилось соразмерно ее таланту и знаниям. Это объяснимо, если вспомнить время, в котором прошла большая часть ее жизни. Однако бесспорно одно: ее научное наследие — это гордость нашей исторической науки, ее вклад в мировую славистику и балканистику.

Уже 10 лет Ирины Степановны нет с нами. Но мы ее не забыли, нам ее не хватает. И это, мне кажется, очень важный итог ее земной жизни. След этой жизни — не только в ее, но и в наших трудах, которые мы стараемся писать в тех же традициях, каких придерживалась она. И еще мы стараемся следовать заложенным при Ирине Степановне и с ее активным участием принципам академического общения в Институте и Отделе — дружеские отношения, неприятие склок и интриг, поддержание творческой атмосферы в коллективе, взаимопомощь, забота о молодом поколении и его научном росте, верность своей профессии.

Примечания

- ¹ Бирман М.А. О В.И. Пичете и «пичетнике» (К истории создания Института славяноведения) // Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007. С. 26.
- ² Достян И.С. У истоков // Как это было... С. 28.
- ³ История Болгарии. М., 1954. Т. I. С. 180.
- ⁴ Там же. С. 204.
- ⁵ Достян И.С. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV — начало XIX в. М., 1958. С. 32.
- ⁶ Там же. С. 167–168.
- ⁷ Там же. С. 168.
- ⁸ Там же. С. 169.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Никифоров К.В. Три монографии И.С. Достян // В «интерьере» Балкан. Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С. 66.
- ¹¹ История Югославии. М., 1963. Т. I. С. 140.
- ¹² Достян И.С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. С. 333–334.
- ¹³ См.: Киняпина Н.С. Внешняя политика России в первой половине XIX века. М., 1963; Окунь С.Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX в. Л., 1956.
- ¹⁴ Достян И.С. Россия и балканский вопрос. С. 335.
- ¹⁵ Там же. С. 335–336.
- ¹⁶ Там же. С. 336.
- ¹⁷ Там же. С. 337–338.
- ¹⁸ Виноградов В.Н. Вступительное слово // В «интерьере» Балкан. С. 8.
- ¹⁹ Достян И.С. Россия и балканский вопрос. С. 338.
- ²⁰ Там же. С. 340.
- ²¹ Там же. С. 79.
- ²² Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 3.
- ²³ Там же. С. 37.
- ²⁴ Там же. С. 38.
- ²⁵ Там же. С. 117.
- ²⁶ Там же. С. 160.
- ²⁷ Там же. С. 42–43.
- ²⁸ Там же. С. 63.
- ²⁹ Там же. С. 67–68.
- ³⁰ Там же. С. 180.
- ³¹ Там же. С. 102.
- ³² Там же. С. 267.
- ³³ Там же. С. 239.

- 34 Сыроечковский Б.Е. Балканская проблема в политических планах декабристов // Очерки по истории движения декабристов. М., 1954. С. 219–228.
- 35 Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. I. С. 345–346, 464.
- 36 Достян И.С. Русская общественная мысль. С. 246.
- 37 Там же. С. 251, 252.
- 38 Там же. С. 301.
- 39 Там же. С. 313.
- 40 Там же. С. 314.
- 41 Там же. С. 319.
- 42 Никифоров К.В. Три монографии И.С. Достян. С. 72.
- 43 Там же. С. 78.
- 44 Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. М., 1983. С. 61.
- 45 Там же. С. 80.
- 46 Там же. С. 82.
- 47 Там же. С. 90.
- 48 Там же. С. 95.
- 49 Там же. С. 234.
- 50 Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). М., 1986. С. 114.
- 51 Там же. С. 121.
- 52 Там же. С. 122.
- 53 Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы российского Министерства иностранных дел. Отв. ред. акад. А.Л. Нарочницкий. Серия I. 1801–1815. М., 1960–1972. Т. 1–8; серия II. 1815–1830. М., 1974–1985. Т. 1–6.
- 54 См. также статью И.С. Достян «Политика России в восточном вопросе: концепция классиков марксизма и историческая наука» // Славянские народы: общность истории и культуры. Сб. статей, посвященный 70-летию член-корр. РАН В.К. Волкова. М., 2000.
- 55 Достян И.С. Политика царизма в Восточном вопросе: верны ли оценки К. Маркса и Ф. Энгельса // Советское славяноведение. 1991. №2. С. 3.
- 56 Там же. С. 5.
- 57 Там же. С. 7.
- 58 Там же. С. 15.
- 59 Александр I, Наполеон и Балканы // Балканские исследования. М., 1997. Вып. 18. С. 236.
- 60 Достян И.С. Сербская церковь в эпоху турецкого господства. XVI–XVIII вв. // Балканские исследования. М., 1997. Вып. 17.
- 61 Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 152.
- 62 Там же.
- 63 Там же. С. 161.
- 64 На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX вв. М., 1997. С. 91.
- 65 Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1. С. 245.
- 66 Там же. М., 2001. Ч. 2. С. 374.

- ⁶⁷ См.: *Достян И.С.* Политика России в Восточном вопросе: концепция классиков марксизма и историческая наука // *Славянские народы: общность истории и культуры / Сборник статей, посвященный 70-летию член-корр. РАН В.К. Волкова / ???? М., 2000; она же.* Сербская революция и развитие русско-югославских общественных связей // *Двести лет новой сербской государственности. К юбилею Первого сербского восстания 1804–1813 гг. М., 2005; она же.* Русско-турецкая война 1828–1829 гг. — новый этап политики России в Балканском вопросе // *Война, открывшая эпоху в истории Балкан. К 180-летию Адрианопольского мира. М., 2009.*
- ⁶⁸ См.: *Данченко С.И.* Ирина Степановна Достян. Портрет в «интерьере» Балкан // *В «интерьере» Балкан. С. 55.*
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же. С. 35.

Ирина Степановна Достян. Какой я её помню

Впервые мы встретились с Ириной Степановной Достян в июне 1971 г. Именно тогда я, недавняя выпускница кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, стала сотрудницей сектора новой истории балканских народов Института славяноведения и балканистики АН СССР, в котором Ирина Степановна трудилась с 1949 г. (была зачислена в штат 30 декабря 1948 г.). Помню, как тогдашний заведующий сектором Юрий Алексеевич Писарев (1916–1993) представил меня в присутственный день своим подчиненным, моим будущим старшим коллегам. Институт тогда располагался почти в самом центре Москвы по адресу: Трубниковский переулок, дом 30-А — недалеко от проспекта Калинина (нынешний Новый Арбат), в старинном двухэтажном особнячке. Именно здесь прошла моя счастливая институтская молодость. Особнячок был просто прелестный и уютный, но, к сожалению, «малометражный», и места в нем для довольно большого коллектива и библиотеки было явно недостаточно. Так, в «нашей» комнате № 12 на втором этаже (площадью не более 20 м²) в общеинститутский присутственный день по понедельникам собиралось около 50 человек: мы, историки, и литературоведы. Оживленный разговор на самые разные темы — житейские, научные, глобально-философские — не смолкал до самого вечера, и порой казалось, что ты находишься внутри пчелиного улья, где установлены мощные усилители звука. К счастью, второй присутственный день был поспокойнее, так как протекал в четверг, без соседей-литературоведов (они приходили в пятницу).

Очень хорошо помню, хотя с тех пор минуло более 50 лет, свой первый «институтский» день, 14 июня 1971 г., и то, как я «влилась» в секторский коллектив. После Университета для меня это была другая планета, и, конечно, я очень волновалась.

Во-первых, я не знала никого из сотрудников. Во-вторых, у меня в то время не было никакого опыта работы в коллективе людей намного старше меня. До этого мне пришлось трудиться лишь весной-летом 1970 г. в «Интуристе» в качестве гида-переводчика (в югославской группе) — с целью подработки и языковой практики. Но тот коллектив был исключительно молодой, а теперь всё было иначе: моих ровесников в секторе не оказалось, да и в Институте в начале 1970-х годов их было немного.

Встретили меня мои будущие коллеги в высшей степени доброжелательно, внимательно и заинтересованно слушали мои ответы на вопросы — у кого я училась на кафедре, тема диплома и т.д. Народу в тот присутственный день было довольно много: одни приходили, другие выходили из комнаты. Пребывая во вполне объяснимом волнении, с первого раза я запомнила не всех, но сразу же отметила очень милую, интеллигентную женщину средних лет (ей тогда был 51 год), скромно, но со вкусом одетую, похожую, как мне показалось, на Индиру Ганди. А когда я услышала от заведующего ее фамилию — Достян, тут же поняла, что передо мной — автор той самой монографии о завоевании турками Балкан и борьбе сербов против турецкого ига, которую по рекомендации нашего преподавателя Виктора Георгиевича Карасёва (1922–1991) мы, студенты-югослависты, так усердно и добросовестно изучали на четвертом курсе, а потом обсуждали в семинаре. Наш педагог считал эту книгу эталонной и на ней учил нас писать научные труды.

Вот так я встретилась с Ириной Степановной. И с того самого дня мы стали коллегами, что явилось для меня, как я убеждена теперь, большой жизненной удачей, ибо трудиться долгие годы в одном коллективе с таким человеком, Ученым с большой буквы, умной, принципиальной, мудрой, воспитанной и необычайно доброй женщиной — это и есть настоящее счастье.

В последующие годы, путем размышлений, я пришла к выводу, что Ирина Степановна занимала особое место в нашем научном коллективе. Сергей Александрович Никитин (1901–1979), один из основателей Института славяноведения и, начиная с 1947 г., заведующий нашим сектором, с конца 1960-х годов был в «почетной отставке» — пребывал в статусе научного консуль-

танта и в этом качестве осуществлял руководство несколькими международными проектами — публикациями архивных документов (с Югославией и Чехословакией). Новым заведующим сектором с 1968 г. стал Ю.А. Писарев, перешедший (в результате реформы) в Институт славяноведения из Института истории АН СССР с рядом сотрудников, специалистов по истории Румынии, Греции и Албании. Так объединились (не по своей воле) в одном коллективе специалисты по новой истории Балкан — слависты, бывшие ученики (по МГУ) и подчиненные профессора Никитина, и «пришельцы», как их называл наш остроумный коллега Акоп Арутюнович Улунян (1924–2003).

Коллектив сектора был большой (20 человек), обстановка время от времени накалялась, особенно при обсуждении научных трудов. Дискуссионность в те годы весьма одобрялась и поощрялась институтским начальством. Ю.А. Писареву как руководителю приходилось нелегко. И тут позиция Ирины Степановны была очень важна — она часто выступала в роли «усмирительницы» научных «страстей». При ней самые бурные заседания и ожесточенные дискуссии заканчивались мирно, и после ее выступлений, содержащих аргументированные оценки и весомые выводы, в большинстве случаев вновь воцарялась достойная академическая атмосфера.

Внешне всегда спокойная, держащаяся скромно, временами прелестно ироничная, Ирина Степановна пользовалась большим авторитетом в секторе и Институте, как человек и ученый. И не потому, что была старше многих сотрудников и принадлежала к группе бывших учеников академика Владимира Ивановича Пичеты (1879–1947), будущих институтских «аксакалов» (В.Д. Королук, Г.Э. Санчук, И.Б. Греков, И.С. Миллер, М.А. Бирман), а потому, что она была во всех отношениях незаурядной личностью. Все это чувствовали и все с этим считались, начиная с С.А. Никитина. Он в своем отношении к сотрудникам-подчиненным выделял Ирину Степановну, никогда ее не «эксплуатировал» и не «давил» (это ее слова), не давал бесконечных заданий, как другим (Н.В. Зуевой, Е.М. Шатохиной, А.А. Улуняну, К.Л. Струковой), и не сковывал ее научные инициативы, признавая их целесообразность и право на существование.

В первые несколько лет моей работы в Институте у нас с Ириной Степановной не было возможности для тесных контактов. Во-первых, мы были в разных «возрастных группах» и поэтому присматривались друг к другу на расстоянии. Во-вторых, наши научные будни были наполнены интенсивным трудом. Ирина Степановна завершала и издавала свою монографию «Россия и балканский вопрос» (М., 1972), а затем готовилась к защите докторской диссертации (1973). Меня же сразу подключили к работе над советско-югославско-чехословацкой публикацией документов из архива М.Ф. Раевского, которая в эти годы шла по нарастающей — готовился к печати объемный труд «Зарубежные славяне и Россия» (М., 1975). Помимо этого в 1970-е годы меня очень часто привлекали к сопровождению югославских ученых, приезжавших в Москву по программе международного научного сотрудничества АН СССР. К тому же я начала работать над своей кандидатской диссертацией и старалась использовать любую возможность «приобщаться к науке» в архивах и библиотеках.

Из начала 1970-х годов вспоминается один яркий эпизод, связанный с Ириной Степановной. Однажды зимой она пришла в Институт в присутственный день в сногшибательно красивой новенькой дубленке — длинной, ниже колен, кремового цвета, с белой опушкой. Тут же все женщины сектора, забыв о научных и прочих проблемах, окружили ее, чтобы получше рассмотреть и потрогать это рукотворное чудо, такое редкое в повседневной советской жизни. Дубленка в то время была страшным дефицитом, в открытой продаже их не было. Наличие такой вещи в личном гардеробе свидетельствовало о достаточно высоком социальном статусе ее владельца, возможности у него заграничных командировок или о знакомстве в соответствующей торговой сети. Причем, в Москве зимой в основном встречались обладатели болгарских изделий. Но на Ирине Степановне была дубленка явно не из братской славянской страны, а уровнем повыше — это было видно даже невооруженным глазом. И она так ей шла, так молодила и стройнила ее. Мы, женщины, от души радовались за Ирину Степановну, а те мужчины, которые были в секторе, глядя на нее, одобрительно хмыкали. А потом, немного смущаясь, Ирина Степановна, обычно избегавшая в стенах Института

разговоров на бытовые темы, поведала (в несколько ироничном ключе) совершенно удивительную историю появления у нее этой не менее удивительной вещи. Оказывается, осенью того года (точно не помню какого, но в начале 1970-х годов) Ирина Степановна в составе делегации ученых Института востоковедения АН СССР приняла участие в международной конференции в Стамбуле — ее включили в группу как известного специалиста по истории Балкан и русско-турецких отношений в XIX веке. В Турции Ирина Степановна оказалась впервые в своей жизни. Конференция, по ее словам, прошла успешно, все прекрасно выступили с докладами, турецкие коллеги принимали «советских» на высоком «капиталистическом» уровне — коктейли, фуршеты, культурная программа, в которую было включено знакомство с достопримечательностями турецкой столицы. Но для наших людей, в том числе ученых, не менее важным было знакомство с местными магазинами, где что-то можно было купить из нужных, но отсутствующих в родной стране вещей. В делегации востоковедов присутствовали весьма опытные и практичные люди, прекрасно ориентировавшиеся в географии Стамбула и местоположении необходимых торговых точек, так как неоднократно во время своих зарубежных командировок посещали их с пользой для себя и своих родственников. И хотя в то время выезжающим за рубеж рублей на валюту меняли мало (всего 30), однако вместе с гонораром за выступление на конференции и будущую статью, выданным турками, их должно было хватить на кое-какие покупки. Ирине Степановне, согласно ее рассказу, повезло, потому что один из коллег-востоковедов (не помню его фамилию) прекрасно знал не только историю и географию Турции и особенно Стамбула, но обладал поистине бесценными сведениями о многочисленных недорогих магазинчиках, где можно было по очень низким ценам купить вполне приличные вещи. Этот знаток и организовал «поход за зипунами», т.е. за дубленками. В группу единомышленников входили несколько человек, в том числе и Ирина Степановна. Им было обещано, что турецких лир, имеющихся у них на руках, на покупку должно хватить, во что почти не верилось, по словам Ирины Степановны, так как в перерасчете это было всего около 60 рублей (в СССР бол-

гарская дубленка без переплаты стоила 300–400 рублей). Тем не менее никто не дрогнул и не отказался от экспедиции в неизведанное. До сих пор, когда я вспоминаю этот сюжет, слышу негромкий голос Ирины Степановны, с улыбкой рассказывающей «дубленочную» эпопею. Рано утром руководитель уверенно повел группу товарищей куда-то в глубь Стамбула. Надо сказать, что в то время в СССР на экраны уже вышел художественный фильм «Бриллиантовая рука», в котором по сюжету герой знаменитого актера Юрия Владимировича Никулина, советский турист, заблудился в бесконечном лабиринте стамбульских улочек и переулков. Он в отчаянии, потому что никак не может найти дорогу к своему теплоходу. «У меня лично, — рассказывала Ирина Степановна, — было такое же чувство. Просто голова шла кругом от многочисленных поворотов, которые тем не менее уверенно делал наш предводитель. Наконец мы очутились в казавшемся на первый взгляд безлюдном тупике у невысокого дома из серого камня, на первом этаже которого, судя по вывеске на двух языках (турецком и русском!), была какая-то лавчонка. Дверь была заперта, но после трехкратного (видимо условного) стука нашего главного бесшумно отворилась (детектив, да и только). Мы друг за другом вошли внутрь и очутились в крошечной комнатке без окон. Нас встретил хозяин, по виду восточный человек, но с легким акцентом говорящий по-русски. Он пошептался с нашим предводителем, судя по всему, его знакомым, и получил от него пакет, в котором оказались “ленинские” металлические рубли*. Ознакомившись с содержимым пакета (монет там, видно, было много), — продолжала свой рассказ Ирина Степановна, — довольный хозяин молча нас оглядел, спросил, какую дубленку, мужскую или женскую и какого размера, мы хотели бы приобрести, и, получив необходимые сведения, удалился в подсобку. Через некоторое время он вновь появился, но теперь уже с ворохом дубленок, среди которых была и “моя”. Глаз опытного продавца оказался на редкость верным — дубленка, как говорится, “села”,

* В 1970 г. в СССР, в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, были выпущены специальные юбилейные монеты достоинством в 1 рубль. По размеру они были значительно больше нынешних и смотрелись как медали. На одной их стороне была изображена голова вождя в профиль. Эти рубли пользовались среди иностранцев необычайной популярностью.

словно на меня была сшита. Остальные мои “товарищи по счастью” тоже были довольны, тем более, что наших денег действительно хватило на эту покупку, да еще осталось на мелкие сувениры».

Вот так и появилась в гардеробе Ирины Степановны турецкая дубленка, дубленка-мечта — легкая, теплая, красивая, просто загляденье. Но на этом ее история не закончилась. Поносив дубленку совсем недолго, Ирина Степановна подарила ее своей любимой племяннице Тане, посчитав, что ей она нужнее в ее молодой жизни. Через много лет та же дубленка, продолжая оставаться вполне приличной (даже после химчистки) и совсем не потеряв вида (как говорится, ей не было сносу), перешла от Тани к ее подруге из Ленинграда и продолжала радовать, если не красотой, то своей практичностью и теплом, еще одну женщину. Вот что значит турецкое качество!

Возвращаясь к нашим с Ириной Степановной отношениям, я хочу специально выделить 1975 год. Связано это с выдающимся событием в истории Балкан — столетием начала Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. (В СССР эта проблема была одной из ключевых в балканских исследованиях.) Готовиться к нему научная общественность в нашей стране начала заранее — издавались документы, печатались книги и статьи, в том числе в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. А на осень этого года было запланировано проведение в г. Сараево (СФРЮ) международной научной конференции, на которую были приглашены и советские ученые.

Конференция состоялась и проходила 30 сентября — 2 октября в местечке Илиджа под Сараево (во время военных действий на этой территории в 1990-е годы оно было почти полностью разрушено).

С тех пор минуло больше четырех десятилетий, но, тем не менее, стоит мне только мысленно настроиться на «сараевскую волну», как тут же, стремительно пронесаясь по «коридору памяти», я вновь оказываюсь там, в далеком балканском городе, и погружаюсь в удивительную атмосферу, которая сложилась во время работы конференции и которую мне хотелось бы передать в своих воспоминаниях.

Из Советского Союза в Сараево отправилась довольно многочисленная по тем временам и представительная делегация во главе с академиком Алексеем Леонтьевичем Нарочницким, директором тогдашнего Института истории СССР АН СССР (ныне — Институт российской истории РАН). В нее входили: профессор МГУ, историк-югославист Виктор Георгиевич Карасев; ленинградский профессор Кирилл Борисович Виноградов, специалист по истории международных отношений; из нашего Института — будущий академик Юрий Алексеевич Писарев, Ирина Степановна Достян, Тофик Муслимович Исламов и я; в делегации также находился ответственный сотрудник Отдела науки ЦК КПСС Владимир Иванович Куликов — в качестве нашего куратора.

Все члены делегации, кроме Владимира Ивановича, подготовили для выступления доклады (через два года опубликованные) — по различным вопросам международной политики, русско-югославянских отношений и общественных связей периода Великого Восточного кризиса.

Недавно я перебирала старые фотографии (еще черно-белые) из своего фотоархива и, наткнувшись на «сараевские», вдруг остро осознала: из наших, советских ученых, бывших тогда на конференции, осталась одна я, других уже нет. Как это печально!

В Сараево (через Белград) мы прилетели поздно вечером 29 сентября. Югославские коллеги, организаторы мероприятия, очень тепло нас встретили, привезли в гостиницу на Илиджу, расселили по одноместным номерам и даже накормили в ресторане ужином.

На следующий день один за другим начали прибывать остальные участники конференции — из различных республик бывшей Югославии, а также из Болгарии, Австрии, Франции, ФРГ и ГДР, США и Турции (один делегат — Скендер Ризай). В холлах и залах гостиницы зазвучала многоязыкая речь, и как говорится, понеслось. Вернее, понеслись дни, до предела насыщенные заседаниями в нескольких секциях, дискуссиями, полемикой (иногда на повышенных тонах), неформальными встречами.

Всё было прекрасно организовано. Кормили нас трижды в день совершенно бесплатно в ресторане гостиницы (больше

ста человек) — за счет Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины. Заседания в секциях проходили в специально оборудованных под синхронный перевод залах. Даже не возбранялось, ввиду жары и духоты, выходить с аппаратурой в парк и там, сидя в тенистых аллеях на лавочках, слушать доклады. Фантастика!

На конференции мы, члены советской делегации, были заявлены со своими докладами в разных секциях: я вместе с Т.М. Исламовым, А.Л. Нарочницким, Ю.А. Писаревым и К.Б. Виноградовым — в секции по международным отношениям и внешней политике великих держав на Балканах в 1875–1878 гг. (здесь же присутствовал без доклада В.И. Куликов), а В.Г. Карасев и И.С. Достян — в секции по связям славянских народов в тот же период.

Уровень многочисленных докладов, насколько я могла судить тогда, был очень высокий. Да иначе и быть не могло — ведь в Сараево собрались ведущие специалисты из разных стран по истории югославянских земель и международных отношений в период Великого Восточного кризиса. Все доклады выслушивались с вниманием и большим интересом, затем задавались вопросы, и каждое заседание заканчивалось оживленной дискуссией.

Наша делегация была очень дружной и довольно заметной на конференции. Не только известные югославские историки (среди них — знаменитый академик Васа Чубрилович, Никола Петрович, Раде Петрович, Миомир Дашич, Милорад Экмечич и др.), уже имевшие в то время научные и дружеские связи с Ю.А. Писаревым, В.Г. Карасевым и И.С. Достян, но также представители других стран стремились в кулуарах пообщаться с советскими учеными. Ведь в 1970-е годы масштабные научные форумы проходили довольно редко, и всем хотелось использовать такую прекрасную возможность для личного общения и установления новых контактов. При этом я не могла не заметить, что среди научной общественности разных стран, прежде всего Югославии и Болгарии, Ирина Степановна пользовалась повышенным вниманием и уважением, даже пиететом. Во время конференции мы с ней общались мало, так как заседали в разных секциях, а жили в разных номерах. Встречи обычно происходили в ресторане, во время приема пищи, когда у всех появля-

лась возможность обмениваться текущей информацией. Да и то в основном «выступали» наши активные мужчины, с раннего утра и до позднего вечера пребывавшие в приподнятом настроении и острившие по любому поводу. Мы с Ириной Степановной за столом сидели рядом и, как правило, помалкивали, лишь изредка вставляя какие-то реплики. И всё это время я не переставала восхищаться ею — она держалась с таким достоинством, была, как всегда, доброжелательна и замечательно выглядела в своих скромных, элегантных нарядах. В ресторане и холле к ней часто подходили иностранные ученые, чтобы поприветствовать ее и выразить восхищение в связи с прочтением ее книги «Россия и балканский вопрос», которая в то время была уже известна специалистам, в том числе за границей. Даже сам Васа Чубрилович (в моем присутствии) во время одного из перерывов пожал ей руку и пробормотал что-то одобрителное — что именно, понять дословно было трудно (даже знающим сербский язык), ввиду прогрессирующего дефекта речи у знаменитого «атентатора».

Ирина Степановна прекрасно, по отзывам присутствовавших, выступила в своей секции с докладом о помощи российской общественности борющимся против турок славянам. Этой темой она специально не занималась, но подготовила свое выступление очень профессионально, используя уже существующую литературу и публикации источников, в первую очередь документальный труд «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (М., 1961–1968).

Во время конференции состоялось еще одно важное для нашей делегации событие — второе заседание советско-югославской Комиссии историков, созданной в Москве в 1974 г., проведению которого способствовало присутствие в Сараеве многих ее членов. С советской стороны председателем Комиссии был А.Л. Нарочницкий, сопредседателями — Ю.А. Писарев и В.Г. Карасев, я являлась ее секретарем. Очень важно было не только провести на должном уровне данное мероприятие, но и грамотно составить итоговый Протокол. Его содержание обсуждалось во время жарких дискуссий и неоднократно изменялось. В этом участвовали югославы и все наши «сараевцы». И тут помощь Ирины Степановны, авторитетного ученого и прекрасного редактора,

была очень важна. Это признавал даже академик Нарочницкий, весьма скупой на похвалы.

Наконец, после нескольких дней напряженной работы конференции, заседания, дискуссии, встречи, обмен литературой, а также банкеты-фуршеты, завершились. Судя по отзывам в кулуарах, все участники были очень довольны — тем, что встретились, пообщались, выступили со своими докладами, послушали коллег и в целом продемонстрировали, что такое научное сообщество. Теперь, после «трудов праведных», наступил черёд второй части мероприятия, которую замечательно гостеприимные и необыкновенно внимательные организаторы Конференции — сараевские ученые и функционеры — подготовили для зарубежных гостей. Нам предложили совершить экскурсию в Мостар, столицу тогдашней Герцеговины — город, известный специалистам по историческим романам, сочинениям известных югославских писателей, архивным документам. Все, конечно, были за и дружной «научной толпой» отправились за новыми впечатлениями...

В Мостаре всё было прекрасно — и экскурсия по достопримечательностям, и посещение знаменитого мемориала, посвященного памяти мостарцев, погибших во Второй мировой войне. Этот памятник на склоне горы произвел на всех неизгладимое впечатление: сотни белых плит в виде пней с именами героев — вот так же были подрублены беспощадной войной их молодые жизни. А вместо привычного для нас вечного огня — вечный источник журчал в центре мемориала. И какая-то особая тревожная тишина вокруг, и легкий ветерок, и живописный город внизу, хорошо видный с горы...

Из Мостара наши коллеги из других стран вернулись в Сараево, а мы «руси», как называли нас на конференции, отправились в Герцег-Нови, городок на Адриатическом побережье, куда нас пригласило на кратковременный отдых руководство Общества историков Черногории в лице Миомира Дашича и Радована Йовановича.

Путь в Черногорию был неблизок, но время пролетело как-то незаметно, чему в немалой степени способствовало наше радостное настроение в связи с теплой погодой и потрясающе красивым пейзажем по обеим сторонам дороги, достойным кис-

ти самых знаменитых художников. Мне очень хотелось, когда закончились мои обязанности секретаря и переводчика, быть поближе к Ирине Степановне. Она, со свойственной ей душевной чуткостью, понимала, как мне, молодой, неопытной и «необстрелянной» на международных форумах, было непросто находиться с раннего утра до позднего вечера «на людях» и в такой компании — среди солидных людей, в основном мужчин, со званиями, степенями, заслугами и особенностями характера, поэтому старалась во всем поддерживать меня. И это была не назойливая опека, а трогательная забота о моем благополучии. Это ее отношение я оценила позднее, всегда была благодарна ей и помню это до сих пор. И именно в Сараеве я поняла, какое же это счастье общаться с таким умным, интеллигентным, добрым человеком — никаких назиданий и замечаний, только советы, высказанные в предельно мягкой форме.

Хотя академик Нарочницкий, не знающий сербского языка, требовал, чтобы я при его беседах с черногорскими учеными находилась рядом — в машине, за столом в ресторане, на прогулке у моря, мне всё же удавалось в Герцег-Нови больше общаться с Ириной Степановной и я просто влюбилась в нее. Тем более, что мы с ней поселились в одном номере ведомственной гостиницы Академии наук и искусств Черногории. Она сама мне это предложила, с улыбкой заметив, что должна за мной присматривать, ввиду «горячности» черногорских мужчин. И я была ей безмерно благодарна, потому что знала — когда она рядом, всё будет хорошо.

Черногорские коллеги подготовили для нас замечательную культурную программу. В Государственном музее Черногории в Цетине (бывшем княжеском дворце) нас ждала очень содержательная экскурсия, во время которой мы увидели в витринах немало редких икон, церковной утвари и старинных книг, присланных в основном из России в XVII–XIX вв. Это было наглядным подтверждением давних российско-черногорских связей, историей которых активно занимались ученые в советскую эпоху, в том числе И.С. Достян.

В тот день мы побывали в Которе, в старой части города (правда, уже в темноте), бродили по узеньким, мощеным камен-

ными плитами улочкам, заглядывали в окна уютных домов под черепичными крышами, а потом вышли на широкую, пустынную площадь, освещенную тусклыми фонарями. Помню, как Ирина Степановна сказала мне, что у нее такое чувство, будто она очутилась в Средневековье, и я согласилась с ней.

Вернулись мы в тот день в Герцег-Нови, в гостиницу, ненадолго ставшую нашим домом, очень поздно. Но никто не жаловался на усталость. А некоторым приключений и впечатлений показалось недостаточно, и они жаждали продолжения. Речь идет о Юрии Алексеевиче Писареве, Тофике Муслимовиче Исламове и Кирилле Борисовиче Виноградове, которые ночью, «после отбоя», отправились купаться в Адриатическом море. Мы с Ириной Степановной пытались их отговорить, но наши уважаемые коллеги только отмахнулись от нас. «Поймите, дамы, — сказал Юрий Алексеевич, который уже всерьез “завелся”, — наверняка у нас в жизни уже не будет такой возможности — искупаться ночью в Адриатическом море под небом, усыпанным звездами. Поэтому нужно ловить момент. Кстати, — ухмыльнулся будущий академик, — как вам известно, и древние нас к тому же призывали!». «А акулы?» — попыталась возразить я. «А вам, Светик, я бы посоветовал поменьше смотреть по телевизору “Клуб путешественников”, — назидательно посоветовал мой шеф. — А что касается акул, то к вашему сведению, у берегов Адриатики их не бывает! И вообще, не мешайте нам активно отдыхать на природе, тем более за границей!». Остальные поклонники ночного купания его дружно поддержали.

Словом, в ту ночь им даже Адриатическое море было по колено. Я, по совету Ирины Степановны, всё-таки пошла с этой компанией на берег, чтобы сторожить их одежду и главное — заграничные паспорта, которые, согласно инструкции, должны были быть всегда с нами. И в ночной тишине я слышала, как где-то далеко в море мои коллеги оживленно обсуждали итоги прошедшей в Сараеве конференции...

Без преувеличения можно сказать, что «Сараево-1975» для всех членов нашей делегации явилось ярким и очень важным во всех отношениях событием. И главное — оно сдружило и сплотило нас в некое братство. Правда, связь с работником ЦК

КПСС В.И. Куликовым вскоре была утеряна, но остальные «сараевцы» стали друзьями на долгие годы, независимо от возраста, званий и занимаемых должностей.

А теперь, после «сараевских» воспоминаний, я хотела бы вернуться немного назад и рассказать об институтской атмосфере 1970-х годов, какой я ее застала. Не могу не подчеркнуть, что в формировании этой атмосферы значительная роль, на мой взгляд, принадлежала И.С. Достян и ее друзьям, тем, которые были первыми, т.е. пришли в Институт в конце 1940-х — начале 1950-х годов. А в 1970-х жизнь в Институте, и научная, и общественная, насыщенная разными событиями и мероприятиями, что называется, была ключом, и мы, тогдашняя молодежь, ощущали это в полной мере.

Не будет преувеличением сказать, что в советском обществе тех лет был очень высок авторитет науки. А обрести статус академического ученого представлялось для молодых выпускников вузов весьма престижным и привлекательным, ибо он означал интересную, творческую работу по специальности в коллективе образованных, в большинстве своем, талантливых людей, приобщение к «большой науке» и благоприятные условия для подготовки и последующей защиты кандидатской диссертации. И затем — достойная зарплата, перспектива научного роста, особый, щадящий, график работы (присутственные дни), возможность командировок по Союзу и даже за границу. В общем, «попавшие» в академические Институты после МГУ и зачисленные в штат считали себя «счастливчиками» и «баловнями судьбы», по сравнению с однокурсниками, ставшими после получения университетского диплома учителями средней школы, экскурсоводами или сотрудниками «Интуриста». Эти же чувства испытывала и я. Поначалу, конечно, было непросто — приходилось многому учиться, тому, что мы не «проходили» в Университете, в первую очередь, работе в архивах. Вот почему так важны были помощь и поддержка представителей старшего поколения — образованных, умных и опытных профессионалов. И, разумеется, их пример во всём, прежде всего в научном творчестве. Очень помогало нам, молодым, также участие в обсуждении подготовленных сотрудниками трудов — статей, монографий, публикаций архивных

документов, диссертаций. Это был для нас превосходный «мастер-класс», хотя такого слова в то время в обиходе еще не было. И мы с удовольствием и энтузиазмом всему учились — правильно читать и редактировать научные тексты, анализировать источники и литературу, обобщать и формулировать выводы, а затем — готовить рукописи к печати и работать с издательскими редакторами. Публикации научных трудов в советскую эпоху были не так часты, как хотелось бы, и в разы меньше, чем сейчас, в эру «наукометрии». Тогда главным считалось качество, а не количество и не число ссылок.

Мне очень повезло, что я начала свою трудовую деятельность в коллективе, где служили НАУКЕ настоящие ученые и среди них — Ирина Степановна Достян. Я читала все ее статьи, рецензии, монографии и разделы в коллективных трудах, которые она писала в 1970–1980-е годы, и всякий раз восхищалась их стилем, логикой изложения материала, знанием огромного числа фактов, не говоря уже о документальной основе. Но не меньше я восхищалась тем, что она оставалась при этом скромной, милой, доброжелательной и никогда не позволяла себе (даже во время бурных дискуссий) негативных оценок и резких высказываний в отношении своих коллег и их трудов — будь то заседание сектора, Ученого совета Института или международной редколлегии.

Но наша институтская жизнь тогда, в далекую уже советскую эпоху, состояла не только из заседаний, докладов, работы в архивах и библиотеках. Наше научное сообщество умело и коллективно «расслабляться». Незабываемыми были секторские посиделки, в которых, конечно, принимала участие и Ирина Степановна. Они проходили по самым разным приятным поводам: юбилеи и просто дни рождения сотрудников, государственные праздники, День Победы и Новый год, выход трудов из печати, защиты диссертаций и повышение оклада в связи с новой должностью, возвращение из зарубежных командировок (с обязательной дегустацией привезенного заграничного вина), чествование иностранных коллег и т.д. Кстати, именно на данном поприще произошло мое «боевое крещение» вскоре после зачисления на работу. В июне 1971 г. в секторе отмечалось 70-летие профессора Никитина, и меня привлекли к покупке продуктов и вина

к праздничному столу. Это было мое первое задание в секторе, с которым я успешно справилась, получив одобрение старших коллег: «Наш человек!».

На вышеуказанных, не таких уж редких, мероприятиях обычная сдержанность и серьезность ученых уступали место шумному веселью, доброму юмору, остроумным шуткам. Это было удивительное общение единомышленников на каком-то высоком, духовном уровне, которое сближало и сплачивало, приносило радость, укрепляло дружеские связи и коллектив в целом. В качестве тамады на наших посиделках чаще всего блистал сам зав. сектором Ю.А. Писарев. И такое это было для меня счастье видеть всех этих умных людей, известных ученых улыбающимися, с искрящимися глазами...

Иногда секторские посиделки проходили не в здании Института в Трубниках, а у кого-нибудь из сотрудников дома. Из тех, что устраивала Ирина Степановна в 1970–1980-е годы, вспоминаю две, по случаю дня ее рождения: первая в ее прежней квартире, где-то у метро «Павелецкая», и вторая — на ул. Вавилова, 48. В дом к ней приглашались не все, а только те, кого она считала своими друзьями, и я гордилась, что была в их числе. Принимали нас на самом высоком праздничном уровне. Как говорил Ю.А. Писарев, за такой роскошный стол — с пирогами, вкуснейшей едой, разными деликатесами, а также с армянским коньяком и шампанским — можно было пригласить и русского императора, и английскую королеву (у Елизаветы II и Ирины Степановны день рождения был 21 апреля).

У Ирины Степановны не было мужа и детей, она жила со своей мамой Екатериной Морисовной. В доме на улице Вавилова они путем обмена объединились с семьей младшей сестры Ирины Степановны — Марины Степановны. В то время она была уже не только матерью дочери Татьяны, но и бабушкой двух внуков — Павла и Кати (а затем стала и прабабушкой — у Павла и его жены родилось двое детей, Мария и Дмитрий).

Благодаря своей замечательной маме, взявшей на себя большинство бытовых нагрузок и проблем, Ирина Степановна могла спокойно заниматься наукой. Нет, она не была белоручкой и всё умела делать — прекрасно готовила, пекла вкуснейшие пироги

и торты, убирала квартиру, добывала, как все тогда, продукты в магазинах и т.д. Но помощь мамы, конечно, была бесценна. У них был очень уютный, гостеприимный дом. Две изолированные комнаты, большая кухня-столовая, откуда неслись умопомрачительные запахи — это Екатерина Морисовна готовила обед, которым она кормила и тех, кто приходил к Ирине Степановне по делу. В числе «счастливиц» несколько раз была и я. Впечатления от этих визитов и общения с Екатериной Морисовной у меня остались на всю жизнь. Мне казалось, что она не моя современница, а дама из XIX века: хрупкая, красивая, воспитанная, интеллигентная, элегантная, моложавая (даже в 90 лет), очень добрая и какая-то одухотворенная. Так и слышу ее ласковый голос: «Девочки, мойте руки, пора обедать!» («Девочки» — это мы с Ириной Степановной.) А за столом, помимо вкуснейшей еды, — неспешный разговор обо всём на свете, и ощущение, что ты — среди родных людей, которым не безразличны ни ты, ни твои мысли, ни твоя жизнь.

Из воспоминаний 1980-х годов. В это время из здания в Трубиновском переулке наш сектор переехал на Ленинградский проспект, 7, рядом с Белорусским вокзалом. Наша комната на первом этаже, расположенная в непосредственной близости от Дирекции, была просторной, с огромными окнами и очень высокими потолками. Замечательно было то, что мы, историки, были здесь уже одни, без литературоведов. К тому же часть сотрудников покинула сектор и обосновалась в отдельном помещении — приказом Дирекции была создана специальная группа общевосточных проблем во главе с В.Н. Виноградовым. Ирина Степановна, несмотря на свои «балканские» научные интересы, отказалась туда перейти, оставшись с нами, «писаревцами», и мы ей были за это очень благодарны.

С конца 1970-х годов наш сектор постепенно расширялся и «омолаживался», появились новые сотрудники и аспиранты. Некоторых своих коллег старшего поколения к тому времени мы уже проводили в последний путь...

А жизнь, в том числе научная, продолжалась. Мы по-прежнему много и увлеченно работали в библиотеках и архивах — готовили публикации документов, собирали материал для статей,

книг, диссертаций. Словом, обычные, очень приятные и совсем не скучные будни академического ученого. В Архиве внешней политики России мы часто встречались с Ириной Степановной. Издав в 1980 г. свою третью и последнюю монографию, она, по воле Дирекции, переключилась на коллективные труды (о чем я подробно рассказала в статье «Скромный корифей балканистики»).

Время уносило за собой год за годом. Ирине Степановне было уже за шестьдесят — возраст солидный. И хотя другие сотрудники, достигнув пенсионного возраста, были вынуждены, по настоянию Дирекции, уходить на «заслуженный отдых», чтобы уступить дорогу в науку молодым (так как новых ставок Институту не выделялось), к Ирине Степановне это «правило» не относилось. Тем более, что она была в прекрасной творческой форме, создавая один шедевр за другим. И выглядела она замечательно — совсем не менялась.

Из этого времени я с особенным удовольствием вспоминаю наши ленинские субботники, проходившие в Институте, как и по всей стране, в конце апреля, в честь дня рождения В.И. Ленина. Они заключались, главным образом, в наведении порядка в секторской комнате (разбор шкафов, уборка, мытье окон). В моем фотоархиве есть замечательный, очень дорогой для меня снимок с одного такого мероприятия. На нем Ирина Степановна с тряпкой в руках — тщательно вытирает пыль со столов. Во второй половине дня, ближе к вечеру, мы обязательно устраивали застолье и под главенством нашего шефа Ю.А. Писарева дружески общались. Да, чудесное, незабываемое было время!

С начала 1987 г. мой статус в Институте изменился — я была назначена зав. отделом аспирантуры. Формально я осталась в составе сектора новой истории балканских народов и продолжала свои исследования по истории российско-сербских отношений после Берлинского конгресса 1878 г., но главной моей обязанностью теперь была работа с институтской молодежью, работа интересная, несомненно творческая и очень важная. Помню, как тогдашний директор Института Дмитрий Федорович Марков (1913–1990) сказал мне при вступлении в новую должность: «Помните, что после меня в коллективе самым главным чело-

веком является руководитель аспирантуры, потому что именно он отвечает за будущее Института». Насчет «главности» это, конечно, было преувеличением — я понимала, что таким образом он меня подбадривал, предвидя ожидавшие меня трудности. Действительно, работа была не из легких, прежде всего ввиду многочисленности моих подопечных — 50 аспирантов и 20 соискателей. Облегчало общение с ними то, что мне был выделен небольшой, но зато отдельный кабинет (чего раньше не было) в новом институтском здании на Ленинградском проспекте, 7. Теперь в «родном» секторе я бывала редко, так как в присутственные дни с утра до вечера ко мне, как говорится, «шел народ» — и аспиранты, и их научные руководители. С Ириной Степановой мы виделись тоже нечасто. Иногда она заходила ко мне в кабинет, по ее выражению, «на огонек», и наступали блаженные минуты (часов не получалось) незабываемого общения. Для меня они были как «живая вода», ни с чем не сравнимые жизненные моменты. Я чувствовала, что Ирине Степановне тоже было приятно поговорить со мной о чем-то текущем, злободневном, что-то вспомнить, что-то обсудить, чем-то поделиться. Тем более что в стране всюду шла перестройка, ломался привычный уклад, политическая жизнь бурлила, и академические ученые не стояли от нее в стороне. В Институте в конце 1987 г. тоже произошли перемены: демократическим путем впервые был избран новый директор — Владимир Константинович Волков (1930–2005). В это время часто происходили всевозможные общеинститутские собрания — производственные, партийные, профсоюзные. Иногда они заканчивались очень поздно. Помню, как однажды, выйдя из здания Института после одного из таких мероприятий после 11 часов, мы, Ирина Степановна, Юрий Алексеевич Писарев и я, поймали такси на троих, так как жили все на Ленинском проспекте, а мои ветераны даже в соседних домах. Очень уставшие за целый день, мы тем не менее всю дорогу пребывали в прекрасном настроении, особенно благодаря остроумным шуткам нашего неугомонного шефа, в том числе по поводу только что прошедшего собрания, а также выступлений некоторых наших коллег.

В 1990 г. наш Институт вновь сменил место «прописки», и объединенный теперь коллектив, ранее «приписанный» к раз-

ным адресам, оказался в новом, прекрасном здании на Ленинском проспекте, 32-А — благодаря усилиям и связям избранного нами директора В.К. Волкова. Помню, как нашими кабинетами, холлами, столовой и рестораном на 22-м этаже восхищались наши зарубежные коллеги, приезжавшие в Институт в 1990-е годы. А мы с энтузиазмом там устраивались, не веря своему счастью, благославляя новые демократические порядки, благодаря которым в этом «дворце науки» справляли новоселье не члены Президиума Академии наук с многочисленным аппаратом, для которых он вначале и предназначался, а ряд научных институтов, в том числе и наш.

И при новой Дирекции Ирина Степановна сохранила свой статус одного из лучших и авторитетных специалистов по истории Балкан, и по-прежнему, к нашей великой радости, не было никаких разговоров об ее уходе на пенсию. Мы, ее младшие коллеги и друзья, ликовали, что Ирина Степановна остается с нами, всегда готовая помочь в работе, поддержать и, если надо, защитить. Это ведь так важно, особенно в трудные времена, чтобы рядом был такой человек. А времена были ой какие трудные — памятные многим девяностые годы. Рядовые академические ученые пережили их с большим трудом. Как говорит одна моя подруга: «Давайте о чём-нибудь другом — не хочу о них вспоминать!». Нынешняя институтская молодежь поражается и недоумевает, внимая нашим рассказам о том, что мы по полгода не получали зарплату, а однажды нам ее выдали из государственных стратегических запасов... банками тушенки (!). Не менее для нынешних молодых удивительно, что подготовленные научные труды не издавались — у Института не было на это средств, и что сотрудники, вместо работы в библиотеках и архивах, были вынуждены подрабатывать, где только возможно, а многие, в поисках «лучшей доли», уходили из Института и вообще из профессии. И когда «неушедшие» задавали институтским «аксакалам», как и в прошлые века, вопросы: «Что делать?» и «Как дальше жить?», то часто слышали от них, наших уважаемых мудрецов, в ответ: «Потерпите, друзья, всё наладится». Так же отвечала нам и Ирина Степановна, старавшаяся, как могла, подбодрить нас, хотя ей, конечно, было очень тяжело, в атмосфере тогдашней общей

неопределенности бытия, видеть, как рушится академическая наука, которой она отдала большую часть своей жизни.

Но эти моменты действительно не хочется вспоминать, тем более, что в памяти остались эпизоды, возможно, незначительные, не ключевые, не глобальные, но согревавшие душу тогда, а сейчас — милые и дорогие вдвойне.

С конца 1980-х годов наш шеф Ю.А. Писарев, ставший сначала членом-корреспондентом, а затем и академиком РАН, начал прихварывать. Болезни буквально обступили его. Он лечился, неоднократно лежал в академической больнице, а затем проходил реабилитацию в санатории «Узкое». Но при этом, уже не будучи зав.сектором, он продолжал интенсивно работать — писал одну монографию за другой по своей любимой теме «Первая мировая война и Балканы». В это время мне часто приходилось выполнять его просьбы — привезти из библиотеки ИНИОН заказанные им книги и журналы, сдать туда же прочитанные, напечатать для него какие-то тексты, сделать ксероксы и т.д. Часто я бывала у него и дома, и в больнице, и в санатории. И вот однажды (в самом начале 1990-х годов), когда Юрий Алексеевич в очередной раз вернулся из больницы, я приехала к нему домой на ул. Дмитрия Ульянова, 19, и после каких-то деловых разговоров мы решили выпить чаю. Дело было днем, и он вдруг предложил позвонить Ирине Степановне, которая жила в соседнем доме, и пригласить ее в нашу компанию, чтобы было веселее, по его словам. Ирина Степановна с энтузиазмом откликнулась на данный призыв и минут через десять пришла, да не с пустыми руками, а с целым пакетом всевозможных яств и с пирогами (!). Это была настоящая роскошь в то время, для большинства людей скудное и даже голодное. И у нас, вместо обычного, заурядно-скромного чаепития, состоялся настоящий пир — с югославским вином (у академика был припрятан приличный запас) и вкуснейшей едой. Как в лучшие времена, мы пребывали в чудесном настроении, вспоминали наши сараевские и черногорские приключения в 1975 г. и много других приятных событий из институтской и секторской жизни. Юрий Алексеевич был, что называется, «в ударе» — ну просто «фейерверк остроумия», как мы раньше его называли. Он так и сыпал анекдотами и остротами, иронизировал, подшучивал над

нами. Но мы не обижались, а только радовались, что мы вместе, что у него сегодня, видимо, ничего не болит, раз он так «разошелся». В общем, день был просто незабываемый! Больше мы в такой компании не собирались. Болезни стали одолевать Юрия Алексеевича всё сильнее, и 11 марта 1993 г. он скончался. Но мы его никогда не забывали и часто вспоминали. Вспоминаем и сейчас...

В 1990-е годы Ирина Степановна продолжала творчески работать — писала статьи и разделы для коллективных трудов. Мы по-прежнему встречались с ней в Институте, часто перезванивались, дружески беседовали — тем было много. К тому же в это время она стала научным руководителем аспиранта Ярослава Вишнякова. Ныне он доктор исторических наук, профессор МГИМО, известный в России и за рубежом специалист по истории Сербии и русско-сербских отношений конца XIX — начала XX вв. В годы его учебы Ирина Степановна часто заходила ко мне в кабинет, чтобы уточнить сроки сдачи им экзаменов, проверить правильность заполнения различных документов, в том числе при переаттестации, и т.д. Она была очень ответственным научным руководителем и сделала всё, зависящее от нее, чтобы ее подопечный вовремя написал диссертацию (по истории Черногории и русско-черногорских отношений в период правления митрополита Петра II Петровича Негоша и князя Данилы) и успешно защитился. Сейчас Ярослав, ставший уже Ярославом Валериановичем, часто приходит в наш Институт — общается с коллегами, дает консультации, участвует в научных конференциях. Он очень симпатичный, обаятельный, остроумный человек, сохранивший и в зрелые годы какой-то юношеский задор. И всякий раз, когда мы встречаемся с Ярославом, я вспоминаю Ирину Степановну, наши разговоры по поводу этого ее последнего аспиранта, ее беспокойство за его научную судьбу и опасения, что он в сложившихся обстоятельствах может «уйти из науки» и избрать для себя иное, более выгодное в материальном отношении поприще. К счастью, этого не случилось — Ярослав стал прекрасным преподавателем и ученым, автором замечательных научных трудов, авторитетным рецензентом многих диссертаций и оппонентом на их защитах. Без сомнения, Ирина Степановна была бы им довольна.

В 2005 г. новым директором нашего Института стал другой, более «ранний» ученик Ирины Степановны — Константин Владимирович Никифоров, который был ее аспирантом в 1980-е годы. Она не скрывала своей радости, что именно он победил в результате выборов. Хотя и сетовала при этом, что Костя, как она его называла, такой талантливый ученый, современно мыслящий, эрудит, прекрасно знающий историю Балкан XIX–XX вв., архивы и новейшую литературу по многим проблемам, став руководителем Института, из-за своих многочисленных обязанностей не сможет уделять должного внимания научным исследованиям. «Конечно, время теперь такое, нужно думать не только о науке, но и о карьере, — говорила Ирина Степановна, — но всё же жаль». Она поддерживала большинство научно-организационных нововведений Дирекции, особенно курс на «омоложение» коллектива, считая его необходимым и давно назревшим этапом в развитии Института. Вопрос об уходе на пенсию был, конечно, очень болезненным для сотрудников старшего поколения, в том числе и для Ирины Степановны. С одной стороны, она не могла представить себя вне Института, который стал ее судьбой и в котором фактически прошла вся ее жизнь после окончания Университета, а, с другой, понимала, что «момент настал», по ее словам. «Я должна решиться и сделать этот шаг сама», — говорила Ирина Степановна. Она прекрасно понимала, что Константину Владимировичу, ее бывшему ученику и дорогому для нее человеку, неудобно и неприятно просить ее об этом. И вот однажды, когда я была у нее дома, она протянула мне конверт, в котором, как оказалось, лежало ее заявление об уходе из Института, и попросила передать его в Дирекцию. При этом, сдерживая эмоции, она сказала: «Что ж, всему хорошему когда-нибудь приходит конец. Постараюсь не огорчаться. Как говорил в таком случае наш Ю.А. (Писарев. — С.Д.), уход на пенсию — это еще не уход из жизни».

Как жила Ирина Степановна в свои «постинститутские» годы? В это время ее мамы уже не было — Екатерина Морисовна скончалась, прожив 101 год (!). Но в доме она была не одна — в нем на правах привилегированной особы жил черный кот-красавец Сенечка, обожавший свою хозяйку. Всё лето Ирина Степановна проводила на подмосковной даче со своими родственника-

ми — семьей сестры Марины. А в остальное время пребывала в Москве — что-то читала, что-то писала, хотя время от времени огорчалась, что потеряла интерес, нет, не к науке, а к научным занятиям. Константин Владимирович, навещавший ее, убеждал Ирину Степановну писать воспоминания из истории Института и о тех академических и институтских деятелях, которых она знала. Однако это предложение не вызвало у нее энтузиазма, хотя о своем учителе, академике Владимире Ивановиче Пичете и о семинаре-«пичетнике», который она посещала у него дома в 1940-е годы вместе со своими друзьями и коллегами, молодыми сотрудниками Института, Ирина Степановна написала прекрасный очерк «У истоков» (опубликован в сборнике «Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения». М., 2007).

В последние несколько лет жизни Ирины Степановны я довольно часто бывала у нее дома. В Институт она уже не приходила, потому что не могла этого физически — на даче упала и сломала шейку бедра. Ей сделали операцию, после которой она долго восстанавливалась и передвигаться отныне могла только на специальных «ходунках». Уход за ней обеспечивали преданные родственники — сестра и племянница. Мы, бывшие коллеги, как могли, поддерживали Ирину Степановну, которую по-прежнему интересовали институтские дела, старались привлечь ее к участию в разных проектах. Но ей это было уже не по силам, хотя какие-то задумки у нее были, например, написать историю Сербии (с древности до середины XIX в.). Она мне даже показывала кое-какие подготовленные тексты. К сожалению, этот проект не был осуществлен, так же как задуманный нами вместе труд об изучении в отечественной историографии проблемы «Россия и Балканы в XVIII–XIX вв.».

Бывая у Ирины Степановны, я всякий раз ощущала на себе какое-то необыкновенное тепло ее дома. Наверное потому, что это был ее дом. Мебель в комнатах была не антикварная и не новомодная, но добротная, еще из советских времен. В кабинете у окна стоял письменный стол, самый обыкновенный, как говорится, видавший виды. Но для меня он был подлинной достопримечательностью — ведь именно за ним рождались «балканские»

труды Ирины Степановны, которые она создавала в течение десятилетий и которыми так восхищались ее коллеги. Именно за этот стол много лет подряд Ирина Степановна садилась по утрам и работала — читала, писала, размышляла. На столе всегда лежали рукописи, тетради с выписками из архивных документов и книг, специальная литература, стояла портативная пишущая машинка. Вдоль стен до потолка возвышались массивные шкафы с книгами (на разных языках), энциклопедиями, словарями. А еще в кабинете стоял небольшой столик, за которым мы сидели с Ириной Степановной, когда беседовали, обменивались новостями или обсуждали какие-то научные вопросы. Очень часто на этом столике, среди рукописей или на рукописях, лежал кот Сенечка и, прислушиваясь к нашим разговорам, громко мурлыкал, словно одобрял наши занятия.

После деловой части моего визита обязательно следовал обед. Его готовила сама Ирина Степановна — из тех продуктов, которыми снабжали ее племянница Таня и ее муж Андрей. На кухне было так же уютно, как и во всем доме. Ирина Степановна, несмотря на свои недуги, тщательно поддерживала порядок, заведенный ее мамой: красивая посуда, вкусные блюда, сок или морс, какой-нибудь десерт и обязательно приятная застольная беседа. Каждый такой день, проведенный с Ириной Степановной, был для меня подарком судьбы и навсегда остался в памяти.

Во время этих визитов я старалась своими разговорами повеселить Ирину Степановну, потому что довольно часто она стала говорить о приближающейся смерти. А однажды подарила мне бусы, самые обычные, не драгоценные, достав их из своей шкатулки с украшениями. «Это на память обо мне, Светочка, — сказала она. — Лет-то мне уже немало, скоро девяносто, если доживу, конечно». Меня такое ее настроение очень огорчало. Я искренне убеждала ее в том, что у нее замечательная наследственность да и после операции она уже почти восстановилась, что все ее любят и она всем нужна, к тому же планы научные нужно выполнять. «Ирина Степановна, — говорила я, — девяносто, разве это достижение для такого, как Вы, корифея и живого классика балканистики? Вот сто лет — это да! И всего-то осталось ничего — чуть больше десяти лет. Вы, Ирина Степановна, только

представьте: на календаре 21 апреля 2020 г. Английская королева (дай Бог ей здоровья и долголетия) отмечает свое 94-летие. Дата, конечно, значимая, для британцев радостная, но всё же не круглая. А тем временем в Институте славяноведения Российской академии наук, возглавляемом Вашим любимым учеником Константином Владимировичем Никифоровым, в ознаменование Вашей круглой даты, в Вашу честь и в Вашем обязательном присутствии мы проводим международную научную конференцию. Вы — нарядная, с красивой прической, взволнованная всеобщим вниманием и любовью, сидите в президиуме нашего зала заседаний возле вазы с цветами и рядом с директором. А в зале — Ваши многочисленные коллеги и последователи разных поколений, в том числе и молодые, которые никогда Вас раньше не видели, но читали Ваши статьи и книги и учились на них быть историками-балканистами. В начале заседания, — продолжала я мечтать, — речь пойдет о Вашей научной деятельности, феноменально долгой и плодотворной, а также о Вашей выдающейся роли в истории Института. Затем последуют доклады участников конференции, дискуссии, а в конце дня, как положено, — дружеский банкет. Вот это день рождения — просто супер! Ну, что Вы на это скажете?». В ответ Ирина Степановна весело рассмеялась (я была очень рада). «Скажу, — улыбнулась она, — что Вы — потрясающая оптимистка и фантазерка. Какие сто лет, тут бы до девяносто дожить. Только я Вас очень прошу, Светочка, никакой конференции в связи с моим 90-летием не организовывать. Это нескромно. А банкет мы обязательно проведем, если конечно, юбиляр будет жив и сможет передвигаться», — вздохнув, добавила она.

К счастью, она дожила. И получила много поздравлений, комплиментов, цветов и подарков, главным из которых, по ее признанию, был прекрасно изданный сборник «В “интерьере” Балкан» в твердой бордовой обложке — с ее цветной фотографией, «научным портретом», библиографией трудов и статьями коллег, которые основное внимание уделили проблемам российско-балканских связей, т.е. тематике, занимавшей лидирующее место в широком спектре научных интересов Ирины Степановны. По инициативе, при помощи и финансовой поддержке директора

Института К.В. Никифорова (он стал ответственным редактором) мы готовили эту книгу почти целый год, чтобы она «поспела» точно к юбилею. Ирина Степановна была в курсе нашего замысла, но ничего не знала о конкретном содержании будущего издания. Единственное, о чем она попросила, это чтобы я, как автор ее «научного портрета», ознакомила ее заранее с этим текстом. Помню, как я приехала к ней со своим уже готовым «творением» и очень волновалась. «Портрет» получился весьма объемный, и читать его вслух Ирине Степановне мне пришлось долго. В целом она осталась довольна, отметив, правда, что я ее слишком возвеличила и превознесла, ведь она — самый обыкновенный историк со скромными заслугами, просто всю жизнь старалась добросовестно делать то, к чему с юности чувствовала интерес и призвание. То есть мой «скромный корифей балканистики» оставался верен себе и накануне своего 90-летия. И еще Ирина Степановна добавила, что я в отношении нее слишком субъективна, ввиду нашей дружбы, а другие могут думать о ней иначе и не так восторженно оценивать ее труды. Я предвидела это, поэтому при подготовке своей статьи, ввела в текст специальную рубрику «Дополнительные штрихи к портрету Ирины Степановны Достян», в которой были представлены краткие, но емкие ответы от друзей и коллег разных поколений (около 20 человек) на три вопроса: 1. Что вы можете сказать о трудах И.С. Достян? 2. Что вы можете сказать о И.С. Достян? 3. Что бы вы хотели пожелать И.С. Достян в связи с ее юбилеем? То есть, я разделила «ответственность» за «восхваление и возвеличивание» Ирины Степановны с коллективом. Разумеется, заранее эти ответы я ей не читала, так что для нее это был сюрприз, неожиданный и очень приятный, потому что коллеги в своих коротких ответах выразили и свое уважение к Ирине Степановне, и восхищение ее трудами, и благодарность за ее поддержку, мудрые советы и помощь, а напоследок пожелали ей жить как можно дольше, продолжать творить на радость всем и процветать.

Помимо сборника, к юбилею Ирины Степановны мы подготовили фотомонтаж на большом листе ватмана, где поместили ее фотографии, начиная с самых «молодых». Он сначала красовался в холле восьмого этажа здания на Ленинском проспекте, 32-А

(все сотрудники приходили на него посмотреть), а затем переместились к ней домой — в ее кабинет рядом с письменным столом.

А сам день рождения нашего дорогого юбиляра мы отметили просто замечательно, хотя и не в Институте — Ирина Степановна этого не захотела. Гости (всего около 20 человек) — сотрудники Отдела и некоторые институтские ветераны, которых она сама выбрала, были приглашены в уютное кафе, недалеко от метро «Профсоюзная». Родственники Ирины Степановны всё прекрасно организовали. А мы, гости, постарались, чтобы она во время этого банкета почувствовала, как мы ее любим и как мы рады поздравить ее с такой солидной датой. Один за другим звучали тосты, было много цветов и разных подарков. Но главное — наш директор Константин Владимирович Никифоров торжественно преподнес ей экземпляр (пока единственный) того самого сборника «В “интерьере” Балкан», который мы издали в ее честь. И прижимая его к груди, Ирина Степановна не скрывала, как она счастлива. Отныне, как она призналась мне, этот наш подарок стал ее любимой книгой. Ирина Степановна всё время читала и перечитывала статьи, опубликованные в сборнике, и была очень признательна их авторам. А когда был отпечатан весь тираж, Константин Владимирович выделил для Ирины Степановны еще 20 экземпляров, которые она с удовольствием дарила своим родственникам и знакомым.

На следующий год 21 апреля мы поздравляли Ирину Степановну уже с 91-м днем ее рождения и желали ей здоровья, бодрости и еще долгих лет жизни. В ответ она улыбалась и качала головой: «Как получится».

А потом умерла тяжело болевшая ее любимая сестра Марина, и это был тяжелейший удар для Ирины Степановны. Бывая у нее, я видела, как глубоко переживает она утрату, ведь Марина была для нее не только родным по крови, но и духовно близким человеком, лучшей подружкой.

А перед самым Новым 2012 годом Ирина Степановна позвонила мне, поздравила с наступающим праздником и сообщила, что ложится в академическую больницу — ей нужно пройти диспансеризацию, и сейчас там освободились места, потому что много народа выписалось. «Но мы обязательно встретимся

с Вами, Светочка, уже в новом году, когда я вернусь домой, — бодрым голосом сказала она. — А восьмого марта я приглашу Вас и Искру (Искру Васильевну Чуркину. — *С.Д.*) в гости — отметим женский праздник и устроим вечер воспоминаний».

Но больше мы уже не увиделись — 2 января мне позвонила племянница Ирины Степановны и сказала, что она скончалась. И всё. Вспоминать о том, что было потом, нет сил...

Иногда я делилась с Ириной Степановной какими-то своими переживаниями, и она, внимательно и участливо выслушав мои «стенания», всякий раз как-то быстро успокаивала и подбадривала меня. Так и слышу ее тихий голос: «Всё будет хорошо, Светочка». И до сих пор в трудные минуты моей жизни я повторяю эти ее слова: «Всё будет хорошо». Конечно, будет, Ирина Степановна, вот только Вас не будет со мной, со всеми нами. Никогда. И остается только смотреть на Вашу фотографию, на которой Вы улыбаетесь своей чудесной улыбкой и с которой никогда не исчезнете, как и из нашей памяти...

Когда-то Вы, Ирина Степановна, учили меня и других молодых «правильно» писать статьи. «Не забывайте о заключении, — говорили Вы. — Оно должно быть кратким, но весомым, интересным, подводящим итоги и нацеленным на будущие исследования». Уж не знаю, выполняю ли я все Ваши указания, но вот как я хочу заключить свои воспоминания о Вас.

Мы всё-таки провели ее, конференцию, посвященную Вашему столетию, хотя и без Вас и не в апреле, как планировали, а в декабре (из-за пандемии коронавируса — новой напасти на человечество). Действо проходило в актовом зале на девятом этаже, в котором Вы, Ирина Степановна, много раз присутствовали на заседаниях Ученого и Диссертационного советов и который очень любили, потому что были здесь среди «своих», да и вид из окон там на Москву бесподобный. Часть участников конференции присутствовала в зале (в том числе Константин Владимирович, я, Марина Михайловна Фролова, моя сестра Татьяна Ивановна Чепелевская, наша отдельская молодежь). Остальные (около 20 человек, среди них две болгарки) участвовали онлайн, т.е. были у себя дома, но чудо-техника позволила быть им здесь и сейчас. Всё прошло прекрасно!

В последние годы своей жизни Вы, Ирина Степановна, очень беспокоились о судьбе науки в целом и нашего Института, в частности, а еще о его «омоложении». Так вот, с наукой, конечно не всё в порядке, трудностей, как всегда, немало (хотя они иные, чем были при Вас). Но при этом славяноведение с балканистикой по-прежнему существуют, а Институт во главе с Константином Владимировичем уверенно и с неплохими достижениями шествует навстречу своему 75-летию, которое мы планируем отметить в феврале 2022 г. Что же касается «омоложения», то по этому пункту успехи налицо — Институт уже впору называть молодежным, и это замечательно. На смену ветеранам пришли и каждый год приходят замечательные девушки и юноши, прекрасно образованные (в том числе в техническом отношении, хотя и гуманитарии), весьма серьезно настроенные на занятия наукой и умеющие трудиться, которым предстоит развивать славяноведение и балканистику в XXI веке. И мы надеемся, говоря Вашими словами, Ирина Степановна, что всё будет хорошо!

Библиография опубликованных трудов И.С. Достян

МОНОГРАФИИ

1. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV — начало XIX в. М.: Издательство АН СССР, 1958. 196 с.
2. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М.: Наука, 1972. 368 с.
3. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М.: Наука, 1980. 328 с.

СТАТЬИ, РАЗДЕЛЫ В КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДАХ И УЧЕБНИКАХ, РЕЦЕНЗИИ

1950-е годы

Южные славяне под игом турок в XV–XVIII вв. // Преподавание истории в школе. 1951. № 5.

Социально-экономические отношения в сербской деревне накануне восстания 1804 г. (Автореферат канд. диссертации) // Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР. 1951. № 2.

Банат. История // Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2. М., 1951.

Социально-экономические отношения в сербской деревне накануне восстания 1804 г. // Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1952. Т. VI.

Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV–XV вв. // Византийский временник. М., 1953. Т. 7.

Косово и Метохия. История // Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2. М., 1953.

Южные славяне, Молдавия и Валахия под властью Турции в XV — первой половине XVII в. // История средних веков. М., 1954.

История Болгарии. М., 1954. Т. 1.

Глава VII. Болгарский народ после завоевания Турцией (XV — первая половина XVI в.).

Глава VIII. Болгарский народ под турецким игом в период упадка военно-феодальной Османской империи (конец XVI — первая половина XVIII в.).

Обсуждение труда болгарских историков «История Болгарии» (Ин-т славяноведения АН СССР) // Вопросы истории. 1955. № 12.

Сербия. История с древних времен до конца 1815 г. // Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2. М., 1955.

Балканские страны в XVI — первой половине XVII в. // Всемирная история. М., 1958. Т. IV.

Балканские народы под властью Турции в XVII–XVIII в. // Всемирная история. М., 1958. Т. V.

Восстание греков на о. Крит 1866–1867 гг. // Всемирная история. М., 1959. Т. VI.

Сербское княжество // Всемирная история. М., 1959. Т. VI.

Скандербег // Детская энциклопедия. М., 1959.

1960-е годы

Рецензия на кн.: Историја народа Југославије // Вопросы истории. 1960. № 6 (в соавторстве с Ю.В. Бромлеем и С.А. Никитиным).

История Югославии. М., 1963. Т. 1.

Часть вторая. Югославянские земли в период становления феодальных отношений в VII–X вв.

Глава 5. Сербские земли.

Часть третья. Югославянские земли в период развитого феодализма в XI–XV вв.

Глава 8. Сербское государство.

Глава 9. Македония.

Глава 1. Дубровницкая республика.

Часть четвертая. Югославянские земли под властью Турции, Венеции и Габсбургов в XVI–XVIII вв.

Глава 15. Югославянские народы под властью Турции.

Глава 16. Дубровницкая республика.

Глава 19. Сербы Воеводины.

Рецензия на кн.: Г.Л. Арш. Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963 // Вопросы истории. 1965. № 2.

Балканские народы под властью Турции в XVI — первой половине XVI в. // Средние века. М., 1966. Т. II.

Об описании Сербии, сделанном в 1830 г. русским офицером Розе-лион-Сашальским // Славянское возрождение. Сб. статей и материалов. М., 1966.

К вопросу о влиянии борьбы между Россией и Англией в Восточном вопросе на внутреннее развитие Сербского княжества в 30-е годы XIX в. // Межд. ассоц. по изучению стран Юго-Восточной Европы. Первый конгресс балк. исследований. София. 26 авг. — 1 сент. 1966 г. Сообщения советской делегации. М., 1966.

К вопросу об англо-русском соперничестве в Сербском княжестве в 30-е годы XIX в. // Советское славяноведение. 1966. № 6.

К вопросу о восстании Милеты Радойковича 1835 г. в Сербии (По материалам Архива внешней политики России) // Ученые записки Ин-та славяноведения. 1966. Т. 30.

Австро-русское соперничество на Балканах в 30-е годы XIX в. и Сербское княжество // «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967.

Политические идеи Общества соединенных славян // Советское славяноведение. 1968. № 4.

Политика русского правительства на Балканах в 1801–1812 гг. — рецензия на издание «Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Рос. мин-ва ин. дел». Т. 1–6. М., 1960–1987 // Советское славяноведение. 1968. № 6.

1970-е годы

Из истории русско-сербских связей в начале XIX в. // Советское славяноведение. 1970. № 5.

- Балканский вопрос в период Венского конгресса 1814–1815 гг. // *Etudes balkaniques*. Sofia. 1971. № 1.
- Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С.А. Санковского // *Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение*. М., 1972.
- Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. // *Славяне и Россия. К 70-летию со дня рождения С.А. Никитина*. М., 1972.
- Рецензия на кн.: С. Дмитриев, К. Манчев. История на балканските народи. XV–XIX вв. София, 1971 // *Вопросы истории*. 1972. № 7 (в соавторстве с Г.Л. Аршем).
- Русия и гръцкият въпрос по време на руско-турската война през 1828–1829 гг. // *Сто и петдесет години от гръцкото въстание 1821–1828*. София, 1973.
- Документы о русской политике в отношении Турции и балканских народов периода наполеоновских войн и Венского конгресса // *Etudes balkaniques*. Sofia. 1973. № 4.
- Политика России в отношении Турции и балканских народов в 1813–1815 годах — рецензия на т. VII и т. VIII «ВПР». М., 1970, 1972. // *Советское славяноведение*. 1973. № 5.
- Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала XIX в. // *Балканский исторический сборник*. Кишинев, 1974. Т. 4.
- Основные этапы и особенности политики России на Балканах с последней трети XVIII в. до 1830 г. // *Балканские исследования*. М., 1974. Вып. 1.
- Рецензия на кн.: Н. Тодоров. Балканският град. XV–XIX вв. Социално-икономическо и демографско развитие. София, 1972 // *Новая и новейшая история*. 1974. № 3.
- Значение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. в политике России на Балканах конца XVIII и XIX вв. // *Etudes balkaniques*. Sofia. 1975. № 2.
- Балканские народы под властью Турции в XVI — первой половине XVII в. // *История средних веков. Учебник для вузов*. М., 1975.

Балканский вопрос во внешнеполитических планах П.И. Пестеля // Исторические записки. М., 1975. Т. 96.

Участие декабристов в изучении Балкан и русско-турецких войн XVIII — начала XIX века // Советское славяноведение. 1975. № 6.

О рукописи в красном переплете и ее авторе // Вопросы истории. 1975. № 12.

Россия и проблема государственного устройства балканских народов в первой трети XIX в. // Etudes balkaniques. Sofia. 1976. № 3.

Проблемы международных отношений в документальной публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века» // Вопросы истории. 1976. № 7 (в соавторстве с Н.Н. Болховитиновым и В.Г. Сироткиным).

Рецензия на кн.: Г.С. Гросул. Дунайские княжества в политике России. 1774–1806 гг. Кишинев, 1975 // Новая и новейшая история. 1977. № 3.

Торговый обмен по Черному морю и Проливам в конце XVIII и первой трети XIX в. // Association Internationale d'Etudes du Sud-Est Europeen. Bulletin. XII. 2. Bucureşti, 1977.

О некоторых особенностях складывания национального самосознания у балканских народов // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

Отношение российского общества к освободительной борьбе балканских народов в 1875–1876 годах // Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Posebna izdanja. Knjiga XXX. Odjeljenje društvenih nauka. Knjiga 4. Sarajevo, 1977.

Особенности политики России в отношении отдельных балканских народов (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты. М., 1978.

Национально-освободительное движение южных славян и русская общественная мысль первой четверти XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Загреб-Любляна. Сентябрь 1978. Доклады советской делегации. М., 1978.

Русский участник греческой революции // Вопросы истории. 1978. № 4.

«Европейская утопия» В.Ф. Малиновского // Вопросы истории. 1979. № 6.

1980-е годы

Рецензия на кн.: Е. Грозданова. Българската селска община през XV–XVIII век. София, 1979 // Советское славяноведение. 1981. № 1.

Българите в руската литература и периодичен печат през първите десетилетия на XIX в. // Българското възраждане и Русия. София, 1981.

Рецензия на кн.: Итоги и задачи изучения внешней политики России // Вопросы истории. 1982. № 9 (в соавторстве с Г.А. Нерсесовым).

Доктор из Пераста Мазарович и Грибоедов // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Нови Сад, 1980.

Дунайские княжества в русской публицистике конца XVIII и начала XIX века // Revue roumaine d'histoire. București, 1981. Т. XX. № 1.

Конференция советских и югославских историков в Белграде // Советское славяноведение. 1981. № 3.

Балканы в международной жизни Европы // Вопросы истории. 1981. № 4 (в соавторстве с Г.Л. Аршем, В.Н. Виноградовым, Е.П. Наумовым).

Балканы в международной жизни Европы (XV–XIX вв.) // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 7 (в соавторстве с Г.Л. Аршем, В.Н. Виноградовым, Е.П. Наумовым).

Српска тематика у руској публицистици прве трећине XIX века // Зборник за историју Матице Српске. Нови Сад, 1982. № 26.

Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. М., 1983.

Глава II. Балканский вопрос на заключительном этапе наполеоновских войн и в период Венского конгресса.

§ 1. Международная обстановка в Юго-Восточной Европе в 1813–1814 гг.

Балканские проблемы в русской общественной мысли (конец XVIII – первая четверть XIX в.) // Балканские исследования. М., 1984. Вып. 9.

Отношения между Россией, Османской империей и странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Обзор литературы // История СССР. 1985. № 6.

Рецензия на кн.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984 // Новая и новейшая история. 1986. № 1.

Советско-австрийский коллоквиум историков // Новая и новейшая история. 1986. № 4.

Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). М., 1986.

Введение и заключение (в соавторстве с В.И. Фрейдзоном).

Глава первая. Греция.

§ 1. Греческие земли в конце XVIII — начале XIX в. Ионическая республика (в соавторстве с К.И. Логачевым).

§ 2. Греческая национально-освободительная революция 1821–1829 гг. и создание Греческого государства (в соавторстве с К.И. Логачевым).

Глава вторая. Сербия.

§ 1. Формирование Сербского национального государства в период Первого сербского восстания 1804–1813 гг. (в соавторстве с В.П. Грачевым).

§ 2. Борьба за признание автономии Сербского княжества.

§ 3. Конституционная проблема в Сербском княжестве в 1830-е годы. Режим уставобранителей.

Основные проблемы формирования национальных государств в Юго-Восточной Европе. Конец XVIII — 70-е гг. XIX в. // Советское славяноведение. 1987. № 1 (в соавторстве с В.И. Фрейдзоном).

Русская публицистика и литература о южнославянских народах первой трети XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988.

Рецензия на кн.: В.И. Шеремет. Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX века. М., 1986 // Советское славяноведение. 1988. № 3.

Црна Гора и црногорци у руској публицистици и служебним материалима прве четврти XIX в. // Историјске записи. Цетиње, 1989.

Издание и распространение в России произведений сербских авторов XVIII – начала XIX в. // Русско-югославские литературные связи. М., 1989.

Russland, Österreich und die erste serbische Aufstand 1804–1813 // Russland und Österreich zur Zeit der Napoleonischen Kriege. Wien, 1989.

1990-е годы

Политика царизма в Восточном вопросе: верны ли оценки К. Маркса и Ф. Энгельса // Советское славяноведение. 1991. № 2.

А.С. Грибоедов и доктор из Пераста С.И. Мазарович // *Studia slavica*: Языкознание. Литературоведение. История. История науки. М., 1991.

Миссии русских государственных деятелей и военных в Сербском княжестве в 30-е годы XIX века // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. М., 1992. Ч. 1.

Российская политика в Восточном вопросе: итоги и некоторые перспективы изучения // Балканские исследования. Вып. 15. М., 1992.

Национально-освободительная борьба балканских народов как проявление кризиса Османской империи в XIX в. // Балканские исследования. Вып. 12. М., 1994.

Рецензия на кн.: Российская дипломатия в портретах. М., 1992 // Новая и новейшая история. 1994. № 5–6.

Проблема создания независимых государств греков и южных славян в русско-балканских общественно-политических связях (конец XVIII – первая треть XIX в.) // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII – 1878 г.). М., 1995.

- Рецензия на кн.: История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995 // Вопросы истории. 1996. № 8.
- На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX вв. М., 1997.
- Глава 3. Сербь и черногорцы в борьбе за национальное освобождение.
- Глава 4. Укрепление государственности Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы (1820–1850 е гг.).
- Сербская церковь в эпоху турецкого господства. XVI–XVIII вв. // Балканские исследования. Вып. 17. М., 1997.
- Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997 (Балканские исследования. Вып. 18).
- Особая позиция России.
- Балканская панорама. Черногория. Обустройство Ионических островов.
- Возрождаемая балканская государственность. Венский конгресс (1814–1815 гг.) и Восточный вопрос.
- Панславистские тенденции в русской общественной мысли начала XIX в. // Славянская идея: история и современность. М., 1998.
- Значение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года в политике России на Балканах // Век Екатерины: Россия и Балканы. М., 1998.
- Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1.
- Балканские народы и международные отношения в Юго-Восточной Европе (до 60-х гг. XVII в.).
- Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999.
- Православная церковь и складывание сербской нации (до середины XIX в.) – в соавторстве с А.В. Карасевым.
- Рецензия на кн.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. М., 1997 // Вопросы истории. 1999. № 6.

2000-е годы

Политика России в Восточном вопросе: концепция классиков марксизма и историческая наука // Славянские народы: общность истории и культуры. (Сборник статей, посвященный 70-летию член-корр. РАН В.К. Волкова). М., 2000.

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2.

Балканские народы и международные отношения в Юго-Восточной Европе в 50–70-е гг. XVII в.

Балканские народы во время войны Священной лиги с Османской империей (1683–1699).

Сербская революция и развитие русско-югославянских общественных связей // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею Первого сербского восстания 1804–1813 гг. М., 2005.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. — новый этап политики России в Балканском вопросе // Война, открывшая эпоху в истории Балкан. К 180-летию Адрианопольского мира. М., 2009.

**«Верное описание
прошедшей турецкой войны»:
Неизвестный стратегический меморандум
генерал-аншефа графа П.И. Панина
и разгаданная тайна авторства
анонимных воспоминаний о войне
России и Турции 1736–1739 гг.**

Воспоминания о русско-турецких войнах XVIII века крайне немногочисленны, в подавляющем большинстве своём давно введены в научный оборот и хорошо известны специалистам-историкам. В наше время каждая новая находка такого рода представляет собой редкое, почти уникальное событие. И это вдвойне справедливо, если речь идёт об истории сравнительно менее изученной русско-турецкой войны 1736–1739 гг. (Аннинской, или Миниховской)¹. Любой вновь представляемый учёному сообществу мемуарный источник или персонифицированный служебный отчёт о тех событиях имеет значительную ценность, как, к примеру, опубликованный в 2018 г. знатком военной истории XVIII века В.И. Егоровым текст «Примечаний капитана Парадиза» о событиях Днестровского похода русской армии генерал-фельдмаршала Б.Х. Миниха в 1738 г.² И всё же в научной литературе сохраняется нехватка мемуаров, отражающих личный опыт участников русско-турецких войн той эпохи, а также восприятие русскими современниками вооружённых сил Османской империи, турок и татар как противников и практического опыта борьбы с ними. Дефицит источников такого рода, тем более не известных прежде, замечен и в новейших российских исследованиях по турецкой армии раннего Нового времени³, и в работах о восприятии русскими Османской империи⁴.

Специалистам может показаться буквально неправдоподобным, что и сейчас может быть обнаружен совершенно не известный мемуарно-аналитический документ, по сути — стратегический меморандум, запечатлевший опыт русско-турецкой войны 1736–1739 гг., причём вышедший из-под пера одного из наиболее выдающихся русских военачальников и государственных людей XVIII века. А также — что эта архивная находка позволит, путём некоторых дополнительных усилий, с неоспоримой точностью установить авторство одних весьма известных мемуаров (вернее — другого фрагмента этого самого, вновь найденного документа), почти 200 лет считавшихся анонимными. И что всё это прольёт свет на содержание и характер дискуссии в высшем руководстве Российской империи по стратегическим вопросам в начале уже следующей войны с Турцией 1768–1774 гг. И, наконец, что благодаря этому мы получим возможность прояснить также не известные ранее детали начала военной карьеры генерал-аншефа, сенатора и разных российских орденов кавалера графа Петра Ивановича Панина (1720–1789)⁵ — участника четырёх войн и десяти кампаний, героя всех генеральных батальи русской армии в Семилетнюю войну, покорителя османской крепости Бендеры и усмирителя Пугачёвского восстания. Но расскажем обо всём по порядку.

В 1836 г., в годовщину столетия начала Миниховской войны с Турцией⁶, в газете «Одесский вестник» (№№ 46–53) была опубликована рукопись под заглавием «Записка о том, сколько я памятую о Крымских и Турецких походах»; тогда же она вышла отдельным оттиском на 33 печатных страницах⁷. Публикатор документа подписался лишь инициалами «С.С.», и 40 лет спустя П.И. Бартенев выскажет абсолютно верное, на наш взгляд, предположение, что за этим псевдонимом скрывался Степан Васильевич Сафонов (1808–1862), в те годы — личный секретарь графа М.С. Воронцова, а впоследствии — видный государственный деятель, тайный советник и сенатор, а также историк и писатель, один из основателей Одесского общества истории и древностей⁸.

В предисловии к своей публикации Сафонов сообщил, что рукопись найдена им в личной библиотеке графа Воронцова. «Сочинитель сей записки был, как видно из самой рукописи, в похо-

де 1736 года Адъютантом Генерал-Майора Бирона, а в походах 1737, 1738 и 1739 годов Адъютантом Генерал-Майора Левендаля. Я не мог узнать имени и фамилии сочинителя ни из самой рукописи, ни из записок Манштейна*, участвовавшего в сих походах», — признавался публикатор⁹. Обнародованный им документ представлял собой в меру лаконичные, но живые и насыщенные фактическими сведениями воспоминания непосредственного участника всех четырёх кампаний той войны. Их автор был в самой гуще описываемых событий, причём по должности находился вблизи высших военачальников русской армии.

Позднее, в 1878 г., уже после смерти С.В. Сафонова и во время очередной русско-турецкой войны, эта же самая «Записка» была вновь перепечатана в «Русском архиве» П.И. Бартенева. Публикация вышла под заглавием «Турецкая война при императрице Анне. Записка неизвестного участника оной, с предисловием С.В. Сафонова»; при этом сам текст исторического документа был в точности воспроизведён по одесскому изданию 1836 г.¹⁰

Русский военный историк, профессор Императорской Николаевской военной академии, Генштаба генерал-лейтенант А.К. Байов (1871–1935) при создании своего фундаментального двухтомного труда по истории войны 1736–1739 гг. использовал самую первую газетную публикацию «Записки о том, сколько я памятую...» наряду с другими немногочисленными мемуарами о событиях тех лет. Он так писал об этом источнике:

«Автор участвовал во всех кампаниях войны 1736–39 гг. и оставил свои заметки обо всех. Заметки эти просто и правдиво, хотя местами с некоторыми неточностями, изображают события войны в большей или меньшей подробности. Однако записки

* Имеются в виду воспоминания Кристофа Германа фон Манштейна (1711–1757), прусского офицера, находившегося на службе в России в 1736–1744 гг. и принимавшего участие в войне с Турцией 1736–1739 гг. См.: [Manstein Christoph Hermann von]. *Memoires historiques, politiques et militaires sur la Russie: depuis l'année MDCCXXVII, jusqu'à MDCCXLIV; avec un Supplément, contenant une idée succincte du Militaire, de la Marine, du Commerce etc. de ce vaste Empire. Ouvrage écrit en François par le général de Manstein, avec la vie de l'auteur par M. Huber.* Leipzig, 1771. Русское издание: Записки о России генерала Манштейна 1727–1744 / перевод с французской подлинной рукописи автора / издано с разрешения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Константина Николаевича. СПб., 1875. Записки Манштейна представляют собой ценнейший источник по истории России первой половины XVIII в. и русско-турецкой войны 1736–1739 гг. в частности. — В. К.

не исчерпываются описанием событий, среди которых не встречается полевых сражений этой войны, они дают довольно ярко нарисованную картину состояния армии в описываемых кампаниях и живо представляют бытовую сторону жизни армии в походах. Вместе с тем, автор записок не ограничивается изложением фактической стороны действий войск, — он высказывает о них свои суждения и критикует их. При этом критика его не голословна, а общие заключения, приводимые после изложения событий каждой кампании, показывают, что автор записок понимал обстановку и был не чужд понимания военного дела вообще. «Записка о том, сколько я памятую...» особенно ценна при исследовании Крымского похода 1736 года, Очаковского похода 1737 года и кампаний Миниха в 1739 году»¹¹.

Итак, крупнейший специалист по истории войны 1736–1739 гг. А.К. Байов также не смог установить имени автора «Записки», но отмечал ценность этого источника и «понимание военного дела вообще» его составителем. Познакомившись с личностью автора и обстоятельствами создания «Записки», мы увидим, что Байов ничуть не ошибся, говоря о его профессиональной компетентности.

В наши дни свершившейся «цифровой революции» в библиотечном деле «Записка о том, сколько я памятую...» широко доступна читателям — и в виде отсканированных страниц обоих изданий 1836 и 1878 гг., и в виде их распознанного текста в различных интернет-библиотеках. Можно утверждать, что этот источник известен абсолютно каждому, кто хоть немного интересовался историей Миниховской войны с Турцией. Однако за прошедшие почти 200 лет с момента первой публикации историк не приблизился к установлению личности автора этого документа и до нынешнего момента продолжают характеризовать его как анонимный источник¹². И едва ли можно было предполагать, что спустя столько времени авторство будет, наконец, установлено.

Однако в процессе работы над книгой по истории осады и взятия османской крепости Бендеры войсками русской 2-й армии графа П.И. Панина в 1770 г. автор этих строк обнаружил в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) в фонде братьев Н.И. и П.И. Паниных одну рукопись, под загла-

вием, вытесненным на кожаном корешке: «Сведения о прежних турецких и крымских походах». В её состав входит ряд различных документов русско-турецкой войны 1768–1774 гг., а среди них — и «Записка о том, сколько я памятую...», но совсем не в том виде, какой широко известен по публикации С.В. Сафонова.

Согласно описи данного фонда, архив Паниных обработала в 1937–1938 гг. А.А. Этингф. По всей видимости, именно советская филолог-архивист Амалия Ароновна Этингф (урожденная Мухаринская) первой высказала предположение, что автором документа мог быть граф Пётр Панин¹³. Однако возможное авторство П.И. Панина было указано ею в описи в скобках и с вопросительным знаком, то есть оно осталось в качестве неподтверждённой гипотезы. И в последующие годы в трудах профессиональных историков, в том числе военных, эта версия не получила никакого развития или обоснования¹⁴.

А в самой рукописи из Пашкова дома нет никаких формальных признаков, позволяющих точно установить авторство Петра Панина. Её архивное описание сообщает: «Книга в картонном переплете, потрепанном, с кожаными уголками и кожаным корешком. На корешке вытиснено заглавие книги. На переплете наклеен листок белой бумаги с надписью карандашом: “Дугино. CLXXV. Турция и Крым 1736”».

Усадьба Дугино (ныне село Дугино Сычёвского района Смоленской области) — родовое имение Паниных. В екатерининскую эпоху им сначала владел старший брат граф Никита Иванович (1718–1783), затем его унаследовал граф Пётр Иванович и жил в нём до своей смерти в 1789 г., а потом здесь после своей ранней отставки долгие годы жил сын последнего, бывший вице-канцлер граф Никита Петрович Панин (1770–1837)¹⁵. То есть, не вызывает сомнения, по крайней мере, что найденная в 1830-х годах рукопись из библиотеки Воронцова не была единственным экземпляром «Записки» и что одна из её копий находилась в личном архиве графов Паниных в Дугине. Естественно, само по себе это не даёт никаких указаний на авторство документа.

Хранящийся в фонде Паниных текст «Записки» представляет собой 46 рукописных страниц (считая с оборотами), исписанных чернилами, писарской скорописью XVIII века, почерком чёт-

ким и ясным. Документ имеет такое же заглавие, под каким он опубликован С.В. Сафоновым, — «Записка о том сколько я памятую о крымских и турецких походах». При этом нигде в тексте не обозначено ни имя автора, ни дата написания. Помимо рассматриваемого нами документа, в той же рукописи под порядковым номером CLXXV (т.е. 175) также содержатся: записка о крымских татарах периода войны 1768–1774 гг. (предположительно, известного дипломата-восточника П.П. Веселицкого), анонимное «Рассуждение об настоящей турецкой войне с Российскою империею» (предположительно, рукою русского дипломата Я.И. Булгакова), а также — примерные чертежи «ордера де батальи» (боевого расписания) армии, организации тяжёлого обоза, описание и рисунки передвижной рогатки против конницы.

Чем же значима эта архивная находка? Прежде всего, С.В. Сафонов обнаружил в библиотеке графа М.С. Воронцова и опубликовал в 1836 г. неполный текст «Записки о том, сколько я памятую...» (или же намеренно опустил заключительную часть документа). Его публикация завершается абзацем со слов: «Между тем последовал мир и сделал всему конец»; заключительная фраза звучит так: «Сия переправа, которая в трех местах происходила, измучила и повредила у нас много людей» (речь идёт об обратной переправе армии Миниха через Днестр при возвращении из похода в конце 1739 г.)¹⁶. Таким образом, Сафонов опубликовал собственно мемуарную, повествовательную часть записки, непосредственно излагающую события всех четырёх кампаний войны 1736–1739 гг.

Отметим также важную деталь. В то время, когда С.В. Сафонов готовил публикацию «Записки», археография находилась в младенческом состоянии, отсутствовали чёткие правила и критерии издания исторических документов. Поэтому публикатор счёл возможным свободно менять текст, перефразировать отдельные места, опускать некоторые слова и выражения или заменять их синонимами, сохраняя лишь общий смысл каждого конкретного предложения. Таким образом, напечатанный Сафоновым текст является не точным воспроизведением рукописного первоисточника «Записки о том, сколько я памятую...», а, скорее, его весьма близким к оригиналу пересказом.

Что ещё важнее, полный вариант рукописи «Записки», хранящийся в фонде Паниных в ОР РГБ, отнюдь не завершается на приведённой выше фразе об обратной переправе через Днестр. После него следуют ещё 16 рукописных страниц (треть совокупного объёма текста), начинающихся со слов: «Таким образом представил я верное описание прошедшей турецкой войны. Во время оной имел я щастие служить адъютантом при великом человеке, а именно при графе Левендале...»¹⁷. О чем же говорится в этой ранее не опубликованной и не введённой в научный оборот части «Записки», и что именно позволило нам доказать верность догадки А.А. Этингоф об авторстве П.И. Панина? Ответ на последний вопрос непосредственно связан с содержанием данной части документа.

В последней трети «Записки» автор вначале обобщает свои наблюдения о боевых качествах турецких и татарских войск, их психологии и привычках, приёмах ведения войны, достоинствах и недостатках их основных родов оружия, об их крепостях и лагерях, и т.д., и т.п. Сам характер этих выводов доказывает верность предположения А.К. Байова о глубоком понимании автором военного дела.

А в заключении составитель «Записки» переходит к конкретным соображениям о том, как могут действовать силы обеих сторон на начальном этапе новой войны между Российской и Османской империями. Эта часть рукописи начинается со слов: «Положение российских и турецких границ такое, что естли война производима не будет чрез Польшу, и в самой Полше, то она всегда будет вредителна для наступающей стороны, однако еще вредителнее для России, нежели для турков»¹⁸. Далее следует уже в чистом виде стратегический меморандум, излагаемый автором уверенно, стилем и тоном человека, которому не нужно доказывать свою компетентность в военном ремесле. При этом из содержания видно, что это не абстрактный «проект» кабинетного теоретика, а краткое изложение конкретного плана военных действий за авторством опытного военачальника. Составитель «Записки» убеждённо проводил идею наступательной войны и упреждающих действий на польско-турецкой границе по Днестру с целью захвата стратегической инициативы.

Однако всё до сих пор изложенное само по себе никоим образом не может свидетельствовать об авторстве графа Петра Панина. Утвердительный ответ будет найден, если мы сопоставим текст записки с другим важнейшим источником — опубликованными ещё в XIX веке протоколами Совета при Высочайшем Дворе. Этот высший коллегиальный орган Российской империи был учреждён Екатериной II в ноябре 1768 г.¹⁹, в самом начале войны с Турцией²⁰, и в первые годы своего существования обсуждал преимущественно вопросы руководства военными усилиями государства.

Оба брата Панины — графы Никита Иванович и Пётр Иванович — с самого начала вошли в состав постоянных членов этого Совета. Братья были лидерами одной из влиятельнейших придворных партий, названной по их имени «Панинской»²¹. Старший брат Н.И. Панин был фактическим главой внешнеполитического ведомства Российской империи (иностранцы дипломаты именовали его первым министром), а также, что не менее важно, воспитателем цесаревича великого князя Павла Петровича в звании обер-гофмаршала. Второй же, генерал-аншеф и сенатор П.И. Панин, был начальником Финляндской дивизии, расквартированной вблизи столицы. И хотя к концу 1760-х годов влияние «Панинской партии» при дворе постепенно ослабевало, авторитет обоих братьев в вопросах внешней политики и военной стратегии оставался весьма высок.

Впрочем, в самом начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг. генерал-аншеф П.И. Панин, один из опытейших военачальников высшего звена, не получил назначения на командную должность в действующую армию. Главный «наступательный корпус» в Подолии (будущая 1-я армия) был доверен генерал-аншефу князю А.М. Голицыну, меньший по численности «оборонительный, или украинский корпус» (будущая 2-я армия) — генерал-аншефу графу П.А. Румянцеву. Свое решение об этом императрица лично сообщила членам Совета на заседании 6 (17) ноября 1768 г.²². Несомненно, для крайне честолюбивого и обидчивого Петра Панина это стало чувствительным ударом. То, что он не получил командования, могло быть связано со сложной борьбой придворных группировок и кланов, а также и с тем, что Пётр Панин

в течение долгих лет, ещё со сравнительно молодого возраста, страдал от тяжёлой хронической болезни — подагрических болей в разных частях тела, мучительные приступы которых надолго приковывали его к постели.

Впрочем, обойдённый назначением генерал-аншеф Панин явно не был намерен «сдаваться на дискрецию» перед невзгодами. В отличие от своих двух более удачливых соперников по службе — Голицына и Румянцева, он лично участвовал в прошлой Миниховской войне с Турцией. И вообще, среди высших военных деятелей Российской империи личный опыт действий против турок и татар на тот момент был, пожалуй, у одного лишь графа Петра Ивановича, который хорошо видел связанные с этим преимущества. Полученные им в кампаниях 1736–1739 гг. знания и навыки должны были помочь России выработать верную стратегию и тактику в начале новой войны с Турцией, а одновременно с этим — и укрепить авторитет самого Панина как полководца.

На заседании Совета при Высочайшем Дворе 12 (23) ноября 1768 г. рассматривались административные меры, принятые властями Российской империи в прошлую войну с Турцией, и тогда-то граф Пётр Панин высказался, что «еще он признает за нужное, чтоб поручено было сделание исторического описания о действиях в бывшие войны с Турками»²³. При полном отсутствии в то время военно-исторической литературы и иных обобщающих и специальных трудов по данному предмету, руководство России остро нуждалось в такого рода материалах.

А на одном из ближайших вслед за тем заседаний Совета 8 (19) декабря 1768 г., когда речь зашла о конкретных планах действий русских войск в начальный период войны с Турцией, состоялась серьёзная дискуссия с участием Петра Панина. Протокол заседания сообщает:

«Граф П.И. Панин представил, что он думает, ежели Турки останутся в теперешнем положении, то употребить сие время на соединение войск в Польше и когда до 29.000* человек будет, постараться утвердить себя на польско-турецкой границе, заняв нашими войсками укрепленные места, и заводить магазины и

* Довольно странное некруглое число, но так оно дано в опубликованном тексте протокола Совета. — В. К.

когда неприятель увидит, что все укрепленные места нами заняты, то он принужден будет предпринимать атаку противу упомянутых мест, а сие в действо произвести прежде весны он никак не отважится. **Он же, граф Панин, представил для занятия местечка Окуп, лежащего в правую сторону от Каменца, и другого — Шелонок*, лежащего между двумя реками** (выделено мной. — В. К.), тем войском, которое успеет прежде соединиться с находящимся в Польше корпусом»²⁴.

Далее, судя по тексту протокола, в Совете разгорелась довольно оживлённая полемика между Пётром Паниным и графом З.Г. Чернышевым (1722–1784), вице-президентом военной коллегии, фактическим главой военного ведомства Российской империи²⁵. Суть спора заключалась в том, что Панин настаивал на скорейшем, ещё в течение зимы, занятии русскими войсками польских укреплённых мест у турецкой границы по Днестру, в том числе крепости Каменец-Подольский, не дожидаясь сосредоточения в Польше основных сил армии А.М. Голицына. Чернышёв же возражал, что необходимые для этого войска могут быть собраны не раньше марта следующего 1769 года.

Как всё это связано с текстом «Записки о том, сколько я памятую...»? В её неопубликованной «стратегической» части читаем следующее: «...Почему необходимо нужно, предупредя турков, немедленно занять Каменец-Подольской; **стоящую в разстоянии одной мили оттуда сильную крепость, Окуп называемую** (выделено мной. — В. К.), и село Черной Козенец, в котором епископ Каменецкой обыкновенно пребывание свое имеет. Сие последнее место хотя толко село, в трех милях от Каменца стоящее, однако почти со всех сторон окружено рекою с мотрицею**», исключая толко самый малый проход, и можно с небольшим трудом сделать его столь же крепким, как и самой Каменец. Епископ, владеющий сим местом, родной брат конфедерационному маршалу Красинскому. **Окуп стоит в одной миле от Хотина на здешнем берегу Днестра и еще крепче Каменца.** Сии места должно снабдить всеми потребностями к обороне, заводя притом

* К сожалению, пункт с этим или хотя бы похожим названием нам не удалось локализовать ни на одной старой карте того региона. — В. К.

** Так в рукописи. Выяснить значение данного слова не удалось. — В. К.

в оных магазейны с провиантом и фуражом, для всей армии на будущую кампанию. Я полагаю наперед и, как думаю, не ошибаюсь, что турки ныне и допред будущей весны болшаго числа войска на Днестре иметь не могут, разве толко несколько тысяч белгородских татар, липканцов* из самых последних их военных людей, следовательно находящейся ныне в Полше корпус российской армии один в состоянии был сие исполнить»²⁶. Далее там же автор всячески настаивает на максимально твёрдых мерах в отношении поляков, что, по его мнению, диктовалось военной и политической обстановкой.

И вообще, на основании полного текста «Записки о том, сколько я памятую...» её автор воспринимается не как досужий мемуарист на заслуженном отдыхе, а как авторитетный военный деятель, использующий свой личный опыт для отстаивания в упорной борьбе собственных полководческих идей. О действиях целых армий как в прошлом (в войну 1736–1739 гг.), так и в настоящем (в начале войны 1768–1774 г.) автор записки рассуждает тоном человека, которому не чужд опыт руководства крупными массами войск. К примеру, он уверенно и довольно едко критикует действия фельдмаршала Миниха, в особенности — во время кампании 1739 г., непосредственно перед и во время сражения при Ставучанах.

Сам стиль всей «Записки», и в особенности её неопубликованной «стратегической» части, весьма полемичен и подразумевает использование этого текста в практической дискуссии, с целью разбить аргументы оппонентов и убедить в своей правоте сомневающихся. Автор использует явные риторические приёмы, к примеру:

«Против сего можно бы возразить, что мы не имели права входить в полские границы. На сие иного ответу дать не могу, кроме того, что прошу мне изъяснить, по какому праву мы после в 1739^м году предприяли поход свой чрез Польшу»²⁷; «Положив

* Липканцы (липкане, липки), также известны как литовские татары, белорусские татары, и др., — субэтническая группа татар, переселившихся в конце XIV в. во владение Великого княжества Литовского. Позднее часть их мигрировала во владения Османской Порты на среднем течении Днестра, в район Хотинской райи. Выставлявшиеся ими воинские контингенты играли роль легкой вспомогательной конницы в турецкой армии. — В. К.

наперед, что должно быть наступательной войне, спрашивается, как оную с наилучшим успехом производить можно? Признаюсь, что предпринимая ответственность на сей вопрос, я далеко отваживаюсь, однако не думаю я, чтоб то было преступление открыть свои мысли и предать оные на рассмотрение знатнейшим и прозорливейшим особам»²⁸; «Ответствовав на возражение, которому в самом деле никогда быть не чаю, возвращаюсь опять на прежнее и уповаю, что мы побьем турков и возьмем Хотин. Что тогда далее предпринимать должно?»²⁹, и т.п.

Из текста последней части «Записки» видно и конкретное время её составления: автор говорит о войне с Турцией как о неизбежной и неотвратимой, фактически — уже начавшейся, однако об операциях русской армии он высказывается только в будущем времени. Автор называет конкретные сроки — январь, февраль, «будущая весна»; рассуждает о возможном взаимодействии главных сил и войск графа П.А. Румянцева.

Примечательно, что в конце 1768 г. основные группировки вооружённых сил России на театрах начавшейся войны с Турцией ещё не получили устоявшихся позже официальных наименований армий с порядковыми номерами 1-я и 2-я. В документах они обыкновенно назывались «корпусами»: «наступательный» — у князя А.М. Голицына в Польше, «оборонительный» — у графа П.А. Румянцева на Украине. Слова «Записки» об «обсервационном корпусе Румянцева» точно указывают именно на этот весьма непродолжительный отрезок времени (ноябрь-декабрь 1768 г.). Между прочим, о П.А. Румянцеве (ещё одном зачатом сослуживце-сопернике П.И. Панина) автор «Записки» говорит спокойно, без торжественно-официозного наименования его регалий, званий и должностей, словом — как о равном себе (к примеру: «Тут корпус генерала Румянцева расположением своим подаст паки великую помощь»).

Итак, в «Записке» речь шла о конкретных прогнозах и планах на начальный период предстоявшей кампании 1769 г. Что самое главное, мы видим полное смысловое созвучие содержания этой части «Записки» и выступления Петра Панина на заседании Совета 8 декабря 1768 г. В обоих случаях подчёркивается необходимость упреждающих решительных действий русских войск

на польско-турецкой границе и занятия ряда опорных пунктов на среднем течении Днестра на хотинском направлении — в особенности, крепости Каменец-Подольский и укрепления Окуп, ещё зимой 1769 г., до открытия весенне-летней кампании. Это позволило бы с самого начала войны перехватить у турок инициативу, быстро овладеть Хотинем и затем в ходе первой же полевой кампании очистить от турецких сил всё пространство к северу от Дуная.

Обстановка в приднестровской Подолии на рубеже 1768–1769 гг. была сложной и неопределённой³⁰. В условиях фактически шедшей в Речи Посполитой гражданской войны польские коменданты и гарнизоны крепостей и укреплений близ Днестра оставались внешне лояльны королю Станиславу Августу, союзнику России, однако не доверяли русским войскам и не подпускали их близко. В гарнизоне Каменца многие сочувствовали Барской конфедерации, и в 1768 г. там даже был раскрыт заговор её сторонников³¹. Конфедератские отряды бродили в окрестностях крепости, и в мае 1768 г. атаковали её предместье. Русское командование имело все основания опасаться, что мятежники — сами или совместно с турками и татарами — смогут захватить некоторые укрепленные пункты у Днестра или воспользоваться их запасами.

«Местечко Окуп», которому придавали особое значение и Пётр Панин на Совете, и автор «Записки» (в обоих источниках его название даётся в одинаковом написании), — это современное село Окопы Борщёвского района Тернопольской области Украины, расположенное на левом (северном) берегу Днестра у места впадения в него реки Збруч. В 1692–1693 гг. великий гетман коронный Станислав Ян Яблоновский возвёл здесь для защиты от татар небольшой каменный замок под названием Окопы Святой Троицы (польск. *Okopy Świętej Trójcy*). Эта фортеция, расположенная на малодоступной скалистой высоте между каньонов двух рек, находилась в 20 км к юго-западу от Каменца-Подольского и всего в 6 км по прямой от турецкой крепости Хотин, лежавшей на противоположном берегу Днестра.

А «село Черной Козенец», также упомянутое в «Записке», — это современное село Чернокозинцы (укр. Чернокозинці, польск.

Czarnokozińce), в Каменец-Подольском районе Хмельницкой области, на берегу Збруча, в 22 км к западу от Каменца. С середины XV в. это местечко принадлежало каменецкому римско-католическому епископу, здесь находился каменный замок, неоднократно разрушавшийся татарами и турками (его живописные руины сохранились и поныне). Далее в «Записке» упоминались и другие пункты на Днестре: «Если бы после вверх по Днестру удастся захватить места Бузовцы*, принадлежащее Потоцкой фамилии, Яславицы**, принадлежащее королю, также Грудец*** и Студенцы**** ниже Хотина, то можно туркам в переходе через Днестр сделать превеликое затруднение»³². Таким образом, автор «Записки» имел ясное и компетентное представление о военной географии того региона, даже если его познания о состоянии тамошних укреплений несколько устарели³³.

В декабре 1768 г. Окопы и Жванец на Днестре, оставленные коронными войсками, были заняты барскими конфедератами, которые в то время активно готовились содействовать набегу орды хана Крым-Гирея на российскую Елисаветградскую провинцию. Ко дню заседания Совета при Высочайшем Дворе 8 декабря известия о захвате этих крепостей мятежниками едва ли успели достичь графа Панина. Но само развитие событий показывало, что его мысли были совершенно не напрасно обращены на военное значение этих укреплений на Днестре.

Подробно говоря об оборонительных свойствах и стратегической ценности данных пунктов, составитель «Записки» явно опирался на собственное знание той местности, полученное им в последнюю турецкую войну, 30-тью годами раньше. Как видно

* Предположительно, имеется в виду совр. поселок городского типа Большеовцы (укр. *Більшівці*, польск. *Bołszowiec*); на австрийской военной карте Ф. фон Мига 1779–1783 гг. — *Bulsowiec*, в 150 км к северо-западу от Каменца-Подольского. — В. К.

** Совр. село Язловец (укр. *Язловець*, польск. *Jazłowiec*) Бучачского района Тернопольской области Украины, у впадения р. Ольховец в р. Стрыпа (левый приток Днестра), в 90 км к западу от Каменца-Подольского. Здесь находился каменный замок, который в XVII в. неоднократно осаждали украинские казаки, турки и поляки. — В. К.

*** Данный пункт на карте локализовать не удалось. — В. К.

**** Бывшее село Студеница (укр. *Студениця*) у места впадения в Днестр речки Студеницы, примерно в 27 км к юго-востоку от Каменца-Подольского. В XVII в. здесь находился каменный замок, который неоднократно захватывали турки. В 1684 г. при Студенице состоялась сражение, в котором польско-казацкое войско было разбито каменецкими турками и татарами. В 1981 г. с. Студеница было затоплено при создании Днестровского водохранилища. — В. К.

из текста «Записки», в 1739 г. её автор оставался адъютантом графа У.Ф.В. Лёвендаля, который в ту кампанию одновременно командовал и дивизией войск, и всей полевой артиллерией русской армии, и вообще был правой рукой генерал-фельдмаршала Б.Х. Миниха.

Вместе с главными силами русской армии автор «Записки» в июле 1739 г. участвовал в обходном маневре с переправой через Днестр у села Синьковцы (совр. Синьков) в 40 км выше Хотинской крепости по течению, а затем в марше к ней уже по правому берегу реки³⁴. Позднее, после окончания военных действий, генерал Лёвендаль находился во взятом Хотине вплоть до декабря 1739 г., занимаясь передачей крепости турецкому комиссару и руководя обратной переправой русского гарнизона³⁵. Так что неудивительно, что его молодой адъютант имел и время, и возможность хорошо изучить с военной точки зрения местность по обоим берегам Днестра, включая небольшие фортеции польской Подолии.

Итак, на основании всего изложенного, и более всего — на тождественности тезиса о занятии укрепления Окуп и других пунктов на Днестре близ Каменца-Подольского, мы можем утверждать уверенно, что текст «Записки о том, сколько я памятую...» был составлен графом П.И. Паниным во исполнение его собственного предложения об обобщении военно-исторического опыта прежней войны с Турцией. «Записка» была подготовлена либо непосредственно к заседанию Совета при Высочайшем Дворе 8 декабря 1768 г., либо сразу по его итогам, как закрепление озвученной Паниным позиции.

На том самом заседании Совет принял по вопросу о Каменце-Подольском компромиссно-неопределённое решение: «Всевозможные иметь старания о занятии оной крепости, как скоро войска в силах будут то учинить, и притом иметь попечение о скорейшем собрании войска»³⁶. В итоге эта крепость так и оставалась под контролем гарнизона польских коронных войск. В ходе кампании 1769 г. образ действий её коменданта Яна де Витте (1709–1785) вызывал сильные подозрения русской стороны, и только после решительной победы над турками под Хотинском в сентябре позиция каменецких поляков стала подчеркнута дружественной по отношению к русским войскам³⁷.

На чьей стороне была правда в споре Панина и Чернышёва на Совете и насколько осуществим был амбициозный план графа Петра Ивановича — эти вопросы потребовали бы отдельного обширного исследования с изрядной долей гадательности и допущений. Впрочем, предложения Панина не пропали совсем втуне. 26 февраля 1769 г. немногочисленный detaшмент русских войск генерал-майора И.М. Измайлова, разделившись на две части, одновременно штурмовал и взял укрепленные местечки Окопы и Жванец на Днестре, занятые барскими конфедератами. Несмотря на труднодоступное положение обеих фортеций, неорганизованные отряды поляков не сумели оказать серьезного сопротивления. Завладев Окопами и Жванцем, русские войска уничтожили тамошние магазины и сбросили трофейные пушки в реку, так как вывезти их не было возможности³⁸. Таким образом, конфедераты были выбиты из обоих местечек, но и русские войска не стали там закрепляться.

Вопреки опасениям Панина, в кампанию 1769 г. турки так и не смогли энергично продвинуться за Днестр в польскую Подолию, на соединение с силами Барской конфедерации. На заседании Совета при Высочайшем Дворе 10 августа 1769 г. П.И. Панин вновь вернулся к проблеме Каменца и настаивал, что овладение этой крепостью было необходимо России для сохранения влияния на польские власти³⁹. А затем, в сентябре, уже под занавес кампании того года, в результате поражений великого визиря на Днестре под Хотинном произошли быстрый распад и беспорядочное отступление главных сил османской армии из Дунайских княжеств. Воспользовавшись этим, русские войска сразу же, за считанные недели и практически без сопротивления, заняли почти всю Молдавию и часть Валахии вплоть до столичного Бухареста. Это скорее подтверждало верность стратегических рассуждений Панина о возможности быстрой и решительной победы над турками к северу от Дуная в 1769 г. при условии эффективной обороны на среднем течении Днестра в начале кампании. Военный авторитет Панина в глазах руководства Российской империи неизменно оставался высок. Когда в августе 1769 г., ещё до развязки тяжёлой летней кампании, высшее руководство приняло решение заменить командующего 1-й армией А.М. Голицына на П.А. Румянцева, то

и для П.И. Панина, наконец, наступил черёд получить высокое назначение. Ему был вверен освободившийся пост командующего 2-й армией на Украине⁴⁰, во главе которой в следующем, 1770 году графу Петру Ивановичу предстояло совершить выдающийся поход, осаду и штурм османской твердыни на нижнем Днестре — крепости Бендеры.

Итак, мы установили со всей возможной точностью авторство, время и обстоятельства написания «Записки о том, сколько я памятую...». Что же нового может это дать для жизнеописания графа Петра Ивановича Панина?

Период русско-турецкой войны 1736–1739 гг. до сих пор был зияющим «белым пятном» в истории жизни и службы этого выдающегося военного и государственного деятеля Российской империи. В дореволюционных работах о П.И. Панине из одного текста в другой кочевал полуанекдотический рассказ о том, как совсем юный, 16-летний Панин, служивший в лейб-гвардии Измайловском полку, попал на русско-турецкую войну 1736–1739 гг. Его первый биограф Д.Н. Бантыш-Каменский (1788–1850) писал: «Стоя однажды на часах во Дворце, он отдал честь ружьем Императрице Анне Иоанновне, и в то самое время показалось на лице его судорожное движение, которое Государыня приняла за умышленное кривляние. Едва избег он Сибири; но отправлен в армию против Крымцев»⁴¹. Позднее другой дореволюционный историк и генеалог П.Н. Петров (1827–1891) передал этот же эпизод сходными словами: «Стоя на часах во дворце, как солдат гвардии, в 1735 году, Петр Панин, делая честь ружьем проходившей мимо государыне, почувствовал позыв на зевоту, но успел пересилить себя. Тем не менее, судорожное движение челюстей было замечено императрицей, отнесшею это действие часового к намерению сделать гримасу, и за эту небывалую вину несчастный юноша послан солдатом в армию, приготовлявшуюся к походу в Крым»⁴².

У обоих историков не называется источник этих сведений; Д.Н. Бантыш-Каменский говорит лишь, что при написании своей биографической статьи использовал «Журнал и подлинные бумаги Графа П.И. Панина»⁴³. Проверить достоверность данного эпизода по служебным документам едва ли возможно; поэтому приходится предположить, что он может восходить к семейным

преданиям потомков Панина. Дореволюционные военные историки П.А. Гейсман и А.Н. Дубовской, авторы единственного серьезного биографического труда о П.И. Панине, повторили историю о его ссылке на турецкую войну и напрямую сделали из этого вывод, что «военная карьера Панина началась при условиях весьма для него неблагоприятных»⁴⁴. Это полностью вписывалось в их концепцию начала службы Панина в эпоху «немецкого засилья» при дворе и в армии, когда происходили «чуждые русским войскам реформы или точнее ненужные искажения графа Миниха»⁴⁵.

Однако никаких подробностей о службе и боевом пути Панина во время войны 1736–1739 гг. его биографам известно не было — ни в каком чине и в какой части он служил, ни в каких походах и делах принимал участие. В формулярном списке Панина, который использовали Гейсман и Дубовской, этих сведений просто нет. Поэтому историки упоминали лишь вскользь, что он сумел благополучно перенести все тяготы турецкой войны и вернуться в свой Измайловский полк, вместе с которым в 1742 г. отправился уже на новую войну — против Швеции.

Теперь же, при установленном авторстве «Записки о том, сколько я памятую...», обстоятельства первых лет военной службы Петра Панин предстают перед нами совсем в ином свете. Вероятно, предание о его проступке перед императрицей Анной Иоанновной и о последовавшем наказании не могло возникнуть совсем на пустом месте, и какая-то провинность была им допущена. Но если даже она и повлекла распоряжение об отправке 16-летнего Панина в действующую армию, на войну с турками и татарами, то, конечно, он, сын генерала и сенатора, находившийся в родстве со знатнейшими фамилиями Российской империи, имел возможность избежать тягот солдатчины и участия в степных походах в рядах одного из армейских полков. Мы можем лишь догадываться, какие рычаги и пружины были задействованы покровителями Панина, но в итоге вместо жестокого наказания он, напротив, получил ценную для своей дальнейшей карьеры возможность. Кроме того, примечательно обстоятельство, что его отец Иван Васильевич Панин скончался 11 мая 1736 г., как раз перед началом первой кампании турецкой войны, в которой

принял участие Пётр Панин. Но, вероятно, мы никогда не узнаем точно, имелась ли какая-то связь между проступком молодого Панина, наказанием и смягчением его, отбытием его самого на войну и смертью его отца. Как бы то ни было, тогда, в начале войны 1736–1739 гг., Пётр Панин получил ценный шанс в самом юном возрасте принять участие в военных действиях в качестве приближённого лица, адъютанта и фактически ученика высших военачальников действующей армии. Согласно петровскому «Уставу воинскому», на адъютантские должности должны были назначаться «умные, трудолюбивые и храбрые молодые люди», и там же подчеркивалось, что «молодому человеку нигде так военному обыкновению обучиться, как в сем чину»⁴⁶. Адъютант генерал-майора мог состоять в чине армейского прапорщика, так что 16-летний Панин при переводе из гвардии вполне мог получить эту должность.

Помимо прочего, в письме к брату Никите Ивановичу от 16 июня 1770 г., Петр Панин, говоря о трудности и опасности путешествия одиночных лиц к армии по пустынной степи, упоминал, как он сам 16-летним юношей (то есть в 1736 г.) в подобной ситуации «почтою верхами ездил»⁴⁷; и это также не очень сочетается с версией о его ссылке на войну рядовым солдатом. В кампанию 1736 г. Пётр Панин был адъютантом генерал-майора Карла фон Бирона (1684–1746), старшего брата всесильного в то время фаворита императрицы Эрнста Иоганна фон Бирона⁴⁸, а в 1737–1739 гг. — адъютантом генерала У.Ф.В. Лёвендаля, которого сам он называет в «Записке» «великим человеком».

Подробная биография этого военачальника на русском ещё не написана, и здесь расскажем о нём лишь кратко. Ульрих Фридрих Вольдемар барон (граф с 1741 г.) фон Лёвендаль (*Ulrich Friedrich Woldemar von Löwendal*, 1700–1755) был отпрыском знатного датско-норвежского рода. Он родился в Гамбурге, в 13 лет рядовым солдатом поступил на военную службу к императору Священной Римской империи Карлу VI Габсбургу, в рядах имперских войск принимал участие в военных действиях в Польше и уже в 1714 г. получил чин капитана. Затем Лёвендаль на короткое время поступил добровольцем в военный флот Дании, после чего в 1716 г. вернулся в цесарскую армию и под командованием

принца Евгения Савойского воевал с турками. Позднее он служил королю польскому и курфюрсту саксонскому Августу II Сильному, командовал саксонскими войсками на Рейне во время войны за Польское наследство в 1734–1735 гг., а затем перешёл на русскую службу, как раз в начале войны с Турцией⁴⁹. В 1737 г. Лёвендаль участвовал в осаде и штурме Очакова, где был ранен в руку; в походе 1738 г. командовал всей артиллерией Днепровской армии⁵⁰, а затем её арьергардом во время трудного отступления, был ближайшим сподвижником фельдмаршала Б.Х. Миниха в кампанию 1739 г. После того Лёвендаль в 1740–1743 гг. занимал должность генерал-губернатора Эстляндии и тогда же участвовал в русско-шведской войне 1741–1743 гг. Вскоре после восшествия на престол Елизаветы Петровны Лёвендаль был вынужден покинуть русскую службу и поступил в армию короля Франции Людовика XV. Современник писал: «Граф Владимир Левендаль знатного происхождения, находившийся в российской службе полным генералом, г. губернатор в Ревеле и кавалер св. Александра Невского, был человек умный, просвещенный, храбрый и искусный на поле сражения. Одаренный красноречием, Левендаль хорошо говорил почти на всех известных языках; превосходно знал и положение дворов и состояние войск европейских»⁵¹.

Затем граф Лёвендаль принял участие в войне за Австрийское наследство и под началом своего друга детства графа Морица Саксонского, великого полководца того поколения, сыграл важную роль в блестящей кампании французской армии по завоеванию Австрийских Нидерландов. Венцом полководческой карьеры Лёвендаля стали осада и взятие штурмом 5 (16) сентября 1747 г. сильнейшей голландской крепости Берген-оп-Зоом (голл. *Bergen op Zoom*) в Северном Брабанте, творения выдающегося военного инженера Менно ван Кугорна. К борьбе за эту крепость в то время были прикованы взоры всей Европы, и за взятие Бергена Лёвендаль был удостоен маршальского жезла. Он умер в Париже в 1755 г. от последствий старой раны.

Граф Лёвендаль представлял собой классический для XVIII века тип космополитичного аристократа-кондотьера, авантюриста и настоящего «пса войны», в особенности он пользовался репутацией мастера борьбы против неприятельских крепостей⁵².

В его свите совсем юный Пётр Панин получил начальную и бесценную школу полководческого ремесла. А впоследствии, после завершения самой важной военной кампании в своей жизни — осады и взятия Бендер в 1770 г. — он с гордостью сравнивал этот штурм со взятием Бергена-оп-Зоом и говорил, что он превзошёл ту победу Лёвендаля⁵³. Кроме того, как видно из текста «Записки», во время событий войны 1736–1739 гг. Панин неоднократно находился вблизи самого главнокомандующего генерал-фельдмаршала Миниха и наблюдал его в разных ситуациях.

Теперь мы знаем, что не кто иной, как молодой П.И. Панин, прошёл весь тот походный и боевой путь, который описан в «Записке о том, сколько я памятую...», — взятие Перекопа и вторжение в Крым в 1736 г., драматический и кровавый, но счастливый штурм Очакова в 1737 г., катастрофический для русской армии поход 1738 г. на Днестр через татарские степи и обратное отступление и, наконец, завершающая кампания 1739 г. — победа под Ставучанами и взятие Хотина. Находясь в самой гуще этих событий, Панин преодолевал все трудности жизни на войне и одновременно молодым умом и сердцем впитывал, словно губка, огромную массу профессиональных впечатлений и наблюдений.

Разве мог 18-летний юноша Панин во время неудачного Днестровского похода Миниха летом 1738 г. помыслить, что 32 года спустя ему самому, уже зрелому и израненному в боях генерал-аншефу, придётся по тем же самым местам, по пустынным степям между Южным Бугом и Днестром (хоть и несколько иным маршрутом) вести русскую армию в её походе на Бендеры в 1770 г.? И обширный корпус документов этой последней кампании свидетельствует, что весь свой опыт участия в борьбе против турецко-татарских сил в условиях безлюдного степного театра военных действий Панин с полным успехом применил уже в бытность свою главнокомандующим.

Ещё в первой, «мемуарной» части «Записки» после рассказа о тяжёлом походе в Крым 1736 г. Панин чётко формулирует практические выводы об организации движения войск в безлюдных причерноморских степях (начиная со слов «Генерално нахожу я...») — о количестве и составе обоза, о запасе провианта и маркитантах, об обеспечении войск вином и сбитнем, а также о кон-

кретных шагах по покорению Крыма в несколько этапов. В других местах «Записки» он неоднократно подчеркивает значение использования рогаток против татарской и турецкой конницы⁵⁴, говорит о нецелесообразности миниховской системы движения армии единым огромным каре с обозом внутри него. Так что «Записка» содержит не просто мемуарные зарисовки из прошлого на удивление потомкам, а остроактуальные советы для практического использования и сбережения жизней русских солдат.

А фрагмент «Записки» о штурме Очакова в 1737 г. содержит общие выводы Панина об особенностях устройства и защиты османских крепостей. И изучение опыта осады Паниным Бендер в 1770 г. показывает, что он долго и всерьёз надеялся повторить успешный опыт Миниха под Очаковом — усиленной бомбардировкой вызвать в крепости сильный пожар и, возможно, взрыв пороховых погребов. С другой стороны, в конце 1768 г. Панин не имел точных сведений о Бендерской крепости (близ которой он на тот момент не бывал) и потому писал так: «Город Бендеры яко худо укрепленное место, [...] долго держатся не может, но чрез несколько дней принужден будет сдаться». Панин имел в виду, что поражение турецкой полевой армии может привести к падению духа и быстрой сдаче их крепостей к северу от Дуная. Так было с Хотинем в 1739 и 1769 гг. Однако в случае Бендер это предположение оказалось бесконечно далеко от действительности, и узнать это на личном опыте Панину предстояло во время трудной шестинедельной осады и кровопролитного штурма в ночь на 16 сентября 1770 г.

Раздел «Записки» с описанием турецких войск и их действий также представляет большой интерес. На момент создания этого документа существовал острый дефицит доступных актуальных сведений о состоянии вооружённых сил Османской империи. В 1737 г. вышло русское издание знаменитого труда по этой теме итальянского учёного и военного деятеля Луиджи Фердинандо Марсильи (1658–1730)⁵⁵. При неоспоримой ценности его книги и для современников, и для позднейших исследователей, данные Марсильи отразили состояние османской военной мощи в последние десятилетия XVII в. и уже достаточно устарели ко времени Миниховской войны, не говоря уже о 1768–1774 гг.

Разумеется, несколько страниц рукописи Панина по широте охвата не могли сравниться с фундаментальной работой Марсильи. Однако «Записка о том, сколько я памятую...», не претендуя на всеохватность, содержала в сжатом и концентрированном виде личные наблюдения и выводы Петра Панина о тех особенностях турецких и татарских войск, с которыми могла столкнуться русская армия и которые должны были оказать влияние на ход новой войны. И хотя в этом разделе «Записки», как и у Марсильи и других европейцев той эпохи, лейтмотивом является ослабление и упадок вооружённой мощи дома Османов, у Панина как профессионального военного нет и признаков недооценки или пренебрежительного отношения к турецкой армии как к противнику. Более чем красноречивы его слова: «Не может никакой народ храбрее и военнее быть турков»⁵⁶. И также примечательно, что автор «Записки» всерьёз относился к информации о тактическом развитии и усовершенствовании турецкой артиллерии и считал это потенциальной угрозой.

И этот раздел, и вся «Записка» ценны для нас именно тем, что они запечатлели живой опыт военного человека, прошедшего кампании 1736–1739 гг., а позднее, 30 лет спустя, с успехом применившего этот опыт в следующей войне с Турцией, которая стала эпохальным, поворотным моментом в истории военного противостояния Российской и Османской империй. Многие из этих наблюдений и мыслей Панина были позже отражены в составленном им перед началом похода 1770 г. наставлении «На предводительство в наступательные действия противу войска турецкаго» — ценном памятнике русской военной тактической мысли, незаслуженно полузабытом и находящемся в тени «Обряда службы» П.А. Румянцева, составленного перед той же самой кампанией⁵⁷.

Теперь мы можем утверждать, что публикатор первой части «Записки» С.В. Сафонов ошибался, когда говорил: «Это памятная записка человека, не писавшего для потомства, не имевшего в виду занять место между современными историками, но желавшего сохранить на бумаге память о совершенных им походах и, вероятно, на закате своей жизни рассказывавшего в тиши кабинета деяния давно минувших лет»⁵⁸. В действительности

автором документа был 48-летний боевой и крайне честолюбивый генерал-аншеф, один из могущественных военных деятелей Российской империи с огромным личным и клановым влиянием в высшем руководстве государства. На тот момент его военная карьера была ещё далека от завершения, и «Записка» писалась им не столько для потомства, сколько для осведомления членов Совета при Высочайшем Дворе и для разработки эффективной стратегии и тактики русской армии в новой войне против Турции.

По нашему глубокому убеждению, «Записка о том, сколько я памятую о крымских и турецких походах» заслуживает полной академической публикации, максимально точно воспроизводящей текст первоисточника по хранящейся в ОР РГБ рукописи. В представляемую далее публикацию входят обе части «Записки» — и ранее известная по публикациям С.В. Сафонова 1836 и 1878 гг., и вторая, прежде никогда не публиковавшаяся. Подробный критический анализ и разбор всего фактического содержания «Записки» не входят в задачу данной публикации. Поэтому нами даются лишь минимальные комментарии биографического, географического и терминологического характера, необходимые для точного понимания текста источника. Согласно правилам публикации исторических документов периода до конца XVIII в., текст воспроизводится с максимальным сохранением его орфографических особенностей. В квадратных скобках курсивом указываются номера листов архивной рукописи (после текста соответствующего листа).

Примечания

- ¹ Наиболее подробный на сей день обзор опубликованных источников и историографии по этой войне на русском языке см.: *Михайлов А.А.* Русско-турецкая война 1736–1739 годов: историографический аспект // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 г. СПб., 2012. Ч. II. С. 332–348.
- ² *Егоров В.И.* Русская армия глазами австрийского наблюдателя. Примечания капитана Парадиза о походе 1738 года // Связь эпох: исторический альманах. Вып. 1. М., 2018. С. 11–30. Этот документ сочетает черты мемуарного свидетельства и служебного отчёта военного наблюдателя, давшего профессиональную оценку русской армии того времени. Впрочем, еще в XIX веке данный источник использовали С.М. Соловьев и А.А. Кочубинский, а в наши дни — С.Г. Нелипович. Последний высказал абсолютно верное, на наш взгляд, предположение, что «капитан Парадиз» — это псевдоним австрийского военного уполномоченного

при русской армии фон Райски. См.: *Нелипович С.Г.* Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 239. В.И. Егоров приводит фамилию упомянутого лица в написании «де Рейски», что не совсем точно, и придерживается версии, что это был некий анонимный помощник австрийского военного агента. Не вполне выясненными остаются обстоятельства создания этого документа и появления его копии в Российском государственном архиве древних актов. Сведения о предполагаемом авторе у нас также отсутствовали. Нам удалось найти некоторые данные о личности австрийского военного представителя при русской армии. Это был Франц Венцель Райски барон фон Дубниц (нем. *Franz Wenzel Reisky Freiherr von Dubnitz*; 1687–1741), офицер австрийской службы, в 1726–1738 гг. — полковник пехотного полка Йохана Фридриха графа фон Дизбаха. С этим полком он служил на Сицилии, командовал гарнизоном Сиракуз, руководил обороной этой крепости в 1735 г. против испанских войск и затем капитулировал на почётных условиях. В 1738 г. произведён в чин генерал-фельдвахтмейстера. В 1738–1739 гг. — военный уполномоченный (нем. *Militärbevollmächtigte*) при союзной русской армии. Был фактическим руководителем обороны крепости Глогау в Силезии против пруссаков в ходе Первой Силезской войны в 1741 г., был смертельно ранен и умер 3 августа 1741 г. Правильное произношение его фамилии — «Райски», и почти вне всякого сомнения, именно она была зашифрована в псевдониме «капитан Парадиз». Это разрешает и недоумение В.И. Егорова, выраженное в словах: «Такое впечатление, что перед нами не капитан, а по меньшей мере генерал-поручик». Райски фон Дубниц действительно был опытным военачальником, и его чин соответствовал генерал-майорскому.

³ Наибольшую ценность из них имеют работы М.В. Нечитайлова и В.С. Великанова, в особенности их последняя обобщающая монография: *Нечитайлов М.В., Великанов В.С.* Щит и меч султана: Армия Османского государства в конце XVI — начале XVIII в. М., 2020.

⁴ *Taki Victor.* Tsar and Sultan: Russian Encounters with the Ottoman Empire. London; New York, 2016; рус. пер.: *Таки В.* Царь и султан: Османская империя глазами россиян. М., 2017.

⁵ Точная дата рождения П.И. Панина неизвестна. Во всех биографических и энциклопедических изданиях о нем она обозначается просто как 1721 год. Однако в процессе исследования мы пришли к неоспоримому выводу, что Пётр Панин родился в начале июня 1720 г. Соответствующая аргументация, почерпнутая из писем самого П.И. Панина, будет представлена в нашей будущей книге о его походе 1770 г. на Бендеры.

⁶ Война Оттоманской Порте была официально объявлена высочайшим манифестом императрицы Анны Иоанновны от 12 апреля 1736 г., хотя боевые действия фактически были начаты еще осенью 1735 г. (поход корпуса генерал-лейтенанта М.И. Леонтьева на Крым).

⁷ Записка о том, сколько я памятую о Крымских и Турецких походах / (Из Одесского вестника). Издана С.С. Одесса, 1836.

⁸ *Полиевктов М.А.* Сафонов Степан Васильевич // Русский биографический словарь. Т. 18. СПб., 1904. С. 209–210. В библиографии к этой статье её автор, известный историк и археограф, совершенно ошибочно привёл заглавие интересующего нас источника в виде: «Записки Густава Бирона о том, сколько я помню о Крыме и турецких походах».

⁹ Там же. С. I.

¹⁰ Турецкая война при императрице Анне Иоанновне. Записка неизвестного участника оной, с предисловием С.В. Сафонова // Русский архив. 1878. № 3. С. 255–274.

- 11 *Байов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Т. 1. Первые три года войны. СПб., 1906. С. XXI.
- 12 *Михайлов А.А.* Русско-турецкая война 1736–1739 годов... С. 335; *Егоров В.И.* Русская армия глазами австрийского наблюдателя... С. 13. Несколько странных слова В.И. Егорова о том, что «Записка» была написана «неизвестным автором, предположительно, адъютантом генерала Левендала». В действительности автор «Записки» говорит прямо и недвусмысленно, что он был адъютантом Левендала, и сложность заключалась лишь в установлении личности этого адъютанта.
- 13 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 222 (Панины). Опись фонда; Карт. 13. Ед. хр. 1. Рукописное оглавление дела.
- 14 И это несмотря на то, что саму рукопись и в советское, и в новейшее время просматривал ряд исследователей, в том числе крупный военный историк профессор Л.Г. Бескровный (1905–1980).
- 15 Подробнее об этом имении см. в замечательной, написанной на богатом архивном материале статье: *Чекмарев А.В.* Усадьба Дугино Паниных // *Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы.* 2001. Вып. 7 (23). С. 404–433.
- 16 Записка о том, сколько я памятую... Одесса, 1836. С. 33; Турецкая война при императрице Анне Иоанновне... С. 274.
- 17 ОР РГБ. Ф. 222. Карт. 13. Ед. хр. 1. Л. 19. «Записка о том сколько я памятую о крымских и турецких походах».
- 18 Там же. Л. 21.
- 19 Первое заседание Совета при Высочайшем Дворе состоялось 4 (15) ноября 1768 г., состав его членов был утвержден императрицей накануне.
- 20 О начале войны османский великий визирь Силахдар Хамза Махир-паша официально объявил российскому посланнику А.М. Обрескову на торжественной аудиенции 25 сентября (6 октября) 1768 г. Манифест Екатерины II о начале войны с Турцией был подписан 18 (29) ноября 1768 г. См.: Высочайший манифест 18 ноября 1768 г. Печатан при Сенате 19 ноября 1768 г. (Данный манифест был напечатан на пяти страницах; в Полном собрании законов Российской империи его текст отсутствует).
- 21 Самое подробное специальное исследование об этой придворной группировке см. в: *Ransel David L.* The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party. New Haven; London, 1975.
- 22 Архив Государственного совета. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II-й (1768–1796 гг.). СПб., 1869. Стлб. 8.
- 23 Там же. Стлб. 9.
- 24 Там же. Стлб. 14.
- 25 Помимо прочего, Пётр Панин и З.Г. Чернышёв являлись свояками — были женаты на родных сестрах Марии и Анне, урождённых Ведель, фрейлинах Екатерины II. Отношения двух родственников-генералов были отвратительными, и между ними постоянно возникали конфликты по различным служебным вопросам.
- 26 ОР РГБ. Ф. 222. Карт. 13. Ед. хр. 1. Л. 23 об.—24.
- 27 Там же. Л. 14.
- 28 Там же. Л. 22 об.
- 29 Там же. Л. 25.

- 30 О военной ситуации на среднем Днестре в первые месяцы русско-турецкой войны см. в ценной статье польского историка: *Цесельски Томаш*. Барская конфедерация на Подолии и первый период Русско-турецкой войны в зеркале переписки коменданта Каменец-Подольской крепости Иосифа де Витте (зима 1768 — лето 1769 года) // *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года*. Ч. IV. СПб., 2015. С. 306–320.
- 31 Там же. С. 309.
- 32 ОР РГБ. Ф. 222. Карт. 13. Ед. хр. 1. Л. 24.
- 33 Польский историк Т. Цесельски пишет: «Построенная на рубеже 1692 и 1693 г. на скалистом выступе в междуречье Днестра и Збруча крепость Окопы Святой Троицы никогда не была оснащена сильной артиллерией и снабжена многочисленным гарнизоном. Имела при этом очень скромные и достаточно анахроничные для XVIII в. укрепления, которые вдобавок, из-за отсутствия соответствующей консервации, разрушились до такой степени, что в 1768 г. крепость была признана «главным образом разрушенной», из нее был выведен весь гарнизон и вся артиллерия. В результате был полностью демилитаризован объект, который с достаточной чрезмерностью называли крепостью, так как в действительности он был фортом или только военным сторожевым пунктом, охраняющим границу». *Цесельски Томаш*. Барская конфедерация на Подолии... С. 308.
- 34 Подробно о действиях русской армии в этот период см.: *Байов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Т. 2. Кампания 1739 г. СПб., 1906. С. 178–223.
- 35 Там же. С. 267–268.
- 36 Архив Государственного Совета. Т. 1. Стлб. 16.
- 37 8 сентября 1769 г. в лагерь русской армии на Днестре прибыла из Каменца депутация из группы офицеров, с поздравлениями от коменданта де Витта и просьбой осмотреть места боев с турками // РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 571–572. Всеподданнейшая реляция князя А.М. Голицына императрице Екатерине II. 8 сентября 1769 г.
- 38 *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769–1774 год. Составлено, преимущественно, из неизвестных по сие время рукописных материалов, Генерального штаба капитаном А. Петровым. Т. 1. Год 1769. СПб., 1866. С. 145–148; *Цесельски Томаш*. Барская конфедерация на Подолии... С. 315.
- 39 Архив Государственного Совета. Т. 1. Стлб. 30–31.
- 40 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1852. Л. 1–1 об. Рескрипт императрицы Екатерины II генерал-аншефу графу П.И. Панину. 13 августа 1769 г.
- 41 *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей... Ч. 4. С. 108.
- 42 Записки Манштейна о России 1724–1744 г. Замечания на них графа Петра Ивановича Панина. Писаны в 1770-х годах / Оттиски из исторического журнала «Русская старина», из 1879 г., кн. XI и XII. СПб., 1879. С. 109.
- 43 *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, отличных литераторов и ученых, известных по участию в событиях отечественной истории, составленный Дмитр. Бантыш-Каменским и изданный Александром Ширяевым. Ч. 4. М., 1836. С. 126. Вероятно, под Журналом имелся в виду Журнал военных действий 2-й армии, поскольку о каком-либо личном «журнале», т.е. дневнике П.И. Панина, ничего не известно.

- 44 Гейсман П.А., Дубовской А.Н. Граф Петр Иванович Панин (1721–1789). Исторический очерк военной и государственной деятельности / С портретом и 3 картами. СПб., 1897. С. 2.
- 45 Там же. С. 6.
- 46 Книга Устав воинский о должности генералов, фелт маршалов, и всего генералитета, и протчих чинов, которые при войске надлежат быть. И о иных воинских делах, и поведениях, что каждому чинить должно. Напечатана повелением Царского Величества. СПб., 1717. С. 89, 91.
- 47 ОР РГБ. Ф. 222. Папка 15. Ед. хр. 7. Л. 3-4 об. Письмо П.И. Панина Н.И. Панину. 16 июня 1770 г.
- 48 Записка... С. 7. В источнике не называется, какой это был Бирон, но можно заключить, что имелся в виду Карл Бирон, а не третий брат, Густав Бирон (1695–1746), который в чине подполковника Измайловского полка командовал сводным отрядом гвардии, пришедшим на театр войны с Турцией лишь в 1737 г.
- 49 О жизни и военной карьере Лёвендаля см. в его подробной биографии: [André Louis Woldemar Alphonse] *marquis Sinety*. Vie du maréchal de Lowendal, comte du Saint-empire, chevalier des ordres du roi, de Malte, de Saint-Louis, de Saint-Hubert et de Saint-Alexandre Newski, membre de l'Académie des sciences. Т. 1–2. Paris, 1867–1868.
- 50 Байов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Т. 1. Первые три года войны. СПб., 1906. С. 487.
- 51 Записки Манштейна о России 1724–1744 гг. Замечания на них графа Петра Ивановича Панина. Писаны в 1770-х годах / Оттиски из исторического журнала «Русская Старина», из 1879 г., кн. XI и XII. СПб., 1879. С. 98. Отметим здесь следующее. Цитируемый разбор записок К.Г. фон Манштейна, как и сами они, является знаменитым и замечательным источником по истории России середины XVIII в.; он публиковался неоднократно. Авторство его так и не было установлено абсолютно достоверно, несмотря на многие усилия историков. Как видно даже из заглавия данного издания, один из исследователей-публикаторов, П.Н. Петров, доказывал, что автором был также П.И. Панин. Его версия строилась исключительно на косвенных и умозрительных заключениях, и уже вскоре была убедительно опровергнута. См.: [Юргенсон А.Я.]. Записки графа Эрнста Миниха и его замечания на мемуары Манштейна в исследовании Арведа Юргенсона / пер. с немецкой рукописи В.В. Тимошук // Россия и русский двор в первой половине XVIII века. Записки и замечания гр. Эрнста Миниха / Издание редакции исторического журнала «Русская Старина». СПб., 1891. С. 223–284. Однако сам факт появления такой версии показывает, что дореволюционные историки считали П.И. Панина не только прекрасным информированным, но и весьма наблюдательным свидетелем бурных событий своего века и считали возможным приписывать ему авторство ценных мемуаров. При этом выражаем обоснованную уверенность, что в случае с «Запиской о том, сколько я памяту...» доказанное нами авторство Петра Панина не будет никем опровергнуто.
- 52 *Cust Edward*. Annals of the Wars of the Eighteenth Century, compiled from the most Authentic Histories of the Period by the Hon. Sir Edward Cust, D.C.L., Lieutenant-General in the British Army, and Colonel of the Sixteenth Queen's Lancers. Vol. II. 1739–1759. London, 1862. P. 121.
- 53 Об этом Панин писал и в своем донесении императрице, и в частном письме брату Никите. См.: РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1853. Ч. 2. Л. 412–416. П.И. Панин — Екатерине II. Всеподданнейшая реляция. 12 октября 1770 г. № 48. Из лагеря при Балте; ОР РГБ. Ф. 222. Папка 15. Ед. хр. 8. Л. 15–18 об. П.И. Панин — Н.И. Панину. Письмо. 22 сентября 1770 г. Из лагеря под Бендерами.

- 54 В начале войны 1768–1774 гг. все русские командующие — и Голицын, и Румянцев, и Панин — считали рогатки важнейшим средством обороны против турок и татар. Боевые действия первой же кампании той войны показали, что рогатки сковывали русские войска в полевом сражении, и от них начали постепенно отказываться. Однако как средство защиты лагеря от неприятельских нападений они оставались незаменимы.
- 55 [*Марсильи, Луиджи Фердинандо*]. Военное состояние Оттоманския империи с ея приращением и упадком / Сочинено чрез графа де Марсильи, члена Парижския королевския академии наук и Монпельерския также, Лондонскаго королевскаго социэтета и основателя Болонскаго института. Все украшено грьдорованными листами. Ч. 1–2. СПб., 1737.
- 56 ОР РГБ. Ф. 222. Карт. 13. Ед. хр. 1. Л. 19 об.
- 57 [*Панин П.И.*]. Наставление от предводителя Второй армии, генерал-аншефа, сенатора и кавалера графа Панина войску ему врученному, на предводительство в наступательныя действия противу войска турецкаго, сочинено при вступлении в неприятельскую землю 7 июня 1770 года. [М.], [Унив. тип.], [1770].
- 58 Записка о том, сколько я памятую... Одесса, 1836. С. I–II.

Записка о том, сколко я памятую о крымских и турецких походах

[Ноябрь-декабрь 1768 г.]

В 1736^м году армия, собравшись при Царицыне*, выступила оттуда в поход с запасным на шесть недель провиантом, которой при полках состоял в толченых сухарях, причем как офицеры, так и солдаты должны были, сколко возможно было, уменьшить число артельных своих телег. Все сие чинено было в том намерении, чтоб меньше иметь багажу и чтоб оной можно было вести в замкнутом карее. Бывшей потом фельдмаршалом князь Никита Юрьевич Трубецкой** оставлен был в Украине для закупки провианта и для отправления онаго к армии, а дабы оной тем надежнее препроводить, то на походе армии в известных расстояниях от границы до Перекопа построены были редуты и фельшанцы, в коих оставлены небольшие гарнизоны из регулярных и нерегулярных войск для прикрытия подвозимого провианта и проезжающих курьеров. На каждой полк взято было по несколку бочек вина*** для ободрения временем утомленных солдат, кои во весь поход иной пищи не имели, кроме своего провианта и воды, да и та по большей части была негодная, а иногда и совсем оной достать было не можно. Порозжие бочки употреблялись после для вожения с собою в нужном случае воды.

После всех сих приуготовлений и распоряжений армия, вступив в поход, строила от разстояния до разстояния редуты и дошла

---

* Имеется в виду Царичанка — шанец поселенного Донецкого пикинерного полка, в составе Украинской пограничной линии, совр. поселок городского типа Царичанка Царичанского (с 2020 г. Днепровского) района Днепровской области Украины. Здесь и далее все постраничные примечания принадлежат публикатору. — В. К.

** Трубецкой Никита Юрьевич (1699–1767), князь, русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (с 1756 г.). Во время войны 1736–1739 гг. занимал должность генерал-кригс-комиссара, т.е. главного интенданта армии.

*** В публикации С.В. Сафонова ошибочно указано «несколько бочек пива», что представляет собой абсурд с практической точки зрения. В данном случае определенно имелось в виду виноградное вино, которое использовалось и для поднятия духа солдат, и, главное, для улучшения качества питьевой воды. Возить же пиво в течение жаркой летней кампании было немыслимо.

до Черной Долины*, не будучи много беспокоивана неприятелем, которой толко по временам показывался разными партиями, но тот час назад отступал.

У Черной Долины полковник Виттен** с 1500 драгун и несколькими казаками, коих числа не упомяну, командирован был для присматривания за неприятелем, блиско ли он находится и в каком числе. Отошед около 12^{ти} верст от армии, нашол он неприятеля, которой, по крайней мере в 60000, тот час начал его окружать и стрелами по нем стрелять, но прежде нежели неприятель совершенно его окружил, отправил он офицера к фельтмаршалу и требовал сикурсу***. Генерал майор Шпигель, взяв с собою 200 человек гранодеров, поспешил к нему на сикурс, а за ним следовал сам фельдмаршал с двумя эскадронами конницы и некоторым числом казаков. [Л. 4] Фельтмаршал настиг генерала Шпигеля в 4^х верстах от полковника Виттена, но, усмотря болшую неприятельскую силу и опасаясь, дабы отрезанным не быть и армии бес командира не оставить, а притом отправить сильнейшей сикурс, поспешал назад к армии и гоним был татарами, которые одного из его адъютантов ранили. Оные татары, прошед между генералом Шпигелем и полковником Виттеном, не дали им соединиться, а притом со всех сторон их окружили. Нападении их продолжались даже до захождения солнца, однако с весьма малым с нашей стороны уроном. Между ранеными находились генерал Шпигель з двумя ранеными ж его гранодерами и двумя мертвыми, а из драгун и казаков убито и ранено было около 40 человек****.

* Чёрная Долина, урочище — местность на левом берегу Днепра в его нижнем течении, к югу от Таванской переправы. Сейчас там находится село Чёрная Долина Чаплинского района Херсонской области (в 30 км к югу от Каховки). Урочище традиционно служило местом отдыха на пути в Крым. См.: Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг. Сборник документов / Сост., вступ. статья, археограф. введение, передача текста, коммент. и указатели П.А. Авакова; отв. ред. И.О. Тюменцев. Ростов-на-Дону, 2017. С. 271.

** Виттен Кристофер Вильгельм, фон — российский военачальник немецкого происхождения. Вступил в службу рядовым гренадером в 1718 г. В 1736 г. — полковник Санкт-Петербургского драгунского полка.

*** Сикурс (воен., устар., от фр. *secours* — помощь, поддержка) — подкрепление, оказание военной поддержки; отряд, идущий на поддержку.

**** Описанное боевое столкновение произошло 8 мая 1736 г. См.: Журналы Крымских походов... С. 58–60.

Фелдмаршал, прибыв по захождении солнца в лагерь, командировал тот час на сикурс генерала Леонтьева* с 4 пехотными полками. Оной выступил в 11^м часу вечера и прибыл около 2^х часов пополуночи к генералу Шпигелю, татары принуждены были назад отступить, и оба соединились с полковником Витте-ном. Главная армия выступила в 4 часа поутру и пришла к ним в 7^м часу на то место, где стоял и атакован был полковник Виттен, неприятель находился в 2^х верстах от них, но скоро назад отступил и, перестреливаясь с нашими легкими войсками, разделился потом вкруг всего карея и, продолжая сим образом нас беспококовать, старался всячески изнурить армию и поход ее остановить, в чем ему и удалось, потому что за потеряние всей армии почитали, естли бы зделалася хотя малая прореха, в которую бы он в каре ворваться мог. По сей притчине маршировали мы весьма медленно, и когда в обозе что нибуть изломится, или в упряжке хотя малое что повредится, то вся армия до исправления починкою должна была остановится, следственно, не можно было и 500 шагов перейти, чтоб паки не стоять полчаса и более. Таким образом и при самых малых маршах невозможно было прежде 4^х или 5^{ти} часов вечера в лагерь прибыть; солдат между тем солнечным зноем и худою пищею весьма изнуряем был, а скот, будучи во весь день в упряжке, не меньше страдал и истощевал, потому что все онаго число ночью, и то толко в карее, травую, сколько оной там было, питатся; и часто целые сутки и более без воды быть принуждено было. Естли кто противу данного приказа утомленную свою лошадь за рогатки выпустит, то [Л. 4 об.] уже та лошадь верно неприятелем либо взята, либо ранена и ко употреблению негодною зделана была.

Я должен здесь напоянуть, что в маршировании кареем особливо нужды не было, и что гораздо бы выгоднее было для войска, естли бы полки обеих фасов колонною маршировали, в котором случае могли бы они всегда столь скоро, как того нужда бы востребовала, формироватся для прикрытия обозу. Можно легко себе представить, что такой великой фронт, будучи стес-

---

* Леонтьев Михаила Иванович (1672–1752), русский военный деятель, генерал-лейтенант в 1736 г. Осенью 1735 г. командовал неудачным походом корпуса русских войск на Крым.

няем примкнувшимися к нему богажем, в прямой линии всегда маршировать не может, но она иногда выгибалась, а иногда и перерывалась, а дабы до сего не допустить, то во время маршу должно было безпрестанно выравниваться, то к правому, то к левому флангу, и таким образом салдат, делая почти двойной марш, еще больше утомляем был. Со всею сею предосторожностью, однажды несколько татар, между Перекопы и Козловым, при переходе чрез неглубокую воду, ворвалось на заднем фесе в каре, потому салдаты, не хотя глубокими местами чрез воду проходить, зделали в линии прореху. Я не думаю, чтоб татары при маршировании колоннами на то отважились, не могли они никакого вреда зделать, потому что невозможно было им сквозь стесненной обоз далее 30^{ти} или 40 шагов пробиться. К тому ж все фурлейты или извошки и офицерские слуги, находившиеся при обозе, снабжены были ружьями, копьями и саблями, последнее оба рода оружия могли в сем случае иметь некоторую ползу, а первой толко при фуражировании, но не в карее. И самой сей случай был тому доказательством, ибо как скоро толко голос до передняго фасу дошел, что неприятель назади в обоз ворвался, то всякой в переднем фесе за должность свою признавал назад стрелять, и таким образом стреляли по своим собственным людям, неприятель давно уже выгнан был, а стрелбы сей пересечь было невозможно, и удивительно, что от сего беспорядка болшаго вреда людям не приключилось.

Рогатки по моему мнению необходимо нужны для безопасности лагеря и для доставления в нем салдатам покоя, особливо в такой земле, где везде глаткое и равное поле, и где ни фронт, ни фланки, ни же затылок лагеря ничем прикрыть не можно, и где такой лехкой и нерегулярной неприятель одним толко всегдашним тревоженьем старается утомить своего неприятеля, а от сражения и баталии вовсе [Л. 5] убегает и ничем к тому понуждаем быть не может. Иное дело с турками, и в такой земле, где есть горы, лощины, реки, переправы, болоты и протчее. Можно бы было против сего возражить, что и неприятель сам чрез то утомляется и наконец сей образ воевания отставить должен; но естли разсудить, что он к сему тревоженью употребить может толко третью часть своего войска, отступя назад з досталным на не-

сколько верст от армии, где кормит своих лошадей, сам отдыхает и, имев свой покой, других сменяет, а притом служит на коне, не печется нимало ни о своем провианте, ни о подвозе оного, находит пропитание свое в оставленных нами лагерях, от падших и за негодностию к употреблению брошенных лошадей и прочего скота, знает все места своей степи и потому в воде никогда или весьма редко нужду терпит, и в таком случае оной нужде помогает кобыльим молоком. Напротив того, салдат идет пешком, несет на себе немалую тягость и часто, когда лошади совсем из силы выбьютца, сам тащить должен телегу и свой провиант, кроме хлеба и воды иной пищи не знает, по недостатку в дровах весьма редко кашу себе сварить может, в лагере беспрестанным от неприятеля тревоженьем лишен сна и нужного покоя, а наконец всякими болезнями, яко лихоратками, горячками и кровавыми поносами и прочими одержим будучи, здоровых заражает и таким образом целую армию приводит в несостояние исполнять повеления Монаршая. Что касается до пик, которые мы с собою возили и на рогатки накладывали, то я в них никакой пользы не признаваю, и оные никогда употребляемы не были.

При таком трудном марше и беспрестанном тревоженье армия пришла к Перекопи, а неприятель перебрался за линию свою в Крым. Фельдмаршал, постояв дня з два или три пред крепостью и сделав между тем два редута и несколько батарей для стрельяния по крепости, командировал генерала квартирмейстера Штофелна, чтоб, осмотря линию, сыскать такое место, где бы она была непочинена и можно бы ее отаковать приступом. [Л. 5 об.]

По рапорту оказалось, что невозможно учинить приступа, разве с превеликим уроном армии, ежели неприятель столь храбро оную оборонять [будет], как число находящегося позади оной его войска велико. Но как фельдмаршал твердо намерен был итти на приступ, то он, утаив сей рапорт, отдал приказ, чтоб большая часть армии по захождении солнца выступила ордером батали в две линии, чтоб ночью приступить к левому флангу Перекопской линии и на рассвете итти к ней приступом; достальная часть арьмии должна была около полуночи делать фалшивую атаку к крепости и к линии, простирающейся к Гнилому морю. Все сие исполнено было порядочно, но фалшивая атака причи-

нила, что вся татарская сила перешла на правой ее фланг, чтоб на той стороне крепость и линию прикрыть и оборонить. Как же наши на рассвете начали приступать к находящейся по левую сторону от Перекопи части линии, то мы иного сопротивления не нашли, как от башен, но оные нам нимало вредить не могли, потому что мы тот час подобрались под их пушки, и они более десяти выстрелов по нас учинить не могли*.

Три шеренги армии опустились в ров, а четвертая, которая несла рогатки, остановилась на краю онаго. Ров глубиною был, по крайней мере, в три сажени, и приступных лесниц с нами ни единой не было, почему для салдат иного не оставалось, кроме того, что один салдат другому на плеча становился, штыки в землю втыкал, и таким образом наверх взойти домогался. Чрез полчаса все три шеренги взошли наверх и вступили в Крым. Сколь скоро срыванием вала засыпано было несколько сажень во рву, то и четвертая шеренга с рогатками и с полевой нашею артиллериею туда же перешли, так что около 10го часа все стояли уже в ордере баталии. Башни были взяты и, по принятии в полон гарнизонов, нами заняты, а армия до 4^х часов пополудни отдых имела. Неприятель отступил внутрь Крыма и оставил толко гарнизон Перекопской крепости.

В 5^м часу пополудни, фельдмаршал маршировал двумя [Л. 6] колоннами мимо крепости и почти под пушками оной, сие делал он нарочно для того, чтобы увидеть, как она оборонятся будет, а как из оной учинено было толко несколько выстрелов, без всякаго нам вреда, то он тот час велел требовать сдачи и, по нескольким с их стороны учиненным трудностям, выслали они еще того ж вечера аманатов в лагерь, а с нашей стороны послан был к ним генерал майор Бирон, при котором я тогда был адъютантом, и еще в ту же ночь заключена была капитуляция, и на другой день поутру заняли мы крепость.

Фельдмаршал надеялся найти в сем месте многочисленный магазейн, но вместо того оказалось, что оной весьма невелик, едва оного стать может на 4 месяца двум полкам, оставленным под командою господина полковника Девица для содержания гар-

* Описываемый штурм укреплений Перекопа произошёл 20 мая 1736 г.

низону в сей крепости, почему должен бы он был оставить свой марш далее в Крым, естли бы его не уверили, что в деревнях по Козловской дороге несколько, а в самом Козлове* весьма довольно хлеба находится, сие побудило его продолжать свой марш и в то же самое время отправить генерала Леонтьева с корпусом к Кинбурну для взятия онаго, подтверждая притом князю Трубецкому об отправлении в Перекоп запасного провианта. Как скоро армия к Козлову в марш вступила, начали опять показываться татары, яко обитатели сего острова, и следовали за нами со всех сторон, ночлеги их были всегда в семи или в осми верстах от нас, что они до тех пор продолжали, как генерал-фельдмаршал, в одну ночь, генералу майору Гейну приказал на них учинить нечаянное нападение, при котором случае они весьма много потеряли, и хотя наши донские казаки недосмотрением вышеупомянутого генерала майора также некоторой урон претерпели, однако татары с того времени всегда под вечер болше от нас удалялись, а при восхождении солнца, хотя и не все, а по крайней мере часть из них опять к нам возвращалась. [*Л. 6 об.*]

Армия начинала уже иметь недостаток в провианте, чего ради при выступлении из лагеря от каждого полку отправляемы были всегда по две порожжих телег под прикрытием регулярных и нерегулярных войск, кои по обоим фланкам армии вне карея маршировали и, естли где верстах в двух или трех в стороне увидят деревню, должны были туда следовать для искания хлеба, коего несколько и находили в земле зарытого, так что на иной полк доставалось по три и по четыре четверти. Оной хлеб в ручных мельницах, кои каждая рота при себе имела, ночью мололи. Но к печению не доставало ни судна, ни дров, ни печи, ни же потребного к тому времени, почему должны они были муку варить наподобие киселя, а где случались дрова, там, зделав лепёшки, жарили оныя на огне, многие и немолотой хлеб жарили и так его ели, а иные ели и совсем сырой, ибо по претерпении дневного труда и солнечного зноя казалось им несносною тягостию оной ночью молоть, отчего последовал у многих понос, и число больных весьма умножилось, многие померли, и некоторые полки при возвратном

---

* Козлов — русифицированная версия татарского названия г. Кезлев (*Kezlev*), также Кезлёв, Кёзлёв, совр. Евпатория.

к Перекопи пути не имели и 200 человек здоровых в шеренгах и рядах, а для прикрытия обозу и артиллерии, которые также знатно уменьшились, маршировали полки в две ширенги, и то весьма в немалом разстоянии человек от человека. От уменьшения офицерского богажу и артелной повоски, офицеры и салдаты претерпевали во всем потребном нужду, каждой офицер рад был, когда из привезенного хлеба ему с шляпу для людей его дадут. Я сам за один маркитантской хлеб и за худой окорок при возвращении к Перекопи шесть рублей заплатил; а скота во весь наш марш один только раз казаки между Перекопью и Козловым с 4000 овец достали, ис которого числа несколько и по полкам роздано было, потому [что] весь скот отогнан был в горы. Как артиллерийския, так подъемныя и драгунския лошади весьма ослабели, и большая часть драгун шли наконец пешие, ибо лошадей их в артиллерийскую упряжку употребить было должно. [Л. 7]

Артиллерийския фурманы* велики и по положению в штате, в разсуждении припрягаемых лошадей, весьма тяжелы, и на сто лошадей дано было толко 4 запасных. После четырех неделнаго марша армии вся артиллерийская припряжная збуя испорчена была, что немало останавливало весь марш, да и малое число свежих лошадей, кои вместо смученых во все стороны употреблялись, также скоро из сил вышли, которую нужду не прежде как в походе 1739 года поправили, когда по представлению генерала Левендаля новое в том распоряжение зделано было, ибо тогда при выступлении армии от зборного места в запряжку к каждому орудию и к амуниционным и пантонным фурам прибавлено было по несколку лошадей, и, сколько мне помнится, по 20^{ти} запасных на каждые сто, и толко в сей кампании армия с артиллериєю и понтонами порядочно маршировать в состоянии была. В походах 37, 38, 39 годов, будучи адъютантом при генерале Левендале, которой сверх своей дивизии и артиллериєю командовал, узнал я нужду, какую артиллерийские офицеры претерпевали и которая на всю армию простиралась, да иначе и быть не могло, естли разсудить, сколь долго скот терпеть может,

---

* Фурманы — в данном случае имеются в виду большие телеги и обозы артиллерийского обоза (фуры). Слово «фурман» обыкновенно означало кучера-извозчика, а не транспортное средство.

будучи 4 или 5 месяцев каждой день с утра до ночи обременен и запряжен, а притом не получая во все то время ни зерна овса и питаюсь в ночное время в сомкнутом карее одною травой, которая и найти не может столко, чтобы хотя половину досыта наестся, иногда же одни и двои сутки без воды быть должен, причем еще нетерпеливость утомленного погонщика без всякой пощады его мучит и погоняет; в таковых обстоятельствах мы возвратно чрез Крым к границам своим маршировали.

На дороге к Козлову великой был в воде недостаток, а особливо в последние три дни, хотя салдатом в каждой из сих дней давали по чарке вина и велено им было свинцовую пулю во рте держать*, а при арриергарде всегда [*Л. 7 об.*] было по бочке вина для ободрения тех, кои от жару, жажды и безсилия изнемогали, однако ж все сии способы были тщетны, и ежели б всемилосердый Господь Бог нам в последней день за две мили от Козлова не даровал толь силнаго дождя, что солдаты выше башмаков в воде стояли, то бы того дня несколько тысяч людей злощастно и без всякой помощи погибли. В сем то случае я, смотря на фельдмаршала, видеть мог, сколько командир страждет, которой, повеления своего Государя исполняя и по благополучном успехе лаская себя приобретением вечной славы, по человечеству чувствует нужду ближняго своего, уже при вратах смерти стоящаго, и которой, ко всему сему употребляем будучи, еще сверх того с стихиями бороться должен и, от солнечного зноя истаевая, ни одной капли воды не имеет, коею бы сам мог жажду свою утолить.

Наконец пришли мы к Козлову и нашли, что сие место как гарнизоном, так и жителями оставлено и ни одного человека в оном не находится, ибо они, выбравши оттуда все, что толко возможно было, увезли. Со всем тем нашли мы там еще довольное число пшеницы и ячменя. В сем то месте полки паки запаслись хлебом, да и лошадям даван был в немногие те дни, как там стояли, настоящей корм, однако ж некоторыя, не имея о лошадином корме надлежащаго понятия и не зная меры, сыпали им сухой пшеницы и ячменя столко, сколько есть хотели, надеясь их

---

* Имеется в виду известный в старину у военных и моряков прием: свинцовая пуля во рту вызывала слюноотделение, чем предотвращалось пересыхание ротовой полости и отчасти притуплялось чувство жажды.

чрез то в прежнее состояние привести, но голодной скот столько сего сухаго хлеба жрал, что как их после поить водили, то оной сухой хлеб после воды разбух, и много сот лошадей от того околело. Доколе мы здесь стояли, салдаты мололи и пекли хлеб, и армия взяла с собою на 8^{мб} дней печеных хлебов, а на три недели зерном, чтоб впредь было что молоть, но в первые два марша должно было неотменно третью часть оного бросить, потому что лошади весма пристали и не могли оного вести. [Л. 8]

Мы маршировали к Бахчисараю и, возвращаясь к Перекопи, находили в деревнях довольно хлеба, но по большой части должны были оной оставлять, ибо лошади весма ослабели, и не проходило почти ни одного дня, чтобы человек до ста в каждом полку не употреблены были для воски на себе полкового обоза; а в воде мы не столько имели недостатка, как идучи к Козлову, хотя она и редко хороша, но соленая и грязная была.

Генерал Леонтьев в Кинбурне и в тамошних местах несколько тысяч овец и некоторое число рогатого скота в добычу получил, из которого несколько прислано было в армию, по прибытии к Перекопу.

Во время наших в Крыму маршей полковник Девиц* должен был стараться в лежащих около Перекопи татарских деревнях искать для нас запасного хлеба. Он, как в тех деревнях, так и в предместьи Перекопском, несколько оного в земле зарытого нашел, и армия запаслась оным почти на неделю, а между тем из Украины еще ничего привезено не было.

Фельдмаршал заключил возвратной марш, а пред тем отправил моего генерала назад в Украину для понуждения скорейшаго транспорта идущаго к армии провианта и для напоминания князю Трубецкому, чтоб оного из Украины еще столько, сколько потребно, отправить. Но он на всей дороге ничего не нашел и приехал в Украину к князю Трубецкому, которой еще только намерялся первой транспорт отпустить, что и исполнил. И так салдаты, на своем возвратном марше, хотя голоду не терпели, но должно было порции им уменьшить.

---

* Девиц Андрей Петрович (†1758), российский военачальник. В 1736 г. — полковник, командир Белозерского пехотного полка, комендант Перекопа. См.: Журналы Крымских походов... С. 277.

Генерал майор Шпигель с своим корпусом более всех претерпел. Фельдмаршал командировал его вперед к Молошным Водам* з болшею частию кавалерии и с некоторым числом казачков, за три или за четыре дни до вступления армии в марш из Перекопи для того, чтобы татар по сей дороге из Крыма не выпустить. [Л. 8 об.] О сем проходе он в то время впервые прослышал, а прежде того об оном вовсе не знал. Фельдмаршал Лессий** ползовался оным в будущем году, он намерен был оным овладеть, но большая часть татар еще до прибытия генерала Шпигеля прошла, и он нашел себя так скоро, как толко туда пришел, ими окруженным, и они его весьма беспокоили. Он ожидал фельдмаршалскаго повеления о том, когда и куда маршировать должен, но фельдмаршал о себе не мог чрез курьера уведомить его, ибо татары их не пропускали, правда что фельдмаршал, по вступлении своем в марш из Перекопи, послал к нему курьера с повелением, что ему делать, но оной татарами был перенят, а как он втораго отправил, то и тот татарами назад гоним возвратился, не выдав генерала Шпигеля команды. Фельдмаршал простоял верст 50 от Перекопи дня с два и думал, что по утренним и вечерним выстрелам генерал Шпигель узнает, где фельдмаршал находится, и следовательно не преминет в ту сторону маршировать. Но Шпигель, которой сего слышать не мог, стоял в своем месте неподвижно, а фельдмаршал должен был, для того, чтоб стоя не потратить напрасно своего провианту, в марш вступить. Шпигель, которой не более как дни на три или на четыре провианту имел и о фельдмаршале ничего не знал, и хотя бы знал, однако ведал, что у него запасного провианту быть не может, принял намерение силою открыть себе дорогу в Бахмут сквозь татар, что он с таким успехом исполнил, что неприятель его удержать не мог, и он щастливо в Бахмут пришел, хотя и принужден был позволить своей команде, которая нужду терпела, лошадей резать и в пищу употреблять. Как сей, так и следующие в другие года походы кончились тем, что мы принуждены были взятые

* Молошныя Воды (от тюрк. «Сют тень») — старое название реки Молочная в северо-западном Приазовье, впадающей в Молочный лиман Азовского моря.

** Ласси (Лесси, Лессий) Пётр Петрович (англ. *Pierce Edmond de Lacy*, ирл. *Peadar de Lása*; 1678—1751), российский военный деятель, генерал-фельдмаршал, ирландец по происхождению.

места паки оставить и на границы почти с разоренною армиею возвратится, хотя неприятель чрез разорение трех своих городов и многих выжженных деревень также немало претерпел. [Л. 9]

Генерално нахожу я, что марш чрез Крым много затруднений имеет, и ежели салдат и офицер нужды терпеть не должны, то надлежит им позволить следующее:

1°. Офицеру иметь при себе такой обоз, какой его обстоятельства ему позволяют, а салдатом столко артельных телег, сколько они содержать могут, со всем тем у них лишняго ничего не будет. Фельдмаршал, изведав сие опытом, в следующей кампании нам в том позволил, и по сей притчине мы никогда уже до такой крайности не доходили.

2°. Чтобы правиянт подвозим был порядочно и чтобы оной в Перекопи складывать, дабы армия после того, как несколько недель в Крыму кругом походит, опять к своим магазейнам приблизится и отдохнуть могла.

3°. Взять Крым и оной за собою удержать, кажется мне до тех пор невозможным, пока не будет в Азовском море флота, которой туркам показаться и с ними сразится может.

4°. Взятие Каффы кажется мне также без флота великим трудностям подверженным, к тому ж должно чрез великие горы переходить, куда транспорты провианта требуют канвою, от чего не только идущая впереди армия слабее становится, но и опасаться должно, чтобы неприятель тех транспортов не разбил или не перехватил, а без доволнаго провианту редко можно взять город, никогда же онаго за собою удержать не можно, особливо когда по притчине отдаленности порядочной коммуникации с своими границами иметь нельзя. Напротив чего, неприятель может оную коммуникацию всегда чрез флоты свои, находящиеся в Черном и Азовском морях, иметь и сохранить.

5°. Весма б отважно было полагать надежду свою на продукты земли, особливо ежели разсудить, что татары своих лошадей и свой скот зимою и летом в степь пускают и сена не более запасают, как толко чтобы недели три [Л. 9 об.] или четыре прокормить лошадей, с которыми намерены они в соседской земле зделать нападение. О наших лошадях не уповаю, чтоб оне в состоянии были то же выдержать, а еще меньше, чтоб их при таком кор-

ме употреблять было можно к перевоске провианта, а о имении в крымских крепостях запасных магазейнов не столько татары, сколько турки старание имеют.

6°. При сем корпусе должно быть довольному числу марки-тантов, кои б все для салдата потребное с собою возили. В сем походе было оных весма мало; а в последующих болше, потому что по имянным указам туда почти командированы были.

7°. Положенных по штату полковых лошадей для сих походов недовольно, а должно их болше быть, иначе налагаемого на них труда не снесут.

8°. Артиллерийские, аммуничные и понтонные фуры, как я уже выше упомянул, так тяжелы, что их лошади такого долгого марша никоим образом выдержать не могут. Учреждение их шта-та в таких походах никоим образом служить не может, а должно в упряжку иметь более, нежели штатом положено. Также и запас-ных на то болше, нежели штатом назначено, ибо во всех таких походах артиллерия много к раззорению армии способствовала.

9°. Понтоны, а особливо мостовые доски, кои должны бросать на болотные места, нужны, и должно оные вести с собою, ибо случается проходить такими местами, где вовсе лесу нет, а без оного ничем себе помочь не можно.

10°. Вино и збитень с собою корпус иметь должен. Сего последняго армия в 1737^м годе не имела, и от того происходили жестокие поносы, а в последующих походах весма старались о имении оного.

11°. Ежели я смею сказать свое мнение о завоевании Крыма, то я сие не почитаю за такое дело, которое бы в одну компанию совершить было возможно. Когда впервой удастся взять Кинбурн и Перекопъ, то татары заперты будут, особливо ежели построятся при Молошних Водах ретраншемент* для пресечения им и сей дороги. Таким образом Украина с сей стороны будет совершенно безопасна. Покуда сие в первую компанию исполнятся будет,

---

* Ретраншемент (ретраншамент; воен., устар., от фр. *retrancher* — укрепить, обнести окопами) — фортификационное сооружение, как правило, временное, дерево-земляное укрепление, предназначенное для усиления полевой позиции войск либо крепостных укреплений (в качестве дополнительной линии обороны); обыкновенно состояло из рва и земляного вала, иногда усиленного палисадом (частоколом) и иными заграждениями.

надлежит по учрежденной в последнем мире границе, коя составляет [Л. 10] от Днепра до Азовского моря около 150 верст и по двум рекам, Конские Воды и Берды, простирается, редуты и ретраншементы построить, кои б правиантом, фуражем и всеми потребностями для салдат снабдены были, дабы в случае, когда армия или корпус оныя к осени принужден будет возвратится, то бы там иметь мог свои винтер или кантонир квартиры, тогда-то можно будет Перекопъ и Кинбурн удержать за собою, и нужды не будет оные покидать, чтоб на будущий год паки брать, к тому ж гарнизоны обоих сих мест чрез то подкреплены и прикрыты быть могут. Да и зимою, когда все реки замерзнут, татары не осмелятся на Украину напасть, ибо они попались бы между двух огней, один — сего корпуса, а другой — того, которой в Украине находится, а с обеих сторон донскими казаками и запорожцами во фланги отакованы быть могли б. Но самое важнейшее есть то, что те, кои в степи за старою линиею поселились, чрез то прикрыты бы были. В следующем годе корпус с весны был бы уже в Крыму и мог бы действовать, не вредя своей упряшки прежде употребительными маршами, а во время зимы можно бы магазейн в Перекопи на будущий год из сих мест наполнить. Ежели года с два таким образом против крымцов подействовать и, крепко там засевши, летом их города и деревни разорять, а их самих в их полуострове запереть, то я думаю, что они бы российскому скипетру скоро покорились и о принятии их под защищение российское сами просить будут, тогда ж можно бы уверену быть, что гарнизоны или корпус, которой должно будет там содержать, себе пропитание найдут. [Л. 10 об.]

Примечания о походе 1737 года к Очакову

В сем году положено было действовать двумя армиями, а имянно главною под командою генерала фельдмаршала Миниха по ту сторону Днепра к Очакову и Днестру, а другую под командою фельдмаршала Лессия по прежнему в Крыму.

Нужды и недостатки, претерпенные в прошлую кампанию, научили главнокомандующих, что они не толко афицерам, но и редовым салдатам дозволили столко телег с собою взять, сколько

по их состоянию возможно было, дабы всем потребным запастись. Хлеба и круп повезено было вдруг при армии на 5 месяцев. По такой предосторожности хотя бы и не должно было опасаться недостатка в пище тем наипаче, что когда провиант с телег весь употреблен был, то салдатам скот на убой раздаван был, однако сие не менее препятствовало походу армии, и для такого множества лошадей и скота надобно было по пропорции и много корму. Правда что поход наш продолжался всё степными и травяными местами, но со всем тем весьма трудно было в одном лагере более как на два дни корму найти, особливо оказалась в том нужда для подъемных лошадей по переходе нашем чрез реку Буг, где неприятель всю траву выжег, а хотя мы местами несколько корму и находили, но для толь великаго множества онаго было весьма недостаточно.

Армия переправилась чрез Днепр в трех местах, а именно при Мишурном Роге*, Власовке** и Орлике***, и все три дивизии соединились на сборном месте при речке Омелнике****. Сперва марши были весьма невелики, потому что полки всеми потребностями и тем, чего в прошлом году лишились, еще совершенно снабдены быть не могли. К тому ж не приведены были все рекруты, кавалерия ожидала лошадей, и немалая часть оныя был бесконная. При артиллерии не доставало также аммуниции и лошадей, провиантской на 5 месяцев запас равномерно еще не весь пришел. Всего сего должно было ожидать в первых двух неделях по вступлении в марш. Хотя оно после помалу и прибыло, но однако рекруты еще не все приведены были, чего ради фельдмаршал взяв от трех полков мушкатеров, разделил их по некомплектным

---

* Совр. село Мишурин Рог в Днепропетровской области Украины, расположено на правом берегу Днепра, в 50 км юго-восточнее Кременчуга.

** Совр. посёлок городского типа Власовка в Кировоградской области Украины, на левом берегу Днепра, близ Кременчуга.

*** Село Орлик (Старый Орлик) на берегу Днепра, на левом берегу дельты р. Ворскла, было затоплено при создании Каменского водохранилища в 1960-е годы. Теперь поблизости от его прежнего местоположения находится село Орлик Кобеляцкого района Полтавской области.

**** Речка Омельник — правый приток Днепра, в пределах современных Александрийского района Кировоградской области и Каменского района Днепропетровской области Украины. Исток западнее села Братське в Александрийском районе, впадает в Днепр (в Каменское водохранилище) у села Днепровокаменка; протяженность 63 км.

полкам, а штап офицеров тех полков с унтер штапом* и с гранодерскими ротами оставил [Л. 11] позади, повелев им итти в Самару**, где должныствовали они по получении рекрут и ремонтных лошадей комплектоваться. Приведенные из отдаленных правинций весма в худом состоянии драгунские ремонтные лошади, равно как и артиллерийская упряжка подавали сперва малую надежду к доброму успеху сей компании, но весма небольшие марши, продолжаемые до реки Ингула, где повсюды найден хорошей корм, а при том и то, что татары нам во время марша никаких затруднений не делали, привели лошадей в такое исправное состояние, что опять надежно было иметь хорошей успех, однако по переходе нашем через реку Буг, где принуждены мы были по вызженным степям продолжать свои марши, вся упряжка так вреждена была, что почти вконец раззорилась. Я оставляю марш до Очакова, а упомяну толко о осаде сего города.

Признаюсь, что когда мы, продолжав марш свой три дня по вызженным степям, пришли под Очаков, где все места потравлены были, то едва б кто поверил, что мы сим местом овладеем, о чем чаятельно и сам фельдмаршал сомневался, ибо положение места и бескормица более 8 дней пребыть там не позволяли, хотя бы и никакая неприятельская армия на сикурс не пришла; а в такое краткое время довольно укрепленный город, каков тогда был Очаков, которой притом достаточно снабден был воинскою и съестною провизиею и к обороне своей имел почти до 30 000 гарнизону, нелегко взять можно. Мне мнилось тогда, что фельдмаршал для одного толко виду предприял сию осаду, и оную скоро опять оставит.

В третей день по прибытии нашем фельдмаршал отправил 5000 человек для делания апрошев*** и для прикрытия сей рабо-

* Унтер-штаб, или подштаб, — орган непосредственного управления повседневной жизнью полка; в него входили все обер-офицерские чины из состава полкового штаба и все унтер-офицерские и нижние чины обслуживающих подразделений.

** Самара — в данном случае имеются в виду Самарский или Усть-Самарский ретраншаменты, построенные весной 1736 г. перед началом Крымского похода близ устья реки Самара, левого притока Днепра. В настоящее время место расположения обоих ретраншаментов находится в черте города Днепропетровск (Днепр).

*** Апроши (ед. ч. апроша, апрошь; воен., устар., от фр. *approche* — сближение) — подступы, узкие продолговатые рвы (траншеи), обычно зигзагообразные, служившие при осадах для безопасного приближения осаждающих к атакуемому фронту крепости или другого укрепления. Позднее стали называться «ходами сообщений».

ты, разделя всю команду на три части, ис которых каждая в наступающую ночь должна была построить по редуту. Бывшему после генерал порутчику Братке* досталось работу произвести с стороны лимана, и спустя час по захождении солнца каждой с своею командою пошел к предписанному ему для работы месту. [Л. 11 об.]

После полуночи фельдмаршал с протчим генералитетом, сев верхом для осмотру работ, нашел, что оныя у первых двух редут изрядно предуспевали, но Братки новой работы и команды нигде не нашли и разосланными более 20 человек афицерами чрез целой час сыскать не могли. Напоследок я столь щастлив был, что нашел его на самом гласисе** крепости, турки имели на сей стороне и почти около всей крепости свои огороды, из которых каждой вместо забору окружен был рвом и небольшим валом, чего фельдмаршал чаятельно не знал, а думал, что то линии, позади которых неприятель, доколе в город не вберется, обороняться станет.

Братке, не сыскав ночью назначенного себе места, заблудился з двутысячною своею командою, и попал в сии рвы, из которых стараясь как ни есть выйти, еще больше заблудился, так что наконец на самой гласис крепости вышел, неприятель, знатно, нечто приметил и потому в городе и на валах встревожился, а Братке, боясь вылазки из города, естли крайней тихости наблюдать не будет, приказал всей своей команде прилечь к земле, доколе в крепости опять успокоятся, в котором самом положении я его нашел, и в том оставя, фельдмаршалу рапортовал и самого его туда привел, хотя он за такую Браткову неосторожность и жестоко на него осердился, однако сим нечаянным изобретением изрядно ползовался. Братке так как и прочие две команды должны были тот час назад отступить к фрунту лагеря, и разсуждая, что неприятель на рассвете не оставит учинить выласку, приказал он сим командам немедленно вступить с ним в сражение; а они

* Братке Генрих Николай, фон — инженерный офицер русской службы, генерал-майор с 1737 г.

** Гласис (от фр. *glacis*, лат. *glatia* — покатошь, гладкая длинная отлогость), в европейской фортификации Нового времени — пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости, возводившаяся для улучшения условий обстрела впереди лежащей местности, маскировки и защиты крепостных сооружений.

должны были подкрепляемы быть всеми пикетами армии, сии пикеты всеми грандерскими ротами, а последние одним батальоном от каждого полку, и таким образом всем вообще, прогоняя неприятеля, занять пост в последних рвах у самого гласиса, причем и всей полевой артиллерии повелено было немедленно следовать за батальонами. По сему распоряжению все исполнено было благополучно, мы таким образом [Л. 12] подошли под их пушки, которые нам более уже вредить не могли, и наша артиллерия начала тот час действовать по крепости, продолжаясь сие действие около 18 часов, после чего вдруг зделался в крепости жестокой пожар, которой потушить уже способу не было. Главное несчастье турок происходило оттого, что все их дома были деревянные и почти у самых валов весьма тесно один подле другого построенные, почему и ни в которую сторону спасения им не было. Фельтмаршал приметил, что турки с городских валов сходят, и думая, что они то делают для того, чтоб в городе пожар утушить, велел учинить генеральной приступ, которой и произведен был самым делом. На сем приступе с нашей стороны убито и ранено до 2000 человек, и между ранеными из генералитета находились Кейт*, Левендаль и другие. Хотя нашим и не удалось чрез ров перейти, однако намерение свое достиг тем, что неприятеля отвлек от пожара к валам крепости, чрез что пожар, усилившись, дошел и до пороховых погребов, и когда оные взорвало, то уже бедствие осажденных стало быть самое крайнее, и неприятель в несколько часов от огня и от подорвания пороховых погребов потерял более 20000 человек, а и достальные в самом кратком времени того же себе ожидали, чего ради наконец просили капитуляции, но как их не иначе как толком в полон принять обещано было, то они и на то согласились, между тем некоторые из неприятелей искали своего спасения на имевшихся с морской стороны судах, но почти все побиты были и в тот же самой час наши войска ворвались в крепость, и таким образом оную овладели. Сколко упамятовать могу, то число пленных немногим

* Кейт Яков Вилимович (Джеймс Френсис Эдвард Кит, англ. *James Francis Edward Keith*; 1696–1758), военный деятель шотландского происхождения, генерал-аншеф русской службы (с 1737 г.), генерал-фельдмаршал прусской службы. Убит в сражении при Гохкирхене (Хохкирхе) 3(14) октября 1758 г.

превосходило 3000 человек, истинно невеликой остаток от 30000 человек, которые в 18 часов все погибли. Сей благополучной случай способствовал к тому, что мы в седмый день по прибытии нашем паки с армией отмаршировать и свежей травы искать могли, оставя всю [Л. 12 об.] тяжелую артиллерию со все ее парком в Очакове, ибо за упадком и худобою лошадей оные с собою повести никак невозможно было, учиненные потом фельдмаршалом движения, состоявшие в том, что с армиею пошел вверх по реке Бугу, а потом, переправясь через оную, следовал опять вниз почти прямо против Очакова, заслуживают ему немалую похвалу, ибо оставленной [почти]* между развалинами и пеплом гарнизон между тем временем починить крепость, внутренность онаго разчистить и снабдить себя всеми потребностями, он же фельтмаршал находился вблизиости, чтоб неприятелю, которой, конечно бы, не теряя времени, отважился не толко тревожить гарнизон, но и город до предприятия формальной осады обложить блокадою, отпор учинить и все неприятельския предприятия против онаго до наступающего года учинить недействительными. Все сие не в состоянии бы он был произвести в действо, естли б провиант на всю кампанию при самом выступлении с зборного места не взят был с собою, умедление 3^{мя} и 4^{мя} днями в привозе правианта может при армии, простирающейся свыше 100000 и более человек, произвести такую перемену, которая после ничем поправить уже невозможно. Небольшая так названная флотилия, которая к концу компании пришла по Днепру к Очакову, принесла также превеликую ползу, ибо без оныя весма б трудно было гарнизон снабдить всеми потребностями.

Возвратной с армиею марш наконец необходимо был нужен, хотя она и несколько претерпела в сию кампанию, однако по крайней мере, что до людей касается, пришла назад к своим границам гораздо в лучшем состоянии, нежели в прошедшем году, напротив того, урон в подъемных лошадях столь велик был, что к будущему году должно было оными вновь запастись. Я думаю, что взятие Очакова турок научит осторожнее быть, и если впредь окажется новая опасность осады, то они уже всеконечно

---

* Взято в квадратные скобки в рукописи.

не преминут скрыть валы [Л. 13] и засыпать рвы, коими сады их окружены, а тогда и в шесть недель едва ли можно будет овладеть сею крепостью.

За счастье для нас признавать должно, что лучшие их войска и предводители тогда употреблены были против цесарской армии*, а остаток послан был против нас. Если бы искусной в военных делах паша был тогда камендантом в Очакове, то б мы при столь многочисленном неприятельском гарнизоне для занятия поста в упомянутых огородах должны были доставать каждой шаг земли с проливанием многой крови, ибо в самом деле огороды сии составляли более пятидесяти разных ретраншаментов, из которых каждой фланкирован и прикрываем был другим.

Я выше объявил, что не чаял, чтоб фельдмаршал сам надеялся сию крепость взять. А сие мое мнение тем больше кажется мне справедливым, что он со всею армиею, кроме оставленного в Александровском редуте при провиантском магазейне прикрытия, туда маршировал и невзирая, что весь корм потравлен и выжжен был, всех лошадей у себя оставил.

Если смею мысли свои объявить о сей кампании, то я признаюсь, что я плана оного не понимаю, ибо главным намерением положено было отаковать неприятеля в собственных его границах и, отнимая у него все, что возможно, принудить его тем самым к пристойному миру. Армия наша простиралась свыше 100000 человек, а все, что для осады требовалось, могли бы исправить 40000 человек, и так прочие были излишними. Я думаю, что ежели бы сими 40000 человек предпрята была осада, провиантской магазейн под прикрытием например 10000 человек оставлен был у реки Буга**, а с достальною бы армиею поход продолжался вперед к Бендерам, то б мы конечно привели неприятеля в крайнее затруднение и овладели бы Очаковым, а вторая армия у Днестра [Л. 13 об.] и при польских границах чрез все лето тревожила б неприятеля, к осени ж соединилась бы паки с первою, и когда б после намерение принято было в сей части

* Имеются в виду вооружённые силы Габсбургской монархии, Священной Римской империи («Цесарии»), которая являлась союзником России в войне против Турции 1736–1739 гг., но военные действия были неудачны для неё.

** На полях приписка: «На половине от Очакова до польской границы».

Польши между Бендерами и Хотинскою крепостью занять кантонир-квартиры, то б неприятелю никогда на мысль не пришло пойти к Очакову, а еще меньше осадить сей город.

По наступлении зимы, когда турок неохотно или и совсем не действует, могли бы мы, переправясь без всякой опасности чрез Днестр, войти корпусом в Молдавию, имея позади себя в Полше свои провиантские и протчие запасные магазейны, а притом в случае нужды прикрытую ретираду, и весною все то сделать, что мы после уже в 1739^м году сделать в состоянии были, а может быть, что нашим удалось бы еще в 1738^м году увидеть берега реки Дуная. Против сего можно бы возразить, что мы не имели права входить в полские границы. На сие иного ответу дать не могу, кроме того, что прошу мне изъяснить, по какому праву мы после в 1739^м году предприяли поход свой чрез Польшу.

Примечания о походе 1738 года

Возвратясь с армиею в прошедшем году в Украину и укомплектовав оную по весне рекрутами и лошадми, а притом заготовя паки магазейн на пять месяцов, предприят был в сем году поход к Днестру. Заняв со всею армиею зимные квартиры в Украине, дали мы неприятелю время лучше приготовиться к принятию нашему и к собранию такой армии, которая в состоянии была воспрепятствовать нам в переходе чрез Днестр. В прошедшем году не мог он нам никакого сопротивления учинить, мы переправлялись чрез все реки без всякаго [Л. 14] от него сопротивления, и он столко был безсилен, что и к освобождению Очакова ничего предприят бы не мог, все его поиски состояли в том, что малыми татарскими партиями выжигал в степи траву и тем причинял нам некоторой урон в упряшке; можно легко разсудить, чего бы должно было ожидать от армии, простирающейся свыше 100000 человек, если б она для чинения над неприятелем поисков разделена была на два или на три корпуса, но как сего не учинено, то необходимо должно было от Украины до самого Днестра маршировать прежде нежели возможно было начать военные свои действия. Из сего следовало, что упряшка наша паки уже разорена была, прежде нежели мы до Днестра дошли, а хотя бы

нам и удалось благополучно перейти чрез сию реку, то однако мы не в состоянии бы были иное что предпринять, как разве крепость взять, гарнизон в оную ввести и оной жребию его оставить, в сумнительном ожидании, возможет ли оной сопротивится неприятелю, потом паки к нашим границам возвратится. Я кроме сего иного думать не могу, ибо армия, которая, как выше упомянуто, свыше ста тысяч простирается, имеет нужду во многом; она* выступает в поход, запасшись провиантом на пять месяцев, притом полагается наперед, что она будет щастлива и зделает некоторые завоевания, а со всем тем не приемлются никакие меры к приобретению себе ползы от сих завоеваний, а хотя бы и все счастливо происходило, то надобно почти 4 месяца, считая со дня выступления из границ, чтоб окончать сей марш, перейти через реку ввиду неприятельском, его самого разбить, осадить крепость и оною овладеть.

Окончив сие, армия иметь будет еще на один месяц запаснаго провианта, что ей тогда делать должно? Если ей засесть в неприятельской земле, то [Л. 14 об.] должно уверенным быть, что оная земля при добром распоряжении прокормить ее может или что позади приготовлен уже запасной магазейн и что к подвозению еще болшаго числа провианта приняты уже все потребные меры. Буде же того нет, и нигде не заведено хотя малого, не упоминая о болшом магазейне, то армия с месячным своим провиантом должна спешить домой, чтоб не претерпеть нужды и голоду и на будущий год паки [не]** изнурить себя маршами и контрмаршами.

Мы пришли к Днестру, как выше упомянуто, и лето сие не столь было сухое, как прежнее, почему неприятель и не мог выжечь травы, хотя он и несколько раз на то покушался; напротив того, от дождей разсыревшая земля причиняла нам превеликую трудность в марше; испортила почти у нас всех лошадей. Мы стояли толко три дни у Днестра, стреляли одну ночь по укрепленному их лагерю, не причиня им никакого вреда, и потом предприняли возвратной свой марш. Накануне прибытия

* На полях приписано: «Всем удовольствуюсь».

** В рукописи частица «не» подчистена, однако по форме и смыслу фразы она, несомненно, должна тут быть.

нашего к Днестру имели мы небольшое сражение с татарами и некоторым числом турецких лехких войск. А 4 или 5 дней спустя по выступлении нашем в возвратной поход было другое такое же сражение.

Того ж дня после нашего отступления от Днестра турки переправили часть своего войска на сию сторону реки, которая, соединясь с татарами, беспрестанно нас тревожила и нападала на нашу ариергардию. Лошади наши от того так мучились, что должно было несколько сот телег с провиантом, также и офицерского богажа при ариергардии жечь, и немалое число артиллерийской аммуниции в землю зарыть, дабы оные неприятелю в добычу не оставить, и так возвратной наш поход чрез первые три недели походил на ретираду разбитой неприятелем армии, первые три дни ариергардиею командовал генерал-поручик Карл Бирон, которой по нетерпеливости своей все жигал, чего скоро [Л. 15] повести было невозможно, почему фельдмаршал и называл его зажигальщиком, генерал порутчик Левендаль сменил его с своею дивизиею и остался до тех пор в ариергардии, доколе неприятель нам провожал. Хотя он и не столько сжег, потому что почти две трети своей дивизии употребил в повозке оставленного багажу. Однако совсем миновать того не мог, что части из онаго также не жечь. Легко представить себе можно, сколь трудно было людям, когда дивизия, составляющая ариергардию, чрез целые две недели ни одной ночи с протчею армиею спокойно в лагерь остановится не могла, но тогда толко к лагерю приближалась, когда протчая армия, имев отдохновение, опять в марш вступала, когда ж растагу не было, то она до 7 и более верст оставалась назади от лагеря, наконец пришли мы, ни зделав ничего и разоренными вовсе богажем и лошадьми, к своим границам, помышляя о том, как все потерянное вновь завести и приготовиться на будущий год к такому ж маршу.

Примечание о походе 1739 года

По наступлении весны армия собралась около Киева, ибо наконец увидели, что необходимо маршировать должно чрез Полшу, дабы в четвертые с разореною армиею по осени не воз-

вратится к своим границам. Она запасена была опять всеми потребностями, также и провиантом на 5 месяцев, хотя в том и нужды бы не было, потому что шли мы всё жилими и весьма плодородными местами, где довольно хлеба достать было можно, а хотя б поставка онаго казне и несколько дороже обошлась, однако сей убыток [*Л. 15 об.*] должно бы считать весьма невеликим, в сравнении того, чего стоили подъемные лошади и волы для воски магазейна и нужные при том люди, не упоминая о том, коликую остановку сия тягость в походе армии причиняла, сколь трудно было при переправах и переходах чрез реки оную прикрывать, и какое затруднение все сие делало салдату. Не взирая на то ничего вперед запасено не было, да и после, когда армия перешла уже чрез Днестр, разбила неприятеля, взяла Хотин и марш свой в Молдавию продолжала, нимало о том помышляемо не было. Сие, кажется мне, довольно доказывает, что и при самых щастливых действиях и преприятном чрез Польшу походе намерение было к осени опять перейти сто миль и более, а гарнизоны в завоеванных городах оставить на волю Божию.

Таким образом выступили мы от Киева тремя колоннами, из которых одна от другой следовали стороною в разстоянии трех до четырех миль. Провиантской магазейн составлял четвертую колонну и шел позади средней, к такому распоряжению марша понудили нас жилые места, где должно было держатся настоящих дорог, дабы не потоптать и не потравить посеянного на полях хлеба, но при занятии лагерей сей предосторожности наблюдать было невозможно, и мы по большей части становились на посеянных, а наконец и на таких полях, где хлеб почти уже созрел: поляки силно жаловались на причиненные им чрез то убытки и разорения, но обещанное им возвращение их убытков, которое они и получали, паки их успокоило.

В таком порядке пришли мы на разстояние 10^{ти} и 12^{ти} миль от Днестра и Хотина, где армия опять соединилась, и тогда сиею тяжелою машиною подвинулись еще на 5^{ть} и на 6^{ть} миль вперед. Тут фельдмаршал имел [*Л. 16*] несколько дней отдохновения, а между тем приказав на несколько миль выше Хотина осмотреть берега реки Днестра, получил репорт, что в 6 или 7 милях от Хотина можно предпринять переправу чрез реку. Неприятель, думая, что

мы склоняем поход свой прямо к Хотину или на одну милю выше к Жваницу, собрал там всю свою силу и намерен был так, как в прошлом году, не допустить нас до переправы чрез реку, но фельдмаршал употребил такую воинскую хитрость, что, оставя тут одну дивизию со всем магазином, артиллерийским парком и тяжелым обозом армии под командою генерала аншефа Румянцева, с достальною армиею, взяв с собою на 10 дней провианта, пошел по правую сторону чрез горы, леса и дефилеи и тремя принужденными маршами прибыл к Днестру. Причем генерал Румянцов, остановившись один день, должен был на другой день также следовать к главной армии.

Мы пришли к Днестру и перешли чрез сию реку прежде, нежели неприятель о том сведал уже целые сутки после того, как армия уже переправилась и поджидала к себе генерала Румянцева. Показался неприятельской корпус в 20000 человек и напал на наших фуражиров, однако командированным при них прикрытием и подоспевшим из лагеря сикурсом прогнан был назад, не причинив нам ни малого вреда, кроме самого малого числа при перестреливании убитых.

По приходе нашем к Днестру река от бывшей засухи сделалась так мелководною, что драгуны и казаки вброд чрез оную перешли, причем на казачьих лошадях перевезено было [также]* несколько рот гранодеров, кои заняв [Л. 17] тот час пост, зделали мостовые шанцы, и по наведении трех мостов все армия на другой день чрез реку перешла.

Река в том месте шириною была около 60 сажень, она же притом чрезвычайно быстра, почему и три дни спустя после продолжавшегося чрез несколько часов силнаго дождя прибылою оттого в реке водою все мосты в одну ночь разорвало, так что с великим трудом оные опять собрать и для перехода генерала Румянцева поправить было можно.

По собрании паки в одно место армии фельдмаршал, сняв лагерь, маршировал прямо к неприятелю и Хотину. Должны мы были на сем марше несколько проходить горами, лесами и низкими болотистыми местами, что причиняло нам немалое затруднение, потому что неприятель везде показывался и у каждой

---

* Слово взято в скобки в рукописи.

переправы старался нас остановить, почему надлежало нам наперед его збить, а потом уже далее маршировать могли; оставя все бывшие при том обстоятельства, упомяну я толко, что мы наконец при Шавартане* застали турков, которые на горе поперек Хотинской дороги пятью или шестью ретраншаментом окопались, а между тем татары во 100 000 и более нас окружили и все горы заняли. Около дву часов пополудни фельдмаршал обозрел все положение неприятельское, нашел, что естли его во фрунте атаковать, то бес превеликаго урону людей ретраншаменту его почти взять невозможно. Напротив того, гораздо надежнее будет, если предприть атаку на левом его фланге, но дабы неприятель не возымел о том какого подозрения, то он не толко остановился прямо против неприятеля и казакам накрепко подтвердил, чтоб в ту сторону не подвигаться, но и в следующую ночь генерал Левендадь [Л. 17] должен был с полевою артиллериею под прикрытием 4^х полков занять пригорок против неприятельскаго лагеря и по оному как из пушек, так из мортир стрелять, продолжая оную стрельбу до самого полудня, хотя и ни единая бомба, ниже пушечное ядро при самой болшой элевации до неприятельскаго ретраншаменту не доставало. Около полудня фельдмаршал со всем кареем, которой внутри обозом, провиантом и артиллериею так стеснен и набит был, что едва яблоко на землю пасть могло, вступил в марш к левому неприятельскому флангу, и в то же время генералу Левендалю приказано было отступить назад и примкнуться к левому флангу карея. Как неприятель сие приметил, то хотел он и с той стороны зделать против нас батареи, но уже поздно было. Фельдмаршал должен был переправляться чрез небольшую болотистую речку, чрез которую в четверть часа ис привезенных с собою досок зделаны были 22 моста, по которым из передняго фаса перешли во первых 4 полка с полевою артиллерию, по другую сторону речки была хотя невысокая, но весьма крутая гора, однако сие не мешало салдатом с веселым криком встачить на оную пушки, которые того же часа дейст-

* Имеется в виду известное село Ставучаны (Ставчаны), ныне в Черновицкой области Украины, в 12 км к юго-западу от Хотина. Во время русско-турецкой войны 17 (28) августа 1739 г. при нём произошло решающее сражение той кампании, закончившееся победой русской армии.

зовать начали, не давая неприятелю заводимую им против нас батарею в состояние привести. Между тем весь каре [с] запертым в нем обозом приближался помалу к неприятелю, которой наконец с 3000 янычаров учинил из ретраншаменты выласку на передние наши полки, но как оные с уроном 100 человек и более назад прогнаны были, то он зажег свой лагерь и обратился в бегство, а татары остались еще на горах около нас, и не прежде как в следующую ночь отступили. [Л. 17 об.]

О сей так названной баталии, которая произвела столь важные по себе следствия, должен я кратко объявить свое мнение, не понимаю я по сей час, для чего фельдмаршал весь магазейн, артиллерийской парк и тяжелый обоз в карее с собою вез и для чего он всего сего в укрепленном ретраншаменте по сю сторону Днестра до тех пор не оставил, доколе б удалось неприятеля разбить и по одержанной победе взять город Хотин.

Может быть сей случай первой в свете, что полководец, будучи в состоянии наступательно действовать, и действуя подлинно таким образом, предпринял с кареем, наполненным внутри обозом, атаковать ретраншамент и разбить неприятеля. В самом деле фельдмаршал более шести полков из своей армии употреблять не мог, не подвергая себя опасности, чтоб сделанною в карее прорехою не потерять свой обоз и магазейн. А шестью полками не берут ретраншаменты, занятого, по крайней мере, 60000 человеками и прикрываемого вокруг 100000 человек легких войск. Удивительно, что все столь благополучно удалось в такое время, когда должно было опасаться потерянны всей армии: может быть такого поиску никто и с толикою опасностью паки предпринять не отважится, а хотя бы кто отважился, то сомневаюсь, чтоб благополучным успехом хвалится в состоянии мог быть.

Следствия сей победы известны, мы взяли Хотин. Мы не видали более пред собою неприятеля и прошли до самой Волоской земли*, которая тот час российскому скипетру подверглась;

---

* Волоская земля — в данном случае имеется в виду княжество Молдавия. В начале XVIII в. в русском языке Волоской (Волошской) землей, иначе Волосщиной, называлась Молдавия, тогда как княжество Валахия (Мунтения, Цара Ромыняскэ) именовалось Мунтянской (Мултянской) землей, Мунтянщиной, Мултянщиной. Уже ко второй половине XVIII в. слово «волошский» стало использоваться преимущественно применительно к Валахии.

4 полка, которые тамошние жители провиантом снабдить обязались, назначены были для содержания гарнизону в малоукрепленном городе Ясах [Л. 18]; 6 полков положено было оставить в Хотинской крепости, довольствуя их провиантом из найденного там неприятельского магазейна, а протчая армия должна была назад следовать в Украину. Подъемные наши лошади, хотя и много претерпели, однако не столко, как в прежних походах. Артиллерия в сем году была в лучшем состоянии, потому что на оную дано было больше подъемных и запасных лошадей. Мяса салдаты наши также имели предовольно, почему были и бодры, и здоровы.

Между тем воспоследовал мир, и зделал всему конец. Мы должны были из вышепомянутых мест вывести свои гарнизоны и итти домой в конце ноября, когда по Днестру шол весма сильной лед, принуждена была армия при непреодолимых почти трудностях переправляться назад через реку; мостов делать было невозможно, да и артиллерии инако перевести нельзя было, как переталкивая по дну речному, состоящему из глаткаго плитного камня. Сколь быстро течет сия река, можно из того заключить, что ни единая 18^{ти} фунтовая пушка не вышла порядочно из воды, но вокруг опрокинута была, и колеса кверху стояли, да и то 20^{тью} или 30^{тью} саженьями ниже того места, где спущена была в воду. Сия переправа, которая в трех местах происходила, смучила и повредила у нас много людей. [Л. 18 об.]

* * *

Таким образом представил я верное описание прошедшей турецкой войны. Во время оной имел я щастие служить адъютантом при великом человеке, а именно при графе Левендале. От прозорливых его глас, обыкших с молодых лет все прилежно примечать, не могло ничто укрыться; подражая ему, научился и [я] со вниманием смотреть на каждое предприятие и из того в ползу себе и в осторожность на будущее время делать заключения. В 1717 и 1718 годах служил он на войне [в] Венгрии против турков* гранодерским капитаном и адъютантом при цесарском

---

* Имеется в виду война 1716–1718 гг. между Габсбургской монархией и Османской империей, закончившаяся победой Австрии и Пожаревацким мирным договором.

генерале графе Секендорфе*. Знал он совершенно, как турки с неприятелями своими сражаются, как выигранными баталиями ползуютца, а после потерянных скоропостижно отступают или, лучше сказать, без всякого порядка в бег обращаются, оставляя победителю всю свою артиллерию, лагерь и обозы. Однако он при том признавал, что бывшие против нас турки совсем не походили на тех храбрых и отчасти страшных турков, которых он в Венгрии видел, и что там иное предприятие весьма бы худо удалось, которое здесь не только без урону, но еще с выигрышем, славою и похвалою в действо произведено. Если мне позволено будет по слабому моему разсуждению предложить некоторые примечания о образе жития сего народа, его положении против наших границ, о военном его обряде, крепостях и артиллерии и ис того делать заключения, каким образом против его действовать и от места до места вперед к нему подвигаться должно, то оные состоят в следующем:

1°. Исключая татар, которых к туркам причислять не должно, сей последней народ по большей части состоит из людей изрядного росту и крепкого сложения. Одежда их придает им почтенный вид. Привыкая с молодых лет к движениям, столь они легки на ногах, что от турка весьма много ожидать можно. [Л. 19]

2°. Обитаемые ими земли, лежащие под теплым климатом, доставляют им все, что не только требуется к нуждам человеческой жизни, но и самого састололюбиваго человека удовлетворять может; они потому приобыкли к доволному во всем содержанию, в котором и во время походов против неприятеля нужды терпеть не должны. Если не доставать будет хотя малаго чего, то их полководцы ежечасно опасаться должны возмущения и потому принуждены обходиться с ними весьма осторожно. Из сего следовало бы, что народ, приобыкшей к роскошной жизни, соответствующей правилам их Закона, не может быть столь храбрым, однако сие в самом деле ложно, ибо:

3°. Не может никакой народ храбрее и военнее быть турков. Они не только безстрашно, но почти с неистовством идут на сра-

---

* Секендорф Фридрих Генрих (нем. *Friedrich Heinrich von Seckendorff*; 1673–1763), имперский граф, австрийский военачальник и дипломат, генерал-фельдмаршал Австрии и Баварии.

жение, и наступающий при беспрестанном прыгании турок в состоянии устроить всякого в войне не довольно искусственного молодого человека. Их пехота, между которою янычары первыми числятся, употребляет долги винтовки, которыми они на 300 и до 400 шагов стреляют и попадают, саблю, которою они, может быть, лучше всякого другого народа действовать умеют, большой нож длиною от 10^{ти} до 12^{ти} вершков, а шириною в три палца, и небольшой кинжал. Из сего следует, что понеже ружье наше так далеко не берет, то должно против их употребить тем большее число артиллерии. Турок, будучи на открытом поле, более двух или трех раз из янычарки своей не выстрелит, и ни единого промаху не сделает, а потом уже с обнаженною саблею в яростном и отчаянном виде бежит против неприятеля своего. Когда же ему случится сидеть за окопом, кустарником, в лесном или гористом месте, то он нескоро оттуда выходит, а между тем наступающему на него неприятелю янычаркою своею великий вред приключает. От таковых весьма стремительных и яростных нападений лучше оборонится не можно, как рогатками. Цесарская пехота против турецкой [Л. 19 об.] редко устоять могла, читая описания о бывших войнах между ими и цесарцами, нетрудно о сем удостовериться. Конница их легка, и кони у них все хорошие. Ездок, владея совершенно своею лошадыю, в состоянии на самом сильнейшем скаку поворачивать оную по изволению своему в ту или в другую сторону, и трудно другой кавалерии против нея устоять, если плотно сомкнуто не будет. Напротив того, сия турецкая конница никогда не страшна, когда против оная выведена будет регулярная и плотно сомкнувшаяся кавалерия. Цесарские кирасиры не только выдерживали всегда нападения от турецкой конницы, но и во многих случаях збивали с места турецкую пехоту и тем способствовали к одержанию победы. Из сего явствует, сколь нужно иметь против сего неприятеля, у которого как в пехоте, так и в коннице находится множество кольчужников, добрую и довольно обученную конницу.

Армии их обыкновенно весьма многочисленны. Зимой они неохотно служат, почему и главный их предводитель всемерно старается должен, чтоб предписанные ему военные действия окончить по крайней мере в сентябре месяце, в яростном случае [так в руко-

писи. — *В. К.*] все разбредутся, и он прежде будущего мая месяца их опять не увидит. Когда ж и удастся побить своего неприятеля, то они победами своими изрядно ползоваться умеют. Разбитой неприятель побегом от них не спасется, но всемерно погибнет. Но когда оный может занять выгодное положение, в котором, без большого урону, паки атаковать его невозможно, то они редко отваживаются на другое сражение. Когда же турок разбит будет, то он лишается всей своей артиллерии, лагеря, полаток, обозу и всего, что при себе ни имел, ибо гордяся храбростию своею, всегда признавает себя будущим победителем, и потому все при себе держит, не покидая назади ничего из своего обозу. Напротив чего он после потерянной баталии в крайнем беспорядке бежит к своим границам, и уже прежде опять не покажется, [*Л. 20*] как в будущем году. Для прикрытия себя от незапного нападения, когда неприятель находится в близости, каждой турок, вступив толко в лагерь, выкапывает для себя пред фрунтом яму глубиною в полчеловека, где будучи прикрыт, в следующую ночь ис тех ям делают ров и вал, и таким образом на другой день ретраншамент их совсем готов. Подобно сему делают они и траншеи свои под крепостью и в сей работе весьма скоро предудпевают.

4°. Артиллерия их до сего времени была не весьма исправна, так как и пушки их не весьма проворныи. Хотя они и возили с собою множество весьма тяжелых орудий, в том числе тридцати шести и сорока осми фунтовые пушки невероятной почти величины и тяжести, однако оные, для самой всей притчины, им немного помогали. Пушечные их станки и колеса по большой части сходствуют с корабельными, и артиллерийские их служители не имеют ни малого знания и искусства, как при начале баталии пушка поставлена, так она и до самого окончания действует. О скорострельной палбе они 20^л лет тому назад почти ничего не знали, но естли газетам верить можно, то она ныне учреждена на хорошем основании и равномерно производится малокалиберными и лежко подвигаемыми пушками. Нынешние их артиллерийские служители также искуснее прежних. Из всего сего заключить можно, сколь нужно отправить против сего неприятеля многочисленную и со всяким проворством управляемую лежкую полевую артиллерию. При таком распоряжении уповаю я, что

наша артиллерия всегда верх одержит и к получению победы над неприятелем немало способствовать будет.

5°. Города их Очаков и Хотин довольно укреплены и могли бы долго обороняться, если бы внутреннее строение соответствовало правилам строения крепостей. Но как обыватели и гарнизоны обыкновенно бывают у них многочисленны, а дома построены толко об одном жилье и то почти всё из дерева, то нетрудно себе представить, [Л. 20 об.] что в их крепостях почти и самые валы застроены. И так сколь велико не долженствует быть бедствие гарнизона, когда толко несколько домов начнут гореть, а места нет, куда б можно было спасти от огня свои пожитки, когда за теснотою не можно употребить надлежащих способов к потушению пожара, и когда ни жители, ни гарнизон и на самых городских валах от огня укрыться не могут. При таком умножении пожара натурально следует, что наконец и пороховые магазейны на воздух полетят; гарнизон истребится, а достальным избавившимся от такого бедствия к продолжению обороны ни материалов, ни амуниции не останется. Здесь паки находим мы причину, для чего к предприятию осад их крепостей должно иметь немалое число мортир, единорогов и гоубиц. Они при таковых осадах гораздо полезнее пушек, которые напротив того полезное свое действие оказывают при баталиях.

6°. Положение российских и турецких границ такое, что естли война производима не будет чрез Польшу, и в самой Полше, то она всегда будет вредителна для наступающей стороны, однако еще вредителнее для России, нежели для турков. Умалчивая о местах, лежащих между Днестром и Дунаем, упомяну я толко о расстоянии от Днепра до Днестра. Еще немного лет тому назад вся страна между сими двумя большими реками составляла одну толко необитаемую людьми степь, никто там земли не пахал, да и лесу на строение доставать было трудно: следственно, наступающая сторона должна была с разорением своей армии и своих подданных возить с собою все, что потребно было для пяти или шестимесячной компании. Когда и удавалось России делать завоевания, то однако оныя деланы были в ненаселенной земле, и должно было сии места либо паки покидать, либо с превеликим убытком [Л. 21] из-за собственных своих границ

всеми потребностями снабдевать. Турки при таком положении имеют перед нами еще некоторую выгоду, ибо они, претерпев те же убытки, которые мы понести должны, чтоб к ним притти, придут в плодородную и жителями населенную землю, то есть в Малороссию, где они найдут для себя всякое довольство. Вместо того мы, перешед через Днестр, придем к белгородским татарам, которые хотя также домами живут, но пропитание свое больше имеют от скотоводства и содержания лошадей, нежели от земледелия, где часто недостаток бывает в хлебе и где в расположении по зимним квартирам армии и думать не можно, разве подвергнуть себя страху, что люди поодиночке истреблены будут неприятелем; должно нам непременно перейти чрез Днестр, если у турков что отнять хотим, а для быстрого течения сей реки чрез оную переправляться весьма трудно. Берега ее от самого Хотина до устья, которым впала она в Черное море, высоки и круты; почему и небольшой корпус, имеющий при себе довольно число артиллерии, может легко воспретить переход чрез сию реку; но повыше Хотина, имея при себе довольно артиллерии, можно уже предпринять переправу. Все сие доказывает, что Россия войну с турками толко тогда с пользою вести может, когда она предпринята будет чрез Польшу и когда поляки будут нам союзниками и помощниками, а хотя бы сии последние и оказали себя несклонными к России, то война правда будет труднее; но я не думаю, чтоб по сей причине могла быть злополучною для России, а напротив того может быть вдвое славнее.

Из всего вышеписанного видно, что я здесь говорю не о оборонительной, но о наступательной войне. По моему мнению, оборонительная война против турок и поляков должна быть вредительна России, по крайней мере множество российских подданных могут сделаться безщастными. Возьмем [Л. 21 об.] в разсуждение положение российских границ, начав от Риги и следуя по Двине и по Днепру до реки Буга; пойдем от Днепра далее к Азовскому, а оттуда к Каспийскому морю. Везде граничим мы с поляками, турками и разными под защитою Отоманской Порты состоящими татарскими народами. Когда притом разсудим многочисленныя их войска, образ их жития, порядок войны и незапные [так] от них набеги, то найдется, что на таком превеликом разстоянии

никоим образом невозможно подданных своих, особливо по границе живущих, защитить от порабощения и страшной неволи.

Хотя польской народ, взяв каждого поляка особливо, назваться может храбрым, но все вместе и в один корпус соединенные нимало не страшны, потому что, прелщаясь мнимою вольностью, всякой желает быть повелителем, а никто подчиненным и исполнителем даваемых повелений. От сего происходит, что они в случае на них нападения не в состоянии сопротивления делать; буде же оборонительно с ними воевать, то все наступать будут на отходящего от них неприятеля, и тогда всякой, не щадя жизни и всего своего имения, ищет показать себя достойным полководцем; что паки доказывает, сколь опасно оставаться в пределах одной обороны и что, напротив того, поляк, когда Россия против турков наступательно действовать будет, останется спокойным зрителем, доколе жребий обоих между собою неприятельских армий баталией не решится. Когда славное российское оружие верх одержит, то поляки либо тот час к нам пристанут, а турки получат нового себе неприятеля, либо они останутся без действия, и повеления наши исполнять будет [sic]. Когда же противное тому приключится, то вся разность состоять будет только в том, что поляки несколькими месяцами позже объявят себя неприятелями России, нежели б они то при оборонительной войне учинили, а Россия между сим временем может принять свои меры к дальнейшей своей безопасности и обороне. [Л. 22]

Положив наперед, что должно быть наступательной войне, спрашивается, как оную с наилучшим успехом производить можно? Признаюсь, что предпринимая отвечать на сей вопрос, я далеко отваживаюсь, однако не думаю я, чтоб то было преступление открыть свои мысли и предать оные на рассмотрение знатнейшим и прозорливейшим особам. Для обстоятельнейшаго объяснения сих моих мыслей, начну я от Каспийского моря и уповательно не ошибусь в моей догадке, что кои от оногo моря до Азовского с нами граничат, ничего не предпримут, когда нам удастся крымских татар запереть в их полуострове, не допуская никаких поисков против Украины, а сие нетрудно будет исполнить, когда по границе от Конских вод и по реке Берды* 10^{тв} или

* На полях приписано другим, неписарским почерком: «До Азовского моря».

12^{ть} полных баталионов и до 20000 человек калмыков, расположенным в ретраншаментх и редутах, кои взаимным между собою подкреплением неприятеля не перепустят, а в удобное время года и в Крыму набеги делать могут. Граница сия не далее 150 верст простираетца, следственно и гораздо легче оную защищать, нежели разстояния по старой линии от Днепра до самого Дону. По моему мнению можно на то употребить часть тех войск, кои в крепостях старой линии гарнизоны содержат, а самую малую часть оставить при старой линии, прибавляя к тем ротам полка три пехоты, и довольствоваться провиантом и фуражем из Украины, а притом собранными же с Украины людьми делать им всякое вспомошествование в нужнейшем строении, дабы они и зимою свои кантонир-квартиры тут иметь могли. Река Днепр по полской границе, начав от Крылова до старой линии, может также прикрыта быть от набегов белгородских татар и придаваемых им для подкрепления турецких лехких войск, естли например 30000 человек регулярных солдат (я разумею здесь одних гарнодеров [так], мушкетеров [*Л. 22 об.*] и кавалеристов, в строю стоящих) и около 10000 человек нерегулярных войск содержаны будут здесь вместо обсервационного корпуса, которой учреждать может свои движения, смотря по военным действиям находящейся в Полше главной армии, о чем ниже сего мнение свое обстоятельнее предложить не примину.

Теперь обращаюсь я к главной армии в Полше, оная, когда приблизится к неприятелю, чтоб с ним дать баталию, должна состоять по крайней мере в 60000 регулярных салдат и в нескольких тысячах нерегулярных войск, сверх которых надлежит еще положить тысяч пятнатцать, которые в крепостях при магазейнах, для препровождения к армии транспортов и для болезней назади оставлены будут.

За древнее и бесчисленными примерами испытанное правило приемлется, чтоб, не давая себя упредить неприятелем, должно самого его предупреждать. Нынешней король пруской во все время своего владения еще в последнюю войну занятием саксонских земель преизрядно ползовался сим правилом. Мне кажется, что при нынешних обстоятельствах Россия поляков от первого до последнего не меньше признавать должна за своих неприятелей,

как и самих турков, а может быть и больше, разность толко та, что вельможи их еще неявно открылись и толко малыми людьми заводят беспокойства и конфедерации, уподобляя их разбойникам, которых со временем можно будет усмирить, а в самом деле тайно пригласить турков себе на помощь, и довели их до мирного разрыва с Россиею, ожидая удобного времени, дабы и самим вдруг принять оружие против России. Естли сия мысль моя признана будет справедливою, то и вышеписанным правилом пользоваться должно без всякаго потеряния времени, принуждая поляков силою, чтоб они объявили себя стороны России и ей вспомоществовали, то есть чтоб они российскую армию, которую они сами для восстановления у себя спокойствия [Л. 23] от гарантирующей Российской державы истребовали, всеми потребностями, то есть провиантом, фуражем и денгами снабдевали, также и войска свои к российским присоединили. По состоянию Полши никогда до сего довести невозможно будет, естли король сам к тому не приступит, естли с российской стороны не наложена будет контрибуция на всю Польшу и не займутся тотчас российскими войсками все укрепленные места и не удержаны или по крайней мере всячески воспрепятствованы не будут на первой случай, турки в Полшу вступят, как все то король пруской в последнюю войну с Саксонию учинил*.

Все сие, естли ожидать успеху, должно делать в одно время, почему необходимо нужно, предупредя турков, немедленно занять Каменец-Подольской; стоящую в разстоянии одной мили оттуда сильную крепость, Окуп называемую, и село Черной Козенец, в котором епископ Каменецкой обыкновенно пребывание свое имеет. Сие последнее место хотя толко село, в трех милях от Каменца стоящее, однако почти со всех сторон окружено рекою с мотрицею, исключая толко самой малой проход, и можно с небольшим трудом зделать его столь же крепким, как и самой Каменец. Епископ, владеющий сим местом, родной брат конфедерационному маршалу Красинскому. Окуп стоит в одной миле от Хотина на здешнем берегу Днестра и еще крепче Каменца. Сии места должно снабдить всеми потребностями к обороне,

---

* Имеется в виду превентивное вторжение армии короля Пруссии Фридриха II в Саксонию в августе 1756 г., ставшее началом Семилетней войны.

заводя притом в оных магазейны с провиантом и фуражом, для всей армии на будущую кампанию. Я полагаю наперед и, как думаю, не ошибаюсь, что турки ныне и допред будущей весны болшаго числа войска на Днестре иметь не могут, разве толко несколько тысяч белгородских татар, липканцов из самых последних их военных людей [*Л. 23 об.*], следовательно находящейся ныне в Полше корпус российской армии один в состоянии бы был сие исполнить. Естли бы после вверх по Днестру удастся захватить места Бузовцы, принадлежащее Потоцкой фамилии, Яславицы, принадлежащее королю, также Грудец и Студенцы ниже Хотина, то можно туркам в переходе через Днестр зделать превеликое затруднение. Все сии места, хотя не укреплены, однако имеют крепкие замки, на горах стоящие. Я думаю, что находящейся ныне в Полше корпус способом сих крепостей и замков не толко против обретающихся ныне в Молдавии турков устоять, но и в генваре или в начале февраля на Хотинскую крепость нечаянное нападение учинить может. Под таким прикрытием от крепостей и замков нетрудно будет безопасно расположить по квартирам корпус войска, простирающийся, например, до 30000 человек, которые в нужном случае чрез несколько часов собраться и всем неприятельским партиям отпор учинить могут.

Когда я таким образом полагаю, что турецкие войска прежде конца мая около Хотина или на Днестре собраться не могут, и нападение на Хотинскую крепость либо предприято не будет, либо не удастся, (хотя и вообразить себе не могу, чтоб оно не удалось, естли толко употребляемый к атаке корпус снабден будет довольным числом мартир, гоубицов и единогогов для причинения в городе пожара), то около того же времени назначенные к главной армии полки могут также приблизиться и воспретить туркам переход через Днестр, особливо кагда в то же время обсервационной корпус под командою графа Румянцова, переправясь через Днепр, внутрь полских границ подвинется к реке Ингулу, а может быть и далее к самому Бугу. [*Л. 24*]

Когда в то же время полякам приказано будет свозить провиант и фураж в учреждаемые между Царь городом и новым Конец Полским небольшие магазейны и турки из того примут подозрение, что сей корпус должен идти к Бендерам, то они принуждены

будут разделить свою силу и оставить то намерение, чтоб чрез Днестр перейти и наступательно против нас действовать, а тем самым главная наша армия приведена будет в состояние отвратить переход чрез Днестр, а может быть и самым делом исполнить. Когда щастие в том нам послужит, то всемерно страх овладеет неприятельскими душами, которые столь много лет в покое жили, и можно от такого предприятия надеяться превеликой пользы. Первое дело состоялось бы в том, чтоб под Хотиным дать с ними баталию, армия имеючи свои магазейны в крепостях и замках по Днестру, не имела бы нужды так как в 1739 году с кареем, наполненным обозами, идти к неприятелю, но могла бы все свои маневры гораздо свободнее делать и тем надежнее, нежели тогда, обещать себе победу. Когда при помощи и благословении Всевышнего в том успех будет, то турки конечно поворотятся назад к Дунаю; город Хотин чрез несколько дней будет наш и можно будет еще больших авантажей надеяться. А хотя и положить, что турки с многочисленною силою перейдут через Днестр и на баталию с нами отважатся, то однако наша армия, будучи прикрываема занятыми полскими крепостями и замками, тем меньше подвержена будет опасности; и хотя бы, отчего Боже сохрани, и случилось нам потерять баталию, то покуда неприятель упражняться будет брать крепости и замки, которых за собою оставить не посмеет, то армия может назад отступить к корпусу графа Румянцова, а он ей навстречу пойти, и таким образом [Л. 24 об.] неприятелю паки противу положить немалую армию, которая дальнейшие его успехи остановит, и время доставить, чтоб при границах сделать новые распоряжения.

Ответствовав на возражение, которому в самом деле никогда быть не чаю, возвращаясь опять на прежнее и уповаю, что мы побьем турков и возьмем Хотин. Что тогда далее предпринимать должно? По моему разсуждению надлежит тогда неприятеля несколько дней преследовать легкими войсками, а потом оборотится к Бендерам, ибо, поставляя поляков злейшими себе неприятелями и не давая себя им в обман, должно овладеть всем Днестром. Тут корпус генерала Румянцова расположением своим подаст паки великую помощь. Он отправлять будет к Днестру провиант навстречу марширующей по ту сторону армии и будет дер-

жать Очаковской гарнизон и белгородских или буджацких татар в страхе, принуждая их больше думать о собственной обороне, нежели о подании сикурса бендерскому гарнизону.

Город Бендеры яко худо укрепленное место, и к укреплению которого швецкий король Карл XII во время тамошнего своего пребывания первый случай подал, долго держатся не может, но чрез несколько дней принужден будет сдаться. Если мне заключение делать из того, как турки воевать обыкли, а именно что они после потери баталии под Хотиным беспорядочным и скоропостижным побегом обратились назад к Дунаю, то во всей армии нужды не будет под Бендерами, и можно тогда десять тысяч или двенадцать тысяч человек з болшою половиною легких войск отправить на устье Днестра к Белу Городу*. Сие место нимало не укреплено и толко потому известно, что Белгородской хан имеет там свое пребывание**. Сим татарам чрез то поставитца нож на горло, и они для спасения своего [Л. 25] охотно подвергнутся российскому скипетру, а каким образом и на каких кондициях их тогда принять должно, оставляю я решить искреннейшим в политике. Одним словом, победоносная российская армия может тогда ползоваться всею рекою Днестром и, смотря на то, учреждать дальнейшие свои военные действия.

При сем предприятии корпус графа Румянцева паки оказывать может важные услуги: он должен правянт туда отправлять и транспорты прикрывать, а сколь скоро мы всем Днестром овладеем, поворотится сам к Очакову. Не предвижу я основательной притчины, для чего б сей город, не имея никакой надежды к получению сикурса, хотел отчаянную оборону предпочесть доброй капитуляции. Мультианцы***, видя столь благополучные наши успехи, не преминут сами предстать и просить о Высочайшем Ея Императорского Величества покровительстве. Я признаюсь,

---

* Белгород, или Аккерман (тур. ист. *Akkerman*, рум. *Cetatea Albă*), совр. Белгород Днестровский, в то время османская крепость на берегу Днестровского лимана.

** Речь идет о Буджакской, или Белгородской, татарской орде, находившейся в подчинении у Крымского хана. Отдельного «Белгородского хана» не существовало; правителем орды традиционно являлся сераскер-султан из числа близких родственников правящего хана из дома Гиреев. В данном случае, по всей видимости, имеется в виду село Хан-Кышла (дословно «ханское зимовье», совр. село Удобное Белгород-Днестровского района Одесской области), которое было, наряду с Ковшаном (Каушанами), одной из резиденций крымского хана в Буджаке.

*** Мультианцы — жители Мултения (Мунтения), т.е. княжества Валахия.

что сей план для одной компании зделан надмеру обширным, но при благословении Божием, при добрых распоряжках, при неутрудимом усердии и при свойственной российскому народу геройской храбрости не толко все трудности могут быть преодолены, но и благополучнейшаго окончания ожидать должно. Распределение наилучшим образом армии по обоим берегам Днестра и обещаема новопокорившимся подданным защита останутся тогда предметом упражнений главнокомандующаго, и когда все сие учреждено будет, то можно тогда сочинять план для наступающей компании или заключить [Л. 25 об.] славный мир, причем поляки яко зачинатели войны должны непременно нести все убытки.

Из рассуждений моих о прежней войне и о мерах, предприемлемых при нынешней, уповаю, позволено мне будет произвести ниже следующие правила:

1°. Должно назначить такое число войска для главной армии, чтоб она в состоянии была неприятельской, которая будущю весною, по крайней мере, в 200000 в поле выйдет, учинить отпор, дать с нею баталию и в ее глазах делать завоевания.

2°. Чтоб она, будучи числом людей меньше, снабдена была доволною артиллериею, тяжелою конницею и рогатками, которые б награждали то, чего недоставать будет в числе людей, дабы получить те же успехи, какие сии предосторожности во всякое время против турков производили.

3°. Учреждать марши свои таким образом и, остановясь лагерем, занимать такие положения, чтоб фланги всегда были прикрыты, а тылом, где возможно, стать к реке или к болоту, имея перед фрунтом рогатки. Естли неприятелю сему при великом его числе удастся однажды застать или встретить армию нашу на чистом поле, то он много выиграет, и армия наша подвержена будет превеликой опасности; может быть мне вопреки скажут, что мы в прошедшую войну маршировали чрез степи и закрывали себя кареем, но здесь в разсуждение принять должно, что мы ныне иметь будем против себя совсем иных турков, нежели каких мы тогда видели.

4°. Я еще повторяю надобность в рогатках, как для безопасности и покоя салдат во время их пребывания в лагере, так как

и в случае баталии; ибо я почти уверен, что турки дождутся не будут, чтоб мы к ним пришли и дали с ними баталию, но сами к нам придут и нас нехотя к тому принудят, а тогда оные рогатки необходимо нужны будут и принесут несказанную пользу. [Л. 26]

5^е. Обсервационной корпус должен также иметь определенную свою пропорцию в сравнении с главною армиею и потом, учреждая военные свои действия, закрывая у нея тыл и соединяясь с оною в нужном случае, чего ради оный корпус равномерно снабден быть имеет всем тем, чего требуется для главной армии.

6^е. Сей же обсервационный корпус взаимно находить должен свою безопасность на границах, а для сего обстоятельства приемлю смелость предложить, не полезно ли будет, из оставляемых назади от полков рот посредством рекрут второй поставки, которых конечно с 20000 человек наберется, формировать полки и баталионы прикрытия оными границ по Днепру, когда обсервационный корпус вперед к Бугу подвинется; почему и их снабдить должно артиллериею и протчими для полевой службы потребностями.

7^е. С осторожностью выбирать места для заведения магазейнов, дабы оные поляками, турками и татарами сожжены и истреблены быть не могли, и чтоб правиант оттуда подвозим был к армии без великой опасности, ибо многолюдство неприятелей и множественное число лехких их войск требует чрезвычайных предосторожностей. Главные запасные магазейны должны всегда быть в крепостях, невзирая на их силу или слабость. Буде они недовольно сильны, то должно их тот час починить и больше укрепить, притом я гораздо за надежнее почитаю употребить к тому крепости, зависящие от короля и республики, нежели принадлежащие полским велможам, которые везде срывать должно до основания, употребляя к тому собственных их крестьян. [Л. 26 об.]

ОР РГБ. Ф. 222 (Панины). Карт. 13. Ед. хр. 1.
Л. 4–26 об. Подлинник. Рукопись чернилами,
писарским подчерком XVIII в. Без подписи.

Кризис русско-сербских отношений в конце 30-х годов XIX в.

В турецких хатт-и шерифах 1830 и 1833 гг., даровавших Сербии статус автономии в рамках Османской империи, Россия упоминалась в качестве стороны, покровительство которой стало одним из решающих факторов самого появления этих документов¹. В дальнейшем все обращения сербского князя Милоша Обреновича и членов Сербского Совета к российскому правительству постоянно содержали термины «высокий покровительствующий двор» или «покровительствующая держава». Напротив, в российских официальных документах данный термин или не употреблялся совсем, или упоминался в контексте совершённых Россией дружественных шагов по отношению к сербскому государству. Официального характера данному термину нигде в российских документах не придавалось, что не исключало, впрочем, молчаливого согласия высшего российского руководства с тем содержанием его роли в подвластных Турции славянских провинциях, которое подразумевалось данным определением. И всё же, в первую очередь, постоянное упоминание России в качестве «покровительствующей стороны» исходило от сербского правительства, которое видело в осуществлении надзора «покровительницы» за приведением в жизнь турецких обещаний определенную гарантию их исполнения. Милош Обренович, положивший много сил на признание Портой наследственных прав своей семьи, отнюдь не гнушался подобным «покровительствующим» правом со стороны России.

Начиная с 1830-х годов Англия, Франция и Австрия стали форсировать усилия по проникновению в балканские провинции Османской империи, ещё недавно малодоступные для них, с целью перехватить инициативу у более удачливой и имеющей к тому времени историческую традицию взаимоотношений

с балканскими народами России. Каждая из этих держав имела свои политические интересы в регионе и приоритетное влияние в той или иной части Османской империи. Австрия издавна боролась за присоединение соседних славянских провинций — Боснии, Сербии и Черногории. Торговые связи Австрии играли всё большую роль в завоевании экономического превосходства на территории Балканского полуострова. Авторитет английского правительства становился всё более существенным для набиравшей силы прозападной группировки турецких сановников, к тому же позиции Великобритании были устойчивы в Греции. Влияние Франции оставалось традиционно преобладающим в Египте и Дунайских княжествах.

Не следует упускать из вида тот факт, что борьба европейских держав вокруг турецкого «наследства», соперничество за преобладающее влияние в той или иной части Османской империи и на турецкое правительство в целом имели в своей основе претензии европейских стран на господствующее положение в регионе Черноморских проливов. Важность обладания «ключами» от Босфора и Дарданелл была очевидной. Оно обеспечивало контроль над важнейшим морским и сухопутным путем на Ближний Восток и далее — в Индию. Оно предоставляло доминирующее положение в Средиземноморье, включая Черное море, имевшее исключительно важное значение как для экономики, так и для обороноспособности России. Ее экономическая и военная независимость в случае проникновения сюда европейских держав была бы серьезно нарушена². Проблема обладания Проливами являлась одной из важнейших составных частей Восточного вопроса в целом; судьба Османской империи рассматривалась западноевропейскими политиками с учетом решения этого важнейшего его аспекта.

После победоносной для России войны 1828–1829 гг. престиж «покровительствующей державы» в Сербии значительно вырос. Однако сербские старейшины открыто говорили о том, что Россия могла бы поспособствовать достижению больших свобод для Княжества. Сербские власти отнюдь не отказывались от русской помощи и поддержки — в данный исторический момент она была наиболее привлекательной как для получения реальной

помощи в налаживании административно-хозяйственной жизни страны, для разработки свода законов, так и в практической деятельности военных и промышленных специалистов. Сама логика развития событий подсказывала, что развитие государственности на Балканах в значительной степени будет зависеть от складывающихся русско-южнославянских отношений и той поддержки, которую новые национальные объединения получают от России.

Всё изменилось после того, как в Сербии стал обсуждаться вопрос о принятии Устава — сербской конституции. Формально уставобранители, т.е. «защитники Устава», представляющие интересы новой сербской буржуазии, оппозиционной князю, пришли к власти со сменой правящей династии. Реально же новый режим вызревал в недрах старого общества и подготавливался всем ходом социального и политического развития Сербии на протяжении 30-х годов XIX в. Борьба за Устав, а еще раньше — за хатт-и шерифы 1830 и 1833 гг., провозглашавшие не только независимость Сербии от Турции во внутренних делах, но и содержавшие регламентацию социально-политической жизни Княжества, явилась этапом подготовки введения нового режима в стране. Оппозиционное движение, оформившееся внутри высшего руководства Сербского княжества и направленное против авторитарной власти Милоша Обреновича, существовало на протяжении всех предыдущих лет его правления. К числу оппозиционеров принадлежали крупные чиновники, землевладельцы и торговцы, которым авторитарная власть князя не позволяла занять ключевые государственные должности в Сербии. Требование утверждения гражданского и уголовного законодательства переросло в требование принятия конституционного акта — Устава, определявшего весь характер политической и экономической жизни в стране. К сербской знати, которая выступала за принятие такого закона, принадлежали такие влиятельные государственные деятели, как Авраам Петрониевич, Тома Вучич Перишич, Стоян Симиц, а также брат Милоша Ефрем Обренович.

Российская правящая элита с самого начала резко отрицательно отнеслась к идее принятия в Сербии такого законодательства, которое хотя бы отдаленно напоминало либеральные конституции Франции и Бельгии. «Ваше превосходительство изволило

признать... неосновательными некоторые статьи, помещенные в Уставе нашем, — писал Милош российскому посланнику. — Мне тоже не нравились тогда — они и теперь не нравятся — некоторые статьи оного. Но во удовлетворение тех обстоятельств, я должен был согласиться тогда на всё»³. Милош заранее знал о нерасположении российского посланника в Константинополе А.П. Бутенева к поспешно принятому Уставу. Еще раньше агент Милоша М. Герман сообщал князю о том негодовании, которое вызвала у дипломата весть об этом событии. В апреле 1835 г., уже после отмены Устава, Бутенев сам выразил полную поддержку действиям Милоша. Он не скрывал своего резко отрицательного отношения к документу и советовал вместо него подготовить новый закон, учитывающий все необходимые преобразования. «Устав... по моему мнению, — писал посланник, — столь противен началам, на коих основано существование сербского народа, что я даже не решился приступить к подробному рассмотрению оного... паче не мог помыслить представить оный на утверждение императорского министерства»⁴.

Австрийское руководство также было крайне встревожено новостями из Сербии. Политические перемены в жизни Княжества грозили появлением требований подобных же преобразований со стороны австрийских подданных-сербов. Заинтересованность австрийских властей в сохранении status quo в Сербии соответствовала стремлению российского правительства к совместному противодействию конституционным преобразованиям в Княжестве. Изменения там должны были ограничиться административной реформой. Бутенев советовал из Константинополя приняться, прежде всего, за реформы судопроизводства, сбора налогов, торговли и промышленности, школ и училищ⁵. Сербский князь соглашался с этими советами, но более всего был доволен тем, что Бутенев отверг Устав: «Утешительно было для меня видеть, что ваше превосходительство выхваляет приостановку Устава нашего», — писал он посланнику в апреле 1835 г. Милош был настолько воодушевлен поддержкой русского двора, что намеревался направить в Петербург благодарственную делегацию, однако это предложение было в вежливой форме отклонено К.В. Нессельроде⁶.

Принятый на Сретенской скупщине в феврале 1835 г. Устав не был претворен в жизнь. Милош отменил его через полтора месяца, воспользовавшись тем, что ни Порты, ни российское правительство не поддерживали идею о введении в Сербии «конституции». Сербский князь еще раз доказал свое уже известное умение угодить всем, соблюдая, в первую очередь, собственные интересы. Тем более, что почти все члены основанного по Уставу Совета принадлежали к лагерю, оппозиционному княжеской власти. Однако, несмотря на желание Милоша окончательно «закрыть» вопрос об Уставе, сделать этого ему не удалось. Оппозиция активно разрабатывала новый проект, отказаться от которого Милош не сумел.

Составлять новый вариант документа было поручено С. Радичевичу, а Милош должен был контролировать его работу и корректировать те положения, которые его не устраивали. По этому проекту вся власть в Княжестве должна была сосредотачиваться в руках князя, а автономное положение Сербии гарантироваться пятью великими державами⁷. Это условие явилось совершенно новым обстоятельством, свидетельствовавшим о том, что внешнеполитическая ориентация сербской буржуазии изменилась кардинальным образом, поскольку упоминание о России, как о единственной «покровительнице» Сербии, в проекте полностью отсутствовало. Российские правящие круги не могли скрыть своего недовольства. Сербская историография отмечает, что этот вопрос вызвал такую заинтересованность Петербурга, словно речь шла не о турецкой, а о русской провинции⁸.

С целью оказать влияние на внутривнутриполитическую обстановку в Сербии в Белград был послан генеральный консул в Бухаресте П.И. Рикман. Он должен был убедить сербское руководство в том, что Княжество не является самостоятельным государством и должно больше прислушиваться к советам России. «Он хочет, чтобы всё осталось по-старому. Старого нет», — так выразительно охарактеризовал свое отношение к миссии Рикмана соратник Милоша Й. Живанович. Вполне справедливым выглядит положение современного сербского историка Р. Люшича о том, что вопрос сербского Устава перерос из внутренней проблемы в международную. Самое непосредственное участие в ее реше-

нии приняли Россия, Англия, Австрия и Турция. По мнению другого сербского историка В. Поповича, именно последующее подключение Великобритании к борьбе за преобладающее влияние в Сербии вывело Княжество из «узких» рамок русско-турецко-австрийского круга и ввело в большую европейскую политику⁹. С этим утверждением можно согласиться, если принять во внимание, что позиция Англии была противоположна интересам России, Австрии и Турции и предоставляла сербскому князю некоторый выбор внешнеполитической ориентации.

К 1837 г. относится активизация политики Великобритании в Сербии. Английское консульство в Белграде, как и австрийское, было открыто под предлогом необходимости защиты интересов торговли. Надуманность этого объяснения была очевидна самим английским политикам. Британский посол в Вене Ф. Лэм высказывался на этот счет вполне откровенно: «Без прямых интересов в Сербии, без точек соприкосновения с ней — какую помощь мы можем ей оказать? Если она будет рассчитывать на нас в час нужды, мы наверняка разочаруем её»¹⁰. Несмотря на то, что в 1838 г. был заключен англо-турецкий торговый договор и английские товары занимали всё большее место в турецком импорте, непосредственно к Сербии это не имело никакого отношения — торговли с Англией Княжество не вело. Более того, в Лондоне не представляли реального политического, социального и экономического положения этой провинции Османской империи. К тому же, не собственно Сербия являлась предметом интереса для Великобритании — по мнению английских политиков, Княжество должно было стать «барьером против дальнейшего продвижения России в европейских провинциях Турции»¹¹.

С прибытием в Белград английского консула Георга Ходжеса было серьезно нарушено русско-сербское сотрудничество. Милош Обренович нашел в лице англичанина единомышленника: Ходжес выступил и против Устава, и против оппозиции, поддерживав авторитарные устремления князя. Более того, вскоре после приезда консула в Белград Милош заявил ему о своем решении поставить вопрос о замене русского покровительства на коллективную гарантию политического положения Сербии всеми великими державами¹². Но, вероятно, это предложение показалось

слишком смелым даже для английского представителя, поскольку требовало пересмотра многих заключенных ранее международных актов, в которых прямо указывалось на покровительство России над Сербией. Объективная политическая обстановка на Балканах также не способствовала проведению в жизнь этого предложения. По крайней мере этот тезис не нашел своего развития в других документах, хотя и красноречиво свидетельствовал о кризисе, назревшем в русско-сербских отношениях к этому времени.

Итак, с 1837 г. Милош уже больше прислушивался к советам английского представителя. Прибывший в Белград российский консул Г.В. Ващенко свидетельствовал о том, что Обренович близок с Ходжесом, а присутствие русского агента в Сербии «противно» князю¹³. Более того, сообщал в Петербург Ващенко, Милош мечтает о политической независимости для Сербии и в этом он также находит поддержку Ходжеса¹⁴. Безусловно, речь не могла идти о подлинной независимости Княжества, а лишь о «независимости» от русского влияния в нем. Милош чудит, продолжал Ващенко, открыто говорит о нелюбви к России, а в Святую неделю 1838 г., приняв поздравления представителей Англии и Франции, отказал в приеме российскому консулу¹⁵.

На самом деле, Милош уже давно был недоволен вмешательством России во внутреннюю политику Княжества. Полностью признавая заслуги русской дипломатии в достижении Сербией политического статуса автономной провинции Османской империи, он начал тяготиться чрезмерной опекой высокой покровительницы. При этом ему приходилось прибегать к завуалированной критике действий России. Так, еще летом 1836 г. князь переслал в Константинополь А.П. Бутеневу письмо, якобы перехваченное им у сербского представителя при Порте (так называемого капукегая) Антича к А. Петрониевичу. В этом письме Антич высказывает свои сомнения по поводу правомерности вмешательства в дела Княжества некой «северной миссии». «Прошли уже те времена, — пишет Антич, — когда князь наш слушал каждого и по совету других и чужих выбирал в лесах сербских для зданий своих и своих потомков строевой лес. Миссия северная в глазах моих то, что и прочие люди, разумом одаренные..., в ней нет ничего сверхъестественного»¹⁶. «Дерзость», с которой написано это

письмо, послужила, якобы, причиной отзыва Антича с его поста в Константинополе. В действительности, радикализм сербского представителя при Порте был неугoden, прежде всего, самому Милошу, поскольку Антич являлся активным членом оппозиции и, находясь в турецкой столице, был лучше других осведомлен о политической жизни страны и мог быть легко вовлечен в интриги посольского корпуса.

Между тем русско-сербские отношения заметно портились. Ходжес уверял Милоша в том, что он «может управлять Сербиею по собственному благорассуждению», не допуская ни малейшего вмешательства в дела свои со стороны России¹⁷. Князь не скрывал своего нежелания встречаться с представителем державы-покровительницы. Само право России на оказание покровительства было поставлено под сомнение. В ответ на упреки российского консула в оказании предпочтительного внимания англичанам, Милош объявил себя «вполне свободным иметь таковые (отношения. — *Е. К.*) не только с англичанами, но и с французами, австрийцами и всяким другим иномземным государством»¹⁸. Князь, безусловно, был введен в заблуждение утверждением Ходжеса о готовности Англии «защитить Милоша до последней капли крови».

Все этапы постепенного расхождения интересов Милоша Обреновича и российской дипломатии в Сербии отчетливо просматриваются при изучении переписки первого российского консула в Белграде Г.В. Ващенко с Петербургом и миссией в Константинополе. Будучи подотчетным как Азиатскому департаменту МИД, так и российскому посланнику в турецкой столице, Ващенко направлял туда свои пространные депеши с детальным изложением всех происходивших в Сербии событий, общественных настроений и бесед с князем Милошем и членами Совета. В результате изучения этой переписки вырисовывается достаточно четкая картина политических настроений в сербском обществе, обострения борьбы князя с движением уставобранителей и рост ярко выраженной антипатии ко всему, исходящему от российской стороны. Вопрос о принятии нового, так называемого «турецкого» Устава стал лакмусовой бумажкой в оценке русско-сербских политических отношений конца 1830-х годов.

Вопрос о лишении князя ряда принадлежавших ему прерогатив власти стал центральным во внутривластной жизни Сербии. «Старейшины громогласно настаивают на необходимости писанного закона, который, если он будет дан при содействии России, должен будет, конечно, оградить власть» князя в пользу Совета¹⁹. Это заключение Ващенко сделал еще до прибытия в Белград, а наблюдая за событиями в Сербии с австрийской стороны Дуная — из Орсовы, где прежде служил консулом. Члены Совета обращались к нему с просьбой хлопотать перед российским МИД о скорейшем назначении в Белград российского дипломатического представителя, без которого «Сербия не может иметь ни порядка, ни благосостояния»²⁰.

И это произошло уже вскоре — 10 февраля 1838 г. Ващенко прибыл в Белград в качестве консула Российской империи. Если раньше Милош несколько раз обращался к российскому правительству с просьбой назначить в Сербию дипломата, который был бы первым советчиком для князя и народа, то с приездом долгожданного представителя покровительствующей державы ситуация изменилась. Ващенко не дождался радужного приема. Милош не скрывал, что ему крайне неприятно видеть в Сербии российского консула, и даже заявил, что «правительство России тиранит его»²¹. В своем донесении константинопольскому посланнику Ващенко писал ещё определеннее: сербский князь «чуждается России» и делает всё, чтобы отклонить от Сербии влияние императорского двора. «Ни советы мои, ни доводы, ни представления о собственной пользе его и его семейства, ничто, одним словом, более на него не действует», — докладывал дипломат²².

«Князь Милош иногда до неприличия увлекается чувством нерасположения своего к России», — писал консул в Азиатский департамент 9 апреля 1838 г. На Пасху князь принял английский и австрийский представителей в первый день праздника, а своего единоверца Ващенко — только на второй²³. Доходило до курьезов — в церкви Милош принялся топтать ногами шинель Ц. Райовича только потому, что она была сшита в Петербурге: его ненависть распространялась даже на вещи, если они носили название русских. «Вот каков между тем человек, управляющий, к несчастью, добрым народом сербским», — продолжает Ващен-

ко. — Властолюбив, корыстолюбец, жестокосердный грабитель, мстительный, завистливый, притворный, не терпящий никакого согласия, худой правитель и худой муж и отец семейства»²⁴.

Не складывались отношения сербского князя и с членами Совета. В сентябре 1838 г. Совет обратился к российскому посланнику в Константинополе с жалобой на Милоша, в которой говорилось, что и принесенная им присяга Совету в 1835 г., и обещания князю В.А. Долгорукому, присутствовавшему при этом, и обязательства перед российским императором — «всё попрано князем Милошем». По мнению членов Совета, Россия в праве и должна восстановить законный порядок в Сербии²⁵. Своим депутатам, находившимся в Константинополе, Милош наказывал не общаться с российскими представителями, но установить связи с французским и английским послами при Порте²⁶. Ориентация сербского князя на европейские державы становилась всё более очевидной. Особенной доверенностью Милоша по-прежнему пользовался английский консул в Белграде Ходжес. Англичанин уверял князя в том, что Англия сможет поспособствовать Сербии в приобретении полной независимости с расширением ее границ в направлении Боснии и Болгарии²⁷. Он же уверял Милоша, что Россия будет вынуждена покинуть свое место в Сербии под военным нажимом Англии и Франции²⁸. Эти ложные обещания принимались сербской стороной с доверием и служили руководством к действию. Не упускал из вида Милош и соседнюю Австрию. Он обратился к К. Меттерниху с просьбой пожаловать ему баронское достоинство. На это австрийский канцлер отвечал, что готов произвести Милоша не только в бароны, но и в графы или в герцоги, но для этого требуется более «благоприятное время»²⁹. Венский двор явно не собирался конкурировать с российским, оспаривая влияние в Сербии.

Великобритания же была настроена более решительно. Правда, английский консул быстро охладил надежды Милоша на независимость, посоветовав ему, по поручению английского посла в Константинополе лорда Понсонби, написать Порте письмо с выражением полной покорности и просьбой «оградить от чужого вмешательства в дела Сербии»³⁰. Подразумевалось, что вмешательство Англии «чужим» не является.

Русско-английское соперничество на Балканах как в капле воды отразилось на взаимоотношениях двух великих держав в Сербии. Интересы Великобритании простирались, конечно, более широко — на весь ближневосточный регион, но Османской империи отводилось в планах Лондона первостепенное место. Балканы и Малая Азия рассматривались сент-джеймским кабинетом как обширная территория для расширения британской торговли, а также в качестве транзитных путей в Среднюю Азию, Закавказье и далее — в Индию. Черноморским проливам уделялось особое внимание — от режима прохождения судов, закрепленного международными договорами, напрямую зависели планы политического и экономического преобладания Великобритании в Средиземноморском и Черноморском регионе. Вниманием не были обделены и балканские владения Порты. На активную торговлю с балканскими народами Лондон, конечно, не рассчитывал, но усилить здесь свое политическое присутствие намеревался.

Немалую роль в этом стремлении играло и то, что Балканы входили в сферу геополитических интересов России, именно здесь было сосредоточено православное население Турции, на которое Русская церковь имела огромное влияние. Укрепление России на Черном море, особенно очевидное после присоединения Крыма, основания г. Одессы и начала строительства русского флота, не могло не тревожить английских политиков, видевших в ней серьезного конкурента. Успешные русско-турецкие войны, завершившиеся выгодными для российской стороны трактатами по режиму Черноморских проливов, оспаривались английской стороной. Еще в 1809 г. Англия поспешила заключить с Османской империей торговый договор, который давал преимущества английской торговле и был крайне невыгоден для Турции. Затем последовал торговый договор 1838 г., поставивший турецкую торговлю в неравноправное положение с английской. Великобритания любыми способами стремилась укрепиться в регионе и препятствовать любым русско-турецким договоренностям, которые заключались бы в двустороннем формате, без участия европейских держав. В Лондоне прекрасно понимали, что для Петербурга Балканы — и в частности Сербия — являлись своеоб-

разным «ключом» к Адриатическому и Средиземному морям, — а значит, Россия вполне могла бы вскоре составить конкуренцию Англии в этом традиционно «английском» регионе влияния. Тем более, что примеры совместного военного содружества русского флота с народами Балкан уже бывали в недавнем прошлом³¹.

Все эти геополитические планы великих держав имели прямое влияние на обстановку внутри Сербского княжества. Безусловно, они обрастали некоторыми легендами, трактуясь сербским руководством в меру разума, а иногда — и желания. Немалую роль играла и английская пропаганда. Ходжес прямо уверял Милоша в том, что Англия и Франция готовы объявить России войну и принудить ее «отнять руку свою от Сербии»³². Английский консул пытался убедить Милоша в том, что тот совершенно свободен в выборе внутренней политики, поскольку «покровительство России относится только до внешнего сохранения состава границ», которые подтверждаются условиями трактатов и хатт-и шерифов. Но всё, что касается власти Милоша в Сербии, он может защищать «вооруженною рукою» или, как говорится в донесении Ващенко, отправиться в Лондон для просьбы о заступничестве³³. Приверженцы английской партии утверждали, что русская политика направлена на то, «чтобы Сербию... получить в свою собственность», после чего та же судьба ждет Боснию, Герцеговину, Албанию и Черногорию. Всё это приведет к тому, что «русская нога» окажется на Адриатическом море, и эти планы России весьма хорошо известны Англии и Франции. Следует признать, что в данных сообщениях, перехваченных Ващенко у членов сербского Совета, хотя и в примитивной форме, но весьма верно изложена геополитическая расстановка международных сил на Балканах.

По-существу, англичане вынуждены были признать поражение своей политики в Сербии: дело клонилось к принятию Устава, против которого Ходжес вел подрывную работу. Осенью 1838 г. посол Великобритании в Турции лорд Понсонби докладывал в Форин оффис о том, что Порты признаёт влияние России в Сербии. Показательно, что этот расклад политических сил вполне осознавали в Лондоне. Министр иностранных дел Англии лорд Пальмерстон был вынужден направить Ходжесу следующие

инструкции: «Всем очевидно, что географическое положение Сербии позволяет Великобритании оказать активную и эффективную помощь его светлости (Милошу. — *Е. К.*) лишь путем объявления войны России. Не следует, однако, ожидать, что Англия ввяжется в войну с Россией только по вопросу о Сербии»³⁴.

Перед присылкой в Сербию нового, «турецкого» Устава обстановка в Княжестве накалялась. Милош начал метаться между Россией и Великобританией. То он клялся российскому консулу «быть вперед искренне преданным России» и отправить своих сыновей на учебу в Одессу³⁵, то спустя четыре дня заявил, что не хочет, «чтобы русские в правление наше вмешивались», и решил послать сыновей учиться в Лейпциг³⁶. По Белграду начали распространяться «подметные письма», так называемые «Воззвания к сербам», в которых Милош объявлялся врагом нации, попытавшимся «отторгнуть Сербию от покровительства русского царя и христианского народа русского». «На что нам англичане?» — спрашивалось в «Воззваниях», только Россия упоминала о Сербии в международных трактатах, с которыми была вынуждена считаться Порты. Если Милош с англичанами продолжал бы свои интриги, то сербы «пропали совсем»³⁷.

Общий разброд мнений грозился вылиться в вооруженное сопротивление. Неприятие будущих перемен толкнуло сербского князя на организацию восстания в Крагуевце, направленного, якобы, в защиту власти Милоша и против Совета. Восстание было быстро локализовано, и все принявшие в нем участие, кроме зачинщиков, были распущены по домам³⁸. Страх Милоша перед грядущими переменами перерастал в паническое состояние. С января 1839 г., когда в Сербии ждали прибытия турецких уполномоченных с текстом Устава, Милош начал готовиться к побегу из Сербии. Он распространил слухи о том, что намерен вместе с княгиней Любицей и сыновьями выехать в Валахию, а затем в Одессу. Там он, якобы, хотел оставить сыновей в учебном учреждении и продолжить путь в Петербург для получения «наставлений» от Николая I³⁹. Ващенко справедливо оценивал эти намерения как «утопические», не веря ни единому слову Милоша. Было ясно, что князь готовит побег из Сербии, что вскоре и подтвердилось.

19 февраля состоялось торжественное чтение привезенного в Белград Устава. Князь обещал исполнять его «в точности». На следующий день Милош утвердил 17 членов Совета и трех директоров департаментов: внутренних дел, правосудия и финансов. Сам же повторил свое намерение уехать в Валахию, а затем в Петербург. 27 апреля было опубликовано «Устроение Совета Княжества Сербского», в котором были детально изложены прерогативы князя и Совета. В тот же день российский консул узнал о том, что Милош спешно удалился в Землин (на австрийской стороне Дуная), остался там на карантине и выслал посыльного с известием, что не намерен возвращаться в Сербию. Одновременно он обратился к Порте с жалобой, в которой говорилось, что выбранный Совет не сербский, а русский, поскольку его членами стали Вучич, Симич и Ефрем Обренович — т.е. приверженцы российской партии⁴⁰. И хотя спустя некоторое время Милош принял решение вернуться в Белград, Ващенко считал, что удаление князя из Сербии было бы лучшим вариантом для сохранения стабильности в Княжестве. Тем более, что метания князя продолжались — он замыслил побег в Австрию, велел нанять лодку для переправы в Землин. Ващенко, не скрывая своего отношения к происходящему, открыто советовал ему «на время выехать из Сербии».

Наконец, 1 июня 1839 г. последовало отречение Милоша. Ващенко отреагировал следующим образом: князь, по мнению российского представителя, в «первый раз поступил благоразумно», и это послужит для будущего спокойствия Сербии. «Милош, потеряв последнюю надежду на доверие и приверженность народа своего, не может более безопасно оставаться в Сербии», — докладывал консул в Петербург⁴¹. Еще в конце мая раздавались голоса членов Совета с требованием предоставления Милошем подробного отчета о расходовании государственных средств. Это требование, безусловно, послужило одной из причин поспешного бегства князя. 15 июня, уже в его отсутствие, последовало «Представление депутатов народа Сербского», поданное на скупщине, в котором указывалось о необходимости предоставления финансового отчета князя за годы его княжения и подразумевалось взыскание его собственности в случае обнаруженных недостатков

в казне. Конечно, всё это грозило Милошу серьезными осложнениями в том случае, если бы он еще находился в Сербии, и именно этих публичных отчетов он стремился избежать. Милош уехал в Валахию, ссылаясь на наличие там своего имения, но затем быстро перебрался Вену, где купил дом за 70 тыс. гульденов, намереваясь «остаться навсегда на жительство в Австрии». Однако и этого намерения он не осуществил.

Даже приняв решение об отречении от власти, Милош не преминул сделать это в оскорбительной для России форме. Не смея полностью проигнорировать российскую сторону в столь важном для него шаге, он не нашел нужным поставить свой росчерк на документе, посланном в российское посольство. Это намерение досадить небрежностью было столь очевидно, что не могло не обратить на себя внимания чиновников в Петербурге. На письме, пересланном в российский МИД из Константинополя, стоит карандашная помета, сделанная уже там: «Это письмо не подписано намеренно»⁴². Укол русскому самолюбию — последнее, что совершил Милош на своем посту, покидая его.

Русско-сербские отношения в 1830-х годах претерпели целый ряд трансформаций, связанных с развитием сербской государственности, вмешательством европейских держав во внутреннюю жизнь Княжества, а также с теми процессами внутривластной жизни сербского общества, которые вели к распространению либерально-демократических идей и построению новых органов власти. Князь Милош не мог отказаться от единственно возможного для него авторитарного способа правления, который не устраивал активно действовавшую оппозицию, намеревавшуюся принять участие в управлении страной. Вмешательство Англии, противодействовавшей русскому влиянию и поначалу сильно пошатнувшее русско-сербское взаимодействие, не получило никакой перспективы, поскольку «игра» англичан на стороне князя оказалась в данной ситуации проигрышной.

Кризис русско-сербских отношений был напрямую связан и с вопросом утверждения сербского Устава. Противодействуя принятию любых «конституций» — а именно так восприняли Устав в России — петербургские власти пытались сохранить свое влияние в Княжестве, не допуская развития Сербии по либераль-

ному пути. Сплетение внутрисербских и европейских интересов привело к развитию «сербского кризиса», разразившегося в начале 1840-х годов, разрешение которого также потребовало вмешательства внешних сил. Но сам факт сложившихся крайне негативных отношений между «покровительствующей» державой и Сербией, которые наблюдались во второй половине 1830-х годов, явился достаточно непредсказуемым результатом всего предшествовавшего развития контактов между Россией и Княжеством. Российские власти еще рассчитывали на авторитет своего влияния в Сербии в то время, когда Милош уже отчетливо понимал, что «покровительница» не заинтересована в упрочении его власти, а оппозиционные силы искали поддержки западных держав. Новый кризис начала 1840-х годов потребовал от российских властей переосмысления своей политики в Сербии, заставив с большим вниманием отнестись к тем процессам, которые развивались в сербском обществе.

Примечания

- ¹ См.: *Гавриловић М.* Милош Обреновић. Београд, 1912.
- ² См.: Россия и Черноморские проливы. М.: Международные отношения, 1999.
- ³ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 1/517. Д. 2677. 1834. Л. 15 об. Милош Обренович — А.П. Бутеневу. 13 марта 1835 г.
- ⁴ Там же. Ф. Канцелярия. Д. 48. Л. 174–175. А.П. Бутенев — Милошу Обреновичу. 9 апреля 1835 г.
- ⁵ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2677. Л. 19 об. Милош Обренович — А.П. Бутеневу. 18 апреля 1835 г.
- ⁶ Там же. Л. 23. Милош Обренович — К.В. Несельроде. Апрель 1835 г.
- ⁷ *Льушић Р.* Кнежевина Србија (1830–1839). Београд, 1986. С. 152.
- ⁸ Там же. С. 155.
- ⁹ *Поповић В.* Метернихова политика на Блиском Истоку. Београд, 1931.
- ¹⁰ Цит. по: *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М.: Наука, 1985. С. 168.
- ¹¹ *Pavlowitch S.K.* Anglo-russian rivalry in Serbia. 1837–1839. The mission of colonel Hodges. Paris, 1961. P. 166.
- ¹² *Достян И.С.* К вопросу об англо-русском соперничестве в сербском княжестве в 30-е годы XIX в. // Советское славяноведение. 1966. №6. С. 24.
- ¹³ АВПРИ. Ф. СПб ГА 1–9. Оп. 8. Д. 6. Ч. 1 (1837–1843). Л. 109–113 с об. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 16 февраля 1838 г.
- ¹⁴ Там же. Л. 107.
- ¹⁵ Там же. Л. 152 об. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 9 апреля 1838 г.

- ¹⁶ Кудрявцева Е.П. Россия и Сербия в 30–40-х гг. XIX века. М: ИРИ РАН, 2002. С. 66.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2685. Л. 8. Г.В. Ващенко — А.П. Бутеневу 5 октября 1838 г.
- ¹⁸ Там же. Л. 10 об.
- ¹⁹ Там же. Ф. ГА 1–9. 1837–1843. Оп. 8. Д.6. (ч. I). Л. 2. Г.В. Ващенко — К.К. Родофиникину. 21 апреля 1837 г.
- ²⁰ Там же. Л. 70. Письмо сербского Совета — Г.В. Ващенко. 21 декабря 1837 г.
- ²¹ Там же. Л. 109 об. Г.В. Ващенко — в МИД. 16 февраля 1838 г.
- ²² Там же. Л. 122 об. Г.В. Ващенко — П.И. Рикману. 20 марта 1838 г.
- ²³ Там же. Л. 152–153. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 9 апреля 1838 г.
- ²⁴ Там же. Л. 127 об. Г.В. Ващенко — П.И. Рикману. 20 марта 1838 г.
- ²⁵ Там же. Л. 244 об.–246. Жалоба членов Совета в российское посольство. 26 сентября 1838 г.
- ²⁶ Там же. Л. 195. Милош Обренович — сербским депутатам. 15 июня 1838 г.
- ²⁷ Там же. Л. 107. Г.В. Ващенко — в МИД. 16 февраля 1838 г.
- ²⁸ Там же. Л. 103 об. Ефрем Обренович и Тома Вучич — Г.В. Ващенко. 21 декабря 1837 г.
- ²⁹ Там же. Л. 2. Г.В. Ващенко — К.К. Родофиникину. 21 апреля 1837 г.
- ³⁰ Там же. Л. 26 об. Г.В. Ващенко — П.И. Рикману. 20 марта 1838 г.
- ³¹ Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы. С. 5.
- ³² АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1837–1843. Оп. 8. Д. 6. (ч. I). Л. 103. Ефрем Обренович и Тома Вучич — Г.В. Ващенко. 21 декабря 1837 г.
- ³³ Там же. Л. 258. Г.В. Ващенко — А.П. Бутеневу. 22 октября 1838 г.
- ³⁴ Цит. по: Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы. С. 169.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1837–1843. Оп. 8. Д. 6. (ч. I). Л. 188. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 14 июня 1838 г.
- ³⁶ Там же. Л. 202 об. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 18 июня 1838 г.
- ³⁷ Там же. Л. 275 об. Воззвание Серб к Сербам.
- ³⁸ Там же. Л. 439. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 4 мая 1839 г.
- ³⁹ Там же. Л. 328. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 31 января 1839 г.
- ⁴⁰ Там же. Л. 407 об. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 27 апреля 1839 г.
- ⁴¹ Там же. Л. 461 об. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 5 июня 1839 г.
- ⁴² Там же. Д. 2687. Л. 21. Милош Обренович — А.П. Бутеневу. 2 июня 1839 г.

Греческие земли в последней четверти XVIII в. в восприятии российских консулов*

В XVIII столетии среди образованных европейцев стало постепенно меняться отношение к грекам как к еретикам, которое прослеживается в литературе путешествий раннего Нового времени. Теперь греки воспринимались как потомки древних эллинов, пострадавшие от нашествия диких иноверцев-турок¹. Европейские путешественники по греческим землям, такие как французский ботаник и естествоиспытатель Жозеф Питтон де Турнефор, искали в современных им греках следы античного прошлого и сочувствовали их угнетенному положению в Османской империи. Даже греческое православие воспринималось ими как преобразованное древнегреческое язычество: «Их церкви построены дурно и бедны, но в них они поклоняются Иисусу Христу вместо ложных божеств, так долго бывших предметом культа их предков»². Такое восприятие греков в Европе закрепилось надолго: в 1970-е годы известный французский океанограф Жак-Ив Кусто (1910–1997) считал обряд рождественского освящения воды, который он наблюдал на Крите, остатком древнего минойского культа моря³.

В том же XVIII веке и в России расширяются познания о жизни греков под властью османов. Русская литература путешествий, в отличие от западной всегда симпатизировавшая поработанным единоверцам, пополняется изданием труда Василия Григоровича-Барского (1701–1747), сразу ставшего популярным⁴. Многотомные заметки об Османской империи и населяющих ее народах оставил иеромонах Леонтий, называвший себя Григоровичем-младшим, но они так и не были опубликованы⁵.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, проект № 20-59-18004.

В то же время в России появляется еще одна категория очевидцев, описавших увиденное в Османской империи, — это первые российские консулы, прибывшие во владения султана после русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В своих служебных донесениях они сообщали подробности о жизни тех областей, где несли службу, настроениях населения, взаимоотношениях с властями. Сообщать «верное и точное описание» места службы, «о всех подробностях, здешнее уважение одним или другим образом заслуживающих», «о всех тамошнего края примечательных происшествиях, внутренних учреждениях» входило в их непосредственные обязанности⁶.

Несмотря на то, что рапорты консулов, как и труд иеромонаха Леонтия, не были знакомы широкой публике, они читались в российском дипломатическом ведомстве⁷ и способствовали формированию в России представлений о жизни во владениях султана. Переписка консулов с миссией в Константинополе, Коллегией иностранных дел и Коммерц-коллегией хранится в Архиве внешней политики Российской империи в фонде 89 «Сношения России с Турцией».

Изучение этих документов и сегодня дает представление о том, каким было греческое общество под властью османов в последней четверти XVIII в. Эти документы, многие из которых написаны на итальянском и французском языках, как справедливо отмечал Г.Л. Арш, позволяют рассмотреть самые разные аспекты общественной и экономической жизни греков в то время⁸. Долгое время служебная переписка российских консулов в Османской империи оставалась практически неизученной. В последнее время отечественные исследователи стали всё активнее обращаться к этому источнику. Одним из первых его использовал Г.Л. Арш, почерпнувший в консульских донесениях немало новых ценных сведений⁹. Изучению этих документов посвящены также работы Д.В. Фрумина, Т.Ю. Кобищанова, В.А. Заниной¹⁰ и др.

Первый консульский пост, генеральное консульство в Архипелаге, был открыт уже в 1776 г. Однако назначенный на него Иван Васильевич Войнович прибыл к месту службы только к середине 1780-х годов. К этому времени стали открываться и другие консульства и вице-консульства в Османской империи. Но если

Войнович ранее уже бывал в местах своей будущей службы, пусть и во время войны¹¹, то этого нельзя сказать обо всех консулах и вице-консулах. К примеру, назначенный генеральным консулом в Морею (Пелопоннес) Христофор Комнино (Комнено), хотя и был этническим греком, но Пелопоннеса прежде не посещал. Ему и другим его коллегам приходилось опираться на те сведения, которые они могли почерпнуть из русской и европейской литературы путешествий. Поэтому реалии, с которыми они столкнулись на месте, не всегда соответствовали их априорным представлениям, тем более что консулы зачастую встречали враждебное к себе отношение со стороны местных властей.

Так, патрский воевода (градоначальник) не желал открытия в городе российского консульства, почему и чинил Х. Комнино всяческие препятствия. Это иногда вызывало слишком подозрительное отношение генерального консула ко всему, что происходило вокруг него. Между тем, зачастую то, что Комнино считал проявлением недоброжелательства, было обыкновенной практикой на Востоке: перед его домом казнили человека, поскольку дом располагался напротив таможни, где обычно проходили казни; по его окнам стреляли обычные хулиганы, а не политические провокаторы и т.п.¹².

Вероятно, Комнино не знал и некоторых деталей недавней истории тех мест. Это видно из его журнала (дневника), где он в начале 1786 г. отмечает, что в Этолии, на другом берегу Лепантского залива, собираются арнауты (албанцы) и готовятся к переправе на Пелопоннес. Это известие вызвало в Патрах почти что панику: «Здесь жители, не только слыша сие, но и одно имя “арнаут” в беспонятный страх приходят»¹³. Этот страх был бы вполне понятен Комнино, если бы он знал о том, что отряды воинственных албанских беев-мусульман были отправлены Портой подавлять Орловское восстание на Пелопоннесе (1770)¹⁴. Но они быстро вышли из-под контроля и после разгрома греческих повстанческих отрядов остались на полуострове и занялись грабежами и разбоем, устроив настоящий террор против местного населения. Как позже писал французский дипломат и историк Франсуа Шарль Пукевиль, «за девять лет двадцать тысяч христиан всякого пола и возраста были проданы албанцами на рынках

Северной Африки, а также румелийским туркам, а те, которых пощадили, влачили существование илотов (рабов. — *О. П.*)»¹⁵. «Албанская чума уничтожила всё... Пелопоннес почти полностью обезлюдил», — вторил ему греческий историк XIX века Константинос Сафас¹⁶. Даже если эти оценки преувеличивают факты, они передают впечатление о тех событиях, сохранившееся у греков.

Попытки османских властей решить эту проблему силами самих албанцев, в частности, клана Бушати, не увенчались успехом. Присутствие албанцев на Пелопоннесе теперь превратилось в проблему османских властей. Поэтому в 1779 г. была организована морская экспедиция, которой руководил капудан-паша Хасан Джезаирли, уничтожившая большую часть албанских разбойников. Местное население восприняло эти события как освобождение, албанцы же — как резню. И затаили злобу не только на греков, но и на единоверных турок¹⁷.

Донесения российских консулов свидетельствуют о том, что в тех областях, где греки составляли значительную часть населения, османские власти считались с греческой элитой и привлекали ее к управлению. На Пелопоннесе местные христианские старейшины-кодзабасы имели право посылать своих векилей (полномочных представителей) непосредственно в Константинополь, участвовали в работе администрации каза (уездов) и пашалыка. В совет при губернаторе входили один или два представителя христиан, называвшиеся аянами Мореи (тур. *Mora ayan*, греч. *Μωραυιάνης* или *Μοραυιάνης*)¹⁸. За эту высокую должность шла постоянная и жестокая борьба между несколькими кланами кодзабасов. «Первый аян Мореи» присутствовал и на официальном приеме пашой Х. Комнино в Наполи-ди-Романья (совр. Навплио) 31 июля 1785 г. и в числе прочих сановников и чиновников получил подарки от российского консула¹⁹.

В торговом городе Патры, ставшем резиденцией российского консула, общественной жизнью заправляли недавно объединившиеся семьи купцов и землевладельцев Канакарисов и Руфосов: потерявший брата бездетный Родис Канакарис дал свое имя и оставил состояние старшему сыну своей сестры, вышедшей замуж за Бенизелоса Руфоса. В 1785 г. представитель обеих фа-

милий 25-летний Афанасиос Канакарис, положивший начало известной в последующей политической истории Греции семьи Канакарисов-Руфосов, стал городским старейшиной²⁰. Руфосы, помимо городского дома, имели загородную виллу, где в 1794 г. глава семьи принимал путешествовавшего по Греции сицилийца Саверио Скрофани и рассказывал ему о сицилийском происхождении своего рода²¹.

О том, что греки входили в местную правящую элиту, сообщал и И.В. Войнович. На острове Миконос, который он избрал своей резиденцией, большой властью и влиянием пользовался драгоман капудан-паши Димитрий Мавроени. Его должность давала ему очень широкие полномочия: в период смены кади он становился практически единоличным правителем острова, исполнял судебные функции, собирал налоги, из которых, по сведениям И.В. Войновича, до 10 тыс. пиастров в год клал в собственный карман²².

Аналогичное положение занимал драгоман губернатора²³ на Кипре, который назначался непосредственно султаном. На вторую половину XVIII в. приходится пик власти драгоманов на острове, который ассоциируется с занятием этой должности Хаджигеоргакисом Корнесиосом (1779–1809 гг.). Власть Корнесиоса иногда превосходила власть самого паши. В сотрудничестве с иерархами Церкви, прежде всего, архиепископом Хрисанфом (1767–1810 гг.), на племяннице которого он был женат и которому был обязан своим возвышением, Корнесиос сумел добиться отставки ненавистного всем губернатора, «одноглазого тирана» Хаджи-Бакки (1775–1784 гг.)²⁴. О могуществе и богатстве Корнесиоса свидетельствует и его огромный роскошный дом в центре Левкосии, в котором ныне расположен Этнографический музей Кипра. И это лишь малая часть накопленных им за годы службы богатств.

Российский консул на Кипре Иван Ацали находился в дружеских отношениях и состоял в переписке с драгоманом и архиепископом²⁵. Архиепископ Хрисанф, принимавший живейшее участие в гражданской жизни острова, жаловался, что различные дела и просители не дают ему даже выспаться и пообедать²⁶. К могущественному Корнесиосу Ацали обращался с просьбой

помочь облегчить налоговое бремя, наложенное на местных христиан. Драгоман отвечал консулу, что губернатор готов идти на уступки, но сами греки не хотят платить ничего²⁷. Однако нам представляется, что Корнесиос был не вполне искренен: сбором налогов в пользу государства занимался он сам совместно с архиепископом, иногда драгоман и Церковь налагали собственные налоги на христиан²⁸. Не случайно именно против драгомана, а не губернатора были направлены народные восстания (1799, 1804 гг.), в которых участвовали мусульмане, христиане и линобамбаки²⁹, недовольные чрезмерными налогами. Судьба наиболее могущественных драгоманов на Кипре, как и судьба аянов Мореи, часто была трагической: трое самых влиятельных драгоманов XVIII века были убиты или казнены — Христофакис (1750), Хаджиюсиф (1776), Хаджигеоргакис Корнесиос (1809). Но если аяны Мореи становились жертвами интриг соплеменников, то драгомены Кипра расставались с жизнью из-за зависти турецких сановников.

В свете этих фактов распространенное в литературе путешествий и перешедшее затем в историографию утверждение о том, что греки были угнетаемы турками, представляется несколько упрощенным. Взаимоотношения между этими этноконфессиональными группами были сложнее. Не только в Константинополе, где фанариоты нашли свою нишу в системе центрального управления Империей, но и на местах греческая верхушка в описываемое время была частью административной системы и активнейшим образом эксплуатировала соплеменников. Иногда в понимании населения туркам отводилось последнее место в перечне угнетателей после Церкви и собственных старейшин³⁰.

Повышение социального статуса и расширение полномочий представителей местных элит в ущерб османским должностным лицам в разных частях Османской империи во второй половине XVIII в. свидетельствуют об углублении системного кризиса в Империи. Традиционная система управления предполагала передачу части полномочий местным элитам, в результате чего и сформировалась система миллетов. Однако в описываемое время именно местные элиты, действуя не в интересах своей этноконфессиональной группы, а исключительно в своих собственных, стано-

вились источником социально-политической нестабильности, с которым центральной власти становилось всё труднее бороться.

Во второй половине XVIII в. наиболее могущественные представители местных элит начали обнаруживать сепаратистские настроения. Их проявления наблюдали и российские консулы. Российский консул в Александрии Кондратий (Конрад) фон Тонус стал даже участником, а затем и жертвой сепаратистских настроений мамлюкских беев в Египте³¹. Сепаратистские движения, которые сказывались и на соседних греческих землях, набирали всё большие обороты в Албании. Так, в Северной Албании (Шкодринский пашалык) уже в середине столетия пришла к власти семья беев Бушати, правившая этой областью свыше 70 лет³². В 1785 г. Махмуд-паша Бушати совершил успешный набег на Черногорию с захватом Цетине, а затем повел свое войско на юг против своего давнего врага Ахмеда Курт-паши, правившего Бератом. Эти события непосредственным образом повлияли на положение в Морее и Центральной Греции. По сообщениям российского генерального консула на Пелопоннесе Х. Комнино, Высокая Порта, губернатор Пелопоннеса и воеводы начали собирать войска для выступления в поход «против скутарского Магмут паши». Описывая военные приготовления и действия правительственных войск против Махмуд-паши, Комнино высказывает недоумение их масштабами³³. Но если вспомнить о событиях 1779 г., то становится ясно, почему турки спешили на помощь Курт-паше: ими двигало не только желание ограничить могущество шкодринского паши, но и предотвратить проникновение на Пелопоннес одержимых жадной мести албанских отрядов. Страх турок перед албанцами особенно возрос в связи с известием о начале новой войны с Россией³⁴.

Ослабление центральной власти ощущалось не только по действиям крупных сепаратистов, претендовавших на независимость от султана, но и по локальным конфликтам. В Центральной Греции «в Салоне, в Ливадии и в других румельских местах происходят междоусобные драки и беспокойства, отчего тамошние жители претерпевают разорение», — сообщал в Петербург Х. Комнино³⁵. Хотя служебная переписка российских консулов содержит систематические указания на наличие сепаратистских движений и локальных конфликтов в Империи, в то же время

нет свидетельств о том, что эти движения носили национальный характер, были разрешением каких-либо межэтнических противоречий. Хотя документы говорят об албанцах, греках и турках, из контекста становится ясно, что речь идет об отношениях между верхушками этноконфессиональных общин или даже внутри одной общины, о дележе власти, влияния и доходов между ними.

Приказы Высокой Порты не всегда исполнялись полностью, а иногда и вовсе не исполнялись, что также свидетельствовало об ослаблении центральной власти: «Велено во всей Морее починять крепости, но и сие остается без исполнения, почему и крепости в прежнем состоянии», — свидетельствовал Х. Комнино³⁶. В связи с надвигавшейся русско-турецкой войной эти сведения имели большое значение, характеризуя низкую степень готовности османских провинций к новому военному конфликту.

Примечательно, что не только российские консулы собирали информацию о положении дел в Османской империи, но и некоторые дальновидные османские сановники, в свою очередь, пытались узнать от них о том, что происходит в России, особенно в ее пограничных с владениями султана областях. Так, коринфский воевода Сали-ага выразил живой интерес к чеченскому мусульманскому проповеднику и вождю повстанцев шейху Мансуру, к помощи которого турки надеялись прибегнуть в борьбе за возвращение Крыма³⁷. Действительно, с началом русско-турецкой войны в 1787 г. шейх Мансур сумел собрать остатки разбитых в 1785 г. русскими войсками отрядов. Открытая помощь турок придала новый импульс его движению, возродила доверие к нему со стороны народов Чечни и Дагестана. Во время войны действия горцев оказались большим подспорьем османским войскам на Кавказе.

В донесениях российских консулов содержатся сведения о настроениях на местах и действиях османских властей в первые дни войны, когда консулы еще не успели покинуть территорию Империи. И греки, и турки ожидали прихода к берегам Греции российской эскадры, как это было в предыдущую войну, первые с надеждой, а вторые со страхом. Турки боялись нового восстания греков, поэтому «прислано было повеление отбирать у греков оружие». Из этого сообщения ясно, что после восстания 1770 г. полностью разоружить греков так и не удалось. На Пелопоннесе

поннесе местная администрация боялась это делать насильно, чтобы не спровоцировать новых выступлений, предпочитая действовать уговорами и советами. Греческих старейшин вынудили поручиться за соплеменников, что они не возьмутся за оружие, обещая взамен свою защиту. «Начальники греки для своих интересов может быть и будут наблюдать сие поручительство, — писал Х. Комнино, — но мелкий народ, как я уверен, с нетерпеливостью ожидает прибытия сюда (российского. — *О. П.*) флота»³⁸.

В те же дни был издан указ, обязывающий острова Архипелага предоставить в распоряжение султана 40 кораблей с экипажами в 20 человек и еще 200 матросов. Из них 22 корабля, по сведениям Х. Комнино, должны были снарядить находившиеся у берегов Пелопоннеса острова Идра и Спеце, известные своим судостроением и прибыльной морской торговлей. А по информации консула на Кипре И. Ацали сообщал, что только с острова Идра власти требовали 28 кораблей. Греки сопротивлялись мобилизации, как могли: они спасались бегством и пытались вывести свои корабли за пределы Империи, например, во владения Венеции³⁹. Воевать на стороне султана они не хотели.

Донесения первых российских консулов в Османской империи в целом подтверждают принятое ныне в исторической науке представление о том, что к концу XVIII в. Империя вступила в период системного кризиса, и раскрывают его проявления в греческих землях. Верхушка греческого общества интегрировалась в систему управления Империей, представители местных элит иногда имели больший вес, нежели османские должностные лица, и действовали в своих личных интересах. В соседних албанских землях местные элиты к этому времени уже проявляли сепаратистские настроения. Их политика сказывалась на положении греческих областей. Социальная обстановка осложнялась конфликтами между отдельными семьями или представителями местных элит. В то же время приказы центральной власти часто не исполнялись. В таких условиях османам трудно было противостоять России в новой войне, которой весьма опасались местные власти. С ее началом греки саботировали меры властей по разоружению и мобилизации христиан, среди них наблюдались пророссийские настроения.

Примечания

- ¹ Βιγγουπούλου Ι. Οι περιηγητές και ο ελληνικός ορθόδοξος κόσμος (15^{ος} — 19^{ος} αιώνας) // Μνήμη Πηνελόπης Στάθη. Μελέτες ιστορίας και φιλολογίας. Ηράκλειο: Πανεπιστημιακές εκδόσεις Κρήτης, 2010. Σ. 327.
- ² Tournefort J.P. Relation d'un voyage du Levant. Т. 1. Paris, 1717. P. 113.
- ³ Кусто Ж.-И., Паккале И. В поисках Атлантиды. М.: Мысль, 1986. С. 43.
- ⁴ [Григорович-Барский В.]. Пешеходца Василия Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова, уроженца Киевскаго, монаха Антиохийскаго, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723, и оконченное в 1747 году, им самим писанное. СПб., 1778.
- ⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 152. Оп. 505. Д. 11.
- ⁶ Инструкция консулу на Кипре Ивану Ацали // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1131. Л. 3 об. Аналогичные инструкции получили и другие консулы.
- ⁷ У консулов было двойное подчинение: по вопросам торговли они должны были отчитываться перед Коммерц-коллегией, а по всем остальным — перед Коллегией иностранных дел.
- ⁸ Арш Г.Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. М.: Индрик, 2013. С. 55–56.
- ⁹ Арш Г.Л. Греция после Кючук-Кайнарджийского мира по донесениям российских консулов // Арш Г.Л. Россия и борьба Греции за освобождение... С. 53–72; он же. Греция после Кючук-Кайнарджийского мира // История Балкан. Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 2004. С. 445–466.
- ¹⁰ Фрумин Д.В. Миссия барона Тонуса: 225 лет назад в Египет был назначен первый российский консул // Восточный архив. № 1 (19). 2009. С. 4–15; Кобищанов Т.Ю. «Греческий проект» Екатерины II и Сирия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2017. № 2. С. 3–25; Занина В.А. Деятельность русской дипломатии на Крите в 1784–1866 гг. Дисс. на соиск. ученой степени кандидата исторических наук. М., 2019.
- ¹¹ Об И.В. Войновиче и его службе на посту генерального консула в Архипелаге см.: Петрунина О.Е. «Общие о Левантских консульствах известия» Ивана Войновича (1782) // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 138–150.
- ¹² Письмо посланника Я.И. Булгакова генеральному консулу в Морее Х. Комнино от 8 (19) декабря 1785 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1361. Л. 3–4 об.
- ¹³ Копия журнала генерального консула в Морее Х. Комнино за январь 1786 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1363. Л. 8 об.
- ¹⁴ В 1770 г. во время русско-турецкой войны российская эскадра под командованием А.Г. Орлова подошла к берегам Пелопоннеса, где при ее поддержке началось восстание местных греков.
- ¹⁵ Pouqueville F.-C.-H.-L. Voyage de la Grèce. 2ème édition. Т. 4. Paris: Firmin Didot, 1826. P. 335.
- ¹⁶ Σάθας Κ. Τουρκοκρατούμενη Ἑλλάς. Ἱστορικὸν δοκίμιον περὶ τῶν πρὸς ἀποτίναξιν τοῦ ὀθωμανικοῦ ζυγοῦ ἐπαναστάσεων τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους (1453–1821). Ἀθήνησι, 1869. Σ. 524.
- ¹⁷ Краткая история Албании / под ред. Г.Л. Арша. М.: Наука, 1992. С. 86–87.
- ¹⁸ Πύλια Μ. Λειτουργίες και αυτονομία των κοινοτήτων της Πελοποννήσου κατά τη δεύτερη τουρκοκρατία (1715–1821) // Μνήμων. 2001. Т. 23. Σ. 70.

- 19 Приложение к донесению консула в Морее Х. Комнино от 10 сентября 1785 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1359. Л. 39.
- 20 *Θωμόπουλος Σ.* Ιστορία τῆς πόλεως Πατρῶν ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων χρόνων μέχρι τοῦ 1821. Ἐν Ἀθήναις: Ν. Ἠγγλέσης, 1888. Σ. 404.
- 21 *[Scrofanì S.] Viaggio in Grecia di Saverio Scrofanì siciliano, fatto nell'anno 1794, 1795. T. 1. Londra, 1799. P. 142.*
- 22 Копия письма генерального консула в Архипелаге И.В. Войновича посланнику в Константинополе Я.И.Булгакову от 31 января 1785 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1010. Л. 16.
- 23 Официально должность называлась «драгоман Сераля».
- 24 *Κιτρομυλίδης Π.* Κοινωνικές σχέσεις και νοοτροπίες στην Κύπρο του δέκατου ὀγδοῦ αἰῶνα. Λευκωσία: Συγκρότημα Λαϊκῆς Τράπεζας, 1992. Σ. 33.
- 25 Резиденция консула находилась в Ларнаке, а архиепископа и драгомана — в Левкосии. Этим и объясняется отсутствие личного общения.
- 26 Письмо архиепископа Кипрского Хрисанфа российскому консулу И. Ацали // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1133. Л. 60.
- 27 Письмо драгомана Георгия российскому консулу И. Ацали // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1133. Л. 58.
- 28 *Μιχαήλ Μ.* Η διαδικασία συγκρότησης ενός θεσμού εξουσίας: Εκκλησία της Κύπρου, 1754–1910. Διδακτορική διατριβή. Κύπρος: Πανεπιστήμιο Κύπρου, Σχολή Ανθρωπιστικών Επιστημών, 2003. Σ. 97–101.
- 29 Линобамбаки (букв. «хлопчатольняные») — ироничное название номинально принявших ислам христиан (преимущественно католиков) на Кипре.
- 30 *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII — XX вв. Очерки политического развития. М.: КДУ, 2010. С. 102.
- 31 *Фрумин Д.В.* Миссия барона Тонуса: 225 лет назад в Египет был назначен первый российский консул // Восточный архив. № 1 (19). 2009. С. 4–15.
- 32 *Арш Г.Л.* Албания: рост сепаратизма местных властителей // История Балкан. Век восемнадцатый. С. 481.
- 33 Копия журнала генерального консула в Морее Х. Комнино за январь 1786 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1363. Л. 8–8 об.; Донесение генерального консула в Морее Х. Комнино в Коллегию иностранных дел (далее — КИД) от 12 июля 1787 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1366. Л. 31–31 об.
- 34 Донесение генерального консула в Морее Х. Комнино в КИД от 1 сентября 1787 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1366. Л. 34 об.
- 35 Донесение генерального консула в Морее Х. Комнино в КИД от 16 июля 1786 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1363. Л. 38.
- 36 Там же.
- 37 Копия журнала генерального консула в Морее Х. Комнино за январь 1786 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1363. Л. 8 об.
- 38 Донесение генерального консула в Морее Х. Комнино в КИД от 1 сентября 1787 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1366. Л. 34 об.; Донесение генерального консула в Морее Х. Комнино в КИД от 13(24) октября 1787 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1366. Л. 35.
- 39 Донесение генерального консула в Морее Х. Комнино в КИД от 20 октября (1 ноября) 1787 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1366. Л. 38; Донесение консула на Кипре И. Ацали в КИД от 30 октября 1787 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1138. Л. 20.

**Дунайские княжества
и Трансильвания глазами русских
военных наблюдателей (1848–1849 гг.).
(По документам Российского государственного
военно-исторического архива)***

Бурные революционные события 1848 г. в Европе не обошли стороной и Дунайские княжества. В конце марта, всего через месяц после отречения короля Луи Филиппа и провозглашения французской Второй республики и всего через две недели после начала 15 марта венгерской революции, происходят волнения в Яссах, столице Молдавского княжества¹. Всерьез обеспокоенный господарь М. Стурдза обратился за помощью как к Высокой Порте, обладавшей сюзеренитетом над Дунайскими княжествами, так и к России, которая, в соответствии с Адрианопольским мирным договором 1829 г., имела статус покровительствующей державы, гарантирующей довольно широкую к этому времени автономию Княжеств². Как Петербург, так и Константинополь направили в Яссы своих полномочных эмиссаров; с российской стороны это был генерал А.О. Дюгамель. Перед отъездом в Молдавию с ответственной миссией им были получены письменные инструкции от министра иностранных дел и канцлера графа К.В. Нессельроде от 1 (13) апреля 1848 г.

Как писал Нессельроде, перед лицом «торжества демагогии», угрожающей Европе «полной гибелью», Россия «решила держаться оборонительной политики», ограничившись сосредоточением «внушительных сил» вдоль своих границ. «Она будет воздерживаться от всего, что могло бы быть понято или истол-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту «Монархия Габсбургов: новые направления в изучении экономического, социально-политического и национального развития композитарного государства Центральной Европы», № 19-59-23005.

ковано как стремление вмешаться» во внутренние дела других государств. Затем последовало немаловажное уточнение: «Если нам позволительно присутствовать в качестве простых зрителей при изменениях, происходящих в Западной Европе, то мы не можем сохранять ту же чисто наблюдательную позицию по отношению к странам, где, согласно договорам, мы имеем права, которые должны защищать, и обязанности, которые должны выполнять. К этой именно категории принадлежат Молдавия и Валахия» — в соответствии с правом на покровительство согласно Адрианопольскому мирному договору³.

По оценке Нессельроде, развернувшаяся по всей Европе работа подрывных сил, тайные интриги греческих гетерий, усилия агентов польской эмиграции, «обещания поддержки, расточаемые [уже установленной к этому времени. — А. С.] французской республикой» разного рода антимонархическим элементам в других странах, — всё это может дать новый толчок революционным заговорам, способным раскинуть свои сети на все христианские провинции Османской империи. Ведь «горючего материала там имеется много. Малейшая искра, — отмечает автор инструкции, — может зажечь всеобщий пожар, который оживит восточный вопрос со всеми его опасными осложнениями». Поскольку «традиционная беспечность» турок не позволяет положиться на них в деле охраны безопасности областей, находящихся под российским покровительством, «император счел полезным еще решительнее подчеркнуть свою заботу о порядке и мире в Дунайских княжествах»⁴.

Перед генералом Дюгамелем была поставлена задача тщательно следить «за симптомами возмущения повсюду, где бы они ни проявились», и держать императорское министерство в курсе всех своих наблюдений. Нессельроде к этому времени уже знал о том, что известия об установлении во Франции республики произвели, как и ожидалось, в Дунайских княжествах, а особенно в Бухаресте, сильное впечатление⁵, выявив (особенно среди экзальтированной радикальными идеями молодежи) «симпатии к демагогическим доктринам, провозглашенным Францией». Более того, события в Вене, а затем и в Венгрии, дали новый импульс брожению умов, призвав официальный Санкт-Петербург

к принятию новых мер предосторожности. Учитывая склонность молодежи к радикализму и ее систематические «сношения» с исходящей из-за границы революционной пропагандой, российский канцлер считал целесообразным посоветовать господарям Молдавии и Валахии запретить молодым людям посещение заграничных университетов, откуда они привозят «разрушительные доктрины», и вообще ограничить поездки за рубеж и вместе с тем выслать за границу разного рода эмиссаров, «поддерживающих в княжествах искусственное возбуждение», «подстрекающих к мятежу и рассчитывающих воспользоваться им для осуществления гнусных проектов разрушения и анархии»⁶.

В сложившихся условиях от российских консульств в Дунайских княжествах требовалось усилить бдительность. В случае возникновения «тревожных осложнений» следовало бы заверить господарей в готовности России оказать действенную помощь, однако во избежание ложных толкований со стороны западных недоброжелателей⁷ господарям необходимо было дать понять, что любые решительные шаги по защите Княжеств могут осуществляться только по согласованию с Портой. Для того, чтобы приезд Дюгамеля оказал более сильное воздействие на умы, генералу было предложено объявить во всеуслышание перед «здоровой частью общества» о незыблемости политической организации Княжеств, установленной в соответствии с существующими договорами. Речь шла о том, что, оставаясь неотъемлемой частью Османской империи, они вместе с тем были наделены «особым привилегированным управлением» в соответствии с Органическими регламентами, действие которых гарантировано покровительством России.

В мае 1848 г. смута охватила Валашское княжество, а в июне его господарь Г. Бибеску, под давлением депутации радикально настроенных оппозиционеров, явившейся к нему во дворец, был вынужден подписать конституцию, составленную революционным комитетом, и признать новое правительство, разнородное по своему составу⁸. В события активно включались возвращавшиеся на родину во всеоружии новейших европейских либеральных идей румынские политэмигранты — они прибывали не только из Франции, где многие из них получили образование, но и

из соседних с Дунайскими княжествами земель (в том числе из принадлежавшей Габсбургам Буковины, до 1777 г. входившей в состав Молдавского княжества). Они выступали под лозунгами национального единения, за объединение Румынских княжеств и проведение в них преобразований с целью ограничения административного произвола властей. Получила распространение пропаганда не только республиканских взглядов, но и разрыва прежних отношений с Портой, строившихся на основе признания ее сюзеренитета, а также упразднения Органических регламентов как юридической основы существующей власти со всеми ее административными и финансовыми злоупотреблениями.

В Трансильванию, входившую в состав Габсбургской монархии, перекинулись события венгерской революции, при этом уже к маю 1848 г., когда в Блаже было созвано национальное собрание трансильванских румын, обнародовавшее свои программные документы, проявились принципиальные противоречия между венгерским и румынским национальными движениями. Лидеры венгерского движения взяли курс на полное упразднение трансильванской автономии в унитарном венгерском государстве, созданном на основе концепции единой венгерской политической нации. Но это было совершенно неприемлемо для румын Трансильвании, составлявших в этом крае большинство населения⁹.

Хотя в Молдавии ситуация в целом контролировалась правительством, по мере осложнения ситуации в Валахии и Трансильвании обеспокоенный Дюгамель, ссылаясь на просьбу М. Стурдзы (хотя и не исключал его замены на другого господаря), начиная с июня 1848 г., торопил с вводом российских войск в Молдавское княжество, чтобы загоя блокировать развитие революционных событий на территориях, находящихся в непосредственной близости от границы Российской империи. Однако Николай I отдавал предпочтение охранительной, а не наступательной тактике и проявлял колебания, опасаясь международных осложнений. Согласно его предписанию, ввести войска можно было бы только в самом крайнем случае, ненадолго и обязательно по согласованию с Высокой Портой, чьи воинские части также должны были принять участие в наведении порядка¹⁰. Однако передовой отряд российских войск успел перейти реку Прут и вступил в Молдав-

ское княжество еще до получения депеши из Санкт-Петербурга, лишь по настоянию Дюгамеля, что привело к трагическому инциденту: командовавший соединением генерал Д.А. Герштенцвейг, узнав о том, что поторопился с исполнением воли монарха, снял с себя командование, а потом застрелился. Тем не менее, начиная с конца июня, в связи с усилением волнений как в Валахии, так и особенно в Трансильвании, русские войска не только занимают Молдавское княжество, но и продвигаются как к границам Валахии, так и к Карпатам, за которыми начинались владения Габсбургов, т.е. Трансильвания. Здесь уже происходили кровавые межэтнические столкновения¹¹, и румынское население приграничных областей, которому реально угрожали довольно воинственно настроенные секеи (особая венгероязычная группа, проживающая в горных районах Восточной Трансильвании), зачастую искало убежище за Карпатами, т.е. в Молдавском княжестве¹². Опасения проявляли и трансильванские немцы, в том числе богатое бюргерство традиционных центров немецкой культуры Трансильвании — городов Херманштадт (ныне Сибиу) и Кронштадт (ныне Брашов), расположенных в предгорьях Южных Карпат, неподалеку от границы с Валашским княжеством.

Когда вступление русских войск в Молдавское княжество стало фактом, Николай I распорядился, чтобы официальное сообщение об этом появилось в придворном официозном издании «*Journal de St.Petersbourg*». В нем было сказано о мотивах военной акции и упомянуто о том, что передвижение русских и турецких войск носит скоординированный характер¹³. Вместе с тем ввод в Молдавию русского воинского контингента, 5-го пехотного корпуса под командованием опытейшего и авторитетного военачальника генерала А.Н. Лидерса, дал повод для разных предположений. В некоторых европейских столицах распространились слухи о заключенном будто бы секретном соглашении, по которому Османская империя согласилась уступить Российской империи сюзеренитет над своими автономными провинциями (Молдавией и Валахией) за определенную денежную компенсацию. Глава российского посольства в Вене граф П.И. Медем информировал графа Нессельроде в депеше от 22 июня (4 июля) 1848 г. о том, что к нему обратился за разъяснениями, в частно-

сти, находившийся в имперской столице князь Пал Эстерхази, министр иностранных дел в первом венгерском, пришедшем к власти на революционной волне, но при этом не порывавшем с Габсбургами правительстве. Медем назвал все эти разговоры основанными на чистой выдумке, ссылаясь на строгое соблюдение Россией договоров с другими державами. При венском дворе он разъяснял, что интересом и долгом России является следить за тем, чтобы были обеспечены спокойствие и законный порядок на землях, находящихся под ее покровительством, а посему надо опасаться «вредных настроений» возвращающихся в Дунайские княжества из-за границы (главным образом, из Франции) лиц, не только «преисполненных пагубными идеями»¹⁴, но и пребывающих в постоянном сношении с бунтовщиками (поляками, французами, венгерцами) — в первую очередь, необходимо именно их поставить под наблюдение¹⁵. Российский посланник обращал внимание и на формирование в Трансильвании близ границы с Валахией отрядов добровольцев с очевидной целью проникновения в Княжество и дальнейшей дестабилизации там положения (имелась в виду, в первую очередь, деятельность радикального крыла румынского национального движения во главе с Н. Бэлческу). Эти опасения не были беспочвенными: ситуация в Валахии осложнялась. Фактически утративший власть господарь Г. Бибеску счел за лучшее в конце июня перебраться на территорию Австрийской империи, но при этом не отказывался от властных полномочий и даже контактировал с умеренным крылом развернувшегося общественного движения. Сформированное временное правительство, хотя и пыталось проводить умеренные реформы (направленные, главным образом, на ограничение административного произвола и казнокрадства), далеко не в полной мере контролировало ситуацию, а формально возглавивший его консервативно настроенный митрополит Неофит не обладал реальным политическим влиянием. По сообщениям, поступавшим из Бухареста в Яссы командованию русских войск, вступивших в Молдавию, «незаконными властями, учрежденными революционной партией, был собран народ для подтверждения, что новый порядок вещей не есть только внушение некоторых желающих политического переворота лиц, а единодушное выражение всеобщее-

го желания народа. В уездных городах записываются желающие в национальную гвардию, но как говорят, не с большим успехом». Радикалы, как в Валахии, так и в Трансильвании, читаем в том же рапорте от 13 августа, «ропшут и бранят жителей Княжества Молдавии, что они не решаются принять участие в общем деле». Речь шла о борьбе под лозунгами национального объединения.

Австрийский МИД 7 (19) июля 1848 г. информировал свое посольство в Петербурге о реакции в Вене на известие о вступлении русских войск в Молдавию и расположении их в непосредственной близости как от Валахии, так и от границы Австрийской империи. Право России на протекторат над Дунайскими княжествами, признанное по Адрианопольскому договору, не подвергалось сомнению. Вместе с тем эта новость произвела глубокое впечатление на общественное мнение, ожидались запросы в МИД со стороны сеймов, созданных в условиях революции как в Вене, так и в Пеште, поскольку возникли опасения русского военного вмешательства в целях полной реставрации прежнего абсолютистско-меттерниховского режима. С российской стороны, т.е. графом Медемом, разъяснялось, что предпринятые меры никак не затронут безопасности владений Австрии. Однако в Вене, желая успокоить общественность, ждали от России всё новых и новых подтверждений об отсутствии у нее намерений вмешиваться во внутренние австрийские дела, тем более в условиях углублявшихся в Империи внутривнутриполитических конфликтов (венгерско-сербские межэтнические столкновения в Южной Венгрии, недовольство румын Трансильвании в связи с объявленным пештским правительством слиянием этого края с Венгрией с утратой им какой-либо автономии). Особую обеспокоенность российскими планами проявляли именно венгерские политические силы: эмиссары пештского правительства не скрывали в Вене своей тревоги, которую «было бы очень желательно успокоить, чтобы не вызвать нового возбуждения в стране, где и так сейчас страсти сильно разгорелись»¹⁶. Граф Медем, встречаясь с князем Эстерхази, заверял его в том, что при императорском дворе надеются на способность правительств Молдавии и Валахии своими силами воспрепятствовать дальнейшей дестабилизации и подрыву законной монархической власти

в Княжествах. В случае же если без российского вмешательства в дела законно покровительствуемых Россией Княжеств и далее не удастся обойтись, в Петербурге не намерены в законном стремлении к восстановлению порядка давать «никаких поблажек мятежникам, какой бы национальности и какой бы категории они ни были», поскольку несвоевременные уступки могут быть истолкованы как недостаток решимости и слабость. Посол заметил, что Россия не может поступаться своими правами и интересами, особенно в нынешней сложной ситуации, и призвал своего собеседника «привлечь внимание венгерского правительства на необходимость предупреждать всё, что могло бы скомпрометировать добрые пограничные отношения с княжествами»¹⁷.

Как явствует из документов, особую обеспокоенность царского двора в связи с революционными событиями в Средней Европе вызывала перспектива оживления на международной арене польского вопроса, угрожавшего целостности Российской империи в ее существующих границах¹⁸.

С первых месяцев венгерской революции официальный Санкт-Петербург обратил внимание на активное вовлечение в нее поляков, причем, некоторые из них (Ю. Бем, Х. Дембинский и др.) заняли командные посты в формировавшейся венгерской национальной армии (гонведов). Наиболее значительным из польских военачальников, проявивших себя в событиях 1848–1849 гг., был Юзеф Бем (1794–1850), не только участник наполеоновских войн, но и видная фигура польского восстания 1830–1831 гг. О Беме упоминается во многих рапортах о передвижениях и действиях 5-го пехотного корпуса Лидерса, дислоцированного с 1848 г. в Дунайских княжествах, а в 1849 г. участвовавшего на территории Трансильвании в кампании русской армии по подавлению венгерской революции¹⁹. По оценкам русских военных наблюдателей (впрочем, не адекватным реальному соотношению сил), Бем, взяв Трансильванию под полный контроль венгерской революционной армии, приложил бы потом усилия, чтобы «перенести сколь можно скорее театр возмущения в Галицию», т.е. в польские земли Габсбургской монархии, что представляло уже прямой вызов спокойствию в соседних с ними польских землях Российской империи²⁰. Очевидно, что Бем, как и другие вовлеченные в со-

бытия 1848–1849 гг. деятели польского освободительного движения, мыслил полное и окончательное решение польского вопроса не иначе как на основе восстановления независимого польского государства в границах, гарантирующих его жизнеспособность, а это могло произойти только в результате кардинального пересмотра средневропейских границ, затрагивающего напрямую Российскую империю. Тема реального или потенциального участия поляков в событиях, нарушающих спокойствие Империи, начиная с лета 1848 г. постоянно находила отражение в донесениях, адресованных в Петербург из Дунайских княжеств²¹. Настороженность, связанная с Бемом, была тем сильнее, что он фактически являлся единственным военачальником венгерской армии, кто реально пытался гасить венгерско-румынские межэтнические трения в интересах сплочения национальных движений обоих народов на антигабсбургской основе, хотя в этом и не слишком преуспел²². Существовали также опасения, что венгерские отряды (особенно секеев), перейдя Карпаты, спровоцируют на выступления против властей венгероязычное население, проживающее в предгорных районах Молдавского княжества (так называемое чанго), тем более, что оно подвергалось немалым экономическим притеснениям именно на землях, принадлежавших боярскому роду Стурдза, к которому относился правящий молдавский господарь.

Таким образом, русские войска были не только введены в Молдавское княжество, но и расположились на его границе с Валахией, что вызвало определенную настороженность в западноевропейских столицах, но не привело к официальным протестам, и прежде всего ввиду реальных опасений распространения революции на всё новые и новые земли (русская армия могла послужить в этих условиях в качестве сдерживающей силы). Нессельроде в своей депеше Меду с инструкциями от 8 (20) июля указывал на то, что внутреннее положение в дунайских автономных провинциях Османской империи приняло за последнее время весьма угрожающий характер: если в Молдавии спокойствие висит на волоске, то в Валахии произошло настоящее восстание, вынудившее господара Бибеску бежать из Княжества. Главные истоки беспокойства виделись в активности «эmissаров поль-

ской пропаганды» и авантюристов разных стран, которые надеются вызвать «всеобщий пожар» на Востоке. Медем должен был опровергать широко распространившиеся «при современном настроении умов» «извращенные толкования» о будто бы корыстных целях России — использовать потрясения в Европе для своего расширения за счет Турции. Медему было поручено постоянно разъяснять при венском дворе, что только интересы безопасности Российской империи поставили Николая I после 4-месячных колебаний «перед печальной необходимостью» прибегнуть с крайним нежеланием к «мерам военного принуждения» и начать совместно с Портой изыскивать меры, чтобы остановить опасное развитие событий. Операция по оказанию помощи «дружественной и союзной державе (sic!) в интересах защиты ее сюзеренных прав и сохранения неприкосновенности» гарантированных ей Петербургом владений называлась важной «для территориального и политического равновесия Европы». Как отмечалось далее, своими действиями Россия оказывает реальную услугу не только Турции, но и Австрийской империи, «ибо опьянение и восторг, которые вызвало бы возрождение румынской нации, не преминуло бы передаться народностям той же национальности, обитающим в Трансильвании, и они попытались бы, в свою очередь, освободиться путем революции из-под владычества Австрии, чтобы соединиться со своими братьями в Турции и образовать единое тело, независимую Румынию, которая может занять свое место в среде европейских государств лишь в ущерб целостности Турции и Австрийской империи». Медем должен был вместе с тем заверить венский двор, что военная операция тотчас же прекратится с достижением на этих землях совместными усилиями порядка и спокойствия, и российские войска немедленно отойдут, заняв на своей границе наблюдательные позиции²³.

Что касается румынских политически активных кругов в обоих Княжествах, то приход русских войск был, безусловно, поддержан сторонниками сохранения незыблемости устоев. Это нашло отражение в многочисленных военных рапортах и служебных дневниках штаб-офицеров корпуса Лидерса, адресованных вышестоящему командованию. Как читаем в рапорте от 20 августа

1848 г. в том же деле 5332 (Ф. 846. Оп. 16), «Консервативная или благомыслящая партия [в Валахии] желает восстановления прежнего порядка с некоторыми необходимыми переменами, ежедневно увеличивается и с нетерпением ожидает прибытия русских», которые будут встречены ею «с Крестом и Евангелием» — в отличие от турок, нерасположение к которым в народе довольно велико.

Иначе реагировали на сложившуюся ситуацию, как показывают всё те же документы, сторонники более решительных мер. В Валахии, ожидавшей возможного прихода русских войск, даже весьма умеренное, не прерывавшее связей с Портой временное правительство требовало — на случай не столько османского, сколько русского нашествия — всеобщего вооружения и ополчения народа. Хотя, как отмечалось в российских армейских рапортах, исходивших из корпуса, дислоцированного в это время в Молдавии, попытки вооружить народ были не слишком успешны: «Оружие в Валахию из-за границы не доставлено», правда, было «прислано из Венгрии пороху до 1000 пудов». В Молдавии, где русские войска уже стояли, как читаем в рапорте за конец августа, «общее неудовольствие на князя Стурдзу ... стараются обратить в ненависть к русским войскам, поддерживающим его власть». При этом среди противников Стурдзы было немало знатных бояр, готовивших его смещение, тогда как поддерживал его средний класс: лица, произведенные им в боярство и получившие чиновничьи должности, «привержены безусловно к нынешнему порядку вещей». Низший же класс, по оценке русских военных наблюдателей, зачастую воспринимал власть Стурдзы и его окружения как в определенной мере гарантию стабильности. В рапорте отмечалось, что он не оказывает ни малейшего сопротивления и «в русских видит своих законных защитников против некоторых бояр и эмиссаров, которые делают им притеснения несмотря на превосходное положение, в которое они поставлены Органическим регламентом. Низкий класс по простому и здравому смыслу лучше самих бояр понимает, что всякое улучшение в их быту они ожидать могут не от вмешательства какой-либо другой державы, а от покровительственной, которая первая положила основание их улучшенному быту и с которой их связывает

религия». В другом рапорте того же периода отмечалось, что часть сельского населения с приходом русских войск проявляла, хотя бы внешне, «приветливость и радость», может быть вполне ценя «благодаяние для них Всеавгустейшего монарха нашего, клонящееся к дарованию им мира и спокойствия».

Что касается турецкой стороны, которую в Петербурге усиленно пытались склонить к скоординированным действиям в целях удержания ситуации в Дунайских княжествах под контролем, то она, не подвергая сомнению право России на вмешательство, поначалу занимала выжидательную позицию: «Сулейман паша ждет разрешения своего двора, обнадеживая валахов, что дела устроятся в их пользу», а «Рифат паша не получил еще значительных подкреплений и не думает тронуться с места», — читаем в военном рапорте от 13 августа²⁴. Однако уже с конца июля начинаются пополнение военных соединений, дислоцированных в Силистре и других турецких придунайских крепостях, а затем и постепенная переправка их с болгарской территории через Дунай и сосредоточение уже на валашском берегу реки, в частности, в районе Джурджу, на расстоянии около 100 км от Бухареста. В военных рапортах конца августа, со ссылкой на проезжавших из Османской империи через Молдавию французских офицеров, говорилось, что «Сулейман паша имеет все материальные, умственные и моральные средства к усмирению валахов без помощи русских» и что «турецкие гарнизоны в Варне и в Дунайских крепостях усилены», а «на границе сербов собирается большой корпус турецких войск». Поступавшая информация порождала опасения, что турки выберут из числа оппозиционных прежнему господарю Бибеску умеренных сил временного правителя (каймакама) Валахии, с которым заключат союз именно на антироссийской основе, настояв на пересмотре статуса России как покровительствующей державы. И действительно, приходили сообщения о том, что Сулейман паша потребовал самороспуска правительства и готовит назначение нового каймакама, не согласовав эту меру, как было принято, с российской стороной.

Непрекращающееся соперничество двух держав за влияние в Дунайских княжествах делало нежелательным для Санкт-Петербурга усиление османских позиций за счет российских,

и Николай I дал добро на вступление русских войск в Валахию. Военный министр России А.И. Чернышев в начале сентября направил соответствующую депешу генералу А.Н. Лидерсу. Ввод войск в Валахию прямо объяснялся необходимостью «отнять у незаконного каймаканства, утвержденного Сулейманом пашею, возможность усилить свое влияние на Валахию и не дать времени распространить оное на Молдавию»²⁵. Суть полученного приказа заключалась в том, чтобы «вступить безотлагательно в Валахию, следовать в Бухарест, арестовать зачинщиков мятежа, уничтожить всякое сопротивление, учредить по соглашению с генералом Дюгамелем новое каймаканство, на основании Органического статута, и не очищать Валахии впредь до особого повеления». При этом следовало не только избегать конфронтации с турками, но и по возможности согласовать с ними вопрос о назначении в Валахии новой власти: «Генералу от инфантерии Лидерсу должно исполнить это важное дело с быстротою и решимостью, которые обеспечивают успех военных предприятий, и что в нравственном отношении весьма желательно, чтобы турецкие войска участвовали в действиях наших, особенно в случае сопротивления мятежников, вооруженною рукою».

В Константинополе, однако, предпочитали играть в свою игру, поначалу дистанцируясь от какой-либо координации действий с российской стороной. В качестве проводника более твердой линии в Валахию прибыл новый эмиссар Высокой Порты — Фуад эфенди. Поскольку волнения в городе не прекращались, 13 (25) сентября османские войска вошли в Бухарест, занявшись «наведением порядка», что привело к масштабному кровопролитию. Единственным законным представителем валашских властей османы признали митрополита Неофита. Члены разогнанного правительства и многие сторонники реформ по большей части бежали в предгорье за 100 км к северу от столицы, либо перебрались в Олтению (или Малую Валахию, т.е. западную часть Княжества с главным городом Крайова, за рекой Олт), где еще продолжали некоторое время сохранять свои позиции. Военным комендантом Бухареста стал Омер паша.

Чтобы не уступить османам всю политическую инициативу, 16 (28) сентября на территорию Валахии были введены русские

войска. Этому предшествовало обнародование декларации на румынском языке, в которой разъяснялось, что сделано это с согласия Османской Порты и «в силу предшествовавших трактатов для водворения законного правления и порядка»²⁶. В приграничных Фокшанах²⁷ революционно настроенная публика демонстрировала протест, выступая под трехцветным национальным знаменем. Духовенство, в свою очередь, проявило лояльность, ведя за собой немалую часть населения. «Фокшанский архимандрит с духовенством в полном облачении с Евангелием и Крестом и несколькими депутатами от города» явились к Лидеру «с изъявлением радости о приходе в Валахию войск его Императорского Величества как о несомненном ручательстве, что порядок, так долго нарушаемый в их стране, будет наконец водворен... Они говорили, что большинство принадлежит благомыслящей партии, что мятежники составляют самое малое число, но что им нельзя было противиться, потому что они имели силу правительства»²⁸. Как отмечалось далее в том же рапорте, «народ встречал войска с видом совершенной покорности; он сам указывал на людей, которые наиболее участвовали в видах их незаконного правительства и служили орудиями его действий». В результате многие активисты движения (или, на языке военных рапортов, «зачинщики мятежа») были арестованы, включая священника, публично сжегшего текст Органического регламента²⁹. Такая лояльность может быть объяснима элементарным страхом перед вошедшей в край иностранной военной силой. В том же рапорте не скрывалось, что одно только имя «русского и казака» стало пугающим для нарушителей общественного спокойствия³⁰. Аналогичным образом и в г. Рымник депутация во главе с местным духовенством вышла навстречу вступившей в город русской армии, после чего последовали задержание «неблагонамеренных» элементов и разоружение населения.

Высокая Порта восприняла ввод русских войск в Валахию как нежелательную акцию, противоречащую османским интересам. Обладавший большими полномочиями эмиссар Константинополя Фуад эфенди, получив от Лидера из Ясс уведомление о начале операции, «просил остановить движение русских к Букаресту, считая, [что] турецких войск слишком достаточно для

успокоения Валахии»³¹. Обращаясь к Дюгамелю, он «просил задержать движение войск по крайней мере до получения решения кабинетов и продолжал уверение, что спокойствие в Валахии совершенно восстановлено». Российская сторона придерживалась иного мнения — «Валахия еще далека от должного порядка и повиновения»: в горах формируются вооруженные отряды, а ситуация в Малой Валахии, за рекой Олт, вообще никак не контролируется; край этот, по оценкам русских штабных офицеров, находится «в полном возмущении». Командование с самого начала было сильно озабочено тем, чтобы отношения с турками оставались бесконфликтными, строились на принципах «дружества и согласия», ибо только совместные скоординированные действия могли «произвести желаемое нравственное влияние на умы жителей провинции».

В те же дни Нессельроде поручил посланнику в Константинополе В.П. Титову передать молодому султану Абдул-Меджиду I письмо, где речь шла о том, что вступающие в Валахию русские войска должны соединиться с турецкими военными силами для умирения этой провинции. Посланнику предстояло убедить султана в честности и бескорыстности намерений официального Санкт-Петербурга в вопросах, касающихся статуса Княжеств, отданных в 1829 г. под российский протекторат, внушить ему убеждение о необходимости действовать общими силами, чтобы скорее восстановить «законный порядок» в Валахии, ибо это единственный путь, соответствующий «достоинству и подлинным интересам Оттоманской империи». Предполагалось также обратить внимание султана на опасность недоброжелательных инсинуаций, направленных на то, чтобы «посеять между Россией и Портой семена недоверия и зависти» и «вызвать осложнения, которые пропагандисты революции и пылкие политики рассчитывают использовать на Востоке для своих разрушительных планов и безумных утопий»³².

Когда авангард русской армии подошел к Бухаресту, он был встречен митрополитом Неофитом, изъявившим благодарность российскому императору за «отеческую попечительность» в условиях, «когда дух возмущения, господствовавший три месяца, привел к совершенному ниспровержению общественного порядка»³³.

С этих пор и до 1851 г. в Валашском княжестве существовал режим двух оккупационных армий, которые, в силу сложившегося положения, должны были взаимодействовать между собой в обоюдном стремлении не допустить к власти радикалов. В 1849 г. была подписана Балто-Лиманская конвенция, восстановившая действие Органических регламентов при некотором урезании внешнеполитической автономии обоих Дунайских княжеств. Попытки создания в Валахии собственных вооруженных сил (Национальной гвардии) осенью 1848 г. нещадно пресекались.

С приходом русских войск в Бухарест общими усилиями турецкой и русской оккупационной администрации были приняты меры по расследованию происходивших событий и привлечению к ответственности участников революционных выступлений. Как читаем в военном рапорте осени 1848 г., «Комиссия, учрежденная для исследования степени вины и участия в возмущениях, происходивших в Валахии, каждого из арестованных лиц или находящихся на поруках, с деятельностью и с успехом продолжает свои заседания. Многие из задержанных лиц освобождены немедленно, как только выяснилась их невинность, а лицам, удаленным по подозрениям от службы, но вполне оправдавшимся пред Комиссиею, безотлагательно возвращены прежние их места или даны равные им другие. При расследовании сем открывались новые лица, причастные к революции, и потому оные тотчас были арестованы, или приняты меры, в случае их отсутствия, для открытия местопребывания оных»³⁴. Немалое количество видных участников волнений, бежав сначала в Олтению, после взятия до конца осени и этой провинции под контроль, и вовсе покинуло Валахию.

Поскольку за горами, т.е. в соседней Трансильвании, было крайне неспокойно и с каждым месяцем только обострялись межэтнические распри, были приняты меры по усилению контроля за путями сообщения с этой габсбургской провинцией, где румыны составляли большинство населения. «Чтобы совершенно прекратить сообщение жителей Горной Валахии с пограничными селениями Трансильвании, которые они до сего почти свободно и весьма часто посещали для торгу, промыслов и покупки разных хозяйственных потребностей, — сообщается в одном из рапор-

тов, — по требованию г. корпусного командира [т.е. А.Н. Лидерса. — А. С.] правительством Княжества постановлены весьма точные правила, по коим запрещено выходить из пределов Валахии и входить в оную всем лицам без изъятия, без установленных на сей предмет паспортов, проверка коих возложена на строгую ответственность начальников таможен и пограничных приставов. Самые паспорта дозволено выдавать только лицам вполне благонадежным и то с крайнею осторожностью и только по самой необходимой надобности. Всех же людей без установленных видов, или пробирающихся тайком по горным тропинкам, приказано было задержать и предавать суду, как ослушников. Проезды же и проходы чрез пограничную черту дозволены лишь по одним почтовым, транзитным и известным правительству дорогам. Лица же, являющиеся на границу с просьбою укрыть их от преследований и волнений в крае, принимаемы по-прежнему (нередко целыми семействами и большими толпами) и отправляемы в места более отдаленные от границ, в которых правительством валахским доставляемо им помещение и способы к продовольствию»³⁵.

Рапорты офицеров корпуса генерала Лидерса показывают определенную координацию действий Российской и Османской империй перед лицом революционных событий в Средней Европе. Ни одна из сторон не хотела усиления позиций другой в ущерб собственным интересам в этой части Юго-Восточной Европы и внимательно следила за соперницей, что не мешало им тесно сотрудничать в деле «наведения порядка» в Валахии. Отношения двух держав были (особенно напоказ элитам Румынских княжеств!) достаточно корректными, осенью 1848 г. еще мало что предвещало новое, очень скорое их обострение, приведшее в 1853 г. к Крымской войне. Показательно в этом плане подробное и полное красок описание обер-квартирмейстером полковником А.А. Непокойчицким совместного празднования 6 декабря по старому стилю дня тезоименитства Николая I: «Обед в манеже Гики был замечателен по красоте внутреннего убранства сего здания, по тщательности и чистоте обеденных столов, посуды, белья и прочих и по обилию вина и кушаний. Против входа, на противоположном конце, было сделано вензелевое изображение имени государя императора из разного оружия

и принадлежности к оному. Над входом были устроены хоры, где находились наши генералы, Фуад эфенди, Омер паша, каймакам, значительнейшие бояре, несколько из старших штаб-офицеров и некоторые дамы из высшего класса. К обеду назначены были нижние чины, имеющие знаки военного ордена, медали, как пожалованные турецким султаном..., так и другие, и нашивки. Солдаты сохраняли за столом порядок удивительный, несмотря на их многочисленность: будто бы каждый из них не раз уже сидел за таким парадным столом.

Нельзя было не любоваться на бодрых видом, осанкою и ясно выражавшимся на лицах веселием. На все заздравные тосты, с хор провозглашаемые, отвечали они криком “Ура!” громогласно и радушно. В особенности был продолжительным и громким сей крик при первом тосте “за здравие, долголетие и благоденствие его Императорского Величества”. После этого генерал Лидерс провозгласил тост за здоровье султана. Затем Фуад эфенди поднял бокал в честь храброй русской армии, на что корпусный командир отвечал ему тостом в честь войск Оттоманской Порты. После оного предложен был тост за благоденствие Букареста, и, наконец, распорядившись столом генерал-майор Фохт провозгласил тост за здоровье генерала Лидерса. За обедом играл полный хор музыки валахской милиции, и в то же время не-вдалеке оттуда на площади против главной гауптвахты, рядом с квартирою корпусного командира, играла музыка Ахтырского гусарского полка, остававшаяся здесь до 6 часов вечера. В три часа пополудни после солдатского обеда хоры песенников собрались на дворах полковых, батарейных и ротных командиров и пели с барабанами, бубнами и свистками до 8 часов вечера. От 6 до 9 часов вечера музыка Модлинского пехотного полка играла на дворе российского консульства, а при отдохновении оной пел там хор песенников, предварительно для сего выбранный из лучших в войсках. Погода была удивительная, ясная и тихая, так что на солнце было 10 градусов тепла по Реомюру. На улицах, на площадях теснились экипажи и гуляющие: русские, валахи и турки составляли общие толпы.

В 4 часа был дан обед генералом Лидерсом на 70 кувертов³⁶. На оный были приглашены все генералы и штабс-офицеры на-

ших войск, Фуад эфенди и все турецкие генералы, иностранные консулы, штаб-офицеры валахской милиции, первоклассные чины княжества и почтеннейшие бояре. После тоста за здоровье государя императора, генерал Лидерс предложил тост за здоровье султана, дружество и союз двух держав. Фуад эфенди вслед за ним провозгласил тост за здоровье государя императора и в честь взаимных обоих дворов. Затем продолжались тосты за войска обеих держав, за благоденствие валахов и некоторые другие. Крик “Ура!”, дружно возглашаемый при каждом тосте всеми посетителями, повторяем был толпами, теснившимися на дворе, на соседней площади и улице, и терялся между громом наших орудий, песнями солдат и хорами музык, игравших народный гимн “Боже Царя храни”. Нашим батареям снова отвечали турецкие орудия.

В 6 часов город заблистал бесчисленными огнями. На главных улицах все почти дома были иллюминированы. Щит на дворе квартиры корпусного командира был сделан с замечательным искусством и великолепием своим устремлял на себя общее внимание. Прекрасно также были иллюминированы дома, занимаемые Дюгамелем, Фуад эфенди, Омер пашею, российским консульством, корпусным штабом, каймакамом, турецкие казармы, присутственные места и многие дома частных лиц. Несметные толпы покрывали главную улицу Могушой часов до 9 вечера, так, что экипажи, разъезжавшиеся от обеда генерала Лидерса, а потом ехавшие на бал генерала Дюгамеля, должны были двигаться шагом, мало помалу, беспрестанно останавливаясь и выжидая пока очистится место.

Бал, данный генералом Дюгамелем, был также великолепен и продолжался до 5-го часа утра. Множество посетителей едва вмещались в огромных двух залах.

Несмотря на общее веселье русских и валахов и даже турок, несмотря на многочисленную чернь, двигавшуюся во весь день по всем направлениям, и на обильные угощения солдат, не было ни одного малейшего происшествия, и везде сохраняемы были приличия и совершенный порядок.

День сей празднуем был с таким же радушием и в других местах Княжества»³⁷.

Тесное российско-турецкое сотрудничество в Валахии не отвечало видам Лондона, где воспринимали это как симптом некоторого ослабления британского влияния в Юго-Восточной Европе. Близкую позицию заняло и французское республиканское правительство. 1 (13) октября русский консул в Бухаресте Коцебу доносил о том, что британский консул тайно подстрекает мятежников, обещая им помощь своей державы, а встречаясь с турецкими эмиссарами, призывает их настаивать на скорейшем выводе русских войск ввиду того, что стабилизовавшаяся обстановка не делает больше их присутствие в Княжестве необходимым. В этих условиях Нессельроде в своей депеше от 27 октября (8 ноября) 1848 г. обратил внимание главы российского посольства в Лондоне Ф.И. Бруннова на появившуюся информацию о том, что между Парижем и Лондоном идут переговоры «об установлении сердечного согласия», направленного против российских интересов в Дунайских княжествах. Послу было предписано добиться аудиенции у министра иностранных дел Великобритании лорда Г. Пальмерстона и дать ему понять, что враждебное России поведение британских консулов в Княжествах, поддерживая нездоровый революционный дух, способно лишь продлить пребывание там русских войск³⁸.

Между тем оккупационный режим не вызвал активного сопротивления румынского населения. Хорошо отраженная в военных рапортах корпуса Лидерса лояльность большинства жителей Дунайских княжеств, в том числе представителей их элит, к присутствию русских войск может быть объяснена их естественной заинтересованностью во внутривосточной стабилизации. Пророссийским настроениям среди румын (независимо от того, подданными какого государства они являлись) в определенной мере способствовала также материальная помощь русской армии трансильванским беженцам, покидавшим свои жилища вследствие боевых действий и разрушений. Как явствует также из рапортов, с приходом русских войск в Бухарест были приняты «деятельные меры к заготовлению продовольствия» посредством подрядов, и в результате «валахское правительство могло скоро видеть наполнение магазинов, долженствовавших обеспечить содержание войск в сем городе»³⁹. Нормальная экономическая

жизнь в валашской столице с установлением оккупационного режима совершенно не была парализована. Как бы то ни было, существовали и мощные импульсы к возобновлению массовых общественных движений в Дунайских княжествах. Они были связаны с нерешенностью аграрного вопроса, назревшими задачами румынского национального объединения и, не в последнюю очередь, с влиянием внешних факторов. Ведь ситуация в Валахии после подавления там «беспорядков» продолжала и далее находиться в тесной связи с положением в соседней, габсбургской Трансильвании, тем более, что, как постоянно отмечалось в рапортах, «главные зачинщики» волнений в Дунайских княжествах, бежав в пределы Австрийской империи, пребывали «в непрерывных сношениях с неблагонамеренными лицами, оставшимися в Валахии, и вместе с ними старались поддерживать надежды поселян» на возобновление мятежа и «разделение между ними боярских земель, обещанных им революционерным (так в тексте. — А. С.) правительством»⁴⁰.

В начале 1849 г. корпус генерала Лидерса был ненадолго введен в Юго-Восточную Трансильванию по просьбе австрийской стороны в целях защиты жителей гг. Херманштадта и Кронштадта, преимущественно немцев, как правило, лояльных Габсбургам, от нападений венгерской революционной армии генерала Бема⁴¹. Решение о военной поддержке соседней державы было опять-таки принято после долгих колебаний. «Государь Император признает и теперь, как и прежде, неудобным вооруженное с нашей стороны вмешательство во внутренние дела Австрии, — читаем мы в одном из рапортов, — тем более, что они клонятся по-видимому к благоприятной развязке; в таких обстоятельствах вступление войск наших, не вынужденное крайнею необходимостью, неминуемо затруднило бы общие в Европе политические отношения и могло бы служить на будущее время поводом к подобному вмешательству других правительств во вступление во внутренние дела соседних государств. Но его Величество, по свойственному ему человеколюбию, не может не обратить милосердаго [так в тексте. — А. С.] внимания на явную опасность, которой подвергаются верные своему законному государю жители Германштадта и Кронштадта в столь близком расстоянии

от расположения войск наших. Следуя сим только высоким побуждениям, его Величество находит возможным двинуть часть войск наших на защиту этих городов от гибели и разорения, но иначе как в самой крайности и только по настоятельной просьбе австрийского военного начальства»⁴².

Армейские рапорты, повествующие об этой кратковременной военной операции, как и о следующей, относившейся к лету 1849 г., пестрят сообщениями о том, что «во время движения наших войск... они были везде радушно встречаемы жителями, в особенности жители Кронштадта старались изъявлением радости доказать признательность за великодушное вспомоществование, оказанное им государем императором», равно как и о том, что толпы народа цветами и громкими криками приветствовали «успокоителя Трансильвании» генерала Лидерса, в квартиру которого постоянно приходили депутации благодарных жителей края⁴³.

Однако зимняя операция 1849 г. совершенно не решила поставленных задач, поскольку масштабные боевые действия, создававшие угрозу мирному населению, продолжались и после отвода из Трансильвании корпуса Лидерса, а войско Бема сохраняло тактическую инициативу⁴⁴. Следующее вступление 5-го пехотного корпуса из Дунайских княжеств в Трансильванию состоялось летом 1849 г. и стало частью похода 200-тысячной русской армии под командованием фельдмаршала И.Ф. Паскевича, направленного на подавление венгерской революции⁴⁵. В Валахии и Молдавии к этому времени ситуация была довольно стабильной: «В пределах Княжеств сохраняется спокойствие, ненарушимо и со стороны правительства [так в тексте. — А. С.] оказывается во всех случаях готовность к полному удовлетворению потребностей войск. В направлении умов в крае незаметно особенных волнений, законным властям оказывается совершенное повиновение. Успешное действие русских войск в Трансильвании заставило умолкнуть и тех недоброжелателей общественного порядка, которые в успехах венгерцев старались находить опору для своих мнимых надежд», — сообщалось в одном из рапортов⁴⁶.

В рапортах, отражающих пребывание корпуса Лидерса в Трансильвании, уделяется должное внимание межнациональным

трениям, свидетелями которых стали русские офицеры. В донесениях, относящихся уже к осени 1849 г., периоду после подавления венгерской революции, отмечалось, что, хотя «законный порядок в этом крае довольно быстро водворялся», «ненависть между племенами не потеряла своей силы»⁴⁷. Позже эта тема находит отражение и в мемуарах участников кампании. Наиболее обстоятельные описания межэтнических отношений оставил полковник М. Дараган⁴⁸, чьи рапорты о ситуации в Трансильвании, относящиеся к 1848–1849 гг., хранятся в том же фонде РГВИА (Ф. 846. Оп. 16). О своих впечатлениях от посещения города Кронштадта Дараган записал: «Дако-ромун, запертый в самые вершины ущелий, в отдаленные предместья города, смотрит с порога своей бедной греческой церкви на великолепные храмы и огромные дома немцев, венгерцев и секлеров [венг.: секеи. См. выше. — А. С.] и обдумывает планы своего запоздалого мщения. Тут вся история Трансильвании. В Кронштадте осязаешь ее»⁴⁹. Впрочем, российскому очевидцу показались далекими от идиллических и отношения между привилегированными этносами: описанные племена, «столь разнородные, жили на таком тесном участке земли, чураясь друг друга. Несколько сот лет не могли их сблизить: сосед не узнал языка соседа, ни разу не породнился; один и тот же город называется каждым племенем по-своему. Такие отношения, естественно, породили недоверчивость, вражду, презрение или ненависть одного народа к другому»⁵⁰. Вплоть до полного вывода из Трансильвании к началу 1850 г. российских войск им приходилось прилагать постоянные усилия для того, чтобы удерживать ситуацию под контролем, поскольку властные структуры австрийского неоабсолютизма находились лишь в процессе формирования.

Острые конфликты 1848 г.⁵¹, надолго сохранившись в исторической памяти каждой из наций, еще больше усугубили их противостояние. Уже осенью 1849 г. русские военные наблюдатели обратили внимание на бесплодность попыток венских властей после подавления венгерской революции установить в Трансильвании порядки, удовлетворяющие все национальные группы: «Введение нового гражданского устройства и конституции, дарованной австрийским императором подведомственным ему

народам, встречает в Трансильвании много затруднений по разнородности элементов, составляющих народонаселение того края»⁵². Подъем национального движения румын Трансильвании пришелся на 1860-е годы, когда эпоха неоабсолютизма в истории монархии Габсбургов сменилась периодом конституционных экспериментов. Однако соглашение дома Габсбургов с венгерской политической элитой и соответственно трансформация в 1867 г. Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгрию, создав условия для полного растворения Трансильвании с ее неповторимой спецификой в венгерском унитарном и национальном государстве, нанесли большой силы удар по румынским чаяниям. Со временем, когда для этого созрели объективные предпосылки, румынское национальное движение, разочаровавшись в перспективах реализации своих идеалов в рамках Австро-Венгрии, стало искать пути самоопределения трансильванских румын вне ее пределов, а, значит, по сути — на её руинах⁵³. Соглашение 1867 г., явившееся компромиссом Вены с наиболее мощным, венгерским национальным движением, достигнутым за счет других народов полиэтнической Империи, лишь на полвека продлило существование Габсбургской монархии. При сохранявшейся нерешенности национального вопроса она пала в результате поражения в Первой мировой войне, в условиях, когда целый ряд проживавших в ней народов, включая трансильванских румын, сделал выбор в пользу совсем иных государственных проектов, в том числе великорумынского.

Многие активные участники бурных событий лета 1848 г. в Валахии, бежавшие за границу, смогли вернуться на родину довольно скоро, в 1849 г., после амнистии, объявленной полномочным турецким эмиссаром Фуадом эфенди от имени султана. В записях журнала корпуса Лидерса, относящихся к началу осени 1849 г., давалась следующая характеристика ситуации: «В Дунайских княжествах всё это время было спокойно и возвращались из-за границы люди, принадлежавшие и причастные к бывшему в Валахии возмущению, коим въезд в Княжество по последнему фирману его величества султана не воспрещен. При настоящих обстоятельствах у них начинали вновь возрождаться надежды осуществить преступные замыслы. На тайных сходбищах,

а иногда и публично они высказывали свои мнения, основываясь на симпатии к ним турок. При теперешнем занятии Княжеств нашими войсками в довольно значительном числе нельзя предполагать каких-либо покушений, но бдительное наблюдение и пребывание здесь наших войск остаются совершенно необходимыми для предупреждения беспорядков»⁵⁴. В дальнейшем, уже после полного вывода в 1851 г. из Дунайских княжеств как российских, так и турецких войск, многие активисты движения 1848 г., не только негативно относившиеся к царскому абсолютизму, но считавшие Органические регламенты и российский протекторат тормозом на пути дальнейшего развития, были использованы османской политикой в интересах вытеснения российского влияния⁵⁵. Новые осложнения в российско-турецких отношениях привели, как известно, к Крымской войне. В конце 1850-х годов, в новой обстановке, сложившейся после войны и вследствие Парижского мира 1856 г., эти деятели приняли активное участие в подготовке объединения Дунайских княжеств, состоявшегося в 1859 г.

Армейские рапорты, отражающие участие 5-го пехотного корпуса генерала А.Н. Лидерса в «наведении порядка» в Дунайских княжествах (а также в Трансильвании) во время всеевропейской революционной волны 1848–1849 гг., равно как и депеши с инструкциями, направлявшиеся из Санкт-Петербурга военачальникам и дипломатам в связи с вводом русских войск в румынские земли, позволяют глубже осмыслить мотивы подключения России к военным кампаниям за пределами Империи, пролить дополнительный свет на российско-турецкие отношения в годы, предшествовавшие Крымской войне, реконструировать непосредственное участие российских воинских частей как в боевых действиях, так и в поддержании внутривосточной стабильности в сопредельных Российской империи странах. В опровержение некоторых стереотипов о России как «европейском жандарме», документы показывают, что Николай I и его окружение в рассматриваемый период, как правило, лишь после долгих колебаний давали согласие на военные интервенции за рубежами державы. К этому российская правящая элита склонялась лишь при крайних обстоятельствах, из опасений, что революционный очаг, разгоревшийся

в непосредственной близости от российских границ, представит угрозу целостности Империи либо (как в случае с Дунайскими княжествами) слишком резко изменит соотношение сил в соседних регионах не в пользу России. При этом нежелание вмешиваться без острой надобности во внутренние дела соседей имело в определенном смысле концептуальный характер, поскольку, с точки зрения Николая I и его окружения, такое вмешательство было способно затруднить «общие в Европе политические отношения и могло бы служить на будущее поводом к подобному вмешательству других правительств» во внутренние дела других государств. Что касается венгерской кампании 1849 г., то только реальная угроза полного краха Дунайской империи⁵⁶ побудила Петербург сначала к краткосрочной отправке отрядов корпуса генерала Лидерса из Валахии в Южную Трансильванию, а затем и к согласию на большее — на направление в пределы Габсбургской монархии 200-тысячной армии фельдмаршала Паскевича, перед которой, осознав неравенство сил, и сложило оружие венгерское революционное войско.

Репорты корпуса Лидерса интересны и тем, что демонстрируют союзнические отношения России и Турции перед лицом революционных событий 1848 г. в Средней Европе, их тесное сотрудничество в «наведении порядка» в Валахии. Ценность этих документов заключается и в том, что они помогают с точностью реконструировать ход боевых действий в Трансильвании между австрийской императорской армией (и пришедшим ей на помощь 5-м пехотным корпусом русской армии), с одной стороны, и венгерским революционным войском генерала Ю. Бема, с другой, а также передвижений его армии в связи с вынашиваемыми этим талантливым полководцем стратегическими планами.

Репорты русских офицеров ценны и как источник, содержащий описание политической ситуации в Дунайских княжествах и Трансильвании, в них находят отражение межнациональные противоречия в Трансильвании, причем, активное участие польских революционеров в событиях позволяло теснее увязать ситуацию в далеком крае с положением в самой России, с реальной или мнимой угрозой польского национального движения территориальной целостности Российской империи.

Революционные события 1848 г. в Дунайских княжествах стали важным этапом в процессе борьбы румын за национальное объединение. Можно согласиться с В.Н. Виноградовым, по мнению которого значение революции 1848 г. в Валахии «состояло в том, что она подвела итоги многовекового развития, показала бесперспективность дальнейшего существования княжеств порознь и утвердила национальный принцип как идеологическую основу их объединения и дальнейшей эволюции в сторону государственной независимости. Интервенция насильственно прервала развитие назревших процессов, но не могла положить им конец и тем более повернуть историю вспять»⁵⁷.

Идеалы румынского национального объединения, проявившиеся в движении 1848 г., нашли воплощение через десятилетие, в новых исторических условиях, при ином раскладе сил на международной арене, сложившемся после Парижского мирного договора 1856 г.

Примечания

- ¹ Подробнее о ситуации в Молдавском княжестве и программе сил, выступавших за структурные реформы, см.: Виноградов В.Н. Молдавия в 1848 г. // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии / Отв. редактор С.М. Фалькович. М., 2001. С. 404–408.
- ² О положении в Дунайских княжествах после Адрианопольского мирного договора 1829 г. и политике России (введение в обоих Княжествах первых конституций — Органических регламентов, другие реформы графа П.Д. Киселева, возглавлявшего до 1834 г. российскую администрацию) см.: Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20–30-е гг. XIX в.). М., 1966; Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. / Отв. редактор В.Н. Виноградов. М., 1990. С. 114–132.
- ³ Цит. по публикации документов: Австрийская революция 1848 г. и Николай I // Красный архив. 1938. № 4–5 (89–90). С. 183.
- ⁴ Там же. С. 184.
- ⁵ См. подробно: Джапаридзе Э.А. Общественно-политическое движение в Дунайских княжествах (из предыстории революции 1848 г.). М., 1991.
- ⁶ Австрийская революция 1848 г. и Николай I. С. 184–186.
- ⁷ С тем, чтобы противодействовать этим толкованиям, 30 апреля (12 мая) 1848 г. Нессельроде изложил российскому послу в Вене П.И. Медему свои соображения, «диктуемые правом покровительства», заставившим в период европейских потрясений послать А.О. Дюгамеля с экстраординарной миссией в Дунайские княжества. Как отмечалось, в случае ухудшения ситуации «чисто моральное влияние» было бесцельно оградить Княжества «от воздействия демагогии». Соответствующие инструкции были даны и главе российского посольства в Лондоне Ф.И. Бруннову.

- ⁸ *Виноградов В.Н.* Валахия: незавершенная революция // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. С. 409–415; *Дунайские княжества // Международные отношения на Балканах, 1830–1856 гг.* С. 206–223.
- ⁹ Из работ о положении в Трансильвании в 1848–1849 гг., отражающих взгляд румынской историографии на проблему, см.: *Maier L.* 1848–1849: *Români și unguri în revoluție.* București, 1998. Взгляд российской историографии представлен В.Н. Виноградовым: Трансильванская трагедия // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. С. 422–444.
- ¹⁰ Дешеша от 27 июня 1848 г. военного министерства дислоцированному в Бессарабии, на границе с Молдавским княжеством, военному соединению предписывала «решительно не переходить» границы, а если до получения дещешей войска уже успели вступить в Молдавию, то «ни под каким предлогом не переходить» реку Сирет, за которой начиналась Валахия. Русские войска должны были оставаться в крае лишь до прихода турецких войск «в числе достаточном для восстановления порядка», и занятие Молдавии следовало объяснить Порте как меру временную, «вынужденную крайними обстоятельствами и неотложной необходимостью для ограждения границ наших от соприкосновения возмутительного духа, распространившегося в Княжествах». А поскольку с прибытием турецких войск порядок неизбежно восстановится, русским войскам было предписано тотчас возвратиться в пределы Империи и «встать в прежнем обсервационном положении» вдоль приграничной реки Прут на ее левом берегу. Оставить войска в Молдавии можно было лишь при настоятельной просьбе турок либо вследствие каких-либо непредвиденных обстоятельств, заставляющих действовать силою оружия, однако и в этом случае «не иначе как по положительной просьбе Порты Османской и в соединении с турецкими войсками», не переходя «без особого Высочайшего разрешения» р. Сирет // Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 5333. Л. 236–237.
- ¹¹ *Egyed A. Erdély 1848–1849.* Csíkszereda, 2010.
- ¹² При царском дворе в этой связи опасались, что на территорию приграничного с Российской империей Молдавского княжества вместе с беженцами проникнут и бунтовщики, способствующие дестабилизации там внутренней обстановки.
- ¹³ Австрийская революция 1848 г. и Николай I. С. 193. В дещеша от 8 (20) июля 1848 г. графа Нессельроде послу в Вене П.И. Медуемо говорилось о том, что Россия стоит «перед печальной необходимостью совместно с Портой изыскать меры, чтобы остановить развитие событий» (Там же. С. 196).
- ¹⁴ Анализ программных требований общественных движений Валахии дает В.Н. Виноградов в: Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. С. 409–412. Они включали в себя обеспечение некоторых демократических свобод, выборы в Учредительное собрание, формирующее правительство, реорганизацию системы налогообложения и судебной системы, ограниченную аграрную реформу. Народ в своих чаяниях зачастую шел дальше активистов политических движений, даже по назначению русских военных наблюдателей, требуя раздела боярских земель (см. рапорты лета 1848 г. — РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332), но временное правительство, пришедшее к власти в Валахии на волне событий, не было склонно к глубоким аграрным реформам.
- ¹⁵ Австрийская революция 1848 г. и Николай I. С. 193. Ср. с рапортом от 20 августа по линии военного министерства: «Число бродяг трансильванцев, венгров, поляков, немцев и всех классов людей без крова и пропитания, веры и чести, ежедневно в Бухаресте умножается, а вместе с тем и смуты в народе». Здесь и неоднократно ниже, кроме особо оговоренных случаев, военные рапорты вступившего в Молдавию и Валахию 5-го пехотного корпуса приводятся без указания

номеров листов по архивному делу, содержащему рапорты за июль–октябрь 1848 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Использование нами при цитировании источников заглавных букв внутри предложений отвечает нормам сегодняшнего правописания («турки», а не «Турки», «император», а не «Император» и т.д., исключение сделано лишь для «его Императорского Величества» и «Всеавгустейшего монарха»). Частично опубликовано в: *Campania militară țaristă în Țările Române la 1848–1850. Documente militare. Volumul III. Komarov & Nepocoicitchi: Jurnalul de campanie* // Coordonare Ela Cosma. Editarea documentelor rusești: Tatiana Onilov, Angela Sticalin-Colin, Alexander Stykalin. Cluj- Napoca (Romania) — Gatineau (Canada), 2016–2017.

16 Австрийская революция 1848 г. и Николай I. С. 194–195.

17 Там же. С. 194. Как заметил Медем в своем донесении Нессельроде, Эстерхази признал честность обозначенной российской позиции.

18 В этом плане показательна записка Нессельроде Николаю I от 15 (27) июня 1848 г. // Там же. С. 190–192. О ситуации в польских землях и состоянии польского вопроса на международной арене в 1848–1849 гг. см.: *Макарова Г.В., Фальковский С.М.* Поляки в борьбе за реализацию «принципа национальности» в революции 1848–1849 гг. // *Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии.* С. 190–304.

19 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332.

20 Там же.

21 Там же. В военных рапортах за август–сентябрь 1848 г. читаем о том, что поляки «по одиночке, по два и по три человека, но с пашпортами пробираются в Валахию» для участия в бунте; о появлении в уезде Бузеу «шайки злоумышленников поляков, венгров и другого сброду людей числом до 200» и т.п.

22 Показательно позитивное отношение к Бему не только в Венгрии, где он почитается как одна из культовых фигур в истории венгерской революции и национально-освободительной войны 1848–1849 гг., но и в румынской историографии. См., в частности: *Cosma E. Nouă luni în Transilvania (decembrie 1848 — august 1849). Generalul Józef Bem în corespondență, proclamații, documente.* Cluj-Napoca, 2011.

23 Австрийская революция 1848 г. и Николай I. С. 195–197.

24 Речь идет о командированном в Валахию из Константинополя высокопоставленном эмиссаре и о командующем гарнизоном в одной из близлежащих крепостей.

25 Здесь и далее: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 74.

26 Там же. Л. 79–80.

27 Город состоит из двух частей, разделенных узкой рекой, одна из которых относилась к Молдавскому, а другая (меньшая) — к Валахскому княжеству.

28 Здесь и далее см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 80–88.

29 Это была довольно распространенная в те недели форма протестной активности, свидетельствовавшая о том, что неприятие действующего режима распространялось и на его юридические основы, заложенные администрацией графа П.Д. Киселева после 1829 г.

30 Если верить всё тем же армейским донесениям, «к вечеру совершенная безопасность водворилась в Валахских Фокшанах, жители предавались обыкновенным развлечениям, собрались слушать игравшую до поздней ночи музыку Люблинского егерского полка». Можно заметить также, что рапорты корпуса Лидерса содержат некоторые упоминания о жестокостях турок в отношении мирного румынского населения, но в них нет никакой конкретики о том, почему имена «русского» и «казака» могли внушить страх православным румынам.

- ³¹ Здесь и далее см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 84–88.
- ³² Австрийская революция 1848 г. и Николай I. С. 197–198.
- ³³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 65–69.
- ³⁴ Цитируемый документ опубликован в подборке: «Пребывание наших войск в Германштадте и Кронштадте теперь более, чем когда-либо необходимо». Межэтнические распри в Трансильвании в условиях венгерской революции 1848–1849 гг. и российское военное присутствие в Дунайских княжествах / Публ. А.И. Колин, А.С. Стыкалин // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VI. К 150-летию образования Австро-Венгерской империи / Отв. редакторы И.В. Крючков, О.В. Павленко. Ставрополь, 2018. С. 159.
- ³⁵ Там же. С. 158.
- ³⁶ Прибор за обеденным столом (устаревш.)
- ³⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 153–156. Не менее красочно Непокойчицким описано празднование турками Байрама, куда были приглашены генералы и обер-офицеры корпуса Лидерса, а также русские дипломаты (Там же. Л. 127–128). Как резюмировано в том же документе, «во всех отношениях с турецкими войсками, как служебных, так и частных, соблюдается офицерами примерная вежливость, в чем начальники оных, руководствуясь наставлениями г. корпусного командира, подают им пример на каждом шагу» (Там же. Л. 130).
- ³⁸ Австрийская революция 1848 г. и Николай I. С. 203–204.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 85.
- ⁴⁰ Там же. Л. 205. Как отмечалось в донесении от 13 февраля 1849 г., «в Молдавии и Валахии всё спокойно, хотя жители, подстрекаемые тайными злоумышленниками, показывают в Валахии некоторую непокорность и питают надежду на близкое возвращение революции. С декабря месяца эта надежда не только не потухает, но становится сильнее, и ожидания не простираются далее как на март месяц. Г. корпусный командир [Лидерс. — А. С.] сделал распоряжение о принятии самых строгих полицейских мер к открытию злоумышленников» (Там же. Л. 198).
- ⁴¹ См. посвященную этой военной операции комментированную подборку документов: «Пребывание наших войск в Германштадте и Кронштадте теперь более, чем когда-либо, необходимо». О ходе боевых действий в Трансильвании см.: *Armies, Commanders, Leaders in Transylvania (1848 — 1849) / Armate, comandanți, conducători in Transilvania (1848–1849) // Volume of studies coordinated by Ela Cosma. Academia Română. Cluj-Napoca — Gatineau, Canada, 2013.*
- ⁴² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 208–209. «Желая, чтобы движение сие не было приписано к каким-либо политическим видам, его Величество повелел, чтобы пребывание войск наших в австрийских владениях, если бы оно и оказалось действительно необходимым, было самое кратковременное и именно продолжалось не более нескольких дней».
- ⁴³ Там же. Д. 5357. Л. 285–296. Ср. с весьма показательными свидетельствами из мемуаров отставного офицера Ф. Григорова, участвовавшего в венгерской кампании 1849 г. в качестве адъютанта известного военачальника генерала Ф.В. Ридигера: «В тех городах и местечках (речь идет о Верхней Венгрии, нынешней Словакии. — А. С.), через которые проходили войска, вывешивались флаги: для нас белые, для австрийцев желтые с черным, а для венгерцев — зеленые с красным, и каждый дом имел в готовности таких три флага, которые выносились по мере надобности». См.: *Григоров Ф.* Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 г. (адъютанта графа Ф.В. Ридигера) // *Русская старина.* 1877. Т. XXIX (июнь). С. 498–499.

- 44 С точки зрения Р. Херманна, ведущего венгерского специалиста по истории революции и национально-освободительной войны 1848–1849 гг., зимняя операция Лидерса вообще означала полное фиаско. См.: *Германн Р.* Русские войска в Венгрии в 1849-ом году. Будапешт, 2002. С. 3.
- 45 Там же. С. 7–11; *Виноградов В.Н.* Венгерский поход И.Ф. Паскевича 1849 г.: легенда и действительность // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 80–96.
- 46 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5357. Л. 330.
- 47 Там же. Л. 297.
- 48 *Дараган М.* Записки о войне в Трансильвании в 1849 г. СПб., 1859.
- 49 Там же. С. 67.
- 50 Там же. С. 5.
- 51 См.: *Виноградов В.Н.* Трансильванская трагедия // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. С. 422–448.
- 52 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5357. Л. 285–296.
- 53 См.: Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки. М., 2018.
- 54 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5357. Л. 285–296.
- 55 Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. С. 415.
- 56 Представление официального Петербурга о монархии Габсбургов как «европейской необходимости» следующим образом выразил граф Нессельроде в своей записке Николаю I от 15 (27) июня 1848 г.: «Пустота, которую создаст в Европе исчезновение такой древней монархии как Австрия, будет до того огромна, и заполнить ее будет так трудно, что она еще может долго стоять, за отсутствием чего-нибудь, что можно было бы поставить на ее место» (Австрийская революция 1848 г. и Николай I. С.191).
- 57 Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. С. 416.

**«Подаренная победа»:
взятие Гривицкого редута № 1
под Плевной 30 августа 1877 г.***

Каждый год отдаляет от нас события русско-турецкой войны 1877–1878 гг., последней победоносной войны Российской империи, которая существенно изменила политическую карту Балканского полуострова, поскольку появились новые независимые государства, в том числе и Румыния. В начале Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. политические круги Княжества, объявляя о сохранении нейтралитета, рассчитывали на то, что Порта оценит роль вассальной от нее Румынии как «барьера» «на пути волны нашествия России против Турции» и признает ее независимость. Провозглашение новой турецкой конституции 1876 г., в которой Румыния по-прежнему объявлялась «привилегированной провинцией Османской империи», а также поддержка западными державами статус-кво Турции заставили румынское правительство 4 (16) апреля пойти на подписание двух русско-румынских конвенций, военной и политической. Румыния давала согласие на проход русских войск через ее территорию, Россия обязывалась уважать и соблюдать политические права румынского государства и защищать его неприкосновенность. Военная конвенция предусматривала условия перехода русских войск по румынской территории. Россия оказала Румынии помощь оружием, транспортными средствами и займами в размере 2 млн руб. 9 (21) мая румынский парламент, констатируя состояние войны с Портой, провозгласил государственную независимость¹, которая еще должна была быть признана на международной арене.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, проект № 20-59-18004.

Русская армия, совершив блестящую операцию по переправе через Дунай у г. Систово (ныне Свиштов) в ночь на 15 июня* быстро продвигалась по Придунайской Болгарии и овладела Тырново, Шипкой, Никоподем, встала на позициях у Рущука (ныне Русе). Но надолго остановилась у Плевны (ныне Плевен), поскольку Осман-паша, пришедший из Видина с войском, смог отразить штурмы русских отрядов 8 и 18 июля. Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич обратился к румынскому князю Карлу, чтобы тот подошел со своими войсками к Плевне для участия в намечавшемся очередном штурме. В августе три румынские дивизии переправились через Дунай.

16 августа Александр II тепло принял румынского князя, а на следующий день приказом великого князя Николая Николаевича Карл был назначен командующим Западным отрядом² — чтобы удовлетворить «все партии румын»³ и их честолюбие (при этом непосредственное руководство румынскими войсками было поручено генералу А. Чернату). Генерал-лейтенант П.Д. Зотов получил должность начальника штаба Западного отряда. Граф Н.П. Игнатьев писал, что князю хотелось самому командовать румынскими войсками и чтобы отряд Зотова был ему подчинен, соглашаясь взамен быть под командой Николая Николаевича, как только он сам примет начальство над войсками, сосредоточенными под Плевной. «Удивленная Россия узнаёт, — продолжал Игнатьев, — что после потерпленных неудач (легче было бы после успеха) два русских корпуса (IX и IV армейские корпуса. — М. Ф.) подчинены принцу Гогенцоллернскому, бывшему поручику прусскому, который взял к себе советником и помощником полковника Гальяра — французского военного агента. Два иностранца, на нашей службе не находящиеся, будут посылать на смерть доблестных русских людей»⁴. Военный министр России Д.А. Милютин прокомментировал эту ситуацию следующим образом: «Начальство над значительной частью армии и на важнейшем стратегическом пункте возлагается на иностранного принца, вовсе неопытного в военном деле (не знающего ничего в военном деле), окруженного своими мелкими честолюбцами, вроде полковника Слани-

* Даты даются по юлианскому календарю, принятому в Российской империи.

чану, желающими разыграть исторические роли! В довершение странности князю Карлу придан негласным ментором французский военный агент — полковник Гальяр»⁵.

В русских войсках у Плевны находилось около 46500 штыков, 5600 сабель при 316 орудиях. В румынских войсках состояло около 29000 штыков, 3000 сабель и 108 орудий. Всего в Западном отряде было 75500 штыков, 8600 сабель при 424 орудиях⁶.

Однако сражение за Плевну (30–31 августа) окончилось неудачей. Вновь были повторены прежние ошибки, допущенные при двух попытках овладеть Плевной (в частности, неправильный выбор направления главного удара обусловил атаку Плевны с трех наиболее укрепленных сторон*), и совершены новые. Обстоятельный разбор и обоснованная, хотя и жесткая, критика диспозиции, распоряжений генерал-лейтенанта Зотова, ход сражений 30–31 августа представлен в трудах русских военных историков А.Н. Куропаткина, П.А. Гейсмана, П.Д. Паренсова и др.⁷ В марксистской историографии (П.К. Фортунатов, Н.И. Беляев, И.И. Ростунов и др.), более лаконичной в изложении хода сражения 30–31 августа, вынесен не менее строгий приговор полководческим талантам русского высшего командования и перечислены его просчеты.

Битва за Плевну за отсутствием координации действий распалась на три отдельные сражения. Лобовая атака на центр турецких позиций была отбита. На правом фланге был взят Гривицкий редут № 1, а захваченные войсками Скобелева редуты на Зеленых горах пришлось отдать туркам, которые 31 августа обрушили крупные силы на русских воинов, не получивших от своего командования ни резервов, ни элементарной поддержки.

---

* Укрепления Плевны представляли собой следующее: с северной стороны на высоте д. Опанец находилась группа редутов и люнетов (открытое полевое укрепление с одним или двумя фасадами и двумя фланками), далее по гребню высот между Гривицким и Буковльским ручьями тянулась траншея, оканчивающаяся двумя редутами — Гривицким № 1 и Гривицким № 2; с восточной стороны турецкие укрепления были расположены не на командующих высотах между с. Гривицей и с. Радишевым, а версты на две ближе к городу, между Гривицким и Тученицким оврагами; они состояли из двух линий редутов и люнетов, связанных траншеями. С южной стороны участок между Тученицким оврагом и с. Кришин был укреплен редутами. Всё же остальное пространство до реки Вид было открыто. С западной стороны был выстроен лишь один люнет для обороны моста через Вид на Софийском шоссе. См.: Мартынов Е. Блокада Плевны (по архивным материалам). СПб.: изд. В. Березовский, 1900. С. 27.

Третье сражение за Плевну и участие в нем румынской армии наиболее основательно и полно были представлены в 5-м томе 12-томного «Описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове...» (СПб., 1903), в котором почти дословно цитировался переведенный на русский язык труд румынского подполковника резерва Т. Вакареску (Т.К. Вэкэреску). Это сочинение в немецком переводе также привлекал и военный историк П.Д. Паренсов для своего не менее обстоятельного разбора действий румын и русских. Высоко оценивая книгу Вакареску, Паренсов отметил, что ее автор, «очень интересный во многом и о многом хорошо осведомленный, по-видимому, не принадлежал ни к строю, ни к штабу, а был скорее в свите какого-нибудь высокого начальника»⁸. Следовательно, Паренсов не знал, что Вакареску был адъютантом князя Карла (во время войны русскому офицеру не довелось познакомиться с румынским). Паренсов опирался еще на одну многотомную монографию, написанную, как он подчеркивал, «с большим знанием дела». Ее автор, скрывший свое имя под псевдонимом «Тактик», но отметивший, что являлся автором многочисленных трудов по военной истории, использовал официальные материалы, опубликованные правительствами России и Турции⁹.

К сожалению, нам недоступны исследования и источники на румынском языке из-за его незнания, но этот пробел вполне заполняют книга Т. Вакареску в русском переводе и монография болгарского историка Г. Барболова¹⁰, который пользовался опубликованными документами и литературой, появившимися в румынской, болгарской и российской историографии. Статьи других болгарских и советских исследователей, к сожалению, весьма лаконичны: в них лишь отражается как данность взятие Гривицкого редута № 1. Видение событий 1877–1878 гг. румынской стороной представлено в работах, написанных коллективами румынских ученых и переведенных на русский язык, «Румыния в войне за независимость, 1877–1878» (Бухарест, 1983) и «История Румынии» (М., 2005). Следует отметить, что авторы первой активно использовали упомянутый труд Вакареску.

В историографии более распространено утверждение, что редут был взят совместными (соединенными) усилиями союзных

войск, при этом историки-марксисты рассматривали участие румын в войне в свете русско-румынского боевого содружества¹¹. Военный историк А.Н. Куропаткин (во время войны начальник штаба 16-й пехотной дивизии) считал, что редут был взят при решающем содействии 17-го пехотного Архангелогородского и 18-го пехотного Вологодского полков¹². В труде «История русской армии» военный историк А.А. Керсновский констатировал, что Гривицкий редут «взяли архангелогородцы и вологодцы, захватив знамя и три орудия»¹³. О румынах автор вспоминал, когда приводил потери сторон.

Впрочем, существует и иная точка зрения: румыны при поддержке русских овладели Гривицким редутом № 1¹⁴. В «Истории Румынии» (М., 2005) подчеркивается решающий вклад именно румынских войск в захвате редута¹⁵. Дж.Г.В. Кроу, автор краткой статьи «Плевна» в Британской энциклопедии «Британника», заявлял, что «румыны заняли один Гривицкий редут», не упоминая русские полки¹⁶. Румынский историк Д. Бериндей* утверждал, что с четвертой попытки батальоны 4-й румынской дивизии захватили Гривицкий редут¹⁷. Болгарский историк В. Трайков, опираясь на труды румынских коллег, заявлял, что «после тяжелых сражений румынам удалось овладеть Гривицей 1, показывая мужество и боевую храбрость»¹⁸. Коллектив авторов монографии «Румыния в войне за независимость», хотя и отмечает, что редут был взят румынами при поддержке русских, но в заключении, после краткого обзора действий русских войск в тот день на всех участках штурма и при подведении итогов третьего сражения за Плевну, подчеркивает, что «единственным успехом был успех, достигнутый румынскими войсками — захват Гривицкого редута № 1»¹⁹.

Выявление новых фактов при тщательном штудировании мемуаров участников и очевидцев сражения за Гривицкий редут,

* Любопытно, как менялось мнение румынского историка Д. Бериндея. Для юбилейного болгарского сборника «Освобождението на България. 1878–1968» (София: Изд-во на БАН, 1970) он пишет, что атака батальонов 4-й румынской дивизии и одной русской части увенчалась успехом. А в книге, посвященной истории румынской армии и изданной на французском языке [*Berindei D. La guerre d'indépendance de la Roumanie (1877–1878). Pages de l'histoire de l'armée roumaine. București: Editura academiei Republicii Socialiste România, Editura militară a ministerului apărării naționale, 1976*], Бериндей русских и не вспоминает (даже и в некой неопределенной позиции — «одна русская часть»).

а также официальных документов, опубликованных в известном многотомном «Сборнике материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове», позволяет взглянуть на события, связанные с овладением этого редута 30 августа 1877 г., с иного ракурса.

Обратимся теперь к тем напряженным дням русско-турецкой войны. К утру 25 августа румынская армия (3-я и 4-я дивизии — всего 42 батальона, 30 эскадронов и 108 орудий) расположилась на правом фланге Западного отряда²⁰. Согласно диспозиции, подписанной князем Карлом, 4-я дивизия полковника А. Ангелеску выступила из Вырбицы к д. Гривица кружным путем, чтобы скрыть свое движение от турок, но заблудилась и только к утру 26 августа прибыла в назначенное место. 26 августа 36 румынских орудий, установленных к северо-востоку от Гривицы, открыли огонь по турецким укреплениям с расстояния от 1000–1300 сажен^{*}. На правом фланге вели обстрел по редуту неприятеля еще шесть русских 9-фунтовых батарей 5-й и 31-й артиллерийских бригад — 48 орудий и 20 осадных орудий²¹.

«На месте главного штаба** румыны и русские обменивались комплиментами: “Ваша батарея удивительно метко стреляет”. Румыны самодовольно улыбались, отдавая честь. Князь Карл был в восторге»²², — рассказывал о впечатлениях первого дня артиллерийского обстрела корреспондент Н.В. Максимов.

Однако 27 августа батареи 4-й румынской дивизии, еще более приблизившиеся к Гривицкому редуту, не участвовали в бомбардировке редута, а две ближайшие к туркам даже отступили из-за сильного ружейного огня, направленного против них из передовой турецкой траншеи, находившейся на расстоянии около 500 сажен к востоку от Гривицких редутов. В 13 часов по приказу князя Карла эта траншея была очищена от турок и ее заняли передовые посты 4-й дивизии. В этом первом и успеш-

* 1 сажень = 7 английских футов, то есть 213,36 см.

** На горе, которую окрестили Царским курганом, горкой или валом. С нее открывался прекрасный вид на Плевну, и сюда приезжали император со свитой, главнокомандующий со штабом, князь Карл со своей свитой, корреспонденты и др.

ном бою румыны потеряли 16 человек убитыми и 113 ранеными²³. Военный министр России Д.А. Милютин записал в своем дневнике: «Вчера румынские войска дебютировали на военном поприще удачным движением вперед и занятием позиции ближе к неприятельским укреплениям». Император Александр II послал флигель-адъютанта «благодарить румынские войска и отвезти несколько солдатских крестов военного ордена»²⁴. «48* знаков св. Георгия», — уточнил адъютант главнокомандующего полковник Д.А. Скалон в своих воспоминаниях и добавил: А «за завтраком пил за здоровье их армии»²⁵.

27 августа главнокомандующий ездил осматривать главный резерв войск: пехотную бригаду, два кавалерийских полка и два румынских пехотных полка. Узнав, как здороваются в румынской армии с солдатами, он поздоровался с ними. Они «славно ответили и своим наружным видом приятно поразили нас: народ рослый, здоровый, разве немного худ». Князь Карл пояснил это тем, что «они держат посты и ни за что не желают отстать от своего обычая»²⁶, — записал Скалон. Граф Н.П. Игнатьев, также сопровождавший великого князя в этой поездке, подтверждал, что румыны «очень представительны, хорошо одеты, высокий и красивый народ, по крайней мере, в тех частях, которые нам были показаны». И добавил, что командующий кавалерией на Софийском шоссе генерал-майор Ю.А. Лашкарев при этом жаловался, что регулярная румынская кавалерия (рошиоры. — *М. Ф.*) «(хуже каларашей** местных) удирает весьма скоро и не выдерживает гранат»²⁷.

28 августа продолжали действовать 11 батарей румынской артиллерии (а всего 66 орудий)²⁸. На одной из них волею случая

* В издании «Румыния в войне за независимость» указано, что румынским войскам было вручено 50 орденов св. Георгия // Румыния в войне за независимость. С. 167.

** Постоянные румынские войска состояли из восьми пехотных линейных полков двухбатальонного состава (по четыре роты в каждом), четырех батальонов егерей (стрелков), двух четырехэскадронных гусарских полков (рошиоры), трех эскадронов каларашей (конница в территориальной армии), четырех полков артиллерии шестибатареинного состава по шести орудий в батарее, инженерного батальона (четыре роты), санитарного и хозяйственного обоза. Доробанцы — румынская пехота, солдаты, отбывавшие воинскую повинность в территориальной армии в течение 6 лет. Рошиоры — элитные кавалерийские части румынской армии, регулярная легкая кавалерия, напоминающая гусар. Каларашы — территориальные кавалерийские формирования Румынии.

целый день провел майор А.В. Квитка*, который был прикомандирован к 34-му Донскому казачьему полку. Разыскивая свой полк, накануне он вошел в д. Гривица, где переночевал. Утром он направился в ту сторону, откуда вечером слышались выстрелы, так как хозяин-болгарин, у которого он останавливался на ночь, указал, что именно там были «москов-аскер» (т.е. русские солдаты). Однако, взобравшись на вершину кургана, русский офицер увидел недалеко желтую высокую насыпь укрепления, а за ней головы в фесках. Турки погнались за майором, и от неминуемого плена или смерти его спасли румыны-доробанцы: из траншей, расположенных рядом с батареей, они наблюдали за злоключениями офицера и в критический момент, спустившись в овраг, выстрелами остановили погоню. Майор Квитка познакомился с командиром румынской батареи майором Фалькояну, который руководил огнем двух дальнобойных орудий, выдвинутых в ту ночь «на расстоянии 800 м от грозного Абдул-Керима**», так называемого Гривицкого редута, о который разбивались наши штурмующие колонны 8 и 18 июля». Здесь находились еще четыре офицера и 30 нижних чинов артиллеристов, а также начальник пехотного прикрытия капитан Прунко. Офицеры говорили по-французски. Они радушно отнеслись к неожиданному русскому гостю и накормили его.

Квитка представил в своих воспоминаниях портреты румынских офицеров: «Фалькояну брюнет, лет 35. Его умные глаза глядели приветливо, он был покоен, говорил мало, но дельно и уверенно. Совсем иной тип представлял Прунко, небольшого роста, коренастый, седой старик, выдавший немало: он был в Мексике с Максимилианом***, дрался в рядах гарибальдийцев и в герильясах Дон Карлоса**** в Испании. Грудь его была украшена множе-

* Квитка Андрей Валерианович [1850–1922(?)], закончив Пажецкий корпус, в 1868 г. поступил корнетом в л.-гв. Конный полк. В 1874 г. штабс-ротмистр Квитка был назначен личным адъютантом к командующему войсками Харьковского военного округа с зачислением по армейской кавалерии майором.

** Квитка ошибся — Гривицкий редут № 1 турки никогда не называли Абдул-Керимом. Они его обозначали № 8 или Канлы-табия.

*** Максимилиан I, Фердинанд Максимилиан Иосиф фон Габсбург (1832–1867) — эрцгерцог австрийский, провозглашенный императором Мексики в 1864 г. и расстрелянный в 1867 г. победившими республиканцами в ходе 61-дневной обороны последнего императора Мексики.

**** Герильясы (гверильясы) — испанские народные партизаны. Дон Карлос Младший (1848–1909) — испанский инфант из династии Бурбонов, герцог Мадридский,

ством разнообразных орденов и медалей. Болтал он без умолку, рассказывал о своих довольно фантастических похождениях и частенько прикладывался к объемистой фляжке»²⁹. Другие румынские офицеры не вызвали в Квитке симпатии: они, «как и все румыны, при постороннем не могли воздержаться от пустого самохвальства». «Вскоре налетел на нас свинцовый ураган, который зажал и губы», — писал он. Турки начали интенсивно обстреливать батарею, которая так смело выдвинулась вперед. Один из офицеров заметил, что тут оставаться невозможно, что нужно откатить и увезти чудом уцелевшие орудия. «Батарея будет защищать себя сама, — ответил Фалькояну, — а я умру при своих орудиях, но отсюда не отойду ни на шаг». Прунко ушел, офицеры и нижние чины пали духом. Квитка, поначалу думавший продолжать поиски своего полка, посчитал неудобным покинуть батарею в такую минуту. Фалькояну несколько раз посылал полковнику Ангелеску донесения о бедственном положении батареи, оставшейся без прикрытия, без зарядов и без лошадей для отвода орудий. К 14 часам был получен ответ от Ангелеску: «Activez le feu!» (Усильте огонь!), и «только к трем часам дня на руках поднесли заряды, и молчавшие уже более двух часов пушки снова заговорили». Русские и румынские орудия были сосредоточены на артиллерийском обстреле Гривицкого редута № 1, откуда в 17 час., как заметил майор Квитка, стали спускать пушки и уходить колонны неприятеля к укрепленному лагерю. Русский офицер предложил удостовериться, действительно ли редут опустел. На разведку с ним отправились еще восемь человек. Квитка первым взобрался на замолкшее укрепление. «Ура!» — радостно крикнул он и махнул винтовкой. Его крик подхватили румыны, но тут за бруствером появились турки, при первых их выстрелах румыны побежали назад, и Квитка последовал за ними. В ложине маленький отряд встретил русскую роту стрелков, которая, дождавшись его, повернула обратно. На позициях перестрелка и бомбардировка стихли. Квитка простился с майором Фалькояну, искренне пожелав ему дальнейшего успеха. «В немного часов, проведенных с ним под огнем, я не мог

претендент на испанский и французский троны под именем *Карла VII*. Три восстания (1869, 1870, 1872 гг.), поднятые в его пользу, окончились неудачно.

не оценить высоких качеств его души»³⁰, — вспоминал русский офицер. Впоследствии, во время блокады Плевны, Квитка заходил в гости к майору Фалькояну, землянка которого на передовой линии была так хорошо устроена и убрана, что казалась русскому офицеру почти роскошным помещением. Майор сетовал, что из-за плохих отношений с командиром дивизии Ангелеску его единственного из офицеров всей батареи не представили к награде русским орденом³¹.

После четырехдневного артиллерийского обстрела укреплений Плевны военный совет, собравшийся 29 августа, решил их штурмовать, так как главнокомандующий великий князь Николай Николаевич был уверен, что «значение именно этого дня, торжественно справлявшегося во всей России, — 30 августа, именины государя императора, — поможет войскам преодолеть преграды и добиться цели — овладеть редутами. В таком именно смысле отнеслись к своим частям командующие генералы и предлагали им порадовать государя, подарить ему Плевну»³², — сообщал художник В.В. Верещагин, во время войны причисленный к составу адъютантов главнокомандующего Дунайской армией. В марксистской историографии, не признававшей «монархической» связи между народом и царем, приурочение штурма Плевны к именинам Александра II преподносилось как примитивное и подхалимское «желание во что бы то ни стало угодить императору»³³ или «выслужиться перед царем»³⁴.

Согласно диспозиции по Западному отряду на 30 августа, румынской армии предстояло атаковать Гривицкий редут. «Для действия этой атаке должна быть выдвинута» 1-я бригада 5-й пехотной дивизии IX армейского корпуса [командир генерал-майор Н.П. Родионов (1825–1897)] «с двумя 4-фунтовыми батареями от Гривицы с тем, чтобы прикрыть левый фланг румынской армии от всяких попыток неприятельских резервов. Два батальона этой бригады должны атаковать совместно с румынами северное укрепление с юго-западной стороны его»³⁵. В румынской армии имелось 42 батальона (по 600 чел. в батальоне) при 17 батареях, в 1-й бригаде 5-й пехотной дивизии, состоявшей из 17-го пехотного Архангелогородского полка и 18-го пехотного Вологодского полка, — 6 батальонов по 800 чел. в каждом, а всего примерно

30 тыс. чел.³⁶. Правда, для штурма Гривицкого редута румынский генерал А. Чернат выделил только 11 батальонов из 42³⁷. Генерал-лейтенант барон Н.П. Криднер (1811–1891), начальник IX корпуса, на основании диспозиции сделал необходимые распоряжения по войскам своего корпуса, в частности, предписал «двум батальонам Архангелогородского полка атаковать редут с юго-запада, а остальным четырем батальонам — прикрывать левый фланг атакующих от обхода турецкими резервами»³⁸.

В исследовании о русско-турецкой войне под редакцией генерал-майора С.П. Зыкова (СПб., 1881) отмечалось, что распоряжения относительно штурма Гривицкого редута были сделаны союзным командованием «с таким расчетом, чтобы наибольшая часть труда, а, следовательно, и чести, пришлось на долю румынских войск: румыны должны были атаковать, русские — только поддерживать их. Но вышло как раз наоборот»³⁹. Важно подчеркнуть, что, как правило, в исследованиях игнорируется это чрезвычайно важное обстоятельство, и диспозиция на 30 августа толкуется в том смысле, что румыны должны были атаковать Гривицкий редут с северо-востока, а с юга — вся 1-я бригада 5-й дивизии IX корпуса с двумя батареями⁴⁰.

Румынские войска подчинялись генералу Чернату, а у русской бригады, назначенной содействовать румынам, был свой командир — генерал-лейтенант барон Криднер. «Князь Карл, хотя и находился ближе к расположению своей 4-й дивизии, но, командуя всем Западным отрядом, скорее присутствовал на правом фланге, а не командовал им»⁴¹, — отмечал Паренсов. Командный пункт румынской армии размещался около главного резерва, на господствующей высоте у начала долины Буковлыка, откуда хорошо просматривался весь фронт действий 3-й и 4-й дивизий⁴², участвовавших в атаке.

Следует обратить внимание на немаловажное обстоятельство: «в высшей степени пересеченная местность», искусно используемая турками, скрывала расположение Гривицких редутов настолько, что с юга и востока был виден только редут № 1 (Канлы-табия), а с севера — редут № 2 (Баш-табия), да и то при подходе к нему на близкое расстояние. Оба редута были соединены траншеей в 400 шагов. Вследствие этого в штабе Западного

отряда полагали, что против с. Гривица находится один редут, который в диспозиции был назван «северным укреплением»⁴³. Румынское командование, производя в течение четырех дней рекогносцировки, получило о нем такое же представление, что и русское⁴⁴. И только в ходе сражения было сделано «неприятное открытие».

В начале XX в. Паренсов, скрупулезно исследуя сражение за Плевну, из обстоятельно написанного «Журнала» IX армейского корпуса выяснил, что уже ко второй Плевне, к 18 июля, оба турецких редута «сильной профили» были построены, и Архангелогородский и Вологодский полки атаковали их под руководством генерал-лейтенанта Ю.И. Шильдер-Шульднера (1816–1878), командира 5-й пехотной дивизии. «Разъяснение этого вопроса», почему о существовании второго редута командование Западного отряда не знало, «тонет в тумане 30 августа, которое покрывает многое из прошедшего вокруг Плевны в эти ужасные дни»⁴⁵, — писал Паренсов, так и не нашедший объяснения этому роковому обстоятельству.

30 августа штурм начался в 15 час. Первая колонна 3-й румынской дивизии, преодолев несколько высот, овладела траншеями и только тогда обнаружила, что перед ней не один, а два редута. Колонна 3-й дивизии очутилась перед редутотом № 2, а колонна 4-й дивизии шла брать редут № 1. Начальник 1-й колонны 3-й дивизии (четыре батальона) полковник Ипатеску (Ипэтеску) возглавил атаку, но попытки взобраться на бруствер были отбиты с потерями в 1200 чел. Румыны отступили⁴⁶. Авторы труда «Румыния в войне за независимость» и болгарский историк Г. Барболов приводят совершенно иные цифры: за 40-минутный бой румыны потеряли 26 офицеров и 683 низших чинов убитыми и ранеными⁴⁷. Зыков отмечал, что «румыны действительно были встречены таким градом пуль, которого румынские войска, видевшие в первый раз боевой огонь, не выдержали, смутились и начали отступать в порядке, а потом в разброде и, наконец, бегом, оставляя по дороге груды раненых и убитых»⁴⁸. Это пространство перед редутотом впоследствии получило название «Долины слез» или «Кровавой долины»⁴⁹. Вторая колонна 3-й дивизии (три батальона) полковника Граммона (А. Грамонта) «заблуди-

лась в тумане и пользы не принесла»⁵⁰. В румынской историографии высказывалось мнение, что если бы колонна Граммона и второй эшелон полковника Ипатеску предприняли новую атаку, то турки не выдержали бы и уступили редут⁵¹. Понеся потери и не получив подкреплений, 3-я румынская дивизия дальнейшего участия в бое не принимала.

Колонна 4-й дивизии под начальством командира 1-й бригады полковника Г. Баронеску (Г. Борэнеску) атаковала Гривицкий редут № 1 с востока, но также была вынуждена отойти с большими потерями за ту высоту, откуда начиналась атака. Начальник 4-й дивизии полковник Ангелеску послал князю Карлу донесение о ходе боя и просил поспешить с введением в дело войск, которые должны были атаковать редут с флангов. Карл, который со своего наблюдательного пункта у Гривицы мог видеть только редут № 1, а следовательно, только атаку 4-й дивизии, послал соответствующее приказание начальнику 3-й румынской дивизии и командиру русского IX корпуса. Генерал Чернат, лично наблюдавший за атакой 3-й дивизии, ответил, что эта дивизия уже произвела атаку и не может быть вторично введена в дело. Считая положение правого фланга после отступления 3-й дивизии опасным, генерал Чернат распорядился придвинуть ближе к этому флангу 14 батальонов резервной дивизии полковника Черкеза на тот случай, если бы противник перешел в наступление со стороны укреплений северного фронта⁵².

Паренсов удивлялся такому решению румынского генерала: в штурме участвовали только четыре батальона, в резерве находились 14 свежих батальонов и еще одна резервная дивизия полковника Черкеза в 14 батальонов. Кроме того, генерал Чернат считал, что «войска, раз введенные в бой, не могут его повторить». «На Зеленых горах было иначе»⁵³, — прокомментировал Паренсов, имея в виду действия русских войск под командованием генерал-майора М.Д. Скобелева.

Полковник А.И. Липинский, бывший командир 35-го пехотного Брянского полка, назначенный начальником штаба IX армейского корпуса, прибыл с Шипки к Плевне, к Царской горке, примерно в 15.30. «Беспрерывно приезжали и отъезжали с правого фланга, и особенно от румын, адъютанты и ординарцы. А им-

ператор, по-видимому, принимал особенное участие в штурме румынских войск, так как это был первый их опыт и они должны были штурмовать два редута за деревней Гривицей: один — самостоятельно, а другой — при помощи 1-й бригады 5-й дивизии»⁵⁴, — делился своими наблюдениями полковник. Художник В.В. Верещагин сообщил, какое действие произвело на князя Карла и его свиту, с особенным вниманием следивших «за своей стороной», донесение об отбитом штурме. Князь побледнел, пошатнулся, потребовал лошадь и ускакал с несколькими офицерами. О реакции Карла на возгласы — «румыны дрогнули», «румыны отступают», «румыны бегут» — также написал со слов очевидцев и военный корреспондент Вас.И. Немирович-Данченко, находившийся в тот момент в отряде Скобелева. Для румынского князя, по словам журналиста, «удар был неожиданным и жестоким. Молодая армия, на которую он затратил столько стараний и хлопот, в которую он вложил всю свою жизнь и душу, — бежит и бежит беспорядочно...» (этот пассаж был повторен в уже упоминавшемся сочинении под редакцией Зыкова)⁵⁵. А Верещагин преподнес данную ситуацию с иного ракурса: «“Что это он так перебудоражился?” — спросили оставшегося на кургане румынского полковника. “Очень просто, — хладнокровно, не отнимая бинокля от глаз, ответил он. — Прекрасно знает, что не усидит (на троне — М.Ф.), если его разобьют”»⁵⁶.

В 16 часов начальник 4-й дивизии полковник Ангелеску, не дождавшись поддержки, вторично повел свои войска в атаку, но и она была отбита, а румыны снова отступили за указанную высоту⁵⁷, отмечал в своем труде Вакареску. В «Журнале военных действий против Турции на Европейском театре войны», который вел полковник М.А. Газенкамф (1843–1913), зафиксировано, что в 15.50 русские войска подошли к Гривицкому редуту, и «во рву начался бой. Часть румынских войск вследствие сильного огня отошла и начала устраиваться»⁵⁸. Таким образом, поддержка русских была, но не столь значительна (всего два батальона согласно диспозиции), чтобы переломить ход боя, поэтому румыны ее и не заметили (или не пожелали заметить), что явствует из сочинения Вакареску и коллективной монографии «Румыния в войне за независимость».

С высоты, где находились командир IX армейского корпуса барон Криденер и его штаб, были хорошо видны действия румынских войск и движение русской бригады от Гривицы. Вот как описана эта атака в «Журнале военных действий IX армейского корпуса...»: «Молодые румынские войска, неискушенные еще в боях, двинувшиеся сначала стройными линиями, попав в район трехъярусного ружейного огня и, отчасти, флангового артиллерийского из укреплений Букова-Липа (ныне Буковлык. — М. Ф.), не выдержали, смешались и, несмотря на пример и ободрение своих офицеров (из коих несколько Генерального штаба пали, находясь впереди войск), отошли около 16:15 в полном расстройстве к Врбицкой дороге. Только передовой левофланговый эшелон (батальон или два) остановился в небольшой лощине, шагов 400 не доходя до редута»⁵⁹. Генерал-майор Родионов, видя такое положение дел и зная назначение бригады только поддержать румын, приостановил свои войска частью за бугром, частью в лощине, в шагах 300-х от редута. 3-я стрелковая рота архангелогородцев присоединилась к оставшимся после штурма румынам, которые лежали за небольшим курганом перед турецким редутом в относительной безопасности. Когда румыны заметили малочисленность прибывшего подкрепления, то они «хотели удрать», но прапорщик Билетов «начал с ними браниться и заставил их остаться»⁶⁰.

Штабс-ротмистру В.М. Вонлярлярскому, ординарцу главнокомандующего, рассказывали о весьма курьезном происшествии: «часа в 4 лихо подскочил к Царскому валику один румынский офицер, ловко соскочил с коня, подбежал к государю, снял кэпи и доложил: “Ваше величество, редут Гривица взят румынскими войсками,... но я не уверен”. На подобное комическое донесение государь не мог не улыбнуться»⁶¹.

В.В. Верещагин наблюдал за движением румын и «имел при этом случай еще раз убедиться в том, что официальные донесения обыкновенно не передают действительности». «Например, хорошо видно было, что румынские войска, кроме нескольких смельчаков, дошли лишь до рвов редута, в которых и засели; когда же навесной огонь стал выживать их оттуда, сначала одиночками, потом дружно, вместе, они побежали назад. В офици-

альном же донесении было сказано потом, что румыны ворвались в редут, но, встретив численное превосходство, принуждены были отступить»⁶².

Гривицкий редут № 1 представлял собой почти квадрат со стороны 150 м, оборудованный для круговой обороны. Внутри него находился крестообразный траверс*. Высота бруствера — семь футов (2,13 м), ширина — 4,27 м, внешний круговой ров глубиной 1,50 м и шириной 2,15 м⁶³, толщина — 14 футов. Глубина наружного рва около 5 футов, ширина его 7 футов. Перед редутом шла траншея. От деревни Гривица до редута было 750 сажень. Трилога** (лощины) отделяли расположение 1-й бригады от этого редута. Между вторым и третьим логами лежала значительная высота (гребень), почти на одном уровне с редутом. За этой высотой с крутыми скатами к югу можно было найти полное укрытие от выстрелов с Гривицких укреплений⁶⁴.

Около 16:30 русская бригада начала наступление. Ее появление возбудило в румынах боевой дух: «Не поддавайтесь назад, ребята; не то придут русские, возьмут редут, и будет нам стыдно»⁶⁵, — сообщалось в немецком переводе труда Вакареску (в русском переводе этой фразы не было). Румыны в третий раз атаковали редут, но также неудачно, как и первые два раза.

В 16:50 от барона Криденера вернулся поручик Скарятин и доложил главнокомандующему о том, что генерал Шильдер-Шульднер (т.е. полки 5-й пехотной дивизии, командиром которых тот являлся) занимал две возвышенности на расстоянии около 600 шагов от редута. «Дальше идти пока не может, потому что румыны плохо поддерживают: начнут наступать, а потом опять бегом назад»⁶⁶. Одновременно с поручиком Скарятиным прибыл к главнокомандующему штаб-ротмистр Муханов с сообщением от князя Карла, который лично поехал на правый фланг своих войск, чтобы «двинуть их вперед, так как они не подвигаются».

* Траверс — элемент открытых фортификационных сооружений (траншей, ходов сообщения и т. п.) в виде поперечного вала, который располагают на протяженных прямолинейных участках для прикрытия входов, защиты от рикошетов и т. п. Как правило, траверсы строят в виде выступов или в виде насыпей с целью защиты личного состава во внутреннем пространстве от поражения тыльным, продольным или навесным огнем.

** Лог — широкий, значительной длины овраг с отлогими склонами.

1-я бригада 5-й пехотной дивизии стоит и выжидает⁶⁷. В 16:55 великий князь получил телеграмму от князя Карла, которая подтверждала, что «румыны приостановились, но теперь снова двинулись вперед»⁶⁸.

В 17:15 румынские войска «в третий раз пошли в атаку на Гривицкий редут, из которого турки уже вывели артиллерию. Турки, завидев новую атаку, бросили боковые траншеи и все вбежали в редут»⁶⁹, — докладывал великому князю Николаю Николаевичу румынский флигель-адъютант полковник Гергель. (Указанное здесь время третьей атаки румын не совпадает с сообщением в труде Вакареску.) В 18:15 румынский полковник Липояно подтвердил, что третья атака румын и русских не удалась. «Румыны пытались обойти фланг турок, но те это вовремя заметили и отразили их огнем». В 18:40 прибыл сам князь Карл и сообщил, что русские и румынские войска «остались в виду редута. Потери огромные. Генерал-лейтенант Шильдер-Шульдер уже ввел в дело свой резерв»⁷⁰. Такова информация, доставленная главнокомандующему о третьей попытке румын атаковать Гривицкий редут.

Уже упоминавшийся майор Квитка желал участвовать в сражении, поэтому он как ординарец барона Криденера сумел получить приказ ехать в 1-ю бригаду. Шильдер-Шульдер дал ему разрешение направиться в 17-й Архангелогородский полк, чтобы оттуда следить за ходом боя. Командир полка Н.П. Шлиттер* позволил Квитке идти в авангарде, хотя и заметил, что там «пули летают». Майор объяснил нелюбезность полковника тем, что тот принял его за одного из штабных «фазанов», охочих до наград, но редко бывавших в «сфере ружейного огня». Квитка добрался до уже знакомого ему кургана, на вершине которого залегли

---

* Шлиттер Николай Петрович (1834–30.08.1877), из дворян Тифлисской губернии, начав службу юнкером в 1850 г., за отличия в сражениях во время Крымской войны 1853–1856 гг. и в делах против горцев был произведен в штабс-капитаны в 1858 г. и награжден орденом св. Георгия 4-й степени в 1859 г.; в 1865 г. за отличие при окончательном покорении Западного Кавказа пожалован орденом св. Станислава 2-й степени с мечами, через год повышен в майоры, в 1866 г. переведен в л.-гв. Преображенский полк капитаном, а через три года стал полковником. В 1874 г. Шлиттер состоял в свите императора. Во время русско-турецкой войны он находился при штабе главнокомандующего Дунайской армией, 15 июля был назначен командиром 17-го пехотного Архангелогородского полка вместо убитого под Плевной полковника И.И. Розенбома (1829–1877).

русские стрелки и открыли огонь по редуту. «Ниже их, по показости, обращенной в нашу сторону, в сравнительной безопасности лежали и сидели румынские доробанцы и стреляли вверх по невидимой цели, “ура” не смолкало». «Румынские офицеры стояли между своими солдатами и поощряли их кричать громче и чаще для того, чтобы турки, ожидая атаки, сами не переходили бы в наступление». Майор Квитка с трудом убедил их в том, что, «слыша “ура” всё на том же месте, неприятель догадался, что это не торжествующий вызов атакующих, а нелепый крик трусов, старающихся заглушить охватившее их чувство страха». «Как не похожи были эти люди на храбрых солдат Фалькояну. Каковы начальники, таковы и подчиненные»⁷¹, — констатировал майор.

Необходимо подчеркнуть, что Квитка отнюдь «не клеветал» на румын, и описанная им «методика ведения атаки» союзниками не его выдумка или литературное преувеличение. В рапорте командира 121-го пехотного Пензенского полка полковника Д.А. Конаржевского начальнику 31-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Н.Н. Вельяминову от 8 октября 1877 г. сообщаются любопытные подробности «решительного» штурма 7 октября Гривицкого редута № 2, произведенного 4-й румынской дивизией полковника Ангелеску. «Помощником ему был майор прусского Генерального штаба Лигниц, офицер выдающихся военных способностей и храбрости»⁷², — сообщал А.Н. Куропаткин. Следует сказать, что к 20 сентября румыны окончили постройку четвертой параллели траншей, отстоявшей от Гривицкого редута № 2 всего лишь на 100 шагов. «С такого расстояния, казалось, уже нетрудно было произвести атаку, тем более, что положение турецкого укрепления, расстреливаемого с трех сторон 48 румынскими орудиями, было очень тяжело»⁷³, — писал полковник Генерального штаба Е. Мартынов. Для того, чтобы отвлечь внимание неприятеля, накануне, 5–6 октября, были произведены несколько демонстративных атак.

7 октября Пензенский полк, получив приказ поддержать союзников в нужный момент, выдвинулся на позиции. В 12:45 началась атака. «Румыны добежали до рва турецкого редута без выстрела с турецкого редута. Правый фланг повернул кругом, а затем и вся штурмовая колонна, причем убыль их состояла

из 15 человек», — сообщалось в рапорте командира полка. Далее атаки не повторялись, но артиллерийская стрельба продолжалась до 14:45, причем турки сумели значительно повредить во многих местах Гривицкий редут № 1. Замеченные полковником Конаржевским колонны турок в ложине, позади турецкого редута, были по его указанию рассеяны меткими выстрелами русской артиллерии.

Румынский комендант редута уведомил русских, что в 18:00 штурм будет возобновлен, поэтому пензенцы остались на своих позициях. «В 18:15 началась атака: две румынские колонны вышли из траншей и бросились бегом к турецкому редуту; добежавши до рва и сделавши залп по туркам, там находящимся, левая колонна спрыгнула в ров, а правая повернула кругом и бежала обратно в траншею. После этого, несмотря на непрерывные сигналы к атаке, одиночные люди лишь выходили из траншей, чтобы пособить исчезнувшим во рву; огромная же масса румын, находящихся у выхода из траншей, кричала только “ура” и не двинулась с места. В 19:15 сигналы прекратились, а вслед за ними и стрельба». Правда, ночью периодически раздавались выстрелы: это турки стреляли по румынским санитарам, подбиравшим раненых.

Пензенскому полку пришлось остаться на своих местах, поскольку румынский комендант предупредил о вновь намечавшейся атаке или ночью, или с рассветом. С 2:30 утра началась сильная артиллерийская и ружейная стрельба, продолжавшаяся около 30 минут. Румыны заявили, что это было наступление турок. Пензенцы опровергли данное сообщение: турки не атаковали, а вылезли из траншей, чтобы добить раненых и снять с них одежду. После нескольких выстрелов мародеры убрались обратно. В течение двух суток, с 4 часов 6 октября и до 4 часов 8 октября, русский полк простоял на позициях бесценно, его убыль составила 11 раненых, потери у румын были значительны⁷⁴, констатировал полковник.

В «Журнале» IX армейского корпуса штурм румын описан так: «Румыны, собравшиеся за траншеями, в значительном числе бросились вперед. Пространство от их траншей до рва редута было шагов 70. Несмотря на энергию распорядителя майора

прусского Генерального штаба Лигница, румыны не выдержали встречного огня и повернули назад в траншеи, открыв оттуда сильную, но бесполезную перестрелку. По предположению майора Лигница, румынские отряды должны были наступать из своих траншей, прикрываясь накатываемыми турами*, которые предназначались для заброски рва; но операция эта оказалась неудачно выполненной: много туров оказалось разбросанными между траншеями и неприятельским рвом и только небольшая часть попала в ров. Атака румын повторена, однако, была вечером того же дня, но безуспешно. После этих усилий, стоивших немалых жертв румынским войскам, они, по-видимому, отказались от атаки открытой силой и решили перейти к минным работам. Несмотря на целесообразные распоряжения для штурма, оказалось, что румынские войска далеко еще не окрепли воинским духом для таких решительных действий»⁷⁵, — делал вывод автор «Журнала».

И еще одно, весьма важное дополнение к описаниям этого боя: ночью стали слышны стоны раненных румын, лежавших у турецкого редута. Румынский комендант, не найдя в своих войсках охотников пробраться к турецкому редуту и перенести раненных, отмечалось в «Журнале» IX армейского корпуса, обратился к русским ротам (11-й и 12-й Пензенского полка), занимавшим траншею перед Гривицким редутом № 1. Тотчас вызвались охотники: унтер-офицер Ефрем Налетов, ефрейтор Степан Муратов, рядовой Алексей Осетров, унтер-офицер Кирилл Анисимов и рядовой Яков Григоренко. Они сумели вынести двух раненных румын из-под турецкого редута, при этом один из «спасателей» был ранен. Все русские смельчаки были награждены именными Георгиевскими крестами⁷⁶. В советской историографии это спасение румын подается как яркий пример воинской взаимовыручки и помощи⁷⁷. Правда, в труде под редакцией И.И. Ростунова подвиг русских солдат ошибочно отнесен к 30 августа⁷⁸. Историки при этом «упускают», что из румынских войск, занимавших Гривицкий редут № 1, никто не решился подать помощь своим

* Тура (тур) в фортификации — кузов (плетёнка, корзина без дна), набитый землей (насыпaeмый землей или чем иным) и служащий для прикрытия людей, работающих при осаде и обороне крепостей, от пуль и орудий полевых войск.

соотечественникам и однополчанам. В коллективной монографии «Румыния в войне за независимость» такого сюжета вообще нет, хотя ради провозглашавшейся в то время советско-румынской дружбы можно было бы его поместить в ткань повествования.

Следует подчеркнуть, что неудачный штурм 7 октября Гривицкого редута № 2 представлен в сочинении Вакареску иначе: в результате внезапной вечерней атаки, по его утверждению, все турки во рву были переколоты, румыны выбили их и из редута. Но владели укреплением они недолго, так как турки получили значительное подкрепление, и румынам пришлось отступить. В этом бою они потеряли до 2000 чел.⁷⁹ Румынский автор «забыл» упомянуть, что в артподготовке, помимо 48 румынских орудий, участвовали 24 русские пушки и что румынская пехота действовала при активной поддержке русских войск. Авторы 5-го тома «Описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове» придерживались версии Вакареску, хотя в их распоряжении находился весь архивный материал по войне, а не только указанные нами опубликованные документы. Правда, русские военные историки включили в текст казус с полковником Ангелеску, который поспешил доложить князю Карлу, а тот — императору Александру II о победе (захвате редута), однако контратака турецких войск заставила румын вскоре очистить редут и возвратиться в свои траншеи⁸⁰. «Каково было наше разочарование, когда вслед за тем другая телеграмма Тотлебена* известила, что турки отняли опять редут у румын»⁸¹, — писал военный министр Милютин.

Волнлярлярский рассказывал, что во время его дежурства пришло донесение от князя Карла о том, что румыны взяли второй Гривицкий редут. Великий князь немедленно отправил своего ординарца с этим приятным известием к императору. Александр II, который сидел за чайным столиком вместе со своими сыновьями Сергеем и Павлом, был очень обрадован, велел поздравить главнокомандующего с успехом и приказал прислать подробные сведения, как только таковые будут получены от князя Карла.

* Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884) — генерал-адъютант, помощник начальника штаба Западного отряда, являлся действительным руководителем блокады Плевны.

Не успел Вонлярлярский вернуться, пришло донесение, что всё это была ошибка и Гривицкий редут не занят румынами. Пришлось ехать с докладом к царю. «Не без страха просил я о себе доложить». Александр II сидел уже один в халате и разбирал бумаги. «Что уже это значит? От чего такие противоречивые донесения?» — спросил он. Офицер отвечал, что «главнокомандующий передал буквально то, что получил от князя Карла, и что, вероятно, завтра будут более подробные сведения». Оказалось, что «храбрые наши союзники уже давно собирались сделать вылазку, чтобы овладеть этим редутом. Наконец, решившись на отважное дело, они бросились из своих траншей и, недолго думая, послали донесение, что заняли редут. На деле же, они повернули сейчас назад, но уже остановить ординарца не могли, и вот причина оказавшегося противоречия в донесениях»⁸², — прокомментировал ситуацию Вонлярлярский.

Сведения, которые полковник Газенкампф, состоявший в распоряжении главнокомандующего и ведший всё делопроизводство Дунайской армии, получил конфиденциально из штаба генерала Тотлебена и записал в своем дневнике, относятся к разряду секретных: «Добежав до редута, румыны в нем засели на целый час. Офицеры напрасно старались их заставить идти на приступ, а когда один из них застрелил самого непослушного из револьвера, то остальные солдаты тут же закололи не только его, но и еще двух офицеров, а затем бросились бежать, понеся, конечно, при этом большие потери от турецкого огня. Вот это бесконечное сиденье во рву и подало румынскому начальству повод думать, что редут взят. Поторопились сообщить князю Карлу, а тот поспешил телеграфировать великому князю о взятии редута»⁸³.

Следует отметить, что в историографии принята именно трактовка Вакареску этого неудавшегося сражения⁸⁴. В официальном донесении о штурме, напечатанном в газете «*Moniteur officiel de Roumanie*» («Официальный правительственный вестник Румынии») и опубликованном в переводе на русский язык в труде Куропаткина, сообщалось, что войска в ходе вечерней атаки в результате кровавой рукопашной схватки с турками овладели траншеей, прикрывавшей редут. Но их усилия взобраться по крутым скатам вала были напрасны, поэтому храбрые солдаты решили

обогнуть редут, чтобы ворваться в него через вход, но здесь были встречены убийственным огнем. Геройские усилия солдат были разбиты о численное превосходство неприятеля. В этом рапорте также не упоминалась поддержка со стороны русской артиллерии и русских полков. Куропаткин отметил стремление высшего румынского командования переложить ответственность за неудачу штурма на полковника Ангелеску, который был затем отстранен от должности⁸⁵.

Но вернемся в 30 августа 1877 г. на подступы к Гривицкому редуту № 1. Командир 14-го полка доробанцев полковник Фотия (А. Фотя) и командир батальона майор Кандиано Попеску (Ал. Кандиано-Попеску) сообщили, что от их полка, назначенного для штурма редута, дошли сюда только две роты, остальные четыре остановились у артиллерийской позиции и далее идти отказались⁸⁶, — писал Квитка. Румыны заявили, что если русские войска «не подойдут в скором времени», то «они отодвинутся назад», так как опасно находиться в столь близком расстоянии от неприятеля. Квитка, чтобы успокоить их, заверил, что русские колонны «сейчас покажутся». По словам майора, русские солдаты и офицеры «с презрением относились к этим трусливым крикунам». Со своей стороны, они считали атаку достаточно подготовленной артиллерийским огнем и «говорили, что совместно с батальоном Вологодского полка, расположенным левее, нужно идти на штурм, не дожидаясь остальных колонн»⁸⁷. Особенно настаивал на решительном штурме прапорщик Билетов⁸⁸. Квитка же полагал, что атаковать редут следует при введении в дело главных сил. Дважды посылались солдаты к полковнику Шлиттеру с донесениями, в которых говорилось о необходимости атаки (они не были опубликованы). А тем временем румыны стали поодиночке убегать назад. Попеску объявил, что он уходит, «так как это положение невыносимо». Майор Квитка попросил его подождать еще несколько минут⁸⁹.

Он и майор Кольчевский, командир батальона Вологодского полка, отправились к бригадному командиру генерал-майору Родионову⁹⁰, зафиксировано в «Журнале» 17-го Архангелогородского полка. В своих воспоминаниях Квитка писал, что по решению офицеров именно он был послан (и притом один) к полков-

нику Шлиттеру, а не к Родионову. Полковник не решился взять на себя ответственность за штурм укреплений, о которые уже два раза «разбивался» Архангелогородский полк*, тем более, что и в диспозиции речь шла только о поддержке румын, а не о самостоятельной атаке русских. Поэтому донесение было передано начальнику 5-й дивизии Шильдер-Шульднеру на его рассмотрение⁹¹, свидетельствовал Квитка.

Барон Криденер в полевой записке Шильдер-Шульднеру от 16:30 запрашивал о количестве войск, введенных в дело, о резерве и о том, «насколько помогают румыны и какие надежды ваши на успех овладения редутом»⁹². В 17:15 Шильдер-Шульднер отвечал, что русские батальоны находились значительно ближе к редуту, чем румыны, что о подробностях насчет румын он сообщит по получении сведений от генерала Родионова. Начальник 5-й дивизии спрашивал Криденера: «Если румыны в 6 час. вечера не решатся атаковать, то следует ли нам одним продолжать атаку сегодня?»⁹³. Начальник IX армейского корпуса «вполне основательно ответил, что решение этого вопроса предоставляется генералу Родионову, который, будучи на месте, может лучше судить о положении дела»⁹⁴. В полевой записке от 17:35 на имя Шильдер-Шульднера генерал-майор Родионов указывал, что передовые роты находились в 150 шагах от турецких ложементов. «Решаюсь сейчас атаковать»⁹⁵, — сообщал он.

Капитан Генерального штаба Биргер передал барону Криденеру полевую записку от 18:15, в которой сообщалось, что уже все резервы были введены в дело и даже артиллерия не имела прикрытия. Левый фланг со стороны Плевны ничем не прикрыт, поэтому надлежало испросить разрешение у главнокомандующего передвинуть 9-й пехотный Староингерманландский полк. «Румыны мало и даже совсем не содействуют атаке». Раненых очень много. Записка заканчивалась фразой «Успех атаки пока не известен»⁹⁶.

Распоряжения Родионова для штурма были следующие: «Архангелогородский полк атакует с фронта, один батальон вологодцев обходит редут и атакует его с тыла, и два батальона

* 17-й пехотный Архангелогородский полк участвовал в штурмах Плевны 8 и 18 июля и понес тяжелые потери в личном составе.

вологодцев обеспечивают движение батальонов слева и противодействуют турецким резервам, если бы последние были высланы на поддержку войск, занимавших редут»⁹⁷. Родионов выждал, пока все войска сосредоточатся в последней ложине перед редутом. В 18:00 по команде «вперед» все двинулись разом на штурм «без крика»⁹⁸. Паренсов, анализируя этот бой, восхищался высоким профессионализмом Родионова, его замечательным умением владеть массой, руководить и вести сражение⁹⁹.

Квитка, наделенный не только бесстрашием, но и литературным талантом, так описал эту удивительную атаку: «Солдаты поднялись, стали медленно восходить на гребень, поддаваясь вправо, пригнув головы, как бы откладывая еще на мгновение необходимость вступить под огонь страшного редута. Вдруг опять разразилась стихшая на минуту гроза, орудийная и ружейная пальба слились в один общий гул — чудовищный рев ада, вооружившегося для защиты избранного клочка земли. Наши дрогнули, одни попятились назад, масса колыхнулась влево, не решаясь идти вперед. В это мгновение Шлиттер шагнул к редуту, и все двинулись за ним»¹⁰⁰. Паренсов писал, что полковник Шлиттер был «огромного, выдающегося роста, очень крепкого сложения, весьма внушительной наружности, уже украшенный Георгием за отличие на Кавказе. Даже в Преображенском полку он выделялся своей фигурой. Можно себе представить, каким гигантом выглядывал он среди маленьких армейцев». Бросок Шлиттера напомнил Паренсову древнерусский богатырский эпос: «Одно движение — и целый подвиг!»¹⁰¹

Военный корреспондент Немирович-Данченко весьма литературно изобразил начало атаки. Русские якобы не знали, что делать, отступать или нет. В этот момент поднялся командир Архангелогородского полка флигель-адъютант Шлиттер: «Я кавказский офицер... У нас приказывали брать и брали и не такие позиции... Ребята, за мной!» Он первым выскочил на бруствер редута, был смертельно ранен и умер через два дня¹⁰². Слова полковника Шлиттера и его подвиг в интерпретации Немировича-Данченко запечатлены в труде под редакцией Зыкова, а также в работе болгарских историков Г. Георгиева и В. Топалова¹⁰³. На наш взгляд, указанное обращение полковника Шлиттера к солдатам — худо-

жественный вымысел, поскольку во время атаки, когда буквально секунды решают быть или не быть победе, пафосные речи не произносятся, да их и не услышат!

Квитка крикнул румынам: «Вперед!», но только успел слышать, что ответил ему «вдогонку Попеску: “Погодите, еще рано”. Они остались на прежнем месте, за прикрытием отлогости оврага». «...Мы бежали вперед, не замечая тех, что спотыкались и ложились сзади скорченными трупами. Одним из первых пал Шлиттер, пала большая часть офицеров, но теперь могучий, стихийный порыв не мог уже быть остановлен никем. Бежавшие рядом со мной останавливались, вступали в борьбу с турками, засевающими в волчьи ямы, но никому до них не было дела, все бежали вперед и вперед изо всех сил...». «...Бежали мы должно быть не более минуты, но этот короткий промежуток времени длился столько, сколько может длиться время для падающего с высоты. В начале мы окунулись в свинцовый вихрь, как бросаются в холодную воду, потом нас охватил чад, порыв, стремление вперед, и это стремление было так сильно, что могло быть остановлено только истощением или смертью»¹⁰⁴.

Квитка «боялся опоздать ко взятию редута»: он прыгнул в ров, где шел бой, стал карабкаться по его скользкому и мокрому склону, солдаты помогли ему руками и прикладами. В два прыжка майор очутился против дула орудия, с третьим прыжком опрокинул турецкого солдата. Офицерская шашка свистнула по протянутой руке турка, и она повисла на сукне мундира. Тут Квитка заметил, что в редуте он один, а к нему со всех сторон устремились турки. Ужас охватил его. «Отмахиваясь шашкой, — пишет он, — я вскочил на пушку, как ступень, чтобы сквозь амбразуру выбраться назад к своим, и при этом крикнул что было мочи: “Сюда, братцы, сюда, выручайте”». Солдаты уже влезали в укрепление. «В этот миг что-то ударило меня в грудь, и я упал под орудие». Когда Квитка пришел в себя, его окружали свои, русские. Майор был ранен, с трудом стоял на ногах, поэтому его посадили на пушку, «и в таком положении, — продолжал он, — застали меня румыны, ворвавшиеся в редут, как будто брали его с боя, тогда как наши давно прошли через него и дрались теперь у следующего укрепления». С румынами вошел в редут и рот-

мистр Хвостов, ординарец барона Криденера. Генерал Родионов поручил ему развернуть и воздвигнуть на валу румынское знамя, поскольку русские знамена были в чехлах, «да притом понесены далее». Требовалось безотлагательно показать русским батареям, что редут взят, так как они продолжали стрелять по нему и наносили «чувствительные потери» своим войскам. «Факт поднятия над редутом, взятым русскими войсками, румынского флага был выставлен румынами как доказательство, что они, а не русские овладели им», — указывал майор Квитка. «Тяжелые складки знамени медленно развернулись под напором ветра при торжествующих ликованиях и залпах румын. Попеску скомандовал беспорядочной толпе “на караул” и крикнул “Vive l’Empereur Alexandre, s’est aujourd’hui sa fête!” (Да здравствует император Александр, сегодня его именины!)» «Эта любезность относилась к нам», — отметил Квитка. «Трудно поверить, до чего может дойти самохвальство румына: Попеску донес начальству, что редутом овладели с боя румыны и что он первый в него вошел». Он, «впрочем, не отвергал, что в редуте уже находился русский майор, сидевший на турецкой пушке». Благодаря этому рассказу, полагал Квитка, «в иностранных, а затем и в русских иллюстрациях» появилась картинка, на которой он был изображен сидящим на пушке и рубящим окружавших его турок¹⁰⁵. Паренсов подтвердил, что в Бухаресте, в каком-то заграничном иллюстрированном журнале, он действительно видел изображение майора верхом на пушке¹⁰⁶.

Согласно донесению флигель-адъютанта полковника С.Д. Чингиза, прибывшего к главнокомандующему в 20:05, первым было установлено и распущено над редутом знамя Архангелогородского полка, затем — знамя Вологодского полка и одно румынское¹⁰⁷.

Военный корреспондент В.В. Крестовский представил иной вариант появления знамен над Гривицким редутом: знаменосец 1-го батальона Архангелогородского полка водрузил знамя, упакованное в чехол, на южном фасе редута. Батальонный командир приказал снять чехол и переместить распущенное знамя на западный фас, обращенный к туркам. Вскоре после этого рядом с первым были установлены еще два знамени: Вологодского полка и румынских егерей 2-го батальона, а вслед затем турки

были выбиты штыками и из ближайших ложементов¹⁰⁸. Авторы труда «Румыния в войне за независимость» отметили, что на завоеванном редуте водрузили знамена 14-го полка доробанцев и 2-го егерского батальона», а о русских знаменах умолчали¹⁰⁹.

Квитка явился свидетелем и дальнейших действий румын, которые не устремились вслед за русскими батальонами в следующие турецкие укрепления. «Румыны начали неистово колоть турецкие трупы штыками, стрелять в ямы, во все углубления вала, где могли скрываться турки, что грозило опасностью взрыва пороховых погребов», — писал русский офицер. Несколько человек редифа, не успевших бежать, «попрятались в блиндированных нишах. Они молили о пощаде, бросали румынам сахар, табак, деньги, но у трусов не бывает великодушия: все турки пали под десятками выстрелов». «Новые румынские войска вступали в редут одни за другими, и каждый раз повторялись сцены жестокого самоуправства; нередко румыны стреляли по своим, думая, что имеют дело с неприятелем»¹¹⁰.

При изучении документов и литературы о сражении за Гривицкий редут № 1 возникают вопросы, на которые мы пока не нашли однозначных ответов. Так, в источниках имеют место несколько вариантов сведений о том, как было захвачено турецкое знамя (или два знамени). Из воспоминаний Квитки следует, что он, сидя на пушке и наблюдая за доробанцами, увидел, как кучка румын набросилась на что-то, лежавшее в грязи у его ног, «и вновь грянуло “ура”»: то было турецкое знамя, затоптанное нашими солдатами». Впоследствии майор читал в газете «Orient», издававшейся в Бухаресте, что это знамя было «вырвано из рук турецкого знаменщика майором Попеску, который первый вошел на вал»¹¹¹.

Крестовский сообщил, что в числе трофеев было два знамени. Одно добыли «люди Архангелогородского полка», другое — румынский егерь Грегор Иован вместе с сержантом Никою Ионом и капралом Никою Васили¹¹². В сочинении под редакцией Зыкова приведен следующий рассказ. Русские завладели двумя знаменами. Одно из них дали держать русскому унтер-офицеру, знаменосцу. Но затем пришли несколько румын, которые попытались отнять это знамя. Произошла свалка, и в ней сильно пострадал

унтер-офицер, которому всё же удалось удержать в своих руках древко от знамени. Правда, румынам потом отдали и древко, которое они торжественно преподнесли князю Карлу¹¹³.

В «Журнале» IX армейского корпуса записано, что в Гривицком редуте № 1 было взято 5 орудий и «редутный значок (т.е. флажок. — М. Ф.), который... валялся на земле в редуте и был случайно отыскан уже утром 31 августа»¹¹⁴.

В историографии XX века также нет единогласия. Румынский историк Д. Бериндей утверждал, что солдат Григоре Ион захватил зеленый оттоманский штандарт¹¹⁵. Болгарский историк Ц. Генев писал, что рядовому 2-го румынского егерского полка Григоре Иону Алукаю удалось захватить турецкое знамя¹¹⁶. В сочинении «Румыния в войне за независимость» указывалось, что «в этом бою солдат Ион Григоре, сержант Георге Стан и капрал Василе Ника — все из 2-го егерского батальона — захватили османское боевое знамя»¹¹⁷.

Следует отметить, что в разных официальных документах содержатся разные сведения о трофеях: две, три или пять пушек, одно или два знамени. Так, в рапорте начальника 5-й пехотной дивизии Шильдер-Шульднера командиру IX армейского корпуса от 3 сентября, который лег в основу рапорта барона Криденера начальнику Западного отряда Зотову от 6 сентября, в «Описании действий 1-й бригады 5-й пехотной дивизии», подписанном Криденером, указывается, что в качестве трофеев русским войскам достались три пушки и одно знамя¹¹⁸. Эти данные имеются в работах П. Паренсова, Г. Георгиева и В. Топалова¹¹⁹. О том, что «в редуте отбито у турок 5 орудий и 2 знамени: одно из них румынами», доложил главнокомандующему флигель-адъютант Чингиз со слов раненного генерал-майора Родионова¹²⁰. Генерал-майор А.П. Струков, адъютант главнокомандующего, посланный великим князем с проверкой сразу же после прибытия полковника Чингиза, вернулся в 22:30 и подтвердил справедливость известия о взятии редута 1-й бригадой 5-й пехотной дивизии и одним румынским батальоном, а также о захвате двух знамен и трех пушек¹²¹. Из полевой записки начальника штаба IX корпуса полковника Липинского генерал-лейтенанту Шильдер-Шульднеру от 31 августа узнаем, что главнокомандующий приказал вывезти

из редута пять турецких орудий. Рекомендовалось исполнить это, при наступлении сумерек, артиллерийскими лошадьми¹²². Начальник Западного отряда генерал-лейтенант П.Д. Зотов в своем дневнике отметил, что в Гривицком редуте взяли пять орудий и два знамени, что было указано и в его отчете — «Описание боя войск Западного отряда под Плевной с 26 по 31 августа включительно», приложенное к рапорту начальнику полевого штаба Дунайской армии генерал-адъютанту А.А. Непокойчицкому от 9 октября¹²³. Эти же сведения приводятся в книге лейтенанта артиллерии румынской армии П. Вассилиу¹²⁴. Вакареску писал, что турки оставили в редуте пять орудий и знамя¹²⁵. Любопытно, что авторы 5-го тома «Описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг.», подвергли сомнению сообщение Вакареску о пяти орудиях, подчеркнув, что перед штурмом, согласно данным турецких авторов, в редуте было всего два орудия. «Откуда и когда были подвезены остальные — из турецких источников не видно»¹²⁶.

В «Журнале» IX армейского корпуса рассматривался вопрос о том, кто первым вошел в редут. «Из-за совершенных сумерек это было сложно установить», — подчеркивалось в «Журнале». «Да притом первые, вероятно, легли мертвыми, но можно без преувеличения сказать, что кроме распорядительности генерала Родионова и его личного примера, все офицеры, особенно третьих батальонов и подошедших вновь за ними вторых батальонов, личным их участием помогли взятию редута непосредственно». При этом назывались фамилии поручика Федоровича и штаб-капитана Орлова, командиров третьих стрелковых рот Архангелогородского и Вологодского полков, роты которых с самого начала всё время были впереди. С передовыми линиями вступили в редут и ординарцы командира IX корпуса майор Квитка и ротмистр Хвостов¹²⁷.

Однако для прессы нужны были сильные эмоции и яркие образы героев. Слава первого воина, вскочившего на бруствер Гривицкого редута, в корреспонденции Крестовского заслуженно досталась полковнику Шлиттеру. Рядом с ним оказался румынский офицер, его знакомый, который отправился на штурм волонтером, но его имя не было известно журналисту. Храбрый румын едва прыгнул в редут, как «был в куски изрублен ятаганами».

Одновременно со Шлиттером ворвались в редут майор Квитка и ротмистр Хвостов¹²⁸. Эти сведения были повторены в сочинении под редакцией Зыкова¹²⁹. А в труде болгарских историков Георгиева и Топалова неизвестный румынский офицер, принявший страшную смерть, был ошибочно назван А. Попеску¹³⁰. О майоре Попеску, изрубленном в куски, сообщила и болгарский историк Е. Пенкова¹³¹. Ф.В. Грин (1850–1921), военный атташе при посольстве США в Санкт-Петербурге и при русской армии во время войны, считал, что на небольшом расстоянии от бруствера были убиты командир 17-го полка и командир румынской бригады¹³².

Вас.И. Немирович-Данченко также написал, что первыми на бруствер редута взойшли полковник Шлиттер, майор Квитка, ротмистр Хвостов и румынский майор А. Попеску, только последнего, в отличие от коллеги по перу Крестовского, корреспондент «оставил в живых» и сообщил интересные детали его биографии, которые подтверждаются и в современных информационных базах. Александру Кандиано-Попеску (1841–1901), командир 2-го батальона румынских стрелков, являлся членом парламента Румынии и доктором прав, лидером (президентом) самопровозглашенного государственного образования в Плоешти — Республика Плоешти, просуществовавшего одни сутки — с 8 на 9 августа 1870 г. Выступление было подавлено, но суд оправдал Попеску и его сторонников. «Это энергический и красивый, хотя коротковатый и словно обожженный на солнце брюнет. Теперь его в Бухаресте на руках носят. Оно и понятно — он герой дня. Он в этот день спас честь румынской армии и недаром заслужил Георгия (4-й степени. — *М. Ф.*), который теперь и носит на груди — чуть ли не первый из всех румынских военных»¹³³, — писал Немирович-Данченко. Крестовский отмечал, что Попеску, занимаясь в мирные дни адвокатурой, перед войной поступил в армию по реквизиции и был назначен командовать батальоном только утром 30 августа¹³⁴. Русским журналистам не было известно, что в 1859 г. Попеску закончил военную артиллерийскую школу в чине подпоручика.

Французский журналист маркиз ван дё Вёстин дё Грамме дё Вард, бывший капитан артиллерии, отмечал, что в нем возродилась уверенность в победе, как только русские 17-й и 18-й пол-

ки вступили в сражение за Гривицкий редут: «они не вернутся с пустыми руками», и успех будет «как в Никополе», за штурмом которого он сам наблюдал. И маркиз не ошибся — под крики «ура!» укрепление было захвачено. «Румынский младший лейтенант установил флаг на редуте и поднялся на него одним из первых»¹³⁵. Французский военный историк Жан-Амедей Ле Фор описал штурм Гривицкого редута 1-й бригадой 5-й дивизии, в результате которого в 19:15 редут вместе с пятью крупновскими орудиями и двумя знаменами был во власти русских. Ле Фор заметил, что одновременно с русскими в редут вошли румыны — батальон 16-го полка доробанцев — и захватили штандарт¹³⁶. Д. Бериндей утверждал, что во главе румынских войск, взявших редут, особенно отличились командир Александру Кандиано-Попеску и капитан Мойсе Гроза¹³⁷.

Однако с очищением редута от турок относительная безопасность нахождения в нем была вскоре нарушена турецкими батареями, которые, находясь на Гривицком редуте № 2, «с удивительной меткостью» начали обстреливать захваченное укрепление. «Как трусливое стадо баранов разбежались румыны при взрыве гранат и толпились подальше в углах. И все наши солдаты, которые искали укрытия сзади атакующих колонн, были теперь здесь, я гнал их вон в свои части»¹³⁸, — свидетельствовал майор Квитка. От обильной потери крови он почувствовал слабость, а поскольку санитаров не было видно, то «с наступлением темноты» отправился на перевязочный пункт самостоятельно вместе с раненым в ногу солдатом.

В конце октября Квитка вернулся в Гривицу продолжать службу при штабе IX корпуса, хотя его рана еще не зажила. 5 ноября адъютант румынского князя Карла Бларамберг вручил русскому офицеру золотую медаль «*Virtute militara*»* («Военной доблести»), подчеркнув, что его высочество жалует Квитке эту медаль за подвиг при штурме Гривицкого редута и в память того, что он сражался в рядах с румынами. Квитка не скрывал, что ему

* «*Virtute militara*» — медаль, учрежденная 8 апреля 1872 г. румынским князем Карлом, имела две степени: 1-я степень (золотая) присуждалась офицерам, 2-я степень (серебряная) — унтер-офицерам и нижним чинам. С 1877 по 1916 гг. эта награда была высшей боевой наградой за личный подвиг для всех военнослужащих румынской армии, и носить ее полагалось перед всеми орденами и медалями.

было «лестно получить эту награду, но обидно, что иностранный принц оценил» его «раньше русского начальства». Правда, майор не смог удержаться, чтобы не «подпустить шпильку», добавив, что эта медаль «*Virtute militara*» имелась и для нижних чинов — серебряная или бронзовая, русские солдаты прозвали ее «верблюд на гитаре*»¹³⁹. 7 ноября Квитка отправился в Порадим, чтобы поблагодарить Карла за пожалованную награду. Румынский князь принял русского майора «очень ласково, пожал ему руку. И на его любезность Квитка ответил, что для него «была большая честь удостоиться награды румынского князя, который является первым солдатом своей армии, и заслужить эту награду, сражаясь в рядах его доблестных солдат». «Я грешил против истины, но что же делать — нельзя же не ответить любезностью на такое лестное внимание симпатичного государя»¹⁴⁰, — писал Квитка. Румынский князь долго беседовал с русским офицером о сражениях под Плевной в конце августа, расспрашивая о его участии в них. Разумеется, Квитка умолчал о том, «как бежало прикрытие Фалькояну и как мало принимали участие румыны в штурме Гривицкого редута». При прощании Карл заметил, что медаль «*Virtute militara*» имела в Румынии то же значение, что Георгиевский крест в России. Квитка расценил слова румынского князя как намек на то, что он, приехав благодарить за пожалованную награду, должен был надеть румынскую медаль выше своего ордена Владимира, тогда как майор «ее навесил ниже, как полагается иностранному ордену»¹⁴¹.

И вновь обращаем наше внимание на Гривицкий редут 30 августа. Командир Вологодского полка полковник С. В. Рыкачев (1829–1899) после его захвата с двумя батальонами двинулся против турецких подкреплений, спешивших на помощь своим из расположенного к северо-западу от редута лагеря. Вологодцы ворвались в этот лагерь, но взять его не смогли и отступили к Гривицкому редуту № 1, на котором уже в 19:30 развеивались русское и румынское знамена. Генерал-майор Родионов был ранен, и в командование бригадой вступил полковник Рыкачев¹⁴². В 20:00 в редуте было «до крайности тесно, там подобрался почти весь

* Известно, что русские солдаты переделывали иностранные названия и слова на свой лад.

Архангелогородский полк; были и вологодцы, преимущественно 1-го батальона. У юго-восточного угла редута оказалась группа румынских солдат, человек 100, из батальона Попеску (румыны заявили, что их было 200 человек)»¹⁴³, записано в «Журнале» IX армейского корпуса. По распоряжению полковника Рыкачева из редута были выведены лишние войска, а также приступили к выносу раненых и уборке мертвых тел.

Штурмы Гривицкого редута 30 августа дорого обошлись и румынам, и русским. 4-я румынская дивизия потеряла убитыми и ранеными 27 офицеров и 1300 нижних чинов. Общие же потери румын в тот день были следующие: 56 офицеров и 2500 нижних чинов, что «по отношению к наличной численности введенных в дело войск составляет 24%»¹⁴⁴. 1-я бригада 5-й пехотной дивизии потеряла убитыми и ранеными: «одного генерала, 21 штаб- и обер-офицера и 1012 нижних чинов, что при наличной численности (5000 человек) составляет около 22%». Эти сведения содержатся в «Описании русско-турецкой войны...»¹⁴⁵.

Паренсов вступил в полемику с румынским автором лейтенантом артиллерии Вассилиу, который утверждал, что именно пехотная бригада полковника Кантилли отбила Гривицкий редут у турок, а генерал Родионов со своей бригадой опоздал, и со стороны русских в штурме участвовали только две роты¹⁴⁶. Ссылаясь на сведения военно-исторической комиссии о том, что 30 августа русские батальоны насчитывали 750 человек, Паренсов указывал, что в двух ротах было 375 человек, а потери 1-й бригады далеко превышали эту цифру. Следовательно, по его словам, румынский автор «разошелся не только с исторической истиной, но и с арифметической»¹⁴⁷.

Капитан «германской службы» Тило Лебрехт фон Трота, сочинение которого было переведено на русский язык сразу же по выходе из печати в 1878 г., отмечал, что «потери со стороны румын, состоящие из 36 офицеров и 2500 рядовых убитыми и ранеными, служат ясным доказательством храбрости и неустрашимости, с которой эта юная армия выдержала здесь крещение огнем». Но «тактическое решение атаки должно было, впрочем, последовать только при наступлении с юга русской бригады»¹⁴⁸.

Генерал-лейтенант Криденер, получив около 21:00 известие о взятии редута, приказал Шильдер-Шульднеру удерживать его. Присланная Криденером саперная рота вырыла траншею для удобного сообщения с редутом из Гривицкой ложины, а также возвела два барбета* для установки орудий, т.е. за ночь приспособили редут к обороне. Главнокомандующий просил князя Карла «приказать ввести в редут артиллерию в течение ночи». По неизвестным причинам это приказание не было исполнено¹⁴⁹. Турки, трижды безуспешно пытавшиеся ночью отбить редут, утром 31 августа, после артиллерийской подготовки, пошли на его штурм. Русские полки (Архангелогородский, Вологодский и подошедшие батальоны Староингерманладского) «ровными и спокойными залпами из редута и рвов» остановили густые колонны турок в 200 шагах от редута, и после получасового жестокого огня с обеих сторон турецкие цепи, несмотря на сигналы к атаке и крики «Алла!», дрогнули и бросились назад. Подоспевшая артиллерия (4-я батарея 5-й артиллерийской бригады и 1-я батарея 3-й артиллерийской бригады), осыпая турок шрапнелью, окончательно обратила их в бегство. Затем турки открыли сильный артиллерийский огонь по Гривицкому редуту № 1, который стал стихать только к 14 час.¹⁵⁰. В 12:00 помощник начальника полевого штаба Дунайской армии генерал-майор К.В. Левицкий (1835–1890), вернувшийся от Гривицкого редута, передал главнокомандующему заявление барона Криденера о том, что он совсем не рассчитывает на содействие румын. В 14:20 флигель-адъютант ротмистр барон Унгерн-Штернберг сообщил великому князю, что в Гривицком редуте и в траншеях около него по-прежнему стоит вся 1-я бригада 5-й пехотной дивизии¹⁵¹.

Известно, что 30 августа начальник 4-й румынской дивизии полковник А. Ангелеску в 21:00 послал защитникам редута в качестве подкрепления полк доробанцев из бригады полковника Баронеску с батареей, но из-за темноты, пересеченности местности, а также нарытых впереди редута ложементов и траншей эти

---

* Барбёт (фр. barbette) — защитное сооружение вокруг артиллерийского орудия в виде насыпной площадки, прикрытой бруствером, для размещения орудий.

части подошли к нему только на рассвете¹⁵². Доробанцы не приняли участия в утреннем отражении атаки турок. В «Журнале» IX армейского корпуса записано, что около 11:00 для того, чтобы отвлечь внимание неприятеля от редута, куда должны были быть доставлены два дальнобойные румынские орудия, по распоряжению полковника Ангелеску, на позицию левее редута лихо въехала румынская дальнобойная батарея и четырьмя орудиями открыла меткий огонь по укрепленному турецкому лагерю. Турки немедленно осыпали ее картечными гранатами с фронта и левого фланга из турецких редутов № 4 и № 5, и румыны были вынуждены отойти с большими потерями¹⁵³.

В книге «Румыния в войне за независимость» сообщалось, что именно румынские командиры приняли срочные меры по организации обороны завоеванного редута, именно румыны отбили три ночные атаки турок, им же принадлежит заслуга отражения утреннего наступления турок на редут, но румынское командование не развило успеха, и войска не преследовали противника до Гривицкого редута № 2, хотя для этого имелись достаточные силы¹⁵⁴.

В труде под редакцией И.И. Ростунова не без порицания подчеркнуто, что союзные войска, захватив Гривицкий редут, не развили успеха, и это позволило туркам принять меры к усилению обороны на этом направлении. В качестве доказательства приводится запись в дневнике военного министра Д.А. Милютина от 31 августа¹⁵⁵: «Гривицкий редут оставался за нами; но турки успели возвести против него новые укрепления, тогда как наши, засев в редут, во весь день ничего не сделали, чтобы прочно в нем утвердиться, и даже не ввели в него артиллерии»¹⁵⁶. Этот пассаж из дневника, на наш взгляд, ясно показывает, что Милютин был плохо информирован об этом эпизоде боевых действий, отданных приказах и возможности их исполнения, поскольку в тот день ему нездоровилось и он «держался в стороне, поодаль»¹⁵⁷. Кроме того, здесь явно проглядывает его неприязнь к великому князю Николаю Николаевичу и его штабу.

31 августа главнокомандующий приказал передать Гривицкий редут румынам, но князь Карл выразил желание, чтобы в нем была оставлена часть русских войск, вследствие чего там оста-

лись две роты Архангелогородского полка, которые комендант, румынский штаб-офицер, назначенный генералом Чернатом, «поместил в ров редута, обращенный на соседний, северный»¹⁵⁸, т.е. Гривицкий редут № 2, находившийся в 250 саженьях от редута № 1. Разумеется, этих сведений нет в труде «Румыния в войне за независимость». Болгарский историк Барболов ошибался во многих, весьма существенных деталях, утверждая, что 30 августа, по договоренности с бароном Криднером, редут был предоставлен румынам и по их просьбе в нем расположились две роты архангелогородцев, что ночью сюда были доставлены орудия, и ночные атаки турок были отбиты русскими и румынами, бившимися плечо к плечу, и что молодая румынская армия получила боевое крещение и признание в зрелости¹⁵⁹.

Весьма примечательна полевая записка начальника артиллерии IX армейского корпуса генерал-майора Д.Д. Похитонова (1824–1889) генерал-лейтенанту Шильдер-Шульднеру от 31 августа, в которой сообщалось, что четыре 4-фунтовые орудия вверенной ему артиллерии могут быть поставлены в Гривицком редуте лишь в том случае, если «гарнизон его будут составлять наши войска». Начальник артиллерии Дунайской армии генерал-адъютант князь Н.Ф. Массальский (1812–1880) не соглашался на постановку этих орудий при занятии редута румынами — им предлагалось установить в редуте свои орудия¹⁶⁰. Куропаткин, сообщая о действиях русского командования осенью 1877 г., подчеркивал, что «недоверие к румынским войскам после штурма возросло у генерала Зотова еще в сильнейшей степени, и в своих расчетах он точно игнорировал 40 румынских батальонов»¹⁶¹. Ему вторил подполковник Генерального штаба А.К. Пузыревский, почти дословно повторив констатацию Куропаткина: недоверие к румынским войскам «после штурма возросло до такой степени, что их никто почти из русских военачальников не принимал в расчетах взаимных сил»¹⁶².

Шильдер-Шульднер в полевой записке полковнику Ангелеску от 31 августа просил «прислать четыре или лучше шесть легких орудий сегодня вечером и приказать им стать в редуте осторожно. Стрелять — только при атаке турок на редут»¹⁶³. Румынские орудия (4 шт.) смогли завезти на Гривицкий редут

только в ночь на 1 сентября, когда прекратился артиллерийский обстрел. Туда же вошли и два румынских батальона, сменив уставших архангелогородцев. Вечером 31 августа из Гривицкого редута были вывезены турецкие орудия, а турецкий редутный значок был оставлен румынам¹⁶⁴, констатировалось в «Журнале» IX армейского корпуса.

Военный корреспондент Крестовский рассказал об одной торжественной церемонии, имевшей место вечером 31 августа. Главнокомандующему в присутствии князя Карла было представлено турецкое знамя, взятое в Гривицком редуте румынским егерем Грегором Иованом. «Великий князь приказал повергнуть взятое знамя к ногам князя Карла, причем конвойные казаки и роты Староингерманландского батальона прокричали троекратное “ура”». Князь Карл, в ответ на эту любезность, заметил, что “таковая почестъ должна быть воздана не ему, а самому великому князю, как главнокомандующему соединенными армиями, и прибавил, что если он не предупредил подобным действием великого князя, то единственно потому, что это еще первое знамя, которое берет у неприятеля молодая румынская армия, а поэтому понятно, что ей не был еще знаком военный обычай, как поступать в таких случаях с неприятельскими трофеями”. Отказываясь от почести и заметив еще раз, что она по всем правам принадлежит князю Карлу, главнокомандующий выразил полную уверенность, что это первое знамя далеко не будет последним в числе трофеев румынской армии. Румынские солдаты, взявшие знамя, были же награждены знаками отличия военного ордена»¹⁶⁵. Любопытно, что офицер лейб-гвардии казачьего полка С.П. Полешкин, бывший свидетелем этого военного ритуала, в своих воспоминаниях не стал трудиться над его описанием, а просто воспроизвел почти дословно рассказ Крестовского, впрочем, без ссылки на его автора¹⁶⁶.

2 сентября три турецких орудия¹⁶⁷, захваченных при штурме Гривицкого редута, «по воле императора» были переданы «князю Карлу Румынскому в виду участия его войск (хотя и неудачно-го)»¹⁶⁸, — не без иронии подчеркнуто в «Журнале» IX армейского корпуса. Полковник Газенкампф, один из самых осведомленных авторов, заявлял, что «государь по личной просьбе князя Карла

подарил румынам взятые нашими войсками пушки и одно знамя: теперь румыны хвастаются, что они взяли эти трофеи сами»¹⁶⁹.

Румынская ставка за подписью князя Карла издала приказ от 5 (17) сентября, в котором однозначно утверждалось, что именно румыны захватили Гривицкий редут: «Воины! В бою 30 августа вы доказали, что прадедовская доблесть сохранилась в рядах румынских служилых людей. Под самым ужасным огнем противника вы мужественно, презирая ее, шли навстречу смерти, захватили редут, одно знамя и три орудия. Страна будет признательна вам за вашу преданность и самоотверженность..., хотя мы и понесли значительные потери, хотя я и оплакиваю вместе с вами гибель храбрых товарищей по оружию, павших на поле брани, но пролитая кровь не пропадет даром, она породит величие и независимость отчизны...»¹⁷⁰. Карл приказал отправить «захваченные трофеи» в Бухарест: «Знамя будет сдано в арсенал до окончательного выбора места хранения наших трофеев»¹⁷¹. «А два из захваченных у неприятеля орудия расположить по обеим сторонам памятника Михаю Храброму*. Таким образом, величественная тень славного воеводы будет видеть, что румынские воины и по сей день остались достойными сынами героев битвы под Кэлугэрени. Третье орудие установить перед большим княжеским караульным корпусом**, чтобы оно вечно служило нашей доблестной армии славным, достойным подражания примером»¹⁷².

Этот подарок Александра II (о чем румыны старались не упоминать или, напротив, заявляли, что именно румыны овладели тремя пушками в захваченном ими редуте¹⁷³) имел огромное значение для самоутверждения и поднятия духа румын, а также для славы и роста популярности румынского князя: в Бухаресте по этому случаю устроили «парад войскам для торжественного вступления орудий». «Улицы разукрасились флагами и гирляндами», «смотреть на такое торжество вышел весь Бухарест», «окна

* Михай Храбрый (Михаил Храбрый, Михаил воевода, Михай-ага) — господарь Валахии (1593–1601 гг.). 23 августа 1595 г. Михай Храбрый в ожесточенном бою разбил большое турецкое войско в болотистой и лесистой местности у д. Кэлугэрени, между Джурджу и Бухарестом.

** «Третье орудие будет поставлено перед главным корпусом казарм гвардии». См.: Куропаткин А. Блокада Плевны // ВС. 1886. № 9. С. 46–47.

и балконы были наполнены зрителями и зрительницами, а толпы ликующего и восторженного народа загрохотали улицы, оставляя свободной только небольшую дорожку для торжественного шествия»¹⁷⁴, — свидетельствовал Паренсов. Эти орудия простояли в Бухаресте вплоть до его оккупации немецкими войсками (с 6.12.1916 г. по 17.11.1918 г.) во время Первой мировой войны. Турки, союзники по Тройственному союзу, вывезли свои орудия, «после чего их след был потерян»¹⁷⁵. А знамя и поныне хранится в Центральном военном музее в Бухаресте¹⁷⁶.

Как мы видим из приказа Карла от 5 сентября 1877 г., захват Гривицкого редута преподносился на официальном уровне как успех именно румынского оружия. Высшее командование без стеснения полностью «присвоило» лавры победителей, поскольку Александр II и главнокомандующий Дунайской армией инициировали подобное искажение исторической действительности. Генерал Чернат информировал румынского премьер-министра И.К. Брэтиану: «Особенно отличился 14-й полк доробанцев. Именно он ворвался первым в редут; мы по праву можем гордиться тем, что стали проявлять себя перед Европой, и все могут убедиться в том, что румыны — это героическая нация»¹⁷⁷. Газеты широко прославляли победу доблестных румынских войск, этому способствовала и наглядная пропаганда. Полковник Н.Е. Бранденбург, заведующий Артиллерийским историческим музеем в Санкт-Петербурге, 2 октября приехавший в Бухарест из-под Плевны, констатировал, что в окнах магазинов столицы Румынии «мелькали» лубочные картинки, изображавшие подвиги румын под Плевной, в первую очередь, взятие Гривицкого редута № 1. «Русских, разумеется, на картинке нет, одни румыны, окруженные огненным вихрем, лезут на редут, и во главе их со знаменем в руках — Попеску!»

Надо заметить, что иллюстрации, помещенные в книге «Румыния в войне за независимость» [«Штурм Гривицы», «Захват румынскими воинами османского боевого знамени» — Центральный военный музей, Бухарест; Овладение 30 августа (11 сентября) 1877 г. редутом Гривица № 1 — Канлы-табия], подтверждают сведения Бранденбурга, поскольку и на них не изображен ни один русский солдат. Правда, это уже далеко не лубочные картин-

ки. Бранденбург не сомневался, что Попеску — «человек храбрый и энергичный», однако при этом полковник добавлял: «...но что и насколько сами румыны виноваты во взятии редута — известно также! Во всяком случае нельзя не подчеркнуть того обстоятельства, что румынского храбреца в Бухаресте носили чуть не на руках, а у нас павших с ним рядом русских офицеров мало кто даже знает!»¹⁷⁸

Полковник Газенкампф писал о румынах: «Будучи беззастенчивыми хвастунами, они разблаговестили по всей Европе (которая, из недоброжелательства к нам, охотно им поверила), что не наши, а румынские войска взяли 30 августа Гривицкий редут, тогда как на самом деле все они отстали, и только небольшая часть батальона майора Попеску ворвалась в редут вместе с нашими войсками»¹⁷⁹.

Спешившая на Балканы русская гвардия наблюдала это ликование в Румынии, о чем повели в впоследствии многие офицеры. Офицер л.-гв. Преображенского полка А.А. Берс (1844–1921) указывал, что передача Гривицкого редута в распоряжение румын для занятия в нем караула послужила «поводом к хвастливым разглашениям в Бухаресте, что будто бы Гривица была взята румынами, а турецкие орудия, подаренные румынам и привезенные ими в Бухарест, окончательно вскрыжили им головы»¹⁸⁰.

Подпоручик л.-гв. Павловского полка Н.Н. Путилов констатировал, что в то время «румыны были опьянены победой — взятием Гривицкого редута, который они приписывали исключительно своим войскам. Они кричали об этом на всех перекрестках, писали об этом невероятные вещи в своих журналах и, чтобы еще рельефнее выставить эту воображаемую храбрость своих новых войск, унижали и втоптывали в грязь наших солдат, крича об их трусости»¹⁸¹. Путилов рассказывал, что чем дальше гвардейские полки продвигались от границы в глубь Румынии, «тем чаще стали попадаться эти проявления безумной радости и тем чаще и тем грубее были формы, в которые были облечены эти проявления. В самохвалении румын неподражаем. Всё у себя он видит в блестящем виде, всем он хвастает перед нами, русскими — варварами. Он возносит себя над нами, чванится своими великими предками, и не утомимо толкует о своем родстве с Ев-

ропой, и никоим образом не допускает в нас ни образования, ни развития». Путилов описал характер румын, с которыми он беседовал: румын «горд, напыщен, когда чувствует свою силу; слаб, малодушен, принижен и услужлив, когда он вас боится». Офицеры гвардии с удивлением и негодованием слушали речи, в которых их собеседники «в своем увлечении» утверждали, что «могущественная Румыния объявила туркам войну в союзе с не менее могущественной Россией. Не румыны к нам приданы, а мы к ним», что они «призваны, чтобы играть роль и со временем займут первенствующее положение в Европе»¹⁸². Русских офицеров поначалу оскорбляли подобные заявления, а затем они стали отвечать презрительным смехом, поскольку убедить собеседников в обратном было просто невозможно.

Вас.И. Немирович-Данченко посетил редут через несколько дней после сражения 30 августа. Румынские солдаты приветствовали корреспондента и его спутников «русским здравствуй». Офицер, «румын парижской отделки», стал рассказывать историю взятия Гривицкого редута, в которой, «к крайнему нашему удивлению, действующими лицами оказались вовсе не Архангелогородский и Вологодский полки, а именно батальоны румын, опоздавшие к бою». «Мы молча выслушали это»¹⁸³, — сообщил о реакции своей и других русских посетителей Немирович-Данченко.

А вот П.М. Гудим-Левкович, кавалерийский офицер, ординарец при генерал-лейтенанте П.Д. Зотове, не молчал. В своих воспоминаниях, в отличие от военных корреспондентов, он писал, что турки были выбиты из Гривицкого редута «нашей бригадой, румыны же подоспели позже, то есть тогда, когда этот редут перешел окончательно в наши руки». «Тем не менее, по свойственному нам великодушию или же по политическим соображениям, честь этого дела была всецело приписана румынам, и даже четыре крупновские пушки большого калибра, бывшие в редуте, были отданы румынам в виде трофея. Все мы очень хорошо знали это, иные из нас негодовали, а другие, более хладнокровные, только улыбались». Гудим-Левкович сообщил о своем разговоре с начальником штаба румынской армии, с которым он сидел рядом за обедом у князя Карла спустя несколько дней. Русский

офицер и прежде встречался с румынским, а тут он решил прямо спросить соседа об этом инциденте: «Скажите, пожалуйста, мой генерал, каким образом случилось, что ваши войска опоздали к штурму Гривицкого редута?» Неожиданность вопроса, заданного «с таким видом, как бы речь шла о факте общеизвестном», застала румына врасплох, и он ответил: «Наши войска были по ошибке направлены не на так называемый Гривицкий редут, а на соседнее с ним небольшое укрепление, потерпев при этом значительные потери. Когда же ошибка была замечена, то поспевать за вашими было уже поздно»¹⁸⁴.

Вероятно, князь Карл, несмотря на всячески пропагандируемую официальную версию о взятии Гривицкого редута румынами, чувствовал необходимость доказать храбрость своих солдат. Уже 31 августа, при вручении ему знамени, он объявил, что «после ознакомления его войск 30 августа с расположением редутов, румынские войска на днях возьмут штурмом соседний с Гривицким редут»¹⁸⁵.

Тем временем, 3 сентября князь Карл приезжал к русскому императору и поднес ему вновь установленный орден «Звезды Румынии»*, который был принят Александром II к «великому удовольствию румын». Князь Карл получил орден св. Георгия 3-й степени и был чрезвычайно счастлив¹⁸⁶, сообщил полковник Скалон. Генерал Чернат тоже был «украшен» св. Георгием 4-й степени — «“для поощрения”, как выразился великий князь»¹⁸⁷.

Турки не могли смириться с тем, что они потеряли Гривицкий редут № 1, так как это значительно ослабляло оборону северо-восточного фронта их позиций, поэтому из соседнего, Гривицкого редута № 2 периодически организовывались атаки. Так, 1 сентября в 22:30 после массированной артподготовки их наступление, рассчитанное на неожиданность, было отбито, главным образом, усилиями русских рот, размещенных во рву редута, и войсками IX корпуса. «Участие румын при отражении атаки было ни-

---

* Орден Звезды Румынии (рум. *Ordinul Steaua României*) — высшая государственная награда Румынии. Он был учрежден в 1864 г. князем А. Кузой в шести степенях: Большой Крест, Крест I класса, Большой Офицерский Крест, Командорский Крест, Офицерский и Рыцарский Кресты. Дворцовый переворот в 1866 г. не позволил А. Кузе соблюсти все формальности при его создании. Князь Карл своим высочайшим декретом от 11.08.1877 г. «вторично» учредил орден уже в пяти степенях (исчез Крест I класса).

чтожным по недоразумению», — констатировалось в «Журнале» IX корпуса. Дело в том, что нападение турок совпало по времени со сменой румынских войск в редуте (они сменялись ежедневно): после первых выстрелов турецкой цепи и усиленного обстрела редута шрапнелью большая часть румынских рот, находившихся в редуте, начала выходить оттуда, несмотря на старания русских и румынских офицеров «воспрепятствовать этому несвоевременному выступлению». После того, как штурм турок был отбит, в редут вошли два свежих румынских батальона. Потери русских: двое убитых и двое раненных нижних чинов; у румын — один убитый и трое раненых¹⁸⁸. Так точно эта атака была описана и в труде А. Куропаткина «Блокада Плевны»¹⁸⁹.

Атаки турок безуспешно повторялись и в следующие дни (2 и 3 сентября). 4 сентября около 23:00 с соседнего редута они предприняли вылазку на румын, занимавшихся аппрошными* работами. Тотчас же были присланы три роты из резерва 121-го Пензенского полка** в распоряжение румынского коменданта, который выдвинул их за румынскую траншею. Турки, увидев русских, сразу ретировались. Румынский комендант возвратил в полк одну роту пензенцев, а две другие оставил во рву перед редутком. Командир Пензенского полка потребовал от румына письменного заявления, но комендант от этого уклонился, и только через два дня генерал Чернат лично заявил барону Криденеру о желании князя Карла, чтобы в Гривицком редуте постоянно находились две русские роты (сначала от Пензенского полка, затем от Вологодского)¹⁹⁰.

«Служба во рву была весьма трудная: весь почти день перестрелка, а ночью отбитие турецких вылазок, нападавших довольно часто на аппрошные румынские работы»¹⁹¹, — констатировалось в «Журнале военных действий IX корпуса». 11 сентября в штаб IX корпуса пришло письмо от полковника Ангелеску,

* Апроши (фр. *approche*) — зигзагообразные траншеи, с насыпью по краю, облегчающие приближение к осажденному городу.

** 4 сентября 1-я бригада 31-й пехотной дивизии (Пензенский и Тамбовский пехотные полки) сменила 1-ю бригаду 5-й пехотной дивизии, т.е. Архангелогородский и Вологодский полки, которые бесценно находились в первой линии в течение 10 дней, приняли участие в штурме Плевны, потеряв свыше 1000 человек. Эти полки были отведены на отдых в резерв к Гривице.

в котором он заявлял о необходимости постоянного пребывания двух русских рот в Гривицком редуте¹⁹². «Горячее желание союзников видеть у себя в редуте русские штыки формулировалось, впрочем, довольно громкой фразой — “слияние обеих армий!” Такие похвальные чувства принимались, однако, зоилами* наших военных кружков почему-то с лукавыми улыбками... Зоилы, видимо, не доверяли вышине идеи “слияния” и видели тут что-то другое... Тем не менее, стремление к этому “слиянию” со стороны румын выражалось и позже, когда им одним пришлось остаться обладателями Гривицкого редута», — свидетельствовал полковник Н.Е. Бранденбург и добавлял не без иронии: «Две роты имели связать с нами воедино целый корпус румын, в рядах которого насчитывалось до 40000!»¹⁹³

Следует отметить, что 18 сентября командир 121-го пехотного Пензенского полка полковник Конаржевский подал начальнику 1-й бригады 31-й пехотной дивизии генерал-майору С.Д. Белокопытову (1822–1889) рапорт, в котором обращал внимание на тяжелое положение рот, занимавших в редуте самый опасный (обращенный к неприятелю) и наихудший участок с точки зрения безопасности и санитарно-гигиенических условий: ров прикрывал человека немного более половины, а вырыть его глубже было нельзя, так как в нем закопаны были почти у самой поверхности трупы. Расширить ров и насыпать новый гласис** было очень опасно, поэтому требовалось поставить туры и мешки с землей, чтобы солдаты и офицеры могли стоять, а не сгибаться или почти ползти. Необходимо было позаботиться и об устройстве безопасного нужного места (туалета). Полковник подчеркивал, что румыны ничего не предприняли и не предпринимают для устранения этих недостатков¹⁹⁴. Запись в дневнике генерал-лейтенанта Зотова от 21 сентября сообщает о дальнейшем ходе этого дела. Белокопытов поставил в известность Зотова и главнокомандующего о том, что «румыны обращаются самым безжалостным

* Зоил (др.-греч. Ζωῖλος) — оратор, греческий философ (киник), литературный критик IV–III вв. до н.э., родом из Амфиополя (Фракия). Зоил — нарицательное имя критика завистливого, язвительного и мелочного.

** Гласис — пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости; ее возводили с целью улучшения условий обстрела впереди лежащей местности, маскировки и защиты укрепления.

и бесцеремонным образом с двумя ротами, ассигнованными им в Гривицкий редут для поддержания их храбрости». «Траншеи эти так мелки, что люди всё время должны сидеть скорчившись. В две недели эти роты, переменяющиеся ежедневно, потеряли уже 2 офицеров и 81 нижних чинов. Сами же румыны стоят в резерве, в редуте». Главнокомандующий оставил это заявление без внимания. Зотов прокомментировал подобную ситуацию следующим замечанием: «Мы всё рыцарствуем, снисходим ко всем, а потому с нами все и позволяют себе делать, что хотят. Ведь это оскорбительно»¹⁹⁵. Роты продолжали нести свою нелегкую службу «для подачи бодрости румынам», «да оно и вернее для сохранения редута»¹⁹⁶, подчеркивал начальник 31-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Н.Н. Вельяминов в записке начальнику штаба IX армейского корпуса от 3 октября. Необходимо заметить, что поблизости от редута находились достаточные силы румынской резервной дивизии, переименованной 9 сентября во 2-ю пехотную дивизию¹⁹⁷.

Вечером 5 сентября командир IX армейского корпуса барон Криденер получил записку генерал-лейтенанта Зотова о том, что 6 сентября в 13:30 румынские войска будут штурмовать Гривицкий редут № 2. Главнокомандующий желал, чтобы русские войска оказали румынам всевозможное содействие: осадная и полевые батареи должны открыть огонь по укрепленному лагерю турок с утра и особенно его усилить к 13:00, а в 13:30 пехота должна сделать демонстрацию против этого лагеря с южной стороны редута. «И вообще быть готовым поддержать румын в случае неблагоприятного для них оборота дел»¹⁹⁸.

Военный историк полковник Генерального штаба Мартынов отмечал, что намеченная атака румын прямо противоречила принятому на военном совете 1 сентября общему плану действий, т.е. стратегической обороне до подхода гвардии. Князь Карл понимал, что «взятие одного турецкого укрепления не может привести к падению Плевны, но он считал этот частный успех необходимым для того, чтобы поднять дух своей молодой армии»¹⁹⁹.

6 сентября с утра было пасмурно, и густой туман едва рассеялся к 9 час., когда артиллерия начала обстрел и сумела зажечь пожар в турецком лагере (в 12 час.). Ровно в 13:30 румынские вой-

ска (6 батальонов пехоты 4-й дивизии) двинулись к Гривицкому редуту № 2 по устроенной к нему широкой траншее, из которой движение продолжалось траншеями, направленными к турецкому редуту. 1-я бригада 31-й пехотной дивизии быстро заняла позиции с левого фланга. «Атака румынских войск велась неудачно, несмотря на бойкость передовых частей»²⁰⁰. Румынский комендант прислал к генерал-лейтенанту Вельяминову унтер-офицера с известием, что наступление отбито и что комендант просит прислать в редут русский батальон сверх двух рот, постоянно находившихся в укреплении. В дневнике 31-й пехотной дивизии зафиксировано, что в 16 час. от коменданта пришел переводчик и сообщил, что комендант просил одним батальоном полка атаковать турецкий редут с левого фланга, в то время как румыны атакуют его с правого. Командир 1-й бригады 31-й пехотной дивизии генерал-майор Белокопытов потребовал от румынского коменданта письменно изложить просьбу. Получив таковую, Белокопытов приказал 1-му батальону Пензенского полка двинуться на Гривицкий редут № 2 с левого фланга. Не доходя до ложементов шагов сто, батальон был встречен сильнейшим артиллерийским огнем — около 100 картечных гранат разорвалось над ними. Румыны, находящиеся в ложементах, испугавшись этого огня, разбежались. Батальон по приказанию командира полка лег, ожидая сигнала к атаке, но ее отменили²⁰¹.

В «Журнале» IX армейского корпуса отмечалось, что начальник штаба этого корпуса генерал-майор Липинский, прежде чем посылать в наступление колонны 31-й дивизии, отправился к генералу Чернату, который сообщил, что «румынские войска сегодня штурмовать более не будут». Румынские офицеры «называли их неудачный штурм усиленной рекогносцировкой и объясняли, что настоящий штурм будет в непродолжительном времени». Румыны потеряли более 300 солдат и до 20 офицеров. «Общее сожаление вызывали убитые три офицера румынского Генерального штаба, шедшие впереди с охотниками»²⁰², — заканчивал рассказ о румынском штурме автор «Журнала» IX армейского корпуса.

В тот день Архангелогородский полк стоял в резерве за румынами под огнем (из строя выбыло 8 человек), но в наступление не переходил, «потому что румыны хотели доказать, что они одни

могут взять редут, но это им не удалось, они были отбиты»²⁰³, — прокомментировано в «Журнале военных действий и походов 17-го Архангелогородского полка». «Атака была ведена вообще крайне слабо, хотя повторялась четыре раза. По желанию князя Карла, предполагавшего повторить атаку с наступлением сумерек, русские войска остались в боевом порядке до 19 час., угрожая атакой. Но предположенная атака румын произведена не была»²⁰⁴, — констатировал полковник Газенкампф в «Журнале военных действий против Турции...». Потери русских составили 66 человек убитыми и ранеными²⁰⁵. Начальник Западного отряда Зотов записал в своем дневнике: «Собственно штурм никакого не было, румыны перебегали из задних траншей в передние, открывали из них огонь по турецким траншеям и убегали назад. Вся потеря, в сущности, наполовину против показанной, произошла во время этих перебежек и в резервах, которые поражались турецкими гранатами»²⁰⁶.

Разумеется, таких сведений мы не найдем в упоминавшемся выше сочинении Вакареску, где штурм 6 сентября Гривицкого редута № 2 представлен вполне героически: румыны в результате ожесточенной рукопашной схватки очистили ров от турок, несколько раз пытались взойти на бруствер, но убийственный огонь заставлял их отступить. В 17 час. бой прекратился, румыны потеряли 20 офицеров и 575 нижних чинов убитыми и ранеными²⁰⁷. И вновь автор ни словом не обмолвился о том, что артподготовка велась не только румынской артиллерией, но и русской, и что выступившие на позиции русские полки оттянули на себя часть турецких войск. С упорным постоянством Вакареску отвергал или не замечал действенную поддержку русских войск при всех неудавшихся штурмах румынами редута! Авторы труда «Румыния в войне за независимость» точно следовали примеру коллеги из XIX века — не сообщили ни о просьбе румынского командования, чтобы русские войска поддерживали их атаку, ни о самой поддержке²⁰⁸. Следует обратить внимание на то, что многие русские дореволюционные военные историки описывали атаку румын 6 сентября, беря за основу труд Вакареску, а не журналы военных действий русских частей, например, IX армейского корпуса или Архангелогородского полка²⁰⁹.

П.М. Гудим-Левкович, в свою очередь, вспоминал: «Наши союзники румыны в течение первых двух недель сидения под Плевной два или три раза собирались атаковать турецкий редут, расположенный напротив занятого ими (?) Гривицкого редута, назначались даже дни атаки, но дело всё как-то не ладилось». Однажды (Гудим-Левкович не указал число) князь Карл пригласил русских офицеров к обеду с тем, чтобы позднее присутствовать при штурме Гривицкого редута № 2. «Перед закатом солнца румынские войска были придвинуты к месту атаки, часть же наших войск заняла гребень соседней горы для поддержания румын, если в этом окажется надобность. Произошло, однако, нечто крайне забавное: румыны спустились в балку, отделявшую один редут от другого, заняли там пустовавшую траншею и пролежали в ней до наступления ночи и под кровом благодатной тьмы вернулись обратно. Пресловутый штурм этим и ограничился»²¹⁰.

Надо сказать, что румыны предприняли несколько подобных атак на Гривицкий редут № 2 (например, 7 октября, о чем сообщалось выше) и всё с тем же постоянным «успехом». «Редуту этому, вероятно, не суждено перейти в их руки, а то-то было бы хвастовства и ликований в Бухаресте!»²¹¹ — писал полковник Бранденбург.

Куропаткин утверждал, что «число защитников в Гривицком редуте № 2 не могло быть значительным, вероятно, не более двух батальонов». Хотя турки укрепляли этот редут, но «его профили были не особенно сильные», и «взятие этого редута открытой силой при тех благоприятных нападающим условиях, в которых вели атаку румыны, не представляет особенно сложной, трудной и редко встречающейся в боевых хрониках задачи. Но, несомненно, то, что для выполнения подобной задачи необходимы были не многочисленные числом, но отборные по качеству войска», — подчеркивал военный историк. «В молодой румынской армии не было недостатка в храбрецах и даже в отборных частях», но их атака вовремя не поддерживалась главными частями войск и, отступая, они увлекали за собой даже те части, которые еще не участвовали в бою²¹². Спустя годы, анализируя обстановку под Плевной, Куропаткин утверждал: «Нет сомнения, что, включи генерал Тотлебен взятие Гривицкого редута № 2 в свои соображе-

ния и помощи румынам войсками IX корпуса, редут был бы взят и вместе с тем обеспечивались бы и все выгоды овладения нами остальными редутами северного фронта турок»²¹³.

Следует подчеркнуть, что Александр II был весьма невысокого мнения о румынских войсках. Военный министр Милютин сообщил, что ночью 30 октября он пришел по вызову царя и застал того на балконе, «слушающего с беспокойством сильную пальбу со стороны Плевны, не только артиллерийскую, но и ружейную. Государя преследовала мысль, что турки сделают вылазку против румын, на стойкость которых нельзя слишком полагаться»²¹⁴.

В ночь на 28 ноября турецкий гарнизон скрытно покинул Гривицкий редут № 2, куда с рассветом вошли румыны и две роты Пензенского полка. 28 ноября после ожесточенного сражения с гренадерским корпусом у р. Вид Осман-паша и его войска сдались, Плевна пала.

Таким образом, представленный нами материал из многочисленных опубликованных источников убедительно свидетельствует о том, что 30 августа Гривицкий редут № 1 с боя захватили именно русские полки — Архангелогородский и Вологодский, что румынские батальоны, несмотря на значительные потери, не смогли в тот день выполнить поставленной перед ними задачи, что предпринятые затем (в сентябре и октябре) попытки румын «самостоятельно» (хотя и при существенной поддержке русских войск артиллерийским огнем и внушительными демонстрациями) овладеть Гривицким редутом № 2 не увенчались успехом.

Из документов также следует, что князь Карл отдавал себе отчет в том, что румынским батальонам не удержать Гривицкий редут № 1. Именно на русские роты, приданные румынам по его просьбе и размещенные румынским комендантом в самом опасном месте — траншеях перед редутом, легла основная тяжесть отражения турецких атак. При этом румынские офицеры, сберегая румынских солдат, явно не дорожили союзниками, чему в немалой степени способствовало попустительство со стороны высшего русского командования. Какое же это русско-румынское боевое содружество?!

Итак, на основании выявленных в источниках доказательств можно с уверенностью констатировать, что главнокомандующий великий князь Николай Николаевич сознательно подарил победу — захват русскими войсками Гривицкого редута № 1 — румынскому князю Карлу, вероятно, исходя из политических и дипломатических соображений, но главным образом, на наш взгляд, из стремления поддержать престиж румынского князя в его армии и государстве с целью упрочения княжеских властных позиций. Дар Александра II — турецкие орудия — был сделан из тех же резонансов. Не следует забывать, что князь Карл, урожденный принц Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген, представитель католической швабской ветви рода Гогенцоллернов, стал монархом Румынии в результате дворцового переворота и низложения в 1866 г. Александра Иона Кузы. Нестабильность положения князя Карла провоцировалась многими факторами, в том числе и неприязнью некоторых влиятельных боярских семей к иностранцу, ставшему во главе государства. В 1871 г., в связи с антидинастическими выступлениями в Румынии, ему пришлось даже поставить ультиматум перед Национальным собранием: либо будет положен конец беспорядкам, либо он отречется от престола.

В нашем исследовании приведена лишь небольшая, хотя и значимая часть распоряжений русского командования во время русско-турецкой войны, из которых следует, что русский генералитет достаточно низко оценивал боевые качества пехоты «молодого румынского войска», не проявившей надлежащей стойкости и мужества в сражениях, не имевшей или еще не приобретшей понимания и чувства взаимовыручки — казус с отказом румын вынести с поля боя раненных однополчан весьма показателен. Лишь румынская артиллерия, по оценкам русских военных, действовала достойно и с высоким профессионализмом.

Дореволюционные военные историки при описании действий румынской армии вполне доверяли сочинению Вакареску, поэтому в их трудах отразилась его версия. Многие болгарские ученые второй половины XX в. при изложении событий 30 августа 1877 г. и последующего участия румынской армии в русско-турецкой войне ссылались на соответствующие компетентные дореволюционные издания («Описание русско-турецкой

войны...», монографии Паренсова, Мартынова и др.), а также широко привлекали исследования румынских ученых. Румынская версия продолжала, таким образом, закрепляться в историографии. Советским историкам приходилось придерживаться «установки» на боевое русско-румынское содружество, поэтому в их исследованиях нет и намека на иное развитие событий в сражении за Гривицкий редут. Про румынскую литературу не стоит и говорить, поскольку в ней всегда воспевался триумф румынского оружия и игнорировались иные мнения. Но пришло время, чтобы этот исторический миф, созданный в прошлом из политических соображений, исчез, наконец, из современного научного пространства.

Примечания

- ¹ Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М.: Наука, 1986. С. 314–320, 339–340; История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.). М.: URSS, 2013. С. 282–287.
- ² Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове (далее — СМ). Вып. 97. СПб.: Первая Женская типография т-ва «Печатного Станка», 1911. С. 86.
- ³ Скалон Д.А. Мои воспоминания 1877–1878 гг. Т. 1. СПб.: тип. т-ва М.О. Вольф, 1913. С. 288.
- ⁴ Игнатьев Н.П. Походные письма 1877 года. Письма к Е.Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий. М.: РОССПЭН, 1999. С. 216.
- ⁵ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1877. Т. 2. М., 1949. С. 208.
- ⁶ Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Т. 5. СПб.: Военная типография, 1903. С. 80–81.
- ⁷ См.: Куропаткин А.Н. Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. СПб.: Военная типография, 1885; Гейсман П. Славяно-турецкая война 1876–77–78 гг. и ее значение в истории развития Восточного вопроса. Ч. 2. Кн. 1. СПб.: В.А. Березовский, 1889; Паренсов П. Из прошлого. Воспоминания офицера Ген. штаба. СПб.: В. Березовский, 1904. Ч. 2. С. 412–418.
- ⁸ Паренсов П. Из прошлого. Ч. 2. С. 109.
- ⁹ La guerre d'Orient en 1877–1878. Étude stratégique et tactique des opérations des armées russes et turques en Europe, en Asie et sur les côtes de la Mer Noire par un tacticien auteur de plusieurs ouvrages militaires. Paris: J. Dumaine. 1879–1885.
- ¹⁰ Барболов Г. Руско-турската освободителна война и Румъния. 1877–1878. София: Народна просвета, 1987.
- ¹¹ Hozier H.M. The Russo-Turkish war: Including an account of the rise and decline of the Ottoman power and history of the Eastern question. In 2 vol. V. 2. Pt. 4. London: Mackenzie, 1878. P. 680; Farcy Camille. La guerre sur le Danube (1877–1878). Paris: A. Quantin, imprimeur-éditeur, 1879. P. 325; Трома, Тило Лебрехт фон. Борьба под Плевной. Пер. с нем. под ред. полк. Н.П. Нечаева. М.: Мартынов, 1879. С. 72–73; Greene F.V. The Russian Army and its Campaigns in Turkey. New

- York: D.Appleton and Company, 1879. P. 245; La guerre d'Orient en 1877–1878. Étude stratégique et tactique... Paris: J. Dumaine, 1880. Vol. 2. P. 143; *Fyffe Ch.A.* A history of modern Europe. Vol. 3. From 1848 to 1878. London: London [etc.]: Cassell, 1892. P. 501; Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Т. 5. С. 183; *Wæstyne de Grammez de Wardes, van de.* La guerre russo-turque, 1877–1878. Paris: Ollendorff, 1903. P. 159. *Паренцов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 140; *Maurice F.* The Russo-Turkish war, 1877: a strategical sketch: with 3 maps / by major F. Maurice. Swan Sonnenschein & Co., 1905. P. 226–227; *Дружинин К.И.* Русско-турецкая война // История русской армии и флота. М.: Моск. кн. изд. т-во «Образование», 1913. Т. 11. С. 107–108; *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Воениздат, 1956. С. 245; *Михова Хр.* Приносът на румънския народ за освобождението на България от турско робство // Освобождението на България от турско иго. 1878–1958. София: изд-во на БКП, 1958. С. 209; История Румынии нового и новейшего времени. М.: Наука, 1964. С. 72; *Бескровный Л.Г.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освободительная борьба балканских народов // Вопросы истории (далее — ВИ). 1967. № 6. С. 41; *Бериндеи Д.* Участието на Румъния в освободителната война // Освобождението на България. 1878–1968. София: Изд-во на БАН, 1970. С. 52; История Румынии: 1848–1917 / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 1971. С. 237; *Залышкин М.М.* Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения 1875–1878. М.: Наука, 1974. С. 270; Русско-турецкая война 1877–1878 гг. / отв. ред. И.И. Ростунов. М.: Воениздат, 1977. С. 142; *Петров П.Хр.* Действия на Западния отряд при Никопол и Плевен // Военноисторически сборник. 1977. № 2. С. 62; *Жецев Н.* Румъния и руско-турска война 1877–1878 // Военноисторически сборник. 1977. № 2. С. 101; *Виноградов В.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М.: Мысль, 1978. С. 177; Краткая история Румынии: С древнейших времен до наших дней / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 1987. С. 218; *Золотарев В.А.* Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. — апофеоз Восточного кризиса. М.: Amini Fortitudo, 2005. С. 58.
- 12 *Куропаткин А.* Блокада Плевны // Военный сборник (далее — ВС). 1886. № 9. С. 43.
  - 13 *Керсновский А.А.* История русской армии: В 4-х томах. М.: Голос, 1993. С. 223.
  - 14 *Lecomte F.* Guerre d'Orient en 1876–1877. Lausanne: B. Benda, Libraire-Editeur, 1878. Т. 2. P. 248; *Crane St.* The Siege of Plevna // Great Battles of the World. London: Chapman & Hall Limited, 1901. P. 43–44; Румыния в войне за независимость, 1877–1878. Бухарест: Военное издательство, 1983. С. 185; Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. С. 344; *Косев К., Дойнов Ст.* От Шипка и Плевен до Сан Стефано и Берлин. София: Марин Дринов, 2007. С. 306–307.
  - 15 История Румынии / координаторы Иоан Аурел Поп, Иоан Болован. М.: Изд-во «Весь мир», 2005. С. 476.
  - 16 *Crowe J.H.V.* Plevna // Encyclopædia Britannica. Vol. 21 (11th ed.). Cambridge University Press, 1911. P. 839.
  - 17 *Berindei D.* La guerre d'indépendance de la Roumanie (1877–1878). Pages de l'histoire de l'armée roumaine. București: Editura academieii Republicii Socialiste România, Editura militară a ministerului apărării naționale, 1976. P. 156.
  - 18 *Трайков В.* Обявяване на независимостта на Румъния и участието ѝ във войната от 1877–1878 г. // Исторически преглед. 1977. Кн. 5–6. С. 65.
  - 19 Румыния в войне за независимость. 1877–1878. С. 188.
  - 20 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 81.
  - 21 Там же. С. 98–99, 101.
  - 22 *Максимов Н.В.* Две войны 1876–1878 гг.: Ч. 1. Ч. 2. Война в Сербии. Война в Болгарии: Воспоминания и рассказы из событий последних войн: В 2 ч. СПб.: И.Л. Тузов, 1879. С. 544.

- 23 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 108–109.
- 24 *Милютин Д.А.* Дневник. С. 213.
- 25 *Скалон Д.А.* Мои воспоминания. С. 298.
- 26 Там же. С. 297.
- 27 *Игнатъев Н.П.* Походные письма... С. 256–257.
- 28 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 133.
- 29 *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. Война 1877–1878 г. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. С. 152.
- 30 Там же. С. 153–157.
- 31 Там же. С. 221.
- 32 *Верещагин В.В.* На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 года. М.: т-во И.Д. Сытина, 1902. С. 88.
- 33 *Фортунатов П.К.* Война 1877–1878 г. и освобождение Болгарии. М.: Учпедгиз, 1950. С. 118.
- 34 *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война... С. 243.
- 35 СМ. Вып. 2. СПб.: Военная типография, 1898. С. 380.
- 36 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 171.
- 37 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 108.
- 38 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 173.
- 39 Война 1877 и 1878 гг. в Европейской Турции / под ред. генерал-майора Зыкова. СПб.: Типография министерства путей сообщения, 1881. Т. 1. С. 346.
- 40 *La guerre d'Orient en 1877–1878. Étude stratégique et tactique... Paris: J. Dumaine, 1880. Vol. 2. P. 124; Беляев Н.И.* Русско-турецкая война... С. 240; *Furieux R.* The siege of Plevna. London: A. Blond, 1958. P. 112; Русско-турецкая война 1877–1878 гг. С. 141.
- 41 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 107.
- 42 Румыния в войне за независимость. С. 173.
- 43 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 172.
- 44 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 109.
- 45 Там же. С. 157–160.
- 46 *Вакареску Т.* Участие румын в кампании 1877–1878 годов (Извлечение из сочинения подполковника румынской службы Вакареску). Подполковник Гарф // ВС. 1889. Т. 188. № 6. С. 247; Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 175, 177.
- 47 Румыния в войне за независимость. С. 180; *Барболов Г.* Руско-турската освободителна война и Румъния. 1877–1878. София: Народна просвета, 1987. С. 118.
- 48 Война 1877 и 1878 гг. в Европейской Турции. С. 346.
- 49 *Бериндеи Д.* Участието на Румъния... С. 52.
- 50 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 108.
- 51 Румыния в войне за независимость. С. 197; *Барболов Г.* Руско-турската освободителна война... С. 119.
- 52 *Вакареску Т.* Участие румын в кампании... С. 248; Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 178.
- 53 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 114.
- 54 СМ. Вып. 41. СПб.: Военная типография, 1903. С. 148.
- 55 *Немирович-Данченко В.И.* Год войны (дневник русского корреспондента) 1877–1878. Т. 2. СПб.: Новое время, 1878. С. 116; Война 1877 и 1878 гг. в Европейской Турции. С. 346–347.

- 56 *Верещагин В.В.* На войне. С. 92.
- 57 *Вакареску Т.* Участие румын в кампании... С. 248.
- 58 СМ. Вып. 2. С. 383.
- 59 СМ. Вып. 3. СПб.: Военная типография, 1898. С. 128.
- 60 СМ. Вып. 20. СПб.: Тип. «Бережливость», 1901. С. 14.
- 61 *Вонлярлярский В.М.* Воспоминания ординарца о войне 1877–1878 г. СПб.: Коммерческая скоропечатня преemn. Е. Тиля, 1891. С. 135.
- 62 *Верещагин В.В.* На войне. С. 118.
- 63 Румыния в войне за независимость. С. 196.
- 64 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 172–173.
- 65 Цит. по: *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 115.
- 66 СМ. Вып. 2. С. 384.
- 67 Там же.
- 68 Там же.
- 69 Там же. С. 385.
- 70 Там же. С. 386.
- 71 *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. С. 168–169.
- 72 *Куропаткин А.* Блокада Плевны // ВС. 1886. № 9. С. 50.
- 73 *Мартынов Е.* Блокада Плевны (по архивным материалам). СПб.: издал В. Березовский, 1900. С. 102–103.
- 74 СМ. Вып. 48. СПб.: Военная типография, 1906. С. 101–102.
- 75 СМ. Вып. 3. С. 228–229.
- 76 Там же. С. 229–230. Об этом подвиге написал и А.Н. Куропаткин. См.: Куропаткин А. Блокада Плевны // ВС. 1886. № 9. С. 37.
- 77 *Самойлов С.И.* Освобождение Румынии от турецкой зависимости в результате русско-турецкой войны 1877–1878 годов // ВИ. 1959. № 2. С. 98; История Румынии: 1848–1917. С. 241–242; *Залышкин М.М.* Внешняя политика Румынии... С. 272.
- 78 Русско-турецкая война 1877–1878 гг. / отв. ред. И.И. Ростунов. С. 143–144.
- 79 *Вакареску Т.* Участие румын в кампании... // ВС. 1889. Т. 188. № 7. С. 49–50.
- 80 Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Т. 6. СПб.: Военная типография, 1911. С. 147.
- 81 *Милютин Д.А.* Дневник. С. 230.
- 82 *Вонлярлярский В.М.* Воспоминания ординарца... С. 138–139.
- 83 *Газенкамф М.А.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб.: В. Березовский, 1908. С. 162.
- 84 *Георгиев Г., Топалов В.* Кратка история на освободителната война 1877–1878 (преглед на военните действия). София: Изд-во на БКП, 1958. С. 256.
- 85 *Куропаткин А.* Блокада Плевны // ВС. 1886. № 9. С. 51–52.
- 86 *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. С. 169.
- 87 Там же.
- 88 СМ. Вып. 20. С. 14.
- 89 *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. С. 170.
- 90 СМ. Вып. 20. С. 14.
- 91 *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. С. 173.
- 92 СМ. Вып. 41. СПб.: Военная типография, 1903. С. 104.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 182; *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 123.

⁹⁵ СМ. Вып. 41. С. 104.

⁹⁶ Там же. С. 105.

⁹⁷ Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 182.

⁹⁸ СМ. Вып. 3. С. 130.

⁹⁹ *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 126–127, 133.

¹⁰⁰ *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. С. 176.

¹⁰¹ *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 135.

¹⁰² *Немирович-Данченко В.И.* Год войны... Т. 2. С. 117.

¹⁰³ Война 1877 и 1878 гг. в Европейской Турции. С. 347; *Георгиев Г., Топалов В.* Кратка история на освободителната война... С. 240.

¹⁰⁴ *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. С. 177–178.

¹⁰⁵ Там же. С. 178, 181.

¹⁰⁶ *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 133.

¹⁰⁷ СМ. Вып. 3. С. 387.

¹⁰⁸ *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878). Письма в редакцию «Правительственный вестник». Изд. исправ. и доп. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1879. Т. 2. С. 85.

¹⁰⁹ Румыния в войне за независимость. С. 185.

¹¹⁰ *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. С. 181–182.

¹¹¹ Там же. С. 182.

¹¹² *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев... Т. 2. С. 86.

¹¹³ Война 1877 и 1878 гг. в Европейской Турции. С. 349.

¹¹⁴ СМ. Вып. 3. С. 131.

¹¹⁵ *Berindei D.* La guerre d'indépendance de la Roumanie. P. 156.

¹¹⁶ *Генов Ц.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей. София: Пресс, 1979. С. 152.

¹¹⁷ Румыния в войне за независимость. С. 185.

¹¹⁸ СМ. Вып. 41. С. 109.

¹¹⁹ *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 140; *Георгиев Г., Топалов В.* Кратка история на освободителната война... С. 241.

¹²⁰ СМ. Вып. 3. С. 387.

¹²¹ Там же.

¹²² СМ. Вып. 41. С. 142.

¹²³ *Зотов П.Д.* Война за независимость славян // Русская старина. 1907. Т. 129. № 2. С. 311; СМ. Вып. 41. С. 190.

¹²⁴ *Vassiliou P.St.* Operations de l'armée roumaine pendant la guerre de l'indépendance. Journal d'un officier. Paris: Librairie militaire de J. Dimaine, 1880. P. 79.

¹²⁵ *Вакареску Т.* Участие румын в кампании... // ВС. 1889. Т. 187. № 6. С. 249.

¹²⁶ Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 186; *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 139.

¹²⁷ СМ. Вып. 3. С. 131–132.

¹²⁸ *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев... Т. 2. С. 86.

- 129 Война 1877 и 1878 гг. в Европейской Турции. С. 348.
- 130 *Георгиев Г., Топалов В.* Кратка история на освободителната война... С. 241.
- 131 *Пенкова Е.* Трите щурма на Плевен. 19 юли — 12 септември 1877 г. Плевен: Военно-исторически музей — Плевен, 1963. С. 32.
- 132 *Greene F.V.* The Russian Army... P. 245.
- 133 *Немирович-Данченко В.И.* Год войны... Т. 2. С. 117.
- 134 *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев... Т. 2. С. 96.
- 135 *Wæstyne de Grammez de Wardes, van de.* La guerre russo-turque, 1877–1878. P. 159.
- 136 *Le Faure A.J.* Histoire de la guerre d'Orient (1877–1878). Paris: Garnier Frères, 1878. Vol. 1. P. 471–472.
- 137 *Berindei D.* La guerre d'indépendance de la Roumanie. P. 156.
- 138 *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. С. 182–183.
- 139 Там же. С. 218.
- 140 Там же. С. 219.
- 141 Там же.
- 142 СМ. Вып. 3. С. 131; Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 183.
- 143 СМ. Вып. 3. С. 132.
- 144 *Вакареску Т.* Участие румын в кампании... // ВС. 1889. Т. 187. № 6. С. 249; Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 179.
- 145 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 187.
- 146 *Vassiliou P.St.* Operations de l'armée roumaine... P. 78–79.
- 147 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 140.
- 148 *Трота, Тило Лебрехт фон.* Борьба под Плевной. С. 72.
- 149 СМ. Вып. 2. С. 388.
- 150 СМ. Вып. 3. С. 141
- 151 СМ. Вып. 2. С. 395.
- 152 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 183.
- 153 СМ. Вып. 3. С. 141.
- 154 Румыния в войне за независимость. С. 185–187.
- 155 Русско-турецкая война 1877–1878 гг. С. 142.
- 156 *Милютин Д.А.* Дневник. С. 214.
- 157 Там же.
- 158 СМ. Вып. 3. С. 145–146; Вып. 41. С. 147.
- 159 *Барболов Г.* Руско-турската освободителна война... С. 121.
- 160 СМ. Вып. 41. С. 144.
- 161 *Куропаткин А.* Блокада Плевны // ВС. 1885. № 2. С. 188.
- 162 *Пузыревский А.К.* Десять лет назад. Война 1877–1878 гг. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1887. С. 46.
- 163 СМ. Вып. 41. С. 144–145.
- 164 СМ. Вып. 3. С. 146.
- 165 *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев... Т. 2. С. 107.
- 166 *Полушкин С.П.* Записки лейб-гвардии казачьего офицера // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. (далее — СВР). Т. 6. СПб., 1879. С. 29–30.

- 167 Крестовский указал, что царь подарил румынам два турецких орудия // *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев... Т. 2. С. 107.
- 168 СМ. Вып. 3. С. 160.
- 169 *Газенкампф М.А.* Мой дневник. С. 163.
- 170 Цит. по: Румыния в войне за независимость. С. 189.
- 171 *Куропаткин А.* Блокада Плевны // ВС. 1886. № 9. С. 46.
- 172 Цит. по: Румыния в войне за независимость. С. 189.
- 173 *Berindei D.* La guerre d'indépendance de la Roumanie. P. 156.
- 174 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 475.
- 175 Румыния в войне за независимость. С. 198.
- 176 *Генов Ц.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. С. 152.
- 177 Цит. по: Румыния в войне за независимость. С. 189.
- 178 *Бранденбург Н.Е.* Из дневника артиллериста // СВР. Т. 3. СПб., 1879. С. 40.
- 179 *Газенкампф М.А.* Мой дневник. С. 162–163.
- 180 *Берс А.А.* Воспоминания офицера л.-гв. Преображенского полка о походе в Турцию в 1877–1878 г. // РС. 1898. Т. 94. № 4. С. 392.
- 181 *Путилов Н.Н.* Из дневника офицера за поход 1877–78 годов // СВР. Т. 4. С. 5.
- 182 Там же. С. 6.
- 183 *Немирович-Данченко В.И.* Год войны... Т. 2. С. 122.
- 184 *Гудим-Левкович П.М.* Записки П.М. Гудим-Левковича о войне 1877–78 года // РС. 1905. Т. 124. № 12. С. 556.
- 185 СМ. Вып. 3. С. 160.
- 186 *Скалон Д.А.* Мои воспоминания. С. 310.
- 187 *Зотов П.Д.* Война за независимость славян // РС. 1907. Т. 129. № 3. С. 589.
- 188 СМ. Вып. 3. С. 158–159.
- 189 *Куропаткин А.* Блокада Плевны // ВС. 1886. № 9. С. 9.
- 190 СМ. Вып. 3. С. 168–169.
- 191 Там же. С. 169.
- 192 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 142.
- 193 *Бранденбург Н.Е.* Из дневника артиллериста. С. 37–38.
- 194 СМ. Вып. 43. С. 206–207.
- 195 *Зотов П.Д.* Война за независимость славян // РС. 1907. Т. 132. № 11. С. 323.
- 196 СМ. Вып. 46. СПб.: «Столичная Скоропечатня», 1904. С. 282.
- 197 Описание русско-турецкой войны... Т. 6. С. 76.
- 198 СМ. Вып. 43. С. 34; Вып. 3. С. 169–170.
- 199 *Мартынов Е.* Блокада Плевны (по архивным материалам). СПб.: издал В. Безрезовский, 1900. С. 47.
- 200 СМ. Вып. 3. С. 173.
- 201 СМ. Вып. 20. С. 293.
- 202 СМ. Вып. 3. С. 174–175.
- 203 СМ. Вып. 20. С. 17.
- 204 СМ. Вып. 2. С. 395.
- 205 *Мартынов Е.* Блокада Плевны. С. 48.

- ²⁰⁶ *Зотов П.Д.* Война за независимость славян // РС. 1907. Т. 129. № 3. С. 591.
- ²⁰⁷ *Вакареску Т.* Участие румын в кампании... // ВС. 1889. Т. 188. № 7. С. 44–45.
- ²⁰⁸ Румыния в войне за независимость. С. 203–206.
- ²⁰⁹ См., напр.: *Мартынов Е.* Блокада Плевны. С. 47–48.
- ²¹⁰ *Гудим-Левкович П.М.* Записки... С. 561.
- ²¹¹ *Бранденбург Н.Е.* Из дневника артиллериста. С. 44.
- ²¹² *Куropаткин А.* Блокада Плевны // ВС. 1886. № 11. С. 8.
- ²¹³ Он же. Блокада Плевны // ВС. 1886. № 9. С. 27.
- ²¹⁴ *Милютин Д.А.* Дневник. С. 236.

Памятник Александру II в Софии — история создания*

Память об Александре II в Болгарии неизменно связана с русско-турецкой войной 1877–1878 гг. и освобождением болгарского народа от османского владычества. Отношение к императору-освободителю можно проследить в художественной литературе; память о нем запечатлена в монументах, воздвигнутых в разных частях Болгарии, в названиях скверов и улиц (бульвары «Царь Освободитель» существуют практически в каждом большом городе Болгарии). Но самым замечательным выражением исторической памяти является внушительный архитектурный ансамбль, посвященный российскому императору, который был воздвигнут в 1907 г. в самом центре болгарской столицы.

Инициатива создания памятника принадлежала видному общественному деятелю Стояну С. Заимову, и она сразу была восторженно подхвачена недавно сформированным Поборническо-ополченским обществом, объединившим людей, участвовавших в борьбе за освобождение Болгарии, в том числе в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В конце 1898 г. Общество приняло решение создать специальный Комитет, целью которого было собрать средства для сооружения в Софии памятника в честь императора Александра II. 18 августа 1899 г. состоялось учредительное собрание и организация приняла свое официальное название — «Комитет Царь-Освободитель Александр II»¹. Его председателем стал С.С. Заимов².

Хотя Комитет возник как общественная организация, очень скоро он постарался заручиться поддержкой политических властей и, в первую очередь, болгарского монарха. Князь Ферди-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Национального научного фонда Болгарии, проект № КП-06-Русия/19 «Векторы исторического развития и национальные идеи на Балканах (XVIII — XXI вв.)».

нанд I Саксен-Кобург-Готский был объявлен почетным председателем и верховным покровителем организации³. В состав Комитета вошли представители всех основных политических и образовательных институций страны: правительства, парламента, столичных властей, а также высших учебных заведений — Университета и Академии художеств. По праву членами Комитета являлись градоначальник Софии, министр народного просвещения и трое народных представителей, указанных болгарским парламентом. С самого начала Комитет постарался обеспечить себе и поддержку российских дипломатов, находящихся в Болгарии: его членами, также по праву, стали российский посланник в Софии генеральный консул в Болгарии (в то время. — *Ю.П. Бахметев*) и первый секретарь императорского дипломатического представительства⁴. Кроме того, каждый, жертвовавший Комитету сумму, превышающую 10 тыс. левов, автоматически становился его почетным членом⁵. В результате Комитет «Царь Освободитель» включал в себя выдающихся представителей болгарской интеллектуальной и политической элиты: его членами были профессор Высшей школы Д.Д. Агура, профессора Художественной школы Антон С. Митов, Петко Д. Клисуров, Марин Василев и Борис Ц. Шатц во главе с ее директором Иваном В. Мырковичка, архитектор Никола И. Лазаров, инженер Стоимен Сарафов, руководители Поборническо-ополченского Общества и др.⁶.

Целью такого подхода к формированию Комитета было получение поддержки политических властей, без которых трудно было осуществить задуманный проект. Вместе с тем Комитет рассчитывал, что его члены — специалисты в своих областях — помогут фактической работе по подготовке и сооружению памятника.

Привлечение властей к созданию монумента Александру II, без сомнения, существенно облегчило деятельность Комитета. Во-первых, были собраны значительные средства для осуществления проекта. Так, князь Фердинанд пожертвовал 50 тыс. левов; народное собрание⁷ удовлетворило просьбу Комитета о финансовой помощи и выделило 300 тыс. левов⁸. Городское управление столицы также не осталось в стороне и в 1900 г. пожертвовало 20 тыс. левов, а затем еще несколько раз помогало

созданию архитектурного ансамбля деньгами на общую сумму 75 тыс. левов⁹. Кроме того, власти Софии разрешили поставить будущий памятник на площади напротив здания Народного собрания, а бульвар, окружающий площадь, был переименован и стал называться бульвар «Царя Освободителя»¹⁰.

Без сомнения, вовлеченность болгарского монарха в это предприятие значительно помогла деятельности Комитета по сбору средств и сооружению памятника. С самого начала князь Фердинанд не только согласился быть почетным председателем Комитета, но активно участвовал в его работе. Даже когда у него не было возможности лично присутствовать на заседаниях, в тех случаях, он настаивал, чтобы его уведомляли о том, какие вопросы на них обсуждались¹¹. Все предложения и решения Комитета, перед тем, как привести их к исполнению, предоставлялись князю для окончательного одобрения. Фердинанд, со своей стороны, обычно шел навстречу требованиям его председателя С.С. Заимова¹².

Благодаря деятельной поддержке князя и правительства Комитет получил возможность создать не менее 500 местных организаций по всей Болгарии. В 1901–1903 гг. правительства Петко С. Каравелова и Стояна П. Данева содействовали формированию целой сети комитетов, в которые входили представители местной верхушки. С помощью этой сети Комитет успешно собирал средства на строительство памятника. С начала 1900 г. организация проводила разнообразные акции по сбору средств: распространение памятной медали по поводу 25-й годовщины с начала Апрельского восстания 1876 г., продажа открыток с фотографией проекта-памятника Александру II и др.¹³.

Даже организации, прямо не связанные с Комитетом «Царь Освободитель», устраивали различные благотворительные кампании. Так, в 1901 г. Болгарское инженерно-архитекторское общество (БИАД) подготовило специальное роскошное издание своего журнала «Известия БИАД», в котором опубликовало обширную статью о деятельности Комитета и фотографии всех проектов будущего памятника, получивших призы. Средства от продажи были переданы в фонд Комитета¹⁴.

Собранные таким образом немалые суммы в основном шли на строительство монумента Александру II в Софии, а после

его окончания были использованы для организации нескольких музейных комплексов в честь русской-турецкой войны 1877–1878 гг. Именно благодаря этим средствам в последующие годы были созданы следующие историко-культурные комплексы: в городе Плевна — дом-музей в память Александра II (где русский император останавливался во время войны и где принимал главнокомандующего турецкой армией Осман-пашу); Скобелевский парк и мавзолей-параклис в честь русских воинов, павших в боях под Плевной; в селе Горна Студена — дом-музей в честь великого князя Владимира Александровича; в селе Пордим — два музея: первый в честь главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича и второй — в честь румынского короля Кароля I; в городе Бяла — дом-музей в честь императора Александра III. Значительная часть экспонатов, хранящих память о войне 1877–1878 гг., поступила из России: русское военное министерство и представители династии Романовых подарили болгарскому комитету «Царь Освободитель» сотни артефактов, в том числе личные вещи российского императора¹⁵.

Перед тем, как начать работу по сооружению монумента, авторам инициативы предстояло разрешить несколько очень важных задач. Первая из них — найти самое удачное место для его установки. Сначала обсуждалась возможность воздвигнуть памятник Александру II напротив здания российского дипломатического представительства в Софии, которое находилось в центре города, на улице «Московска» (несколькими годами позже недалеко от этого места был воздвигнут храм-памятник Александру Невскому, который до недавних пор был самым большим православным храмом на Балканском полуострове). Таким образом, члены Комитета, очевидно, хотели еще раз подчеркнуть чувства благодарности болгарского народа к России. Однако от этой идеи пришлось отказаться, поскольку в планы столичной мэрии входила кардинальная реконструкция этой части города: по уже подготовленному проекту большая часть сквера, где размещалось императорское дипломатическое представительство, должна была быть снесена, что делало невозможным воздвижение там монумента. Поэтому члены Комитета приняли решение, что самым подходящим местом для будущего памятника является площадь перед

зданием Народного собрания. Она, прежде всего, привлекала своим местоположением — это был центр города, здесь, особенно по выходным дням и во время праздников, обычно прогуливались жители столицы. При принятии окончательного решения учитывались также и политические аргументы: таким образом подчеркивалось, что болгары обязаны российскому императору не только своим освобождением, но и созданием государственного устройства — с конституцией и парламентом¹⁶.

Другой вопрос, обсуждаемый Комитетом, заключался в том, как именно должен выглядеть памятник Александру II. Члены Комитета объединились вокруг мнения, что памятник должен быть скульптурным и состоять из двух частей. Основную его часть будет занимать фигура царя, ниже должны быть изображены его самые ближайшие сподвижники, принявшие участие в войне. Комитет решил, что таковыми будут: великий князь Николай Николаевич — брат царя и главнокомандующий армией, граф Н.П. Игнатьев, который, находясь на дипломатическом поприще, проводил мысль об освобождении Болгарии, и два выдающихся полководца — генералы М.Д. Скобелев и И.В. Гурко. Внизу, в виде барельефа, должны быть изображены некоторые из наиболее существенных эпизодов войны. Комитет отдал предпочтение следующим четырем событиям: чтение манифеста Александра II перед войсками в Кишиневе в апреле 1877 г.; один из моментов сражения на Шипке, происшедших между 9 и 11 августа 1877 г.; подписание Сан-Стефанского договора, «т.е. создание Великой Болгарии, идея которой всегда будет стоять перед глазами всех нас»; и, наконец, открытие Великого Народного собрания, которое «создало Болгарию и ее конституцию такой, какой мы видим ее сегодня»¹⁷.

По крайней мере такова была программа-минимум по сооружению памятника. Члены Комитета приняли также уточнение, что если они будут располагать достаточными финансовыми средствами, то на монументе можно будет представить и другие эпизоды войны, например, переход русской армии через Дунай у г. Свиштова, взятие Плевны, передача Самарского знамени болгарскому Ополчению и др. Относительно материала для памятника Комитет решил, что будут использованы бронза и гранит.

В Центральном государственном архиве Болгарии сохранился интересный документ на болгарском языке под названием «Лица, представленные на памятнике», без упоминания автора и датировки. Он содержит подробное описание будущего памятника:

«1. На гранитном пьедестале стоит конная статуя Царя-Освободителя. Царь держит в правой руке манифест, которым объявляет начало освободительной войны.

2. Под его конной статуей начинаются горельефы памятника, показывающие момент отправления из Кишинева русской армии, а впереди колонны русских воинов и болгарских ополченцев — крылатая богиня Ника, ведущая к победе.

3. С правой стороны горельефа отдельная конная статуя изображает великого князя Николая Николаевича.

4. Возле него, с другой стороны памятника и связанная с общей группой горельефа, находится конная статуя генерала Скобелева.

5. С левой стороны горельефа и в симметричном положении к великому князю Николаю Николаевичу представлен отдельной конной статуей граф Игнатев.

6. Рядом с ним в общей группе горельефа стоит конная статуя генерала Гурко.

7. Задняя часть горельефа показывает болгарский народ, который встречает и сопровождает победоносную армию.

8. Барельеф с левой стороны пьедестала изображает подписание Сан-Стефанского договора. Русские представители — граф Игнатев и Нелидов, а турецкие — Савфет-паша и Намик-паша.

9. Барельеф на задней стороне памятника изображает эпизод из сражения ополченцев у г. Стара Загора 18–19 июля 1877 г. В середине барельефа — подполковник Калитин с Самарским знаменем в руке. Подполковник Калитин был убит в этом сражении.

10. Барельеф с правой стороны пьедестала изображает момент прочтения князем Дондуковым-Корсаковым тронного слова на первом Великом Народном собрании¹⁸. Слева стоит князь Дондуков-Корсаков, вокруг него — высшие русские чиновники и его товарищи по управлению освобожденной Болгарией, а рядом с ними — первый болгарский экзарх Антим I, за ним и около него

видны Драган Цанков, д-р Константин Стоилов и митрополит Климент. Слева показаны народные деятели: П. Славейков, Петко Каравелов, Марко Барабанов, Тодор Бурмов, Григор Начович, Иван Ев. Гешов, Иван Вазов, Стефан Стамболов, Димитр Греков, д-р Васил Радославов, Атанас Цв. Узунов, Димитр Петков, Стоян Заимов и пр.»¹⁹.

В ходе дискуссии в Комитете возник спор по поводу того, какую надпись уместнее всего поставить на памятнике. Член Комитета А.К. Людсканов предложил выбор надписи оставить за скульптором, который будет создавать монумент. Это предложение отвергли с весомым аргументом, что если создание памятника будет поручено иностранцу, он не сможет сделать этого, как должно, «потому что не в состоянии почувствовать то, что мы хотели бы выразить»²⁰. Обсуждался также вопрос, нужно ли написать имя императора на монументе. Градоначальник Софии Хр.Г. Попов поддержал эту идею, считая, что, кроме выражения благодарности болгарского народа, памятник должен иметь и воспитательное значение для будущих поколений, чтобы они знали имя царя-освободителя. Но это предложение не получило достаточной поддержки. Против него высказались профессора Художественной академии А.С. Митов и И.В. Мырковичка. По их мнению, пластичные искусства воздействуют своей выразительностью и художественностью: «Памятник, который будет воздвигнут, должен быть сам по себе выразителен и без всякой надписи; если он отвечает первоначальному замыслу и выражает то, что от него ожидается, каждый человек будет знать, кому он посвящен, что и кого он изображает». Более того, чем короче надпись на монументе, тем сильнее она воздействует на зрителей²¹. Мнение представителей искусства взяло вверх, и в конце концов было принято предложение художника А.С. Митова, что надпись на монументе должна гласить: «Царю-Освободителю от признательной Болгарии»²².

Для создания проекта Комитет решил организовать международный конкурс. Чтобы привлечь к участию в нем выдающихся скульпторов Европы и таким образом обеспечить высокие художественные достоинства будущего монумента, Комитет объявил, что жюри присудит призы пяти самым лучшим работам. Для уча-

ствия в конкурсе скульпторы должны были прислать в Софию свои проекты, сделанные из гипса, в 1/6 величины оригинальной модели²³.

Вместе с программой конкурса на сооружение архитектурного объекта и условиями участия в нем Комитет подготовил и небольшой исторический очерк о событиях, вдохновивших на создание будущего памятника российскому императору. Члены организации приняли решение, что этот исторический очерк обязательно будет предоставлен всем участникам конкурса, чтобы с его помощью они смогли лучше понять основную идею, которую Комитет хотел бы воплотить. Написание данного исторического текста было возложено на члена Комитета и депутата болгарского парламента И.И. Белинова²⁴.

Важным шагом при проведении конкурса был выбор жюри, которому надлежало оценивать проектные предложения. Комитет принял решение, что в жюри войдут: князь Фердинанд как его президент, русский дипломатический представитель и генеральный консул в Болгарии Ю.П. Бахметев и С.С. Заимов как его вице-президенты, а также Н.С. Эттер (занимающий должность первого секретаря в русском дипломатическом представительстве) и архитектор Н.И. Лазаров как секретари жюри. Все они являлись членами Комитета, и, без сомнения, за исключением архитектора Н.И. Лазарова, их выбор определялся политическими мотивами. Желая обеспечить высокий художественный уровень конкурса, Комитет постарался привлечь к участию в жюри авторитетных представителей искусств из Европы, трех самых известных скульпторов — из России, Франции и Италии. С этой целью были приглашены М.М. Антокольский, профессор императорской Академии художеств, Поль Дюбуа, член французской Академии изящных искусств, и Джулио Монтеверде, член Академии изящных искусств в Риме. Кроме них в жюри также входили выдающийся инженер Стоимен Сарафов и преподаватели болгарской Рисовальной школы И.В. Мырkvичка, А.С. Митов и П.Д. Клисуров²⁵.

П. Дюбуа и Дж. Монтеверде отказались от участия: первый из-за своего возраста и плохого состояния здоровья, второй — из-за слишком большой профессиональной занятости и, по его

словам, «из-за ужасного удара, поразившего его отечество и царствующий итальянский королевский дом» (смерть короля Умберто. — *Т. Г.*). Вместо Поля Дюбуа был приглашен Л.Э. Барриа, с 1897 г. вице-президент Академии изящных искусств. Кроме того, Комитет попросил Дж. Монтеверде порекомендовать своего коллегу, который смог бы достойно занять его место в жюри²⁶. В конце концов, в жюри международного конкурса вошли: Антонин Марсье (профессор Академии изящных искусств в Париже), Этторе Феррари (сенатор и профессор Академии изящных искусств в Риме) и профессор императорской Академии художеств в Петербурге Р.Р. Бах²⁷.

О своем желании принять участие в конкурсе сначала заявили 90 скульпторов²⁸, но в конечном счете был подан 31 проект из 11 стран. Больше всего оказалось участников из Франции — девять (все они были из Парижа), кроме того были присланы пять проектов из Италии, четыре из Австро-Венгрии, три из Болгарии, по два из России, Германии и Швейцарии, по одному из Голландии, Дании, Португалии и Турции²⁹.

С 1 по 20 сентября 1900 г. участвующие в конкурсе проекты были выставлены в центральном зале княжеского Манежа. К сожалению, многие из них были доставлены в Софию со значительными повреждениями, вероятно, появившимися во время их транспортировки. Благодаря выставке население болгарской столицы получило возможность увидеть, как будет выглядеть памятник императору Александру II, и, со своей стороны, высказать свои предпочтения.

20 сентября 1900 г. началась работа авторитетного жюри по оценке участвующих в конкурсе моделей³⁰, которая продолжалась четыре дня (20–24 сентября 1900 г.). Окончательные его результаты объявил сам князь Болгарии Фердинанд³¹.

Первую премию — право возвести памятник стоимостью 300 тыс. болгарских золотых левов³² — получил итальянский скульптор Арнольдо Дзокки (или Цокки) за свой проект «Ромы» («Рим»). Жюри мотивировало свое решение так: «Этот проект точно отвечает предписанию программы. Скульптор удачно выразил основную идею. Он очень хорошо передал характер императора и в то же время сохранил единство величия как в от-

ношении линии, так и в отношении концепции». По мнению академиков, членов жюри, в данном проекте было бы желательно подчеркнуть важность барельефов за счет упрощения линий пьедестала³³.

Кн. 3 и 4.

Списание на Българското Инженерно-Архитектно Дружество

Год. VI

Международен конкурс за паметник на Царя-Освободителя.

I награда.

Проект „Roma“ от **Arnaldo Zocchi**

Проект Арнольдо Цокки

Вторую премию (4000 золотых левов) получил немецкий скульптор Густав Эберлейн за свою композицию «Борьба и победа». Третья премия (3000 золотых левов) была присуждена французам Антонену Леру и Гастону Мале за их проект «Deo Juvante» («С Божьей помощью»).

С особой похвалой жюри высказалось о конкурсной работе парижского скульптора Евгения Бовери «Au Tzar» («Царю»), занявшей пятое место. По мнению академиков, «проект оригинален и гениален в плане композиции. Ведущая идея представлена понятно, хотя и без силуэтов и декоративных эффектов». Основная критика в отношении данного проекта была связана с тем, что форма памятника не гармонирует с площадью, на которой будет сооружен монумент³⁴. Но при объявлении окончательных результатов конкурса жюри отметило, что проект Е. Бовери очень изящен по своей концепции и исполнению и что уменьшенный вариант данной скульптуры заслуженно мог бы украсить самые лучшие художественные салоны. Вышеуказанное мнение профессиональных критиков, по-видимому, разделяли и жители болгарской столицы, которые во время выставки проявили повышенный интерес именно к этой работе.

Комитет принял во внимание мнение академиков и поручил Е. Бовери изготовить из бронзы уменьшенную копию своей скульптуры. Планировалось преподнести ее в подарок российскому императору Николаю II как выражение особой признательности и уважения, с которыми относится к нему болгарский народ³⁵.

Закладка первого камня в фундамент памятника Александру II состоялась 23 апреля 1901 г., когда Болгария торжественно отметила 25-ю годовщину начала Апрельского восстания. Выбор этого дня был не случаен: болгарское общество рассматривало вспыхнувшее в апреле 1876 г. восстание как важный шаг к последующим событиям — к обострению Восточного кризиса, началу русско-турецкой войны и освобождению Болгарии от турецкого владычества.

Хотя организаторами закладки монумента являлись члены лишь одной из многочисленных общественных организаций Болгарии, это событие происходило очень торжественно и с активным участием самых видных представителей болгарских

политических и церковных властей³⁶. На нем присутствовали князь Фердинанд, председатель парламента И.Е. Гешов, премьер-министр П.С. Каравелов, градоначальник столицы П.А. Чернев, депутаты и министры, русский генеральный консул в Болгарии Ю.П. Бахметев, митрополит Софии Парфений и все члены Комитета «Царь Освободитель».

Подробные сведения об этом событии сообщила «Болгарская торговая газета». Праздник начался с панихиды в память павших в борьбе за освобождение болгар и в честь Александра II. Вслед за благодарственным молебном шествие направилось к площади перед парламентом, где и состоялась закладка первого камня памятника. Митрополит Парфений совершил водосвятие, после чего речи произнесли: болгарский монарх, И. Белинов, министр общественных зданий, дорог и коммуникаций (1901–1902 гг.), а также депутат парламента и член Комитета К. Величков. Документ, удостоверяющий закладку первого камня в фундамент памятника (на пергаменте), был подписан князем, а за ним свои подписи поставили также Ю.П. Бахметев, премьер министр и председатель парламента, градоначальник столицы и члены Комитета «Царь Освободитель». В документе были перечислены все члены инициативного Комитета и предметы, которые, вместе с актом закладки, будут положены в основу памятника. Он был прочитан перед собравшимся народом, после чего вложен в медную капсулу и вмурован в камень. С помощью позолоченного молотка, изготовленного специально для этого события выдающимся скульптором Б.Ц. Шатцем, князь сделал три удара по камню. Вслед за ним то же самое проделали российский дипломатический представитель, премьер-министр и председатель парламента Болгарии, после чего камень опустили на дно вырытой ямы³⁷.

В день закладки памятника князь Фердинанд обратился с письмом к Николаю II: «Сегодня мысли и чувства всего болгарского народа сосредоточены в моей столице, где совершается акт закладки памятника, назначение которого увековечить память Вашего августейшего деда и незабвенного для болгарского народа Освободителя. Приветствуя Ваше императорское величество от моего имени и от имени болгарского народа, уверяю, что чувства глубокой признательности и приязни, выражаемые

сегодняшним торжеством, будут сохранены на вечные времена в сердцах наших и к августейшему внуку царя-Освободителя»³⁸.

Вначале Комитет планировал, чтобы памятник Александру II был готов и открыт в 1902 г., когда намечались масштабные торжества в честь 25-й годовщины освобождения Болгарии. Однако очень скоро стало понятно, что закончить работу к этому сроку невозможно из-за недостатка времени и различных технических проблем, связанных с сооружением памятника, так что дата его открытия осталась неуточненной³⁹.

Работа по сооружению памятника длилась более трех лет — с апреля 1901 г. до сентября 1904 г. Члены Комитета обсуждали возможность его открытия 19 февраля 1905 г.⁴⁰, однако начавшаяся русско-японская война и последовавшая революция в России вынудили болгарские власти отменить первоначальные планы. В то же самое время Комитет направил свои усилия к окончанию работ по строительству мавзолея в г. Плевене и остальных памятников-музеев в Плевене, а также в селах Пордим, Горная Студена и Бяла. Все они были воздвигнуты между 1904 и 1907 гг., и их торжественное открытие состоялось вместе с открытием памятника Александру II в Софии.

Церемония торжественного открытия памятника состоялась 31 августа 1907 г., во время грандиозного празднования 30-й годовщины начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Для участия в нем в Болгарию прибыла представительная российская делегация во главе с великим князем Владимиром Александровичем, сыном Александра II. В нее входили также ветераны войны и представители тех частей русской армии, которые сражались на европейском фронте в 1877–1878 гг.

Открытие памятника Александру II и торжественное чествование годовщины освободительной войны в 1907 г. рассматривались болгарским князем Фердинандом как возможность восстановить более близкие отношения между Софией и Петербургом и в то же время заручиться поддержкой России для осуществления тех политических задач, которые он ставил перед собой — объявление независимости Княжества и благоприятное для Болгарии решение вопроса о судьбе Македонии. Политический расчет князя оказался ошибочным, зато открытие памятника Александру II,

Памятник Александру II в Софии сегодня

да и сам приезд российской делегации, превратились в яркую демонстрацию признательности и уважения, которые болгарское общество испытывало по отношению к России.

Теперь монумент является неотъемлемой частью целого ансамбля, который, вместе со зданием парламента, Университета и кафедральным храмом, названным в честь русского святого Александра Невского (тоже жест внимания к русскому императору), в архитектурном отношении представляет собой центр болгарской столицы.

Архитектурные и исторические памятники, связанные с русско-турецкой войной 1877–1878 гг., никогда не подвергались актам вандализма, а их судьба не становилась предметом дискуссии в болгарском обществе.

Примечания

- ¹ Петков И. Паметникът на освободителите в София 1898–1988 гг. // Исторически преглед. 1988. Т. 8. № 7–12. С. 65–73.
- ² Димитров Д.Н. Стоян Заимов. Книга за него и неговото време. София: Отечество фронт, 1971. С. 234.
- ³ Държавен вестник. Год. XXII. 1900. 18 I. Бр. 12. С. 2–3.
- ⁴ Устав на комитета «Цар Освободител Александър II» // Известия на българското инженерно-архитектно дружество в София. Год. VI. 1901. Кн. 3–4. С. 50.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Централен държавен архив (далее — ЦДА). Ф. 3К (Монархически институт). Оп. 1. А.е. 137. Л. 1об.
- ⁷ Народное Собрание — официальное название болгарского парламента.
- ⁸ Дневник на Х Обикновено Народно събрание. (ОНС). Заседание XXXIX. 1899.4.XII. С. 1119.
- ⁹ Ганев Н.И. Паметниците на стара София. София: печатница «Св. Иван Рилски», 1939. С. 34.
- ¹⁰ Димитрова С.Б. Първи стъпки на военномузейното дело в България и на Комитета «Цар Освободител Александър II» // Известия на Националния военно-исторически музей. 2003. Т. XV. С. 90.
- ¹¹ ЦДА. Ф. 3к. Оп. 1. А.е. 137. Л. 13 об. Протокол заседания Комитета, 15.I.1900 г.
- ¹² Народна Библиотека Кирил и Методий — Български Исторически архив (НБКМ — БИА). Ф. 13 (Димитър Станчов). А.е. 5. Л. 154–156; Письмо болгарского дипломатического представителя в Санкт-Петербурге С.Г. Паприкова министру внутренних дел Д.Я. Станчову, 25.I.1907 г.; там же. А.е. 27. Л. 1–10. А.е. 76. Л. 38–41; письмо С.С. Заимова Добровичу, 1.III.1907 г.
- ¹³ Петков И. Паметникът на освободителите в София. С. 69.
- ¹⁴ Известия на Българското инженерно-архитектно дружество в София. Год. VI. 1901. Кн. 3–4. С. 41.
- ¹⁵ Дипломатический агент Болгарии в Петербурге С.Г. Паприков (1906–1908 гг.) сообщает министру иностранных дел Д.Я. Станчову (1906–1908 гг.), что они загрузили три вагона артефактов // НБКВ-БИА. Ф. 13. А.е. 5. Л. 144.
- ¹⁶ ЦДА. Ф. 3к. Оп. 1. А.е. 137. Л. 1об., 3–3 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 4 об.–5.
- ¹⁸ Великое Народное собрание — название Учредительного собрания в Болгарии, которое подготовило и приняло в 1879 г. конституцию Княжества Болгария.
- ¹⁹ ЦДА. Ф. 3к. Оп. 1. А.е. 137. Л. 104–104 об.
- ²⁰ Там же. Л. 9 об. Перечисленные лица являются общественными и политическими деятелями Болгарии.
- ²¹ ЦДА. Ф. 3к. Оп. 1. А.е. 137. Л. 12–12 об.

- 22 Там же. Л. 10.
- 23 Там же. Л. 5.
- 24 Там же. Л. 53. Докладная записка С.С. Заимова князю Фердинанду. 7.III.1900 г. Текст очерка опубликован в: «Списание на българското инженерно-архитектно дружество в София». Год. VI. 1901. Кн. 3–4. С. 42–49.
- 25 ЦДА. Ф. 3к. Оп. 1. А.е. 137. Л. 60 об.–61. Записка С.С. Заимова князю Фердинанду. 4.VII.1900 г.
- 26 Там же. Л. 65 об. Записка С.С. Заимова князю Фердинанду. 8.VIII.1900 г.
- 27 Държавен вестник. 1900. 25.IX. Бр. 208.
- 28 Известия на българското инженерно-архитектно дружество. Год. VI. 1901. Кн. 3–4. С. 54.
- 29 По городам: девять от Парижа, по три из Флоренции и Софии, два из Праги и по одному из Петербурга, Берлина, Рима, Вены, Будапешта, Цюриха, Копенгагена, Гааги, Лиссабона, Ганновера, Турина, Тбилиси, Смирны и Букса. // ЦДА. Ф. 3к. Оп. 1. А.е. 137. Л. 102–103 об.
- 30 Държавен вестник. 1900. 25 IX. Бр. 208.
- 31 ЦДА. Ф. 3к. Оп. 1. А.е. 137. Л. 105.
- 32 100 золотых франков равнялись 100 золотым левам // Държавен вестник. 31.VIII.1900. Бр. 190. С. 4.
- 33 Известия на българското инженерно-архитектно дружество. Год. VI. 1901. Кн. 3–4. С. 66–68.
- 34 Там же. С. 68.
- 35 НБКМ — БИА. Ф. 13. А.е. 11. Л. 1–10б. Письмо С.Г. Паприкова, военного министра Болгарии (1899–1903 гг.), дипломатическому агенту Болгарии в Петербурге Д.Я. Станчову (1896–1906 гг.), 26.XI.1901 г.
- 36 Подробные сведения о том, как прошла закладка памятника Александру II, дает «Български търговски вестник». Год. 9-та. 1901. 25.IV. Бр. 87. С. 1–2.
- 37 Български търговски вестник. 1901. 25 IV. Бр. 87. С. 1–2.
- 38 Държавен вестник. 1901. 25.IV. Бр. 88. С. 1. Письмо князя Фердинанда Николаю II, 23.IV. 1901. Ответная телеграмма Николая II гласила: «Закладка памятника императору Александру II меня глубоко порадовала как свидетельство благодарной памяти болгарского народа, призванного волею моего незабвенного деда к самостоятельной жизни, известие о состоявшемся в Софии торжестве, несомненно, встретит повсюду в России самый живой отклик. Сердечно благодарю Ваше королевское высочество за выраженные в телеграмме чувства от Вашего имени и от имени всего болгарского народа» // Там же. С. 1.
- 39 ЦДА. Ф. 3к. Оп. 1. А.е. 137. Л. 5 об.
- 40 Там же. Л. 7 об.–8.

Место служения — Сараево. Первый дипломатический опыт А.С. Ионина*

Вы, вероятно, давно уже знаете, что я секретарь при сараевском консульстве. Доля ужасная!

А.С. Ионин.

Из письма к П.А. Ефремову. Июль 1857 г.**

Исследователи истории Балкан второй половины XIX столетия не раз обращались к донесениям, аналитическим запискам и частной переписке Александра Семеновича Ионина (1837–1900). Этот дипломат более 45 лет служил в министерстве иностранных дел России и из них почти 30 лет на Балканском полуострове. Вместе с тем в отечественной историографии довольно мало специальных работ, посвященных Ионину¹. Не удостоился он заметки даже в русском биографическом словаре². Между тем личность эта очень интересная. В 1860–1868 гг. Ионин управлял российским консульством в Янине; в 1869–1878 гг. возглавлял консульство³ в Рагузе (Дубровнике); особенно значима была его деятельность в период Герцеговинского восстания и последовавших за ним событий Великого Восточного кризиса (1875–1878 гг.); с 1878 по 1883 гг. он являлся российским министром-резидентом в Черногории; в 1883–1884 гг. временно управлял генеральным консульством в Софии. Затем Ионин был отправлен в другой, малознакомый российской дипломатии регион — Латинскую Америку, службу в которой продолжал до 1892 г.⁴. В начале 1890-х годов он участвовал в ряде международных конференций, посвященных проблеме борьбы с чумой

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, проект № 20-59-18004.

** Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (РО ИРЛИ РАН). Ф. 103. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 1.

и холерой. Последним дипломатическим постом Ионина стала должность русского посланника в Швейцарии (1897–1900 гг.).

Коллеги-дипломаты и общественные деятели комплиментарно отзывались об Ионине и его работе. Начинал же он дипломатическую карьеру в самом западном уголке Османской империи — Боснийском пашалыке, где в период с 1857 по 1860 гг. занимал должность секретаря и драгомана при российском консульстве в Сараеве.

В основе предложенного исследования лежат официальные донесения А.С. Ионина в МИД России, а также источники личного происхождения. Часть из этих материалов опубликована в сборниках документов «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия» и «Зарубежные славяне и Россия»⁵. Основная же масса использованных материалов впервые вводится в научный оборот.

Работа над очерком велась с привлечением документов из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) и Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ РАН). Особо стоит выделить дело А.С. Ионина, хранящееся в фонде Азиатского департамента МИД АВПРИ⁶. Оно содержит сведения о службе А.С. Ионина на Балканах в период с 1856 по 1871 гг. Здесь имеются материалы, касающиеся продвижения дипломата по службе. 28 листов дела посвящено «сараевскому» периоду жизни Ионина — это официальные документы о краткосрочном прохождении им обучения в Константинополе, назначении на должность секретаря и драгомана в Боснию, а также донесения консула в Сараеве Александра Федоровича Гильфердинга (1857–1858 гг.) о сложностях, с которыми пришлось столкнуться на службе его подчиненному, и переписка российских дипломатов относительно возникших у Ионина проблем со здоровьем. И использованные же в исследовании донесения А.С. Ионина из Боснии в МИД были взяты из упомянутого выше сборника «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия»⁷ (представленные здесь документы хранятся в фондах АВПРИ).

Источники личного происхождения, проливающие свет на историю службы дипломата в Сараево, разбросаны по разным архивам. В фонде Арсеньевых ОР РГБ хранится дружеское письмо А.С. Ионина к неустановленному лицу, в котором он говорит о своих ожиданиях относительно предстоящей службы в Боснии⁸. Фонд П.А. Ефремова в РО ИРЛИ РАН содержит письмо Ионина с подробным описанием дороги в Сараево и первых месяцев пребывания там⁹. Стихотворное творчество молодого дипломата, в котором звучат боснийские мотивы, удалось обнаружить в его личном фонде в ГА РФ¹⁰. В АВПРИ хранится письмо Ионина к его дяде, в котором он с долей ностальгии упоминает о своей службе в Боснии¹¹. Следует также отметить послания к директору Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевскому, касающиеся судьбы Ионина. Два из них принадлежат А.Ф. Гильфердингу, который комплиментарно отзывался о своем подчиненном (ОР РНБ и РО ИРЛИ РАН)¹². В третьем письме (от 5 февраля 1859 г.) дядя А.С. Ионина хлопочет перед начальником о будущем своего племянника (АВПРИ)¹³.

Таким образом, для представленного исследования характера мозаичность, что объясняется сложностью поиска информации по заявленной теме. Далеко не все детали службы А.С. Ионина в Боснии и Герцеговине удалось восстановить, однако имеющиеся материалы позволяют не только расширить представления о российской политике в Боснии и Герцеговине, но и обращают внимание на историю повседневной жизни дипломатов на Балканах.

А.С. Ионин родился в 1837 г. в небогатой дворянской семье. В 1854 г. он окончил Лазаревский институт восточных языков. В 1856 г. в чине губернского секретаря поступил на обучение в отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД и позже был направлен в русскую миссию в Константинополь. Ионин надеялся подольше задержаться в столице Османской империи и уже было принялся составлять заметки о городе¹⁴, но в апреле 1857 г. получил назначение на свой первый дипломатический пост — был определен на вакансию драгомана

в новое российское консульство в Сараеве¹⁵. В АВПРИ сохранилось прошение директора Азиатского департамента МИД Егора Петровича Ковалевского к послу в Константинополе Аполлинарию Петровичу Бутеневу — снабдить новоиспеченного дипломата проездными деньгами и отправить к месту службы¹⁶.

Следует отметить, что 20-летний молодой человек воспринял это назначение с глубокой печалью. Перед тем как отправиться в Рагузу, где его ожидал назначенный консулом в Сараево А.Ф. Гильфердинг (1831–1872), Ионин послал письмо от 26 марта 1857 г. неустановленному лицу (скорее всего своему дяде. — *К. М.*), в котором детально передал свои впечатления и ожидания от службы в Боснии¹⁷. «На днях я отправляюсь в Рагузу морем через Смирну, Афины и Корфу, — сообщал он. — Вы, может быть, порадуетесь за меня, подумаете что я отправляюсь на берега Италии под светлое небо Адриатики. Да, до Рагузы бы хорошо, а мне придется оттуда углубиться еще в одно из самых положительных захолустьев Турции, где небо, может быть, такое же голубое, как и в Италии, где природа, говорят, прекрасна, но где красоты ее совсем не отразились на человеке; именно я еду в Боснию <...> Мой товарищ, с которым мы вместе начали службу, назначен в Иерусалим, ему тут одна дама сказала, что она ему очень завидует, потому что он едет спасаться. “Нет, сказал я, мнѣ надобно больше завидовать, я сам еду спасать босняков от невежества”. Но мне не позавидовали. Признаться Вам, так если б я был сам на ее месте, тоже себе бы не позавидовал. Всё вот до сих пор видел людей, а теперь надобно ладить с дикарями»¹⁸. Недоволен Ионин был и своим начальником. Он писал, что Гильфердинг, магистр санскритской древности¹⁹, едет в Боснию только изучать памятники, «а не для того, чтобы быть настоящим консулом». Ионин с горячностью неопытного человека полагал, что делать в Боснии совершенно нечего и одному дипломату. Гильфердинг через полгода вернется в Петербург, «чтобы издать там что-нибудь о непонятных надписях», которые можно принять за санскритские, а он останется управлять этим консульством. Утешал Ионин себя в какой-то степени перспективой занять должность консула, хоть и в Сараеве, и тем, что по долгу службы ему предстояли частые поездки в Вену и Рагузу. Кроме того, начальство

обещало, что его пребывание в Боснии продлится не более полутора лет²⁰.

Весной 1857 г. Ионин доставил инструкции, фирман (указ султана) и берат (грамота, свидетельство) в Рагузу Гильфердингу. Но дипломаты не могли двинуться в путь, так как новоиспеченного драгомана не снабдили средствами для проезда в Сараево. Гильфердинг испросил разрешения консула в Рагузе Петра Николаевича Стремоухова оплатить расходы своего подчиненного из средств, выданных на устройство консульства, что и было сделано с позволения вышестоящего начальства²¹. В Рагузе Гильфердинг нанял переводчика с турецкого языка, так как Ионин, не имея большого опыта живого общения на турецком, не был уверен в своих знаниях этого языка²². Переводчик сопровождал дипломатов в Сараево и пробыл там до июля 1857 г.

Уладив все необходимые вопросы, Гильфердинг и Ионин отправились в путь. Дорога в Сараево заняла около двух недель. Решено было ехать через Требине и Мостар. Существовал более короткий и безопасный путь по реке Неретва через город Меткович, но нужно было оценить ситуацию в неспокойных уголках Герцеговины. О пути до Сараева А.С. Ионин подробно рассказал в письме от 3/17* июля 1857 г. к своему приятелю, издателю и литературоведу Петру Алексеевичу Ефремову: «Прибывши в Рагузу, мы отправились с консулом в путь верхом до самого Сараева, куда мы за разными церемониями и остановками приехали только на 12-й день, хотя настоящего пути быстрого только 6. Вы себе представить не можете этого отчасти несносного путешествия по скалам, по склизким камням, по таким крутизнам, что нужно просто скатываться, и совершенно без пути и дороги. Дикость невероятная, везде разрушение и ветхость, в народе апатия, доходящая до глупости. Впрочем, иногда мы были вознаграждаемы истинно великолепными видами. В долинах природа роскошна, зато на горах — голый черный камень, на котором не растет даже и вереск. Как приятно ехать верхом по такому пути, уже предоставляю вообразить Вам. <...> Церемониал и быт ту-рок со здешними угнетенными несчастными христианами еще

* Так в тексте документа.

более замечателен. Обеды на полу, руками, разговоры с мудирами (городничими)...»²³.

В Сараеве Ионин вновь оказался в стесненном положении. Из министерства прислали средства на возмещение его путевых расходов, но финансов на обустройство на месте не выделили. Гильфердинг вновь просил начальство позаботиться о драгомане консульства: «Долгом считаю донести, — писал он, — что по образу жизни в Сараеве г. Ионину предстоят, при обзаведении здесь, некоторые издержки (как то покупка лошадей для него и служителя), которые ему трудно бы было уплатить из одного жалования»²⁴ (драгоману-секретарю при сараевском консульстве полагалось 1 176 руб. в год²⁵. — *К. М.*).

Постепенно Ионин не только обрел уверенность в турецком языке, но и освоил сербский. Правда, признавался, что родственный славянский язык давался ему куда сложнее итальянского²⁶.

«Теперь Вы можете посмеяться надо мной: я дипломат, хоть у дикарей босняков, а всё-таки дипломат, то есть могу там жить и ничего не делать, играть только роль представителя»²⁷, — так описывал свои первые впечатления от службы в Сараеве Ионин.

Уже в июле 1857 г. Гильфердинг отправился путешествовать по Боснии и Герцеговине²⁸, а Ионин остался в Сараеве вести дела консульства. Своему товарищу Ефремову он жаловался, что в Боснии «скучненько», но работать одно и то же, что в Петербурге. «Для будущности, я думаю, что я выиграю назначением меня в Сараево, потому что это пост совершенно дипломатический, учрежденный только в этом году и весьма важный, что Вы можете видеть по географическому положению Боснии. Теперь я принял консульство на 1,5 месяца, а потом Гильфердинг, вероятно, пробудет с месяц и отправится в Петербург, оставя меня. Разумеется, тогда мне будет значительная прибавка жалования, и через год управления могу надеяться и быть утвержденным консулом. А это вещь не вредная, потому что консул получает 2 500 жалованья, кроме чрезвычайных издержек», — рассуждал Ионин в июле 1857 г.²⁹.

Представления драгомана о том, что работы в Боснии будет немного, оказались ошибочными. Уже с первых месяцев дела у консульства кипели, о чем он подробно писал Ефремову: «Всё

утро занято визитами и приходящими с разными просьбами и объявлениями, всё это записывается, а депеши делаются огромными для Петерб[урга], Вены и Констан[инополя]. Можете судить, что для этого надобно время. Сейчас я лезу в мундир. Сюда приехал вчера новый австрийский генеральный консул и придет ко мне с визитом через час как к представителю России в мундире, надобно и мне напяливать. Впрочем, в несении службы привыкаешь к мундиру. Однако страшно хочется в Россию. Да я через год, полтора, если назначат сюда другого, непременно явлюсь к Вам в одно прекрасное утро»³⁰. Ионин мечтал, что Гильфердинг до того времени отпустит его хотя бы на карнавал в Венецию. А в свободное время упражнялся в стихотворчестве³¹:

*Средь Сараева есть дом,
Живет купец в дому богато,
А дочь его всё под окном
Сидит, и [всё пылает]* златом,
Сидит она в своей светлице,
Поет и шьет весь день-деньской,
И весело бы жить девице,
Лилось бы счастье к ней одной,
Да полюбился ей несчастной
Красавец дивный, да бедняк...
Холодный ветер, день [ненастный],
И он, одетый кое-как,
Всё под окном ее печально
Сидит и грустно так поет —
«Уйти мне лучше в путь бы дальний,
Да сил расстаться не дает,
Зачем мне молодость и сила,
[Зачем мне жизнь и красота],
Зачем меня ты полюбила,
Я горемыка-сирота».*

* Здесь и далее в квадратных скобках неразборчивые слова автор очерка воспроизводит по смыслу.

Но вот ворота открывают,
 Из них идет отец-старик,
 И горемыку прогоняют,
 Ему во след и брань, и крик.
 Девушка плачет [непрестанно]
 И хочет уморить себя,
 Да видно не умрет любя...

Вечер в тот день пришли к ней сваты
 От жениха от старика,
 Подарки принесли богаты,
 И шелк, и [бархат], и меха.
 У девы разгорелись глазки,
 И думает уже она:
 — Зачем мне и красавца ласки,
 Когда в шелку я убрана.
 А завтра в церкви обвенчалась
 И стала старика женой,
 Да лишь недолго потешалась,
 Стал бить ее старик блажной.

Стоит береза пред зарею,
 На ней алмазная роса,
 Но солнце встанет над землею,
 Зажжет лучами небеса,
 Восток зардеется блистая,
 И высохнет роса ночная...

Девушка плачет над могилой,
 Где мать ее погребена.
 Вдруг слышит шорох — это милый,
 И в миг в объятиях она.
 Любовь девичья сушит слезы,
 Как солнце росу на листьях березы³².

Донесения Ионина в Азиатский департамент МИД также свидетельствуют, что его ожидания относительно того, что в Сараеве дипломатам «нечего делать», не оправдались. Обязанностей было немало: секретарь консульства поддерживал отношения

с дипломатическими представителями других держав, напрямую общался с османскими чиновниками, постоянно принимал депутации местных христиан и пытался решать их многочисленные проблемы³³.

В конце декабря 1857 г. Ионин был отправлен Гильфердингом в главный город Герцеговины — Мостар. Официальной целью визита значилось информирование герцеговинского губернатора о поручении консульских обязанностей по Герцеговине сараевскому консульству. На самом же деле в задачу дипломата входил сбор сведений о положении дел в восставших районах Герцеговины³⁴. В Мостаре Ионин поселился в резиденции герцеговинского митрополита Григория, в доме школы при церкви³⁵. С самого начала визита он оказался в очень сложной ситуации, так как по пашалыку активно распространялись слухи о том, что путешествовавший по этим землям Гильфердинг спровоцировал восстание христиан. Видимо поэтому губернатор Васиф-паша оказал Ионину холодный прием³⁶: если представителей других держав встречали с большой помпой, то российскому дипломату уделили лишь несколько минут.

Секретарь консульства напрямую направлял донесения о событиях в крае в Санкт-Петербург и Константинополь³⁷. Ему удалось выяснить причины негодования властей на российское консульство и раскрыть интригу английских дипломатов, которые занимались агитацией герцеговинцев к восстанию на местах, выдавая себя за русских³⁸. Перед Иониным стояла еще одна важная задача — договориться с местными властями об открытии консульства России в Мостаре³⁹. Тем временем восстание ширилось, и отношения с османскими властями оставались натянутыми. Даже иностранных дипломатов смущали действия местных управленцев против Ионина. Идею открытия российского дипломатического представительства в Мостаре они приняли в штыки⁴⁰.

Гильфердинг очень высоко отзывался о работе Ионина в Мостаре. Когда в январе 1858 г. Александр Федорович получил известие о том, что ему пожалован орден св. Анны 3-й степени, то сразу же написал директору Азиатского департамента, доброму другу его семьи Е.П. Ковалевскому: «Если бы мне был пред-

ставлен выбор, я должен сказать по совести, что охотнее видел бы крестик не на себе, а на груди доброго товарища сараевского изгнания, который более меня, кажется, заслужил такой награды. Для меня пребывание в Сараеве, по своей кратковременности, было приятной оригинальностью и дало мне возможность совершить путешествие, которого я особенно желал и которое вознаградилось богатой археологической добычей. Пока я проводил часть лета в привлекательных для меня изысканиях, г. Ионин осужден был на затворничество в душном турецком городе. И теперь, когда Ваше превосходительство дает мне позволение возвратиться в Россию и к отцу моему, г. Ионину предстоит, вероятно, не краткая еще разлука с родными. Недавно понадобилось, для пользы службы, чтобы один из нас поехал по трудному смертному пути в Мостар — зябнуть там в неотапливаемой комнате (таковы дома в Мостаре) и встретить самый неприветливый прием от турок. И эту жертву должен был опять принять на себя г. Ионин. Не зная турецкого языка и мало знакомый с турецкими законами и обычаями, я ему предоставил все сношения с пашой и митрополитом и не могу довольно похвалить Вашему превосходительству его благодетельное и такт. Такие же качества окажет он, я уверен, и в настоящую свою командировку. Первые донесения его из Мостара уже заслужили, я надеюсь, Вашего одобрения. Всё это придает мне смелость покорнейше просить Ваше превосходительство, чтобы Вы удостоили обратить внимание на этого даровитого молодого человека и поощрить его каким-нибудь знаком монаршей милости, который, повторяю, был бы более заслужен на его груди, чем на моей. Случай к тому может представить нынешняя его командировка в Мостар, если она, как я уверен, окончится к его чести. Было бы даже полезно возвысить его такой наградой в глазах турецких властей, со стороны которых он встретил, несмотря на все официальные рекомендации, такой дерзкий прием в Мостаре»⁴¹.

В феврале 1858 г. Гильфердинг официально покинул свой пост. Новым консулом в Сараеве был назначен опытный дипломат Евграф Романович Щулепников. Ожидания Ионина занять должность консула не оправдались. Вероятно, причинами этого явились история с обвинением российских дипломатов в орга-

низации восстания и негативное отношение местных властей к Ионину и Гильфердингу⁴².

В апреле 1858 г. Шулепников направил Ионина в командировку в герцеговинское Требине, где велись мирные переговоры турок с повстанцами⁴³. К этому времени Черногория присоединилась к борьбе герцеговинцев с османскими властями. Ионин стал свидетелем победного сражения участников восстания с правительственными войсками в Грахово. Боснийский историк И. Тепич предполагал, что в начале мая Ионин и представитель английского консульства были заключены в тюрьму по обвинению в шпионаже и подстрекательстве к восстанию. Правда, в заключении Ионин провел всего три дня, после чего бежал в Австрию⁴⁴. Но вскоре он вернулся в Боснию, и в конце мая вновь появляются его донесения из Мостара⁴⁵.

Ионин состоял в переписке с настоятелем русской посольской церкви в Вене Михаилом Федоровичем Раевским⁴⁶, помогал ему в вопросах распределения помощи из России для школ и церквей Боснии и Герцеговины, а также в деле отправки боснийских и герцеговинских мальчиков на обучение в Россию⁴⁷. Он даже получил шифр от Раевского для секретной переписки⁴⁸. Александр Семенович также стал агентом славянских комитетов⁴⁹.

С июля 1858 г. Ионин упоминает в письмах об ухудшении своего самочувствия. Он надеялся получить отпуск и отправиться на месяц домой⁵⁰. К середине августа состояние здоровья молодого дипломата ухудшилось еще больше⁵¹, но дозволение отправиться на лечение в Вену он получил только в конце сентября. Болезнь к тому времени была уже в запущенном состоянии⁵². Судя по тому, что 6 октября датируется очередное донесение секретаря консульства Бутеневу, лечение продлилось недолго. Затем на некоторое время донесения Ионина исчезают. Свет на это дело проливает письмо дяди молодого дипломата к Е.П. Ковалевскому, датированное 5 февраля 1859 г.: «Вы подаете мне надежду не оставить моей покорнейшей просьбы о милостивом внимании к моим двум племянникам: Александру и Владимиру Иониным⁵³, из коих первый, добрый и умный юноша, был при консульстве в Боснии, а теперь, вероятно, в Палерме для поправления своего здоровья. Он простудился в Мостаре, и у него открылось

кровохарканье, угрожающее дурными последствиями, если Бог не сохранит его»⁵⁴. Дядюшка переслал Ковалевскому письмо племянника из Неаполя, в котором некогда недовольный назначением в «дикую Боснию» Ионин тоскует (вот удивительно!) по этим славяно-турецким краям: «Не считите меня за педанта, если я Вам скажу, что Италия после Боснии не только не производит впечатления, но даже разочаровывает, я говорю о природе. Правда, в Боснии нет ни лимонов, ни апельсинов, но ее зеленые горы, бархатные луга со сверкающими речками, окруженные горными скалами, до того величественны, а часто аркадски-поэтичны, что превосходят всякое воображение, и я, который бежал от ее скуки, теперь, среди Италии, под блестящим небом Неаполя, с благодарностью вспоминаю часы упоительного восторга, которые мне доставляли боснийские картины...»⁵⁵.

Начальство высоко ценило Ионина — его, несмотря на болезнь и отсутствие в Сараеве, оставили на посту секретаря консульства, чтобы он продолжал получать жалованье⁵⁶. Из министерства иностранных дел российскую миссию в Неаполе просили позаботиться о молодом дипломате⁵⁷.

В начале августа 1859 г. Александр Семенович вновь отправился к месту службы в Сараево, на этот раз через Белград. Там у него случился сильный приступ, и доктора категорически запретили ему ехать верхом по бездорожью в Боснию, климат которой пагубно сказывался на состоянии его легких⁵⁸. Российский консул в Белграде М.Р. Милошевич отправил Ионина в Вену, где в это время в отпуске находился и А.Ф. Гильфердинг. Последний встречу с Иониным описал в письме к Ковалевскому: «Сейчас был у меня Ионин (старший). Он отправился было в Сараево по приказанию Вашего превосходительства, доехал до Белграда и там слег в постель, стал опять харкать кровью. Тамошние медики предсказывали ему верную смерть, если он в этом состоянии поедет в Боснию, верхом. Милошевич и Кожевников, принявший в нем особенно горячее участие, почти насильно удержали его от такого путешествия и заставили возвратиться в Вену, для лечения. Сердце сжимается при виде этого прекрасного, талантливого, исполненного любви ко всему, благородного молодого человека, как он вдрут, среди живого разговора остановится, схватится

за бок и скажет: “Ой колет, больно!” В.П. Балабин* намерен засвидетельствовать перед Вашим превосходительством опасность его положения и просит Вас о дозволении ему предпринять новое лечение, где прикажут доктора. Я со своей стороны осмеливаюсь присоединить в его пользу свое слабое ходатайство и умоляю Вас быть по-прежнему снисходительным к бедному Ионину»⁵⁹.

В.П. Балабин также направил письмо Ковалевскому, в котором изложил обстоятельства дела Ионина и помог ему организовать лечение в швейцарском городе Интерлакене⁶⁰.

Вернулся ли Ионин в Боснию? Установить этого по документам не удалось. Здоровье же он свое поправил. 13 сентября 1860 г. министр иностранных дел России Александр Михайлович Горчаков поручил передать управление консульством в Янине секретарю и драгоману консульства в Сараеве А.С. Ионину⁶¹. Начался новый этап в карьере дипломата.

Служба в Боснии и Герцеговине серьезно подорвала здоровье Ионина, но в этих краях он приобрел бесценный опыт. Его прекрасное знание этой славяно-турецкой области сыграло большую роль в годы Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. Находясь в Рагузе, Ионин был одним из основных информаторов МИД и славянских комитетов о событиях в регионе и главным посредником в деле доставки русской помощи местным жителям⁶². Приобретенный опыт работы пригодился ему и позже, когда он стал министром-резидентом в Черногории. Представления Ионина о Боснии и Герцеговине и его отношение к этим краям пережили значительную эволюцию. И хотя его ожидания от службы в «ди- кой Боснии» не совпали с реальностью, именно там он получил настоящую дипломатическую закалку.

Изложенный в очерке сюжет может показаться незначительным, однако привлечение новых материалов позволяет расширить представления о деятельности российских дипломатов в Боснии и Герцеговине в период после Крымской войны, а также дополняет биографии видных работников МИД России новыми интересными фактами.

* Виктор Петрович Балабин (1812–1864) — русский дипломат. В 1858–1860 гг. находился в Австрии с особым поручением, а в 1860–1864 гг. был посланником, затем послом в Вене.

Примечания

- ¹ См.: Казаков В.П. А.С. Ионин — первый русский историк Аргентины // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2011. № 3. С. 74–80; Хлебникова В.Б. Российский дипломат А.С. Ионин о положении Черногории после Берлинского конгресса и о внешнеполитических планах России на западе Балканского полуострова // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность). Сб. статей / гл. редактор К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 310–324. DOI 10.31168/2618-8570.2019.13.
- ² В словаре есть статья о младшем брате Ионина — Владимире Семеновиче. См.: Ионин Владимир Семенович // Русский биографический словарь. Т. 8. Ибак — Ключарев. СПб., 1897. С. 320–321.
- ³ С 1875 г. генеральное консульство.
- ⁴ В 1883–1892 гг. посол в Бразилии, одновременно в 1885–1892 гг. русский посланник в Аргентине. Содействовал установлению дипломатических отношений Российской империи с Аргентиной, Уругваем и Мексикой. Автор сочинения «По Южной Америке» (СПб., 1892).
- ⁵ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М.: Наука, 1975; Югословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80 године XIX века. Београд, 1989; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М.: Наука, 1985.
- ⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 154. Азиатский департамент МИД. Оп. 710-1. Д. 112. 78 л.
- ⁷ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия.
- ⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 13. Арсеньев В.С., Арсеньев Ю.В. Картон 24. Ед. хр. 30. 2 л.
- ⁹ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее — РО ИРЛИ РАН). Ф. 103. Ефремов П.А. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 1–8 об.
- ¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 939. Ионин А.С. Оп. 1. Д. 5.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710-1. Д. 112. Л. 16–19.
- ¹² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 356. Ковалевский Е.П. Оп. 1. Ед. хр. 176. 4 л.; РО ИРЛИ РАН. Ф. 93. Собрание Дашкова. Оп. 4. Ед. хр. 32. 2 л.
- ¹³ АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710-1. Д. 112. Л. 14–15.
- ¹⁴ ОР РГБ. Ф. 13. Картон 24. Ед. хр. 30. Л. 2 об.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710-1. Д. 112. Л. 6.
- ¹⁶ Там же. Л. 6–7.
- ¹⁷ ОР РГБ. Ф. 13. Картон 24. Ед. хр. 30. Л. 1–2 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 1–1 об.
- ¹⁹ В 1853 г. А.Ф. Гильфердинг защитил в Московском университете магистерскую диссертацию по теме: «Об отношениях языка славянского к другим родственным».
- ²⁰ ОР РГБ. Ф. 13. Картон 24. Ед. хр. 30. Л. 1–2 об.
- ²¹ АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710-1. Д. 112. Л. 10.
- ²² Там же. Л. 12–12 об.
- ²³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 103. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 6 об.–7.

- 24 АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710-1. Д. 112. Л. 11 об.
- 25 Справочная книга для должностных лиц центральных и заграничных установлений министерства иностранных дел. Составил по поручению министерства иностранных дел М. Никонов. СПб., 1869. С. 271–275.
- 26 РО ИРЛИ РАН. Ф. 103. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 1.
- 27 ОР РГБ. Ф. 13. Картон 24. Ед. хр. 30. Л. 2.
- 28 *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб.: В Тип. Имп. Академии наук, 1859.
- 29 РО ИРЛИ РАН. Ф. 103. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 7–7 об.
- 30 Там же. Л. 8.
- 31 ГА РФ. Ф. 939. Оп. 1. Д. 5.
- 32 Стихотворения А.С. Ионина. Черновики. Б. д. // ГА РФ. Ф. 939. Оп. 1. Д. 5. Л. 5–7 об. Приведена одна из версий стихотворения.
- 33 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. С. 75, 77–78, 85.
- 34 Там же. С. 107–108.
- 35 Там же. С. 118.
- 36 Там же. С. 116.
- 37 Там же. С. 107–108, 117–119, 121–123, 128–129.
- 38 Там же. С. 121–123.
- 39 Добиться открытия российского консульства в Мостаре удалось только в августе 1858 г. Первым консулом стал Валериан Владимирович Безобразов.
- 40 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. С. 131.
- 41 РО ИРЛИ РАН. Ф. 93. Оп. 4. Ед. хр. 32. Л. 1 об.—2об.
- 42 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. С. 158.
- 43 Там же. С. 162–165.
- 44 *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево: Веселин Маслеша, 1988. С. 257–265.
- 45 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. С. 171.
- 46 О М.Ф. Раевском см.: *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославы. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.
- 47 Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. С. 177; Югословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевог. С. 274–276.
- 48 Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 347. Раевский М.Ф. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1, 6; там же. Ед. хр. 79. Л. 1; Югословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевог. С. 274.
- 49 О славянских комитетах см.: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1856–1876 годах. М.: Издательство Московского университета, 1960.
- 50 Югословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевог. С. 274.
- 51 Там же. С. 276.
- 52 АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710-1. Д. 112. Л. 13.
- 53 Владимир Семенович Ионин (1838–1886) — выпускник Лазаревского института восточных языков, обучался в отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД; в 1859 г. был послан студентом миссии в Константинополь; в 1860 г. был назначен секретарем консульства в Мостаре; в 1865 г. — драгоманом генерального консульства в Белграде; с 1867 г. — секретарь консульства в Рагузе, в сентябре 1867 г. был перемещен в Бейрут в звании секретаря и

драгомана генерального консульства. В 1869 г. был назначен консулом в Дамаск, в 1871 г. вторично переведен в Петербург в Азиатский департамент чиновником сверх штата, а 18 января 1872 г. уволен от службы с пенсией; в мае 1872 г. В.С. Ионин поступил на службу в департамент таможенных сборов. В сентябре 1875 г. оставил службу по министерству финансов и уехал на юг. В 1876 г. он был председателем Болгарского революционного комитета в Бухаресте. 29 сентября 1877 г. был избран председателем Боснийского народного временного правительства. Вскоре был вынужден бежать. Последние годы жизни провел в Петербурге.

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710-1. Д. 112. Л. 14–15.

⁵⁵ Там же. Л. 16–16 об.

⁵⁶ Там же. Л. 20.

⁵⁷ Там же. Л. 22.

⁵⁸ Там же. Л. 23–28.

⁵⁹ ОР РНБ. Ф. 356. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 4 об.

⁶⁰ АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710-1. Д. 112. Л. 28.

⁶¹ Там же. Л. 29.

⁶² См. донесения А.С. Ионина, опубликованные в: Уједињена омладина српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. Нови-Сад: Будућност, 1977; Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М.: Индрик, 2008.

Славянские и антиславянские идеи болгар и греков (середина XIX — начало XX вв.)*

Восточный вопрос обычно определяется как «конкретно-исторический» или «абстрактно-исторический». Первый исследовательский подход фокусируется на катаклизмах судьбы Османской империи в XVIII–XIX вв., а второй — на различных формах противостояния Европы и Азии, германского и славянского мира, христианства и ислама в гораздо более широких исторических границах¹.

Важным компонентом сложного комплекса отношений, создаваемого Восточным вопросом, является то, что великие державы, борясь за господство в нем, переносят в Юго-Восточную Европу не только политическое, но и идеологическое противостояние. Их идеологические доктрины, часто являющиеся продолжением их политических интересов, находят поддержку у балканских народов и влияют на идеологический и политический климат в регионе. Со своей стороны, представители политической, экономической и культурной элит на Балканах пытаются использовать политическое и идеологическое противостояние между великими державами для решения проблем своих народов.

Цель данного исследования — проанализировать представления болгар и греков о роли России на Балканах с середины XIX до начала XX вв. В этот период болгарская нация борется за свое утверждение, что противопоставляет ее греческим планам господства в Юго-Восточной Европе и неизбежно переплетает интересы двух народов с интересами великих держав. Представления о русских планах в регионе вызывают у болгар

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Национального научного фонда Болгарии, проект № КП-06-Русия/19 «Векторы исторического развития и национальные идеи на Балканах (XVIII–XXI вв.)».

и греков ожидания, надежды и опасения, которые постепенно перерастают в устойчивые стереотипы, провоцируя, казалось бы, нелогичные действия. Чтобы найти ответ на эти эмоциональные реакции, нами будут рассмотрены конкретные примеры, показывающие, как славянские и антиславянские идеи использовались в политических целях болгарской и греческой элитами соответственно. Поскольку эта тема слишком обширна, в данной работе будут приведены лишь несколько примеров, которые иллюстрируют ее и служат основой для ее дальнейшего, более детального изучения.

По разным причинам, главным образом, историческим и географическим, деятели греческого Просвещения были первыми на Балканах, которые на рубеже XVIII — XIX вв. распространяли среди своих соотечественников идею национального освобождения и присоединения к народам «просвещенного Запада». Однако после создания независимого Греческого государства в нем постепенно перевес получили идеи романтизма, антизападные и мессианские настроения². Это колебание греческой элиты перед дилеммой Восток-Запад совершенно логично, хотя бы потому, что после завоевания Константинополя османами в 1453 г. граница между Востоком и Западом на долгое время стабилизировалась, оставив Балканский полуостров частью Востока.

За время существования «Мегали идеи» с 40-х годов XIX в. до катастрофы в Малой Азии в 1922 г.* греческая элита постепенно сформировала концепцию «нашего Востока» (*Kath' ημάς Ανατολής*), получившую окончательное идеологическое завершение в период между Первой и Второй мировыми войнами³. Эта идеологическая конструкция подчеркивает три основных компонента: православие, язык и традицию, чтобы доказать существенное различие между греками и Западом и оправдать их право доминировать на Востоке. Разумеется, географический размах «греческого» Востока имеет самые разные трактовки в произведениях той эпохи. Но независимо от того, берет ли он за основу исторические границы империи Александра Македон-

* Малоазийская катастрофа — термин в греческой историографии для описания резни и изгнания греческого населения из Малой Азии (после поражения греческой армии) войсками Мустафы Кемала в апреле 1922 г.

ского или Византийской империи, обычно «греческий» Восток включает Балканский полуостров, Восточное Средиземноморье, Малую Азию, Сирию и все другие области, населенные “великим греческим народом”⁴. Это создает ощущение единства в греческом мире, который разбросан на три континента и к которому присоединяются все те, кто «верит во Христа и имеет греческий язык как язык своего отца», согласно удачному определению Иоанниса Колетиса⁵.

Несмотря на различные этапы развития «Мегали идеи» — начиная с мечты о создании восточной греческой империи с центром в Константинополе, через надежду на мирное проникновение в Османскую империю и ее завоевание «изнутри», до утверждения прагматической цели расширения границ Королевства Греции — в ней всегда преобладает идея «духовной общности политически разделенной нации»⁶. Таким образом, подчеркивается, во-первых, что эта нация намного больше, чем та, которую охватывает свободное греческое государство, и, во-вторых, именно греческая цивилизация, а не Греция, является центром, объединяющим нацию. Следует, конечно, отметить, что представители европейской элиты вносят свой вклад в построение этой теории. Еще в 1835 г. Георг Людвиг фон Маурер, регент греческого короля Оттона I (1832–1862 гг.), выразил мнение, что «судьба Греции — передать свет европейской цивилизации в Азию и за ее пределы». Он дал толчок греческому мессианизму, заявив, что Греция была «колыбелью цивилизации в Европе» и теперь должна «вернуть Азии, Египту и другим странам Востока то, что она позаимствовала у них тысячи лет назад»⁷.

Исходя из претензии культурного превосходства, цивилизационной и объединяющей роли Востока, идея о том, что Греция должна стать его политическим объединителем, вполне логична. Распространение эллинизма превращается в миссию, а принадлежность к нему — в привилегию, которую можно получить, изучая греческий язык. Язык, религия, традиции — это инструменты, призванные создать «воображаемое» сообщество, объединяющее греков внутри и за пределами Османской империи. До Крымской войны 1853–1856 гг. греческая элита формулирует основные тезисы агрессивного и крайнего национализма, ко-

торый во второй половине XIX в. под предлогом присоединения к «духу эллинизма» обращается к эллинизации Востока⁸. Об исключительном месте, которое греческие интеллектуалы отводят эллинизму, свидетельствует мнение Константиноса Досиоса (1854 г.). Согласно ему, российский император видит в своих кошмарах призрак грека, держащего скипетр византийских императоров⁹. По-видимому, в середине XIX в. часть греческой элиты представляла себе, что она конкурирует с Россией за османское наследство, и опасалась влияния России в Православных Церквях и среди славянских народов.

Ситуация осложняется национальной эмансипацией болгар от православной общности в Османской империи. Хотя болгарская нация формировалась с некоторым опозданием по сравнению с греческой, в первой половине XIX в. этот процесс уже начался. Его видимые черты — стремление болгар получить образование на своем родном языке и их борьба за независимую церковную иерархию. Однако национальное освобождение болгар неизбежно превращает их во врагов идеи «греческого Востока», в котором нет места другим народам, кроме греческого¹⁰. Это заставляет болгарских просветителей искать способы защитить право на существование своего народа. Первые из них — Григор Парличев, Иван Селимински, братья Константин и Киряк Даржиловци — не умеют читать и писать по-болгарски, потому что получили образование в греческих школах¹¹. Однако именно они являются самыми фанатичными распространителями болгарской национальной идеологии, борцами за современное болгарское образование и церковную независимость. Причина в том, что они являются свидетелями насаждения романтизма в Греции и жертвами теорий о превосходстве греческой нации над «варварами» болгарями. Их желание доказать важность своего народа и найти для него место на провозглашенном «греческом» Востоке неизбежно подталкивает к идее славянского единства.

Большое значение для зарождения славянской идеи среди болгар имели работы Юрия Венелина (1802–1839), впервые обосновавшего тезис об их славянском происхождении и уделившего особое внимание болгарскому языку как главному носителю национальности. Его творчество приобщает болгар к славянскому

миру и отводит им особую миссию, поэтому оно находит широкий отклик среди болгар. Под его влиянием Иван Селимински (1799–1867)¹² систематически использовал славян в своих трудах как синоним болгар и, таким образом, включил своих соотечественников в «120 миллионов славян», которые являются «великим народом», объединенным «общим происхождением, языком и вероисповеданием». Несомненно, присоединение болгар к «вековому славянскому дубу», которому не может угрожать «слабое греческое дерево», — это ответ И. Селиминского на греческую Мегали идею¹³. По его словам, славяне являются автохтонным населением на территориях «Болгарии, Дардании, Македонии, Иллирии, Герцеговины, Боснии, Сербии, Хорватии, Далмации, Словении, Моравии, Чехии, Галиции, Людомирии*, Польши и России», а народ, населяющий болгарские земли, всегда был таким же, и никакие захватчики или поселенцы не разбавили его этническую чистоту¹⁴. Эта теория обосновывает древнее происхождение болгар, чтобы доказать, что они не уступают грекам. Вместе с тем она направлена на получение политической поддержки со стороны России для освобождения и консолидации болгарской нации¹⁵. Таким образом, основываясь на традициях, языке и православии, болгарские деятели той эпохи стремились причислить свой народ к «славянскому Востоку», который, в их глазах, является единственной альтернативой «греческому Востоку».

Судя по всему, в середине XIX в. дилемма Восток–Запад была решена и греками, и болгарскими в пользу Востока, который они превращают в арену столкновения между славянской и антиславянской идеями. С учреждением Болгарского экзархата (1870 г.) и, в еще большей степени, с созданием Болгарского государства (1878 г.), это столкновение, помимо идеологического значения, приобретает и реальные политические измерения. Болгарская национальная доктрина основана на Сан-Стефанском договоре, согласно которому Болгария должна включать географические районы — Мизию, Фракию и Македонию. Эти границы опреде-

* Очевидно, И. Селиминский перечисляет существующие государства, географические и исторические районы Балкан, Восточной и Центральной Европы. Так, например, Дардания — название римской провинции в Центральных Балканах.

лены на основании султанского фирмана об учреждении Болгарского экзархата и воспринимаются болгарским народом как справедливые и обязательные для национального объединения. Среди политических партий Болгарии существует консенсус по вопросу о том, что главной целью болгарской внешней политики является национальное объединение болгарского народа, несправедливо разделенного на Берлинском конгрессе. Различия между ними связаны с тактическими вопросами — когда, какими средствами и с помощью кого будет достигнуто успешное решение этого вопроса.

Осуществление болгарской национальной доктрины, очевидно, предполагает выход Болгарии к Эгейскому морю, который в Афинах оценивается как самая большая угроза. В 1883 г. национальному греческому историку Константину Папаригопулосу было поручено написать доклад, уточняющий конкретные рамки, в которых можно было бы защитить претензии Греции¹⁶. Этот документ, составленный по чисто политическим причинам, излагает план объединения Греции, суть которого состоит в том, что сухопутная связь Греции с вожделенным Константинополем и с эллинизмом в Малой Азии должна поддерживаться любой ценой. Греческий историк утверждает, что Греции нужна сила, чтобы получить морское и островное преимущество и превратиться в ядро сосредоточенной вокруг Эгейского моря греческой нации. В противном случае она останется островной страной, то есть с легко уязвимой протяженной границей. Еще в 1885 г. план, предложенный К. Папаригопулосом, был публично объявлен премьер-министром Харилаосом Трикуписом и в последующие годы стал основой греческой политики.

Практически одновременно с К. Папаригопулосом Вселенский Патриарх Иоаким III представил свою точку зрения о границах эллинизма на Балканах. Он считает, что северная граница эллинизма включает города Драч, Прилеп, Струмицу, Мельник, Неврокоп, Эдирне и Созополь, и настаивает на том, что если болгары получают доступ к морю, это было бы «самоубийством» для эллинизма. Патриарх считает границу, установленную Берлинским конгрессом между Восточной Румелией и остальной частью Фракии, очень выгодной для греков и настаивает на том,

чтобы в ней не допускались никакие изменения¹⁷. Между взглядами Патриарха и греческого правительства на районы Балкан, в которых должно утвердиться греческое влияние, нет смысловой разницы.

Таким образом, политические доктрины Болгарии и Греции сталкиваются и вписываются в сложный комплекс Восточного вопроса и игры великих держав за господство в регионе. Напомним, что защищая британские интересы от российского влияния на Балканах и в Восточном Средиземноморье, лорд Солсбери доказывал на Берлинском конгрессе, что нельзя допустить, чтобы греки подчинялись славянскому большинству и их раса была ассимилирована, и чтобы Болгария получила выход на Эгейское море¹⁸. Греческие политики воспользовались совпадением своих интересов с интересами Великобритании и в последующие десятилетия неизменно настаивали на том, чтобы греки рассматривались как барьер для роста славянского влияния на Балканах. С трибуны греческого парламента Х. Трикупис заявляет: «В вопросе противодействия славянству эллинизму у нас есть сотрудничество, которое не соответствует дружбе дежав с Грецией, а гораздо больше... У нас есть достойная роль, равная роли великих держав...»¹⁹.

Таким образом, с благословения Великобритании угроза славянства стала краеугольным камнем греческой политики и идеологии, потому что борьба со славянами одновременно продвигала греческие политические интересы и льстила самоуверенности греков, представляя их защитниками цивилизации от варваров-славян. Эту позицию очень четко выражает Неоклис Казазис, профессор права Афинского университета²⁰. По его словам, Россия проводит политику панславизма против греков и их православия. Славянская идея — оружие этой политики, которая должна создать сильное и великое Российское государство на развалинах приходящих в упадок европейских народов²¹. Так рождается идея «славянского заговора», направленного на религиозное и национальное уничтожение сильнейшего элемента Восточного Средиземноморья — греческого. Это уничтожение произойдет через захват Константинополя славянскими агентами — болгарам²². Профессор заявляет, что «болгаризация греческого полуостро-

ва является следствием не болгарской национальной идеи или действий болгарского народа, потому что они не преуспели бы в этом, а следствием более высокой власти, которая управляет Болгарией через свои органы»²³. Очевидно, что в этой теории традиционная недооценка болгар, часто называемых греками «варварами», переплетается со страхом греческой политической и духовной элиты перед укрепляющимися позициями России в регионе. Таким образом, постепенно в Греции утверждается тезис, что болгары являются орудием «панславизма», с помощью которого Россия проталкивает свои политические интересы.

Единственно в контексте этой логики можно истолковать события ноября 1901 г., когда по замыслу греческой королевы и русской великой княжны Ольги Константиновны Евангелие было переведено на разговорный греческий язык (димотики). Перевод Библии на данный язык означает не только приобщение народа к христианству, но и признание определенной этнической группы в лоне христианских народов и соответственно является важным элементом в процессе кристаллизации современных культур²⁴. В греческом случае ситуация осложняется тем, что древнегреческий язык воспринимается как один из священных языков христианства, а перевод Священного Писания на современный греческий приравнивает его ко всем другим переводам на западные и славянские языки²⁵. В результате перевод вызывает волнения в Афинах, которые перерастают в кровавые столкновения, в которых 8 человек погибли и более 40 получили ранения. Хотя вполне вероятно вмешательство со стороны оппозиции, а, возможно, и внешних факторов, подпитывающих скандал, всё же он выходит далеко за рамки обычных идеологических противоречий.

История восходит к 1898 г., когда королева Ольга предлагает сделать перевод Евангелия, чтобы повысить религиозность населения, которое благодаря переводу могло лучше понять смысл текста. На запрос королевы, допустим ли этот перевод, Св. Синод отвечает отрицательно. Такова же была и реакция Вселенского Патриарха Иоакима III, к которому обратилась Ольга. Вопрос оставался нерешенным до начала ноября 1901 г., когда афинская газета «Акрополь» опубликовала отрывки из перевода

Евангелия на димотики. Этот перевод, по словам болгарского дипломатического представителя в греческой столице, принят как «профанация» и «святотатство», поэтому он вызывает «полную революцию и брожение, в которых участвует не менее половины афинского населения»²⁶. Наиболее активно действуют студенты и преподаватели философского факультета Афинского университета, который является оплотом консерватизма и хранителем катаревуса²⁷, а также основным источником кадров, распространяющих греческую национальную идею.

Главное требование митингующих — «защита национального языка и религии», что раскрывает идеологический подтекст событий. Видны общий страх и неуверенность, вызванные самой идеей перевода, что фактически лишает греков чувства уникальной идентичности и превосходства²⁸. Эти события, названные «Евангелика», напрямую связывают вопрос о языке с церковью, а через нее, с образованием и использованием разговорного языка в качестве государственного²⁹. Важно подчеркнуть, что среди выдвинутых лозунгов, наряду с протестами против перевода, звучат призывы: «Долой славянство», «Долой Россию», «Долой Болгарию»³⁰. Это можно объяснить чувством, созданным правителями и проводимым через науку и образование, о непосредственной угрозе, исходящей от болгарского государства, рассматриваемого как славянская проекция России. Этот страх становится еще более ощутимым в начале XX в. после поражения Греции в войне 1897 г. и в связи с включением в повестку дня вопроса о Македонии. В данном случае речь идет о переплетении двух страхов — от внешней и внутренней опасности. Первая — это Россия, орудующая с помощью болгар, а вторая — разговорный язык и его приверженцы, которые хотят лишить греков основ их идентичности (религии и языка) и таким образом их уничтожить.

В последующие годы, когда македонский вопрос обостряется, тема языка становится еще болезненнее, поскольку сторонники разговорного греческого языка настаивают на том, чтобы на нем преподавали в начальных школах. Их логика заключается в том, что в оспариваемой османской провинции Македонии родным языком детей не является греческий, и их нелегко включить в греческую идею, потому что они не понимают ничего из того

высокого катаревуса, который им преподается. Их противники же настаивают, что только через изучение катаревуса болгарские дети в Македонии могут стать подлинными греками. В противном случае, утверждают они, дети не получают подлинного греческого сознания и славяне завладеют Македонией. Добавьте к этому тот факт, что книги, написанные на димотики, распространяются бесплатно (благодаря финансовой поддержке богатых греков из диаспоры), и становится ясно, почему сторонников разговорного языка клеймят, что они продают греческие интересы России³¹. Таким образом, уже в первом десятилетии XX в. появляется страх, что Россия покупает себе сторонников в регионе. Это опасение постоянно внушается и в последующий период, во время кризисов как в греческом, так и в болгарском обществе.

Славянская и антиславянская идеи возникают и развиваются на Балканах как реакция на роль России в Восточном вопросе. Однако в основном они отражают мечты и опасения балканских элит, вызванные многочисленным славянским населением Российской империи и ее интересами на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Эти эмоции подкрепляются интересами самих балканских народов и их борьбой за утверждение и господство в регионе. Проблема усугубляется дополнительно постоянным изменением политической ситуации, ведущей к изменениям и во внешней политике России. Повороты российской политики находят отражение как среди сторонников, так и среди ее противников в Юго-Восточной Европе. В результате создается комплекс противоречивых взаимных идей и ожиданий, которые до сих пор влияют на отношения России с балканскими народами.

Примечания

- ¹ Подробнее о различных взглядах на сущность и хронологический охват Восточного вопроса, как и его дефиницию, см.: *Първев И.* Балканите и Източният въпрос (1688–1878). София: УИ «Св. Климент Охридски», 2017. С. 9–16.
- ² Подробнее см.: *Данова Н.* Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX век. София: Наука и изкуство, 1980; *она же.* Константин Георгиев Фотинов в културното и идейно-политическо развитие на Балканите през XIX век. София: Издателство на БАН, 1994.
- ³ Подробнее о понятии и его использовании см. в: *Κονταράτος Σ.* Η μυθοποίηση της «καθ' ἡμὰς Ανατολῆς» στην αναζήτηση της πολιτισμικής μας ταυτότητας //

- Επιστημονικό συμπόσιο «Μύθοι και ιδεολογήματα στη σύγχρονη Ελλάδα» (23&24 Νοεμβρίου 2005) / Επιμ. Α. Δημαράς. Αθήνα: Εταιρεία Σπουδών Νεοελληνικού Πολιτισμού & Γενικής Παιδείας, 2007. Σ. 135–152.
- ⁴ Подробнее о различных суждениях о границах государства, о котором мечтали греки, и их связи с созданием болгарского государства см.: *Καράβας Σ.* Η Μεγάλη Βουλγαρία και η «μικρά ιδέα» εν έτει 1878 // *Τα Ιστορικά*. 2006. № 44. Σ. 3–42.
- ⁵ *Трайков В.* Националните доктрини на балканските страни. Стара Загора: Знание, 2000. С. 18.
- ⁶ Подробнее о конкретных проявлениях взглядов на сущность Мегали идеи см.: *Konstantinova Y.* The Place and Role of Stephanos Dragoumis in the Greek Political Elite in the Late 19th and the Early 20th Century // *Etudes Balkaniques*. 2008. № 2. P. 55–81.
- ⁷ Цитируется по: *Κρεμμυδάς Β.* Η Μεγάλη ιδέα. Μεταμορφώσεις ενός εθνικού ιδεολογήματος. Εκδόσεις Τυπωθήτω, 2010. Σ. 15–16.
- ⁸ Во второй половине XIX в. термин «эллинизм» (ελληνισμός) означает не только греков внутри и за пределами Королевства, а включает в себя идею об исключительной роли греческого духа, господствующего над имперской территорией, который сам сохранился, чтобы, ассимилируя другие народы и эллинизируя христианство, вновь торжествовать на Востоке, как единственный барьер перед панславизмом и носитель цивилизации. Подробнее о смысле и формировании понятия «эллинизм» см.: *Σιγάλας Ν.* Ο σχηματισμός της νεοελληνικής έννοιας ελληνισμός // *Τα ιστορικά*. 2001. № 34. σσ. 3–70.
- ⁹ Цитируется по: *Κρεμμυδάς Β.* Η Μεγάλη ιδέα... Σ. 51.
- ¹⁰ О болгаро-греческих отношениях в этот период см.: *Greek-Bulgarian Relations in the Age of National Identity Formation* // Ed. P.M. Kitromilides and A.Tabaki / Athens: Institute for Neohellenic Research, 2010.
- ¹¹ О них и их трудах см.: *Алексиева А.* Книжовно наследство на българи на гръцки език през XIX век. Т. 1. Оригинали. София: Гутенберг, 2010.
- ¹² Подробнее о нем см.: *Арnaudов М.* Иван Селимински 1799–1867. Живот, дело, идеи. София: БАН, 1938; *Кристанов Ц., Маслев С., Пенаков И.* Д-р Иван Селимински като учител, лекар и общественик. София: БАН, 1962; *Желев Й.* Българският възрожденски интелектуалец в емиграция — между адаптацията и патриотизма: Случаят д-р Иван Селимински (1799–1867) // *Минало*. 2007. № 2. С. 82–94.
- ¹³ Библиотека д-р Ив. Селимински. Кн. III. София: Министерство на народната просвета, 1905. С. 99.
- ¹⁴ Д-р Ив. Селимински. Избрани съчинения. София: Наука и изкуство, 1979. С. 158–161.
- ¹⁵ *Konstantinova Y.* Myths and pragmatism in the political ideology of Dr. Ivan Seliminski // *Greek-Bulgarian Relations in the Age of National Identity Formation* / Ed. P.M. Kitromilides and A.Tabaki. / Athens: Institute for Neohellenic Research, 2010. P. 163–180.
- ¹⁶ Полный текст доклада см.: *Αρχείο Στέφανου Ν. Драγούμη, φάκελος 214.1, σ. 7*, а его анализ см.: *Καράβας Σ.* Ο Κωνσταντίνος Παπαρρηγοπούλος και οι εθνικές διεκδικήσεις (1877–1885) // *Ιστοριογραφία της νεότερης και σύγχρονης Ελλάδας 1833–2002*. Τ. Α. / Επιμ. Π.Μ. Κιτρομηλίδης, Τ.Ε. Σκλαβενίτης. Αθήνα: Εθνικό Ίδρυμα Ερευνών, 2004. Σ. 164–168.
- ¹⁷ *Καρδαράς Χ.Δ.* Ιωακείμ Γ΄ — Хар. Трикoupης, η αντιπαράθεση. Από την ανέκδοτη αλληλογραφία του Οικουμενικού Πατριάρχη (1878–1884). Αθήνα: Τροχαλία, 1998. Σ. 209, 253.

- 18 Източният въпрос в дипломатически документи, спомени на политически дейци и материали от периодичния печат на епохата. Съст. Илчев И., Гаврилов Б.Г. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 1995. С. 130.
- 19 Περί Χαριλάου Τρικούπη, ανάλεκτα (εκ δημοσιευμάτων) από Χ. 1862 μέχρι V. 1884. Τ. ΙΕ. Αθήνα, 1912. Σ. 132.
- 20 Больше об его жизни и работе см.: *Κόκκινος Γ.* Ο πολιτικός ανорθολογισμός στην Ελλάδα. Το έργο και η σκέψη του Νεοκλή Καζάζη (1849–1936). Αθήνα: Τροχαλία, 1996.
- 21 *Καζάζης Ν.* Το Μακεδονικόν πρόβλημα. Θεσσαλονίκη: Εκδοτικός οίκος Κυρομάνος, 1992. Σ. 15–17.
- 22 Подробнее о месте Константинополя в политических планах и идеологических доктринах России см.: *Георгиева Т.Н.* Образът на Цариград (Константинопол) в руското общество през XIX век // Балканите — модернизация, идентичности, идеи / Съст. Ю.Т. Константинова. В. Търново: Фабер, 2011. С. 636–650.
- 23 Ελληνισμός. 1898. № 2. Σ. 53.
- 24 *Данова Н.* Константин Георгиев Фотинов... С. 119.
- 25 *Σταυρίδη-Πατρίκιου Ρ.* Αντιπαραθέσεις των κυριαρχικών ρευμάτων κατά τον 20^ο αιώνα. Η αποτύπωση του ελληνοχριστιανικού ιδεολογήματος. // Ιστοριογραφία της νεότερης και σύγχρονης Ελλάδας 1833–2002. Τ. Α. / Επιμ. Π.Μ. Κιτρομηλίδης, Τ.Ε. Σκλαβενίτης. Αθήνα: Εθνικό Ίδρυμα Ερευνών, 2004. Σ. 71.
- 26 Централен държавен архив (далее — ЦДА). Ф. 322К. Оп. 1. А.е. 91. Л. 18.
- 27 Катаревус — официальный греческий язык до 1976 г., когда он был заменен на димотики. Отличается использованием многочисленных литературных и архаичных форм, а также ограничивает использование иностранных и диалектных слов.
- 28 *Σταυρίδη-Πατρίκιου Ρ.* Παλαιές ιδέες και νέοι φόβοι // Επιστημονικό συμπόσιο «Ευαγγελικά (1901) — Ορεσσειακά (1903). Νεωτερικές πιέσεις και κοινωνικές αντιστάσεις (31.10–1.11.2003) / Επιμ. Ου. Καϊφα. Αθήνα: Εταιρεία Σπουδών Νεοελληνικού Πολιτισμού & Γενικής Παιδείας, 2005. Σ.16.
- 29 *Σταυρίδη-Πατρίκιου Ρ.* Οι φόβοι ενός αιώνας. Αθήνα: Μεταίχμιο, 2008. Σ. 86.
- 30 ЦДА. Ф. 322К. А. е. 91. Л. 20.
- 31 *Σταυρίδη-Πατρίκιου Ρ.* Οι φόβοι ενός αιώνας... Σ. 103.

Российский дипломат П.М. Власов об итогах и перспективах развития Черногорского княжества в начале XX в. и о необходимости изменений в российско- черногорском сотрудничестве

Работа дипломата в Российской империи традиционно считалась престижной и привилегированной. Она ассоциировалась у непосвященных людей со светскими приемами, нарядными мундирами, орденами. Дипломаты рубежа XIX–XX вв. представляли собой особую группу лиц, вхожих в самые высокие кабинеты, информированных о государственных тайнах, сплоченных неписаным профессиональным кодексом. Дипломатическая деятельность представлялась уделом избранных, окутанных тайной и романтической дымкой. Однако эти представления были очень далеки от повседневной, весьма непростой жизни внешнеполитического ведомства. Во-первых, дипломатическая карьера требовала от человека серьезной подготовки в области экономики, статистики, политики, культуры, безукоризненного владения иностранными языками, аналитических способностей. Во-вторых, необходимы были трудолюбие и усидчивость, потому что основным занятием дипломата любого ранга было не ведение переговоров и не участие в светских раутах, а составление отчетов, аналитических записок и донесений, которые практически ежедневно следовало отправлять руководству. Много часов дипломаты проводили за письменным столом, составляя объемные служебные документы, в которых необходимо было отражать реальное положение дел в той стране, куда забросила их судьба. Немало усилий требовалось приложить, чтобы собрать и обработать информацию, представляющую интерес для министерства иностранных дел. Бумаги должны были быть написаны хорошим литературным языком, их содержание должно было давать

ответы на самые разные вопросы, связанные с жизнью страны пребывания. Не будет преувеличением сказать, что от сотрудников внешнеполитического ведомства начальство требовало энциклопедических знаний. Но на этом сложности их работы не кончались. Часто случалось, что присланные с мест донесения вызывали недовольство в высших эшелонах власти, так как содержали сведения, противоречившие официальному курсу, разработанному правительством. Компетенцию дипломата могли поставить под сомнение только потому, что он сообщал о неудачах и провалах ранее разработанных планов. И, наконец, если говорить о специфике работы отечественных дипломатических агентов, необходимо помнить, что до начала XX в. Россия была абсолютной монархией, в ней последнее слово всегда оставалось за царем. Особенно важно это учитывать, когда речь идет о Николае II. Архивные документы свидетельствуют, что последний русский император нередко принимал внешнеполитические решения вопреки советам сотрудников МИД, не обращая внимания на то, какие объективные данные ему были предоставлены.

Все выше перечисленные особенности дипломатической службы хорошо видны на примере яркой, не слишком продолжительной карьеры Петра Михайловича Власова (1850–1904). Ему довелось возглавлять дипломатическую миссию Российской империи в Черногории в начале XX в., в момент острого социально-экономического и политического кризиса, переживаемого Княжеством. В основу нашего исследования легли разные документы из Архива внешней политики Российской империи и из архива российской миссии, который хранится в Национальном музее Черногории в Цетине. Особенно стоит отметить объемные черновики донесений и сами донесения П.М. Власова министру иностранных дел. Из них видно, какие чувства испытывал русский представитель, когда анализировал итоги двусторонних отношений и оценивал практические результаты, достигнутые в Княжестве благодаря щедрой материальной помощи и постоянной внешнеполитической поддержке со стороны России.

Петр Михайлович Власов родился в 1850 г. в семье казака, однако то, что он не был дворянином, не помешало одаренному юноше выбрать дипломатическую карьеру. В Новочеркасске

он закончил отделение восточных языков при местной гимназии. В 1873 г. поступил в Азиатский департамент МИД России. С 1882 г. работал консулом в персидском городе Реште, с 1888 г. — генеральным консулом в Мешхеде. В 1897 г. получил довольно необычное поручение — возглавить российскую чрезвычайную миссию в Эфиопии, которая тогда называлась Абиссинией. В состав миссии вошли разные специалисты, военные, врачи, инженеры, им пришлось преодолеть 500 километров по горам Северной Африки и пустыне, чтобы добраться до Аддис-Абебы — столицы мало известной россиянам африканской страны. У экспедиции были разные цели, но запомнилась она местному населению своей гуманитарной деятельностью. Были развернуты медицинские пункты, где врачи оказывали неотложную помощь больным. Позже П.М. Власов вспоминал этот положительный опыт и предлагал сделать то же самое для укрепления авторитета России в Черногории. За успешную работу дипломат был награжден эфиопским орденом Звезды первой степени¹. После завершения миссии в Аддис-Абебе в январе 1901 г. Власов был отправлен министром-резидентом в Цетине, где пробыл до осени 1902 г. Затем он был переведен посланником в Тегеран, но в 1904 г. неожиданно умер. Дипломатическая деятельность П.М. Власова была высоко оценена, о чем свидетельствуют его многочисленные российские и иностранные награды.

В Цетине П.М. Власов приехал в разгар острого финансового кризиса, ставшего результатом неосторожной политики заключения займов за рубежом, активно проводившейся княжеским правительством. Непомерные долги могли обернуться утратой суверенитета и установлением финансового контроля над Черногорией, которым грозили кредиторы (Австро-Венгрия и Османская империя). Русскому царю пришлось спасти «единственного друга», выделив дополнительные 750 тыс. рублей и консолидировав черногорские долги. Чтобы разобраться в причинах денежных проблем союзника, в Черногорию был послан сотрудник российского министерства финансов П. Миллер для выяснения всех обстоятельств, поставивших страну на грань катастрофы². Итогом этой командировки стал подробный отчет о том, как непрофессионально ведется работа княжеского ми-

нистерства финансов. Отдельно было отмечено, что сам монарх Никола Петрович и члены его семьи несут личную ответственность за финансовые провалы, так как позволяют себе траты, несопоставимые с возможностями черногорского бюджета.

Полученные из Черногории неутешительные сведения встревожили руководителей российского МИД и министерства финансов. Поэтому в доверительной инструкции, составленной министром иностранных дел В.Н. Ламздорфом только что получившему назначение П.М. Власову, содержались довольно противоречивые указания, основанные на выводах П. Миллера. С одной стороны, министру-резиденту настоятельно рекомендовали не вмешиваться во внутренние дела Княжества, чтобы не вызывать новых осложнений в отношениях с черногорским правителем, имевшим прочную поддержку в семействе Романовых. С другой стороны, П.М. Власов должен был «в благожелательной форме постоянно напоминать князю о необходимости преобразований», ибо помощь России «не будет иметь практических последствий, если сам князь не пожелает <...> принять меры к тому, чтобы упорядочить финансовое хозяйство страны»³. Трудно представить, как можно было убедить своевольного господаря соблюдать финансовую дисциплину и режим экономии, не оказывая на него политического давления. В доверительной инструкции этот щекотливый вопрос не поднимался. Внешнеполитические задачи, поставленные перед новым министром-резидентом, тоже не были простыми. Он должен был призывать черногорские власти сохранять статус-кво в регионе, убеждая их поддерживать добрососедские отношения со всеми странами, особенно с Сербией. Эта установка в корне расходилась с упорным стремлением черногорского монарха подталкивать повстанческое движение в пограничных областях Боснии и Герцеговины и с ярко выраженной неприязнью, которую князь Никола проявлял в отношении сербских правителей.

Тем не менее, несмотря на такие «туманные» предписания, новый руководитель российской миссии в Цетине приступил к исполнению своих обязанностей, полный решимости изучить сложившуюся ситуацию и попробовать ее изменить. Уже в первые месяцы пребывания в стране, с января по март 1901 г.,

Власов составил собственное мнение о черногорцах, сразу же разделив в своих оценках политических руководителей и народ в целом. Князя Николу он считал упрямым дряхлеющим стариком, не любящим работы, которая требовала усидчивости, и не способным надолго сосредоточиться даже для выполнения самых важных дел. По мнению Власова, господарь был чрезмерно амбициозным, склонным к интригам человеком, часто впадающим в раздражение. В то же время дипломат отметил и некоторые его незаурядные способности. Правитель Черногории умел нравиться собеседникам, производя на них большое впечатление, был красноречив и наделен актерскими способностями, быстро входил в ту роль, которую считал подходящей в той или иной ситуации. Нелицеприятную характеристику российский министр-резидент дал княжеским сыновьям Даниле и Мирко. Старшего сына Данилу он описал как вялого, безразличного к политике, плохо образованного человека, оказывавшего на отца большое влияние. Правда, это влияние наследник престола использовал главным образом для того, чтобы улучшить собственное материальное положение. Государственными делами принц практически не занимался, хотя, по словам Власова, был наделен здравым смыслом. Второй сын Мирко и вовсе изумил русского дипломата своим поведением и заявлениями. П.М. Власов подробно описал беседу с Мирко, посетившим миссию 24 марта 1901 г. Во время непродолжительного разговора княжич успел наговорить гадостей о россиянах, работавших тогда в Княжестве. После этого он заехал к секретарю миссии С.А. Лермонтову и нажаловался на самого Власова за холодный прием. Российский представитель в донесении В.Н. Ламздорфу иронизировал по поводу этого странного поступка, отметив, что визитер «приписал мне немало из тех мнений, кои сам высказывал»⁴. Попытки второго сына Николы участвовать в политической жизни трудно назвать успешными. Мирко доставил много неприятностей и хлопот своему отцу и российским дипломатам, заявив о претензиях на сербский престол и спровоцировав тем самым крупный династический скандал⁵. Также П.М. Власов подробно изложил руководству МИД России свое мнение о министрах княжеского правительства. Большинство из них дипломат назвал «безволь-

ными инструментами» в руках монарха за то, что они «не имеют собственной позиции и не пользуются никаким влиянием». Некоторые руководители были охарактеризованы им как «тунеядцы, не лишённые ума, но живущие за счёт милостей князя». Многие члены правительства показались Власову русофобами, сопротивляющимися проведению реформ, на необходимости которых настаивали в Петербурге. Исключением он считал митрополита Митрофана, министра народного просвещения и министра внутренних дел и юстиции⁶.

Совсем иначе отзывался дипломат о черногорском народе, подчеркивая его любовь и благодарность России. Он сочувствовал и сопереживал простым черногорцам, неоднократно высказывал глубокое уважение к ним. Жизнь народа Власов описывал самыми мрачными красками. В мае 1901 г. он доносил, что «положение дел в княжестве должно быть без преувеличения признано аномальным, крайне тяжелым и внушающим серьезную тревогу»⁷. Черногория — бедная страна, со сложным климатом (суровые зимы в горах и жаркое засушливое лето), малым количеством посевных площадей, зависимость от внешней торговли с Австро-Венгрией. Природные ресурсы, очень скромные, по мнению Власова, расходовались неразумно: «Лесов в Черногории сравнительно немного и таковы необширны по объёму, за неимением же другого минерального топлива, леса истребляются на этот предмет, а следовательно, угрожают скоро исчезнуть. Полное же исчезновение лесной растительности должно уменьшить и без того незначительный летом запас воды и влаги и тем самым повлиять вредно как на пастбища, так и на посевы, увеличивая недороды, от которых весьма чувствительно страдает Черногория периодически, не менее 2 и даже 3 раз в десятилетие»⁸. Преодолеть такое нерациональное отношение к природным запасам оказалось не просто, потому что черногорцы, как заметил министр-резидент, консервативны и с трудом перенимают чужой опыт. Поэтому для повышения уровня жизни народа были необходимы всеобщее образование, эффективное руководство и продуманная экономическая политика властей.

Однако князь Никола не осознавал в должной мере всей серьезности положения дел в народном хозяйстве. П.М. Власов

считал, что «будущее черногорского народа его мало волнует», правитель смотрит на страну как на свой лен, а на население как на оброчных крестьян, он не государь, а лендлорд. Глава миссии цитировал в доверительной депеше от 4 июня 1901 г. высказывание черногорского митрополита Митрофана: «Князь всегда поработал свой народ и, наконец, нуждой и страхом перед своим авторитетом убил в нем всякое самосознание и всякую волю»⁹.

Между тем, неспособность черногорских властей собственными силами решить экономические проблемы не устраивала русских покровителей. На случай политических осложнений на Балканах России нужно было стабильное, готовое к боевым действиям государство-союзник, в этом заключалась суть разработанной российским военным министерством доктрины. На деле же о стабильности и готовности к войне говорить не приходилось, Черногория постоянно балансировала на грани голода и полного финансового краха. Неблагополучная экономическая ситуация осложнялась тем, что авторитарное правление князя опиралось на довольно непрочный политический фундамент. Правитель явно переоценивал свою власть над народом. Его еще любили старики, которых «он лично водил в бой против турок», но даже старшее поколение «не одобряло образа жизни князя и его семьи». Люди среднего и юного возраста, как считал министр-резидент, относятся к монарху «с недоверием и насмешкой над его слабостями и манией величия», а также «со злобой к его семейному эгоизму»¹⁰. Таким образом, по мнению П.М. Власова, авторитет правителя сильно пошатнулся к началу XX в. К анализу внутренней ситуации в Княжестве министр-резидент добавил свои суждения о чувствах черногорского правителя к России. Не осталось сомнений в недоброжелательном отношении Николы Петровича к российскому руководству и к официальным представителям Империи в Цетине. Власов писал В.Н. Ламздорфу в апреле 1901 г.: «В каждом слове князя проглядывало явное неудовольствие нами или звучала нота насмешки и горького разочарования в том, что Россия не торопится расплатиться с его долгами»¹¹; «Лично же мною он недоволен за то, что при каждом удобном случае я рекомендую ему ввести финансовый бюджет и контроль»¹². Руководитель миссии был

убежден, что Никола давно перестал ценить русскую помощь, не сомневаясь, что в трудную минуту его в любом случае выручат. Пришлось сделать неутешительный вывод: «При таких условиях все жертвы России, не принося никакой непосредственной пользы Черногории и ее народу, не служа нисколько к улучшению быта последнего или подъему его нравственного духа, не спасая его нисколько от нужды насущной, ведут лишь к одному, а именно доставлению средств и возможности княжеской семье избавить себя от всякого труда и забот и улучшить свое личное материальное положение за счет России»¹³. Поэтому уже в апреле 1901 г. П.М. Власов настаивал на том, что необходимо в корне менять характер помощи княжеству, сместив центр тяжести с монархических институтов непосредственно на сам черногорский народ.

В.Н. Ламздорф благосклонно принял суждения дипломата, отзываясь о проделанной им работе следующим образом: «...Министерством по достоинству оценена откровенность, с коей в последних экспедициях Ваших представлена картина настоящего положения вещей в княжестве, и я просил бы Вас не отступать от нее и впредь во всех донесениях о вверенных попечению Вашему интересах». Исключительно осторожный политик, министр так явно поддержал критическое отношение Власова к черногорской элите потому, что на то была воля самого царя: «Означенное донесение повергнуто, — писал он, — было на высочайшее благовоззрение, и его императорскому величеству благоугодно было всемилостивейше одобрить высказанные в нем соображения»¹⁴.

Неблагополучие страны-союзника и нелояльное поведение ее руководителей, отмечаемое П.М. Власовым практически в каждом донесении, заставляли министра иностранных дел время от времени сообщать Николаю II о затруднениях в Черногории. В июле 1901 г. В.Н. Ламздорф охарактеризовал отношение царя к донесениям Власова следующим образом: «Принося Вам благодарность за сообщение крайне полезных и интересных данных по сему предмету, считаю своим долгом присовокупить, что Государю императору благоугодно было всемилостивейше оценить Ваши посильные старания добиться истинной правды во всех делах, вверенных Вашему попечению, и высказывать, не стесняясь

никакими посторонними соображениями, с полной откровенностью Ваше личное мнение»¹⁵. То есть, в начале своего пребывания в Княжестве П.М. Власов сумел довести до сведения высшего руководства Империи негативную оценку состояния черногорской экономики и качества российско-черногорских контактов. Правда, плата за профессиональную объективность лично для Власова оказалась довольно высокой. В Петербурге быстро узнали о том, как раздражен и настроен против министра-резидента князь Никола. Гнев господаря мог обернуться неприятностями для сотрудников русской миссии. Поэтому В.Н. Ламздорф настойчиво рекомендовал своему подчиненному «проявлять более мягкости и некоторого добродушия в сношениях с князем Николаем и его семьей»¹⁶.

Тем не менее, именно после очевидного одобрения, высказанного Николаем II, российский МИД и миссия в Цетине попытались изменить содержание двусторонних отношений и заставить князя Николу более ответственно отнестись к обязательствам перед собственным народом и перед русскими союзниками. Выплаты дотаций на нужды черногорского правительства всё чаще сопровождались условием предоставления отчетов о проделанной работе. Это еще больше злило князя, уверенного в том, что он имеет дело с кознями российского представителя.

В.Н. Ламздорф поручил Власову разработать план мероприятий, которые бы позволили исправить очевидные промахи, допущенные в Черногории, и постараться укрепить российское влияние в регионе¹⁷. Министр-резидент горячо взялся за дело. Он предлагал сменить приоритеты в распределении финансовой помощи союзнику, которая росла из года в год, явно выходя за рамки разумного. Основные траты приходились на государственный аппарат и вооруженные силы. Деньги, потраченные на черногорскую армию, с точки зрения П.М. Власова, не приносили ожидаемого результата. Учебный батальон, выплаты на который постоянно увеличивались, собирался нерегулярно, его бойцов использовали для строительных работ или для проведения парадов. Артиллерийская батарея, создание и содержание которой тоже оплачивала русская казна, «перестала существовать даже на бумаге»¹⁸. Русская военная субсидия фактически стала источником обогащения княжеской семьи и придворной кама-

рильи, а сколько-нибудь эффективных механизмов контроля над тем, как тратятся деньги, не было. Госаппарат Черногории тоже был не на высоте, несмотря на регулярные денежные вливания и попытки проводить преобразования в разных сферах управления.

В своем плане обновления русской политики в Княжестве П.М. Власов предложил заняться развитием системы народного образования, сосредоточив руководство этой сферой в руках русских специалистов. Он горячо убеждал начальство: «Я исходил при этом из того предположения, что руководить делом образования народа равносильно тому, что руководить его совестью или держать ключ к его сердцу; что, следовательно, имея в наших руках заведывание народным образованием в княжестве, мы могли бы фактически направлять молодое поколение его в смысле, желательном России, привязывать его к ней духовно и постепенно готовить из него стойкий по духу и убеждениям и дружественный ей народ, на который без недоверия могла бы положиться и опереться Россия, когда нам потребовалось бы содействие его на Балканах»¹⁹. Власов искренне верил, что это самый надежный способ приобретения союзников, хотя и не был наивным идеалистом. Дипломат не исключал, что не получится установить ту самую неразрывную духовную связь двух народов, о которой он пишет. Возможно, Российской империи вовсе не понадобится помощь Княжества в политических или военных делах, но даже в таком случае ее траты не будут бесцельными и бесполезными. «...И тогда бы они оставили неизгладимый след в сердце этого народа по их широко гуманитарным целям в духе милосердия сильного к слабому и способствовали бы к еще большему подъему престижа имени России среди южных славян, и из одного только этого мы могли бы решиться на такие жертвы»²⁰. Как видим, за 80 лет до того, как американский политолог Джозеф Най ввел в оборот термин «мягкая сила» (soft power), русский дипломат П.М. Власов предлагал использовать культурную и образовательную политику для решения вполне понятных и конкретных внешнеполитических задач.

Стремясь быть предельно убедительным, Власов составил два обширных обзора о системе народного образования Черногории. Материалы для них помог собрать драгоман миссии славист

П.А. Ровинский — самый компетентный эксперт того времени. Первый доклад был посвящен начальным народным школам и средним учебным заведениям, второй содержал анализ многолетней работы в Цетине Мариинского женского института, которым руководила выпускница Смольного института благородных девиц С.П. Мертваго²¹. Дипломат настаивал на том, что нужно не просто взять народное образование Княжества под контроль русских специалистов, а реформировать его «на рациональных началах и согласно с местными жизненными потребностями». То есть, видел в развитии черногорского просвещения не только канал российского влияния, но и инструмент, с помощью которого страна сумеет преодолеть экономическую отсталость и застой в народной жизни. Основные предложения Власова сводились к тому, чтобы пересмотреть и усовершенствовать школьные программы, создать неразрывную связь между начальными школами и средними учебными заведениями. Предлагалось поставить перед княжеским министерством просвещения задачу подготовки кадров для практической деятельности в сфере управления и образования; подобрать компетентных учителей, посылать их учиться в Россию; обеспечить школы пригодными помещениями и учебными пособиями. По сути, это был план полной модернизации системы народного образования. Не питая никаких иллюзий в отношении черногорской элиты, Власов предупреждал, что такая реформа будет возможна только в том случае, если Россия возьмет на себя все расходы по ее проведению. Поэтому он тщательно подсчитал, что на содержание всех учебных заведений потребуется ежегодно максимум 147 тыс. рублей или минимум 85 тысяч. Кстати, надежным рычагом влияния Власов считал и медицинское обслуживание населения. Поэтому изложив проекты в области образования, он добавил, ссылаясь на свой эфиопский опыт, что было бы очень полезно развернуть сеть амбулаторий²². Но понимая, что будет очень непросто убедить российское правительство осуществить такие масштабные гуманитарные начинания, «медицинскую тему» он развивать не стал. В целом же дипломат полагал, что для оказавшейся в состоянии системного кризиса страны самым лучшим выходом стало бы установление полного финансового контроля России над Княжеством.

Не трудно угадать, каким был ответ из Петербурга. В ноябре 1901 г. в миссию пришло письмо министра финансов С.Ю. Витте. В нем было сказано, что Россия «не может без ущерба для своего собственного хозяйства доставить Черногорскому княжеству денежные средства сверх тех, которыми она уже поступилась и продолжает ежегодно поступаться». Отдельно Витте отверг идею установления финансового контроля над Княжеством, потому что не сомневался, что «орган контроля встретит большие затруднения для противодействия непроизводительным расходам, и на этой почве легко возникнут ненормальные отношения» между двумя государствами. К тому же, установление такого контроля «перенесет на Россию известную долю ответственности за черногорские финансы»²³. Следует признать, что у С.Ю. Витте были весомые аргументы. Действительно, как ни благородно было помогать славянам Балканского полуострова решать их наболевшие проблемы, но в самой России те же социальные вопросы стояли достаточно остро. Прав был С.Ю. Витте и в том, что финансовый контроль над союзником никакой пользы России не принесет. Скорее такой контроль мог стать еще одним способом манипулирования идеей русско-черногорского сотрудничества и под ее прикрытием позволять снова и снова вытягивать средства из русской казны. Известно, как министр финансов сам активно боролся с черногорским лобби при российском дворе²⁴. Впечатляет содержание его докладных записок царю и Государственному совету, в которых перечислялись все виды помощи, оказанной Черногории, и назывались астрономические суммы, потраченные с 1878 г. на развитие Княжества. Вместе с тем, трезвомыслящие политики Российской империи понимали, что до тех пор, пока государственные финансы находятся в полном распоряжении Николая II, они будут распределяться прежним неэффективным образом. Личные соображения и намерения великодушного, но крайне недальновидного царя всегда будут перевешивать любые, даже самые обоснованные расчеты. Поэтому согласиться на очередную дорогостоящую «черногорскую кампанию» российское министерство финансов не считало возможным. Таким образом, предложенная Власовым программа развития системы народного образования Черногории на российские деньги и силами россий-

ских специалистов была отвергнута. Увы, это не помогло уберечь русские деньги от предприимчивого черногорского правителя.

Расходы России на нужды «союзника» продолжали расти, причем, полноводные финансовые потоки по-прежнему предназначались чиновникам и военным. В 1902 г. ежегодные выплаты подняли с 222 тыс. рублей до 500 тысяч. С.Ю. Витте сообщал военному министру А.Н. Куропаткину в 1902 г.: «Государь император в 19 день сего апреля высочайше повелеть соизволил:

1/. Производимую ныне Черногорскому княжеству по финансовым сметам Министерств Военного, Иностранных дел, Народного просвещения и Святейшего синода ежегодную субсидию в общей сумме 222.938 руб. увеличить до 500.000 руб., с тем, чтобы кроме содержимых в настоящее время на счет пособия, производимого по смете Военного министерства учебного батальона и полубатарей, черногорское правительство обязано было производить расходы на военные потребности, показанные в прилагаемой при сем выписке из письма Князя Черногорского к Его императорскому величеству, всего в сумме 249.000 руб. в год.

2/. Сверх того, начиная с 1903 года, принять на счет государственного казначейства уплату Государственному банку долга по ссуде в 750.000, разрешенной высочайшим повелением 17 ноября 1900 г.

3/. Из дополнительной, разрешенной сим высочайшим повелением субсидии в сумме 277.062 руб. вносить 249.000, исчисленные князем Николаем на военные потребности, в сметы Военного министерства сверх предельного бюджета, остальную же сумму 28.062 руб., а равно и сумму, потребную на уплату долга, отпускать по смете департамента Государственного казначейства.

4/. Следующие за текущий год в счет дополнительной субсидии 197.000 руб. ассигновать в распоряжение военного министра для выдачи по принадлежности на счет 12-ти миллионного фонда, назначенного по государственной росписи на экстренные, не предусмотренные сметами надобности»²⁵.

Содержание этого документа дает основания утверждать, что Николай II нес личную ответственность за непомерную и часто бесполезную трату народных средств. А дипломат П.М. Власов и его коллеги выглядят беспомощными донкихотами, сражаю-

щимися с ветряными мельницами российского и черногорского абсолютизма.

После предпринятой летом 1901 г. неудачной попытки в корне изменить систему субсидирования Черногории, работа миссии пошла по старому пути. Во-первых, до конца своего пребывания в Княжестве П.М. Власов продолжал изучать и оценивать экономическую ситуацию в стране, подробно сообщая обо всех неурядицах. Так, в феврале 1902 г. он доносил о значительной задолженности обедневшего населения по налогам, подчеркнув в очередной раз: «И при таком печальном экономическом положении дел в княжестве, когда касса оною пуста, а чиновники живут буквально впроголодь, не получая по целым месяцам жалования, княжеская семья со спокойным духом предпринимает беспрерывно дорогостоящие заграничные путешествия»²⁶. Особенно руководителя миссии беспокоили растущая эмиграция мужской части населения и безразличие черногорского правительства к этому явлению. Складывалось впечатление, что российскую миссию гораздо больше, чем черногорских министров, волновало то обстоятельство, что хозяйство остается без рабочих рук. Министр-резидент негодовал по поводу того, что власть охотно раздает заграничные паспорта желающим оставить Княжество, способствуя тем самым убыли трудовых ресурсов. Такое поведение государственных чиновников дипломат объяснял, с одной стороны, стремлением избавиться от «недовольного элемента», то есть от лиц, способных протестовать против сложившегося положения. С другой стороны, Власов подозревал, что за демонстративным безразличием властей стоял корыстный расчет. Чиновники были не прочь скупить за бесценок земли переселенцев, чтобы раздавать их «преданным князю лицам»²⁷.

Во-вторых, Власову приходилось постоянно сообщать в Петербург о финансовых нарушениях, которые позволяли себе все, «начиная с грошовых злоупотреблений» кассиров, почтовых служащих, окружных начальников и сборщиков налогов и заканчивая высокопоставленными должностными лицами. Рядовых служащих Власов даже жалел, считая, что их воровство вызвано «хроническим недополучением и без того незначительного жалования», следствием чего были «частое голодание семей, постоян-

ная задолженность их у поставщиков и купцов», а также задолженность ростовщикам, бравшим непосильные проценты за свои услуги. Элиту же дипломат считал виновной во всех бедах народа и никакого сочувствия ей не высказывал. Он не сомневался, что даже если Россия сумеет настоять на проведении финансовой реформы в Княжестве и будет установлен контроль над государственной казной, кардинальных улучшений не наступит. Вряд ли удастся справиться с хроническим дефицитом денег, «корень которого глубоко засел в княжеской семье, приучившей себя смотреть на государственные доходы как на свои личные и распоряжаться оными по своему усмотрению, не отдавая никому никакого отчета и не справляясь ни с платежными силами княжества, ни с его нуждами чисто государственными и народными». По мнению Власова, княжеская семья «проявляла всё больше своеволия и самодурства»²⁸. Доказательств жестокости и равнодушия власти было достаточно. «Как на характеристику действий правительства по отношению к народу, я позволю себе указать на два нижеследующих примера, имевших место в конце минувшего и начале текущего годов. При проложении колесной дороги на Даниловград путем принудительной повинности, разлагавшейся на соседние поселения, приходящих на работы из отдаленных селений с запаздыванием на час подвергали наказанию, привязывая к деревьям на целые сутки и заставляя работать лишние против положенных дни; для работы не отводилось помещений, им и не выдавалось продовольствие. Жители селения Враньины на берегу Скутарийского озера, кои по недостатку земли и вследствие частого заливания их пашен, не могут заниматься земледелием и живут более рыбной ловлей, благодаря обилию дождей и половодью были лишены этого промысла и явились к князю с ходатайством помочь им выйти из критического положения. Их послали безвозмездно чинить дорогу», — сообщал в МИД Власов 19 марта 1902 г.²⁹ Как человек из народа, он был возмущен такой беззастенчивой эксплуатацией населения Княжества.

В-третьих, как и было предписано министром иностранных дел, руководитель миссии активно занимался внешнеполитическими проблемами, точно следуя полученным инструкциям. За время его пребывания в Цетине произошли такие события,

как визит князя Николы в Петербург в декабре 1901 г.; столкновения на албанско-черногорской границе; обострение ситуации в Македонии; уже упомянутый династический скандал, спровоцированный княжичем Мирко; довольно длинные и совершенно бесполезные споры между Ватиканом и княжеским двором из-за права руководить католическим институтом св. Иеронима, находившимся на территории Антиварской (Барской) архиепископии. Также в это время болгарскими, сербскими и черногорскими властями были предприняты неуклюжие попытки «подружиться», то есть преодолеть имевшиеся противоречия и наметить общие подходы к решению региональных вопросов. Этот сюжет занял особое место в донесениях министра-резидента. В целом, в вопросах внешней политики сохранялось уже давно сложившееся различие в установках черногорского двора и российской миссии. Князь и его окружение надеялись использовать волнения на границах с Турцией и Австро-Венгрией для того, чтобы активизировать действия России на Балканах. Российское руководство, напротив, настойчиво требовало сохранять принцип статус-кво. Понятно, что это расхождение осложняло положение Власова в Черногории и создавало почву для постоянных стычек и разбирательств с черногорскими коллегами и лично с князем Николой. Занимаясь внешнеполитическими вопросами, русский дипломат имел возможность наблюдать особенности дипломатической работы господаря, его нетривиальные способы общения с иностранными агентами. «Считая себя тонким политиком, а аккредитованных при себе дипломатических представителей круглыми профанами, князь Николай любит доставлять себе по временам развлечение, а именно: ставить их в неловкое и затруднительное положение невинными по виду, но злоумышленными по замыслу вопросами, предложениями и просьбами советов, и в то же время сильно раздражается, когда кто-либо из них ловит его и заставляет признать умышленность», — писал Власов в донесении 5 марта 1902 г.³⁰ Власову довелось наблюдать, как князь «старался унижить» злой шуткой болгарского агента в присутствии его сербского коллеги³¹. Русский дипломат и сам становился время от времени участником нелепых сцен. Например, в начале мая 1902 г. господарь заявил, что получил от Николая II пригла-

шение в Россию на военные маневры. Изумленный Власов сообщил об этом в Петербург и получил ответ, что «от высочайшего имени государя императора подобных предложений не было сделано» (на телеграмме помета царя «Съ»)³². В июле 1902 г. князь утверждал, что именно он советовал итальянскому королю Виктору Эммануилу III посетить Россию и даже знает, когда состоится ответный визит российского императора. На этом донесении стоит ироничная помета Николая II: «Чрезвычайно любопытно мне самому знать, где и когда это будет?»³³.

Поначалу профессионалу-дипломату трудно было выбирать правильную линию поведения в контактах с такими своеобразными партнерами. Но через несколько месяцев пребывания в стране Власов привык к повадкам черногорского монарха и старался оставлять без внимания его чудачества и дерзости, главным образом потому, что понял бесполезность попыток противостоять княжескому «дипломатическому искусству». В январе 1902 г. он сообщал В.Н. Ламздорфу, что господарь в его присутствии крайне отрицательно отзывался о работе российской миссии. Власов не стал спорить с разгневанным Николаем: «Если я не счел себя вправе возражать ему на такую несправедливость по отношению к моим, во всех отношениях достойным и к тому же ни в чем не повинным перед ним предшественникам, то лишь потому, что наученный горьким опытом, имел в виду, что каждое возражение с моей стороны, как бы законно и уместно не было таковое, должно было неизбежно вызвать новую жалобу на меня князя Николая, а последняя — причинить лишнюю заботу моему правительству»³⁴. В общем, сочувствуя черногорскому народу и искренне стараясь ему помочь, П.М. Власов не смог и не считал нужным скрыть своего неуважения и даже презрения к князю и его окружению.

Правители Черногории отвечали Власову «взаимностью», давая ему самые негативные характеристики. Княжеский министр иностранных дел Г. Вукович в своих мемуарах описал русского дипломата как «антипатичную личность», человека, неподходящего для деликатных поручений, добавив, что второго такого субъекта нельзя было найти в России³⁵. В свою очередь Власов писал о Г. Вуковиче как о политике, который имеет «привычку

не говорить правды», к тому же крайне недружелюбно относится к России³⁶. Сам Никола Петрович не считал нужным скрывать от Власова, что постоянно жаловался на него в Петербург. Нервные аудиенции, во время которых правитель повышал голос и высказывал бесконечные претензии в адрес России, чередовались с эмоциональными порывами, когда князь, как настоящий артист, обнимал Власова и призывал, забыв прежние обиды, рука об руку трудиться на благо Черногории. Желая как можно сильнее уязвить русского министра-резидента и подчеркнуть монаршую немилость, государь обошел его наградой в июле 1902 г. Реакция на очередной укол была «недипломатичной» и шла вразрез с принятыми тогда правилами. Власов готов был «отплатить» той же монетой и отказаться от любых черногорских наград. В.Н. Ламздорф был вынужден удерживать подчиненного от резких действий. «Милостивый государь Петр Михайлович, — писал он, — в депеше от 10 июля за № 92 Ваше превосходительство, сообщая о том, что в настоящее время все аккредитованные в Цетине иностранные представители, за исключением лишь Вас, награждены князем Николаем черногорскими орденами, Вы обратились с просьбой о разрешении Вам отказаться от черногорского знака отличия в случае, если бы Его королевское высочество* пожелал впоследствии наградить Вас таковым. В виду изложенного почитаю долгом уведомить Ваше превосходительство, что упомянутая депеша была подвергнута мною на всемилостивейшее благовоззрение государя императора, и его императорскому величеству благоугодно было собственноручно на оной начертать: “Должен принять в свое время”»³⁷. Даже когда стало известно, что Николай II утвердил перевод Власова в Тегеран, правитель Черногории не смог удержаться от некорректного поведения в беседе с русским представителем. В секретной телеграмме министр-резидент доносил: «На извещение о предположении заместить пост в Цетине д.с.с. Щегловым князь Ни-

---

* В связи с женитьбой старшего сына княжича Данилы на принцессе Мекленбургской черногорский князь Никола с помощью России в декабре 1900 г. добился принятия титула королевского высочества. См.: *Хлебникова В.Б.* К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX–XX вв. // Императорский дом Романовых и Балканы. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 285–286.

колай заявил, что вначале ему требуется время обдумать вопрос этот, и только после замечания моего, что заявление это может быть понято как недоверие к выбору, сделанному императорским правительством, поспешил ответить, что Щеглову будет оказан хороший прием»³⁸. Таким образом, отношения с обеих сторон были не просто натянутыми, но откровенно враждебными.

Обиднее всего было то, что коллеги Власова не торопились поддержать его в борьбе с черногорским двором. В.Н. Ламздорф, с одной стороны, признавал справедливость суждений дипломата. В течение многих лет министру приходилось читать сообщения своих сотрудников о неоднозначном поведении черногорской элиты и о поступках князя, ставивших российскую дипломатию в затруднительное положение. С другой стороны, глава МИД прекрасно знал о влиянии черногорского лобби на Николая II. Он сам оказывался в щекотливой ситуации, когда за его спиной великие княгини Анастасия и Милица, дочери Николы, провоцировали головокружительные интриги и «добывали» деньги из российской казны³⁹. Тяжелый многолетний опыт наводил на мысли, что принципиальность и правдолюбие Власова ничего не изменят в способе принятия решений по черногорским вопросам, сложившимся за долгие годы. Размышляя над тем, как реагировать на донесения министра-резидента, В.Н. Ламздорф поделился своими сомнениями с опытным дипломатом А.Н. Нелидовым, много лет проработавшим на Балканах. Нелидов высоко оценил «наблюдательность и настойчивость» Власова. Он тоже считал, что затраты на вооруженные силы Черногории не слишком полезны для России. Соглашался он и с тем, что реформы и наведение порядка в финансовых делах невыгодны князю, который никак «не решится разом отказаться от столь удобного для него, унаследованного от предшественников права безгранично распоряжаться народным богатством», однако счел, что русский представитель в Цетине напрасно так бдительно следит за выходками князя Николы. Нелидов предположил, что глава миссии «слишком явно дает чувствовать в Черногории, что она всем нам обязана», задевая тем самым болезненную тему зависимости от российской помощи. Еще один упрек, адресованный Власову, заключался в том, что тот слишком доверяет мне-

нию европейских дипломатов, аккредитованных в Черногории. Дескать, иностранные агенты специально пересказывают все неосторожные и некорректные заявления в адрес России, чтобы «возбудить в г. Власове ревность и недоверие к княжеской семье и создать между ними натянутые отношения»⁴⁰. Получалось, что руководитель миссии в Цетине сгущает краски и тем самым создает ненужное напряжение в русско-черногорских отношениях. В.Н. Ламздорф в ответном письме возразил Нелидову: «...В характере г. Власова может быть ощущается недостаток гибкости и мягкости, которые значительно облегчили бы ему сношения с княжеской семьей», но «взамен сего г. Власов, несомненно, проявил не только вполне добросовестную наблюдательность, но и неоценимое у правительственного агента качество, — а именно гражданское мужество говорить правду, не стесняясь никакими посторонними соображениями»⁴¹. То есть, министр иностранных дел, хорошо зная, насколько непросты условия работы в Черногории, отдавал должное усилиям сотрудников миссии, направленным на то, чтобы отстоять интересы отечества. Другое дело, что исправить ситуацию и заставить князя Николу вести себя корректно российский МИД не мог.

Единственным результатом заранее проигрышной борьбы министра-резидента Власова с черногорским двором, беззастенчиво запускавшим руку в русскую казну, было то, что в МИД отказались от последних иллюзий в отношении Черногории как союзника. Об этом можно судить по тем доверительным инструкциям, которые получил преемник Власова А.Н. Щеглов от министра иностранных дел в конце сентября 1902 г. В них в который уже раз перечислялись коренные проблемы управления страной: «Как Вы усмотрите из обстоятельных донесений Вашего предшественника, <...> будущее Черногории внушает справедливые опасения. Неурядицы во внутреннем управлении княжества, расстройство денежного ее хозяйства, вызванное главным образом отсутствием сколько-нибудь правильного контроля, а также непосильными для страны расходами княжеского двора, чрезмерная задолженность, в связи с природной бедностью края и отсутствием у населения его капиталов и промышленной предприимчивости, — всё это создает для Черногории в высшей степени

тяжелое финансовое положение, нередко угрожающее княжеству потерей экономической самостоятельности»⁴². Влияние Власова на позицию МИД можно увидеть в том, что в инструкциях речь шла не только о военно-политических вопросах — в них затронуто и состояние народного образования, которое «также находится в княжестве далеко не в удовлетворительном состоянии». Во внешнеполитической части инструкции снова речь шла о том, что правительство Черногории должно стремиться к хорошим отношениям с естественными союзниками — южными славянами и проявлять осторожность в контактах с западными странами и Османской империей. Рекомендовалось давать князю такие советы во внешнеполитических вопросах, которые бы «согласовывались с пользой России». Однако и Щеглову не было дано никаких конкретных указаний на то, как добиться от черногорских властей проведения нужных мероприятий.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что пример деятельности Петра Михайловича Власова является убедительным опровержением тех попыток фальсифицировать историю российско-черногорского сотрудничества в начале XX в., которые сегодня предпринимаются некоторыми представителями политического и научного сообщества Республики Черногории. Так, выпускница центра им. Маршалла И. Гардасевич опубликовала в 2018 г. статью «Россия и Черногория: как и почему были разорваны отношения, длившиеся столетиями», в которой заявила: «Российская дипломатия в отношении Черногории до и после получения Черногорией независимости на Берлинском конгрессе в 1878 г. скорее была диктатом, постоянной попыткой держать маленькую страну Черногорию под контролем»; «Долгосрочное покровительство, которое Россия обеспечивала выделением денег черногорским правителям, на деле было способом держать эту небольшую страну на коротком поводке, чтобы гарантировать, что эта маленькая, но компетентная в военном отношении нация будет помогать России в ее войнах, когда это нужно российским интересам. Каждый раз, когда черногорские правители пытались обратиться к другим странам для создания или укрепления союза, Россия агрессивно реагировала, СУЩЕСТВЕННО СОКРАЩАЯ ФИНАНСОВУЮ ПОДДЕРЖКУ (выделено мною. — В. Х.)»⁴³. Подобного рода суждения

не имеют ничего общего с реальными историческими фактами, подтверждаемыми тысячами архивных документов. Ни разу российская финансовая помощь Черногорскому княжеству не была сокращена, а только увеличивалась из года в год. Оказывая эту помощь и видя, как неэффективно она расходуется, российские дипломаты старались исправить ситуацию и перенаправить деньги на нужды черногорского народа, а не на обогащение бюрократии. Их действительно волновала судьба черногорской экономики, образования, медицины. Русские внесли огромный вклад в дело спасения Княжества от голода и нищеты, мешавших преодолению исторических проблем Черногории на рубеже XIX–XX вв. Хотелось бы, чтобы память и правда об этом сохранилась в трудах историков.

Примечания

- ¹ Пётр Михайлович Власов 1850 — 05.1904 / Соловов В. Дипломаты Российской империи. [Электронный ресурс] <http://www.rusdiplomats.narod.ru/vlasov-pm.html>.
- ² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3349. Л. 32–36.
- ³ Там же. Д. 3317. Л. 12 об.
- ⁴ Там же. Д. 1563. Л. 109–113.
- ⁵ *Хлебникова В.Б.* «Дух раздора» или «дух единства»: к вопросу о черногорско-сербских отношениях в начале XX столетия // *Славяне и Россия: Славяне и Россия в системе международных отношений.* М., 2017. С. 153–165.
- ⁶ Архивно одељење Народног музеја Црне Горе (далее — АОНМЧ). Ф. Приновљени рукописи. 1901. Фас. XLIX. Д. 2. Черновик секретного донесения П.М. Власова В.Н. Ламздорфу от 10 мая 1901 г.
- ⁷ Там же.
- ⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1563. Л. 84.
- ⁹ Там же. Д. 3349. Л. 110 об.
- ¹⁰ АОНМЧ. Ф. Приновљени рукописи. 1901. Фас. XLIX. Д. 2. Черновик секретного донесения П.М. Власова В.Н. Ламздорфу от 10 мая 1901 г.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1563. Л. 132.
- ¹² Там же. Д. 1563. Л. 165.
- ¹³ АОНМЧ. Ф. Приновљени рукописи. 1901. Фас. XLIX. Д. 2. Черновик секретного донесения П.М. Власова В.Н. Ламздорфу от 10 мая 1901 г.
- ¹⁴ Там же. Д. 1. Письмо В.Н. Ламздорфа П.М. Власову 16 мая 1901 г.
- ¹⁵ Там же. Письмо В.Н. Ламздорфа П.М. Власову 11 июля 1901 г.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Д. 2. 7 августа 1901 г. П.М. Власов написал В.Н. Ламздорфу: «Секретным предписанием от 16 мая за № 356 Вашему сиятельству угодно было поручить

мне приступить к подробной и всесторонней разработке мероприятий, направленных к возможному закреплению духовной связи России с черногорским народом и сообщить императорскому правительству фактический и иной материал, относящийся к этому вопросу».

18 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3349. Л. 120.

19 АОНМЧ. Ф. Приновљени рукописи. 1901. Фас. XLIX. Д. 2. Секретное донесение П.М. Власова В.Н. Ламздорфу 7 августа 1901 г.

20 Там же.

21 Там же.

22 Там же.

23 Там же. Д. 1. Копия письма министра финансов С.Ю. Витте от 9 ноября 1901 г.

24 *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. М., 1991.

25 АОНМЧ. Ф. Приновљени рукописи. 1902. Фас. I. Д. 1. Секретная копия письма министра финансов С.Ю. Витте военному министру А.Н. Куропаткину 20 апреля 1902 г.

26 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1902. Д. 21. Л. 109–110.

27 АОНМЧ. Ф. Приновљени рукописи. 1902. Фас. I. Д. 2. Черновик донесения П.М. Власова В.Н. Ламздорфу от 19 марта 1902 г.

28 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1567. Л. 217–217 об.

29 АОНМЧ. Ф. Приновљени рукописи. 1902. Фас. I. Д. 2.

30 Там же. Л. 52.

31 Там же. Л. 137.

32 Там же. Л. 43.

33 Там же. Л. 128 об.

34 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1902. Д. 21. Л. 39.

35 *Вуковић Г.* Мемоари. Обод-Цетине, 1985. Т. 1. С. 99.

36 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 17. Л. 149–151.

37 АОНМЧ. Ф. Приновљени рукописи. 1902. Фас. I. Д. 1. Письмо В.Н. Ламздорфа П.М. Власову 28 июля 1902 г.

38 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1568. Л. 61.

39 *Хлебникова В.Б.* Черногория: Феномен национальной государственности. 1878–1916. М., 2016.

40 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 54–56.

41 Там же. Д. 3349. Л. 105 об.

42 Там же. Д. 3313. Л. 7 об.–8.

43 *Гардасевич И.* Россия и Черногория: как и почему были разорваны отношения, длившиеся столетиями // *Connections QJ* 17, No 1 (2018): 65–80. [Электронный ресурс: https://connections-qj.org/ru/system/files/17.1.04_gardasevic_montenegro_rus.pdf]. С сожалением должна отметить большое количество исторических ошибок, допущенных автором статьи. Например, утверждается, что монах Филофей писал письма Петру I. Также смутило и вызвало желание возразить на некорректное упоминание моих публикаций. Так, автор «цитирует» слова министра-резидента К.М. Губастова из его служебной записки, опубликованной мною в журнале «Славяноведение» (См.: *Хлебникова В.Б.* Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» // *Славяноведение*. 1997. № 5. С. 35–51). Но ни в моем тексте, ни в самой записке нет тех слов, которые г. Гардасевич приписывает Губастову.

При этом автор статьи делает ссылку (причем без указания страниц) на сборник моих статей «Россия и Черногория в конце XIX–начале XX вв.» (Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. университета, 1992). Но и там тоже нет приведенной цитаты. И особенно непривлекательно выглядят попытки Гардасевич связать историю русско-черногорских отношений XIX — начала XX вв. с недавними политическими происшествиями в Черногории. Готовность «дружить» с США не должна приводить к искажению исторических событий, которые произошли столетие назад. — В. Х.

Черногория в донесениях русского посланника в Цетине С.В. Арсеньева (1910–1912 гг.)

Данная коллективная монография не даром посвящена памяти выдающегося историка Ирины Степановны Достян. Она оставила значительный след в отечественном славяноведении и балканистике и в целом в исторической науке второй половины XX — начала XXI вв. Ее труды, всегда высококачественные, взвешенные, вводившие в научный оборот новые источники и раскрывающие многослойную балканскую проблематику, всегда служили мерилом академического уровня исследований, использовались иностранными и отечественными специалистами по истории Балкан XVII–XIX вв. и до сих пор являются обязательной научной литературой для подготовки будущих специалистов в ВУЗах. Диапазон научно-исследовательской сферы историка Достян составлял три века — XVII, XVIII и XIX века и охватывал балканские страны, их взаимоотношения, социально-экономическое развитие, русско-балканские отношения в целом и более углубленно — русско-сербские связи. И.С. Достян более 60-ти лет своей жизни посвятила научной деятельности, в результате чего появились на свет три индивидуальные монографии, входящие в списки фундаментальных, основополагающих трудов отечественной балканистики («Борьба сербского народа против турецкого ига XV — начало XIX в.», «Россия и балканский вопрос: из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в.», «Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов»)¹, десятки разделов в обобщающих трудах, многочисленные научные статьи. Заслуги И.С. Достян и достижения ее научной деятельности были удосто-

ены высокой оценки², а в 2010 г. Институт славяноведения РАН выпустил в честь Ирины Степановны специальный юбилейный сборник (к 90-летию со дня ее рождения), посвященный ее научному творчеству и тематике ее исследований³.

Следует отметить, что И.С. Достян во всех своих работах широко использовала такой важный и информативный вид архивных источников как документы российских дипломатов и посланников на Балканах. Донесения дипломатических сотрудников императорских миссий и посольств являются весьма ценными материалами для написания специальных научных трудов. Эта традиция, заложенная отечественными славистами и балканистами еще в советскую эпоху, сохраняется и развивается представителями современных поколений ученых. Для данного раздела нами были привлечены документы сотрудника МИД С.В. Арсеньева, исполнявшего в 1910–1912 гг. обязанности посланника Российской империи в Черногории.

Сергей Васильевич Арсеньев родился в Москве 1 апреля 1854 г. в дворянской семье. Его отец, действительный статский советник Василий Сергеевич Арсеньев (1829–1915), был представителем древнего знатного рода Арсеньевых⁴, как и мать — княжна Наталия Юрьевна Долгорукая (1830–1902). Сергей Арсеньев прошел обучение в 1-й московской гимназии (1872 г.), московском Императорском Лицее в память цесаревича Николая (1874 г.), где также окончил университетский курс и получил степень кандидата прав в 1877 г., после чего поступил на службу в лейб-гвардию Преображенского полка. Следующим этапом его образования стал Санкт-Петербургский археологический институт*, который Арсеньев окончил в 1880 г. с серебряной

---

* Императорский Санкт-Петербургский Археологический институт был открыт в 1877 г. известным русским юристом, историком, архивистом, профессором истории русского права, членом Санкт-Петербургской академии наук Н.В. Калачовым (1819–1885), который и стал его первым директором. Это научное и учебное заведение принимало к поступлению людей с высшим образованием и обучало их по профессиям археологов и архивистов, срок обучения составлял два года. Институт просуществовал до 1922 г., после чего был преобразован в Отделение археологии и истории искусств факультета общественных наук Петроградского университета.

медалью. В 1882 г. Сергей Васильевич стал одним из членов-учредителей Императорского православного палестинского общества; в 1892 г. он был избран его почетным членом. Длительная дипломатическая карьера С.В. Арсеньева началась в 1880 г. с назначения его первым секретарем генерального консульства в Восточной Румелии; через год он стал там же поверенным в делах. В 1882 г. Арсеньев был переведен в Болгарию, сначала на должность первого секретаря дипломатического агентства, а через несколько месяцев был назначен поверенным в делах в Болгарии. В 1883 г. дипломата отправили в Берлин на пост второго секретаря российского посольства (до 1886 г.), после чего перевели в Швецию, где он занимал пост первого секретаря миссии в 1886–1891 гг. и там же поверенного в делах с 1888 по 1891 гг. В 1891–1897 гг. Сергей Васильевич являлся генеральным консулом в Иерусалиме, а в 1897–1900 гг. — генеральным консулом в Стокгольме. После этого дипломат 10 лет занимал пост министра-резидента в Великом герцогстве Ольденбурге. И, наконец, в 1910 г. он был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Черногории сроком на два года. Затем, в 1912–1914 гг., эту же должность Арсеньев занимал в Норвегии⁵.

Из всех стран, в которых по долгу службы пришлось побывать С.В. Арсеньеву, Черногория выделялась своей неординарностью, которая складывалась из уникального патриархального уклада жизни народа, колоритности и темпераментности хитрого правителя Николы Петровича, бурлящей и порой запутанной политической ситуации. Все эти факторы заставляли дипломата глубоко вникать в политическую, социальную и культурную жизнь небольшой славянской страны и досконально изучать все тонкости устройства черногорского государства. Это оставило свой отпечаток и впоследствии даже повлияло на его будущее — с началом Февральской революции в России дипломатическая карьера Сергея Васильевича окончилась, и в ноябре 1919 г. он устроился на должность помощника заведующего отделом славяноведения в Румянцевский музей в Москве⁶, где и проработал вплоть до своей смерти в 1922 г.

Годы работы дипломата в Черногории совпали с важными событиями — из княжества эта страна превратилась в королевство; черногорский правитель Никола Петрович пытался присоединить к своей стране некоторые турецкие территории с албанским населением, близким по менталитету черногорцам; заключение разработанной российским МИД военной конвенции между Петербургом и Цетине для регулирования действий черногорской стороны и контроля за использованием русских денежных субсидий в пользу Черногории; начало Первой Балканской войны.

Документы этого непростого и очень интересного периода истории Черногории и русско-черногорских отношений, свидетелем и участником которых являлся русский дипломат Сергей Васильевич Арсеньев, сохранились в его личном фонде в Архиве внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ)⁷. Хочется отметить, что эти материалы пронизаны особым духом интеллигентности уходящей аристократии XIX века. Если сравнить их с донесениями русского военного агента в Черногории Н.М. Потапова, чей язык довольно скуп и резок, что, возможно, свойственно военному человеку, то у Арсеньева заметны иное изложение ситуации, более мягкие выражения, витиеватые «французские» фразы, много дополнительных подробностей и мелочей в описании одних и тех же событий.

31 декабря 1909 г. (13 января 1910 г.) С.В. Арсеньев был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Черногории. 10 (23) марта он был принят императором Николаем II и в апреле выехал из Петербурга к месту своего назначения⁸. Прибыл дипломат в Цетине 21 мая (3 июня) 1910 г., когда поддерживаемое черногорской правящей верхушкой албанское восстание* было в самом разгаре⁹, и ему пришлось быстро

---

* Албанские восстания начала XX в. были результатом возникшего в 40-е годы XIX в. Албанского Возрождения, когда албанским деятелем Наумом Векилхарджи было издано первое обращение к православным албанцам о необходимости создания албанских школ и развития албанского языка. В то время албанцы, разделенные

вникать в курс дела. Коллега Арсеньева русский военный агент в Черногории Н.М. Потапов внимательно отслеживал действия черногорцев и регулярно информировал МИД России о ситуации. Он сообщал, что уже больше года из Цетине албанцам внушается мысль «отдачи себя под власть Черногории» с сохранением для них всех прерогатив, которыми они пользовались доньше; в случае решения Порты подчинить себе албанцев, Цетине в удобный момент даст им знать, когда «объявить себя под защитой Черногории», и «окажет им вооруженную поддержку»; «если же Турция будет действовать нерешительно, то Черногория будет до удобного времени поддерживать восставших тайно оружием и деньгами»¹⁰. Таков был политический план черногорцев.

Для того, чтобы удержать Черногорию от активных акций в албанском вопросе [ситуация могла вылиться в военный конфликт Черногории и Турции, считавшей албанцев своими подданными; Россия не смогла бы остаться в стороне, а заинтересованность Австро-Венгрии и Италии в турецких (албанских) территориях была очевидна, и это тоже могло вылиться в военные акции¹¹], императорское правительство решило ускорить заключение с Княжеством военного договора, который бы связал Черногории руки¹². Разработкой военного соглашения россий-

---

на племена и кланы, имевшие разную религиозную принадлежность, воспринимали себя частью Турецкой империи и не выдвигали требований о создании собственного государства. К началу XX в. албанский народ вступил в фазу активной борьбы за свое национальное государство: с мая 1909 г. и до начала Первой Балканской войны в октябре 1912 г. албанцы неоднократно поднимали восстания против турецких властей. Главными причинами недовольств были не оправдавшая ожидания албанцев новая турецкая конституция, которая по сути имела целью насильственную «турофикацию» Империи, а не обеспечение местных свобод в различных османских владениях; запрет всем не военным лицам на ношение оружия; новые налоги; требования турецких властей закрыть недавно созданные национальные албанские школы и учить писать детей на албанском языке арабскими, а не латинскими буквами, как было принято на нескольких конгрессах албанских националистов. (Национально-освободительное движение албанцев наиболее ярко освещено отечественными специалистами Г.Л. Аршем, И.Г. Сенкевич, Н.Д. Смирновой, Ю.В. Ивановой и П.А. Искендеровым. См.: *Сенкевич И.Г. Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг. М., 1959; Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д. Краткая история Албании. М., 1965; Краткая история Албании. М., 1992; Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке. М., 2003; Иванова Ю.В. Албанцы и их соседи. М., 2006; она же. Формирование идеи собственного государства в Албании в конце XIX — начале XX века: принципы Национального Возрождения и традиционное общественное мышление // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в.). СПб., 2006; Искендеров П.А. Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013).*

ский МИД занимался летом 1910 г.¹³, одновременно с подготовкой к провозглашению Черногории Королевством.

1910-й, первый год службы Арсеньева в Черногории, стал важной вехой в ее истории. Именно тогда Княжество превратилось в Королевство. На торжества, связанные с этим знаменательным событием, в августе в Цетине по приглашению прибыли многочисленные именитые гости, главы государств или их представители. От России это были великие князья Николай Николаевич (1856–1929) и Петр Николаевич (1864–1931) Романовы.

Петр и Николай Николаевичи были внуками императора Николая I (1796–1855), племянниками Александра II (1818–1881), кузенами Александра III (1845–1894) и двоюродными дядями Николая II (1868–1918). Родились они в семье участника Крымской компании 1853–1856 гг. и впоследствии главнокомандующего российскими войсками в последней русско-турецкой войне 1877–1878 гг., великого князя Николая Николаевича (1831–1891) и великой княгини Александры Петровны (1838–1900), в последние годы своей жизни принявшей монашеский постриг и основавшей в Киеве Покровский монастырь.

Великий князь Николай Николаевич-младший — яркий, энергичный, решительный, боевой — сделал удачную военную карьеру, апогеем которой было принятие им поста верховного главнокомандующего российской армией в годы Первой мировой войны¹⁴. Его младший брат Петр Николаевич не был столь яркой личностью. Он не добился особых успехов в армии, как из-за слабого здоровья, так и вследствие того, что его больше интересовала архитектура¹⁵. Петр Николаевич занимался инженерным делом и в годы Первой мировой войны состоял в русской армии в должности генерал-инспектора инженерных войск. Женами родных братьев Николая и Петра Николаевичей были родные сестры Милица (1866–1951) и Анастасия (Стана) Николаевны (1868–1935), дочери черногорского правителя Николы Петровича-Негоша (1841–1921), выпускницы Смольного института благородных девиц¹⁶.

В августе 1910 г. обе семьи отправились с визитом в Черногорию, чтобы поздравить своего тестя и отца с принятием королевского титула.

Великокняжеская чета Петра и Милицы прибыла в столицу Черногории заранее и, можно сказать, неофициально, так как на Петре Николаевиче, в отличие от его старшего брата, не лежало ответственности представлять российского императора.

На 15 августа назначались торжества по случаю 50-летия правления Николы Петровича и провозглашения по этому случаю Черногории королевством. В числе гостей также были: итальянский король Виктор-Эммануил III и его супруга Елена, еще одна дочь Николы Петровича; сербский престолонаследник Александр Карагеоргиевич, внук черногорского правителя; болгарский король Фердинанд; греческий королевич Константин, прибывший во главе эскадры из четырех вымпелов в Антивари чуть позднее, 18 августа¹⁷.

По случаю провозглашения Черногории королевством Николай II удостоил новоиспеченного короля особой чести, назначив его фельдмаршалом российской армии. Однако поздравительная телеграмма и приказ о назначении задержались в пути и не успели к началу торжеств. Так как о назначении было уже известно великому князю Петру Николаевичу, то он настоял на том, чтобы российский посланник в Цетине С.В. Арсеньев оповестил Николу Петровича о высочайшей поздравительной телеграмме и пожаловании высокого звания, что им и было исполнено. 16 августа на семейном завтраке в королевском дворце, куда вместе с великокняжескими семьями был приглашен и Сергей Васильевич, российский посланник доложил королю о высокой чести, оказанной ему Николаем II. Как позднее докладывал в МИД Арсеньев, Никола был заметно взволнован — прослезился, обнял российского представителя и сказал, что «никакое известие не могло бы его так глубоко обрадовать и что преданность его и черногорского народа его императорскому величеству безгранична»¹⁸. Поздравительная телеграмма была получена на следующий день, 17 августа, и зачитана королем вслух перед народом во время торжественного парада войск. «Восторг войск и народа при этой вести не поддается описанию»¹⁹, — сообщил российский посланник в Петербург. В тот же день была отпразднована «золотая свадьба» (50 лет брака) короля Николы и его супруги королевы Милены.

Для вручения фельдмаршальского жезла от имени императора и как его официальный представитель в Черногорию отправился великий князь Николай Николаевич с семейством.

Прибыв в порт Антивари 19 августа во главе русской эскадры с супругой и ее детьми (князем Сергеем Георгиевичем и Еленой Георгиевной Романовскими — детьми великой княгини Станы от первого брака), Николай Николаевич был встречен черногорцами с невероятным энтузиазмом, а его «путь от Антивари до Цетинья был как бы триумфальным шествием», не умолкали крики: «Живио русский царь, живио Россия»²⁰. 21 августа в присутствии всего дипломатического корпуса, десанта с русской эскадры и черногорских войск, Николай Николаевич торжественно вручил черногорскому королю фельдмаршальский жезл²¹.

На следующий день в честь великого князя был устроен званый обед, на котором, помимо великокняжеских семейств, присутствовали принц Франц-Иосиф Баттенбергский с супругой, личный состав императорской миссии и начальник русской эскадры контр-адмирал Мальцев с командирами судов²².

Цетинские торжества, приезд великого князя Николая Николаевича в качестве представителя российского императора, вызванный этим невероятный энтузиазм черногорцев и вручение королю Николе фельдмаршальского жезла — обо всем этом подробно сообщал С. В. Арсеньев в своих донесениях²³.

26 августа состоялся отъезд августейших высочеств из Цетинье в Антивари на эскадру. Российский посланник докладывал в МИД, что для короля Николы и его семьи был дан торжественный завтрак на броненосце «Цесаревич». Затем эскадра снялась с якоря и взяла курс на Фиуме, откуда великокняжеские семьи Петра и Николая Николаевичей инкогнито направились в Вену²⁴.

Пышные торжества опустошили черногорскую казну, которая пополнялась в основном за счет русских субсидий. Их сумма постоянно росла и с 82 тыс. руб. в 1904 г. увеличилась до 330 тыс. руб. в 1908 г., а к началу Первой мировой войны была близка к миллиону рублей (без учета дополнительных ассигнований)²⁵.

В обязанности С.В. Арсеньева и русского военного агента в Черногории Н.М. Потапова входил не только контроль за расходованием субсидий, посылаемых в Черногорию, но и корректировка внешнеполитического курса Королевства. Как выяснилось, эти два направления деятельности дипломатов были связаны друг с другом.

До Арсеньева и Потапова дошли сведения о тайных контактах черногорского правительства с албанскими вожаками, организованных военным министром Черногории М. Мартиновичем. «К нему господарь* направляет всех албанцев, ищущих у его королевского высочества аудиенции, — писал Потапов. — У военного министра на квартире происходили время от времени и тайные совещания с влиятельными арнаутиами**». Приглашенных одаривали деньгами и оружием, пытались сделать из них доверенных агентов по пропаганде идеи добровольного присоединения Северо-Западной Албании к Черногории. Главными помощниками генерал-адъютанта М. Мартиновича по связям с нужными лицами в Албании служили, по данным Потапова, скутарийский паша Ибрагим-бей-Соколович, получавший от черногорского правительства ежегодную субсидию в размере 3.000 крон, и его сын — с субсидией в 900 крон ежегодно; в племени Кастрати — Мираш Люца, сын которого числился черногорским унтер-офицером и был в то время воспитанником Цетинского военного училища; в племени Груда — Сокол Баца, живший в Подгорице; в племени Шаля — Люляш Паля и др. Все эти лица получали денежные пособия — как в целях пропаганды, так и на личные расходы²⁶.

Позднее в Генеральном штабе Российской империи стало известно и об агентах-черногорцах, которые засылались в албанские земли для проведения агитации среди местного населения в пользу присоединения этих территорий к Черногории.

Такого рода контакты с албанцами поддерживались еще со времен владыки Петра II Негоша (1830–1851 гг.). Черногор-

* Так черногорцы по традиции обращались к своему правителю.

** Арнаути — турецкое название албанцев, хотя изначально арнаутиами называли православных албанцев, смешанных с греческим населением и говорящих на греческом языке.

ский историк Никола П. Шкеревич указывает на существование связи черногорцев с некоторыми албанскими племенами [католические племена Груна (Груды), Хота (Хоти), Клементи и особенно племена Малисоров]. Никола продолжал политическую линию Петра II Негоша и укреплял эти контакты. Так, албанские дети зачастую обучались в черногорских школах и военных учреждениях²⁷. Уже к 1900 г. на территории Албании и Старой Сербии функционировало 11 школ, на содержание которых отпускались средства из черногорской казны (3,5 тыс. гульденов в год)²⁸.

Такого рода деятельность черногорской элиты была направлена, с одной стороны, против «отуречивания» албанцев-мусульман, для которых преподавание в мусульманских религиозных школах велось на турецком языке, и, с другой, — против более слабых попыток Константинопольской патриархии «эллинизировать» православных албанцев²⁹. С черногорской стороны эти действия были также попытками противостоять итальянскому и австрийскому «усилению» в Албании. Соперничество Италии и Австро-Венгрии за влияние в Албании выражалось как в стремлении к заключению контрактов на пароходство, торговлю в ее приморской зоне, так и в открытии школ, содержавшихся на итальянские и австрийские средства³⁰.

Однако планы черногорцев по присоединению Северо-Западной Албании были весьма наивными — в Черногории считалось, что албанцев должна привлечь схожесть жизни и обычаев двух народов. Такие особенности черногорского государственного устройства как племенное деление и быт, отсутствие больших податей и необходимости поставлять солдат для постоянной армии, разрешение всем гражданам хранить оружие у себя дома, безопасность внутри страны, близость правителя к народу (непосредственное участие князя Николы в решении различных вопросов внутренней жизни Княжества, публичные лекции для народа и традиционные беседы с простыми черногорцами у стен дворца³¹) — всё это действительно привлекало албанцев и было им весьма близко. Немаловажное значение имели и кровнородственные связи нескольких черногорских братств Риечской и Црмничской нахий с албанцами, а также наличие многочисленного

сербского населения в пределах Печской (Ипекской), Дьяковской и Призренской нахий — на их «расположение» и рассчитывали черногорские власти. Духовенство вышеперечисленных областей, по сведениям Потапова, также получало денежные субсидии, ордена и подарки из Цетиня³². И, несмотря на то, что наиболее сильные из албанских племен — Люма, Пука, Мати и особенно Мирдита — были настроены против Княжества, черногорские власти всё же продолжали вести агитационную деятельность.

Осенью 1910 г. черногорско-турецкие отношения обострились из-за потока беженцев из пограничных турецких областей в Черногорию. Причиной было издание Портой Закона об обязательной воинской повинности для всех османских подданных без различия вероисповеданий. Это вызвало недовольство албанских племен, в результате чего началось массовое бегство молодых призывников-христиан на территорию Королевства. Как докладывал в МИД Арсеньев, перестрелки на черногорско-турецкой границе происходили примерно раз в неделю³³. К началу октября османские власти опубликовали прокламацию к албанцам-беженцам с призывом о возвращении в пределы Турции³⁴.

Россия настоятельно рекомендовала Черногории содействовать урегулированию конфликта. Поэтому король Никола отправил для переговоров с турками начальника цетинской дивизии генерал-майора Вукотича, с тем, чтобы заручиться обещанием турецких властей даровать амнистию беженцам в случае их возвращения в пределы Османской империи.

Тем временем приток беженцев продолжался. Черногорский король всё больше опасался, что их содержание ляжет тяжелым бременем на черногорскую казну³⁵, и стал искать альтернативные источники денег. Уже к началу октября 1910 г. в Цетине был образован комитет для сбора пожертвований в пользу беженцев, который обнародовал в местных газетах воззвание к черногорцам помнить о «святом завете Петра Негоша отворить врата свободы для всех ищущих ее», — докладывал в Петербург Арсеньев³⁶. Комитет призывал оказать помощь и поддержку беженцам — кто чем может. Это воззвание вызвало, по словам дипломата, «са-

мый отзывчивый отклик в самых широких слоях черногорского народа». Вскоре были открыты подкомитеты в разных городах Черногории. Во главе Центрального комитета в Цетине встал бывший военный министр воевода Пламенац, а в числе наиболее деятельных его членов был бывший министр иностранных дел Черногории Гавро Вукович³⁷.

Чтобы избежать обвинения черногорских властей в замалчивании, тайном укрытии беженцев, а также пересудов и недопонимания со стороны иностранных представителей в Цетине, министр иностранных дел Черногории Томанович разослал в иностранные миссии оповещение о прибытии албанских беженцев на территорию Королевства в основном из двух турецких вилайетов — Скутарийского и Косовского³⁸.

9 октября 1910 г. С.В. Арсеньев докладывал министру иностранных дел С.Д. Сазонову секретные сведения о положении дел в Скутарийском вилайете: «...можно ожидать новых волнений, т.к. католические албанцы положительно не считают возможным служить в турецких войсках. В городе Скутари распространился слух, что байрактар* Кастратского племени, подняв на своем доме в селе Кастраты красно-сине-белый (черногорский) флаг, сам ушел в Черногорию. Стремление перехода границы наблюдается в направлении от селения Тузы на юг, и в настоящее время замечается уже в селении Риолы. В Скутари и окрестностях глухое брожение. Главная причина переселения — налог на овец и нежелание нести воинскую повинность. Привлекает к переселению также упорно распространяемый слух, что в Черногории беженцам дают оружие и по кроне в день»³⁹. Более того, в Подгорице поговаривали, что оружие придет из России — такие сведения Арсеньев получил от турецкого консула в Подгорице через посланника в Цетине, слух — «будто бы из России ожидается присылка 25.000 ружей для раздачи албанцам и что русские добровольцы вскоре придут в Черногорию»⁴⁰.

* Байрактар — начальник байраков (турецк. — знамя), территориальных единиц. Байрактары были представителями турецкой власти в горах, занимались, в частности, вербовкой наемников в турецкую армию. Должность байрактара в XVII в. стала наследственной. Впоследствии байрактары стали проявлять большую самостоятельность, а в начале XX в. даже участвовать в борьбе против турок. (см. подробнее: Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д. Краткая история Албании. М., 1965. С. 41).

Арсеньев также узнал, что албанский предводитель Исса Болатинац (или Болетин) скрывается в Цетине под охраной, «т.к. его голова оценена турками в две тысячи турецких лир»⁴¹.

Турецкие власти пытались препятствовать албанской эмиграции, преследуя беженцев вплоть до черногорской границы, вследствие чего снова происходили перестрелки, о чем Арсеньев докладывал 12 октября 1910 г.⁴². По его же рекомендации турецкий посланник в Цетине Садреддин-бей ходатайствовал перед Портой о предоставлении беженцам полной амнистии и об ускорении ее обнародования, а также о создании комиссии для установления правил перехода границы для жителей обеих стран, чтобы избежать пограничных перестрелок и урегулировать ситуацию в скорейшее время.

Официальные действия Черногории выглядели вполне миролюбиво — Никола вел успешные переговоры с Садреддин-беем относительно предоставления полной амнистии албанским беженцам, после чего турки немедленно приостановили сожжение их жилищ (на тот момент было сожжено лишь 30 домов)⁴³. Однако тайная политика черногорского правителя в любой момент могла раскрыться. Черногорская казна после организации юбилейных торжеств была пуста, черногорской верхушке было необходимо срочно получить из любого источника деньги, которые использовались для тайной поддержки албанских повстанцев. Еще в сентябре 1910 г. сын короля Николы Данило просил Арсеньева через Йована Поповича (черногорского поверенного в делах в Константинополе, находившегося в то время в отпуске в Цетине) связаться с Петербургом по вопросу о высылке ему 10.000 руб. из дарованной королевичу русской ежегодной субсидии *авансом*, в счет 1911 г. Арсеньев объяснил Й. Поповичу, что на это потребуются личное повеление императора. Узнав о сложностях в получении денег и, вероятно, опасаясь огласки, к русскому посланнику обратился сам Никола, заявив, что эту просьбу королевича не стоит выполнять⁴⁴.

Тогда черногорские власти ринулись в срочном порядке заключать торговый союз с Австро-Венгрией, готовые на любые уступки. Об этой «загадочной податливости черногорского правительства» Арсеньеву в конце октября 1910 г. рассказал итальянский посланник в Черногории барон Сквити⁴⁵.

19 октября 1910 г. Порта объявила полную амнистию бежавшим албанцам. Садреддин-бей просил черногорского министра иностранных дел Томановича сообщить об этом своему правительству. В свою очередь русский посланник просил короля без промедления опубликовать текст амнистии в черногорских газетах. После долгих уговоров Никола всё же с этим согласился⁴⁶, хотя, по точному замечанию барона Сквити, «обнародование амнистии турецким правительством албанским беженцам не входило в расчеты черногорского правительства», желавшего присоединить к Черногории Северную Албанию, вследствие чего «черногорские агенты подбивали албанцев к переселению в Черногорию»⁴⁷.

Осведомившись у Томановича о результатах оповещения албанских беженцев, Арсеньев узнал, что те отказались покидать Черногорию. Такой поворот событий вынудил российского дипломата пригрозить королю приостановкой денежной субсидии. Это возымело действие, и Никола пообещал лично убедить вождей албанских беженцев возвратиться на родину, что и было сделано в присутствии Арсеньева в начале ноября. И вскоре он уже мог сообщить в Петербург о том, что 12 ноября 1910 г. албанцы «массою покинули черногорскую территорию. На границе их встретил скутарийский генерал-губернатор Бедри-паша для водворения их на прежнее место жительства»⁴⁸.

Короля Николу не оставляла в покое мечта получить албанские земли, но, с другой стороны, он отдавал себе отчет в том, что из-за этой рискованной затеи он может лишиться расположения России и, как следствие, огромной субсидии. Поэтому 17 (30) ноября 1910 г. черногорский правитель пошел на подписание с Россией военного соглашения (военной конвенции)^{49*}, по которому

---

* Военная конвенция между Россией и Черногорией была подписана военным министром Черногории Иво Джуровичем [17(30) ноября 1910 г.] с одной стороны, и военным министром России В. А. Сухомлиновым [2(15) декабря 1910 г.] — с другой. Конвенция обязывала черногорское правительство предоставить в распоряжение России все вооруженные силы страны по первому призыву русского императора. Помимо этого, 7-я статья ограничивала право Черногории на вступление в военные действия без предварительного соглашения с российским правительством, а также на заключение военных договоров «без согласия его императорского величества». Целью было обеспечить невмешательство Черногории в военные конфликты, могущие нарушить *status quo* на Балканах. Так, черногорские вооруженные силы были *de jure* поставлены под верховное командование российского

денежная субсидия лишь на военные цели Черногории возросла с 331.000 до 1 600.000 руб. (т.е. в 5 раз!)⁵⁰.

2 декабря 1910 г. Никола доверительно сообщил русскому посланнику, что «в Албании и Старой Сербии готовится восстание, и ему вчера предлагали оттуда дать свое согласие на поднятие черногорского флага в Скутари и Ипеке, но король ответил отказом»⁵¹. К этому времени он уже был связан с Россией военным соглашением, 7-я статья которого запрещала Черногории вступать в военные конфликты без одобрения Петербурга⁵².

Несмотря на это, черногорская сторона продолжала попытки тайно поддерживать албанских вождей вплоть до начала Первой Балканской войны. Арсеньев постоянно следил за обстановкой и весной-летом 1911 г. неоднократно получал сведения о снабжении албанцев черногорским оружием и об участии черногорцев на стороне албанских повстанцев против турецких войск⁵³. Вплоть до окончания своей службы в Черногории дипломату приходилось постоянно заниматься урегулированием черногорско-турецкого конфликта, возникшего из-за поддержки черногорцами албанского освободительного движения⁵⁴, а также из-за укрытия на территории Королевства албанских вождей и нежелания выдавать их турецкой стороне⁵⁵. Лишь ультимативными угрозами России удалось удержать Черногорию от вооруженного конфликта с Османской империей.

Однако король Никола всё не мог успокоиться. Желая получить хоть какую-то выгоду от проведенной им работы, он разослал всем иностранным миссиям в Цетине, «будто бы только для сведения *счет убыткам* (! — *Н.С.-Б.*), которые понесли якобы черногорцы вследствие того, что Турция своими притеснениями албанцев принудила последних искать убежища в Черногории, а Черногорию — израсходовать на их продовольствие и на во-

---

императора. Однако de facto черногорский король пытался создавать конфликтные ситуации втайне от русского военного агента. Конвенция определяла также условия военной помощи, оказываемой Россией Черногории. Российское правительство пыталось поставить под контроль расходование субсидии. В сентябре 1912 г. Черногория нарушила свои обязательства, заключив союзные договоры с Сербией и Болгарией, вследствие чего Россия приостановила выдачу денег. См.: Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М.—Подгорица, 2003; *Шкеровић Н.* Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964.

енные приготовления». Счет этот составлял 5 млн крон (накануне рассылки счёта миссиям сумма эта достигала 9 млн крон, но когда один из дипломатов, увидев эту сумму, рассмеялся королю в лицо, тот сократил ее почти вдвое)⁵⁶. Однако данные притязания не имели успеха.

В заключение следует отметить, что новые материалы, привлеченные нами, весьма ценны тем, что позволили дополнить картину российско-черногорских отношений накануне Балканских войн 1912–1913 гг. и Первой мировой войны. В дипломатических документах нашли отражение важные события, происходившие в Черногории, ставшей в 1910 г. Королевством.

С.В. Арсеньев находился на своем посту недолго, всего два года. Но опытный дипломат, за плечами которого было уже 30 лет службы в разных государствах и на разных постах, он очень внимательно следил за обстановкой в стране пребывания, добросовестно вникал во все детали её политической и экономической жизни, изучал и оценивал все факторы её государственного развития.

Российский посланник являлся очень важным очевидцем происходивших в Черногории событий. Помимо информативной составляющей, его донесения в МИД ценны тем, что в них он высказывал, тонко и дипломатично, свое личное отношение к реальной ситуации и давал ей взвешенные, квалифицированные оценки, которые не могли игнорировать на Певческом мосту.

Однако критическое отношение С.В. Арсеньева к политике и действиям короля Николы и его окружения (албанский вопрос, нецелевое расходование русской субсидии и др.), нашедшее отражение в донесениях из Цетине, не имело последствий со стороны его мидовского начальства. И сколько бы русские дипломаты и военные специалисты не говорили и не писали в Петербург о злоупотреблениях черногорской элиты, бедственном положении народа, неподготовленности черногорского войска к будущим военным конфликтам и ненадежности короля Николы как союзника России, всё оставалось по-прежнему. Император Николай II, руководивший внешней политикой, следовал тому

курсу, который сложился в предыдущие царствования — помогать, поддерживать и укреплять всеми средствами отношения с Черногорией, оплотом, как считалось в Петербурге, русской политики на Балканах.

Примечания

- ¹ *Достян И.С.* Борьба сербского народа против турецкого ига XV — начало XIX в. М., Изд-во акад. наук СССР, 1958; *она же.* Россия и балканский вопрос : из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., Наука, 1972; *она же.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., Наука, 1980.
- ² К юбилею Ирины Степановны Достян // *Славяноведение.* 2005. N. 5. М., 2005. С. 119–120; *Виноградов В.Н.* Вступительное слово // В «интерьере» Балкан: юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. (Отв. ред. К.В. Никифоров). М., 2010. С. 7–8; *Данченко С.И.* Ирина Степановна Достян. Портрет в «интерьере» Балкан // Там же. С. 9–61; *Никифоров К.В.* Три монографии И.С. Достян // Там же. С. 62–80; Ирина Степановна Достян: (Некролог) // Новая и новейшая история. 2012. N. 4. С. 217–218; Памяти Ирины Степановны Достян (1920–2012): (Некролог) // *Славяноведение.* 2012. N.3. С. 126–127.
- ³ В «интерьере» Балкан: юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010.
- ⁴ *Арсеньев В.С.* Род дворян Арсеньевых 1389–1901 г. М., 1901; https://www.klgd.ru/city/history/almanac/a7_9.php.
- ⁵ Там же. С. 91–93.
- ⁶ <http://www.rmuseum.ru/data/authors/a/arsenyevsv.php>.
- ⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 340 (Личные фонды). Оп. 854 (Личный архив С.В. Арсеньева).
- ⁸ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. 1910–1916 г. Ед. хр. 3. Л. 1.
- ⁹ Албанское восстание началось 4 (17) апреля 1910 г., что с опасением обсуждали в переписке управляющий министерством иностранных дел С.Д. Сазонов и поверенный в делах в Черногории Н.Н. Дьяченко. // Там же. Л. 2–5.
- ¹⁰ Рапорт Н.М. Потапова в Главное управление Генерального штаба о намерениях Черногории присоединить Северо-западную Албанию и поддержке ею албанского освободительного движения. 25 апреля (8 мая) 1910 г. № 495. Цетине // Н.М. Потапов: русский военный агент в Черногории. Т. 1: Донесения, рапорты, телеграммы, письма, 1902–1915 гг. (Сост. Н.И. Хитрова). М.—Подгорица, Sapus, 2003. С. 425.
- ¹¹ *Искендеров П.А.* Албания на пути к независимости (1908–1914 гг.) // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914). М., 2017. С. 394–395.
- ¹² Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о мерах по предотвращению вмешательства Черногории в события в Северной Албании. 6 (19) мая 1910 г. № 502. Цетине // Н.М. Потапов: русский военный агент в Черногории. Т. 1. С. 437.
- ¹³ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3 (Копии депеш в МИД С.В. Арсеньева, чрезвычайного посла и поверенного в Черногории с 29 марта 1910 г. по 7 июня 1912 г.). Л. 43–45. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 16 августа 1910 г. № 54); Там же. Л. 46–47. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 18 августа 1910 г. № 55); Там же. Л. 51–53. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 22 августа 1910 г. № 59); Там же. Л. 53–55. (С.В. Арсеньев

- С.Д. Сазонову 27 августа 1910 г. № 60); Там же. Л. 56–57. (Речь его величества короля черногорского Николая I на обеде в честь его императорского высочества великого князя Николая Николаевича 22 августа 1910 г. [приложение к депеше]).
- ¹⁴ *Сухомлинов В.А.* Великий князь Николай Николаевич (младший). Берлин, 1925; *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930.
  - ¹⁵ *Калинин Н., Земляниченко М.* Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь, 2009.
  - ¹⁶ О них см. подробнее: *Струнина Н.Г.* Никола Петрович-Негош и его дочери — русские великие княгини Романовы // Черногорцы в России. М., 2011. С. 174–238; *она же.* Милица Николаевна и Анастасия Николаевна Романовы: от черногорских княжон до великих княгинь при дворе Николая II // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2013. С. 36–42.
  - ¹⁷ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 43.
  - ¹⁸ Там же. Л. 51.
  - ¹⁹ Там же. Л. 50.
  - ²⁰ Там же. Л. 57–58.
  - ²¹ Там же. Л. 54.
  - ²² Там же. Л. 55.
  - ²³ Там же. Л. 57–59.
  - ²⁴ Там же. Л. 55.
  - ²⁵ Справка Н.М. Потапова о необходимости денежных сумм на военные нужды Черногории на 1910–1912 гг. 4 (17) июля 1909 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. С. 380–381.
  - ²⁶ Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о неосновательности планов Черногории на присоединение албанских территорий ввиду враждебности к ней большей части племен. 26 апреля (9 мая) 1910 г. № 497. Цетине // Там же. С. 426.
  - ²⁷ *Шкеровић Н.* Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964. С. 571.
  - ²⁸ *Хлебникова В.Б.* Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» // Славяноведение. 1997. № 5. С. 42.
  - ²⁹ См. подробнее: *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. С. 53–54.
  - ³⁰ Министр иностранных дел Италии Томмазо Титтони (1855–1931) заявил по поводу Албании в итальянском парламенте 14 мая 1904 г.: «Албания сама по себе не имеет Бог весть какого значения; всё ее значение заключается в ее пристанях и побережье, привлечение которых в сторону Австрии или Италии означало бы неоспоримое преобладание одной из этих держав на Адриатическом море. Но этого, конечно, ни Австрия не может позволить Италии, ни Италия Австрии, и при стремлении одной из них к этой цели, другая была бы принуждена оказать ей сопротивление всеми возможными средствами». (см.: Албанская проблема и Сербия и Австро-Венгрия. СПб., 1913. С. 10). Соперничество Италии и Австро-Венгрии за балканские земли продолжилось и после Первой мировой войны. Известно, что Албания входила в состав Итальянской монархии с апреля 1939 по осень 1943 гг. // Албанская проблема и Сербия и Австро-Венгрия. С. 47–49; *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. С. 143–145.
  - ³¹ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3. Пг., 1915. С. 51, 73.
  - ³² Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о неосновательности планов Черногории на присоединение албанской территории ввиду враждебности к ней большей части племен. № 407. 26 апреля (9 мая) 1910 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. С. 426.

- 33 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 64–66. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 21 сентября 1910 г. № 66); Там же. Л. 68. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 28 сентября 1910 г. № 81 [телеграмма]).
- 34 Суть прокламации сводилась к следующему: 1) беженцы будут судимы, так как они не повиновались правительству; 2) они должны повиноваться конституции и не поддаваться на провокации; 3) имущество тех, кто не вернется по истечении 10-дневного срока, будет конфисковано, а сами они будут подвергнуты военно-полевому суду; 4) земельные наделы беженцев будут сожжены; 5) если беженцы вернутся в течение 10 дней, даже если они являются зачинщиками, при условии, что будут доносить на других, они будут прощены // Там же. Л. 69–71. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 2 октября 1910 г. № 68).
- 35 Там же.
- 36 Там же. Л. 72. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 2 октября 1910 г. № 69).
- 37 Там же. Л. 71–74. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 2 октября 1910 г. № 69).
- 38 Там же. Л. 74–76. (Циркуляр господина Томановича, министра иностранных дел Черногории, главам Миссий, аккредитованных в Цетине от 4 (17) октября 1910 г. № 2198).
- 39 Там же. Л. 76–77. (Депеша С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 9 октября 1910 г. № 71).
- 40 Там же. Л. 79–80. (Телеграмма С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 18 октября 1910 г. № 90).
- 41 Там же. Л. 78. (Депеша С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 15 октября 1910 г. № 86).
- 42 Там же. Л. 77–78. (Депеша С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 12 октября 1910 г. № 84).
- 43 Там же. Л. 78–79. (Депеша С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 15 октября 1910 г. № 87).
- 44 Там же. Л. 80. (Донесение С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 20 октября 1910 г. № 72).
- 45 Там же. Л. 81.
- 46 Там же. Л. 84. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 30 октября 1910 г. № 91. [телеграмма]).
- 47 Там же. Л. 81–82. (Донесение С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 20 октября 1910 г. № 73).
- 48 Там же. Л. 90. (С.В. Арсеньев С.Д. Сазонову 13 ноября 1910 г. № 93).
- 49 *Распопович Р.* Военная конвенция между Черногорией и Россией 1910 года // *Российская история.* 2009. № 2. С. 54–59.
- 50 Телеграмма Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о подписании соглашения между Россией и Черногорией и одобрение его королем Николаем. 17 (30) ноября 1910 г. № 562. Цетине // Н.М. Потапов... С. 476.
- 51 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 91. (Телеграмма С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 2 декабря 1910 г.).
- 52 Там же.
- 53 Там же. Л. 94–95. (С.В. Арсеньев А.А. Нератову 3 апреля 1911 г. №28); Л. 96. (С.В. Арсеньев А.А. Нератову 5 апреля 1911 г. №24); Л. 100. (С.В. Арсеньев А.А. Нератову 7 мая 1911 г. № 48).
- 54 Об этом см. подробнее: *Струнина-Бородина Н.Г.* Политика черногорского государства по отношению к Албании по донесениям русских дипломатов в Черногории (начало XX века) // *Независимость Албании в общебалканском контексте.* М., 2014. С. 213–234.
- 55 Там же. Л. 106–107. (С.В. Арсеньев А.А. Нератову 4 июня 1911 г. № 35).
- 56 Телеграмма Н.М. Потапова Я.Г. Жилинскому о возможном обращении короля Николая к России с просьбой возместить убытки Черногории. 8 (21) августа 1911 г. № 674. Цетине // Н.М.Потапов... С. 518–519.

Политика России на Балканах накануне Первой мировой войны: ключевые аспекты проблемы*

Тема политики России на Балканах накануне Первой мировой войны традиционно относится к числу наиболее дискуссионных аспектов европейской истории указанного периода. Диапазон оценок и подходов в отечественной и мировой историографии имеет максимально широкий характер. На одном фланге — позиция приверженцев американских исследователей Барбары и Чарльза Елавичей, обвинявших Россию в стремлении взять под свой контроль весь регион Юго-Восточной Европы, руководствуясь в том числе и в особенности идеями славянской взаимности и панславистскими настроениями в российском обществе. На другом фланге — сторонники так называемой «школы Покровского», которые в качестве ключевого фактора российской политики на Балканах и в более глобальном масштабе видят исключительно стремление установить контроль над Черноморскими проливами, считая поиском обходного пути к ним в том числе и русско-японскую войну 1904–1905 гг. Впрочем, известное и весьма справедливое высказывание самого Михаила Николаевича Покровского из озвученного в 1928 г. доклада «Общественные науки в СССР за 10 лет» о том, что «история — это политика, опрокинутая в прошлое», во многом объясняет остроту продолжающихся дискуссий на тему политики России на Балканах.

Если попытаться сформулировать некоторые ключевые, по нашему мнению, аспекты и факторы данной политики, то они могут звучать следующим образом:

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, проект № 20-59-18004.

1. Стремление России укрепить собственные военно-политические позиции в европейском и евроазиатском регионах;
2. Исторически сложившийся курс на оказание поддержки национально-освободительным движениям балканских народов — в том числе (но не только) исходя из этно-конфессиональной близости;
3. Реализация экономических интересов посредством выхода на новые рынки сбыта;
4. Обеспечение династических интересов посредством укрепления связей с балканскими правителями;
5. Понимание важности региона как одного из ключевых геополитических полигонов выстраивания общей системы международных отношений в Европе и взаимоотношений между ведущими мировыми державами;
6. Личные настроения и симпатии российских дипломатов в отношении балканских народов.

При этом вряд ли можно отрицать, что и сами балканские народы исторически стремились играть всё более активную роль в европейских делах, одновременно оставаясь в тени «более сильных государств, находясь в пересечении их интересов»¹. Это, в свою очередь, ставит в научную повестку дня решение более общей задачи, которая может быть сформулирована как «комплексная проблема национальных движений на Балканах и формирования государственности у народов этого региона»².

В числе вышеперечисленных факторов весьма перспективным в плане углубленного изучения представляется анализ взглядов тех или иных российских дипломатов, напрямую участвовавших в выработке балканской политики России, но при этом занимавших подчас весьма различные позиции.

После завершения Балканских войн 1912–1913 гг. на повестку российской дипломатии встала задача по-новому выстроить систему и приоритеты союзнических отношений в регионе. И здесь российское внешнеполитическое ведомство важную роль отводило Александру Михайловичу Петряеву (1875–1933), как одному из ведущих знатоков балканских вопросов.

Российский дипломат однозначно выступал за создание сильного югославянского государства, формирующегося вокруг Сербии и призванного стать надежным союзником России. В это государство, по его мнению, могли бы войти и югославянские народы Австро-Венгрии. «Возникновение единой Великой Сербии или Сербохорватского государства было бы самым удачным решением югославянского вопроса, и в русских интересах стремиться к тому, чтобы эта политическая комбинация осуществилась. Сильное славянское государство с 14 млн жителей, обосновавшееся на берегах Адриатического моря, интересы коего нигде не сталкиваются с русскими, было бы, конечно, весьма желательным элементом в нашей будущей западноевропейской политике», — докладывал А.М. Петряев в Санкт-Петербург в начале 1914 г.³

Вышеуказанная позиция А.М. Петряева в целом пересекалась с предложениями российского посланника в Сербии барона Николая Генриховича Гартвига (1857–1914). Однако последний, впрочем, выступал с гораздо более радикальных позиций, настаивая на формировании не абстрактного «югославянского государства», а конкретно максимально территориально расширившейся Сербии, в состав которой должны были войти не только югославянские области монархии Габсбургов, но и Черногория⁴.

Вместе с тем, Россия должна была учитывать, что сербский вопрос на Балканах находился в тесной политической, территориальной, экономической и социо-культурной взаимосвязи с вопросом албанским. А последний находился в прямом ведении Совещания послов великих держав, открывшегося в Лондоне в декабре 1912 г., которое В.И. Ленин однажды весьма метко назвал «театром грызни и интриг так называемых великих держав»⁵.

В рамках поиска решения албанской проблемы российское министерство иностранных дел обратилось к дипломатам, работавшим на Балканах, с просьбой подготовить собственные предложения на этот счет. Наиболее проработанными в итоге были признаны проекты российского посланника в Софии А.В. Неклюдова и консула в Митровице А.М. Петряева. Оба документа были весьма близки по содержанию и, в частности, предусматривали сохранение верховного суверенитета турецкого султана над Албанией при одновременном расширении ее автономных прав.

При этом Неклюдов настаивал на выводе с албанской территории турецких войск⁶. Петряев же соглашался на их присутствие под командованием турецкого генерал-губернатора, но при этом предлагал установить контроль над ним со стороны специальной комиссии представителей шести великих держав⁷.

Именно данная идея в итоге и была реализована в рамках Лондонского совещания, притом, что российское министерство иностранных дел формально отказалось делать выбор в пользу какого-либо из двух проектов, сведя их в один документ и переслав обобщенный вариант в Лондон, где посол России А.К. Бенкендорф доложил его на совещании.

Следует особо отметить, что А.М. Петряев являлся в российском дипломатическом корпусе на Балканах одним из наиболее нестандартно мыслящих дипломатов, умевшим просчитывать неординарные политические комбинации. В частности, он выступал за максимально возможное территориальное расширение албанских границ в южном направлении — за счет Греции. Соответствующая идея (находившаяся в противоречии с общепринятым в российском внешнеполитическом ведомстве мнением в поддержку Греции) была озвучена А.М. Петряевым в частном письме из Лондона на имя директора 2-го политического (Ближневосточного) департамента МИД России князя Г.Н. Трубецкого от 12 марта 1913 г. Дипломат считал расширение территориальных пределов новообразованного албанского государства в южном направлении (в сторону Греции) выгодным для России в связи с тем, что подобное расширение способно сдержать и компенсировать аналогичный процесс в направлении Сербии и Черногории, а также противодействовать росту националистических настроений в самой Албании. Кроме того, Петряев прямо обвинил сербов в том, что они своими действиями ужесточают позицию Австро-Венгрии в вопросе сербо-албанского территориального разграничения и, в частности, по поводу принадлежности города Джяковица. Вот фрагмент этого заслуживающего внимания письма:

«Проведение ее (Албании. — *П. И.*) южной границы представляет некоторые особенности по сравнению с северо-восточной границей. Население местностей к югу от р. Шкумбии, хотя эт-

нически албанское, но столь давно находилось под исключительным влиянием греческой пропаганды и культуры, проникших туда при помощи культурных и школьных установлений, что оно носит несомненно ярко выраженный греческий характер. Вследствие этого расширение юго-восточной границы Албании введет во вновь создаваемое государство много эллинизированных элементов, которые явятся крупной помехой к развитию и процветанию албанского национализма.

Греческая пропаганда уже имеет в своем распоряжении готовые и прекрасно оборудованные школы, крепко сплоченные и богатые общины, разные благотворительные учреждения и т.п., между тем как албанским националистам придется всё это создавать с начала. Таким образом, при устройстве будущего самоуправления Албании греческое влияние на местные дела будет очень значительно, тем более что эллинизированные элементы южной Албании — почти единственный ресурс для вербования администрации и чиновничества. На этой почве между албанскими националистами и греками будет происходить упорная борьба. Влахи окажутся, конечно, на стороне албанских националистов.

Из разговоров с моим австрийским коллегой здесь, Ибкеном, я убедился, что австрийцы учитывают это обстоятельство и с этой точки зрения расширение Албании на юго-восток им не очень улыбается вследствие введения в большой дозе греческих элементов. С другой стороны им не нравится увеличение Албании на юг еще и потому, что этим как бы открывается большой район для экономического и политического проникновения Италии, которая уже имеет значительные коммерческие связи с югом. Они по-видимому ограничатся поддержкой итальянского проекта границ на юге по р. Каламас.

Если иметь в виду приведенные выше соображения, то окажется, что расширение Албании на юг для нас, может быть, вовсе не так нежелательно, и мы могли бы уступить даже Корицу (Корча. — *П. И.*).

В южной Албании очень большое значение будет иметь церковный вопрос. Там находятся теперь четыре греческих митрополита (в Берате, Конице, Аргирокастре (Гирокастра. — *П. И.*) и Корице). Вся школьно-церковная организация, вместе с общин-

ной, находится под верховным ведением Кон[стантино]польского Патриарха. Это обстоятельство также говорит в пользу сохранения суверенитета султана над Албанией. В случае признания этой области совершенно независимой, возникнет сложный вопрос об отношении греко-албанских митрополитов и их паствы к Кон[стантино]польскому Патриарху. В конце концов благодаря разным политическим интригам связь эта ослабнет, и я не сомневаюсь, что албанские националисты из христиан, поддерживаемые Австрией, и совместно с влашко-румынской пропагандой будут стремиться к созданию албанской автокефальной церкви — то есть новой схизме.

Думается это — не в наших интересах. Мне кажется, что в будущем статуте Албании права и привилегии Вселенской Церкви должны быть особо оговорены. Выступая в роли защитников интересов православной церкви, представляемой Патриархом, мы только выполним нашу традиционную задачу»⁸.

Впрочем, и по вопросам сербо-албанского разграничения позиция А.М. Петряева далеко не всегда вписывалась в общую канву российских усилий на Лондонском совещании послов великих держав и оценок, превалировавших в Санкт-Петербурге. В частности, он обвинял сербов в том, что они своими чрезмерно экспансионистскими планами территориального расширения обостряют проблему и ужесточают позицию Вены: «Я думаю, что австрийцы уступят Дьяково (Джяковица. — *П. И.*) и может быть давно бы сделали это, если бы не было со стороны сербов разных неуместных заявлений и выступлений, qui indisposent les autrichiens [которые беспокоят австрийцев]»⁹.

Подобный гибкий и аналитический подход Петряева не теряет своей актуальности даже с точки зрения практики и реалий сегодняшнего дня. В частности, он вполне соотносится с концепцией, которую недавно озвучил российский исследователь А.Д. Богатуров. По его словам, «переговоры по поводу контроля над территориями могут иметь самостоятельное значение. Они воплощают мечты о совместном коллективном, в отличие от единоличного удовлетворения интересов. С равной вероятностью возможен прогресс элемента конфликта или сотрудничества в общей ситуации в зависимости от того, будет ли найдено объ-

единяющее стороны решение. Конфликт в зависимости от сил, которые за ними стоят, может быть внутривнутриполитическим или международным. Нарастание первого в современных условиях ведет к его превращению в конфликт второго рода. Обострение противоречий влечет вовлечение в него вооруженных сил иностранного государства»¹⁰.

А.М. Петряев занимал гибкую позицию и еще по одному принципиальному международно-правовому вопросу, получившему свою особую актуальность накануне и в годы Первой мировой войны, — о принципах преемственности соглашений в случае перехода затрагиваемой ими территории от одного государства к другому. Он подчеркивал, что «принцип сохранения обязательств, заключенных одним государством по отношению к какой-нибудь территории, с переходом этой последней под власть другого, обыкновенно соблюдается, но что необходимо делать различие между обязательствами, уже получившими реальное осуществление, и теми, которые являются в некотором роде *in spe* [в надежде]»¹¹.

В середине октября 1913 г., согласно решению Лондонского совещания послов великих держав, в Албании начала свою работу Международная контрольная комиссия. К чести ее делегатов, в том числе российского комиссара в Албании А.М. Петряева, они пытались объективно разбираться в сложной ситуации и, в частности, не принимали на веру все те взаимные сербо-албанские обвинения, в которых подчас преобладали эмоции, а не факты. В частности, 21 октября 1913 г. Петряев весьма сдержанно сообщал в Санкт-Петербург, что «по имеющим здесь сведениям в разных городах Албании действительно теперь находятся несколько десятков тысяч беженцев из пограничных областей», не подтверждая при этом официально конкретные факты массовых антиалбанских репрессий в присоединенных к Сербии областях — не только в силу особого характера сербо-российских отношений, но и прекрасно понимая, как осторожно следует подходить к громким заявлениям, требованиям и обвинениям, которые рождаются в горячих балканских головах¹². «Число самозванных правителей здесь увеличивается с каждым днем, — сообщал он в январе 1914 г. в МИД. — Всякий набравший шайку

в несколько вооруженных лиц провозглашает себя правителем до тех пор, пока его не сменит другой, более сильный. Беспристрастные наблюдатели из албанцев говорят о временах турецкого управления как о чем-то совершенном в сравнении с теперешнею анархией»¹³.

25 октября 1913 г. Петряев изложил в отдельной депеше из Влеры ситуацию, сложившуюся в Албании, и обрисовал усилия Австро-Венгрии и Италии, направленные на укрепление в ней собственных позиций. По его данным, «временное правительство, председательствуемое здесь Измаил Кемаль Беем (Исмаил Кемали. — *П. И.*), поспешило до прибытия Контрольной комиссии в Валону (Влера. — *П. И.*) раздать разные концессии австрийским и итальянским предпринимателям.

На открытие Албанского банка, с приданием ему характера государственного учреждения, выдана концессия австро-итальянской группе, дающей в равных долях около 20.000.000 франков. Соответствующее обязательство было подписано Измаил Кемаль Беем в Вене около шести месяцев тому назад. Последние же формальности были выполнены позже, накануне прибытия европейских делегатов. Финансовые группы, подписавшие это соглашение, выговорили себе право окончательного утверждения его в течение трех месяцев.

Вторая концессия выдана на производство изысканий по проложению железнодорожного пути от Скутари (Шкодер. — *П. И.*) через Эльбасан на Валону.

Техническая комиссия, состоящая из австрийских и итальянских инженеров, уже выехала из Валоны.

Затем временное правительство, по-видимому, обещало предоставить австрийским предпринимателям преимущественное право на открытие и оборудование в Валоне албанской государственной типографии, некоторые машины для которой уже доставлены из Триеста. Четвертая концессия на проложение электрического трамвая от Валонской бухты до города, на протяжении приблизительно 4 километров, отдана итальянцам»¹⁴.

«Если не считать этой последней концессии, имеющей местный характер, — продолжает Петряев, — три остальные затрагивают жизненные интересы Албании, имеют громадное по-

литическое значение и ставят Австрию и Италию в особое преимущественное положение. Не говоря уже о Банке, который будет держать в своих руках всю экономическую и финансовую жизнь страны, будущая государственная типография несомненно получит право выпуска марок, денежных знаков и государственных бумаг.

Главная роль в раздаче всех этих концессий принадлежит Кемалю Бейю. Когда вопрос этот обсуждался в здешнем Совете министров, то некоторые члены кабинета отказались дать свои подписи.

Известие о выдаче концессий австрийцам и итальянцам вызвало взрыв негодования в большей части населения. Во многих местах были устроены митинги протеста. В письменных и словесных жалобах на Измаил Кемаль Бейя, поступающих в Комиссию, одним из главных пунктов обвинения стоит вопрос о незаконной выдаче концессий иностранцам.

Французский, английский делегаты и я, согласно полученным нами инструкциям, предполагаем поднять в Комиссии вопрос о признании всех этих обязательств. Надо думать, что мы встретим очень сильную оппозицию со стороны австрийского и итальянского делегатов...

...Мне кажется, что концессии в Албании должны быть разделены на два рода — общегосударственного значения, как Банк, типография, и коммерческого характера, как постройка трамваев, дорог, оборудование портов и т.п. Первого рода концессии должны быть интернационализированы с предоставлением каждой великой державе соответствующей доли, а второго рода концессии должны лишь подлежать контролю Комиссии»¹⁵.

Тема особых отношений Исмаила Кемали с Веной и Римом получила свое дальнейшее развитие. 8 ноября 1913 г. Петряев сообщил из Влеры нижеследующее:

«Кроме тех более или менее официальных сношений, которые по разным делам Контрольная комиссия установила с председателем временного валонского правительства, австрийский и итальянский делегаты постоянно ведут с ним частные переговоры от имени своих правительств, в целях обеспечения за ними разных особых прав и привилегий.

Из моих предыдущих донесений Вашему превосходительству уже известно о концессиях, предоставленных валонским правительством итальянским и австрийским предпринимателям.

На днях до сведения английского делегата дошло, что итальянское правительство по соглашению с австрийским вступило в негласные переговоры с Измаил Кемаль Беем о приглашении им на службу австрийских и итальянских советников для устройства и упорядочения различных отраслей администрации и юстиции»¹⁶.

А.М. Петряев был не единственным, кто весьма скептически оценивал деятельность Международной контрольной комиссии в Албании. Джордж Фред Уильямс, посол США в Афинах, вернувшись в конце июня 1914 г. из поездки по Северной Греции (Эпир), подверг работу Комиссии еще более жесткой критике, назвав со страниц нью-йоркской газеты «The Sun» ее действия «эпохальным скандалом анархии, некомпетентности, лицемерия и убийства»: «Я нашел князя — который сам себя именует королем — без власти, без территории и без подданных, за исключением его собственных жены и детей. Моим первым побуждением было найти албанское правительство. Я не обнаружил никого, за исключением шести военных кораблей, но и те застыли в молчании. Зато в поле зрения находились пять мнимых правительств: 1. Шесть великих держав со всей властью; 2. Международная комиссия, контролирующая гражданскую администрацию и финансы; 3. Голландская жандармерия, контролирующая военных; 4. Князь без какой-либо оставшейся власти и 5. Министерство без власти.

Каждое из этих правительств борется друг с другом, а первое (великие державы. — *П. И.*), по-видимому, настолько поражено разногласиями в своих рядах, что предоставило остальные их собственной судьбе»¹⁷.

Начавшаяся Первая мировая война перевела проблему обеспечения российских интересов на Балканах и в Центральной Европе в новую плоскость, поставив на повестку дня судьбу самой Австро-Венгрии как единого государства. И в этой связи предшествующие наработки А.М. Петряева оказались востребованными. Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов дал указание

дипломату заняться изучением положения славян в Австро-Венгрии и выработкой проекта будущего обустройства населенных ими территорий. В марте 1916 г. он получил назначение советником Второго (Ближневосточного) политического отдела МИД и проявил на этом посту все свои лучшие качества. Обратимся к документу под красноречивым названием «Список к наградам, испрашиваемым за служебные отличия по Министерству иностранных дел, за труды, понесенные при условиях военного времени. За выдающиеся отличия», обнародованному в начале 1917 г. В нем сообщается, что к ордену Св. Владимира 4-ой степени представляется «советник Второго политического отдела Министерства иностранных дел, статский советник Александр Петряев. Вероисповедания православного. Кавалер орденов: Св. Анны 2 ст[епени] и Св. Станислава 3 ст[епени]. С выдающимся усердием заведует Вторым политическим отделом, деятельность которого, в особенности при современном политическом положении, требует особой подготовки, основательного знания дел Ближнего Востока и крайне напряженного труда»¹⁸.

Не менее важной фигурой в «балканском сегменте» российского внешнеполитического ведомства накануне Первой мировой войны являлся посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг. Он, в частности, сыграл важную роль в разрешении серьезного внутривосточного политического кризиса в Сербии в конце 1913 г., вызванного разногласиями между ведущими сербскими политиками относительно политики страны, в том числе в албанском вопросе. Действующее правительство Николы Пашича, используя голоса депутатов-старорадикалов, могло получить необходимый для работы кворум и добиться принятия данного законопроекта без участия в заседании депутатов от оппозиционных партий. Тем не менее, кабинет принял решение уйти в отставку, будучи уверенным, что ни одна из оппозиционных партий не сумеет образовать работоспособное правительство, а на новых выборах старорадикалы получат подавляющее большинство голосов избирателей¹⁹.

Сразу после объявления перерыва в работе скупщины Пашич посетил Гартвига и изложил ему свои соображения относительно будущего возглавляемого им кабинета. На замечание российского дипломата о серьезной опасности осуществления

вышеуказанной комбинации в условиях отсутствия политической стабильности в стране и на Балканах в целом, Пашич, в принципе согласившись с подобными опасениями, подчеркнул, что, принимая решение об отставке, его правительство руководствовалось следующими соображениями. Во-первых, с точки зрения интересов Сербии, сознательное допущение внутривнутриполитических осложнений именно в данное время представляется более безопасным шагом, нежели осуществление этого плана весной будущего года, когда резко возрастет вероятность разного рода внешнеполитических осложнений. Во-вторых новый кабинет, если он будет сформирован усилиями оппозиции, в первую очередь, младорадикалов и напредняков, будет, по его мнению, неукоснительно следовать нынешнему внешнеполитическому курсу Сербии. По словам Пашича, решение о необходимости отставки будет принято после всестороннего обсуждения данного вопроса в Совете министров, а непосредственным предлогом должно послужить прошение об отставке, поданное военным министром генералом М.Божановичем, ввиду отказа правительства утвердить представленную им смету военных расходов²⁰.

На заседании скупщины 29 декабря 1913 г., несмотря на демонстративное отсутствие всех депутатов от оппозиционного блока, правительству Пашича удалось собрать необходимый кворум и провести через парламент законопроект о государственном бюджете, который получил одобрение 85 депутатов при одном голосе «против»²¹. Однако после окончания заседания представители трех оппозиционных партий (Либеральной, Младорадикальной и Напредняцкой) имели беседу с Пашичем, в ходе которой поставили его в известность, что они будут неукоснительно придерживаться избранной ими тактики обструкций, направленной на срыв нормальной работы законодательного органа²². В этих условиях, на следующий день 30 декабря, утром, старорадикальный кабинет подал королю прошение об отставке. Сразу вслед за этим Пашич побывал в российской дипломатической миссии, где сообщил Гартвигу о принятом решении²³. К этому моменту российский посланник уже имел на руках секретную телеграмму Сазонова, датированную 29 декабря, в которой министр аргументировал позицию российского правительства, считавшего

желательным сохранение у власти кабинета Пашича. Сазонов отмечал, что в МИД России полностью разделяют опасения самого Гартвига относительно оставления Пашичем своего поста при далеко еще не выяснившейся внешнеполитической обстановке. По его словам, существовала реальная опасность возникновения на Балканах новых осложнений, которые могли потребовать использования политического опыта и выдержки главы Старорадикальной партии, которые сыграли свою позитивную роль в событиях осени 1913 г., связанных с ультиматумом Австро-Венгрии, и не позволили произойти непоправимым для самой Сербии событиям²⁴.

Пашич был глубоко тронут высокой оценкой его деятельности на посту главы сербского правительства, но твердо заявил Гартвигу, что обязан подать в отставку в силу конституционного порядка. Однако, по его словам, вопрос о власти еще не решен, ибо окончательное заключение будет зависеть от короля. Пашич процитировал российскому посланнику текст представленной им королю Петру докладной записки, в которой намечался оптимальный, с его точки зрения, выход их создавшегося положения: «В случае желания Его Величества оставить у власти правительство, пользующееся доверием большинства народных представителей, представлялось бы необходимым распустить скупшину и назначить новые выборы»²⁵. Со своей стороны, Гартвиг рекомендовал Пашичу довести содержание вышеуказанной телеграммы Сазонова до сведения короля, с которым у него была назначена аудиенция на 4 часа в тот же день²⁶.

В ходе данной аудиенции король Петр заявил Пашичу, что лично он испытывает по отношению к нему доверие и желает оставить у власти его кабинет. Тем не менее, согласно конституции, он должен обсудить вопрос о формировании нового правительства с лидерами оппозиционных партий²⁷.

В результате переговоров король, на основании сделанного им вывода о невозможности для оппозиции образовать работоспособный кабинет, поручил Пашичу продолжать исполнять обязанности председателя совета министров. Король также предоставил ему право ходатайствовать о роспуске данного состава скупщины, если оппозиция не изменит своей тактики после во-

зобновления парламентской сессии. Встретившись затем с российским посланником, Пашич настоятельно просил его передать Сазонову искреннюю признательность за высокую оценку своей деятельности²⁸.

3 января 1914 г. кабинет Пашича, после обсуждения вопроса в Старорадикальном клубе и на заседании совета министров, принял окончательное решение продолжать функционировать в своем полном составе, за исключением военного министра, вопрос о преемнике которого должен был быть решен дополнительно²⁹.

На заседании скупщины 4 января, несмотря на продолжавшееся отсутствие депутатов от оппозиции, 88 голосами против одного был утвержден предложенный правительством законопроект о двух двенадцатых государственного бюджета, а также об ассигнованиях, необходимых ему на обустройство новых областей³⁰.

Вышеприведенные примеры наглядно иллюстрируют, что политика России на Балканах в рассматриваемый период носила комплексный многовекторный характер, учитывая целый ряд фактов и аспектов. Она базировалась на знании и понимании ситуации и весьма точном расчете последствий тех или иных политических комбинаций. А незаурядные фигуры работавших на Балканах российских дипломатов позволяли Петербургу лучше понимать ситуацию и вырабатывать более эффективные решения.

Примечания

- ¹ *Махмутай Н.М.* Политическая философия в Албании периода Национального возрождения // Вопросы истории (далее — ВИ). 2020. № 3. С. 243–249.
- ² *Искендеров П.А.* Призренская лига в контексте формирования албанской государственности // ВИ. 2021. № 6 (2). С. 187.
- ³ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 161. Л. 24–26, 33.
- ⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5270. Л. 8–9.
- ⁵ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 23. М.: Изд-во политической литературы, 1973. С. 38.
- ⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1349. Л. 142–143.
- ⁷ АВПРИ. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 195. Л. 86–87.
- ⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2087. Л. 269–272.

- ⁹ «Которые портят настроение австрийцам» // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2087. Л. 272.
- ¹⁰ Богатуров А.Д. Процессы мира и войны // Международные процессы. 2016. № 3. С. 30.
- ¹¹ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: сборник документов / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Тула: Аквариус, 2014. С. 127.
- ¹² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 19. Л. 11.
- ¹³ Цит. по: Краткая история Албании. М.: Наука, 1992. С. 257.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2113. Л. 10.
- ¹⁵ Там же. Л. 10–11.
- ¹⁶ Там же. Л. 12.
- ¹⁷ The Sun. 27.06.1914.
- ¹⁸ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны... С. 762.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 458.
- ²⁰ Там же. Л. 461.
- ²¹ Там же. Л. 462.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Л. 460, 462.
- ²⁴ Там же. Л. 462.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 464.
- ²⁷ Там же. Л. 462; Д. 2912. Л. 13.
- ²⁸ Там же. Д. 2912. Л. 13.
- ²⁹ Там же. Д. 531. Л. 464.
- ³⁰ Там же. Л. 465.

Документы департамента полиции Российской империи о династическом кризисе в Сербии начала XX в.

В 1886 г. со штаб-квартирой в Бухаресте была создана Балканская агентура департамента полиции Российской империи. В ее функции входили слежка за российскими политическими эмигрантами и перлюстрация их почты. Первоначально ее возглавил А.Е. Мищенко, которого в 1890 г. сменил ротмистр Отдельного корпуса жандармов, а затем полковник А.И. Будзилович, известный под псевдонимом Грабо. После его скоропостижной смерти в Петербурге в 1901 г. агентуру возглавил В.В. Тржецяк, имевший псевдоним Цитовский. Однако результаты ее работы не оправдали возложенных на нее департаментом полиции надежд, что в 1904 г. привело к упразднению этого органа как самостоятельного подразделения политического сыска. Функционирование этой агентуры и деятельность ее агентов сами по себе являются предметом отдельного исследования, найдя отражение в фундированных работах российского историка В.Б. Каширина¹.

В ведении данной агентуры находились Румыния, Болгария и Сербия, а среди ее добровольных осведомителей было немало известных балканских политических фигур, в том числе и сербских, составлявших к тому же ядро оппозиции королевской власти. Как отметил В.Б. Каширин, «власти Румынии, Болгарии и Сербии нисколько не возражали против присутствия на их территории агентов русской охраны, которые находились там с их ведома и согласия, в целях дипломатически согласованной борьбы с терроризмом»².

В рамках данного исследования мы, на основе документов агентуры, руководители и сотрудники которой волей-неволей оказались вовлечены в бурные процессы внутривосточной жизни Сербии начала XX в., постараемся рассмотреть замысло-

ватые перипетии политики Королевства, приведшие к уничтожившему правящую династию Обреновичей военному перевороту 29 мая (11 июня) 1903 г. В этом смысле материалы агентуры существенно помогают исследователям в изучении причин, приведших к роковой для правящей сербской чете ночи.

Судя по всему, в Сербии добровольных осведомителей Балканской агентуры было немало³. Среди них отметим Йована Джайу — известного политика, соратника находившегося тогда в оппозиции режиму выдающегося сербского государственного деятеля и лидера Радикальной партии Николы Пашича, министра сербской полиции, а после отставки — редактора и издателя сербской газеты «Народ». Причем, это сотрудничество он откровенно связывал как со своим участием в характерных для сербской политики начала XX в. межпартийных дрязгах, так и со своим отношением к королевской чете и ее политике. Как замечал В.В. Тржецяк: «Джайа, бывший министр полиции в Сербии, предлагает полные свои услуги в качестве политического или полицейского сотрудника России. Содействие Джайи, как тайного сотрудника России, в особенности важно ныне, когда можно ожидать перемен политики Сербии в сторону Австрии. Джайа, пользующийся своим влиянием и симпатиями у короля Александра и стоящий в оппозиции крайних радикалов⁴, предлагает, если бы король Александр перешел на сторону Австрии, вывести его и отстранить его династию от престола и дать Сербии то лицо, которое угодно будет России»⁵. Подчеркивая значимость Джайи как русского агента, Тржецяк не преминул заметить, что тот «принимал участие в вывозе из Сербии короля Милана, на что покойным императором А[лександром] III было, по словам Джайи, уплачено 2.000.000 фр. Паспорт Милана подписан Джайей. Посланник Чарыков* считает Джайю нужным и секретным работником, имеющим в Сербии большие связи, от которых он неоднократно получает разного рода услуги»⁶.

Напомним читателю, что в данном случае речь шла о событиях конца XIX в., которые ярко проиллюстрировали тупик влас-

* Чарыков Николай Валерьевич (1855–1930) — российский дипломат, в 1900–1905 гг. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Сербии. В 1908–1909 гг. был товарищем министра и специалистом по балканским делам.

ти короля Милана Обреновича, решившего после Берлинского конгресса 1878 г. связать будущее своей страны с интересами Австро-Венгерской империи. Неприятие предложенного курса обществом, прежде всего лидерами влиятельной Радикальной партии, поражение сербской армии в скоротечной войне с Болгарией 1885–1886 гг., серьезное осложнение отношений с Россией, вызвали в стране глубокий кризис власти. В январе 1889 г. Милан Обренович отрекся от престола в пользу своего 12-летнего сына Александра. До его совершеннолетия для управления страной был назначен Регентский совет, состоявший из преданных династии лиц, — генералов К. Протича и Й. Белимарковича, а также лидера Либеральной партии страны Й. Ристича. С февраля 1891 г. правительство возглавил триумфально вернувшийся из эмиграции лидер радикалов Н. Пашич. Сам же Милан покинул страну, а Скупщина вынесла решение о запрещении ему въезда в Сербию, причем, он ежегодно получал от правительства 300.000 франков. К тому же в 1892 г. Милану были заплачены упоминаемые в донесении Тржецяка два миллиона за отказ от родительских прав на сына и от сербского престола.

В апреле 1893 г. Александр Обренович совершил государственный переворот и, досрочно провозгласив себя совершеннолетним (он родился в 1876 г.), взял власть в свои руки. Было сформировано новое, коалиционное правительство напредняков и радикалов во главе с Л. Докичем — бывшим воспитателем Александра. Н. Пашич был смещен с поста посланника Сербии в России. Милан вернулся в страну и фактически стал соправителем сына. В апреле 1894 г. специальным королевским указом ему было возвращено сербское подданство и права члена королевского дома, что вызвало явное неодобрение российских правящих кругов. По воспоминаниям министра иностранных дел России В.Н. Ламздорфа, император Александр III в разговоре с Н. Пашичем «нашел в себе достаточно любезности, чтобы сказать: “Когда же скот Милан покинет Сербию?”»⁷.

24 июня (6 июля) 1899 г. на Милана Обреновича было совершено покушение (так называемый «иванданский атентат»). Непосредственный исполнитель покушения 25-летний С. Кнежевич, несмотря на свои заявления о невиновности, немедленно

был приговорен к смертной казни, и приговор был приведен в исполнение в тот же день. Событие это было использовано Миланом для очередного удара по лидерам Радикальной партии. Вскоре были арестованы видные ее деятели — К. Таушанович, А. Станоевич, Л. Живкович, а также лидер партии Н. Пашич. Это событие вызвало череду отставок в кабинете министров. Своих постов лишились Й. Андонович, министр внутренних дел, и С. Лозанич, министр общественных работ. Новым министром внутренних дел стал лично преданный Милану либерал Д. Генчич. Действительно, это покушение можно рассматривать как неудачную попытку укрепления власти Милана и удобный повод для расправы с ненавистными ему радикалами. Но экс-король, судя по всему, решил пойти дальше. Буквально сразу после покушения по Белграду поползли слухи о причастности к нему российской полиции. Будзилович доносил в департамент полиции в апреле 1900 г. из Бухареста, что в немецкую газету «*Vukarester Jagblatt*» (редактор которой Герман Бомхес, как отмечал Будзилович, «мой хороший знакомый») из Белграда поступила статья некоего Петровича, в которой говорилось, что начальник русской секретной службы состоял «в сношениях с Княжевичем [так в тексте. — Я. В.], во время проживания последнего в Бухаресте, который затем покушался на жизнь экс-короля Милана»⁸. Будзилович быстро установил, кто скрывался под фамилией Петрович. «По выяснении в Белграде личности автора “Петровича”, указывавшего адрес “Hotel Imperial”, оказалось, что Петрович в гостинице “Imperial” не проживает, а что на эту гост[иницу] на имя Петровича получает письма быв[ший] министр полиции в Белграде Генчич, ближайший сподвижник и друг Милана»⁹. Будзилович, отрицая какую-либо связь с Кнежевичем, особо подчеркнул в конце донесения: «Что же касается Княжевича, то таковой мне совершенно неизвестен»¹⁰.

Подозрения о причастности российских агентов к покушению были и у Александра Обреновича. Эти недоразумения удалось уладить лишь в декабре 1900 г., а развеять существовавшие у Александра подозрения, немало способствовал конфликт между отцом и сыном. Будзилович, после полученной у короля Александра аудиенции, заметил: «Всекие предположения о моей

причастности в покушении на жизнь Милана развеяны»¹¹. Однако в январе 1901 г., уже после смерти Милана, министр внутренних дел Российской империи Д.С. Сипягин запросил у Ламздорфа донесения поверенного при сербском дворе П.Б. Мансурова, в которых тот «по просьбе его величества короля Александра сообщал будто бы министерству иностранных дел, для доклада государю императору, сведения об участии представителей русской заграничной политической полиции в заговоре на жизнь бывшего сербского короля Милана»¹².

Между тем положение последних Обреновичей было непрочным не только из-за непродуманной политики. Не последнюю роль в дискредитации династии сыграла их личная жизнь. В 1875 г. Милан женился на Наталии, урожденной русской подданной Кешко. В октябре 1888 г. он с ней развелся. Основной причиной разрыва сербской королевской четы стала связь Милана с Артемизией Христич, у которой от него родился сын Георгий. Это обстоятельство было использовано противниками режима для дискредитации власти Обреновичей. Как заметил политик В. Джорджевич, бывший с 1897 по 1900 гг. премьер-министром Сербии, «семейные распри в господствующем доме, начавшиеся с князя Милоша и продолжавшиеся до развода короля Милана, вызвали еще разлад между защитниками мужа и сторонниками королевы»¹³.

Не меньший скандал в патриархальном сербском обществе вызвала женитьба короля Александра на своей фаворитке Драге Машин, женщине значительно его старше и к тому же пользовавшейся дурной репутацией. Торжественное венчание короля состоялось 23 июля 1900 г. в белградской соборной церкви. Это событие, безусловно, ускорило крах династии. Даже Милан Обренович отвернулся от собственного сына. Находясь в это время за границей, он после объявления помолвки порвал с ним и, отказавшись возвращаться на родину, умер в январе 1901 г. в Вене. Причем, как показывают документы Балканской агентуры, его смерть еще больше обострила династический вопрос, который мог стать предметом открытого вмешательства в дела Королевства со стороны Австро-Венгрии. Будзилович в своем донесении от 14 марта 1901 г. отмечал, что австрийское правительство

предложило бывшей любовнице короля переехать из Константинополя в Вену, «дабы завладеть всеми подлинными и фотографированными письмами Милана. Кроме того, имеет в виду предложить Артемизии 400 тыс. франков как материальное обеспечение ее сына, происходящего от короля Милана, возвести его в графский титул, воспитать и образовать на средства австрийского правительства и в будущем выставить его наследником сербского престола. Не сомневаюсь, что эти происки Австрии в будущем могут создать для Сербии некоторые осложнения, тем более что Австрия может встретить поддержку в своих подпольных происках в среде сторонников короля Милана, проживающих в Сербии, которые, несмотря на смерть последнего, остаются солидарными со стремлениями Австрии»¹⁴.

В связи с этим полковник (что, несомненно, выходило за рамки его компетенции) предложил отправить незаконнорожденного сына Милана в одно «из русских учебных заведений, например, в Пажеский корпус, или другое заведение, и по окончании [он] навсегда остался бы на службе в России, на что, по имеющимся указаниям, воспоследует согласие его матери, при условии, если король Александр, в обеспечение будущности ребенка, выдаст одновременно 400 тыс. франков». В.Н. Ламздорф в приватном письме министру внутренних дел Д.С. Сипягину отметил, «что о существующих будто бы намерениях Австрии относительно устройства судьбы незаконного сына покойного короля Милана, министерство иностранных дел уже поставлено было в известность послом нашим в Константинополе, из депеши коего по этому поводу явствует, что полковник Будзилович получил сведения об означенных планах от одного из членов вверенного д.т.с. Зиновьеву посольства». При этом министр иностранных дел, раздраженно подчеркнув, что «полковнику Будзиловичу следует исключительно руководствоваться указаниями посланника нашего в Белграде, снабженного от министерства иностранных дел всеми нужными инструкциями и прежде всего ответственного за правильное направление нашей политики в Сербии», отметил: «Определение незаконного сына почившего короля Милана в одно из русских учебных заведений, для оставления его затем на русской службе, представляется безусловно нежелатель-

ным: осуществление подобного предположения могло бы лишь вселить в сербском короле сомнение в искренности намерений России и благожелательного к нему отношения, в противность основным началам политики императорского правительства»¹⁵. Несколько позже, в январе 1903 г., российские правящие круги были встревожены сообщениями о том, что некто Вильям Брендель из Мюрццушлаг (Штирия) «выдает себя за сына покойного короля Милана и королевы Наталии, рожденного ими до брака, и указывает, что в силу этого обстоятельства он мог бы явиться претендентом на сербский престол»¹⁶.

С другой стороны, сам Милан, раздраженный выходившей за все рамки приличия женитьбой Александра, видимо, пытался устроить заговор против собственного сына. В конце 1900 г. Будзилович доносил, что «около недели тому назад агенты Милана выкрали на болгарской уже территории (между Пиротом и Софией) почтовую сумку, в которой было собственноручное письмо короля Александра к князю Фердинанду и письмо сербского министра иностранных дел к сербскому консулу в Софии. Письма эти имели важные политические предложения. После этой кражи Милан посетил Бухарест, где провел три дня и делал разные политические предложения Румынии в ущерб Сербии и Болгарии, но, кажется, его предложения забракованы, и он убрался в Австрию»¹⁷.

Косвенное подтверждение этих планов мы также нашли в одном из донесений посланника Н.В. Чарыкова, отправленном им 21 ноября 1901 г., т.е. уже после смерти Милана: «Покойный король Милан оставил или же еще при жизни вручил императору Францу-Иосифу мемуар, в котором он высказал различные обвинения против короля Александра и его супруги и, между прочим, приписал своему сыну какие-то враждебные России выходки и обязательства. По сведениям короля, означенный мемуар был недавно доставлен из Вены в Петербург, и этим король готов был объяснить упорные слухи об охлаждении к нему русского правительства»¹⁸. Далее российский дипломат отмечал: «Наконец, король рассказал, что покойный полковник Будзилович (Грабо) передал ему секретно, через сербского посланника в Софии, что он, Грабо, получил из Петербурга от своего начальства письмо,

написанное симпатическими чернилами и сообщавшее, что происки врагов короля увенчались успехом и что поездка сербской королевской четы не состоится. Вызванный в Белград, Грабо упомянутого письма королю не показал, взялся лично выяснить дело в Петербурге, просил короля снабдить его письмами и выказывал другие странности»¹⁹. Тот же Чарыков резюмировал: «Мемуар его отца, вероятно, существует. Письмо из Петербурга, химическими чернилами, вернее всего выдуманно, может быть, тем Вейсманом, который служил тайным агентом Грабо в Софии и Белграде»²⁰.

Переполох в петербургских кругах вызвали и сообщения о беременности королевы Драги. Вскоре после свадьбы молодой король сделал публичное заявление о скором рождении наследника престола. Официальное сообщение об этом было напечатано 26 августа 1900 г. в газете «Српске новине»²¹, что вызвало противоречивую реакцию у аккредитованных в Белграде иностранных дипломатических представителей. При этом Будзилович опрометчиво «доложил королю поручение его сиятельства графа Ламздорфа касательно того, что государь император будет восприемником его сына и что наше правительство всегда будет поддерживать династию Обреновичей». Причем, подобные заявления жандармского полковника, видимо, пытавшегося таким образом, в обход МИД, завоевать особое расположение сербского монарха, опять же вызвали недоумение руководства внешнеполитического ведомства. В.Н. Ламздорф в письме Д.С. Сипягину раздраженно отмечал: «Вследствие сегочитаю долгом осведомить, что в объяснениях моих по делам королевства с полковником Будзиловичем я действительно коснулся вопроса о престолонаследнике, но ограничился при этом лишь указанием на щекотливый его характер, ввиду ходивших слухов о намерении Австро-Венгрии не признать законным рождение сына у королевы Драги, и весьма вероятно, в силу обычая обращения короля Александра к государю императору с просьбой быть восприемником новорожденного (так в тексте. — Я. В.). Я не признал, однако, возможным давать какие бы то ни было “инструкции” полковнику Будзиловичу, которому выразил только мнение о желательности следить, в доступной мере, за дальнейшим развитием означенного вопроса, всякие сведения о поло-

жении коего не лишены для нас немалого интереса, вследствие существенного политического значения дела»²².

Вскоре в Белград прибыли французский доктор Коле и известный русский врач-гинеколог В.Ф. Снегирев, что Будзилович тоже отнес на свой счет. Об этом он прямо писал заведующему заграничной агентурой департамента полиции Л.А. Ратаеву: «В виду того, что наш дип[ломатический] представитель Мансуров, умнейший человек, был очень озабочен распускаемыми Австрией и Миланом слухами, что королева Драга вовсе не беременна, что она не в состоянии по физическим условиям иметь детей и что ныне она подкладывает себе подушки, чтобы показать, что она в интересном положении, я посоветовал Мансурову, под видом большой гарантии жизни королевы и будущего ребенка, переговорить с королем, не пожелает ли он выписать акушера-врача из России. Король охотно ухватился за это предложение, и акушер ожидается около 20 февраля. Таким образом, наша миссия иностр[анных] дел от русского акушера будет в точности знать как истинное состояние королевы Драги, так и время родов, на которых тот же акушер будет присутствовать. По словам короля, ребенок ожидается в апреле»²³.

Проведенный Снегиревым врачебный осмотр королевы подтвердил имевшие место опасения. Уже после переворота, в июле 1903 г., бывший сербский премьер В. Джорджевич напечатал в австрийских газетах обширную статью «Последний Обренович», в которой указал, что, получив известие о вымышленной беременности Драги, король вызвал министра внутренних дел и «самым серьезным тоном» приказал ему арестовать Снегирева, а жандармам «отхлестать его»²⁴. Конечно, исполнить такой приказ (если он действительно был), который мог бы вызвать самые нежелательные последствия для Александра Обреновича, никто не решился. Однако одновременно с этим известием выяснилось, что старшая сестра королевы Христина также ждет ребенка. В Белграде поползли слухи о возможной подмене младенцев²⁵, усилившиеся сообщениями о том, что у Александра, видимо, под влиянием королевы, возникла мысль назначить наследником сербского престола ее брата Никодима Луневица²⁶. За восемь дней до переворота В.В. Тржецяк получил письмо от своего ос-

ведомителя, в котором говорилось, что «бывший министр внутренних дел Никола Стефанович отправился к королеве Наталии для переговоров, чтобы она возвратилась обратно в Сербию заменить Драгу»²⁷. После этого участь правящей династии была фактически предпрешена.

Не состоялся и планировавшийся во второй половине 1901 г. визит сербской королевской четы в Петербург. Ожидания от этого визита, в ходе которого должно было состояться официальное представление петербургскому двору Драги как законной супруги Александра, были высоки. В беседе с Будзиловичем король «с особой горячностью выразил желание быть принятым вместе с королевой Драгой их величеством государем императором и государыней императрицей в течение сего года, оговорившись, что визит этот он предпочел сделать в сентябре или первой половине октября сего года, в Ялту, если их величества будут там проживать, так как направляясь в С.-Петербург, выразился король, “я должен буду проследовать через Австрию, чего я крайне не желал бы, следуя же в Ялту, я проеду пароходом по Дунаю до Рени или до Одессы и затем проеду по русской территории”»²⁸.

Александр усматривал в отмене визита происки Н.В. Чарыкова, заступившего на пост российского посланника в сентябре 1900 г. В связи с этим он просил полковника Будзиловича поехать в Петербург, как писал в МИД Мансуров, чтобы «личными объяснениями помочь несколько разъяснению тревожащего его величество и всю Сербию вопроса»²⁹. Однако неожиданная смерть Будзиловича не позволила осуществить эти замыслы. Тем не менее новый глава агентуры Тржецяк при аудиенции у сербского короля отметил, что Александр «очень интересовался обстоятельствами смерти полковника Будзиловича, к которому он, по-видимому, питал большое доверие и уважение», а также «результатами предсмертной поездки моего предшественника в г. Петербург». Тржецяк вполне откровенно ответил, что «полковник Будзилович был принят графом Ламздорфом, и поручение его величества было им исполнено в точности, но последствия этого дела мне неизвестны»³⁰.

Не смогло улучшить сдержанного отношения российских правящих кругов к правящей династии и посещение Сербии

В.Н. Ламздорфом в декабре 1902 г. Причем, во время встречи в Нише с российским министром иностранных дел король Александр выдвинул прямые обвинения в адрес российского посланника в Белграде. Он указал, что Чарыков не только вводил его в заблуждение по поводу сроков предполагаемой поездки в Россию, но и пытался вмешиваться во внутренние дела Сербии, открыто выступая против назначения главой кабинета Димитрия Цинцар-Марковича³¹. Обращение Александра, тем не менее, осталось без последствий. В частном письме к Чарыкову Ламздорф указывал, что король, «чувствуя, что в его поведении были некоторые погрешности», «пытается свалить ответственность за них на других». Далее российский министр отмечал: «Придавать особого значения этому приему не следует, и в Ваших дальнейших отношениях с его величеством Вам лучше было бы совершенно игнорировать факт его обращения ко мне»³².

Заметим, что пренебрежительное отношение к свадьбе Александра было характерно и для европейских монархических домов, а новой королеве Сербии так и не пришлось быть когда-либо принятой на высшем, официальном уровне. Показателен в этом смысле первый официальный заграничный визит сербской правящей четы в январе 1903 г. в Крушедол на могилу Милана Обреновича. Австро-венгерские власти, несмотря на оказание Александру и Драге внешних почестей на местном уровне, соответствующих их статусу, тем не менее выразили вполне определенное к ним отношение: император Франц-Иосиф категорически отказался прислать одного из эрцгерцогов для их официального приветствия. «Никакого проявления почтения или расположения вне минимальных рамок официального приличия король добиться не мог, и здешний австрийский посланник говорил мне не без пренебрежения о том, как король старался преувеличить значение тех самых простых форм, которые были в отношении него соблюдены», — сообщал в Петербург Н.В. Чарыков³³.

Однако все эти, подрывавшие авторитет правящей династии, перипетии личной жизни связаны с одним важным обстоятельством, а именно с тем, что руководство Балканской агентуры оказалось напрямую причастно к обеспечению личной безопасности Александра Обреновича. В ноябре 1900 г. Л.А. Ратаев телегра-

фировал Сипягину: «Заведующий агентурой в Румынии полковник Будзилович был вызван на днях сербским королем. Ныне телеграфирует, что имеет личное поручение от короля, просит разрешение на приезд в Петербург. Полагаю направить его прямо в Ялту для доклада вашему превосходительству»³⁴.

Вскоре Будзилович отправился в путь. По дороге из Одессы, 4 декабря 1900 г., он направил Ратаеву телеграмму, раскрывавшую суть просьбы сербского монарха: «Король поручил мне на его средства, под моим руководством, устроить немедленно его личную маленькую секретную полицию, задачи которой заключаются: А) наблюдение за всеми передвижениями короля Милана особо, в случае намерений Милана возвратиться в Сербию король Александр мог бы своевременно принять меры о его недопущении; Б) выяснение приверженцев Милана в Белграде и их замыслов по отношению к королю Александру и королеве Драге и В) наблюдение вообще за анархистами. Король приказал министру внутренних дел (полиции) оказывать мне полное содействие и исполнять все мои требования, а равно открыть мне карты по всем вопросам, могущим иметь для меня интерес». Причем, глава Балканской агентуры предполагал закончить организацию этой «личной маленькой секретной полиции» уже к середине января 1901 г. Изначально расходы на ее содержание должны были составлять 80 тыс. франков, однако, в виду смерти Милана, Будзилович высказал королю Александру мнение, «что теперь, по изменившимся обстоятельствам, агентура может быть сохранена в значительной степени, причем, вместо 80.000 фр., назначенных в год, можно ограничиться 36 тыс. фр.»³⁵.

Существенную роль в организации данной структуры сыграл авантюрист А.М. Вейсман. Мы не будем подробно останавливаться на всех перипетиях биографии этого «талантливом», известного на Балканах шарлатана и махинатора, отец которого, имевший кличку «Ястреб», был владельцем дома терпимости в Одессе. Интересующегося этой фигурой читателя отошлем к уже упомянутой нами блестящей монографии В.Б. Каширина³⁶. После смерти Будзиловича Вейсман попытался встать во главе заграничной агентуры и даже ездил с этой целью в Петербург и представлялся самому Л.А. Ратаеву³⁷. Однако именно его мно-

гочисленные аферы, нечистоплотность в денежных вопросах, отправляемые им сомнительные донесения явились одной из главных причин закрытия Балканской агентуры. Не случайно российский посланник в Софии Бахметьев высказался в отношении Вейсмана весьма определенно: «Я, конечно, далек от мысли уничтожить или уменьшить тайный надзор над могущими находиться здесь злоумышленниками; напротив, в настоящие времена он более, чем когда-либо, необходим — береженого бог бережет, — но это весьма трудное и деликатное дело должно было бы быть поручено людям с некоторым тактом и служащим отечеству от души, а не вполне скомпрометированному еврею, который приносит гораздо больше вреда, чем пользы»³⁸.

Но без услуг Вейсмана, видимо, было не обойтись. При этом «маленькая секретная полиция» приносила ему неплохой доход. По сведениям В.В. Тржецяка, «в последние годы жизни полковника Будзиловича сотрудник Вейсман был главным организатором охраны покойного сербского короля Александра, на содержание которой король уплачивал вначале около 70.000 франков в год, а затем, со смертью бывшего короля Милана, сумма эта уменьшена. Из этого отпуска львиную долю (12.000 франков в год) получал сотрудник Вейсман, который был главным распорядителем охранной службы при короле. Обстоятельство это еще более упрочило служебное и материальное положение Вейсмана и еще более убедило его в том, что он якобы является главным агентурным работником департамента полиции в Болгарии и Сербии»³⁹. Не случайно вскоре после смерти Будзиловича Вейсман явился к Н.В. Чарыкову с целью выяснить состояние финансовых счетов агентуры, объявив российскому посланнику, что он «будто бы имеет поручение от департамента полиции выяснить состояние счетов покойного Грабо с сербским правительством и узнать, получил ли Грабо от сербской казны все деньги, которые следовали ему по 1 января будущего года. Эти сведения требуются для определения доли оставшейся после Грабо суммы, подлежащей выдаче его наследникам, а также для производства расчета с его бывшими служащими»⁴⁰.

Смерть Будзиловича внесла коррективы в дело охраны короля Александра, который, в свою очередь, был заинтересован в про-

должении подобного сотрудничества. Он встречался по этому вопросу с Вейсманом и Тржецяком, причем, старался публично не афишировать свои связи с Балканской агентурой, пытаясь, учитывая непростой характер взаимоотношений, скрыть их от российского посланника Чарыкова⁴¹. Новый глава агентуры В.В. Тржецяк доносил в Петербург, что «сербский король просит учредить наблюдение за его политическими деятелями и за про-исками Австрии. В случае согласия будут нам сделаны офици-альные шаги, но не через Чарыкова»⁴².

Тем не менее В.В. Тржецяк, видимо, при поддержке россий-ского посланника, высказался против продолжения подобного сотрудничества, тем более что на свет всё чаще стали всплывать темные делишки Вейсмана, вскрывшие худшие пороки Балкан-ской агентуры. Используя свое положение и связи, он занимался сомнительными коммерческими сделками⁴³, называя себя при этом «поставщиком императорского дипломатического агентст-ва», а также продажей русских заграничных паспортов⁴⁴, оконча-тельно заслужив в глазах российских дипломатов «мерзкую ре-путацию». Российский дипломатический представитель в Софии Бахметьев имел полное право резюмировать: «Между прочим, ему удалось создать тайную охрану короля Александра в Бел-граде, за что он получил чуть не 30 тысяч франков, с известным результатом. После этого он сам отдал напечатать частным обра-зом в Софии какую-то пасквильную брошюру против сербского Двора и потом будто бы перехватил ее, остановил распростра-нение и скупил всё издание, за что получил, как говорят тысяч 40 франков, а брошюра теперь преспокойно продается. Он не раз пытался учредить подобную охрану и здесь, но так как князь Фердинанд, несмотря на свой постоянный страх пасть жертвой покушения, не поддался на его заманчивые предложения, он те-перь начал распускать новые сенсационные слухи о заговорах, в надежде на этот раз запугать князя и хорошенько от него по-живиться»⁴⁵.

В.В. Тржецяк, в свою очередь, в феврале 1902 г. писал в доне-сении в департамент полиции: «Возвращаясь собственно к серб-скому делу, я должен вам доложить, что учреждение агентурной охраны короля на прежних основаниях поставит меня и короля

в крайне двусмысленное положение по отношению к Чарыкову, настойчиво желающему прекратить дело охраны. Не в расчетах агентурного дела нам идти наперекор желаниям нашей дипломатии и создавать помимо них какие-либо конспирации по отношению к королю; с другой стороны, в данном деле мы встречаем особенно серьезную оппозицию со стороны австрийской полиции, находящей сочувствие в оппозиционных сферах, расположенных враждебно к династии Обреновичей. В основательности последней мысли меня убеждает еще и то обстоятельство, что этой полицией уже делались (покушение Грабо) и делаются серьезные попытки в указанном направлении, и эта полиция само собою разумеется не преминет употребить все меры, чтобы провалить наше дело и при малейшей возможности скомпрометировать не только нашу организацию, но и русское правительство, что, несомненно, вредно отзовется на чисто агентурном деле, составляющем нашу прямую задачу. Потому я полагал бы нежелательным возобновлять дело на прежних основаниях: получение денежного вознаграждения от короля делает нас прямо ответственными — не только наш личный состав, но саму нашу организацию.

По моему мнению, было бы осторожнее и предупредительнее, отказавшись от всякого вознаграждения от короля, убедить его, при посредстве нашей дипломатии, что охрана коронованных особ представляет одну из прямых задач нашей организации, имеющей, конечно, лишь главную целью преследование революционно-анархического движения. При такой формулировке вопроса мы могли бы, как это практикуется в Болгарии, оберегать особу короля, не рискуя скомпрометировать себя и ослабить наш авторитет. Такая постановка дела, не обязывая нас ни чему, позволила бы нам прочнее стать во мнении страны в интересах агентурного дела и сохраняя бы за нами в то же время наши прежние полномочия»⁴⁶.

Таким образом, российский балканский сыск окончательно прекратил осуществлять охрану короля Александра. «Насколько своевременным был этот шаг, показали последующие кровавые события в Белграде», — отмечал В.В. Тржецяк⁴⁷. Причем, в русской эмигрантской и революционной среде деятельность агенту-

ры была слишком демонизирована, а отказ от охраны последнего Обреновича породил фантастические слухи о непосредственном участии российского департамента полиции в трагических событиях в Белграде. В качестве примера приведем выдержку из письма эмигранта Феликса Вадимовича Волховского к эмигранту Ивану Николаевичу Кашинцеву от 7 августа 1903 г., в котором он излагает просьбы редакции издававшейся в Женеве антиправительственной газеты «Революционная Россия»: «Вас просят также прислать сведения о русской политике на Балканском полуострове и главнейшие сообщения о македонских делах и революционном движении. Между прочим, меня спрашивали, принимало ли русское правительство прямое или косвенное участие в уничтожении Обреновичей. Вы, вероятно, можете там всё это узнать. Еще просили Вам передать, что давно хотели выслать Вам все издания “Революционной России” и другие издания той же фирмы, но боимся, что проект этот не получит пока осуществления, экспедиция уверила, что за Вами и за другими эмигрантами контора Вейсмана зорко следит, и что вследствие этого неудобно получить эти вещи и что они могут повредить Вашему положению»⁴⁸.

Действительно, события кровавой ночи 29 мая 1903 г. подвели черту истории Сербии эпохи Обреновичей. Российская же разведка неоднократно предупреждала короля о готовящемся покушении. Важно и то обстоятельство, что о заговоре информировал Александра болгарский князь Фердинанд. По сведениям Тржецяка, 25 мая 1903 г. Вейсман «приезжал из Софии в Белград и весьма милостиво был принят покойным королем Александром; во время данной Вейсману аудиенции последний докладывал королю, что имеются агентурные указания на то, что в городе Белграде существует заговор против короля и королевы; на это король возразил Вейсману, что о том же ему уже сообщил болгарский князь Фердинанд и что вскоре он примет меры к уничтожению заговорщиков и заговора. Имеются основания предполагать, что вследствие сообщения Вейсмана, а также полученного королем за день до убийства письма полковника генерального штаба Живаловича [Живановича. — Я. В.], предупреждавшего короля о готовящемся заговоре, король накануне

убийства настаивал на том, чтобы министр-резидент Цинцар-Маркович ввел немедленно в Белграде осадное положение»⁴⁹.

В свою очередь, В.В. Тржецяк, со слов Вейсмана, подробным образом описал ход этого переворота⁵⁰. Н.В. Чарыков также составил рапорты о событиях 29 мая 1903 г., причем, судя по неточностям в изложении деталей этого преступления, он также использовал данные Вейсмана. По крайней мере, ни один из этих документов не упоминает имя ключевой фигуры заговорщиков — Д. Димитриевича (Аписа)⁵¹, что говорит о слабой осведомленности российских полицейских и дипломатических представителей о составе заговорщиков и их планах. Общий рапорт о произошедшем в королевском дворце составил российский военный агент И.Н. Сысоев, который, однако, не будучи непосредственным наблюдателем событий, при подготовке документа пользовался сведениями, почерпнутыми им от Н.В. Чарыкова⁵².

Тем не менее, материалы Балканской агентуры представляют собой ценный источник по истории политической жизни балканских стран начала XX в. и могут стать предметом нового специального исследования.

Примечания

¹ См. подробнее: *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 168–198. В 1906 г. агентура была восстановлена, но не как самостоятельное подразделение, а находившееся в подчинении Одесского охранного отделения. См. также: *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. Изд-е. 2. М., МГИМО, 2016.

² *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах. С. 174.

³ Так, например, В.В. Тржецяк доносил в Петербург о том, что для организации агентуры в Сербии «необходимо взять на постоянное жалование пом.[ощника] нач[альника] тайной полиции Гнедича, на что нужно 1200 фр. Суммы на взятки, подарки, агентам ок. 1600 фр.» // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 505. Ед. хр. 76. Л. 1 об.

⁴ Часть радикалов образовала в мае 1901 г. свою партию — Сербскую независимую радикальную партию («самосталцы» или «младорадикалы»).

⁵ ГА РФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–1 об.

⁶ Там же.

⁷ *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 45.

⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 1. Л. 10–11.

⁹ Там же. Л. 18.

- 10 Там же. Л. 12.
- 11 Там же. Л. 29.
- 12 Там же. Л. 32.
- 13 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. Политархив. Д. 499. Л. 83 об.—84.
- 14 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 1. Л. 43 об.—44.
- 15 Там же. Л. 50—50 об.
- 16 АВП РИ. Ф. Политархив. Д. 502. Л. 177.
- 17 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 1. Л. 18 об.
- 18 *Раденић А.* Прогони политичких противника у режиму Александра Обреновића 1883–1903. Београд, 1973. С. 839.
- 19 Там же. С. 840.
- 20 Там же. С. 837.
- 21 *Јовановић А.* Министарство Алексе Јовановића. Подаци о политичким догађајима у Србији од 8 јула 1900 до 21 марта 1901. године. Београд, 1906. С. 104.
- 22 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 1. Л. 39.
- 23 Там же. Л. 34—35.
- 24 АВП РИ. Ф. Политархив. Д. 499. Л. 101 об.
- 25 *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. II. Београд, 1931. С. 209—211.
- 26 Уже после осуществления переворота газета «Новое время» в номере от 5 (18) июня 1903 г. писала: «Особая комиссия, которая под председательством министра юстиции произвела опись дворцового инвентаря, нашла в письменном столе убитого короля проект закона об объявлении Никодима Луневица наследником престола. <...> Далее комиссия нашла еще проект введения осадного положения и список 75 лиц, которых, в случае возникновения беспорядков, следовало немедленно арестовать. В этом списке был поименован один из нынешних министров Велимирович».
- 27 ГА РФ. Ф. 505. Д. 39. Л. 285. Об этом же визите в своих донесениях упоминал и Н.В. Чарыков, связывая его с ходившими по Белграду слухами о возможном разводе короля, поскольку королева Наталия разорвала все отношения с сыном. См.: АВП РИ. Ф. Политархив. Д. 498. Л. 295. Кстати, российский посланник, донося о событиях 29 мая 1903 г., заметил, что «нижним чинам было сказано заговорщиками, что король требует их на помощь, чтобы удалить королеву». См.: Там же. Л. 338.
- 28 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 1. Л. 52—53.
- 29 *Раденић А.* Указ. соч. С. 836.
- 30 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 1. Т. 1. Л. 25—26 об.
- 31 Он был убит в ходе кровавых событий 29 мая 1903 г. См. подробнее: *Вишняков Я.В.* Майский переворот 1903 г. и развитие сербской государственности // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. Сер. «Bibliotheca Serbica». Российская академия наук, Институт славяноведения РАН. СПб., 2005. С. 201–213.
- 32 АВП РИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 209/210. Л. 20—21 об., 33.
- 33 АВП РИ. Ф. Политархив. Д. 498. Л. 402.
- 34 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 1. Л. 22.
- 35 Там же. Л. 49—49 об.

- 36 *Каширин В.В.* Дозорные на Балканах. С. 180–184. См. также: *Вишняков Я.В.* «Уничтожить всю коварную Европу». Авантюристы и террористы на Балканах в начале XX века. // *Родина*. 2007. № 1. С. 39–43.
- 37 Убеждение общественных кругов Европы в том, что именно Вейсман, а не Тржецяк был главой заграничной агентуры российского департамента полиции, долгое время было весьма устойчиво, а затем перешло на страницы исторических исследований. Об этом, например, пишет известный югославский историк В. Дедьер в своей знаменитой книге «Сараево. 1914». См.: *Dedijer V. Sarajevo*, 1914. Knj. II. Beograd, 1978. S. 222.
- 38 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 1. Т. 1. Л. 7–8.
- 39 ГА РФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 39. Л. 421 об.–422.
- 40 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 2. Л. 32–33.
- 41 ГА РФ. Ф. 505. Д. 81. Л. 1.
- 42 Там же. Д. 76. Л. 3. Тржецяк при этом добавлял, что на организацию подобной агентуры потребуется около 60000 франков.
- 43 Так, например, в сентябре 1896 г., используя данное ему летом этого года рекомендательное свидетельство российского консульства в Софии в «удостоверении его честности и правоспособности к совершению актов», Вейсман не только получил у одесского купца Перельмана в кредит на 6,5 месяцев 40 ящиков спичек на сумму 880 франков, но и попросил еще 2800 франков на оплату таможенных пошлин. Перельман, видимо, поверив Вейсману, написал письмо в российское вице-консульство в Софии, в котором выражал готовность дать Вейсману деньги под процент «на сумму до 1000 рублей на срок 4 месяца по расчету 8% годовых, если российское консульство будет гарантировать ... эту сумму и по этому сроку». Правда, в ответе, данном Перельману консульством, говорилось, что «признавая комиссионную контору под фирмой Вейсман и К. солидной, оно тем не менее никаких сумм ему гарантировать не может, так как покровительствуя вообще интересам русскоподданных, оно частными делами не занимается». В декабре 1896 г. Будзилович отобрал у Вейсмана выданное ему российским консульством свидетельство // АВП РИ. Ф. 192. Д. 383. Л. 16 об., 28–28 об., 32–33.
- 44 Так, например, осенью 1899 г. российская миссия в Софии послала официальный запрос в Бухарест в связи с тем, что в августе 1899 г. туда обратился некий Арон Каленов с просьбой выдать ему заграничный паспорт. «Между тем три недели тому назад г-н Каленов получил от Александра Вейсмана заграничный паспорт, выданный в Одессе 24 октября с.г. за № 738. Вследствие этого императорское дипломатическое агентство просит императорскую миссию не отказать навести справку у г. Грабо относительно того, известно ли ему о выдаче Вейсманом означенного заграничного паспорта и может ли сей паспорт считаться законным» // АВП РИ. Ф. 192. Оп. 527. Д. 383. Л. 43–44.
- 45 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 1. Т. 1. Л. 7–8.
- 46 Там же. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 1. Л. 25–26 об.
- 47 ГА РФ. Ф. 505. Д. 39. Л. 423.
- 48 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 1. Ч. 1. Т. 3. Л. 42.
- 49 Там же. Л. 112 об.
- 50 Данное донесение в извлечениях было опубликовано нами. См.: *Вишняков Я.В.* «Население Белграда совершенно терроризировано местными войсками»: Военный переворот 29 мая 1903 года и его последствия для политической жизни Сербии // *Военно-исторический журнал*. 2001. № 3. С. 68–77. Данный документ вошел в издание «Москва–Сербия, Белград–Россия. Сборник доку-

ментов и материалов». (Т. 3. Общественно-политические и культурные связи 1878–1917. Москва–Белград, 2012. С. 104–111).

⁵¹ Вишняков Я.В. «Черная Рука» в сербской политике начала XX века // Военно-исторический журнал. 2014. № 10. С. 8–13.

⁵² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 4. Д. 313. Л. 22–28.

Визиты в Россию сербского короля Александра Обреновича и сербские награды С.И. Сперанского

В Государственном Эрмитаже хранится небольшая, но чрезвычайно интересная коллекция жалованных грамот сначала полковнику, затем генералу С.И. Сперанскому на русские и иностранные ордена. Среди них особый интерес, в рамках научной проблемы «Россия и славяне», вызывают две грамоты сербского короля Александра Обреновича, датированные 1891 и 1894 гг.¹. Грамоты посвящены награждению служащего министерства императорского двора, в прошлом участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Сергея Ивановича Сперанского (1845–1914) орденами Таковского креста второй степени. Грамоты поступили в Историко-бытовой отдел Государственного Русского музея 25 октября 1923 г. в качестве дара из Музея Революции, затем были переданы в библиотеку Историко-бытового отдела, а впоследствииполнили фонд рукописей и документов Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа. До настоящего времени исследователи не обращались к этому материалу, который, по нашему мнению, позволяет пролить свет в том числе и

*Сергей Иванович
Сперанский*

на русско-сербские отношения конца XIX в., контакты между представителями правящих династий Романовых и Обреновичей и на внешнюю политику России на Балканах накануне серьезных потрясений, вылившихся в Первую мировую войну.

Грамоты происходят из Белграда, написаны на официальном бланке ордена Такова, содержат печатный и рукописный тексты на сербском языке. Рукописный текст дан рукой писаря. Обе грамоты заверены тисненой печатью ордена и автографом канцлера ордена. Грамота от 1 ноября 1891 г. подписана регентами юного короля Александра — Й. Ристичем, К. Протичем и Й. Белимарковичем. Грамота, датированная 16 ноября 1894 г., дана уже от имени Александра Обреновича, взявшего бразды правления в стране в свои руки, и содержит автограф самого короля, единственный в нашей коллекции.

История грамот чрезвычайно интересна и заслуживает особого рассмотрения. Для этого необходимо обратиться к истории взаимоотношений России и Сербии после обретения ею независимости.

В 1878 г. завершилась русско-турецкая война, принесящая свободу балканским народам от многовекового османского ига. По условиям Берлинского трактата обрела независимость и Сербия, чью судьбу всегда воспринимали в России близко к сердцу. Страна вступила на путь самостоятельного политического и культурного развития, а в 1882 г. была провозглашена королевством². Несмотря на обретен-

*Портрет сербского короля
Александра I Обреновича
(Г.Л. Вассмут. 1894 г.)*

ный суверенитет, Сербия нуждалась в дальнейшей российской поддержке, а в самой России всегда была сильна славянская партия. Однако находившийся у власти в Сербском княжестве Милан Обренович проводил проавстрийскую политику, что не могло не вызывать беспокойства в Петербурге. Ситуация в Сербии изменилась в худшую сторону к концу 1880-х годов — на фоне дефицита бюджета, парламентских кризисов и народного недовольства. Лучшим выходом из сложившихся обстоятельств и в целях спасения династии Обреновичей могло послужить отречение Милана от престола в пользу несовершеннолетнего сына Александра. В 1889 г. Милан, получив от России отступные средства в размере двух миллионов франков, отрекся от престола и покинул Сербию с условием никогда туда не возвращаться³. В основном экс-король, принявший титул графа Такова, вел свободный образ жизни на европейских курортах, получив прозвище «король-пройдоха»⁴. Удаление Милана из страны было необходимо в целях исключения его влияния на сына.

Судьба сербского престолонаследника, родившегося в 1876 г. и названного Александром в честь своего крестного отца, российского императора Александра II⁵, вызывала беспокойство российской правящей элиты. Русский царь сочувствовал разлученному также и с матерью юному королю, интересовался его образованием и воспитанием. Так, в 1889 г. на донесении российского посланника в Белграде А.И. Персиани о воспитателе молодого короля Л. Докиче Александр III написал: «О матери ни слова! А кто же лучше ее может воспитывать сына»⁶. Император был солидарен с сербской королевой Натальей, с болью писавшей своему «Саше»: «Разлучение ребенка с матерью — худшее из всех преступлений, потому что это противно природе»⁷. Передовые круги российского общества также сопереживали Александру Обреновичу. Так, в «Вестнике Европы» в 1891 г. была опубликована заметка о насильственном выдворении из Сербии королевы Натальи⁸, что не могло не сказаться на ее сыне.

Конечно, помимо беспокойства и сочувствия к крестнику своего покойного отца император руководствовался и определенным политическим прагматизмом. При российском дворе знали о недостатках Милана как правителя, неприглядных чертах его

характера и примитивизме политической культуры⁹, поэтому в интересах сербского народа не хотели допустить повторения подобного в Александре. Несмотря на то, что опасения относительно сходства его с отцом впоследствии подтвердились и он оказался столь же властолюбивым и не сумевшим понять свой народ, как и Милан, в Петербурге поначалу не оставляли надежды повлиять на юного короля.

В Сербии было известно о добром отношении российской правящей элиты к Александру Обреновичу, поэтому представление молодого короля к европейским дворам было решено начать именно с Дома Романовых. Примечательно, что визит Александра в Россию его регенты планировали приурочить к дате серебряной свадьбы императорской четы в октябре 1891 г. Однако Александр III не согласился принять сербскую делегацию в этот день, так как юбилей предполагалось отмечать лишь в семейном кругу. На телеграмме А.И. Персиани из Белграда от 7 (19) апреля 1891 г. с просьбой разрешить визит Александра в Россию император написал: «Когда ему угодно, только не к серебряной свадьбе. В этот день никаких приемов не будет»¹⁰. Таким образом, поездка Александра была одобрена, но перенесена на июль 1891 г.

По традиции визит иностранной правящей особы в Россию тщательно планировался министерством императорского двора и осуществлялся в соответствии с определенным церемониалом. В программу визита сербского короля входили: представление Александру III, знакомство с членами императорской фамилии и правящей элитой, осмотр достопримечательностей, парадные обеды, смотры войск, балы и зрелища. Состоять при короле во время его пребывания в России были назначены генерал-майор свиты К.У. Арапов и флигель-адъютант полковник Пашков¹¹. Для передвижения короля по России предназначался специальный поезд, а для оказания услуг — штат придворных служителей. Так, только для обеспечения гастрономических потребностей сербского монарха со свитой было назначено 10 человек: три лакея первого разряда, официант, два чернорабочих, два повара и ученик. Руководил штатом кухонных работников старший повар императорского двора Иван Бернадский, отвечавший, в числе других поваров подобного ранга, за парадные обеды императорской фа-

мии¹². Таким образом, нельзя не отметить, что к визиту сербского короля готовились тщательно и не жалея средств¹³.

В июле 1891 г. Александр Обренович со свитой, куда входили регент Йован Ристич и глава правительства Никола Пашич, на пароходе «Делиград» отплыл из Белграда. 14 июля он через Одессу прибыл в Киев, где посетил Киево-Печерскую Лавру, Софийский собор, собор Святого Владимира, совершил парадную прогулку по Днепру и сухопутную по городу, который был иллюминирован и украшен сербскими флагами и цветами в честь короля. 16 июля 1891 г. Александр на поезде выехал в Москву, куда прибыл на следующий день. Здесь его встречали московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, высшие военные и гражданские лица, А.И. Персиани, московский губернатор князь В.М. Голицын, настоятель Сербского подворья в Москве архимандрит Кирилл и множество публики. Для короля были приготовлены комнаты наследника цесаревича Николая Александровича в Кремлевском дворце. Во время пребывания в Москве Александр в сопровождении великого князя Сергея Александровича посетил Николаевский дворец, являвшийся резиденцией императорской семьи в Москве до строительства Большого Кремлевского дворца, Нескучный сад, Большой Кремлевский дворец, Оружейную палату, Среднеазиатскую выставку в Историческом музее, Французскую художественно-промышленную выставку на Ходынском поле, осмотрел летний ходынский военный лагерь московского гарнизона. Также для развлечения короля и его свиты были организованы иллюминации, фейерверки и балы¹⁴. Из Москвы король на поезде отправился в Петербург. Великий князь Константин Константинович так описал в своем дневнике 21 июля 1891 г. первую встречу с сербским королем: «В 3 ч[аса] государь встречал на Петербургском вокзале сербского короля Александра I. Свита, почетный караул от Новочеркасского полка, музыка и т.д. Мы рассчитывали увидеть пятнадцатилетнего мальчика. Но король кажется много старше своего возраста. Он некрасив, невелик ростом, у него желтоватый цвет лица, движения и походка как будто связанные, мундир на нем сидит мешковато — в общем, сходство с пингином. Но говорят, он добрый и милый мальчик»¹⁵. Опи-

сание Константином Константиновичем внешнего облика короля не противоречило истине. Так, известно, что к моменту визита в Россию Александр Обренович заметно возмужал, а его рост составлял 175 сантиметров при весе 79 килограммов¹⁶.

Во время пребывания в Петербурге Александр осматривал сокровища Эрмитажа, посещал балы, парадные обеды, военные маневры, театры¹⁷, резиденции членов императорской фамилии в пригородах, в частности, Петергоф, где в его честь должен был быть устроен фейерверк, который, однако, не состоялся. Товарищ министра иностранных дел В.Н. Ламздорф отмечал в дневнике 22 июля 1891 г.: «Идет проливной дождь, небо совсем заволочло. Таким образом, сотни тысяч рублей, израсходованные на приготовления к иллюминации в Петергофе, выброшены в воду вместо того, чтобы быть истраченными на огонь. Я об этом сожалею, в особенности из-за молодого сербского короля. Ему тут не сухо, но грустно покажется»¹⁸. В завершение своего визита Александр 27 июля 1891 г. в Петергофе дал обед членам императорской фамилии. Великий князь Константин Константинович, присутствовавший на этом мероприятии, отметил в дневнике: «Перед обедом маленький король всем нам раздал свои карточки. Его проводили на железную дорогу»¹⁹. Во время пребывания в России Александр был награжден высшей наградой Российской империи — орденом Святого Андрея Первозванного²⁰. Таким образом, необходимо отметить как высокий уровень организации визита сербского монарха, так и заботу о его нуждах и развлечениях, что свидетельствовало о добром к нему отношении в России.

Результатом визита явилось награждение ряда российских сановников и, возможно, членов императорской фамилии сербским орденом Таковского креста. В числе награжденных был и полковник Сергей Иванович Сперанский, занимавший с 1885 г. должность заведующего императорскими дворцами и городом Петергофом²¹ и отвечавший за многие мероприятия, связанные с пребыванием короля Александра в России. За прекрасную организацию визита в знак благодарности и признания его заслуг Сперанский был пожалован орденом Таковского креста второй степени, что нашло отражение в грамоте под № 416 от 1 ноября 1891 г.²².

Орден Таковского креста был учрежден в Княжестве Сербия в 1865 г. в честь 50-летия Второго сербского восстания против Османской империи, которое началось в селе Таково. Указ об учреждении ордена был подписан 22 мая 1865 г. князем Михаилом Обреновичем. Первоначально это была простая медаль довольно скромного вида, из неглазурованной бронзы, существовавшая только в одном классе и предназначавшаяся для участников восстания 1815 г. Количество степеней или классов в ордене год от года увеличивалось. В 1865 г. была только степень. В 1876 г. Милан Обренович установил для ордена пять классов, а в 1878 г. — статут²³. Знак ордена — мальтийской формы крест белой эмали, вписанный в лавровый венок и наложенный на Андреевский крест. Девиз ордена — «За Вѣру, Князя и Отечество». Для двух высших классов была предусмотрена восьмиугольная белая эмалированная звезда. Лента — красная с голубыми и белыми кантиками. Орден был упразднен в 1903 г. новым сербским королем Петром Карагеоргиевичем после дворцового переворота и убийства Александра Обреновича и его супруги королевы Драги²⁴.

Кавалерами ордена Таковского креста являлись многие известные сербские и иностранные политики и государственные деятели: дипломат Чedomиль Миятович, военачальник Петар Бойович, военный министр Сербии Степа Степанович, российские великие князья — Александр Александрович (будущий император Александр III)²⁵, Николай Николаевич-старший²⁶, Николай Николаевич-младший²⁷, Владимир Александрович²⁸, Алексей Александрович²⁹, а также министр финансов С.Ю. Витте³⁰. В эту представительную компанию орденосцев вписался и скромный полковник С.И. Сперанский, пожалованный орденом Таковского креста второй степени, что являлось очень высокой наградой. Необходимо отметить, что король Александр, несмотря на свою любовь к орденам, благодаря которой их было учреждено в обреновичевской Сербии огромное количество³¹, предпочитал награждать за службу именно этим орденом. 23 мая 1892 г. Сперанскому было высочайше разрешено принять и носить этот орден³².

Как уже отмечалось, первый визит Александра Обреновича в Россию показал благожелательное отношение к нему со стороны Дома Романовых и русского народа. В обществе о нем

сложилось благоприятное мнение. Ему сочувствовали, отмечали его достоинства — ум, зрелость суждений, хорошие манеры. Известный писатель и публицист Г.С. Веселитский-Божидарович в очерке, посвященном приезду короля в Россию и сербско-русским отношениям, восторженно писал: «Всеобщие, поэтому сердечные приветствия, с коими всё население империи встречает короля Александра, и единодушны пожелания, дабы царствование, открывшееся так благоприятно, продолжалось в том же духе и доставило бы сербскому народу возможно большую долю процветания и благоденствия»³³. Однако либеральная пресса призывала не переоценивать политическое значение поездки, во-первых, в силу молодости короля и, во-вторых, по причине того, что после России сербский монарх посетил Австро-Венгрию, где его любезно принял император Франц-Иосиф, «...после чего молодой король передан был своему отцу, Милану Обреновичу, при котором и остался, — а антирусские воззрения бывшего короля Сербии всем известны»³⁴, — отмечалось в «Вестнике Европы».

Однако вскоре после поездки доброе отношение к сербскому королю стало меняться не в лучшую сторону из-за проводимой им политики. 1 апреля 1893 г. 17-летний Александр не без влияния своего отца при помощи военных совершил государственный переворот — до своего совершеннолетия сверг регентов и взял власть в стране в свои руки. В январе 1894 г. в нарушение договоренностей в Белград вернулся бывший король Милан. А в мае 1894 г. Александр совершил второй за год с небольшим своего правления государственный переворот, восстановив консервативную конституцию 1869 г.³⁵

Политические события в Сербии, наряду с экономическим кризисом, вызванным правлением Обреновичей, изменили отношение в России к королю Александру. Так, В.Н. Ламздорф отмечал в дневнике 15 января 1894 г.: «Новости из Сербии далеко не хороши. Обстановка здесь осложняется, и весьма нелегко заниматься какими-либо предсказаниями относительно предстоящего развития событий. Молодой король Александр отныне не вызывает у нас большого доверия... Милан, по всей вероятности, не уберется из страны, не получив за это соответствующего

вознаграждения»³⁶. Таким образом, в глазах придворных кругов России из подающего надежды юного монарха Александр стал превращаться в непредсказуемый политический фактор и копию своего отца, которого Александр III называл «скотом» и «подлецом»³⁷.

25 января 1894 г. В.Н. Ламздорф записал в дневнике: «Государь озабочен положением в Сербии и относится с резким неодобрением к молодому королю Александру. Он даже сказал: “Уж лучше бы Карагеоргиевичей вместо этих Обреновичей”»³⁸. Желание Александра III сбылось, но уже не при его жизни, так как 20 октября 1894 г. российский император скончался. Это печальное событие послужило поводом для второго визита Александра Обреновича в Россию. Сербский король, знавший об отрицательной оценке его поступков почившим императором, тем не менее, через российского посланника в Белграде просил разрешения приехать на похороны. Александр не мог не понимать, что, несмотря на проавстрийскую политику его отца, фактически правившего страной, отношения с Россией следует поддерживать на максимально хорошем уровне. Выражение дани уважения скончавшемуся российскому императору также служило прекрасным поводом для установления дружественных контактов с новым царем Николаем II. О необходимости произвести хорошее впечатление на нового российского императора также указывала в своем письме сыну королева Наталья³⁹. 25 октября 1894 г. Николай II разрешил сербскому королю приехать в Россию.

Александр прибыл в Петербург 6 ноября и прямо с вокзала направился к обедне в Петропавловскую крепость. В тот же день он нанес визит Николаю II, о чем последний сделал запись в дневнике: «Сербский король навестил меня, потом Фердинанд Румынский — они у меня отняли те немногие свободные минуты дня, в которые мне позволено видаться с Аликс (императрицей Александрой Федоровной. — *И. З.*)»⁴⁰.

В день похорон 7 ноября 1894 г. С.Д. Шереметев, бывший другом покойного императора, записал в дневнике: «Тяжкий день. С утра свету нет. Густой туман расстилается по городу... за туманом не видно крепости. Обедня в 10½. ... Мы отошли на две ступени — и дали место для “последнего целования”».

Я стоял вправо от Ванновского* — отступить было некуда, мешали воины. Я замер в ожидании страшной минуты. — Первою быстро подошла императрица и опустилась до земли у самого гроба, её поддерживали Государь и Великий Князь Владимир Александрович. Долго голова её касалась подножия гроба. Потом быстро встала — подошла — поцеловала — взглянула — ещё поцеловала — зашаталась, и её отвели. Она прошла в двух шагах от меня. Когда она подходила, я взглянул на Великого Князя Владимира Александровича, который стоял передо мною. Он закрыл глаза в глубоком волнении. Государь подошёл — бледный — лицо исхудало — выражение горя великого... Приложился — поклон до земли, — и не успел отойти — как перед глазами моими показался красный мундир сербского короля. Он торопился подойти, озабоченный, видимо, подойти ранее других. Но пока он надевал *pinse-nez* — его предупредил принц Валлийский...»⁴¹.

И если запись Николая II в дневнике 6 ноября 1894 г. является нейтральной по отношению к сербскому королю и выражает лишь досаду молодожена, то уже 8 ноября всегда сдержанный и корректный, особенно на бумаге, российский император выразил предельно ясное отношение к Александру Обреновичу: «Сделал визит королю Сербскому, который всем надоел своим поведением вчера и сегодня в крепости...»⁴². Николаю II вторил граф С.Д. Шереметев, который, также исходя из развязного поведения Александра в Петропавловской крепости 8 ноября, сделал вывод о том, что «по-видимому, он всех раздражает»⁴³.

Таким образом, несмотря на глубокое горе, постигшее членов императорской фамилии и придворных из-за кончины Александра III, неблагоприятное поведение сербского короля было замечено и нашло свое отражение в исторических источниках.

9 ноября в Зимнем дворце был дан прощальный обед приехавшим на похороны иностранным государям и принцам, а 11 ноября Николай II с удовлетворением отметил в дневнике об отъезде всех гостей⁴⁴.

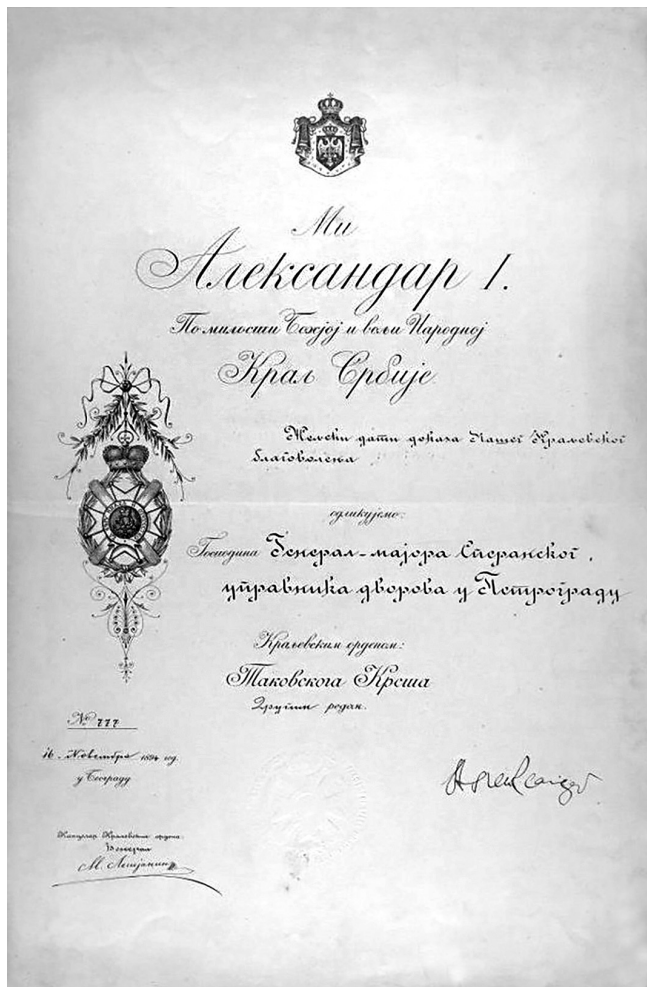
Таким образом, второй визит в Россию сербского короля Александра оказался, в силу объективных причин, совсем не по-

---

* Ванновский П.С. (1822–1904) — военный министр Российской империи (1881–1898 гг.), министр просвещения (1901–1902 гг.).

хож на первый. Можно предположить, что на этот раз внешне-политические проблемы обсуждались мало, хотя известно, что сербский король просил отозвать из Белграда российского посланника А.И. Персиани⁴⁵.

Одним из результатов этого визита также явилось награждение сербскими орденами российских сановников. Так, С.И. Сперанский, к этому времени назначенный исправляющим должность начальника Санкт-Петербургского дворцового управления⁴⁶ и произведенный в генерал-майоры⁴⁷, снова был пожалован орденом Таковского креста второй степени, о чем свидетельствует грамота под № 777, датированная 16 ноября 1894 г. и содержащая автографы канцлера ордена и самого короля Александра⁴⁸. Остается неясным, почему Сперанский вторично был награжден орденом Таковского креста той же второй степени, что и в 1891 г., поскольку такая практика награждений в системе европейских и российских орденов отсутствовала. Можно предположить, что Александр Обренович, являясь в 1894 г. самостоятельным правителем, легитимизировал первое награждение орденом в 1891 г. от имени королевских регентов. Впрочем, факт повторного награждения Сперанского в 1894 г. не нашел отражения в его послужном списке, т.е. на принятие и ношение им второго ордена высочайшего разрешения не последовало. Однако возможным утешением для генерала стало награждение его следующим сербским королем, Петром Карагеоргиевичем, орденом Святого Саввы первой степени в 1909 г.⁴⁹. Эта высокая награда, наряду с Командорским большим крестом шведского ордена Меча, стала предпоследней в жизни С.И. Сперанского. Жалованной грамоты на его награждение орденом Святого Саввы в нашем распоряжении, к сожалению, нет. Однако имеющиеся в собрании Эрмитажа сербские грамоты 1891 и 1894 гг. являются не только материалами к биографии С.И. Сперанского и интересными документами по истории сербской фалеристики, но и дополняют историю отношений между Россией и Сербией в конце XIX — начале XX вв. новыми фактами.

Жалованная грамота
сербского короля Александра I Обреновича
на награждение генерал-майора С.И. Сперанского
орденом Таковского креста второй степени. № 777.
16 ноября 1894 г. Белград

(© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.
ЭРДр-2259. ОИРК ГЭ.
Публикуется впервые)

Примечания

- ¹ Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа (далее — ОИРК ГЭ). ЭРДр-2259, ЭРДр-2260.
- ² *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 184.
- ³ *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996. С. 277.
- ⁴ Там же. С. 310.
- ⁵ *Rajiћ С.* Александар Обреновић. Владар на прелазу века: сукобљени светови. Београд, 2011. С. 19.
- ⁶ *Ламздорф В.Н.* Дневник (1886–1890). М., Л., 1926. Т. 1. С. 199.
- ⁷ Писма краљице Наталије Обреновић. Београд, 1996. С. 61–62.
- ⁸ События в Сербии // Вестник Европы. 1891. Т. III. Кн. 6. Июнь. С. 856–857.
- ⁹ *Шемякин А.Л.* Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918) глазами русских // Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства). М., 2014. С. 583.
- ¹⁰ *Ламздорф В.Н.* Дневник (1891–1892). М., Л., 1934. Т. 2. С. 91.
- ¹¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 536. Оп. 1. Д. 505. Л. 4.
- ¹² Там же. Л. 6.
- ¹³ Там же. Л. 7.
- ¹⁴ Путешествие короля Сербского в Россию // Нива. 1891. № 30. С. 657.
- ¹⁵ Дневник великого князя Константина Константиновича. 1890–1891 гг. М., 2015. С. 380.
- ¹⁶ *Rajiћ С.* Александар Обреновић. С. 20.
- ¹⁷ Дневник великого князя Константина Константиновича. С. 382.
- ¹⁸ *Ламздорф В.Н.* Дневник (1891–1892). Т. 2. С. 160.
- ¹⁹ Дневник великого князя Константина Константиновича. С. 383.
- ²⁰ *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. С. 268.
- ²¹ РГИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 1107. Л. 2 об.
- ²² ОИРК ГЭ. ЭРДр-2260 (Жалованная грамота, данная наместниками Й. Ристичем, К. Протичем и Й. Белимарковичем, от имени сербского короля Александра I, полковнику С.И. Сперанскому. № 416. 1 ноября 1891 г. Белград). ОИРК ГЭ.
- ²³ Takowo-Orden // Meyers Konversations-Lexikon. Verlag des Bibliographischen instituts. Leipzig und Wien, Vierte Auflage, 1885–1892. 15 Band: Sodbrennen-Uralit. P. 496–497.
- ²⁴ *Спаский И.Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963. С. 95.
- ²⁵ *Кузьмин Ю.А.* Российская императорская фамилия (1797–1917). Биобиблиографический справочник. 2-е изд. СПб., 2011. С.90.
- ²⁶ Там же. С. 319.
- ²⁷ Там же. С. 323.
- ²⁸ Там же. С. 133–134.
- ²⁹ Там же. С. 115.

- ³⁰ *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 123.
- ³¹ *Доманович Р.* Страдия. М., 1957. С. 10–13.
- ³² РГИА. Ф. 468. Оп. 17. Д. 2370. Л. 7 об.
- ³³ *В.-Б. Г. [Веселитский-Божидарович Г.С.].* Приезд короля сербского и отношения Сербии с Россией. СПб., 1891. С. 15.
- ³⁴ *Славянские дела* // Вестник Европы. 1891. Т. 5. Кн. 9. С. 405.
- ³⁵ *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. С. 293, 300, 304.
- ³⁶ *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. М., 1991. Т. 2. С. 23.
- ³⁷ Там же. С. 39.
- ³⁸ Там же. С. 31.
- ³⁹ Писма краљице Наталије Обреновић. С. 89.
- ⁴⁰ Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. Берлин, 1923. С. 91–92.
- ⁴¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1287. Оп. 1. Ч. IV. Д. 5041. Л. 51–51 об.
- ⁴² Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. Берлин, 1923. С. 92.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ч. IV. Д. 5041. Л. 53.
- ⁴⁴ Дневник императора Николая II. С. 93.
- ⁴⁵ *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. Т. 2. С. 145.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 1107. Л. 3.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 17. Д. 2370. Л. 8 об.
- ⁴⁸ ОИРК ГЭ. ЭРДр-2259 (Жалованная грамота сербского короля Александра I Обреновича на награждение генерал-майора С.И. Сперанского орденом Таковского креста второй степени. № 777. 16 ноября 1894 г. Белград).
- ⁴⁹ Предположительно в 1909 г., так как высочайшее разрешение на принятие и ношение этого ордена ему было дано в январе 1910 г.

Публикации словенской газеты «Слован» о сербах, болгарх и черногорцах (1884–1887 гг.)

Как справедливо отметил словенский историк В. Мелик, для словенцев во второй половине XIX в. были характерны симпатии к идеям славянской взаимности и русофильству¹. Одним из ярких примеров таких умонастроений в словенском обществе являются публикации газеты «Слован» («Slovan», «Славянин») (1884–1887 гг.). О самом издании исследователями написано мало. Пожалуй, наиболее подробные сведения о нем приводятся в монографии российского ученого И.В. Чуркиной². Общая характеристика газеты дана в ряде трудов словенских историков И. Приятеля³ и В. Мелика⁴, а также в статье В. Райшпа, посвященной словенской прессе⁵. Публикации «Слована» о словаках рассматриваются в книге Т. Крегара⁶.

Между тем особенности освещения газетой сербских, болгарских и черногорских сюжетов почти не изучены. Отклики словенской общественности на объединение Болгарии и сербско-болгарскую войну 1885 г. проанализированы в обширной статье П. Луковича, но публикации газеты «Слован» в ней не рассмотрены⁷. Несколько замечаний, касающихся этого вопроса, приводятся в статье П. Водопивеца в рамках анализа публикаций словенской прессы о болгарх⁸.

В данной работе впервые предпринимается попытка подробно осветить эту тематику и проанализировать специфику материалов газеты о южных славянах, не входивших в состав Австро-Венгерской империи.

Наиболее яркий всплеск интереса словенской общественности к южнославянским братьям, находящимся под османским гнетом, произошел в середине 1870-х годов (внимание словен-

цев привлекли восстание в Герцеговине в 1875 г. и Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии) и достиг пика во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Освобождение Болгарии было воспринято словенской общественностью с большим энтузиазмом. Победа России сначала рассматривалась ею как первый шаг к освобождению всего славянства⁹, в том числе и самих словенцев. Поскольку симпатии австрийских немцев были на стороне турок, словенцы воспринимали победы русских и балканских славян как свои собственные¹⁰ и надеялись на поддержку Россией своих национальных требований.

Война привела к росту популярности идей славянской взаимности в целом и русофильства в частности. Вера в освободительную миссию России окрепла, интерес к балканским славянам повысился, особую радость вызывало образование национальных государств. Заключение Сан-Стефанского мира 19 февраля (3 марта) 1878 г. словенцы с энтузиазмом поддерживали, подчеркивая при этом необходимость союза Австро-Венгрии и России. Однако Берлинский договор 1878 г., по которому территория Болгарии была урезана, а из ее южных земель была образована автономная провинция Османской империи Восточная Румелия, вызвал у них резкое неприятие.

В начале 1880-х годов среди словенских либералов выделились проправительственная группа эластичаров, возглавлявшаяся юристом и публицистом Франом Шуклье и проводившая гибкую («эластичную») политику, то выдвигая умеренные национальные требования, то отступая от них при малейших признаках недовольства властей, и радикальная, во главе которой стояли русофилы — банкир Иван Хрибар и адвокат и писатель Иван Тавчар. В конце 1883 г. отношения между двумя группами обострились¹¹. А в 1884 г. мысль о создании газеты, пропагандирующей идеи славянской взаимности, возникшая у ряда словенских радикалов уже вскоре после русско-турецкой войны, наконец, осуществилась. Хрибар начал выпускать газету «Слован», первый печатный орган в словенских землях, в котором русофилы играли решающую роль¹². Хрибар был ее собственником и издателем, а редактором стал Антон Терстеняк. Цели издания определялись так: во-первых, пробудить в словенцах «национальное самосоз-

вание», понимание того, что они являются единым народом, и во-вторых, привить им идеи славянской взаимности и гордость тем, что они — часть «великого и славного славянского рода». По мнению Хрибара, словенцы, узнав о национально-культурных и политических достижениях «братьев-славян», перестанут стыдиться своего языка и культуры и будут решительнее бороться за национальные права¹³. Была у издателя еще одна задача: предполагая, что «Слован» будет, в первую очередь, политической газетой, он надеялся вытеснить со словенской политической сцены «Кметийске ин рокодельске новице» («Kmetijske in rokodeljske novice», «Сельскохозяйственные и ремесленные новости»), старейшую и наиболее популярную словенскую газету, издававшуюся с 1843 г. бесспорным лидером словенского национального движения, консерватором Янезом Блейвейсом¹⁴.

Главное содержание газеты в первый год ее выпуска составляли заметки о славянской и словенской культурной жизни, землеописания, публицистические и литературно-информационные статьи, биографии заслуженных славянских деятелей, корреспонденции из разных словенских и славянских краев, краткий обзор политических новостей. Многие статьи и заметки о славянах заимствовались из материалов русской, чешской и хорватской прессы, но были и публикации словенских корреспондентов, в большинстве своем неподписанные, так что определить их авторство не удастся. С конца 1884 г. информацию о балканских славянах редакция «Слована», вероятно, получала от словенца Антона Безеншека, приехавшего в Болгарию еще в 1879 г. и прожившего там всю оставшуюся жизнь. Безеншек преподавал в гимназии и вел большую просветительскую работу. В 1884 г. он начал издавать в Софии газету «Балканпост» («Balkanpost», «Балканская почта») — с целью ознакомления европейских журналистов с важнейшими новостями из Болгарии, Восточной Румелии и других балканских регионов¹⁵. Сообщая о выходе газеты, корреспондент «Слована» высказал надежду, что она будет предоставлять словенцам «объективные и заслуживающие доверия» сведения о Балканах¹⁶.

Сотрудниками газеты «Слован» являлись: Фран Целестин, Иван Дечко, Иван Гершак, Грегор Крек, Божидар Раич, Иван

Ресман, Янез Трдина, Йосип Вошняк, Валентин Зарник, Иван Тавчар¹⁷. В 1884 г. газета выходила один раз в неделю на восьми страницах. К началу 1885 г. у нее было 700 подписчиков¹⁸ и, как отмечал И. Хрибар в письме к Г. Креку в марте 1884 г., 9/10 из них являлись представителями интеллигенции¹⁹. За 1884 год Хрибар, по словам филолога-слависта Карла Штрекеля, издавая «Слован», понес более 700 тыс. гульденов убытка и «уже хотел от него отказаться»²⁰, но его приятель и единомышленник (а впоследствии главный конкурент) Тавчар стал совладельцем издания. В 1885–1887 гг. газета выходила два раза в месяц на 16 страницах, на хорошей бумаге. В каждом номере помещались по две–три качественные иллюстрации²¹. Содержание ее во многом изменилось: в ней стали печатать прежде всего художественные произведения — романы, повести, стихотворения. Появился раздел фельетонов, а раздела «Политические новости» больше не было.

В публикациях газеты о славянском мире наибольшее внимание уделялось сообщениям о чехах и хорватах, из зарубежных славян, прежде всего, о русских. О сербах, болгарях и черногорцах в целом материалов печаталось меньше. Размещались они в разных рубриках газеты.

Уже в номерах «Слована» за январь — март 1884 г. на первых страницах были опубликованы довольно подробные биографии выдающихся деятелей сербского Возрождения — Вука Караджича²², Досифея Обрадовича²³, Вука Врчевича²⁴, поэта Йована Йовановича²⁵ с их портретами. В 1886 г. в разделе «Наши иллюстрации» были размещены портреты и краткие биографии южнославянских государственных и политических деятелей: черногорского князя Николы²⁶, болгарского политика Драгана Цанкова и сербского — Йована Ристича (наибольшей заслугой двух последних, по мнению автора статьи, являлось то, что оба они стояли «на защите славянства против западничества» и были сторонниками «дружбы с Россией»²⁷).

В разделах «Остальной славянский мир» («остальной» в смысле славянские, но не словенские земли. — Л.К.) и «Наши иллюстрации» (с 1885 г.) публиковались разнообразные заметки. Например, давались описания южнославянских городов, в которые, как правило, входили история города, особенности его

географического положения, развитие экономики и торговли, культурные достижения и достопримечательности. О Белграде, в частности, сообщалось, что еще 20 лет тому назад он «был турецким городом, а сейчас это красивый приветливый европейский город»²⁸. Подробно излагалась история создания Цетинского монастыря в Черногории, рассказывалось о литературной жизни города Цетинье, о создании в нем типографии и выпуске черногорских газет²⁹. Эти описания, как правило, сопровождались иллюстрациями.

В газете отмечались также важные события общественной и культурной жизни сербов, черногорцев и болгар. Больше всего такого рода сообщений было о Сербии — например, о деятельности Сербского научного общества в Белграде³⁰, о первом торжественном заседании сербской Королевской академии в 1887 г.³¹, о белградском сербском театре³², об открытии первой сербской железной дороги от Белграда до Ниша³³.

Привлекала внимание издателей «Слована» и Черногория. В начале 1885 г. в газете была напечатана снабженная иллюстрациями статья о борьбе черногорцев против турок. Черногория характеризовалась как «настоящая страна свободы», единственный пример в истории, «когда такое маленькое государство /.../ столько веков успешно отражало нападения могущественного врага, перед которым трепетала вся Европа», и сохранило свою независимость. Автор выразил уверенность в том, что сейчас, когда «некогда могучий турок, заболев, ожидает, когда его дипломатические лекари велят отнести его из европейского дома в азиатскую больницу», для черногорцев настали лучшие времена. Русские казаки завоевали их для этой страны в 1878 г., и решения Берлинского конгресса оказались для нее благоприятными.

Часть статьи была посвящена характеристике черногорских правителей начиная с Ивана Црноевича, правителя Зеты (1465—1490 гг.) и основателя Цетинье. В стране, подчеркивал автор, было много «не только героических, но и образованных, заботящихся о благе народа князей». Особое внимание было уделено князю Николе, причем, корреспондент газеты явно идеализировал его внутреннюю политику и преувеличивал его влияние в Европе. Князь Никола, писал он, «заслуживает уважения как

правитель, пример как учитель, любовь как отец». Его уважают и подданные, и вся Европа. Он «многое сделал для просвещения своего народа, открывая учебные заведения; многое для увеличения его благосостояния...»³⁴.

В опубликованной через полтора года биографии князя Николы описание его политики давалось в сходном ключе: восхвалялись его «мудрое и справедливое правление» и преданность своему народу³⁵. Очевидна недостаточная осведомленность корреспондентов газеты, которая не позволила им дать объективную характеристику деятельности князя Николы и невольно способствовала созданию мифа о «великом правителе» свободного славянского государства. Впрочем, подобная интерпретация вполне вписывалась в общую концепцию «Слована». Маленькая славянская страна оказалась жизнеспособной, ее князь представлялся достойным уважения, и для издателей было самым важным донести эти сведения до словенского читателя.

Живейший интерес у издателей «Слована» вызывало Болгарское княжество, ему было посвящено наибольшее количество публикаций. Так, в газете были приведены данные переписи болгарского населения 1881 г. и подчеркнуто, что «Княжество благодаря своему географическому положению, благодаря изрядной одаренности и неутомимому прилежанию болгарского народа играет очень важную роль на славянском юге»³⁶. Отмечалось, что за последние годы здесь был достигнут большой прогресс³⁷. В частности, построены новые дороги, мосты, школьные здания. В сообщении о предстоящем праздновании по всей Болгарии тысячелетия «великого славянского просветителя» св. Мефодия в 1884 г. словенцам, а также представителям других славян, предлагалось принять участие в торжествах в столице Средце (Софии) и подробно объяснялось, какими путями можно до нее добраться. При этом желающих приехать известили, что в болгарской столице нет таких удобств, как в Загребе, Праге и Любляне³⁸.

Одна из публикаций освещала начало строительства в 1885 г. Храма-памятника Рождества Христова, первого памятника болгаро-русской дружбы, установленного на южной стороне Шипкинского перевала. Автор статьи писал: «В память о великом историческом деле освобождения болгар, в память о беспример-

ном братском самопожертвовании русского народа и, наконец, в память всех воинов, которые пали в боях за свободу Болгарии», болгарский народ добровольно собрал средства на строительство церкви у подножия Шипки. Это свидетельство «братской любви и героизма русских воинов»³⁹. В газете был размещен эскиз будущей церкви.

В июне 1886 г. в «Словане» была опубликована статья А. Безеншека (А.В.)⁴⁰, посвященная болгарской журналистике. В ней отмечалось, что политические, научные и учебные издания появляются после объединения Болгарии и Восточной Румелии одно за другим, — всего было перечислено 14 изданий⁴¹. Самой крупной публикацией «Слована» по болгарской тематике стал обширный очерк развития болгарской литературы с древнейших времен, написанный Б. Китанчевым и переведенный на словенский язык А. Безеншеком. Он печатался параллельно на болгарском и словенском языках в девяти номерах с июня по ноябрь 1887 г.⁴²

Как видно, в газете достаточно широко освещались разные стороны культурной и общественной жизни сербов, черногорцев и болгар, причем, акцент делался на достижениях их национальных культур, которых удалось добиться благодаря освобождению с помощью России от османского гнета.

Размещались в «Словане» и сообщения о политических событиях на Балканах. Наибольший интерес среди них вызывают политические статьи, посвященные Тройственному союзу, Балканскому вопросу, Объединению Болгарии и сербско-болгарской войне 1885 г.

В конце 1884 г. были опубликованы две статьи, посвященные Тройственному союзу, — «Восточный союз» и «Скерневицкий Тройственный союз» неизвестного автора, подписавшегося «— k.».

В статье «Восточный союз» автор иронично отметил, что европейская дипломатия «раскатала губу» на Балканский полуостров. «Восточный вопрос подобен старой, вечно кровоточащей ране», — писал он. «Все прекрасно помнят, что все балканские государства освободились от турецкого ига под покровительством русских, под русским влиянием». «С того времени мысль

об объединении балканских государств приобрела больше оснований». Греки в особенности выступают за создание Восточного союза — объединенного союзного государства, достаточно сильного, чтобы определять свою судьбу без постороннего вмешательства. «И так могло бы осуществиться желание всех “панславистов”, чтобы Восток принадлежал восточным народам». Автор выразил уверенность в том, «что это единственный путь, вступив на который народы Балканского полуострова могут сохранить свою политическую независимость и принести пользу себе и своим братьям, еще не имеющим этой независимости». Корреспондент «Слована» призвал представителей балканских стран созвать конгресс по вопросу об образовании Восточного союза, на котором нужно принять конституцию, обеспечивающую каждому государству и народу «полную государственную и национальную автономию и индивидуальность». Как надеялся автор, каждый настоящий славянин поддержит эту мысль⁴³. Понятно, что это были утопические мечтания, основывавшиеся на слабой осведомленности об образе жизни, менталитете и национальных особенностях разных народов Балканского полуострова и непонимании политических реалий. Корреспонденты «Слована» подчас были готовы вдохновиться любой иллюзией, удобно встраивавшейся в рамки их концепции славянской взаимности.

Как известно, 15–17 сентября 1884 г. в царском охотничьем имении в Скерневицах (Царство Польское) состоялась встреча Александра III, Франца Иосифа и Вильгельма I, в результате которой «Договор трех императоров», заключенный в 1881 г. в Берлине между Россией, Австро-Венгрией и Германией был продлен на три года. К договору был приложен протокол, согласно которому Австро-Венгрия сохраняла право аннексировать Боснию и Герцеговину. Все три великие державы обязались также не препятствовать возможному объединению Болгарии с Восточной Румелией. Именно на эти пункты протокола обратил внимание корреспондент «Слована», оценивая в статье «Скерневицкий Тройственный союз» ближайшие перспективы европейской политики. По его мнению, Германия поддерживает Австрию, а Австрия окончательно завоюет Боснию и Герцеговину и будет дальше продвигаться на юг, где встретится с Россией.

«И как она с ней договорится /.../ и разрешит ли Россия Австрии расширять свое влияние на востоке?». Объединение Восточной Румелии и Болгарии — просто вопрос времени, а не отступные для России. Очевидно, что Россия выступит против оккупации Австрией Боснии и Герцеговины, «поскольку она защищает интересы балканских славян и думает, что /.../ Австрия не обеспечивает защиту славянства, и поэтому не хотела бы отдать под ее опеку народ, который должен быть в Восточном союзе». Автор осудил политику Австро-Венгрии: «Железными дорогами и торговлей она закабаляет Сербию, Болгарию и Македонию». Австрия не сможет мирно договориться с Россией, поскольку Россия не захочет делить Балканы с Австрией, и если бы раздел Балкан был одобрен Тройственным союзом, «это было бы плохо для славян и русских». «Россия как освободительница еще не завершила своей благородной миссии и своих возвышенных задач на Балканах. Поэтому она и после заключения Тройственного союза не сможет спать спокойно, а должна будет бодрствовать и стоять на страже» своих интересов⁴⁴.

Очевидны симпатии автора этих статей к России и надежды на ее помощь в деле освобождения балканских славян. При этом, верно подметив конфликт интересов Австро-Венгрии и России на Балканах, он трактовал побудительные мотивы политики России, исходя из сугубо идеалистических представлений о ее «благородной миссии». Вопрос об образовании Восточного союза в его изложении имеет весьма размытые очертания и воспринимается просто как призыв к конфедерации балканских народов (конкретно эти народы не перечислены), цель которой — усиление политических позиций, главным образом, южных славян.

«Слован» пристально следил за политическими событиями в Болгарии, однако «болгарские» материалы были достаточно краткими и официальными. Так, в июле 1884 г. газета опубликовала информацию о работе Народного собрания в Тырново, и то, что новое министерство сформирует радикал Петко Каравелов, которому удалось свергнуть Д. Цанкова с поста министра-председателя, было воспринято редакцией с воодушевлением⁴⁵. Более подробными были сообщения о событиях в Восточной Румелии, прежде всего внимание привлекала деятельность Областного со-

брения и отставка князя Александра Богориди в апреле 1884 г. с поста генерал-губернатора. Отмечалось, что собрание ранее было «слепым орудием» в руках Богориди, который старался создать в Восточной Румелии «антирусскую партию и развить антиславянское движение». Партия Богориди имеет много средств, она подла и беспринципна. Мы очень обрадовались, писал автор статьи, когда этот деятель был вынужден уйти в отставку и на его место пришел «чистосердечный слован Крестович» (видимо, имелся в виду болгарский писатель и политик Гаврил Крысевич. — Л. К.), который хорошо понимает будущее Восточной Румелии⁴⁶.

В сентябре 1885 г. в Восточной Румелии началось восстание. Болгарский князь Александр Баттенберг поддержал его и, несмотря на протест России, не желавшей обострять отношения с Австро-Венгрией, 18 (30) сентября объявил о присоединении Восточной Румелии к Болгарскому княжеству. Объединение Болгарии словенская общественность «открыто поддержала»⁴⁷, почти вся словенская пресса приветствовала его с воодушевлением⁴⁸. Словенские радикалы, сплотившиеся вокруг «Слована», откликнулись на это событие статьей «Болгария — объединена!», вероятно, написанной А. Безеншеком или кем-либо из его сотрудников. В ней говорилось, что все словенцы радуются близкому осуществлению чаяний болгарского народа. «Долгие столетия страдал болгарский народ под жестоким гнетом дикого и неприемлемого для веры мусульманства». Он — «самый большой мученик среди европейских народов», — отмечалось в статье. Корреспондент газеты резко раскритиковал решения Берлинского конгресса, указывая, что в их принятии виновны враги славянства, и подчеркнул, что Болгария была раздроблена на карте, «но не в сердцах болгарских патриотов». В стране образовались агитационные общества, распространялись произведения, призывающие к объединению. Корреспондент «Слована» высказал надежду, что теперь и болгарский народ в Македонии «недолго останется под турецким господством ... и скоро будет приветствовать болгарского князя как своего правителя». «Нынешний переворот — лишь прелюдия к созданию великого болгарского государства», — был убежден автор статьи.

Немало внимания уделялось в этом материале и вопросу о будущей поддержке России объединения Болгарии. Его автор питал необоснованные надежды на то, что в случае необходимости болгарским войскам «поможет могучая русская армия». Утверждая это, он сослался на свой разговор с неким болгарским государственным деятелем, состоявшийся годом ранее. Тот якобы сказал: «У нас всё приготовлено; нам только подождать, когда Россия скажет, что Европа согласна молчать». И вот Россия, наконец, заручилась согласием некоторых европейских стран, Турция не вмешивается в процесс объединения Болгарии, и русская помощь не за горами⁴⁹.

Уже в ноябре 1885 г. редакция «Слована» стала вызывать беспокойство по поводу того, что дело объединения болгар затянулось. Сербия действует «по указке врагов славянства», отмечалось в одной из статей, в Болгарии государственные деятели как будто ослепли, и стремление к объединению своей родины — «недостаточная причина, чтобы оправдать их, они, как и сербы, сошли с правильного пути и позволили иностранцам использовать себя для достижения их — славянству враждебных — целей». Главную вину за задержку автор публикации возлагал на болгарского князя Александра: Болгария бы давно объединилась, если бы он «не попал под английское влияние» и не вел неславянскую политику. Неизвестно, удастся ли всё решить мирным путем. Корреспондент газеты был убежден, что «дни правления Александра Баттенбергского сочтены». Он может удержаться еще ненадолго, если будет потакать шовинизму, «который у такого неразвитого народа, как болгарский, всегда велик». Вместо него, как надеялся автор статьи, придет князь, который «будет не только править славянским народом, но и чувствовать вместе с ним по-славянски». По мнению корреспондента, пловдивский переворот произошел не без ведома русской дипломатии. Он отметил: понятно, что политика князя Александра была не по нраву России, если вспомнить, «каких огромных жертв — крови и денег — стоило ей освобождение Болгарии». Однако при этом высказал убеждение, «что Россия, которая сейчас делает вид, что она против объединения, в удобный момент со всей энергией выступит в его поддержку», и что «болгарское движение

/.../ поспособствует решению восточного вопроса, что принесет неизмеримую пользу мировому славянству»⁵⁰.

Как видно, словенские русофилы задавались вопросом, почему Александр III отказался поддержать присоединение Восточной Румелии к Болгарии и приказал отозвать из страны всех русских военных. Причину этого они видели в неприятии Россией «проанглийской» политики болгарского князя и продолжали лелеять надежду, что со стороны Петербурга это всего лишь хитрый дипломатический ход, продиктованный конфронтацией с Англией, на деле же Россия не лишит болгар своей поддержки. А князя Александра можно и заменить на «славянского» правителя. Следует отметить, что подобные взгляды высказывались и в других словенских либеральных изданиях⁵¹.

Опасаясь усиления объединенной Болгарии, сербский король Милан Обренович 14 ноября 1885 г. объявил ей войну. Итогом этой скоротечной кампании (боевые действия велись всего две недели) стал разгром сербских войск. После того, как болгары захватили г. Пирот, принадлежавший Сербии, их дальнейшее наступление было остановлено ультиматумом, предъявленным 28 ноября князю Александру австро-венгерским консулом в Белграде. 21 декабря было заключено перемирие. Вена предупредила, что если болгары не отступят, она вмешается в войну. В ответ Россия, хотя и не поддерживала болгар, заявила, что вмешательство Габсбургской монархии в конфликт будет иметь для нее серьезные последствия.

Сербско-болгарскую войну словенские радикалы, группировавшиеся вокруг «Слована», восприняли негативно. «Глаза наши полны горьких слез», — писал корреспондент газеты. Столетиями сербы и болгары были рабами одного религиозного врага и мечтали о свободе, помогали друг другу в борьбе против поработителя. А сейчас между ними, славянами и единоверцами, произошла война. В статье была дана очень резкая характеристика развязавшему ее королю Милану, «инициатору братоубийства», в душе которого «давно угасло чувство нравственности и уважения». Автор статьи выразил надежду, что Милана ждет «заслуженное наказание». Главную причину краха его политики корреспондент видел в том, что сербские воины не хотели сражаться про-

тив своих побратимов болгар. Мир убедился, что болгарский народ заслуживает свободу, которую ему завоевала Россия путем огромных кровавых жертв. «Воодушевление, с которым он сражался, принесло ему одно из почетнейших мест среди просвещенных народов». Вместе с тем, по мнению автора статьи, война показала пагубность братоубийственных войн. Почти в тех же выражениях, но значительно подробнее, более чем через три десятка лет словенская пресса характеризовала события Второй Балканской войны 1913 г., только тогда она уже клеймила болгарское правительство, развязавшее войну против братьев-сербов. И, как и прежде, ослепленная идеей «братства южных славян», закрывала глаза на весь сложный комплекс факторов, приводивших к обострениям болгарско-сербских конфликтов.

Большое место в статье уделено сравнению действий сербского короля и болгарского князя во время войны. Милан подвергся в ней жесткой критике. Какая колоссальная разница между храбрым Александром, сражавшимся за свой народ, и трусоватым Миланом, который находился далеко от мест сражений! Болгарский князь вел себя благородно и героически, он «был на линии наибольшего огня, не побоялся никакой опасности», вел своих солдат в бой со словами «Вперед, ребята!». Александр «как воин и полководец навеки завоевал себе славное имя в истории, и мы уверены, — писал корреспондент, — что русский царь сейчас уже сожалеет, что велел вычеркнуть его из рядов русских офицеров»⁵². Пожалуй, это был единственный лестный отзыв о болгарском князе, появившийся на страницах «Слована». Словенцы оценили его мужество, хотя в целом его политика вызывала у них резкий протест.

О заключении перемирия между сербами и болгарями газета писала с удовлетворением. Мы надеемся, что «этот гнусный эпизод в истории славян, в котором виновны бессовестный сербский король Милан и его не заслуживающее уважения правительство, закончен навсегда», — резюмировал автор статьи, отметив при этом, что результаты войны не вполне удовлетворили болгар. Однако, оптимистично добавил он, надежда на возрождение прежнего побратимства остается. А главное — Болгария объединена⁵³.

В конце января 1886 г. было заключено соглашение между Турцией и Болгарией. Высокая Порта санкционировала установленный переворотом порядок вещей, князь Александр был признан на 5 лет генерал-губернатором Восточной Румелии, а в марте в Бухаресте был подписан мирный договор между Болгарией и Сербией, не предусматривавший никаких территориальных изменений. Великие державы фактически признали объединение Болгарии. Результаты этих дипломатических договоренностей в «Словане» были определены как «срам» для Болгарии, которая осталась под «защитой» Турции и в военном союзе с ней. Конечно, выражалась надежда на то, что «Россия никогда не допустит, чтобы этот крайне унижительный для Болгарии договор вступил в силу»⁵⁴.

В 1886 г. в газете появились всего две публикации, посвященные объединению Болгарии. В январе была опубликована краткая заметка А. Безеншека, в которой он рассматривал его значение для развития экономики и культуры. «Следует поздравить Болгарию с тем, что она получила в собственность такую богатую область» (Восточную Румелию. — *Л. К.*) с плодородными землями. Самым важным, по мнению автора, было то, что Восточная Румелия «в плане просвещения намного прогрессивнее Болгарского княжества, в ней больше интеллигенции, просветительских учреждений и научных средств». Безеншек выразил надежду, что болгарское правительство распространит на всю страну эти «полезные начинания» и «сумеет использовать их на пользу всему славянству»⁵⁵. Неизвестно, на какие источники опирался автор, делая такие сомнительные сопоставления уровней культурного развития Восточной Румелии и Болгарского княжества.

В марте 1886 г. в нескольких номерах «Слована» была опубликована последняя крупная статья по этой теме — «Современный период в истории новых Балкан». Судя по письму И. Хрибара его единомышленнику, юристу и либеральному политику Данило Майарону в феврале 1886 г., именно последний являлся ее автором⁵⁶ (подпись «— о.—»). В статье делается попытка дать комплексную оценку событий, произошедших на Балканах в предыдущем году. Рассуждения автора об объединении Болгарии, сербско-болгарской войне и ее итогах в общем повторяют основ-

ные идеи рассмотренных выше статей. Наиболее интересными кажутся размышления Майарона о европейской политике и роли России в недавних событиях на Балканах.

Постановления Берлинского конгресса, считает автор, имели «антирусский дух». Свобода болгар ограничивалась таким образом, чтобы взрастить недоверие к «старшему брату». «Россия освободила болгарский народ», а Европа воспользовалась этим к своей выгоде. Созданная ею система «соответствовала не потребностям области и идеям болгарского народа, а потребностям и идеям Европы». Такая ситуация не могла длиться долго — произошел переворот. «Большая ошибка России», по мнению Майарона, заключалась в том, что она сразу высказалась против действий болгар и придерживалась решений Берлинского конгресса. Именно в результате ее «антиболгарской политики» из Болгарии отозвали русских офицеров, а князя Александра вычеркнули из офицерских списков. Болгарского князя все бросили⁵⁷. Политика русского царя — загадка для всех. Словенцы надеялись, что Россия поддержит объединение Болгарии, однако она позволила сербам напасть на болгар. Россия хочет создать такие условия для болгар, чтобы ей «был открыт путь к Царьграду (Константинополю. — Л. К.)»⁵⁸.

В настоящее время, продолжал Майарон, Россия и Болгария находятся в конфронтации. Князь Александр «слишком немец», придерживается антирусских взглядов. Власть в стране находится в руках князя и антирусской либеральной партии. Англия поддержала объединение, а Россия выступила против Англии и против объединения и тем самым выбила у себя почву из-под ног. Царь хотел показать болгарам, что «без русской помощи никакие их желания не исполнятся». Ошибка России заключается в том, что она «считала, что действует во благо болгар, когда действовала против князя». Но Россия может исправить свои ошибки, она помогла улучшить условия турецко-болгарского договора и этим добилась большей преданности болгар и того, что они будут «поддерживать ее выгоду»⁵⁹.

Отречение от престола Александра Баттенберга в августе 1886 г. «Слован» воспринял как «успех русской политики, ... большой прогресс в истории славянских народов». Князю, отме-

чалось в газете, не хватало чувства благодарности и «понимания нужд страны». Он, немец, не мог понять, какой путь «предназначен историей болгарскому народу как части великого славянства», окружал себя только прусскими юнкерами, интриговал против России. Мы, словенцы, в прошлом году радовались перевороту, но осуждали князя за то, что он действовал без ведома России. Возможно, чтобы избежать внутриболгарских конфликтов, Россия пошлет туда небольшую армию, а на престол взойдет человек, преданный славянству. «Этим будет закрыт доступ иностранному влиянию на Балканский полуостров; этим будет обеспечено успешное развитие балканских славян»⁶⁰.

Эта публикация, как и предыдущие политические статьи по данной тематике, отчетливо показала, что редакция «Слована» по-прежнему верила в то, что Россия выполнит свою освободительную миссию, и старалась оправдать ее позицию по отношению к объединению Болгарии и сербско-болгарской войне. Вмешательство России во внутренние дела Болгарии не вызывало у издателей протеста, напротив, считалось желательным. Однако надежды словенских русофилов не сбылись. После серии государственных переворотов к власти в Болгарии пришло проавстрийское правительство, и в ноябре 1886 г. Россия разорвала дипломатические отношения с Болгарией. В этом конфликте Австро-Венгрия и Германия выступили против России, и «Союз трех императоров» к моменту истечения срока своего действия (1887 г.) фактически был аннулирован.

В начале 1886 г. дела у издателей газеты еще шли нормально. Хрибар был полон оптимизма и писал Майарону: «...Существование “Слована” обеспечено, и в этом году я вижу, какое большое влияние он приобрел в предыдущие два года. И для меня это самое большое удовлетворение и плата за все хлопоты, которые у меня с ним были»⁶¹. Но постепенно ситуация ухудшалась. «Словану» чинили препятствия эластичары, издававшие литературный журнал «Люблянски звон» («Ljubljanski zvon», «Люблянский колокол») и рассматривавшие эту газету как конкурента. Следует отметить, что в литературном плане «Слован» соперничества с ним не выдержал. А печатавшиеся в нем сообщения на политические темы, как правило, были менее обширными и

подробными, чем аналогичные публикации в ежедневных словенских газетах — например, в органе либералов «Словенски народ» («Slovenski narod», «Словенский народ») и католиков — «Словенец» («Slovenec»). Помимо этого, русофильская ориентация газеты, а также интерес, который ее издатели выказывали к идее введения славянской литургии в церкви и к вопросу об объединении церквей, по-видимому вызвали недовольство высшего духовенства. Так, уже в начале 1886 г. в письме к Майарону Хрибар жаловался, что люблянскй епископ Якоб Миссия в своей новогодней речи «сказал богословам, что хочет, чтобы они не подписывались на его газету ... Горицким и мариборским богословам “Слован” строго запрещен»⁶². Учащимся гимназий также рекомендовали не покупать газету. И без того узкая читательская база «Слована», состоявшая в основном из представителей словенской интеллигенции, которым были близки идеи славянской взаимности, сократилась.

С 1888 г. издание газеты прекратилось. Своему другу священнику Ивану Врховнику Хрибар с горечью писал: «В любом случае “Слован” перестает выходить. Итог расчетов показывает 1952 гульд. [ена] 03 кр. [ейцера] убытка, это слишком много для нас, которым крестные не насыпали золота в колыбельки ... [Вскоре] начнет выходить неиллюстрированная политическая газета (раз в 14 дней) под названием “Словански свет”. А “Слован” исчезнет без следа, ведь он не оставил добрых воспоминаний о себе...»⁶³. Действительно, газета «Словански свет» («Slovanski svet», «Славянский мир»), которую начал выпускать с 1888 г. русофил Фран Подгорник (при поддержке И. Хрибара), приняла эстафету у «Слована» и продолжила пропаганду его идей.

Но свой след в истории словенцев «Слован» всё же оставил. Хотя газета и не пользовалась большой популярностью у словенской общественности, ее публикации способствовали расширению политического и культурного кругозора словенцев, росту уровня их осведомленности о других славянских народах и распространению среди них интереса к идеям славянской взаимности. Публикации газеты «Слован» о балканских славянах охватывали разные сферы их общественной, культурной и национально-политической жизни. Больше внимания в них уделялось

болгарской тематике. Вместе с тем, в этих сообщениях заметны примитивность изложения материалов, отсутствие попыток их критического анализа. Следует отметить, что во многих случаях авторы не имели достаточно достоверных сведений по темам, которые они освещали, поэтому вольно или невольно представляли своим читателям искаженную картину реальности. Трактовка описываемых событий и персоналий давалась в определенном ракурсе, с пропагандистским уклоном. Идеализировалось и восхвалялось всё «славянское», создавался миф о единстве и братстве южнославянских народов.

Особенно отчетливо русофильская и славянофильская направленность газеты проявилась в статьях, посвященных проблемам европейской и российской политики, объединению Болгарии и сербско-болгарской войне 1885 г. Интерпретация этих событий в «Словане», как и в ряде других словенских либеральных изданий того времени, продолжавших традиции словенской прессы 1877–1878 гг., давалась ее корреспондентами, исходя из идей славянской взаимности и надежды на то, что Россия полностью осуществит свою великую миссию — дело освобождения всех славян.

Примечания

- ¹ *Melik V. Ivan Hribar in njegovi spomini // Ivan Hribar. Moji spomini. II. Del. Ljubljana: Slovenska matica, 1984. S. 628.*
- ² *Чуркина И.В. Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей. XVI в. — 1914 г. М.: Институт славяноведения РАН, 2017.*
- ³ *Prijatelj I. Med Levčevim «Ljubljanskim zvonom» in Hribar-Tavčarjevem «Slovanom». Učiteljska Tisk., 1930 // URL: <http://www.dlib.si/?URN=URN:NBN:SI:DOC-XH5OKN9J>; *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina 1848–1895 Zv. 5. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1966.**
- ⁴ *Melik V. Slovenska politika v drugi polovici sedemdesetih let 19. stoletja // Melik V. Slovenci 1848–1918. Razprave in članke. Maribor: Založba Litera, 2002; Melik V. Ivan Hribar...*
- ⁵ *Rajšp V. Das slovenische Pressewesen Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. VIII/2. Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft. Die Presse als Faktor der politischen Mobilisierung. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2006.*
- ⁶ *Kregar T. Med Tatrami in Triglavom. Primerjave narodnega razvoja slovencev in slovakov in njihovi kulturno-politični stiki 1848–1938. Celje: Zgodovinsko društvo, 2007.*
- ⁷ *Łuković P. Slovenci i srpsko-bugarski rat 1885. godine // Zgodovinski časopis 39. 1985. Št. 3. S. 213–267; Št. 4. S. 355–380.*

- ⁸ *Vodopivec P.* Bolgari in Bolgarija v slovenskih očeh (1850–1914) // *Slovenci in Bolgari med zahodnimi in vzhodnimi vplivi* / ur. Ž. Lazarevič, A. Gabrič. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2016. S. 9–38.
- ⁹ *Чуркина И.В.* Россия и славяне... С. 324.
- ¹⁰ *Melik V.* Slovenska politika... S. 488.
- ¹¹ *Prijatelj I.* Med Levčevim «Ljubljanskim zvonom»... S. 126.
- ¹² *Чуркина И.В.* Россия и славяне... С. 340.
- ¹³ *Slovan.* 03.01.1884. № 1. S. 1–2.
- ¹⁴ Письмо Ф. Левица М. Старе от 03.01.1884. Цит. по: *Prijatelj I.* Med Levčevim «Ljubljanskim zvonom»... S. 131.
- ¹⁵ *Vodopivec P.* Bolgari in Bolgarija... S. 9–10.
- ¹⁶ *Slovan.* 16.10.84. S. 344.
- ¹⁷ *Prijatelj I.* Med Levčevim «Ljubljanskim zvonom»... S. 142.
- ¹⁸ Письмо Ф. Левица Я. Керснику от 05.02.1885. Цит. по: *Prijatelj I.* Med Levčevim «Ljubljanskim zvonom»... S. 167.
- ¹⁹ Письмо И. Хрибара Г. Креку. 10.03.1884, Любляна // I. Hribar. Zapuščina. Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice v Ljubljani (далее — RZ NUK). Ms. 1465. Gregor Krek. Mapa 3.
- ²⁰ Письмо К. Штрекеля Ф. Левицу от 24.12.1884. Цит. по: *Prijatelj I.* Med Levčevim «Ljubljanskim zvonom»... S. 156–157.
- ²¹ *Slovan.* 18.12.1884. S. 436–437.
- ²² *Slovan.* 13.03.1884. S. 81; 20.03.1884. S. 89–91.
- ²³ *Slovan.* 27.03.1884.
- ²⁴ *Slovan.* 28.02.1884. S. 65–66.
- ²⁵ *Slovan.* 10.04.1884. S. 115–116; 17.04.1884. S. 123–124.
- ²⁶ *Slovan.* 01.10.1886. S. 296–297 (портреты князя Николы и его супруги княгини Милены; S. 301 (их биография).
- ²⁷ *Slovan.* 15.09.1886. S. 280 (портрет Драгана Цанкова); S. 281 (портрет Йована Ристича); S. 284–285 (статья о них в разделе «Наши иллюстрации»).
- ²⁸ *Slovan.* 29.05.1884. S. 174 (вид Белграда, иллюстрация); S. 177 (статья о Белграде в разделе «Остальной славянский мир»).
- ²⁹ *Slovan.* 9.10.1884. S. 334 (Главная улица в Цетине, иллюстрация); S. 335–336 (статья о создании монастыря в Цетине в разделе «Остальной славянский мир»).
- ³⁰ *Slovan.* 21.05.1884. S. 169.
- ³¹ *Slovan.* 20.10.1887. S. 320.
- ³² *Slovan.* 01.11.1886. S. 325 (Сербский театр в Белграде, иллюстрация); S. 332 (статья о театре в разделе «Наши иллюстрации»).
- ³³ *Slovan.* 18.09.1884. S. 312.
- ³⁴ *Slovan.* 01.02.1885. S. 36–37 (Вид с моря на Черногорию, иллюстрация); S. 40 (статья о Черногории в разделе «Наши иллюстрации»); S. 41 (Черногорка у родника, иллюстрация).
- ³⁵ *Slovan.* 01.10.1886. S. 301.
- ³⁶ *Slovan.* 28.08.1884. S. 289 (статья «Болгарское княжество» в разделе «Остальной славянский мир»).
- ³⁷ *Slovan.* 11.06.1884. S. 193.

- ³⁸ Ibidem.
- ³⁹ Slovan. 15.04.1885. S. 120 (статья «Церковь в память освобождения болгар под Балканами» в разделе «Наши иллюстрации»); S. 121(Эскиз церкви).
- ⁴⁰ *Vodopivec P.* Bolgari in Bolgarija ... S. 11.
- ⁴¹ Slovan. 15.06.1886. S. 188–189.
- ⁴² Slovan. 05.06.1887. S. 170–171; 20.06.1887. S. 187–188; 05.07.1887. S. 199–202; 20.07.1887. S. 215–216; 05.08.1887. S. 228–229; 05.09.1887. S. 269–270; 20.09.1887. S. 277–279; 05.10.1887. S. 298–299; 05.11.1887. S. 325–326.
- ⁴³ Slovan. 20.11.1884. S. 404–405.
- ⁴⁴ Slovan. 04.12.1884. S. 420.
- ⁴⁵ Slovan. 10.07.1884. S. 226; 17.07.1884. S. 234.
- ⁴⁶ Slovan. 09.10.1884. S. 337.
- ⁴⁷ *Luković P.* Slovenci i srpsko-bugarski rat... Št. 3. S. 217.
- ⁴⁸ *Vodopivec P.* Bolgari in Bolgarija... S. 20.
- ⁴⁹ Slovan. 01.10.1885. S. 291–292.
- ⁵⁰ Slovan. 15.11.1885. S. 349.
- ⁵¹ *Vodopivec P.* Bolgari in Bolgarija... S. 21; *Luković P.* Slovenci i srpsko-bugarski rat... Št. 3. S. 230–233.
- ⁵² Slovan. 01.12.1885. S. 368–370.
- ⁵³ Slovan. 01.01.1886. S. 15.
- ⁵⁴ Slovan. 01.03.1886. S. 80.
- ⁵⁵ Slovan. 15.01.1886. S. 27–28.
- ⁵⁶ Письмо И. Хрибара Д. Майарону. 12.02.1886, Любляна // RZ NUK. Ms. 1492. ILEŠIČ, Fran. Zapuščina. IV. Tuje ostaline. Danilo Majaron: IV. 5. 1. Korespondenca: Hribar I. (11, 1886–87). S. 1–2.
- ⁵⁷ Slovan. 01.03.1886. S. 77–78;
- ⁵⁸ Slovan. 15.03.1886. S. 93–94.
- ⁵⁹ Slovan. 01.05.1886. S. 140.
- ⁶⁰ Slovan. 01.09. 1886. S. 268.
- ⁶¹ Хрибар — Майарону. 06.01.1886, Любляна // RZ NUK. Ms. 1492. ILEŠIČ, Fran. Zapuščina. IV. Tuje ostaline. Danilo Majaron: IV. 5. 1. Korespondenca: Hribar I. (11, 1886–87). S. 2–3.
- ⁶² Письмо И. Хрибара Д. Майарону. 08.01.1886, Любляна // RZ NUK. Ms. 1492. ILEŠIČ, Fran. Zapuščina. IV. Tuje ostaline. Danilo Majaron: IV. 5. 1. Korespondenca: Hribar I. (11, 1886–87).
- ⁶³ Письмо И. Хрибара И. Врховнику. 12.12.1888, Любляна // RZ NUK. Ms. 1207. Vrhovnik Ivan. Zapuščina. Korespondenca VII.

Путевые заметки П.А. Кулаковского о Болгарии*

Платон Андреевич Кулаковский (1848–1913) — личность хорошо знакомая российским славистам. Его биография и творческое наследие не раз становились объектом изучения¹, и в лишние представлениях он не нуждается. Однако для понимания контекста, в котором были созданы обозреваемые в данном исследовании тексты, на основе работ предшественников мы вкратце проследим его жизненный путь.

Кулаковский родился 26 июня (8 июля) 1848 г. в городке Поневеж Ковенской губернии (ныне — Паневежис в Литве) в семье образованного священника, настоятеля местной церкви и законоучителя в городской гимназии. В детстве будущий славист столкнулся с определенными трудностями — когда ему было 12 лет, отец скончался, а местную гимназию закрыли после польского восстания. Юного Платона перевели в Виленскую гимназию, которую он окончил в 1866 г. и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Здесь его преподавателями стали московские славяноведы О.М. Бодянский, Н.А. Попов и А.Л. Дювернуа. Во время учебы он сблизился со славянофилами — И.С. Аксаковым, братьями Ю.Ф. и Н.Ф. Самаринскими. После университета Платон Андреевич работал во владимирской губернской гимназии, а затем — в 4-й московской учителем латинского языка и русской словесности.

В 1876 г. Кулаковский был командирован за границу для изучения славянских языков. Он посетил чешские земли, Люблян, Загреб. В том же году началось его многолетнее сотрудничество с издаваемой М.Н. Катковым консервативной газетой «Московские ведомости», в которой молодой славяновед выполнял роль

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, проект № 20-59-18004.

корреспондента в славянских землях. Его публикации в этой газете чаще всего не имели полной подписи, обычно под ними стояли К., П.К., К-ский, иногда — П.Д., N, Z, P. и т.д. В то же время нередко редактор урезал статьи Платона Андреевича, в первую очередь из соображений политической цензуры.

После того, как Сербия обрела независимость, ее руководство решило ввести изучение русского языка в ряде учебных заведений, однако собственных специалистов необходимого уровня не было. Глава московских славянофилов И.С. Аксаков и петербургский ученый В.И. Ламанский порекомендовали сербскому правительству Кулаковского. Тот согласился, и с ним был подписан контракт на три года. «Постараюсь в эти три года объездить Балканский полуостров и вообще всё славянство», — писал он в 1878 г. своему знакомому. Однако в итоге командировка продлилась четыре. В 1879 г. Кулаковский посетил и Болгарию, но поездка не привела к появлению очерков об этой стране. По крайней мере, нам их найти не удалось. О Сербии же в катковском журнале «Русский вестник» Платон Андреевич опубликовал ряд статей весьма критического характера. Еще менее сдержан он был в своем дневнике и в письмах. Эти исторические источники были частично опубликованы в двух томах антологии «Русские о Сербии и сербах» и изучены А.Л. Шемякиным².

После командировки, с 1884 г., Кулаковский стал преподавать в Варшавском университете, в котором работал до переезда в Петербург в 1902 г. В 1893 г. он отправился в командировку в Загреб, а в следующем году уже защитил докторскую диссертацию «Иллиризм: исследование по истории хорватской литературы периода возрождения». В 1895 г. книга была удостоена премии Российской академии наук имени А.А. Котляревского. В годы работы в Варшаве Платон Андреевич стал редактором газеты «Варшавский дневник» и на ее страницах отстаивал свой взгляд на славянство. «Вся история славянства, — утверждал он, — со времени начала его возрождения свидетельствует, что интересы и пользы России и русского народа — в то же время интересы и пользы всего славянства, и всё, что вредно для России, что умаляет ее силы и оскорбляет ее достоинство, вредно и губительно для славянства». Однако, отметим, в своей научной

деятельности он старался избегать влияния политических воззрений. Как отмечал его знакомый, «в Кулаковском жило два человека; один — объективный ученый, беспристрастно вскрывающий прошлое, другой — практический деятель, боевой публицист с несомненным темпераментом»³. И это хорошо прослеживается в его статьях в прессе.

В 1899 г. Кулаковский совершил второй визит в Болгарию и изложил свои впечатления на страницах катковских «Московских ведомостей» в 11 статьях, вышедших в ноябре–декабре того же года. Хотя между его впечатлениями от Сербии и от Болгарии пролегло порядка 20 лет, сравнения возникают сразу же, причем и у самого автора, нередко прибегающего к этому приему. Поэтому и мы будем нередко обращаться к исторической компаративистике, тем не менее, не забывая двух важных фактов. Сравнить в первую очередь нужно публикации, ведь дневник и письма Кулаковский писал не для разглашения, не скрашивая или не выпячивая там определенных моментов. Во-вторых, Сербию Платон Андреевич сумел подробно изучить. О Болгарии же такого сказать нельзя, что признавал и он сам: «Было бы слишком смело с моей стороны брать на себя обязанность дать подробный отчет о внутреннем положении Болгарии; самая короткость моей поездки, считающейся лишь неделями, не давала мне возможности глубоко заглянуть в сущность положения, как это было нужно»⁴.

Тем не менее, его замечания интересны и подтверждаются другими русскими очевидцами. Благо, после отставки С. Стамболова и взятого Болгарией курса на нормализацию отношений с Россией русские стали активно посещать страну и развёрнуто рассказывать о своих впечатлениях. Через пару лет после Кулаковского там побывал А.В. Амфитеатров, в том же году — А.А. Башмаков.

Первое, что бросилось в глаза Кулаковскому по приезду, — это произошедшие за 20 лет перемены в городском пейзаже. В 1879 г. «всюду были видны явные следы турецкого господства», а София делилась на две части — кварталы новых построек и «грязную, турецкую» половину города. Спустя же два десятилетия столицу было «не узнать»: «Это теперь благоустроенный, совершенно но-

вый город. Лишь кое-где сохранились старые развалины, но эти развалины — исторические, дорогие как свидетели дославянской эры». Признавая недостатки, Платон Андреевич оправдывал их ростом города и прогнозировал, что всё будет исправлено: «Улицы широкие, правда, не мощенные, но отлично шоссированные. Пока освещение города по ночам дурно, но уже окончательно заключен контракт об электрическом освещении Софии. Как в новом городе — много еще пустых мест для будущих построек»⁵. Он, однако, как многие, на контрасте с виденным ранее не замечал всех деталей картины. Лишь отдельные, впервые посещавшие Балканы, русские очевидцы, отмечали, что город остается разделенным на его показную европейскую часть и на не обустроенное наследство прошлого⁶. Ошибся Кулаковский еще в одном — увидев, сколь много места для будущих построек, он, тем не менее, предрек, что театр появится нескоро⁷. Однако вопрос о строительстве театра в Софии стал решаться уже в 1903 г., и через четыре года состоялось торжественное открытие здания Народного театра.

Приятно удивили русского профессора и «громадные успехи», которых, по его словам, достигла в стране грамотность. Он заметил, что народные школы развиваются, некоторые гимназии уже насчитывают по тысяче учеников. Причиной тому он считал то, что «болгарский народ любознателен» и «болгары стремятся к образованию»⁸. Отметим здесь полную правоту Кулаковского. Не только все русские очевидцы указывали на идущий из народа, а не навязываемый правительством запрос на образование, но и сами образование и уровень грамотности являлись для болгар предметом гордости и воспринимались как локомотивы будущего развития страны⁹.

Изменилась и сама страна. «Рост и развитие Болгарии бросаются в глаза и велики, особенно если сравнить впечатления 1879 и 1899 годов. Болгария, несомненно, выросла, народ развился, поднялся, интеллигенции стало больше, и она стала просвещеннее», — писал Платон Андреевич. Объяснение этому он видел в благодатной природе и чертах народа: «Вдобавок болгары — народ рабочий, расчетливый, скопидом до сухости, не экспансивный и не увлекающийся, быть может, во вред себе строю

рационалистический»¹⁰. Эти же черты — трудолюбие, расчетливость и скупость — отмечали у болгар многие русские путешественники. Так же, как и Кулаковский, их, вместе с природой, залогом успеха называл и генерал П.Д. Паренсов¹¹. Но довольно редко выделяли трудолюбие у соседей-сербов. Не называл его и Платон Андреевич, отмечая у сербов следующие черты: «крайнюю бережливость», лукавство и упрямство, склонность к розни (в первую очередь, политической), индифферентность к религии. Относительно последнего он объяснял: «Вера православная прежде всего ценится лишь потому, что она сербская»¹².

Нечто похожее он наблюдал и у болгар. В 1899 г. Платон Андреевич писал, что «господство фанариотов» притупило живость религиозных чувств, и вопрос религии стал рассматриваться лишь как вопрос национальности, но в Болгарии на проявление религиозных чувств «нельзя было без умиления смотреть». По его словам, в Софии после освобождения возобновлялось богослужение в полуразрушенных церквях¹³. Клир, в отличие от сербского¹⁴, также удостаивался похвал, в первую, видимо, очередь, за то, что многие его представители учились в России и служили по русскому чину. Отмечал Кулаковский и народность православных обрядов — на Успение в Рильском монастыре на раку св. Иоанна женщины клали не деньги, а полотенца. «У болгар еще живы многие традиции стародавних времен, и болгарские нигилисты и социалисты, которых в изобилии создало полуобразование, не смогли еще их разрушить», — считал он. «Вообще у болгар, несмотря на постоянно растущую пропаганду безверия и индифферентизма, всюду заметно более религиозности, чем у сербов», — заявлял Платон Андреевич¹⁵.

Заметим, что всё, конечно, познается в сравнении, но считать болгар религиозным народом сложно. Как говорил один из них другому русскому путешественнику: «Не скажу, чтобы наш народ был особенно религиозен... Он — сын земли, по преимуществу, и хочет иметь все блага на земле больше, чем на небе! Наша церковь играла всегда больше роль политическую, роль национального объединителя, чем духовную... Копаться в себе мы, болгары, вообще не любим! Некогда! Дел много...»¹⁶. «Болгары прозаичны, и будущее за пределами земли их мало занимает.

У них на земле дела много. Они религиозны-то больше формально, чем по существу; этого не отрицал в беседе со мною сам митрополит Климент», — свидетельствовал другой русский очевидец¹⁷. При этом, как не единожды было признано в историографии, болгары после того, как церковный вопрос перестал иметь политическое звучание, утратили интерес к церкви, что вдобавок наслоилося на общеевропейский спад религиозности¹⁸. Другой вопрос — соблюдение обрядов, которое Кулаковский мог принять за религиозность. Их сохранность в архаичном виде поразила прибывших в страну первых советских этнографов в 1947 г. Они заключили, что в быту болгарской деревни сохранились «многие архаичные черты славянской культуры, бытовавшие в области восточного славянства в IX–XI вв.»¹⁹.

Почти идентичными у Кулаковского предстают болгары и сербы в политическом ракурсе. Во-первых, в том, что касается монарха. «Власть в лице Милана (короля Милана Обреновича. — *Н. Г.*) решила отказаться от исторических традиций и поступить на службу Австрии», — писал он о Сербии в 1883 г.²⁰. В 1899 г. Платон Андреевич выделил целую статью под цитаты из местных газет, где рассказывалось о преданности болгарского князя Фердинанда Вене²¹. Через статью он вернулся к этой теме, подробно повествуя о том, что князь в угоду австрийцам отдал строительство железной дороги до Бургаса фирме Гирша, номинально французской, но за которой в действительности стоял австро-венгерский капитал²². Здесь аналогии с упорством короля Милана по подписанию договора о строительстве железной дороги с фирмой Э. Бонту столь очевидны, что болгарские события выглядят как дежавю.

Самого Фердинанда Кулаковский называл «наехавшим на княжение европейским принцем», не сумевшим снискать «даже популярности и уважения в народной массе», чем и объяснял его ожесточенную критику в прессе. Однако российский славист признавал, что для складывания династического чувства нужно долгое время, как, впрочем, и следование интересам страны. Тем не менее, несмотря на все действия Фердинанда, народ сохранял свою смиренность, поскольку это являлось также его чертой, ведь «он даже слишком приучен долговременным рабством

к пассивной покорности»²³. Может быть, этим Платон Андреевич и объяснял длительность нахождения у власти уже покойного С. Стамболова. Того, по словам публициста, все ненавидели, и он нашел лишь одного болгарина, защищавшего бывшего полудержавного властелина²⁴, в то время как в городских садах ставили спектакли про убийство бывшего премьера²⁵. В этом Платон Андреевич сходил с А.В. Амфитеатровым. Тот транслировал мнение анонимного (или выдуманного) дипломата о Болгарии: «Она еще не успела отвыкнуть от турецкого наследия, авторитета кулака и палки». И также говорил о ненависти, проявляемой к Стамболову²⁶. Оплевывание свергнутого кумира столь присуще человеческой натуре, что, возможно, действительно в Болгарии конца 1890-х годов проявлялись подобные настроения, особенно при разговоре с русскими.

Определенным сходством в описании Кулаковского обладали не только болгарский и сербский институты монархии, но и институты демократии. Стремление расставить на всех постах своих сторонников, резкий партийный антагонизм и пренебрежение законом («Правительство нарушает законы явно и смело, лишь бы достичь цели») — это выделенные Платоном Андреевичем особенности сербской политики²⁷. Первое в Болгарии им было также отмечено — в селах, где действующее правительство потерпело поражение на выборах, оно назначало новых учителей в школы²⁸. Партийный антагонизм же приобретал иные формы. Газет издавалась «целая туча». Если в городке было два зажиточных сторонника различных партий, то и газет было две, в Софии же их насчитывался десяток. Но они являлись однодневками, «эфмеридами», ведь партийная борьба велась не за симпатии избирателей: «Партии в Болгарии носят чаще всего имена своих вождей, выдвинутых или историческим прошлым, или дарованиями, или просто случайно. Все эти лица или были, или будут министрами-президентами различных кабинетов, когда будет угодно князю призвать их ко власти». А потому и можно было пренебрегать мнением народа, лишь обеспечивая нужный результат. Так, по словам Кулаковского, за манеру проведения выборов членов Либеральной партии В. Радославова в народе именовали «палочниками»²⁹. Однако не одни либералы прибегали к подоб-

ным приемам, ими пользовались все, оказавшиеся у власти. «Под видом свободных форм царствует на выборах полицейская палка», — писал тогда же посетивший Болгарию А.А. Башмаков³⁰. Он с еще большим негодованием рассуждал о разжигании межпартийных страстей, назначении на все должности своих сторонников и заявлял, что «при громадной внутренней некультурности и жестоких, отчасти зверских нравах» демократические свободы выродились в карикатуру³¹. Подтверждают уровень политической культуры вековой давности и современные болгарские историки. Так, академик И. Илчев утверждает, что искренние и нанятые сторонники правящей той или иной партии на митингах осыпали противников камнями, на выборах рвали бюллетени, «нередко использовали деликатное внушение солдатских ружей, на которых блестели примкнутые штыки»³².

Вдобавок, по словам Кулаковского, большую проблему составляло то, что «и министерства, и их члены в Болгарии меняются очень скоро»³³, или, как выразился другой русский очевидец, «точно в волшебном фонаре»³⁴. Скорость и непредсказуемость этого процесса (или краткосрочный горизонт планирования, как выразились бы сейчас), по мнению Кулаковского, привели к тому, что каждое правительство старается выжать из народа последние соки и украсть как можно больше. Находившееся у власти на момент визита правительство Д. Грекова публицист назвал «министерством наживы и гешефта». Он проиллюстрировал это выделением дополнительных средств недобросовестному подрядчику, строившему дорогу София — Плевен и теперь требовавшему новых денег на ремонт обрушившегося туннеля³⁵. При этом, по словам Кулаковского, коррупция и воровство ни для кого не представляли секрета, «хищение и личная нажива, особенно ярко отличившие период стамбуловщины, стали, так сказать, в порядке вещей»³⁶. «Ведь слово “министр” давно уже сделалось в злополучном княжестве почти что синонимом “казнокрада”», — подтверждал А.В. Амфитеатров³⁷. Он же указывал и на «распущенность в печати», политиканство и назначение своих сторонников на все должности вплоть до сельских учителей³⁸.

И здесь Платону Андреевичу сложно возразить по сути, можно лишь спорить об истоках этой специфики политической системы.

Некоторые современные историки считают, что Стамболов действительно задал паттерн всей политической системы³⁹. Но подчеркнем, что и семя сорняка не прорастет на неплодородной почве. Факт остается фактом. «Сложившаяся обстановка порождала чисто утилитарное отношение к власти — главным считалось приблизиться к ней, получить (и получать!) от этого привилегии. Мало кто реально заботился о нуждах государства», — писала об этом периоде отечественный историк Р.П. Гришина⁴⁰.

Как видим, несмотря на наличие общих черт, политическая борьба в Болгарии и Сербии в освещении Кулаковского отличалась принципиально — целью завоевания власти. В Болгарии ею являлось обогащение, в Сербии политиками двигало представление об исключительно единственном верном пути развития страны. Естественно, это очень сильное упрощение картины, в действительности оба мотива в балканских странах в разное время сочетались в разных пропорциях. Но подобному впечатлению Кулаковского есть объяснение — он видел реальные действия сторон: в Болгарии в отличие от Сербии никто не уничтожал своих политических соперников, понимая правила игры. Причина тому — разное влияние демократических и монархических институтов на принятие решений, но это повод для отдельного исследования.

Однако был вопрос, который действительно волновал всех болгар и объединял все партии, вопрос «самый важный и самый опасный» — македонский. Ему Платон Андреевич уделил две заключительные статьи в своем цикле. В первой он рассказал об истории проблемы. В его изложении, до конца 1860-х годов Македония «оставалась бесспорно болгарской по населению», лишь с появлением болгарского экзархата «начались и заботы сербов о сербизме в Македонии». После же русско-турецкой войны 1877–1878 гг. этот процесс приобрел больший масштаб: «Сербские историки и патриоты стали толковать об “исторических правах” Сербии на Македонию; этнографы и народники доказывали и доказывают исконный сербизм ее населения, филологи всячески стараются правдами и неправдами убедить, что по языку македонцы — чистые сербы, и политики, не стесняясь, заявляют, что для спасения и сохранения Сербского королевства

ему нужен выход в Эгейское море, нужна Солунь»⁴¹. Названный процесс Кулаковский наблюдал воочию еще в свою бытность в Белграде, и тогда это так же вызывало его возмущение⁴², поскольку как в начале 80-х, так и в конце 90-х годов XIX в. он был убежден, что македонцев следует считать частью болгарского народа⁴³. По словам автора, болгары сочувствовали македонцам и их борьбе, но не более. Македонцы же вели освободительную войну, не считаясь с потерями. «Лучше пусть погибнут сразу тысячи, чем как теперь ежегодно гибнут сотни бесполезно для общего дела», — передавал их слова Кулаковский⁴⁴.

Тем временем в самом регионе разворачивалась пропаганда, в том числе и католическая — помимо церквей возникали школы с пансионом. Платон Андреевич сокрушался, что в этом не участвует Россия, но объяснял это тем, что ее представители ищут лишь наживы, которой, естественно, в таком деле не было. Однако не греков, австрийцев или турок опасались болгары — их беспокоила сербская пропаганда, осуществлявшаяся по церковной линии. В качестве примера успеха такого воздействия Кулаковский привел церковную ситуацию в Куманове, где жители города разделились на два лагеря. Автор выражал сожаление к участи региона и его жителей — албанцы чинят разбой, турки выжимают последние соки, австрийцы готовятся оккупировать, болгары и сербы враждуют, и при благодатных природных условиях народ нищ. «Право, несчастная страна Македония!» — восклицал Кулаковский⁴⁵.

В македонском вопросе Платон Андреевич, пожалуй, был точен. Регион раздирала церковная борьба, а большинство очевидцев считали местное население болгарским⁴⁶. К самому этому вопросу обращались в тот момент и видевшие воочию регион А.А. Башмаков, Н.Р. Овсянный, П.Н. Милюков, чьи статьи на данную тему вышли в то же время. Названные авторы также признавали местное население болгарским⁴⁷. Однако в этот период сербская пропаганда уже не считала всех жителей Македонии сербами. Вышедшая в том же году в русском переводе книга сербского публициста С. Гопчевича⁴⁸ отражала устаревшую точку зрения (ту, с которой Кулаковский столкнулся на рубеже 1870–1880-х годов), а в конце XIX в., благодаря усилиям дипло-

мата и ученого С. Новаковича, ставка была сделана на выходцев из региона, настаивавших на этнической самобытности Македонии. Впрочем, от этой стратегии вскоре отказались⁴⁹.

Кулаковский передавал слова болгар, что для решения этого вопроса хватит «авторитетного голоса старшего»⁵⁰. Сам он, безусловно, видел в болгарях более верных союзников, нежели в сербах. В первую очередь он отмечал это в культурном влиянии России. «В болгарской интеллигенции вообще незаметно того страха перед влиянием русской культуры, науки и литературы, который особенно оттенялся в последние десятилетия у сербов», — писал он. Объяснял это Платон Андреевич тем, что последние считали свою культуру достаточно великой и самодостаточной. Причины же влияния русской культуры в Болгарии он видел в том, что «началом новой своей литературы болгары обязаны русскому церковно-славянскому языку и русской школе». А потому в кофейнях и гостиницах выписывали русские газеты, в библиотеках читали русские журналы, и в самых малых городах Кулаковский видел «Ниву». В итоге, как он утверждал, «ныне в Болгарии можно всюду обойтись без умения говорить по-болгарски — с одним русским языком»⁵¹. Считал более верными союзниками болгар он и в силу симпатий народа. Ему в деревнях говорили, что для страны лучше и проще было бы стать русской провинцией. Однако Кулаковский отнюдь не жаждал этого. Он подозревал, что придется воплощать чужие национальные идеалы, «да еще слышать недовольство». «Довольно и того благодеяния, что Россия освободила Болгарию: к чему взваливать на Россию еще новые трудные задачи»⁵²...

Статьи Платона Андреевича вышли в предпоследнем году календарного XIX века. Уходило столетие, но не уходили балканские, и болгарские в частности, проблемы, столь верно подмеченные Кулаковским. Уже через несколько лет в Болгарии разразится скандал из-за злоупотреблений при закупке вооружений, и военный министр, хоть и уйдет в отставку, но позднее станет помощником главнокомандующего, а десятилетия спустя русским эмигрантам крестьяне будут рассказывать, сколько и на чем украли сельские кметы⁵³. Это говорит о сохранении нравов политического истеблишмента. Через полтора десятка лет после

визита Кулаковского будет сделана попытка решить македонский вопрос, но для болгар он не решен и сегодня.

Кулаковский любил славянство. Ругая сербов, он жалел их, хваля болгар, переживал по поводу доставшихся им правителей, но оставался в первую очередь русским националистом. В том смысле, в котором в студенческие годы Кулаковского прозвучала со страниц газет чеканная формула: «Русские интересы приносить в жертву славянским? — вопрошал автор статьи в газете «Вести», полемизируя с панславистами. — Нет, и тысячу раз нет! Россия — для русских!»⁵⁴. Аналогичным образом Платон Андреевич ставил во главу угла интересы России, донося до читателей неприкрытую правду о балканских народах.

Примечания

- ¹ Робинсон М.А. Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX — начала XX в. (В.И. Ламанский, П.А. Кулаковский, К.Я. Грот) // *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 1986; *Данченко С.И.* Русско-сербские общественные связи. 70–80-е годы XIX в. М., 1989; *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005; Москва — Сербия, Белград — Русија : документи и материјали. Т. 3: Друштвено-политичке и културне везе 1878–1917. (Москва — Сербия, Белград — Россия: сборник документов и материалов. Т. 3: Общественно-политические и культурные связи 1878–1917 гг.) / приређивачи, составители А.Л. Шемякин ... [и др.]. Белград, 2012; *Котов А.Э.* «Акрит» русской публицистики: П.А. Кулаковский между Катковым и Аксаковым // *Славистика*. Вып. XVII (2013); *Шемякин А.Л.* Московский профессор о независимой Сербии. Платон Андреевич Кулаковский в Белграде (1878–1882) // *Родина*. 2013. № 12; *Гусев Н.С.* Объективный ученый-славист, боевой публицист-консерватор проф. П.А. Кулаковский // *Материалы для виртуального Музея Славянских Культур*. Выпуск 1. Сб. науч. статей / сост., отв. ред. И.И. Калиганов. М., 2020.
- ² Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост. А.Л. Шемякин. СПб., 2006; Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства) / сост. А.Л. Шемякин. М., 2014; *Шемякин А.Л.* Московский профессор...
- ³ *Данченко С.И.* К вопросу о публицистической деятельности П. А. Кулаковского // *Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А. А. Улунына*: Сб. статей / отв. редактор С.И. Данченко. М., 2014. С. 176.
- ⁴ *Московские ведомости*. 1899. № 336.
- ⁵ Там же. № 320.
- ⁶ *Гусев Н.С.* Русские очевидцы рубежа XIX–XX вв. о европеизации и развитии Софии // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2019. № 3–4. С. 27–33.
- ⁷ *Московские ведомости*. 1899. № 320.
- ⁸ Там же.

- ⁹ Об этом см.: *Гусев Н.С.* Ретроспективная динамика ценностей и методика ее изучения (на примере «образования» в Болгарии в конце XIX — первой половине XX вв.) // *Взгляд на славянскую аксиологию* / отв. ред. И.А. Седакова. М., 2019.
- ¹⁰ *Московские ведомости.* 1899. № 336.
- ¹¹ *Паренсов П.Д.* Из прошлого. Воспоминания офицера генерального штаба. Часть 4-я. В Болгарии. Часть 5-я. Через 30-ть лет. СПб., 1908. С. 449.
- ¹² *Кулаковский П.А.* Сербия в последние годы // *Русские о Сербии и сербах.* Т. 1... С. 274–275.
- ¹³ *Московские ведомости.* 1899. № 308.
- ¹⁴ *Кулаковский П.А.* Дневник // *Русские о Сербии и сербах.* Т. II... С. 90–91.
- ¹⁵ *Московские ведомости.* 1899. № 308.
- ¹⁶ *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 78–79.
- ¹⁷ *Амфитеатров А.В.* Недавние люди. СПб., 1901. С. 134.
- ¹⁸ *Гришина Р.П.* Болгария в 1878–1920 гг. // *Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг.* / отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2016. С. 47.
- ¹⁹ *Кудрявцев А.А., Гусев Н.С.* Балканская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1946 г. и ее влияние на развитие советско-болгарских связей в области археологии // *Славянский альманах.* 2020. № 3-4. С. 505.
- ²⁰ *Кулаковский П.А.* Сербия в последние годы... С. 270.
- ²¹ *Московские ведомости.* 1899. № 329.
- ²² Там же. № 338.
- ²³ Там же. № 325.
- ²⁴ Там же. № 311.
- ²⁵ Там же. № 320.
- ²⁶ *Амфитеатров А.В.* Недавние люди... С. 34, 101.
- ²⁷ *Шемякин А.Л.* Московский профессор... С. 50–51.
- ²⁸ *Московские ведомости.* 1899. № 338.
- ²⁹ Там же. № 327.
- ³⁰ *Башмаков А.А.* Болгария и Македония. СПб., 1903. С. 310.
- ³¹ Там же. С. 76.
- ³² *Илчев И.* Междено време. София, 2005. С. 279.
- ³³ *Московские ведомости.* 1899. № 336.
- ³⁴ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 82–83.
- ³⁵ *Московские ведомости.* 1899. № 336.
- ³⁶ Там же. № 320.
- ³⁷ *Амфитеатров А.В.* Балканские впечатления. Страна раздора. СПб., 1903. С. 217.
- ³⁸ Он же. Недавние люди... С. 133–147.
- ³⁹ См., напр.: *Миколенко Д.В.* Страсті за Стамболовим: болгарське державотворення у 1895–1920 роках. Харків, 2017.
- ⁴⁰ *Гришина Р.П.* Болгария в 1878–1920 гг... С. 33.
- ⁴¹ *Московские ведомости.* 1899. № 343.

- ⁴² *Шемякин А.Л.* Московский профессор... С. 50.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Московские ведомости. 1899. № 343.
- ⁴⁵ Там же. № 345.
- ⁴⁶ См., напр.: *Гусев Н.С.* Борьба христианских религиозных институтов в Македонии глазами русских очевидцев (конец XIX — начало XX в.) // Религиозни институции и национална идентичност на Балканите. София, 2021 (в печати).
- ⁴⁷ *Бурбига В.А.* Македонське питання в російському слов'язознавстві та публіцистиці (1893–1912 рр.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харків, 1997. С. 14.
- ⁴⁸ *Гопчевич С.* Старая Сербия и Македония. СПб., 1899.
- ⁴⁹ *Лабаури Д.О.* Идеология македонизма в 1886–1903 годах // Славяноведение. 2005. № 3. С. 26–28.
- ⁵⁰ Московские ведомости. 1899. № 345.
- ⁵¹ Там же. № 316. Отметим, что и эти слова П.А. Кулаковского в полной мере подтверждаются статьями А.В. Амфитеатрова (*Амфитеатров А.В.* Недавние люди... С. 101–106).
- ⁵² Московские ведомости. 1899. № 325.
- ⁵³ *Гусев Н.С.* Митрофан Иванович Ретивов: русский врач-эмигрант о жизни болгарского села в 1920-е гг. // Славянский альманах. 2021. № 1–2 (в печати).
- ⁵⁴ *Иванов А.А.* Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб., 2016. С. 26.

МИД России и греко-сербский договор в годы Первой мировой войны. (Обзор сборников дипломатических документов)

Одним из интереснейших источников об отношении МИД России к мировой войне начала XX в., в том числе к балканским государствам, стали сборники дипломатических документов, объединенные названием «Оранжевая книга»¹. Весной 1914 г. в Санкт-Петербурге вышел в свет «Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове. Август 1912 — июль 1913 гг.», изданный министерством иностранных дел. В нем была дана четкая позиция России в отношении балканских государств, которая во многом предопределила позицию МИД в годы Первой мировой войны. Другим ценнейшим источником для нашего исследования является недавно изданный МИД РФ объемный сборник архивных документов, посвященных деятельности министерства иностранных дел в годы Первой мировой войны², где также значительное место уделено Балканскому региону, в том числе помощи в войне союзнице Антанты — Сербии. Выступая с речью в Государственной думе 10 мая 1914 г. министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов сказал: «Мне трудно что-нибудь прибавить к документальным данным “Оранжевой книги”, поставившей целью осветить отношение России к Балканскому кризису. С другой стороны, я полагаю, нам надо с осторожностью подходить к еще не залеченным ранам и не улегшимся страстям. Задача России — задача умиротворения. Её заветы — беспристрастное благожелательство ко всем одинаково балканским государствам, посильная поддержка каждого из них, при условии, конечно, взаимной искренности, взаимного доверия». Сазонов пояснял, что события минувших войн расширили пределы каждого из балканских государств, но стоили многих жертв, много пролитой крови.

Теперь для каждого из них наступило время сосредоточенной мирной работы во вновь приобретенных областях. «Мы хотим верить, — заключал министр, — что, осуществляя эту благодарную задачу, балканские правительства придут к сознанию, что в целях укрепления государственности недостаточно приобрести земли, нужно стяжать привязанность и доверие новых граждан. Только при этом условии может быть достигнуто как внутреннее умиротворение, так и взаимное сближение всех этих государств. Сближение же необходимо в интересах каждого из них, для их мирного преуспевания и ограждения независимости на основе всем понятного и близкого им лозунга “Балканы для балканцев”». При этом министр сказал, что «разрешение Балканского кризиса благоприятно отразилось на наших отношениях с Турцией»³.

Дневник МИД России, включенный в сборник дипломатических документов, является бесценным источником для понимания дипломатической «кухни», раскрывает смысл многих действий МИД накануне и в годы войны. Так, в Дневнике записано, что Россия еще 3 июля 1914 г. заявляла, что «не потерпит посягательства со стороны Австрии на целостность и независимость Сербии»⁴. В тот же день в Дневнике появилась запись о важном разговоре, произошедшем на вечере у хозяйки великосветского салона в Петербурге графини Марии Эдуардовны Клейн-михель. Итальянский посол в России (в 1913–1918 гг.) маркиз Андреа Карлотти спросил российского дипломата барона Эрнеста Оттовича Шиллинга (генерального консула в Бреславле в 1912–1914 гг.; затем, в сентябре 1914 г., он был прикомандирован к миссии в Копенгагене. — О. С.), как отнесётся Россия к выступлению Австро-Венгрии, если бы последняя решилась предпринять что-нибудь против Сербии. Барон Шиллинг, не колеблясь, ответил, что Россия не потерпит посягательства со стороны Габсбургской монархии на целостность и независимость Сербии. На это А. Карлотти заметил, что если действительно таково твердое решение России, было бы полезно об этом недвусмысленно заявить в Вене, так как, по его впечатлению, Австро-Венгрия способна сделать в отношении Сербии непоправимый шаг в расчете на то, что Россия, хотя и будет возражать на словах, всё же не решится силой ограждать Сербию от пося-

гательств Австро-Венгрии. «Между тем, если бы в Вене отдали себе отчет в неизбежности столкновения с Россией, там, по всем вероятностям, призадумались бы над последствиями слишком решительной противосербской политики». Барон Шиллинг в ответ сказал послу, что может самым решительным образом подтвердить ему только что им сказанное о твердом намерении России не допустить ослабления или унижения Сербии, а потому, если настроение в Вене действительно таково, каким посол его только что описал, то барону Шиллингу кажется, что «было бы долгом прежде всего союзниц Австро-Венгрии предупредить её об опасности, к которой ведет её политика ввиду несомненной решимости России встать на защиту Сербии»⁵. В тот же день С.Д. Сазонов принял графа Фридриха Сапари, посла Австро-Венгрии в России, который в самых миролюбивых выражениях говорил о полном отсутствии у Австрии каких-либо намерений обострить свои отношения с Сербией. «Его заверения были до такой степени положительными, — записано в Дневнике, — что вполне успокоили министра»⁶. Тем не менее шла активнейшая дипломатическая подготовка к блокированию действий Австро-Венгрии, а также имели место превентивные действия на случай начала полномасштабной войны. 24 июля 1914 г. именно Ф. Сапари уведомил российское правительство об объявлении войны, которая стала Первой мировой.

По единодушному мнению руководителей России и её союзниц, особую роль в помощи Сербии должна была сыграть Греция, находившаяся с сербами в союзнических отношениях. Это соответствовало военной конвенции, подписанной в Салониках 19 мая (1 июня) 1912 г. накануне Второй Балканской войны 1913 г., одновременно с греко-сербским договором, заключенным после завершения Первой Балканской войны, который подписали греческий посланник в Белграде И. Александропулос и сербский в Афинах М. Бошкович. Договаривающиеся стороны обязались добиваться установления общей греко-сербской границы в освобожденной от турецкого господства Македонии путем раздела ее территории к западу от реки Вардар между Сербией и Грецией, войска которых заняли эти районы в ходе войны (ст. 3). Для нас важнее всего секретное приложение к греко-сербскому союзному

договору — военная конвенция, которая устанавливала принципы совместного ведения войны против Болгарии в случае нападения со стороны последней. Заключение греко-сербского союзного договора означало отказ Сербии от условий болгаро-сербского договора 1912 г. о разделе Македонии и являлось дипломатической подготовкой Второй Балканской войны⁷. На начало и в ходе Первой мировой войны условия изменению не подвергались. Однако державам Согласия пришлось потрудиться, чтобы этот договор в конце концов был греками исполнен.

Вторая «Оранжевая книга» вышла уже после начала Первой мировой войны. В нее вошли документы, непосредственно ей предшествовавшие: 79 телеграмм и нот, направленных друг другу будущими участниками войны (правительствами Австро-Венгрии, Сербии, России, Англии, Германии, Италии, Франции), а также два манифеста императора Николая II, его речь в Зимнем дворце 26 июля 1914 г. и речи председателя Государственной думы и председателя Совета министров на историческом заседании Госдумы 26 июля 1914 г. В стенографическом отчете этого заседания приводится, в том числе, речь министра иностранных дел С.Д. Сазонова, который говорил: «Господа, члены Государственной думы! В трудные минуты ответственных решений правительство почерпнуло силы в сознании полного единомыслия своего с народной совестью [...] В осознании необъятных задач, связанных с её внутренним развитием и преуспеванием, Россия не со вчерашнего дня дала многочисленные доказательства своего искреннего миролюбия; только благодаря этому миролюбию в Европе был предотвращен пожар, готовый разгореться, когда в 1912–1913 гг. возникла борьба на Балканах. Не в ней, не в русской политике заключалась угроза европейскому миру. Свое достоинство великая Россия никогда не полагала в тщеславном бряцании оружием, в поспешии чужого самолюбия, в пренебрежении к правам слабых. Спокойная, мирная мощь России не давала покоя её врагам»⁸. «Нужно ли напоминать вам о всех попытках Австро-Венгрии подорвать историческое положение России на Балканах? — продолжал министр. — Пришел час, когда я могу здесь, не обинуясь, сказать, что её старанием удалось посеять братоубийственную рознь между Болгарией и её союз-

никами. Но подвергшееся тяжелым испытаниям дело единения православных народов Балканского полуострова, бог даст, не погибнет. [...] Раздираемая внутренними неурядицами Австро-Венгрия решила выйти из них каким-нибудь смелым шагом, который создал бы впечатление её силы, нанеся в то же время России унижение. Для этой цели была выбрана Сербия, с которой нас связывают узы истории, происхождения и веры. Вам известны условия, при которых Сербии был предъявлен ультиматум. Согласившись на него, Сербия стала бы вассалом Австрии. Было явно, что для нас не вступить в дело — значило бы не только отказаться от вековой роли России, как защитницы балканских народов, но и признать, что воля Австрии и стоящей за её спиной Германии для Европы есть закон. На это не могли согласиться ни мы, ни Франция и Англия. Россия не отвергла ни одной попытки, которая могла бы привести к мирному разрешению конфликта. В этом направлении были честно до конца исчерпаны все усилия наши и наших союзников. Вы убедитесь в этом из документов, которые будут обнародованы, которые излагают последовательный ход переговоров. Мы твердо стояли на одном условии: готовые принять всякий компромисс, способный без умаления её достоинства быть принятым Австрией, мы исключали всё, что могло задеть самостоятельность и независимость Сербии»⁹.

В связи с выступлением Австро-Венгрии против Сербии германский император Вильгельм II в телеграммах Николаю II 25–28 июля 1914 г. заверял, что оказывает всё свое влияние на австрийцев для достижения «удовлетворительного соглашения» с Россией¹⁰. Но всё говорило о неизбежности войны.

Позиция российского общества, причем не только верхних эшелонов власти, но и всех её слоев, в самом начале Первой мировой войны в отношении Сербии была абсолютно единодушной. В Дневнике МИД 16 июля 1914 г. записано: «...Днем появились сначала небольшие, а потом несколько большие толпы людей, несших царские портреты и национальные флаги с пением гимна и «Спаси, Господи, люди твоя!». Манифестанты остановились перед Зимним дворцом, а также перед зданиями Военного министерства и Министерства иностранных дел»¹¹. Народ был настолько политизирован, что его интересовали все нюансы

международной политики, в том числе возмущало нежелание Греции немедленно вступить в войну для оказания помощи её союзнице Сербии. Иллюстрацией к этому может служить патриотическое стихотворение 19-летнего Сергея Есенина, совершенно не характерное для него, которое немедленно было опубликовано в шестом номере еженедельного иллюстрированного журнала «Огниво» за 1914 год, издававшегося в Петрограде. Стихотворение так и называлось — «Греция».

*Могучий Ахиллес громил твердыни Трои.
Блистательный Патрокл сраженный умирал,
А Гектор меч о траву вытирал
И сыпал на врага цветущие левкои.
Над прахом горестно слетались с плачем сои,
И лунный серп сеть туник прорывал.
Усталый Ахиллес на землю припадал,
Он нес убитого в родимые покои.
Ах, Греция! мечта души моей!
Ты сказка нежная, но я к тебе нежней,
Нежней, чем к Гектору, герою, Андромаха.
Возьми свой меч. Будь Сербии сестрою.
Напомни миру сгинувшую Трою,
И для вандалов пусть чернеют меч и плаха¹².*

Однако королевская Греция с первых дней войны объявила о своем доброжелательном к державам Антанты нейтралитете, несмотря на то, что часть политиков во главе с премьер-министром Элефтериосом Венизелосом ратовали за немедленное вступление в войну на помощь Сербии. Но, правда, помощь Греции могла быть оказана лишь при определенных гарантиях неприкосновенности вновь приобретенных греческих территорий, завоеванных в двух Балканских войнах¹³.

Уже к 7 ноября 1914 г. из-за недостатка боеприпасов и угрозы её охвата неприятелем сербская армия отошла в глубь страны, оставив Белград, а сербское правительство в начале войны переехало в г. Ниш. Требовалась немедленная помощь её союзниц по Антанте.

МИД России сосредоточил свои усилия на переговорах о территориальных уступках балканских стран друг другу, как основы

вступления в войну на стороне держав Антанты. 10 ноября 1914 г. в Дневнике МИД подчеркивалось, что Сербии будет легче сделать уступки в пользу Болгарии, если таковые последуют не только со стороны одной Сербии. При этом румынскому посланнику в России К. Диаманди было указано на желательность сплочения блока Румынии, Сербии и Греции с тем, чтобы привлечь к нему, если окажется возможным, также и Болгарию. В случае отказа последней тройной блок Румынии, Сербии и Греции мог бы оказывать желательное давление на неё¹⁴.

Даже Италия, соблюдавшая выжидательный нейтралитет, была обеспокоена ситуацией, грозившей ей самой потерей территорий. Поэтому 25 ноября 1914 г., как записано в Дневнике МИД, итальянский посол в России А. Карлотти посетил С.Д. Сазонова для обсуждения главного вопроса, стоявшего на повестке дня, — о военной помощи Сербии со стороны Греции. Итальянский посол предлагал обсудить с Сазоновым предоставление Греции неких гарантий со стороны Болгарии, еще не ставшей союзницей Германии¹⁵. 26 апреля 1915 г. в Лондоне было подписано Соглашение между Россией, Францией, Великобританией и Италией об условиях вступления последней в войну. Италия соглашалась, среди прочего, оставить на восток от Албании территорию, достаточную для обеспечения существования общей границы Сербии и Греции к западу от Охридского озера¹⁶.

Удачные действия сербских сил, получивших от держав Антанты помощь артиллерией и боеприпасами (в том числе от Греции), против австро-венгерской армии в августе–декабре 1914 г. привели к практически полному изгнанию последней с территории Сербии и последовавшему после этого затишью на Балканском фронте до октября 1915 г.

Выступая 27 января 1915 г. в Государственной думе С.Д. Сазонов говорил, что «тесно сплоченная Россия не осталась одинокой, и с ней вместе выступили единомышленные с нами Франция и Англия...»¹⁷ «Обнажив свой меч на защиту Сербии, — продолжал министр, — Россия была верна своим заветным чувствам по отношению к братским народам. Только настоящая война дала нам истинное представление о величии сербского духа и сковала русский народ с сербским тесными узами». В продолжительной

речи С.Д. Сазонова, естественно, уделялось место и Греции, отношение к которой у России «всегда носило самый сердечный характер». Говорилось, что Россия будет всячески поддерживать стремление эллинского народа положить конец страданиям своих союзников-сербов¹⁸.

В Дневнике МИД есть записи о том, что еще 16 (29) мая 1915 г. державы Согласия воздействовали на Грецию (как и на другие балканские народы), чтобы она уступила Кавалу Болгарии, получив взамен вне-балканские компенсации, в частности Смирну с прилегающими к ней районами. На такие территориальные приобретения в Малой Азии греческий премьер Венизелос был согласен, но греческий король Константин I называл передачу Кавалы болгарам «чудовищной несправедливостью». Сознвая непрочность своего положения, Венизелос был вынужден сделать уступку сторонникам короля, т.е. роялистам, стремившимся к самому узкому толкованию греко-сербского союзного договора. Летом 1915 г. внутривосточная борьба за выбор Греции, на чью сторону встать, только обострилась. Неудачи Антанты на фронтах укрепляли веру греческого двора и прогерманского генштаба в неизбежность победы Центральных держав. В беседах с посланниками Антанты король Константин открыто высказывал германофильские убеждения и желание сохранять нейтралитет. Тем более, что из разговоров с германским императором он вынес впечатление, что Болгария несомненно выступит заодно с Турцией и Германией. И не ошибся, ведь Болгария считала себя несправедливо обделенной в годы Второй Балканской войны. Уже 3 сентября в официальной прессе Греции появились разъяснения, что греко-сербский договор имеет своей целью сохранение статус-кво только на Балканах, т.е. отказ своей союзнице в помощи в ее борьбе против Австро-Венгрии и Германии, так как оба эти государства не являлись балканскими. Король соглашался выполнить союзные обязательства по отношению к Сербии при наличии румынской помощи Греции, что было мало исполнимо.

Однако державы Согласия все ещё надеялись на привлечение болгарских сил на свою сторону и 16(29) мая 1915 г. предложили Болгарии ряд территориальных компенсаций в случае её немедленного вступления в войну против Турции. Державы были

согласны: 1) уступить Болгарии Восточную Фракию, 2) обеспечить её владение Македонией в границах 1912 г. при условии получения Сербией соответствующих компенсаций в Боснии и Герцеговине и на Адриатическом побережье, а также при условии, что Болгария не вступит в указанную местность до заключения мира¹⁹.

В начале осени 1915 г. армии Центрального блока перешли в наступление на Балканском фронте, где их позиции значительно усилились в результате заключения 3 сентября 1915 г. болгаро-турецкого соглашения и подписания 6 сентября военной конвенции и союзного договора между Болгарией, Германией и Австро-Венгрией. Болгария, заключившая тайные соглашения, по которым ей были обещаны значительные территориальные приобретения за счет Сербии и Греции, приступила к мобилизации армии. Днем 8 сентября 1915 г. в МИД России были получены из Софии несколько телеграмм о болгарской мобилизации. По указанию министра было немедленно решено: 1) сообщить союзникам, что, по мнению МИД России и лично С.Д. Сазонова, в случае нападения болгар на сербов, желательно блокировать эгейские порты, чтобы помешать подвозу Болгарии военных припасов, а также, что казалось бы необходимым, провести различие между болгарским народом и царем Фердинандом, возлагая всецело на последнего ответственность за создавшееся положение; 2) посоветовать Сербии не подавать болгарам повода сослаться на вызов со стороны сербов в оправдание своих наступательных действий и даже, по возможности, воздержаться от сопротивления в случае вступления болгар в Македонию; и 3) обратиться в Бухарест и Афины с призывом к оказанию помощи Сербии²⁰. Все решения были немедленно доведены до глав балканских государств российскими посланниками.

12 сентября 1915 г. в 5 часов вечера болгарский посланник посетил министра иностранных дел России и сделал ему, по предписанию своего правительства, заявление о переходе Болгарии к вооруженному нейтралитету. Тем временем в МИД приехал сербский посланник в России (в 1914–1917 гг.) Мирослав Спалайкович. Будучи принят товарищем министра А.А. Нератовым, он доказывал, что, выступив сейчас против болгар, Сербия без

труда могла бы занять Софию. Если же Болгария успеет сосредоточить войска против Сербии, то последняя будет разгромлена прежде, чем поспеет помощь союзников. Спалайкович добавил, что не понимает, зачем Никола Пашич (председатель Совета министров и министр иностранных дел в 1913–1918 гг. — О. С.) запрашивает державы о том, следует ли Сербии взять на себя почин военных действий. Понятно, что державы на подобный вопрос могут ответить лишь отрицательно. Поэтому Спалайкович намерен посоветовать Пашичу поставить державы перед свершившимся фактом. Узнав об этом уже в 6.30 вечера, С.Д. Сазонов немедленно вызвал сербского посланника и самым решительным образом указал ему, что если Сербия первая нападет на Болгарию, то она лишится сочувствия всех своих союзников и не сможет рассчитывать на их содействие против неизбежного натиска австро-немцев²¹.

Премьер-министр Греции Венизелос, узнав о болгарской мобилизации, потребовал от короля Константина также провести мобилизацию, угрожая в противном случае уйти в отставку. Король отвечал ему: «Вы знаете, что я не хочу помогать сербам, так как убежден в победе Германии и не намерен подвергать свою страну разорению». Однако вскоре он подписал декрет о мобилизации греческой армии, взяв курс на вооруженный нейтралитет²².

23 сентября 1915 г. около 8 часов утра Петроградское телеграфное агентство получило известие из Афин об отставке Венизелоса. В 9 часов утра в МИД была получена телеграмма о том же от российского посланника в Афинах (1912–1917 гг.) Э.П. Демидова. Впечатление, произведенное этим известием в Петрограде, как было записано в Дневнике МИД, было «весьма сильное и неблагоприятное»²³. Следует сказать, что между державами Антанты, стремившимися привлечь Грецию на свою сторону, существовали серьезные разногласия. Так, французское правительство, отстаивавшее план активных наступательных операций на Балканах, считало необходимым поддержать существующее в Греции проантантовское движение венизелистов, противопоставив его сторонникам короля и прогерманскому правительству С. Скулудиса. По словам Э.П. Демидова, оно не останавливалось даже перед возможностью свержения греческого монар-

ха, а за содействие Греции наступательному плану на Балканах готово было передать ей болгарскую Фракию. В августе 1915 г. дипломатия Антанты приложила немало усилий, чтобы вернуть к власти Э. Венизелоса, по-прежнему выражавшего готовность сделать территориальные уступки Болгарии с целью ее привлечения к Антанте, а также подтверждавшего союзнические обязательства Греции в случае нападения Болгарии на Сербию.

Как мы знаем, Россия строила свои отношения с Грецией в годы войны на основе сохранения в силе греко-сербского договора. «Путь наш в Афины, — писал Э.П. Демидов, — лежит через Белград. При тесном сплочении Сербии и Греции мы сможем с помощью первой воздействовать на последнюю и, пользуясь этим звеном, отвлечь внимание Греции от утопических ее замыслов на Востоке»²⁴. 25 сентября 1915 г., как записано в Дневнике МИД, С.Д. Сазонов посетил поверенный в делах Греции в России (в 1915–1916 гг.) Димитриос Какламанос, чтобы объяснить по поводу объявленного греческим правительством вооруженного нейтралитета. Сазонов указал Какламаносу, что термин «вооруженный нейтралитет» заимствован греческим правительством от болгар. Однако путь, избранный болгарским правительством, оказался несчастным для Болгарии. Как бы решение придерживаться вооруженного нейтралитета, принятое греческим правительством, не имело тех же неблагоприятных результатов и для Греции, предупредил министр. Сведения, полученные из Афин, производят впечатление, что Греция собирается отказаться от союзнических обязательств по отношению к Сербии. «Трудно поверить, — говорил министр, — чтобы греки придавали значение обещанию немцев гарантировать Кавалу от имени болгар». Сазонов утверждал, что болгары откажутся от этого обязательства, как только им удастся раздавить Сербию. Поэтому Греции необходимо выступить, пока еще не поздно, против Болгарии. Министр сказал посланнику, что он придает большое значение мужеству сербской армии и что в настоящее время обсуждается вопрос о посылке русских войск на помощь сербам. В заключение С.Д. Сазонов не скрыл от посланника того отрицательного впечатления, которое произвело как в Петрограде, так и среди союзников, принятое Грецией решение сохранить нейтралитет²⁵.

1 (14) октября 1915 г. Болгария напала на Сербию, которая теперь была охвачена с севера и востока превосходящими австро-венгерскими, германскими и болгарскими силами, что поставило малочисленную сербскую армию в тяжелое положение. В исключительно трудных условиях, отражая наступление войск германской коалиции, она отходила к берегам Адриатики; вместе с ней уходила и значительная часть сербского населения. Часть сербской армии (около 120 тыс. человек) эвакуировалась на греческий о. Корфу.

По совету англичан Венизелос 4 октября уведомил парламент о том, что предложения Антанты относительно территориальных уступок Греции в пользу Болгарии после того, как последняя провела мобилизацию, утратили силу. Он заявил о неизбежности союза с Сербией и согласился с требованием оппозиции опубликовать текст греко-сербского союзного договора.

На следующий день, 5 октября 1915 г., в Салониках, отошедших к Греции в 1913 г. в результате Балканских войн, высадился, с согласия правительства Греции, англо-французский экспедиционный корпус и был развернут новый, Салоникский фронт, сыгравший значительную роль в войне. Целью высадки было желание оказать помощь Сербии против наступления австро-германо-болгарских войск. Новые контингенты английских, сербских и французских войск высадились в Салониках, а за два часа до этого король Константин уволил Венизелоса в отставку, несмотря на то, что последний получил в парламенте 4 октября большинство при голосовании вопроса о доверии в его пользу. В тот же день Константин телеграфировал кайзеру Вильгельму: «Я избавился от Венизелоса!»²⁶. С.Д. Сазонов предлагал «не смущаться отставкой в Греции сторонника Антанты премьера Э. Венизелоса [...], и не только не отказываться от начатой высадки союзного десанта, но по возможности ускорить таковую»²⁷.

25 октября (7 ноября) 1915 г. был образован новый греческий кабинет под председательством Стефаноса Скулудиса, который также занял пост министра иностранных дел (просуществовал с октября 1915 г. по июнь 1916 г.). Уже 27 октября (9 ноября) 1915 г. С. Скулудис направил в греческую миссию в Петрограде телеграмму, в которой поручал поверенному в делах Д. Каклама-

носу еще раз переговорить с С.Д. Сазоновым и вновь заверить российскую сторону в том, что новый кабинет «намерен продолжать ту же политику», а именно, политику «вооруженного нейтралитета, отмеченного искренним доброжелательством к державам Соглашения»²⁸. Сазонов заявил, что решение Греции сохранять нейтралитет производит отрицательное впечатление на союзников, и сообщил, что русские войска также будут высажены в Салониках.

В связи с неудачным ходом салоникиской операции на начальном этапе английское верховное командование к 20-м числам ноября 1915 г. склонялось в пользу отозвания союзных войск с Салоникиского театра военных действий для использования их в Сирии, Египте и на французском фронте. Между командованиями русским и французским, с одной стороны, и английским, с другой, возникли по этому вопросу острые разногласия. Не имея возможности принять в ближайшее время участие в салоникиской операции, Россия выступала против проекта эвакуации корпуса²⁹. Русский экспедиционный корпус позже вошел в состав межсоюзнических воинских контингентов. Сохраненные кадры сербской армии (около 150 тыс. человек) были весной 1916 г. переброшены на Салоникиский фронт.

Расчеты Сербии и держав Антанты на привлечение Греции на свою сторону рухнули, и хотя король уже 6 октября объявил, что союзники могут продолжать высаживать войска в Салониках, Греция перестала играть прежнюю роль, заняв позицию неприкосновенности ни к одной из воюющих коалиций и рассматривая присутствие войск Антанты на своей территории всего лишь как гарантию от нападения Болгарии. Но дипломатия стран Соглашения не сдавалась и попыталась удалить «опасную занозу», которой, по выражению Ллойда Джорджа, была непокорная Греция в тылу союзнических сил. Державы поставили задачу обезопасить их пребывание на греческой территории, примирить общественное мнение Греции с фактом высадки англо-французских войск в Салониках, нейтрализовать все попытки оказывать помощь Германии, а также способствовать созданию благоприятной ночвы в стране для возвращения к власти Э. Венизелоса, обещавшего при первой же возможности объявить войну Центральным державам³⁰.

Главнокомандующий союзными силами на Салоникском фронте генерал М. Саррайль в конце 1915 г. заявил греческому правительству, что союзники предпримут меры по укреплению обороны Салоник, и потребовал отвести греческие войска из города. При этом союзники обещали на случай нарушения греческой границы Германией не покидать Салоник, но и не воевать на территории Греции без согласия последней. Греции была оказана значительная финансовая помощь³¹. Греческое правительство, желая выиграть время и дожидаться прихода германо-болгарских сил, не торопилось выполнять требования союзников и чинило различные препятствия Саррайлю: разоружило отступавшие на греческую территорию сербские войска, распорядилось, якобы для нужд греческой армии, угнать в Серры 70 вагонов, которые использовались союзниками для перевозки войск³². В качестве ответных мер на действия греческой стороны Франция, Англия и Италия строго ограничили греческий импорт зерна, риса, кофе, каменного угля и сократили экспорт из Греции коринки, фруктов и прочего, задерживали в своих портах большую часть греческих пароходов³³. 1(14) ноября 1915 г. посланник России в Греции Э.П. Демидов направил С.Д. Сазонову телеграмму, в которой сообщал о подготовке проекта коллективной ноты представителей союзных держав в Афинах греческому правительству с изложением требований в связи с предстоящим прибытием в греческие воды союзной эскадры. В ноте говорилось о необходимости положить конец двусмысленному положению Греции, в котором она оказалась. Союзники потребовали от греческого правительства дать формальные обязательства в случае перехода союзными войсками её границ, не подвергать их обезоруживанию и интернированию, а также предоставить свободу передвижения как союзных армий, так и союзных эскадр; разрешить размещение необходимых баз и обеспечить безопасность путей сообщения³⁴.

29 ноября 1915 г. между Парижем и Лондоном было достигнуто соглашение, согласно которому союзные войска отступали из Македонии к Салоникам и оставались там на укрепленных позициях; прибывший ранее в Салоники английский десант продолжил высадку, но дальнейший план действий зависел от общего хода событий.

17 января 1916 г. в интервью газете «Речь» С.Д. Сазонов, говоря о печальном положении в западной части Балкан, где катастрофа с сербской армией повлекла за собой тяжелые последствия и для Черногории, все-таки не считал эти провалы окончательными, поскольку судьба балканских государств тесно связана с судьбой союзников. «Балканский вопрос будет решен не теперь, а по окончании войны, — заключал министр. — Мы твердо уверены, что несчастное положение, в котором очутились Сербия и Черногория, изменятся к лучшему. Временные испытания, выпавшие на их долю, окончатся одновременно с общим торжеством правого дела, за которое бьются державы Соглашения»³⁵.

Инициативы Франции по усилению венизелистского движения привели к дальнейшему обострению внутривосточной борьбы в Греции между сторонниками короля Константина и лидера либеральной партии Э. Венизелоса. Раскол греческого общества и, в свою очередь, греческой армии являлся одной из наиболее характерных черт положения в Греции в этот период. Однако правительство, чутко улавливая изменения военной обстановки на фронтах (усиление союзнических сил в Македонии, успехи русской армии на Кавказском фронте и ослабление наступательных сил Германии, что не дало быстро установить прямую связь между Берлином и Афинами), проводило политику лавирования. Взятие Эрзурума (Эрзерума) и Трабзона (Трапезунда) русскими войсками также произвело большое впечатление в Греции, поколебав ее уверенность в скорой победе Германии. Более того, в стране постепенно назревал финансовый кризис, «последствия которого могли оказаться катастрофическими»³⁶.

9 февраля 1916 г. С.Д. Сазонов, «с высочайшего соизволения императора», в четвертый раз с начала войны представил членам Государственной думы «картину общего политического положения» и заверил, что «императорское правительство по-прежнему остается непреклонным в своей решимости довести дело до одоления врага. В этом отношении оно вполне единодушно как с русским народом, так и с нашими верными союзниками». Комментируя балканские дела, Сазонов сказал: «Уверенность в выполнении греками принятых на себя по договору обязательств вынуждала Сербию и её союзников к особой осторож-

ности, дабы не лишиться греческой помощи. Сербская верховная команда имела возможность предупредительным движением помешать доведению до конца болгарской мобилизации. Не было ни малейшего сомнения в том, что эта мобилизация являлась враждебным против Сербии и её союзников актом, а потому в то время, когда болгарские войска сосредотачивались, нападение на Болгарию было бы только мерой самозащиты. Однако сербское правительство не пожелало взять на себя ответственность за начало братоубийственной войны, но великодушные, проявленное им, не нашло отклика в Греции, правительство которой дало своеобразное толкование обстоятельствам, взятым на себя в отношении к Сербии. Не обезопасив себя вовремя со стороны болгар и не получив следуемой по договору помощи от греков, сербская армия, которую ни на минуту не покинули король и его правительство, явила чудеса стойкости и несокрушимого мужества. Отстаивая каждую пядь своей земли и нанося тяжелые потери численно превосходившим их врагам, сербы пробились наконец до последнего их убежища — моря. Я могу засвидетельствовать перед вами, что сербское правительство и армия с беспрецедентной самоотверженностью исполнили свой долг по отношению к общему делу. Ныне, благодаря особой заботливости и усилиям наших союзников и в особенности Франции, сербская армия перевезена на Корфу. Конечно, численностью она уступает той воинской силе, на которую в минувшем октябре набросились со всех сторон германцы, австрийцы и болгары. Но армия эта крепка духом, и в этой силе духа лежит верный залог возрождения Сербии»³⁷. К этому времени Румыния всё больше зависела от германского руководства и была в шаге от присоединения в Тройственном союзу.

В Дневнике МИД имеется интересная запись от 13 мая 1916 г., из которой следует, что в это время державы уже начали подготовку к мирному конгрессу. Так, несмотря на пережитую катастрофу, во время посещения советника Второго Политического отдела МИД России сербский министр-президент Н. Пашич и состоящий при нём зам. министра иностранных дел Йован Йованович заявили, что сербское правительство уверено в том, что на будущем мирном конгрессе Сербия будет допущена к участию

в качестве воюющей на стороне Соглашения державы. Однако Пашич выразил сожаление, что заявление великих держав о приглашении Бельгии на будущий мирный конгресс не было также направлено и Сербии. По словам Пашича, «участие сербского представителя в мирных переговорах принесет также огромную пользу державам Соглашения, так как облегчит им сложный труд разбираться во всех вопросах, связанных с восстановлением Сербского королевства». Пашич прибавил, что с просьбой о приглашении Сербии на Конгресс он уже обратился к министру иностранных дел России, от которого получил ответ, что принципиально Сербия имеет бесспорные права на непосредственное участие в будущих переговорах, но что он, вместе с тем, ожидает сильной оппозиции в этом отношении со стороны Италии. Пашич сказал также, что по полученным им недавно от королевича Александра (в 1914–1921 гг. — принц-регент, будущий сербский король. — *О. С.*) сведениям, успешное наступление Солунской союзной армии возможно будет в том случае, если помимо прибывающих сербских войск на Македонский фронт будет прислано еще 50 батальонов союзников. Об этом Пашич будет говорить в Лондоне, так как, по-видимому, при настоящих обстоятельствах только одни англичане могли бы послать нужные подкрепления³⁸.

В МИД России в середине сентября 1916 г. поступило сообщение о том, что французского посланника в Афинах (в 1916–1917 гг. — *О. С.*) Жана Гильмена посещал Диамантидис, один из видных членов венизелистской партии, и сообщил следующее: несколько дней тому назад его, Диамантидиса, посетил директор Политического отдела Н. Политис и, по-видимому, по поручению короля, заявил, что его величество готов исполнить желание держав Соглашения и объявить войну Болгарии, но что для осуществления этого необходимо, чтобы державы произвели на короля давление и тем помогли бы ему пойти по новому пути. По словам Диамантидиса, король будто бы готов призвать к власти новый кабинет и допустить в него несколько венизелистов. Гильмен, донося об этом своему правительству, полагает, что подсказанный королем прием находится в некотором противоречии с установкой держав о необходимости избегать прямого вмешательства во внутренние дела Греции³⁹. Россия была пол-

ностью согласна с такой точкой зрения. Однако сами события подвели Грецию к неизбежному решению. После многих колебаний и очевидного укрепления салоникинского правительства Э. Венизелоса утром 14 сентября 1916 г. греческий посланник в Петрограде Панас (в 1916–1917 гг. — *О. С.*) посетил министра иностранных дел Бориса Владимировича Штюмерера (с 20 января по 10 ноября 1916 г. — председатель Совета министров, одновременно, до 7 июля того же года, — министр внутренних дел, а затем министр иностранных дел. — *О. С.*) и вручил ему ноту, в которой сообщалось о решении Греции примкнуть к державам Соглашения, как только при их содействии ей удастся закончить снабжение и мобилизацию своей армии. Говоря о компенсациях во Фракии, греческий посланник упомянул, между прочим, о Дедеагаче, отметив, что текст ноты был выработан по приказанию короля Константина в Правительственном совете и одобрен его величеством для сообщения союзным правительствам⁴⁰.

В конце сентября 1916 г. Венизелос обратился к национальному герою, участнику Балканских войн адмиралу П. Кундуриотису, с призывом сформировать временное правительство и добровольческую армию, которая будет воевать против Болгарии. Получив согласие адмирала, Венизелос 9 октября объявил о формировании временного правительства и обратился с «Воззванием к эллинскому народу и королю». Он призвал Константина встать во главе национального движения, сохранив единство страны, и присоединиться к Антанте, угрожая в ином случае «прибегнуть к революционным средствам»⁴¹. Однако Константин не откликнулся на призыв Венизелоса, в результате чего фактически произошел раскол страны на две части — на Старую и Новую Грецию. Центром временного правительства Венизелоса вскоре стали Салоники, где находились англо-французские войска. Венизелистами была широко развернута патриотическая пропаганда, основанная на Великой идее греков.

В связи с отказом афинского правительства выполнять условия соглашения, а также после объявления правительством Венизелоса 23 ноября 1916 г. войны Болгарии и Германии и присоединения греческих добровольческих отрядов к армии генерала Саррайля были предприняты меры, ставившие Грецию в пол-

ную почти зависимость от союзников. Был, в частности, введен контроль за снабжением хлебом и мукой Фессалии, из Греции были удалены посольские и консульские представители Центральных держав, греческие войска были выведены из областей, где находились союзники, создана нейтральная зона.

8 декабря 1916 г. державы Антанты установили блокаду всей территории Греции, сделав ее «строгой»⁴² и за два с половиной месяца поставили страну в полную зависимость, лишив ее не только хлеба, но и права самой выбирать свой политический путь развития. В Заявлении министра иностранных дел России (с ноября 1916 г. по март 1917 г. — *О. С.*) Николая Николаевича Покровского, сделанном на заседании Государственной думы 2 декабря 1916 г., говорилось о «непоколебимом решении России находиться в полнейшем единодушии со всеми своими доблестными союзниками. Все мы одинаково проникнуты жизненной для нас необходимостью довести войну до победоносного конца и не дадим остановить нас на этом пути никакими уловками наших врагов»⁴³.

На заседании руководства МИД 8 января 1917 г. обсуждались вопросы, поставленные на конференции союзников в Риме. По мнению МИД России, следовало бы поднять вопрос, возбужденный королевичем Александром Карагеоргиевичем, относительно отведения сербских войск в тыл для отдыха и укомплектования. Наравне с этим подлежит разрешению вопрос о пополнении сербской армии⁴⁴.

8 января 1917 г. участники Римской конференции стран Антанты от имени Англии, Франции, России и Италии обратились к правительству Греции с нотой, в которой содержались ультимативные требования союзников — транспортировка греческой армии и техники на Пелопонесский полуостров, союзный контроль за этим процессом. В случае скорейшего выполнения всех требований союзники обещали с уважением отнестись к желанию афинского правительства сохранить нейтралитет и не допускать распространение венизелизма. Однако уже 12 января союзные державы передали Греции дополнительную ноту, требуя немедленного принятия без всяких оговорок ультиматума от 8 января 1917 г. Греческое правительство ответило нотой, в которой выра-

жалось согласие на все требования без оговорок. Это несколько не остановило державы Согласия, которые вскоре развернули широкую политическую кампанию, смысл которой сводился к необходимости решительных действий против «берлинского филиала при дворе короля Константина», а также к усилению венизелистского движения⁴⁵.

Февральская буржуазно-демократическая революция в России оказала огромное влияние также на греческие дела, разорвав все династические узы, связывавшие афинский и петербургский дворы, лишив Константина ощутимой поддержки со стороны русского царизма; революция также всколыхнула весь греческий народ, усилив в нем политическую активность. После встречи глав афинского и салоникинского правительств, организованной на борту французского судна «Веритэ», 24 июня 1917 г. премьер А. Заимис подал в отставку. Молодой король Александр доверил формирование нового кабинета министров Венизелосу, который занял в правительстве также пост военного министра. Министром иностранных дел был назначен Н. Политис — ярый антантофил, занимавший в разных правительствах пост генерального директора политического отдела МИД.

Весной 1917 г. в мировую войну вступила новая могучая сила в лице США, укрепив позиции Антанты. Стрелка политического барометра многих нейтральных стран, в том числе Греции, стала склоняться в сторону держав Согласия.

На заседании руководства МИД 8 января 1917 г., на котором присутствовали все высшие чины МИД России, были также обсуждены и одобрены меры воздействия на Грецию, которая, «несмотря на обещания, всё же внушает недоверие»⁴⁶.

Образовав новое правительство, Венизелос 2 июля 1917 г. объявил Грецию в состоянии войны с Центральными державами и пообещал оказать Сербии помощь в соответствии с греко-сербским договором 1913 г., который был ранее нарушен королем Константином и германофильскими правительствами Греции. Для восстановления прежних тесных сношений и союза с Сербией посланником Греции при сербском правительстве, которое вскоре переехало в Салоники, назначался бывший посланник в Белграде И. Александропулос — горячий сторонник военного

выступления Греции на стороне Антанты и оказания помощи Сербии. Была поставлена задача согласовать действия штабов обеих армий, чтобы сербско-греческие силы стали ядром салоникинской армии. Английское правительство, стремившееся заменить ими свои войска и недовольное активностью Франции в греческом вопросе, обратилось к Временному правительству России с просьбой поддержать на предстоящей в середине июля конференции союзников в Париже предложение относительно замены генерала Саррайля другим, более подходящим лицом. Англичане поддержали идею Венизелоса (его «всегдашний конёк») о создании балканского блока Сербии, Румынии, Греции, и с середины июля между главами этих государств возобновился обмен мнениями⁴⁷.

Всё внимание греческого премьера было теперь сосредоточено на создании боеспособной армии, которая могла бы сражаться совместно с союзниками на Салоникском фронте, завоевывая таким образом право Греции на участие в мирных переговорах⁴⁸.

В августе 1917 г. греческий МИД, по согласованию с сербским правительством, опубликовал в так называемой «Белой книге» почти полный текст греко-сербского союзного договора и военной конвенции.

Примечания

- ¹ «Оранжевая книга». Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове. Август 1912 — июль 1913 гг. СПб., 1914.
- ² Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сборник документов. Тула, 2014.
- ³ Там же. С. 170.
- ⁴ Там же. С. 24.
- ⁵ Там же. С. 25.
- ⁶ Там же. С. 24.
- ⁷ Советская историческая энциклопедия. В 16 томах. М.: Советская энциклопедия. 1973–1982. Т. 4. Гаага-Двин, 1963.
- ⁸ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 176, 177.
- ⁹ Там же. С. 177.
- ¹⁰ Международные отношения в эпоху империализма. Сер. III. 1914–1917. Т. V. М., Л., 1931–1938. С. 188–189.
- ¹¹ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 31.

- ¹² Esenin-poet.ru | greciya | обращение / 6-01-2021; *Прилепин Захар*. Есенин. Обещая встречу впереди. М., Молодая гвардия, 2020. С. 89.
- ¹³ *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. 1914–1918 гг. М., 1990. С. 21–25.
- ¹⁴ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 45–46.
- ¹⁵ Там же. С. 748.
- ¹⁶ Там же. С. 221.
- ¹⁷ Там же. С. 205.
- ¹⁸ Там же. С. 208.
- ¹⁹ Там же. С. 84.
- ²⁰ Там же. С. 90, 91.
- ²¹ Там же. С. 92.
- ²² Более подробно о внутриполитической борьбе в Греции см.: *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. Глава 1.
- ²³ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 94.
- ²⁴ *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. С. 81.
- ²⁵ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 95.
- ²⁶ *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. С. 73.
- ²⁷ Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. М., 1922. С. 24.
- ²⁸ Там же. С. 98.
- ²⁹ Там же. С. 102.
- ³⁰ *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. С. 78.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 78, 79.
- ³⁴ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 101.
- ³⁵ Там же. С. 241.
- ³⁶ *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. С. 84.
- ³⁷ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 249.
- ³⁸ Там же. С. 142.
- ³⁹ Там же. С. 166–167.
- ⁴⁰ Там же. С. 166.
- ⁴¹ *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. С. 94.
- ⁴² Там же. С. 102.
- ⁴³ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 305.
- ⁴⁴ Там же. С. 312, 313.
- ⁴⁵ *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. С. 122.
- ⁴⁶ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 310.
- ⁴⁷ Там же. С. 161, 162.
- ⁴⁸ Там же. С. 164.

К вопросу о русско-сербских отношениях в начале 1920-х годов. Из истории семьи И.Г. Грицкат-Радулович

Подготовка и публикация данной работы тематически связаны и практически совпадают сразу с двумя юбилейными датами: в 2019 г. исполнилось 100 лет с начала формирования российской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС), а на 2022 год приходится 100-летний юбилей Ирины Георгиевны Грицкат-Радулович — известного сербского ученого-лингвиста, видного представителя среди потомков русских эмигрантов.

В качестве эпиграфа к исследованию приведем слова самой Ирины Георгиевны, об истории семьи которой и пойдет далее речь:

«Мне ли писать о русской эмиграции, когда о ней столько уже написано, и написано людьми, обладавшими самыми обширными знаниями и сведениями, каких у меня вовсе нет!

Всё же: хочется рассказать кое о чём, придерживаясь точки зрения моих родителей, придерживаясь собственного миропонимания, собственной памяти. Хочется рассказать то частное, что способствует воспроизведению тогдашней, навсегда исчезнувшей обстановки; и рассказать в том тоне и стиле, который был присущ нашей семье»¹.

Действительно, по истории русско-сербских или сербско-русских отношений, в XX веке в частности, существует большое число исследований. Равно как имеется много различных работ о российской эмиграции в Королевстве СХС (с 1929 г. — Королевстве Югославия) в межвоенный период, которая является уникальным явлением в истории взаимоотношений сербов и русских²².

Вместе с тем о ней еще не всё сказано. Исторические события и явления, как и картина эпохи в целом, складываются из жизней отдельных людей. Основная идея нашей работы — взглянуть на отношения русских и сербов через историю семьи Грицкат в Королевстве СХС в начале 1920-х годов и попытаться показать, каким образом жизнь этих конкретных людей оказывалась вpleтенной в события эпохи и как эти события воплощались в ней; как в частной, повседневной жизни семьи Грицкат на личном уровне возникали и складывались отношения представителей двух стран и двух народов, когда один обретал на югославянской/сербской земле свое место и, быть может, «вторую родину», а другой получал новые силы и возможности для развития; и отметить сопровождавшие эти отношения очарования и разочарования, имевшее место предшествующее знание или незнание друг о друге, столкновение с реальностью, изучение и принятие других и себя в новых для всех обстоятельствах³.

Приступая к заявленной теме, заметим, что мы не претендуем здесь на полноту и завершенность ее раскрытия, вполне осознавая имеющиеся сложности, связанные как с ограниченной доступностью для нас в данный момент источников и историографии для исследования, находящихся, в частности, в Сербии, так и с собственной субъективностью, также влияющей на отбор материала, его изложение и интерпретацию.

Настоящая работа является началом в изучении истории семьи Грицкат, предполагающим дальнейшие уточнения и дополнения. Источниковой основой для нее стала еще полностью не опубликованная книга мемуарного характера Ирины Георгиевны Грицкат под названием «На зарубежной родине»⁴. Надеемся, что со временем у нас будет возможность ознакомиться и с другими материалами из «русской» части личного архива этой семьи, бережно сохраняемой Алексеем Борисовичем Арсеньевым, знавшим Ирину Георгиевну лично и неоднократно о ней писавшим⁵, а также любезно предоставившим рукопись книги нашим коллегам — Андрею Леонидовичу Шемякину и Александру Александровичу Силкину, которые опубликовали ее фрагменты⁶. Добавим, что часть воспоминаний (в переводе автора) издана в Сербии⁷, а сербские ученые посвятили самой Ирине Георгиевне не одну работу⁸.

Прежде всего об авторе книги. Ирина Георгиевна Грицкат (в замужестве — Радулович*) родилась в Белграде 19 января 1922 г. в семье русских эмигрантов — Зинаиды Григорьевны и Георгия Георгиевича Грицкат (скончалась в Белграде 7 апреля 2009 г.). Окончила в 1932 г. Немецко-сербскую начальную школу, в 1940 г. — Вторую государственную женскую гимназию, а в 1949 г. — Философский факультет Белградского университета (группа сербскохорватского языка и южнославянских литератур). Затем по приглашению своего учителя, профессора Александра Белича, работала в Институте сербскохорватского языка Сербской академии наук и искусств (САНИ), в 1953 г. защитила докторскую диссертацию, с 1965 г. — научный советник Института. В 1969–1977 гг. (до выхода на пенсию) работала в Национальной библиотеке Сербии. В 1978 г. избрана членом-корреспондентом, в 1985 г. — действительным членом САНИ. С 1983 г. она являлась также членом-корреспондентом Словенской академии наук и искусств. Ирина Георгиевна известна и признана не только как лексикограф и историк сербскохорватского языка, но и как редактор, переводчик, педагог. Ее перу принадлежат научные труды, отдельные книги-монографии, эссе, поэтические произведения, переводы, рецензии, статьи в периодической печати, воспоминания⁹.

Говоря о характере и особенностях книги Ирины Георгиевны «На зарубежной родине», приведем фрагменты двух ее размышлений из «Вступления» о причинах и мотивах ее написания. (При том, что сначала говорится: «Ведь я решительно утверждаю, что у меня нет и никогда не было ни малейшего намерения опубликовать своё сочинение. Это было бы и негде, и вообще невозможно и незачем; да и давать рукопись на прочтение я собираюсь лишь немногим лицам»¹⁰.)

Первое: «Потому ли я пишу теперь, что с шести-семи лет я начала заносить на бумагу (помнится — ещё печатными буквами)

* И.Г. Грицкат была в браке с Георгием-Джорджем Радуловичем (1910, Црепая — 1980, Белград), инженером-электриком, с 1958 г. и до его смерти. Ранее, с 1951 г. — в браке с Бенедиктом Вирком (1921, Бердинье, Гуштань, Словения — около 1953), преподавателем люблянской гимназии (по сведениям из архива семьи Грицкат, находящегося у А.Б. Арсеньева). См.: *Марковић М.* Биобиблиографија академика Ирене Грицкат-Радуловић // Јужнословенски филолог. LXVI. У спомен на академика Ирену Грицкат. Београд, 2010. С. 52.

первые наброски о своей жизни, об окружавшем меня мире, чуть ли не о его мимолётности? Выводила ли я свои каракули в каком-то смутном и в то же время неудержимом порыве сделаться летописцем своего времени, своей семьи и себя самой? <...>¹¹.

Второе — о том же стремлении сохранить память, свидетельства о времени и о себе, но относящееся к периоду зрелости. А именно: «Или, может быть, я писала и пишу всё это потому (такое побуждение относится уже к позднейшим годам, к упорству в переработке и перепечатке), что мне показалось — очень суетный помысел! — будто кому-нибудь станет интересно, как росла и развивалась русская девочка, девушка, приверженная двум родинам, носительница двух родных языков и двух культур? Каким способом формировалась русская личность, которой позже не совсем заслуженно (ибо без энтузиазма к собственному труду) посчастливилось сделаться членом двух югославских академий наук и попасть в югославские энциклопедии — одна из последних могикан послереволюционной эмиграции и поколения пока ещё чистокровных эмигрантских детей, которая внесла не самую маленькую лепту в научную жизнь своей родной Югославии? Сейчас пока я пишу эти слова, уже немного нас, последних. <...>¹².

Далее имеются и авторские уточнения, пояснения о стиле и сущности, существовании собственного письма, которые мы также считаем важным — хотя бы частично — привести. «В дальнейших главах всё будет правда, но не везде фотографическая. Некоторые имена и названия переменены, некоторые не переменены. Тут и там стиль сбивается на беллетристику. <...>», — писала Ирина Георгиевна¹³. И ниже: «Однако я не стараюсь передать лишь то, что было. Я стремлюсь передать себя, исключительно для своего удовольствия — а другой вопрос, удаётся ли это. “Себя” — это значит маленький кусочек России в душе, среди белградской жизни, канцелярщины, Академии наук, сербохорватистики, поездок по югославским дорогам; “себя” — это в данном случае значит русифицирование той окраски, тех привкусов и призвуков, которые остались от прожитого. Я не перерассказываю жизнь, это было бы даже мне самой неинтересно; я её теперь пересоздаю такой, какой она мне видится, и за эту теперешнюю визу я плачу ценою маленькой неправдоподобности в некоторых час-

тях повествования. За всякое удовольствие мы платим, заходим иногда на неправильные тропы. Избранная здесь мною тропа немного непригодна именно тем, что я создаю и не документацию, и не роман. Написанное — гибрид. Писать документацию мешает “артистическая натура”, писать роман мешает нехватка необходимой для этого искры божьей.

И дальше: хоть и глядя на многое, как на целую толщу, я всегда была намерена описывать лишь отдельные пласты этой толщи, те пласты и в том освещении, как это соответствовало моему умению — частично анекдотически, или даже юмористически, частично патетически. <...>»¹⁴.

Получается, что перед нами во многом очень личное произведение, личная история и свидетельства о времени, эпохе, о себе и своей жизни, по-видимому, изначально не предназначавшиеся для широкого круга читателей. Воспоминания фиксировались Ириной Георгиевной с раннего времени, затем они «писательски» ею перерабатывались и дополнялись новыми в течение многих лет¹⁵. В конце рукописи указан 1984 год; предполагаем, что окончательную форму книга могла обретать в течение нескольких предшествовавших этому лет.

Несколько необходимых замечаний и относительно содержания той части книги, на которую мы во многом опираемся¹⁶. Первое про ее источники. Книга начинается с рассказа о событиях, свидетелем которых Ирина Георгиевна не была, — о жизни ее родителей в Российской империи, эмиграции в 1920 г. и первых годах в Королевстве СХС. В основе этого рассказа, в частности — сохранившийся дневник ее матери и ее впечатления, запомненные дочерью, «кое-какие деловые бумаги» и письма родителей. «Я попытаюсь рассказать о начале их югославской жизни главным образом со слов моей матери и по её дневнику», — писала Ирина Георгиевна¹⁷.

Важно, что, сообщая об этом намерении, она далее замечала о тоне изложения следующее: «Однако вполне сознаю, что мой рассказ не может по стилю соответствовать тогдашним настроениям русских эмигрантов. Моя мать, вообще говоря, была здоровой натурой, не лишённой наблюдательского таланта, а в течение долгих благополучных лет нашей семейной жизни в Белграде

она к тому же придавала своим повествованиям о первых годах за границей спокойный, непредвзятый и подчас даже юмористический тон»¹⁸.

И ниже Ирина Георгиевна добавляла о двух особенностях текста, которые, по ее мнению, не снижали его достоверности: «<...> обрисовывая первые впечатления, встречи и разговоры с сербскими знакомыми, она несознательно или сознательно влагала в уста тогдашних собеседников то, что, может быть, слышала лишь позже, от других сербских друзей. <...> С другой стороны, может быть, и я сама теперь приписываю ей кое-что из того, что слышала не от неё. Думаю, что этим не портится ни достоверность самих перерассказанных таким образом фактов, ни подлинное изображение моей матери, с её настроениями тех лет»¹⁹.

Еще одно замечание касается социальной принадлежности, взглядов и настроений Ирины Георгиевны и ее родителей, о ком пойдет далее речь и чьи представления, в частности об окружавшей их действительности, переданы в тексте.

Сами родители Ирины Георгиевны определяли себя как «идеологических», «политических» эмигрантов и «пролетариев» (т.е. квалифицированных работников). «Родители всегда потом говорили, что приехали в Югославию как настоящие пролетарии и что они уже на своей родине добывали кусок хлеба собственным трудом. Конечно, они являлись идеологическими эмигрантами. Они называли себя именно эмигрантами, а не беженцами, потому что, по их уверениям, им было от чего эмигрировать, но не было от чего бежать, не считая царившего на их родине в первое время бесправия, разгула и серизны», — вспоминала Ирина Георгиевна²⁰. (Думается, вместе с тем, что в первое время вне родины они всё же являлись беженцами.)

При этом, по словам автора, ее «мать сравнительно быстро сделалась настоящей сербской и югославской патриоткой, и поэтому стиль её рассказов, который я улавливала, подрастая, был отнюдь не беженский»²¹. Со временем новая страна стала для семьи Грицкат любимой, а об их взглядах и настроениях Ирина Георгиевна рассказывала так: «Мои родители полюбили Белград, потом Сербию, потом Югославию. Такой их совсем искренней, подразумеваемой любовью я объясняю тот факт, что взгляды и

склонности у нас в семье в этом отношении всегда как бы легонько тянулись за взглядами и склонностями тех сербских кругов, в которых родители вращались. Отец и мать почти во всём, что касалось политики или истории, разделяли чувства белградской интеллигенции, тех так называемых мелких и крупных буржуев, дети которых учились у матери роялю, инженеров и их жён с отцовской службы, наших квартирных хозяев, соседей, моих крёстных родителей, милых знакомых с летних каникул и тому подобных. Родители любили югославскую королевскую семью — хоть и не так уж пламенно, как некоторые другие русские, без экзальтаций. <...>²². «Самыми верноподданическими чувствами из нас троих отличалась, конечно, я», — читаем ниже²³.

Добавим еще несколько фактов о родителях Ирины Георгиевны, начав с ее слов из «Вступления»: «И родители оказались тоже немного двойственные. Хоть оба они и чувствовали себя совершенно русскими, но отец мой был и по крови, и по крещению не русского происхождения, и не русской веры²⁴, а в жилах матери текла, вероятно, помимо русской, и польская кровь. Важнее же было то, что они являли собою представителей двух совсем различных духовных укладов. Отец стоял бы, скажем, ближе к старым западникам, мать к славянофилам. Отец был олицетворением интеллектуального взгляда на жизнь, тогда как мать была художественной натурой. Отец старался знать, а мать верила; отец считал себя близким к буддизму, мать к православии. Если позволят мне представить их посредством музыки, то скажу, что мой отец звучал как песня варяжского гостя, а мать как песня индийского»²⁵.

Мама Ирины Георгиевны, Зинаида Григорьевна (урожденная Черникова; 19.04.1889–2.07.1963), родилась и жила в Крыму (в Керчи). Позже переехала в Петербург, окончила консерваторию по классу фортепиано, была пианисткой и преподавала (в частности, недолго и в Смольном институте благородных девиц). Во время учебы она познакомилась с петербуржцем Георгием Георгиевичем Грицкат (27.10.1887–18.02.1957), в будущем инженером, выпускником Института инженеров путей сообщения. Они почти одновременно завершили высшее образование и летом 1914 г. обвенчались. Затем пережили Первую мировую

войну (Георгий Георгиевич служил, был награжден; Зинаиде Григорьевне «иногда удавалось находиться при муже») и революцию. Гражданская война настигла их, когда они оказались на Украине, откуда и эмигрировали. На момент отъезда в 1920 г. Зинаиде Григорьевне было 30 лет, а Георгию Георгиевичу — 32²⁶.

Итак. Как, в каких обстоятельствах началась жизнь четы Грицкат на югославянской/сербской земле? Первой в Королевство СХС прибыла Зинаида Григорьевна, эвакуировавшаяся из Новороссийска в конце февраля 1920 г. Георгий Георгиевич покинул Россию позже, встретились они в июле 1920 г. уже в Белграде.

«Мои родители, следовательно, оказались в числе тех “белоэмигрантов”, которые прибыли в Сербию прежде большинства остальных», — отмечала Ирина Георгиевна²⁷.

С чем они приехали? По словам дочери, вещей у них было немного: «Отец и мать эмигрировали со своими документами, с пачками семейных фотографий, вырезок и писем; отец — с одним баулом из потрескавшейся кожи, к которому была слабо приделана жестяная ручка и в котором, помимо белья и одних брюк, были упрятаны хорошие сапоги; мать — с сундучком, где у неё хранились две блузки, немного бельевых принадлежностей, евангелие, большие ножницы с изображением святителя под одним из прохватов*, чёрная помада для бровей и дневник. На шее у неё была золотая цепочка с лорнетом, на руке бабушкина браслетка, на пальце обручальное кольцо. У отца даже не было обручального кольца, так как он потерял его ещё в России. Были и бумажные деньги, и купоны государственной четырёхпроцентной ренты, которые я показываю моим знакомым ради курьёза»²⁸.

Однако в личном багаже родителей были образование, опыт самостоятельной и своим трудом жизни и некоторые жизненные убеждения, которые помогли им довольно скоро адаптироваться, найти свое место в новой стране и были переданы дочери. Одно из них — представление о безусловной ценности образования. «Лозунгом в нашей семье, — вспоминала Ирина Георгиевна, —

* Прохватывать — хватать насквозь, пронять, пропороть. Предположительно, в данном случае «прохват» означает отверстие для пальцев.

было всегда: учиться, учиться; вот и мы не привезли из России почти ничего кроме наших знаний, наших дипломов, но благодаря этому мы так скоро стали на ноги; учись, Ириша, ты не знаешь, что тебя в жизни ждёт, и сколько мы ещё сможем протянуть — ведь и мы не могли представить себе нашего будущего»²⁹.

Другими основами были стремление к самостоятельности и независимости и признание важности, необходимости работы по профессии и достижения всего собственным трудом. А трудились они еще в России. Так, во время учебы в Петербурге Зинаида Григорьевна начала следовать «напутствию», «благословению» своей бабушки — «не кланяюсь богачу, свою рожь молочу»³⁰ : сопровождала на концертах и преподавала. А про начало ее самостоятельной жизни читаем следующее: «В Петербурге я зажила скромно в материальном отношении, но весело, и в первый раз без обиды в душе, как самостоятельная девушка, а не как золушка. Жила я у квартирных хозяек, по темным закуткам и мансардам. Видно — уже тогда подготавливала меня судьба к моей будущей пролетарской жизни. Я выучилась растапливать печку, жарить яичницу, экономить деньги: всё это позже еще как пригодилось. Никогда не могла представить себе праздной жизни»³¹.

Кроме того, в числе твердых правил, которым руководилась молодая семья в контактах с новым окружением, были уважение и признание первенства традиций и культуры народов и страны, где привелось жить, что на практике воплощалось в следовании принципу «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». К новому же, добавим, скоро обнаружились у четы Грицкат искренний интерес и приязнь.

С чем столкнулись они по приезду? Какой была первая встреча? В книге об этом говорится при описании первых месяцев жизни Зинаиды Григорьевны в Королевстве СХС. А именно: сначала она и ее приятельница Ксения в числе других эмигрантов прибыли «в захолустье Куманово, в тогдашнюю так называемую Южную Сербию. Они оказались вдруг в тихой стране тополей и каменных оград, голубятен и мечетей. Настроение здесь было мирное»³². В то же время «кое-где, в особенности на железнодорожной станции, ещё были заметны следы военного разгрома, расписание поездов не было установлено»³³.

Далее читаем и о первой встрече: «Когда их высадили на вокзальчике, мать с Ксенией, за неимением скамейки, уселись на подножке товарного вагона и принялись горько плакать. Вокруг них потихоньку собиралась толпа любопытных. Толстая баба, совершенная статуя, стояла неподвижно, с непроницаемым чёрным квадратом вместо лица и с густыми скибками* шаровар. Рядом с нею переминалась с ноги на ногу девочка, тоже в шароварчиках от пояса до пят: девочка была похожа на грибок. Мать — из любопытства, равно как и от ужаса — подняла взор, хотела пристальнее взглянуться в близкую статую и поднесла к заплаканным глазам висевший у неё на цепочке лорнет. Фигура-негатив слегка шарахнулась, дав понять, что всё время наблюдала за прибывшими через своё густотканное забрало. Девочка взвизгнула при виде второй пары глаз. Вокруг плакавших стягивалось кольцо пытливых. Обе стороны пугались друг друга, но и лорнет, и чадра возбуждали интерес.

— Боже, боже, куда нас занесло! — всхлипывали молодые русские женщины»³⁴.

Как видим, несмотря на тяжелые переживания и страх, у Зинаиды Григорьевны сразу возник интерес к неизвестному месту, а ее «живость» и знание французского языка помогли начать осваиваться в новой среде, многое о которой постепенно узнавалось. Например, «что здесь живёт много славянского населения, принадлежащего к магометанству»³⁵, равно как и особенности жизни и быта другой — христианской — части жителей, с которой соприкасались переселенки.

В частности, уклад дома, куда их поселили, запомнился так: «<...> в хороших семействах, к каковым принадлежало семейство хозяев, жили по-гаремному, хотя и в единобрачии, так как были христианами. Женщины, то есть жена, незамужние сёстры, дочери, бабка, прислужницы, почти не выходили из дому и весь день просиживали на низких лавочках, греясь у мангала, или, сидя на корточках, кипятили воду для чёрного кофе, жарили еду, разваривали овечьи ноги. Муж в большинстве случаев ходил сам на рынок, присутствовал при торгачинах**, он же заведовал погребом, где хранились запасы, выдавал харчи на день, принося из

* Предположительно, речь здесь идет о складках или сборках шаровар.

** То есть при торгах.

подвала то что-то длинное и кровавое, то миску риса, то фасоль. Единственным позволенным развлечением вне дома являлась для женщин баня, куда они ходили в определённые дни целыми родовыми общинами, как древние римлянки в термы, и где сидели часами, беседуя и парясь»³⁶.

Некоторые впечатления постепенно становились устойчивыми. К примеру, читаем: «В другой раз <...> водили их посмотреть на мусульманскую свадьбу. <...> Моя мать почувствовала себя так, словно переехала из своей северной российской столицы не в более западное по меридианам государство, а куда-то в обратную сторону, далеко и глубоко в “степи Средней Азии”, воспетые Бородиным*»³⁷. Восточное же, как по счастью оказалось, ей даже импонировало.

Другие начальные мнения — по мере узнавания югославянской, сербской действительности и традиций — признавались ошибочными. Подтверждение этому находим, например, в рассказе о приеме русских гостей у «местного прокурора, милого человека». А именно: «Хозяева приняли гостей чрезвычайно радушно. <...> Тут же при всех, чтобы гости были убеждены в его свежести, кофе варили и потом подавали в крошечных чашечках на узорчатом подносе. До того, как подать кофе, русских дам угостили вареньем. В вазочке лежали засахаренные куски арбузных корок, нечно незнакомое и до того восхитительное, что мать, ложку за ложкой, съела целую вазочку. Подобрал слова высшей деликатности, хозяева объяснили, что по сербскому образу действий надо взять один только раз, а затем отпить воды. Мать говорила, что потом не удивлялась больше ни величине кофейного прибора, ни откушиванию варенья. Она вспоминала русские самовары, русские варенья и потенья при чаепитиях и решила, что масштабы страны отражаются в масштабах гостеприимствования. А затем созналась, что была неправа: упомянутые кулинарные ухищрения хоть и подавались в малых дозах, зато ежедневной, вкусной и жирной пищей в некоторых сербских домах угощали её до паморочного** состояния»³⁸.

* Речь идет об опере А.П. Бородина «Князь Игорь».

** В данном случае означает — до обморочного состояния, до головокружения. (Паморок — временная потеря памяти, обморок. Паморока и паморка — временное беспамятство, умопомрачение. Памороки и паморки — головокружение.)

Вскоре появились у Зинаиды Григорьевны и первые знакомые, друзья среди сербов, отношения с которыми были продолжены впоследствии в Белграде³⁹. О начале дружбы с упомянутым прокурором и его супругой в книге рассказано в продолжение описания приема: «Жена прокурора с большим уважением предлагала всё приносимое также и своему супругу, но тот не брал, отговариваясь тем, что у него расстройство желудка. Несмотря на конфуз с вареньем и с расстройством, они сразу очень понравились друг другу. Мать уже тогда сговорила с этой четой, что если всё окончится благополучно и поскольку она со своим мужем останется жить в Сербии, то прокурор сделается крёстным отцом её ребенка. Этот договор был позже соблюден»⁴⁰.

В доме «будущего кума» Зинаида Григорьевна познакомилась и с «преподавателем словесности, тоже будущим белградским жителем и нашим другом». Он помогал ей «при розысках мужа, а также и в деле перевода её в Белград, на место учительницы пения»⁴¹. Он же, уловив ее интерес к Сербии, «начал давать ей первые уроки на сербские темы» — с патриотизмом, любовью и гордостью, «но без примитивного бахвальства». «Надо полагать, — заключала Ирина Георгиевна, — что здесь-то и взяла начало исключительная приверженность моей матери к Сербии и к Югославии вообще»⁴².

А если задаться вопросом о том, что Зинаида Григорьевна знала о новой стране? Какое представление имела о ней ранее? Об этом в общем говорит следующий отрывок из книги: «Всё, что мать раньше знала о Сербии, — это был Дунай с притоками Савой да Моравой, затем города Белград и Ниш, король Пётр и министр Пашич. Кроме того, были однажды прочитаны слова Леонида Андреева*, давно забытые, но теперь снова вспомнившиеся, о Сербии, как о маленькой и плохонькой стране, о стране зазорных людей и жалких неурядиц, игры в солдатики или чего-то в этом роде. А кто-то другой писал: “Арнауты и албанцы, молдоване, сербы, болгары...”. И Вронский в конце романа** ехал, кажется, в Сербию: к своему стыду, мать не помнила точ-

* Возможно, подразумевались его статьи (или одна из них) о Сербии: «Слово о Сербии» (1914), «Торгующим во храме» (1914).

** Речь о романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

но, в Болгарию ли, или в Сербию. Моя мать тогда ещё точно не улавливала, в чём тут вышло дело после войны, с какими частями чужих государств объединилась Сербия в более обширное государство»⁴³.

С другой стороны, имелась у нее и готовность это исправить — узнать новую страну: «Но она всегда была любознательна, а теперь уж и поневоле приходилось быть таковой, ввиду всё более реальных очертаний её будущего»⁴⁴.

В то же время Зинаида Григорьевна всеми силами старалась найти своего мужа. В частности, «она дала объявление в “Русскую газету”, начавшую выходить в Белграде, через которую в то время люди главным образом и разыскивали друг друга. <...> Этот номер газеты отец получил и прочёл в Константинополе»⁴⁵. Некоторое время спустя связь между супругами восстановилась.

Уже в Куманово Зинаиде Григорьевне «удалось начать зарабатывать»: «Хотя во всём городе и было всего два рояля, но сыскались ученики, и она давала уроки, помня наказ мужа — немедленно становиться на свои ноги, да и незабвенный бабушкин завет молотить самой свою рожь»⁴⁶.

Она постепенно «свыкалась со своим новым положением, утверждаясь в мысли, что ей придётся прожить в Сербии еще довольно долго», узнавала и привязывалась к новой стране⁴⁷. В одном ее письме мужу в 1920 г. говорилось: «Среди сербов я встречаю так много ласки! Поверь — это моя вторая родина, она скоро станет и твоею. Никаких лагерей здесь нет. Здесь мы полноправные граждане страны. Встретили нас так радушно, как только могли. А сколько интересного, сколько экзотики вокруг! Мне понадобится много дней, чтобы всё тебе рассказать...»⁴⁸. «Отец в ответах касался почти исключительно своих хлопот о переезде и задержек с визой, финансов, незадач, случающихся с русскими в Турции, и своей тоски по жене», — продолжала Ирина Георгиевна⁴⁹.

Вскоре, в мае, при участии еще одного нового знакомого [социалист (или коммунист), «в то время член парламента»] Зинаида Григорьевна «получила службу в Белграде, в гимназии, где ей предстояло преподавать пение сербским девочкам, на сербском языке»⁵⁰.

Завершая рассказ о первых месяцах своей будущей матери на новом месте, Ирина Георгиевна отметила: «Благодаря очень удачному стечению обстоятельств в Куманове — благодаря незатейливому прокурору, редко умному преподавателю словесности и забавному политику — моя мать пошла по своему жизненному пути на чужбине без той занозы, которая крепко засела во многих беженских сердцах. Она подружилась с первыми знакомыми за рубежом так, как можно подружиться на даче с симпатичным соседом, с крестьянином, с продавцом: наблюдательно, отбрасывая пока все сравнения или оставляя их про себя. А кроме того — Восток не был ей чужд. Рождённая в Крыму, она особенно и не любила промозглого Петербурга, в котором потом жила, с его тонкими насмешками, баронами и туманами. <...>»⁵¹.

Именно, подчеркнем здесь, через личные отношения Зинаида Григорьевна привыкала и осваивалась в новой обстановке. Большую роль в успехе этого играли, конечно, ее собственная активность, природная любознательность и доброжелательность.

Благодаря ее стараниям по переведению мужа из Константинополя⁵², 10 июля 1920 г. супруги встретились в Белграде. А далее они должны были сделать выбор, который вставал перед всеми беженцами или эмигрантами, — как жить, куда двигаться дальше. «Несмотря на всякие думы и толки в русской колонии, молодая чета твёрдо постановила осесть в Белграде, — писала об этом Ирина Георгиевна. — Они вынесли заключение, что если им здесь и придётся туго, из-за мешанства, скуки и мелких дрызг, то всё-таки будет не хуже, чем в парижских ночных кафешантанах, где бы мать, наверно, поступила тапёршей, или в Берлине, где бы отец, предположим, сделался шофёром такси. Многих беженцев тянуло куда-то дальше. <...> У моих родителей не хватало ни желания снова передвигаться, ни энергии, ни денег. Здесь их не деклассировали, а это для них было главным». «И тот, и другой, — добавляла она, — после некоторого времени продолжали работать по своему призванию, в чинах, которые соответствовали их начальным службам в России»⁵³.

Это был их осознанный выбор, который помог им адаптироваться и интегрироваться в белградское, сербское общество. До определенной степени, конечно.

В их новой жизни, разумеется, не всё шло гладко — и в отношениях с людьми, и в быту. В Белграде, к примеру, «вначале не было интересных знакомств», жили они в «невзрачной мебелированной комнатке», хозяйку которой «у новых жильцов» «раздражало и возмущало незнание языка»⁵⁴.

Кроме того, отец Ирины Георгиевны «не сразу устроился в Белграде». Сначала «его послали за городок Голубац», где прокладывали дорогу, потом в Шабац. Будучи в Голубаце, он среди прочего писал жене: «Я не очень доволен ходом работ, и главное, системой работ: бестолково, безграмотно — даже русские иногда работают лучше, но в чужой монастырь со своим уставом не ходят, и я со своими предложениями не лезу. Зато рабочие здесь золото, они проникнуты сознанием пользы этого дела»⁵⁵. Затем, по словам автора, «на первой инженерной службе в Белграде у отца бывали нелады с начальством. Платили неаккуратно, подчас шиканировали*, выказывали недоверие к его познаниям, приобретённым бог весть где, в каких-то там неизвестных школах»⁵⁶.

А когда мать Ирины Георгиевны «начала давать уроки музыки по домам», то в одном ее заподозрили в краже дешевого ожерелья. «На другой день, — читаем об этом далее, — туда явился отец и на прытком сербском языке, которому он к этому случаю накануне особо подучился, накричал замечательно. Мать перестала ходить туда»⁵⁷.

Надо сказать, что отмеченные сложности — насколько это было возможно — постепенно преодолевались. Сербский язык, в частности, четой Грицкат был вскоре освоен, что способствовало узнаванию и пониманию другого народа и культуры (к чему приходили не все эмигранты). Прилагались силы и к улучшению материальной стороны жизни — со временем Зинаида Григорьевна «начала давать уроки французского, чтобы улучшить карманные дела»⁵⁸, «купила новые матрасы» («хозяйкины полны клопов») и «приобрела примус»⁵⁹.

В итоге, как рассказывала Ирина Георгиевна, «они сравнительно очень скоро поправили и свои общественные позиции, и свои денежные дела. Летом 1921-го года мой отец даже послал

* Сербизм от «шиканирати» (сербск.) — придирается, причинять неприятности.

мать, как туристку, одну в Словению. Так началось наше семейное обожание этой страны»⁶⁰.

Параллельно узнавались Белград и провинция, уклад обычной жизни сербов и местные нравы, при описании которых, как и в рассказе о Куманово, мать и дочь Грицкат неоднократно обращали внимание на положение женщин и отношения между мужчинами и женщинами — темы (разумеется, не единственные!), вызывавшие их явный интерес. Приведем несколько примечательных воспоминаний-зарисовок. (Перекликающихся, к слову, по духу и иногда содержанию с тем, как описывали женщин в Сербии русские очевидцы, бывавшие или жившие там ранее⁶¹.)

«У большинства частных домиков, — читаем про Белград, — были глубокие задние сады, полные левкоев, желтофиоли, сирени, гиацинтов и сорных трав, с колодцами или насосиками. <...> Через поломанный забор родители видели однажды, как важный человек в феске сидит под раскидистым деревом, а женщина, очевидно, жена, моет ему ноги в огромном тазу»⁶².

Еще одно из впечатлений Зинаиды Григорьевны, переданное в письме подруге: «Женщины тут, правда, красивые, но немного иконописные, с византийскими лицами. Рабы мужей. У меня есть сослуживица, очень милая сербская дама. Так она, несмотря на строгость и резкость директора, почти каждое утро опаздывает на уроки и всё извиняется. Знаете, почему? Муж, видите ли, по утрам лежит в постели, и она должна каждое утро идти на базар за свежим мясом и подавать ему горячие котлетки в постель. Это его зарядка на день. А её зарядка — сбегать на рынок, изжарить и вдобавок выслушать замечания директора...»⁶³.

В Белграде возобновились контакты со знакомыми Зинаиды Григорьевны по Куманову. Из повествования об этом и в связи с затронутой выше темой выделим два фрагмента. Первый о семье прокурора: «Когда прокурор перебрался в Белград, стали часто бывать друг у друга в гостях. Его жену моя мать начала учить мелким женским хитростям. А именно, несчастная жаловалась матери, доверчиво и с удивительными подробностями, что муж слишком уж редко стал ласкать. Моя мать заставила её попробовать учиться пению, шить пёстрые платья, а не только серые, менять прическу. Озарившаяся жена начала было входить

во вкус, но муж, по-видимому, пригarkнул, или даже прибил, хоть она об этом и не распространялась. Платья вскоре опять пошли исключительно серые, на затылке воцарилась скромная дулька, и всякое пение прекратилось. Затем прокурор чем-то заболел и слёг, попал даже в больницу. Его жена простаивала под окнами больничной палаты с шести утра до десяти вечера, словно преданная собака, без всякой пользы и нужды»⁶⁴.

Второй сюжет — о «преподавателе словесности» и «социалисте», которые также приходили в гости к чете Грицкат. «Оба стали приводить своих жён (о которых так мало было речи в Куманове, про которых мужа попросту забывали), так что теперь сидели вшестером, едва помещаясь в убогой комнатухе. <...> Потребности в смысле трапезы и комфорта были в силу обстоятельств очень сокращены, но беседы шли оживлённые. В них участвовали, конечно, только мои родители и сербские мужчины. Сербские жёны, во-первых, не знали французского языка, — хотя к тому времени отец с матерью уже начинали говорить по-сербски, — во-вторых, считалось неприкрытым, чтобы женщины вмешивались в дело не своего ума. Они лишь изредка обменивались тихими советами о способах соления капусты или о синьке для белья»⁶⁵.

Наблюдая и познавая окружавшую их действительность, супруги Грицкат пытались понять народ и страну, в которой они теперь жили. «Мои мать с отцом, — писала Ирина Георгиевна, — долго думали — какое бы определение дать стране, где заподозривают в краже жестяной безделушки, где жёны моют ноги мужьям, и где в то же самое время всем правительством, всем войском и всем народом уходят в эмиграцию, чтобы не сдать врагу. Примитивизм ли это, сочетающийся с усиленной ксенофобией? Но ведь русских приняли сердечно, народ, видимо, участливый. Родители не сразу находили правильные формулировки, многое думали и говорили о сербах — как и все их здешние соотечественники — многое из того, что не совсем соответствовало правде. Гораздо позже моя мать заметила:

— Необыкновенные эти сербы. Мелкие в мелком, великие в великом»⁶⁶.

Отметим, что в воспоминаниях имеются и другие наблюдения о сербах и их отношениях с русскими, а сама тема русской

эмиграции занимает в книге одно из центральных мест. Понимая, что в небольшой работе невозможно даже упомянуть все аспекты, добавим для полноты картины еще несколько воспоминаний и рассуждений о судьбах русских в Белграде и отношениях двух народов.

«Русских в Белграде было множество, — писала Ирина Георгиевна, — но большинство находилось в ожидании, в передвижении и не бросало якоря. <...> Ввиду непреодолимого страха перед будущим, в белградских русских кругах происходило большое количество бракосочетаний. <...> Помимо многочисленных русских комитетов, собраний, заседаний, союзов, столовых, закусочных заведений и бань, беженцы, понятно, встречались и по частным домам, скрепляя новые дружбы. Ночной жизни в эти первые послевоенные годы в Белграде не было, и если кто-нибудь поздно вечером бежал по пустынной улице, подгибая подол или стуча палкой, это почти наверное была русская душа. <...>»⁶⁷.

И далее: «Однако время шло, и по Сербии стала понемногу распространяться русская культура, вносимая либо тем, что русские зарабатывали ею на хлеб насущный, либо тем, что ею изливали свои таланты и восторги сердца. Нельзя забывать, что во время войн с 1912-го по 1918-ый год Сербия потеряла большой процент своей интеллигенции»⁶⁸.

О короле Александре Карагеоргиевиче* и русских читаем: «Бывший русский ученик Александр явно симпатизировал и покровительствовал русской эмиграции. Этого эмигранты не забывали, слух о нём распространялся, и по прошествии многих десятков лет от его смерти, в странах, лежащих за тысячи вёрст, у семейств, которые никогда не бывали в Югославии, можно было видеть его фотографии на стене, среди портретов убиенных Романовых. <...>»⁶⁹. Или: «Сербского, позже югославского короля Александра русские любили, потому что и он их любил. <...>»⁷⁰. (О гибели Александра в 1934 г. и прощании «с нашим королем» сохранились и воспоминания самой Ирины Георгиевны⁷¹.)

* Александр Карагеоргиевич (1888–1934) — регент-престолонаследник Королевства Сербия (1914–1918) и Королевства СХС (1918–1921); король сербов, хорватов и словенцев (1921–1929), король Югославии (1929–1934). Окончил Пажеский корпус в Санкт-Петербурге.

Взгляды обеих сторон — русских и сербов — на эмиграцию представлены в следующем фрагменте — размышлении Ирины Георгиевны: «Многие говорили, что в Сербию переселилась душа старой России, и что русских нигде так тепло не встретили, как здесь; а здесь проживали в те времена король Александр, министр Пашич, секретарь Академии наук Белич. Некоторые из сербов сочли русских эмигрантов симпатичным и полезным для себя явлением. Иные же рассуждали, что вовсе не нужно было давать приют и хлеб надменным чужеземцам, когда собственные рабочие и крестьяне нередко голодают; незачем было ютить у себя белую русскую армию, с её бесчисленными генералами, с царскими знамёнами, с главнокомандующим Врангелем, незачем было тратить деньги на разные сиротские дома и корпуса, раз из них вылуплялись позже аферисты, кутилы... вслед за тем полицейские шпионы и гитлеровцы»⁷².

Главное убеждение всей семьи Грицкат о жизни русских в Югославии, подтверждающееся и в описании разных эмигрантских судеб в тексте, было таким: «<...> русская эмиграция жила в Югославии и хорошо и полезно, и достойно своих талантов и знаний, и плоховато и плохо, и грязно и комично, и даже подчас жалко. Но в этой стране меньше всего выпало на её долю оскорбления, меньше всего униженного, пошленького, тривиального, забулдыжно-кабацкого, постыдного прозябания. Поскольку русский человек здесь не наступал на мозоль местному человеку — а и местных ведь надо понять, бесчисленные захватчики боролись за их поля, судоходные реки и рудники — этого русского человека принимали в большинстве случаев как друга, даже уважали в нём более маститого знатока, если он таковым являлся. К политически не провинившимся русским эмигрантам хорошо отнеслись даже югославские коммунисты после Второй мировой войны»⁷³.

Для четы Грицкат первое время вне родины было, конечно, как и для подавляющего большинства беженцев/эмигрантов из России, временем выживания. Не для всех жизненные обстоятельства оборачивались благоприятно. Кто-то был ранен, слаб здоровьем, не смог пережить драму и травму исхода и беженства и т.д. Судьбы в итоге складывались по-разному, равно как и от-

ношения — в том числе и в кругах русских, в чем-то являясь тем не менее продолжением этой самой драмы.

Об этом Ирина Георгиевна, в частности, писала: «<...> Мои родители — инженер и преподавательница музыки — отнюдь не считались среди русских сливками общества. А жили здесь и старые, изувеченные, ни к какой работе не пригодные люди. Их вина состояла лишь в том, что они не хотели нарушать воинской, по их пониманию божественной присяги, или же, из чисто идеологических соображений, подумывали о походе против своей покинутой родины. <...> Здесь беспощадно ссорились между собой, разветвлялись и расщеплялись <...>. Всё это напоминало древнюю китайскую легенду о том, как воины, павшие на поле брани, ещё три дня продолжали битву на небесах, не будучи в силах поверить, что битва проиграна и окончена»⁷⁴.

С другой стороны, родители Ирины Георгиевны, по всей видимости, не стремились и не могли целиком влиться в «эмигрантскую среду». «Однако, несмотря на винты и иные приходы и сидения многочисленных гостей, запомнилось чувство нашего житья на каком-то собственном берегу, запомнилось наблюдательское отношение к окружающей нас жизни. Моим родителям был до того чужд малейший намёк на гуртовое начало, что они никак не могли полностью включиться ни в эмигрантскую среду, ни в сербскую, ни в правые, ни в левые течения», — писала Ирина Георгиевна⁷⁵.

И ниже: «<...> Получалось же так, что они отворачивались от многого <...>. Было не так уж много русских, которые бы совсем искренно нравились им, хотя бывали и такие. <...> Они обособились, хоть и не изолировались; продолжали быть настоящими русскими людьми, но не сделались специфическими русскими эмигрантами. <...>»⁷⁶.

Возвращаясь к началу жизни супругов Грицкат в новой стране, подчеркнем, что им посчастливилось обладать достаточными физическими и душевными силами, личными качествами и мотивацией, чтобы самосохраниться и продолжить жить. В письмах Зинаида Григорьевна делилась с подругой: «Не раз мы с мужем говорили о том, что революция безжалостно отмечает всё слабое, а оставляет сильное, приказывая применяться к обстоятельству

вам. И мы причисляем себя к сильным, даже к счастливым. Ведь сколько разбитых и помешавшихся кругом! <...>»⁷⁷. И далее: «...Я бедности боюсь, беженщины, потери жизненных форм. Буду работать выше всех моих сил, чтобы только в доме было чисто, чтобы можно было купить книгу или съездить куда-нибудь. Буду всегда играть вальс только на рояле; умру, а не стану играть на гребёнке, на смех иностранцам...»⁷⁸.

А любимое ими дело, работа по профессии — разумеется, при участии в их судьбе окружавших их людей! — помогли им выжить. Об этом Зинаида Григорьевна писала подруге так: «В общем, мы сами себе сказали, что надо успокоиться. И это нам удаётся главным образом благодаря наличию повседневной довольно тяжёлой работы, умственной, да и физической. <...> Наша жизнь — жизнь квалифицированных рабочих. Живём в одной комнате, по утрам муж топит печь, чтобы согреть чай, да и нас самих, потом мы уходим на наши службы, вечером сходимся и опять растапливаем, читаем и заваливаемся спать в девять часов. И в такой жизни есть что-то удовлетворяющее. Раз уж выпало на нашу долю переживать ужасы войны и революции и быть политическими эмигрантами — то так всё-таки лучше. Муж определённо отдыхает от военных кошмаров и предаётся своему делу, которое, в конце концов, очень любит: водопроводное ведь дело одинаково во всякой почве. А я... я должна сознаться, что впервые после четырнадцатого года вспомнила, что есть на свете и радости, и иные интересы, кроме политики и вопросов пропитания. <...>»⁷⁹.

Со временем появилась у четы и возможность завести ребёнка⁸⁰. И понимание того, как жить дальше, когда неизвестно, «предстоит ли или не предстоит возвращение в Россию». А именно: «Эмигрантское существование в Сербии сравнительно не так тяжело: здесь, в общем, не оскорбляют национального достоинства, может быть — думают, что бедные родственники приехали только на время. Но и они всегда будут стараться не оскорблять здешнего, хозяйского достоинства, постараются на всех своих будущих службах и должностях быть полезными, но оставаться в тени, удерживая чувство превосходства, очень явственное для них в мещанской среде... А пупсика (ребенка. — Ю.Л.) научат

отличать хорошее от плохого, будут учить его русской грамоте, музыке, языкам, дадут ему высшее образование!»⁸¹. Так впоследствии и произошло.

Георгий Георгиевич с 1922 г. работал в Белградском водопроводе, который ему со временем предложили возглавить, но он это отверг, объяснив свой отказ тем, что в стране, где он не хозяин, согласится быть только вторым — и стал его вице-директором. А Зинаида Григорьевна преподавала в музыкальных школах «Станкович» (1920–1948 гг.) и «Мокраяц» (1948–1954 гг.), вела частные уроки, писала статьи о музыке, читала лекции, выступала на радио⁸².

Родители Ирины Георгиевны много работали на благо семьи и «второй родины», уважали ее традиции, через некоторое время стали жить лучше и «перестали думать о возвращении в прошлое»⁸³. Они приняли и полюбили Белград, Сербию и Югославию, пройдя вместе с сербами «через все горнила испытаний», при всём этом оставаясь «настоящими русскими людьми», и передали свои настроения дочери.

«Почти всё, чем я позже была, вобрано было в семье, в первые двенадцать или четырнадцать лет жизни. Никакие школьные учителя, никакие университетские профессора не влияли на меня. Вся музыка, все мои ямбы и амфибрахии, политические убеждения, все отношения к людям, тяга к блужданиям и к горам, к раннему укладыванию в постель, равнодушие к качествам еды и питья, суеверия, сновидения...», — писала о своем «духовном развитии», «становлении» Ирина Георгиевна⁸⁴. А в другом месте заметила: «Да, родительские разговоры и занятия имели прямое отношение к моим одиноким исканиям в горах. Я лишь продолжала катить то, чему они дали толчок»⁸⁵.

И свою книгу Ирина Георгиевна посвятила именно им. «Что, если б снова родиться? Нет, я не хотела бы ещё раз прожить ту же жизнь. Мне хотелось бы новых ландшафтов, новой науки, новой любви, и лишь тех же самых мать и отца, памяти которых и посвящены эти страницы», — читаем мы в конце ее рукописи⁸⁶.

В заключение еще раз отметим, что в истории семьи И.Г. Грицкат опыт бытия русских эмигрантов в Королевстве СХС/Югославии — один из самых важных, а в ее книге тема русской эмиграции занимает одно из центральных мест. Мы лишь затронули отдельные ее сюжеты: историю переселения и повседневной жизни русских, проблему самоидентификации, вопрос об отношении к Сербии и о взаимоотношениях с сербами.

Как мы видели, немалую роль в проживании и переживании супругами Грицкат сложного опыта эмиграции, узнавании и освоении нового пространства и культуры играли их отношения с сербами, народом их новой родины, и искренняя симпатия к Сербии и сербам.

Примечания

- ¹ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине [Машинописная рукопись в двух частях (1984 г., 555 л.). Из личного архива А.Б. Арсеньева (г. Нови-Сад, Сербия)]. Л. 185.
- ² Общий обзор отечественных исследований по проблемам советско-югославских и русско-сербских отношений в межвоенный период уже делался нами. См.: *Лобачева Ю.В.* Югославия в системе международных отношений в 1920–1930-е годы. Историографический обзор // *Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв.* К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева. Сб. статей / Отв. редактор С.И. Данченко. М., 2017. С. 389–407. В числе работ, опубликованных после 2017 г., назовем следующие: *Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944)* / А.Б. Арсеньев, М.Л. Ордовский-Танаевский. Кн. 1–2. Белград, М., 2018; *Столетие двух эмиграций. 1919–2019. Сборник статей / Редакционная коллегия: А.Ю. Тимофеев (отв. ред.), А.А. Силкин, В.С. Путятин, М. Живанович. М., Белград, 2019; Никифоров К.В.* Особенности изучения русской эмиграции в Югославии // *Никифоров К.В.* От Сербии до Сербии. В поисках модернизации. Конец XIX — начало XXI в. М., 2021. С. 62–75 и др.
- ³ Стоит заметить, что этот сюжет — проблемы взаимовосприятия и взаимопредставления в отношениях русских и сербов — уже продолжительное время является объектом исследовательского интереса. См., напр.: *Иванович М.* «Русской песне тесно под южным небом, ей нужно пространство, высокое небо»: образ Балкан в восприятии русских беженцев (1920–1940) // *Человек на Балканах глазами русских: сборник статей / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин.* СПб., 2011. С. 246–276; *Арсеньев А.Б.* Прибытие русских беженцев-эмигрантов в Королевство СХС: свидетельство // *Столетие двух эмиграций. 1919–2019.* М., Белград, 2019. С. 115–146; *Силкин А.А.* Образ Белграда и Сербии в сочинениях русских эмигрантов // *Славянские чтения: Сборник материалов международной конференции Института славянской культуры.* Вып. 1 (VI). М., 2019. С. 4–13; *Никифоров К.В.* Взгляд русских и сербов друг на друга // *Никифоров К.В.* От Сербии до Сербии. В поисках модернизации. Конец XIX — начало XXI в. М., 2021. С. 30–61.
- ⁴ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине.

- ⁵ *Арсеньев А. Ирена Грицкат-Радуловић (1922–2009) // Руски алманах. № 14. Земун, 2009. С. 136–144; Арсеньев А.Б. Заметки о билингвизме Ирины Георгиевны Грицкат-Радулович // Русский язык как инославянский: современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении. Белград, 2010. С. 84–95; Он же. Ирена Грицкат-Радулович — филолог, эссеист, поэт // Српско-руски круг: Книжечно-уметнички алманах. 2019/2020; Српско-руский круг: Литературно-художественный альманах. 2019/2020. М., Белград, 2019. С. 441–445.*
- ⁶ *Шемякин А.Л., Силкин А.А. «Долой монархию! Да здравствует король Петр!» (Из русских записок сербского академика) // Славянский альманах 2010. М., 2011. С. 419–461; Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине // Русские о Сербии и сербах. Том II (архивные свидетельства) / сост., введ., закл. ст. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. М., 2014. С. 511–550; Из воспоминаний академика Сербской академии наук, лингвиста И.Г. Грицкат-Радулович «На зарубежной родине» (1929–1944) // Москва — Сербия; Белград — Россия. Сборник документов и материалов. М.; Белград, 2017. Том 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / Авторы-составители: Алексей Тимофеjew, Горан Милорадовић, Александр Силкин. С. 197–220, 236–241.*
- ⁷ *Грицкат-Радуловић И. У лебдивом ходу: сећања / Ирена Грицкат. Нови Сад, 1994. С. 260.*
- ⁸ См., напр., статьи в книге: Јужнословенски филолог. LXVI. У спомен на академика Ирѣну Грицкат. Београд, 2010 и др.
- ⁹ Подробнее об Ирине Георгиевне см.: *Арсеньев А. Ирена Грицкат-Радуловић (1922–2009); Арсеньев А. Ирена Грицкат-Радулович — филолог, эссеист, поэт. Также см.: Гортан-Премк Д. Ирена Грицкат-Радуловић — велики лексикограф и учитељ лексикографије // Јужнословенски филолог. LXVI. У спомен на академика Ирѣну Грицкат. Београд, 2010. С. 21–30; Драгићевић Р. Семантичка истраживања Ирѣне Грицкат // Там же. С. 31–49; Ивић М. Ирена Грицкат-Радуловић // Там же. С. 11–12; Марковић М. Биобиблиографија академика Ирѣне Грицкат-Радуловић // Там же С. 51–108.*
- ¹⁰ *Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине. Л. 1.*
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Л. 2.
- ¹³ Там же. Л. 6.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Подробнее об этом: Там же. Л. 1–2.
- ¹⁶ Там же. Л. 9–58. Большие фрагменты из текста, помещенного на листах 30–54, опубликованы в: *Шемякин А.Л., Силкин А.А. «Долой монархию! Да здравствует король Петр!»*. С. 419–461; *Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине // Русские о Сербии и сербах. С. 511–550. Важно добавить, что существенные фрагменты рукописи, содержащие размышления и воспоминания самой Ирины Георгиевны, на которые мы также опираемся, цитируя их по оригинальному тексту, опубликованы в: Из воспоминаний академика Сербской академии наук, лингвиста И.Г. Грицкат-Радулович «На зарубежной родине» (1929–1944) // Москва — Сербия; Белград — Россия. Сборник документов и материалов. С. 197–210.*
- ¹⁷ *Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине. Л. 30.*
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.

- 21 Там же.
- 22 Там же. Л. 343.
- 23 Там же. Л. 344.
- 24 «Семейство отца было наполовину литовское, наполовину же состояло из обрусевших прибалтийских немцев» (Там же. Л. 9). По ее же словам, «он был протестантом в православной среде» (Арсеньев А. Ирена Грицкат-Радулович — филолог, эссеист, поэт. С. 444).
- 25 *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 5.
- 26 Подробнее о жизни родителей Ирины Георгиевны до эмиграции см.: *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 9–27. Также: *Арсеньев А. Ирена Грицкат-Радулович* (1922–2009). С. 138–140; *Арсеньев А. Ирена Грицкат-Радулович* — филолог, эссеист, поэт. С. 442–444; *Грицкат Зинаида Григорьевна* (1889–1963) / Ирена Радулович-Грицкат и Аница Васић // Биографски речник. Нови Сад, 2009. Књ. 3. С. 813.
- 27 *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 30.
- 28 Там же.
- 29 Там же. Л. 265.
- 30 Там же. Л. 19.
- 31 Там же.
- 32 Там же. Л. 31.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 Там же. Л. 34.
- 37 Там же.
- 38 Там же. Л. 35.
- 39 «Мать с Ксенией недолго пробыли в этом своём первом эмигрантском обиталище, но успели познакомиться с видными жителями Куманова и приобрести полезные связи», — писала Ирина Георгиевна (Там же).
- 40 Там же.
- 41 Там же. Л. 36.
- 42 Там же.
- 43 Там же.
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 Там же. Л. 40.
- 47 Подробнее: Там же. Л. 37–42.
- 48 Там же. Л. 42.
- 49 Там же.
- 50 Там же. Л. 43.
- 51 Там же.
- 52 «В Белграде мать чуть ли не сразу добралась до товарища министра иностранных дел, в связи с вызволением мужа из Константинополя. Она ходатайствовала о том, чтобы была “положена резолюция” — как она выразилась в письме — о его вызове и о назначении на службу в министерстве строительства. К лету её предприимчивость увенчалась наконец успехом», — читаем об этом в книге (Там же. Л. 44).

- 53 Там же.
- 54 Там же. Л. 46.
- 55 Там же. Л. 47.
- 56 Там же. Л. 48.
- 57 Там же.
- 58 Там же. Л. 47.
- 59 Там же. Л. 48.
- 60 «Я считаю это первое путешествие, — писала Ирина Георгиевна, — самым отважным, самым передовым шагом всей их эмигрантской жизни. Откуда взялась такая бойкость, когда ещё почти никто из югославов ни в какие летние странствия не пускался, когда соединившиеся в одном Королевстве народы и не знали толком своих новых соотечественников и их краёв!» (Там же).
- 61 См., напр.: Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / составление, предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М.В. Белова. СПб., 2018; Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. СПб., 2006; Русские о Сербии и сербах. Том III (сербские сочинения П.А. Ровинского). СПб.; М.: Нестор-История, 2019. Также: Лобачева Ю.В. Сербские женщины в путевых очерках П.А. Ровинского // Человек на Балканах. Памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018) / под общ. ред. А.А. Силкина, Е.П. Серапионовой, Ю.В. Лобачевой, А.Ю. Тимофеева. М.; СПб., 2020. С. 96–127.
- 62 Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине. Л. 45.
- 63 Там же. Л. 54.
- 64 Там же. Л. 48–49.
- 65 Там же. Л. 49.
- 66 Там же. Л. 50.
- 67 Там же. Л. 51.
- 68 Там же. Л. 52.
- 69 Там же.
- 70 Там же. Л. 343.
- 71 Там же. Л. 347–350.
- 72 Там же. Л. 185.
- 73 Там же. Л. 260.
- 74 Там же. Л. 186–187.
- 75 Там же. Л. 112.
- 76 Там же.
- 77 Там же. Л. 54–55.
- 78 Там же. Л. 55.
- 79 Там же. Л. 54.
- 80 Там же. Л. 55.
- 81 Там же.
- 82 Арсеньев А. Ирена Грицкат-Радулович (1922–2009). С. 139–140; Арсеньев А. Ирена Грицкат-Радулович — филолог, эссеист, поэт. С. 443; Грицкат Зинаида Григорьевна (1889–1963) / Ирена Радуловић-Грицкат и Аница Васић. С. 813. О профессиональной деятельности Зинаиды Григорьевны ее дочь вспоминала: «Моя мать и работала, и уставала больше, чем отец; подчас она прос-

то отуманивалась от работы за роялем. Долгие годы — это казалось навеки установившимся правилом — она почти с утра до вечера давала уроки по понедельникам и четвергам в музыкальном училище, по вторникам и пятницам на дому, а по средам и субботам ходила преподавать в частных, богатых и снобовских домах, где щедро платили за ничтожные успехи разнраженных девочек. Конечно, необходимо заметить, что в делах домашних она не несла почти никакой нагрузки, так как у нас всегда был кто-то, кто за хозяйку работал по дому». Кроме этого, «мать одно время публиковала статьи в белградских журналах, главным образом на темы о русской и, в частности, о советской музыке» (*Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 304).

83 Из рассказа об их жизни около 1925/1926 г.: «Материальное положение родителей улучшалось с каждым годом. Работали они оба не жалея сил. Уже в то время они совершенно перестали думать о возвращении в прошлое, чем очень отличались от большинства русских эмигрантов. Несмотря на переутомление и тоску по маленькой дочке, которую по целым дням приходилось оставлять на чужих руках, они зимою сколачивали небольшую деньгу, а летом превращались в туристов и знакомились со страной, в которую забросила их судьба» (Там же. Л. 67).

84 Там же. Л. 133. (Подробнее: Там же. Л. 98–133). К примеру, одно из ее воспоминаний: «Во всём воспитании и образовании, вообще во всём “становлении”, как это теперь говорят, а раньше не говорили — ненавязчиво, но неотъемлемо присутствовал ещё один факт: мы живём в Сербии, но мы — русские. <...> Всё кругом было сербское <...>. <...> и сам Белград был сербом, его нельзя было мыслить иначе. А наша жизнь — это русский остров в сербском море. В какой-то самой зачаточной форме вырабатывалось чувство, что влюбляться можно только в сербское, как в более отдалённое от себя, более непохожее, более увлекательное. Но любить возможно одно лишь русское, как своё. <...>» (Там же. Л. 107). С другой стороны, «родители не отдали меня в русские школы: ни в подготовительную, ни в гимназию. <...> Родители также говорили, что не хотят делать из меня эмигрантку второго поколения» (Там же. Л. 191).

85 Там же. Л. 552.

86 Там же. Л. 555.

Особенности изучения русской эмиграции в Королевстве СХС (Югославии)

Изучение представлений русских о Балканах нужно начинать с Ирины Степановны Достян. Она смело бралась за новые, еще не разработанные в историографии темы. Одной из них стало отношение русских к балканским народам, в частности к сербам, и как это отражалось в русской общественной мысли первой четверти XIX в. Этой теме И.С. Достян посвятила специальную монографию «Русская общественная мысль и балканские народы»¹. Мы полностью согласны с М.В. Беловым, который назвал это исследование «пионерским» в своей публикации, собравшей свидетельства русских путешественников на Балканах в первой половине XIX в.²

Но всё же это были в основном одиночные контакты. Представление же одного народа о другом возникает, как правило, при массовых контактах. И одним из таких массовых и длительных контактов двух народов было присутствие в Югославии (преимущественно в Сербии) в период между двумя мировыми войнами русских эмигрантов, бежавших после поражения Белого движения в Гражданской войне в России. Кстати, именно в 2020 г. отмечалось 100-летие Русского исхода и окончания Гражданской войны.

Работы, выходившие в советское время и посвященные русской послеоктябрьской эмиграции, даже лучшие из них, никак нельзя было считать научными и объективными. Чаще всего они носили крайне идеологизированный пропагандистский характер. Условно переходный, не столь ярко выраженный, но все-таки однобокий характер носила выдержавшая несколько изданий книга Л.К. Шкаренкова с характерным названием «Агония белой эмиграции»³.

Серьезное научное изучение проблемы русской послеоктябрьской эмиграции в Сербии и Югославии началось на исходе советской власти и было связано со статьями доцента кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ В.А. Тесемникова «Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.)»⁴ и будущего академика Ю.А. Писарева «Российская эмиграция в Югославии»⁵. Надо отдать им должное — в отечественной историографии они были первыми. По крайней мере, первыми, кто постарался и смог взглянуть на проблему эмиграции непредвзято.

Интересно, что оба ученых пришли к теме эмиграции благодаря существовавшему в Белграде «Русскому дому», построенному еще эмигрантами и в котором позднее располагался Дом советской культуры (ДСК). В.А. Тесемников дважды по несколько лет работал в этом Доме, а Ю.А. Писарев часто бывал здесь во время командировок. Оба они застали остатки находившейся в «Русском доме» и уничтоженной почти полностью эмигрантской библиотеки.

Основная тема статьи Писарева — культурная и научная деятельность русской эмиграции в Югославии. И она до сих пор остается доминирующей в отечественной и сербской историографии⁶.

В России проблемами русской эмиграции и их вкладом в сербскую культуру много занимался В.И. Косик. Отметим две книжки его очерков «Что мне до вас, мостовые Белграда?» и исследование «Русские краски на балканской палитре» — о русских деятелях балканского театра, живописи, скульптуры, архитектуры, оперы и балета, музыки⁷. Он же вместе с В.А. Тесемниковым явился составителем своего рода хрестоматии «Русский Белград»⁸. В целом, работ, посвященных вкладу русских эмигрантов в культуру приютивших их балканских стран, очень много. Среди них назовем книгу Н.М. Вагаповой «Русская театральная эмиграция»⁹. Появилась также справочная литература, например, биографический словарь и анкеты находившихся в Югославии русских врачей¹⁰.

Строго говоря, не все работы о русской эмиграции полностью отвечали научным критериям. После долгих лет враждебного от-

ношения к белоэмигрантам в советское время, появилась обратная тенденция их определенной апологетики. Конечно, в жизни всё было сложнее. Часто по жанру многие работы относились скорее к публицистике. Но и такие работы обогащали наше знание.

Эмиграция состояла из людей. Теперь мы гораздо больше знаем о многих русских людях, оказавшихся в эмиграции. Хотя бы только четверых хочется назвать. Сегодня одним из самых известных русских эмигрантов в Югославии является Николай Петрович Краснов (1864–1939), имя которого на родине долгое время находилось почти в полном забвении. Хотя до революции он был главным архитектором Ялты, создателем Ливадийского дворца Николая II, многих дворцов, вилл и особняков русской аристократии. В Югославии архитектор выполнял заказы короля Александра Карагеоргиевича и проектировал много правительственных зданий. Сейчас о жизни Н.П. Краснова написаны книги¹¹, его творчеству посвящены выставки в Москве и Белграде, в Ялте в его честь названа улица, воздвигнут монумент, в Белграде сооружен бюст, как раз напротив здания Архива Сербии, построенного по его проекту.

Не могу не упомянуть еще одного русского и югославского архитектора, военного инженера, генерал-майора Василия Федоровича Баумгартена (1879–1962). Он известен как создатель уже упоминавшегося «Русского дома им. Императора Николая II» — центра эмигрантской жизни выходцев из России. Сейчас это здание использует для своих нужд «Россотрудничество». Баумгартен построил также в Белграде здание Генерального штаба, которое, к сожалению, разбомбила натовская авиация в 1999 г. На родине Баумгартена хотелось бы упомянуть как автора эскизного проекта здания Морского кадетского корпуса в севастопольской Голландии — ныне части Севастопольского государственного университета. Баумгартен эвакуировался из Севастополя в 1920 г., через Турцию попал в Югославию, после Второй мировой войны очутился в Аргентине, жил и похоронен в Буэнос-Айресе.

Широко известен театральный деятель, режиссер и педагог Юрий Львович Ракитин (1882–1952). На сербской земле он развивал традиции Московского художественного театра, поставив на чужбине более 200 спектаклей. Конец жизни он провел в Нови-Саде, в центре которого есть улица, названная его име-

нем. На могиле Ракитина в этом городе была посажена вишня в честь его знаменитой постановки пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад». Не столь давно усилиями сотрудников Филологического факультета Белградского университета были изданы его дневниковые записи¹².

Необходимо упомянуть и Георгия Александровича Острогорского (1902–1976) — основателя византистики в Сербии (Югославии), одного из самых авторитетных историков-византистов XX века. Он преподавал на историческом отделении Философского факультета Белградского университета, заведовал кафедрой византологии. Был избран академиком Сербской академии наук и искусств, по его инициативе был создан академический Институт византистики, и до самой смерти он был его бессменным директором. Главный труд Острогорского — «История Византийского государства»¹³.

В Сербии тенденция изучения русской эмиграции была схожей с российской: на первом плане были работы о русском культурном вкладе. Так, одной из первых научно значимых монографий стала книга известного литературоведа О. Джурича «Русская литературная Сербия»¹⁴. Его интерес к русской культуре и, в частности, литературе не случаен. По его словам, русская интеллигенция своей деятельностью способствовала тому, чтобы литературно-культурная жизнь вошла в привычку у молодого, еще бедного кадрами сербского общества. «На сербских просторах, — писал он, — где ... книга только начинала стремиться к своей высокой духовной планке, русское преклонение перед письменным словом стало небесным даром. На домашнем культурном небе оно пронеслось как яркий след кометы...»¹⁵.

Следующей важной работой стал двухтомник «Русская эмиграция в сербской культуре XX века»¹⁶, который вышел по следам научной конференции «Вклад русской эмиграции в развитие сербской культуры XX века» в 1994 г. В этом труде фактически были намечены все основные направления дальнейшего изучения вклада русских эмигрантов в сербскую культуру. Наряду с общими проблемами культурной и религиозной самоорганизации беженцев, это были вопросы науки, техники, здравоохранения, образования, архитектуры, литературы, изобразительно-

го, театрального и музыкального искусства — всего 54 статьи. В издании были опубликованы составленная А.Б. Арсеньевым выборочная библиография по теме «Русская эмиграция в Югославии», а также именной указатель русских эмигрантов. Кстати, наиболее полной библиографией русских эмигрантов до сих пор остается книга И.Н. Качаки «Библиография русских беженцев в Королевстве СХС (Югославии) 1920–1945 гг.»¹⁷.

Особо необходимо отметить многолетнюю плодотворную деятельность одного из составителей двухтомника «Русская эмиграция в сербской культуре XX века» потомка русских эмигрантов в третьем поколении А.Б. Арсеньева. Он является главным хранителем документации и самой памяти о русской эмиграции в Сербии, бескорыстно помогающим всем, кто к нему обращается. А.Б. Арсеньев — автор интересных работ о русских в Сербии и прежде всего в Воеводине¹⁸. Последней на данный момент его работой стал совместный с М.Л. Ордовским-Танаевским большой труд в двух частях о втором поколении русской эмиграции: «Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944)»¹⁹.

В последнее время плодотворно разрабатывает тему русского комикса в Югославии И. Антанасиевич²⁰. Этот жанр изобразительного искусства в СССР не получил должного развития, а в Югославии стараниями русских художников оказался на уровне современных ему лучших мировых образцов. Работы И. Антанасиевич доказывают, что даже в, казалось бы, избитой теме русского вклада в сербскую культуру можно найти новые повороты.

Несколько особняком стоят работы, посвященные русским эмигрантам в годы Второй мировой войны, их участию в Русском охранном корпусе. В последние годы эту тематику плодотворно разрабатывает А.Ю. Тимофеев²¹. Есть работы и о русских участниках антифашистской борьбы, в частности, о самом известном из них — Ф.Е. Махине, генерал-лейтенанте Народно-освободительной армии Югославии. А.В. Ганиным в его книге «Измена командармов»²² Махину посвящен большой очерк «Свой среди чужих и чужой среди своих».

Под редакцией А.Ю. Тимофеева недавно увидел свет сборник «Столетие двух эмиграций. 1919–2019»²³, рассматривающий

различные аспекты русской эмиграции в Сербии и сербской — в России.

Сейчас о русской эмиграции написано уже много. Появился даже специальный термин «эмигрантоведение». С середины 1990-х годов в Москве существует Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (с библиотекой, архивом, музеем и т.п.), деятельность которого во многом нацелена на изучение культурного наследия русских эмигрантов.

Об эмиграции в Югославии больше всего написано в России и Сербии. И это понятно — история русской эмиграции в Югославии принадлежит прежде всего этим двум странам. Защищаются диссертации. В частности, в 2010 г. на историческом факультете МГУ кандидатскую диссертацию «Российские профессора югославских университетов: 1920–1941» защитил В.С. Путятин.

Надо отметить, что такой, обозначившийся с самого начала подход к проблеме эмиграции был вполне обоснован. Он менее политизирован, а главное — лучше обеспечен документальными и иными материалами. Кроме того, несомненно, большим достижением в российской гуманитарной сфере стало воссоединение двух ветвей русской культуры — существовавшей в советских условиях и зарубежной, творцами которой были прежде всего деятели первой волны русской эмиграции. В том числе и ученые-гуманитарии, поскольку их работы — тоже неотъемлемая часть культуры. Их достижения — вновь часть российской науки. Идеи русских зарубежных ученых, прежде гонимые, запрещенные, в лучшем случае тщательно дозированные, стали доступны. Конечно, всё это не могло не привлекать исследователей.

Однако в результате такого подхода несколько в тени оставались другие стороны эмигрантской жизни. Наиболее глубокой серьезной работой, исследованием другого плана стала докторская диссертация профессора Белградского университета Мирослава Йовановича, опубликованная первоначально на русском языке²⁴. Автор справедливо отмечал, что в предыдущих работах «можно констатировать присутствие особого акцента на исследованиях русской культуры в эмиграции». И в то же время «было крайне мало попыток рассмотрения более широких тематическо-проблемных комплексов, явно заметно отсутствие сравнительных

исследований, которые осветили бы различные аспекты жизни в эмиграции, и в особенности законченных работ, в которых бы в одинаковой мере были разработаны политические, дипломатические, структурные, социальные, демографические, психологические, антропологические, культурологические и идейные аспекты истории русского человека в изгнании»²⁵. Этот пробел автор попытался восполнить в своей работе, и ему это во многом удалось. А.Л. Шемякин посчитал даже, что это «фундаментальное синтетическое сочинение» принципиально решило вопрос о русской эмиграции на Балканах «на макро-уровне»²⁶.

Мы специально не останавливаемся в данном обзоре на многочисленных воспоминаниях и сочинениях самих эмигрантов, что требует специального изучения, и эти работы часто следует отнести скорее к источникам, чем к историографии. Однако мы не можем не упомянуть о двух работах самих эмигрантов. Во-первых, речь идет о втором томе записок В.А. Маевского, изданных в США в середине 1960-х годов²⁷. В его воспоминаниях нашлось место не только для культурной, но и политической деятельности эмиграции. Эта небольшая книжка до сих пор остается одной из самых востребованных у интересующихся этой темой, более того, часто именно с нее начинается знакомство с историей русской эмиграции в Сербии.

Во-вторых, назовем еще одну важную и необычную работу. Это книга, написанная русскими эмигрантами, оказавшимися в югославских тюрьмах после сталинско-титовского конфликта 1948 г. Из этих русских образовали своего рода «шарашку»*, перед которой была поставлена задача изложить историю русской эмиграции в Югославии. Работа велась, естественно, не по доброй воле, а по приказу тюремщиков. Заключение не спешили: в «шарашке» было лучше, чем в тюрьме. Окончательно рукопись под грифом «секретно» была перепечатана в количестве 172 экземпляров, озаглавлена «Белоэмиграция в Югославии. 1918–1941.» и датирована «Белград, январь 1955 г.»²⁸.

---

* «Шарашка» — разговорное название НИИ и КБ тюремного типа, подчинённых НКВД/МВД СССР, в которых работали осуждённые ученые, инженеры и техники. В системе НКВД именовались «особыми техническими бюро» (ОТБ), «особыми конструкторскими бюро» (ОКБ) и тому подобными аббревиатурами с номерами. Через «шарашки» прошли многие выдающиеся советские ученые и конструкторы.

Итоговый труд содержал 10 глав (6 глав в первой книге и 4 — во второй): «Белоэмиграция до прибытия в Югославию»; «Прибытие белоэмигрантов в Югославию»; «Жизнь белоэмиграции в Югославии»; «Деятельность белоэмигрантов в Югославии в сфере образования и науки»; «Художественная и литературная жизнь белоэмиграции в Югославии»; «Политические течения, партии и организации белоэмиграции»; «Военная эмиграция»; «Русская православная церковь в эмиграции»; «Отношение бывшей Югославии к белоэмигрантам»; «Иностранные государства и белоэмиграция».

Предваряло сочинение русских эмигрантов совсем небольшое предисловие, которое написал высокопоставленный сотрудник госбезопасности, скрывшийся за инициалами В.Б. Он дал труду эмигрантов следующую характеристику: «Эти материалы (собранные в две книги) изложены как сухой исторический справочник — другого характера они иметь не могут. Нет серьезного анализа, нет правильных политических оценок... Цель этих материалов прежде всего — быть историческим справочником, предназначенным в помощь оперативным работникам при решении проблем, связанных с белоэмиграцией, которая и сегодня служит важной базой для советской разведывательной службы»²⁹.

В наши дни такая критика звучит как комплимент. Значит, находившиеся в югославской «шарашке» эмигранты не стремились полностью угодить своим заказчикам-тюремщикам и смогли все-таки остаться достаточно объективными. Но, конечно, авторы-заключенные не были свободны в своем творчестве («нет свободы в тюрьме!»). Публикаторы этого труда Т. Миленкович и М. Павлович справедливо подчеркивают, что они «знали, что от них ожидают, и шли навстречу этим ожиданиям, не желая ухудшать свою и без того тяжелую жизнь в заключении»³⁰.

Судьба распорядилась так, что кропотливый труд русских эмигрантов перестал быть актуальным к моменту своего завершения. В советско-югославских отношениях началась так называемая нормализация. Однако еще долго исторический труд эмигрантов, их своего рода «автопортрет», оставался в ведении госбезопасности. Лишь в начале XXI в. он, наконец, увидел свет. Но мы до сих пор не знаем его безымянных авторов. Хотелось

бы надеяться также на перевод его на русский язык (хотя это и будет уже двойной перевод). Разумеется, это не отменяет задачи исследования политической стороны жизни русских эмигрантов, а не только того вклада, который они внесли в культуру и науку принявшей их страны.

Конечно, главные и самые известные фигуры русской эмиграции проживали в Берлине и Париже, а не в Белграде и, тем более, в сербской глубинке. Белград не был главным научным или литературным центром эмиграции. В Сербию попали в основном довольно консервативные жители Юга России.

Однако два фактора всё же выделяли эту эмиграцию из всего русского рассеяния. Во-первых, в 1922 г. сюда, в воеводинский городок Сремски-Карловцы, переехал из Константинополя (Стамбула) вместе со своим штабом Главнокомандующий Русской Армией барон Петр Николаевич Врангель³¹. В 1924 г. он создал Русский общевоинский союз (РОВС), объединивший большинство участников Белого движения в эмиграции. Во-вторых, в 1921 г. русские архиереи, оказавшиеся в изгнании, также приняли решение о переезде в Сремски-Карловцы, где сербский патриарх отдал в их распоряжение свою резиденцию. Здесь в 1922 г. была образована Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ) во главе с митрополитом Киевским и Галицким Антонием (Храповицким). Характерно, что сторонников этой церкви по месту ее образования называли карловчанами.

Об этих двух важнейших институтах Русского Зарубежья существует своя литература. Но всё же, еще раз повторим, в изучении русской эмиграции в Югославии существует заметный перекос: превалируют работы, посвященные прежде всего вкладу эмигрантов в развитие культуры и науки принявшей их страны. В то же время намного меньше работ, которые бы затрагивали политическую историю эмиграции, различных ее организаций и течений, идейно-политическую борьбу ее представителей и т.п. Это касается не только русской эмиграции в Сербии, но и в Хорватии³², Словении³³, Северной Македонии³⁴ и других бывших югославских республиках.

Примечания

- ¹ *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980.
- ² См.: Открытие «братьев-славян». Русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / сост., пред., биогр. справки., комм. и закл. ст. М.В. Белова. СПб., 2018. С. 3.
- ³ *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. Изд. третье. М., 1987.
- ⁴ *Тесемников В.А.* Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 128–137.
- ⁵ *Писарев Ю.А.* Российская эмиграция в Югославии // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 151–161. Об этой работе см. подробнее: *Никифоров К.В.* Ю.А. Писарев о русской эмиграции в Югославии // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (мифы и реальность). М., 2019. С. 446–456.
- ⁶ Напомним и о своих первых работах по этой теме: *Никифоров К.В.* Руски архитекта Н.П. Краснов — градитељ Његошеве капеле на Ловћену // Стварање. Титоград, 1991. Бр. 8–9. С. 827–831; *он же.* Русский Белград (к вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 33–44.
- ⁷ *Косик В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. М., 2007; *он же.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920–1950-е годы. Эссе. М., 2007; *он же.* Русские краски на балканской палитре. Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX — начало XXI века). М., 2010. См. также: *он же.* Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000.
- ⁸ Русский Белград / сост. В.А. Тесемников, В.И. Косик. М., 2008.
- ⁹ *Вагапова Н.М.* Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах. Очерки. СПб., 2007.
- ¹⁰ Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии. Биографический словарь и анкеты (1918–1946) / отв. ред. М. Милошевич, В. Москвин; сост. М. Горинов-мл., М. Сорокина, Н. Петрович, М. Медакович, Р. Радженович. Белград — М., 2012.
- ¹¹ См., напр.: *Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М.* Архитектор высочайшего двора. Симферополь, 2003.
- ¹² *Ракитин Ю.* Дневниковые записи 1924–1937 годов. Белград, 2018.
- ¹³ См., напр.: *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. М., 2011.
- ¹⁴ *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941 (писци, кружоци и издања). Београд, 1990.
- ¹⁵ Там же. С. 271.
- ¹⁶ Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова / приред. М. Сабиновић, М. Межински, А. Арсењев; гл. и одг. уред. М. Сабиновић. Београд, 1994. Т. I–II.
- ¹⁷ *Katchaki J.N.* Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S.H.S. (Yugoslavia) 1920–1945. Arnhem, 1991.
- ¹⁸ См., в частности: *Арсењев А.Б.* У излучини Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999; *он же.* Русская эмиграция в Сремских Карловцах. Сремски Карловцы, 2008. См. также: Русские в Сербии / авт. А.Б. Арсењев и др., отв. ред. А.А. Максак. Београд, 2009.

- 19 Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944 / А.Б. Арсеньев, М.Л. Ордовский-Танаевский. В двух книгах. Белград, 2018. См.: Рецензија А.Л. Шемјакина за рукопис «Гимназија у лицама. Прва руско-српска гимназија у Београду (1920–1944)». 25. октобра 2017 // Русија и Србија на прелому векова. Српске теме Андреја Шемјакина. Београд, 2020. С. 341–344.
- 20 Антанасиевич И. Русский комикс королевства Югославии. СПб., 2018; см. также: она же. Русская классика в картинках. Београд, 2015.
- 21 См.: Тимофеев А.Ю. Русский фактор и Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010; Тимофејев А.Ј. Руси и Други светски рат у Југославији. Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011; см. также сборник документов: Русский корпус на Балканах. 1941–1945 гг. М., 2008.
- 22 Ганин А.В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922. М., 2020.
- 23 Столетие двух эмиграций 1919–2019. Сборник статей / отв. ред. А.Ю. Тимофеев. М. — Белград, 2019.
- 24 Йовановић М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005. См. также: Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996.
- 25 Йовановић М. Русская эмиграция на Балканах. С. 16–17.
- 26 См.: Рецензија А.Л. Шемјакина за рукопис «Гимназија у лицама. Прва руско-српска гимназија у Београду (1920–1944)». С. 341–342.
- 27 Маевский В. Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк, 1966. Т. II.
- 28 См.: Белоемигранци у Југославији. 1918–1941 / приредили Т. Миленковић, М. Павловић. Београд, 2006. Т. I–II. См. также: Никифоров К.В. Белоемигранци у Југославији. 1918–1941. (Приредили Т. Миленковић, М. Павловић). Београд, 2006. Т. I. 506 с. Т. II. 359 с. // Славяноведение. 2007. № 4. С. 89–92.
- 29 Белоемигранци у Југославији. Т. I. С. 21–22.
- 30 Там же. С. 23.
- 31 О его похоронах в Белграде см.: Никифоров К.В. Последняя воля барона Врангеля // Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие) договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов. М., 2016. С. 250–260.
- 32 Пушкадија-Рибкина Т. Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007; Пушкадија-Рибкина Т., Грубмайр И. Эмигранты из России в Загребе. Жизни и судьбы. Загреб, 2019.
- 33 Brglez A., Seljak M. Rusija na Slovenskem. Ruski profesorji na Univerzi v Ljubljani v letih 1920–1945. Ljubljana, 2008 (Брглез А., Селяк М. Россия в Словении. Русские преподаватели в Люблянском университете в период с 1920–1945 гг. Любляна, 2008).
- 34 Руската колонија во Скопје (1920–1943 год). Зборник на документи. Скопје, 2015 (Русская колония в Скопье (1920–1943 гг.). Сборник документов. Скопье, 2015).

Великобритания и проблема «балканского равновесия» в 1939 г.*

К началу Второй мировой войны балканская политика Великобритании была подобна окутанному густым туманом предмету, смутные очертания которого каждый из наблюдателей трактовал на свой манер. Видный экономист и обозреватель газеты «Financial Times» Т. Эйнциг характеризовал комплекс мер, к которым Лондон начал активно прибегать в Юго-Восточной Европе весной-осенью 1939 г., как «революционную трансформацию»¹. Она, в частности, выразилась в интенсификации внешнеторгового оборота между балканскими странами и Великобританией, а также в гарантиях независимости, которые Лондон и Париж декларативно предоставили потенциальным объектам агрессии держав-ревизионистов. В то же самое время эксперты Коминтерна называли эти новые подвижки во внешнеполитическом курсе правительства Н. Чемберлена на Балканах не иначе, как «блеф»².

С одной стороны, полярность этих оценок, обусловленная идеологическим антагонизмом их авторов, не нуждается в дополнительной аргументации, с другой — они отражают дихотомию политики Лондона в Балканском регионе в обозначенный период: стремление усилить взаимодействие с местными государствами и ограниченность шагов в данном направлении. Эта проявившаяся на региональном уровне противоречивость и дуалистичность внешнеполитического курса Великобритании — несущей конструкции миропорядка, оформившегося по итогам Первой мировой войны — выводит исследователей на ряд вопросов, важных для

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, проект № 20-59-18007 «От региональных конфликтов к эпохе глобальных трансформаций: взгляд российских и болгарских историков на международные отношения в конце XIX–начале XXI вв.».

понимания как политики Лондона накануне Второй мировой войны, так и балканского измерения агонии Версальской системы. В частности, это побуждает нас задаться вопросом о том, каким образом внешнеполитический курс Уайтхолла на Балканах коррелировал с его глобальной стратегией и как, в свою очередь, расстановка сил в Юго-Восточной Европе влияла на выработку модуля балканско-британского взаимодействия.

После Первой мировой войны Балканы утратили репутацию «порохового погреба Европы», оказавшись на периферии внешнеполитических интересов великих держав-архитекторов Версальского порядка — Великобритании и Франции. И если Париж, воспринимавший Центральную Европу, в качестве одного из «поясов» своей безопасности, способствовал формированию Малой Антанты и заключил двусторонние соглашения о взаимной помощи с ее членами, то Лондон предпочел дистанцироваться от политических процессов, разворачивавшихся как в Центральной, так и в Юго-Восточной Европе.

На определенном этапе создававшаяся ситуация отвечала интересам местных игроков, которые могли гармонизировать ритмы регионального порядка на Балканах без «дирижерской палочки» великих держав. Балканские страны, заинтересованные в устойчивости Версальской системы, разделяли общее представление о региональной безопасности и путях ее обеспечения. Так, Югославия, Румыния, Греция и Турция заключили в 1934 г. Балканский пакт, являвший инструментом поддержания статус-кво в регионе. Более того, мультисубрегиональное положение Румынии и Югославии и их участие в Балканской и Малой Антанте предопределило тесную взаимосвязь этих двух региональных комбинаций³.

Однако последствия мирового экономического кризиса, разразившегося в 1929 г., коллизии социально-экономической модернизации и формирования политических систем балканских стран, не терявший своей актуальности национальный вопрос обнаружили иллюзорность стабильности, которая, как казалось, установилась в Юго-Восточной Европе. Напряженность во внутривосточной и экономической сферах привели к образованию двух трещин, запустивших процесс демонтажа послевоен-

ного регионального порядка на Балканах. Именно через эти две трещины начало «просачиваться» германское влияние в регионе, вовлекая местные государства в орбиту внешней политики Третьего рейха, последовательные и планомерные действия которого заставили Лондон реагировать на деструктивные тенденции, набиравшие силы в рамках балканского регионального порядка.

Экономический кризис 1929–1933 гг. больно ударил по странам Юго-Восточной Европы. Незавершенность аграрной реформы, весьма неубедительные попытки местных правительств создать национальную промышленность, недостаток внешних инвестиций вкупе с падением цен на сельскохозяйственную продукцию, произошедшую к 1930 г., и разгоревшимся европейским финансовым кризисом делали балканские страны беспомощными перед лицом неблагоприятной макроэкономической конъюнктуры. Картина становилась откровенно удручающей в свете того, что правительства Великобритании и Франции преимущественно сосредоточились на интенсификации внутриимперской торговли. Это вело к ограничению объемов поставок балканских сельскохозяйственных продуктов на британский и французский рынки⁴.

В условиях невысокой экономической заинтересованности Лондона и Парижа в Юго-Восточной Европе и бесперспективности развития экономических связей со своими соседями, балканские государства были вынуждены искать сотрудничества с другими игроками — державами-ревизионистами: Италией и Германией⁵. Причем Берлин довольно быстро сумел потеснить экономические позиции Рима на Балканах, в первую очередь, в Югославии. По подсчетам греческого публициста Дороса Аластоса (Эвдорос Иоаннидис), известного своими прокоммунистическими симпатиями, на Германию приходилось 60% товаров, прежде экспортируемых в Италию⁶.

Как констатировали эксперты Королевского института международных отношений (Чэттем-хаус), важным инструментом расширения и наращивания торгового оборота между третьим рейхом и балканскими государствами являлось активное заключение клиринговых соглашений. Ограниченность золотых резервов и дефицит иностранной валюты подталкивали Германию

и балканские страны к ведению расчетов в местных валютах, соотношение курсов которых также регулировалось договаривающимися сторонами. Клиринговые сделки между Берлином и государствами Юго-Восточной Европы фактически сводились к бартерному обмену балканской сельскохозяйственной продукции на германские промышленные товары и оборудование⁷.

Этот торговый *Drang nach Süd-Osten* обернулся рядом негативных последствий для экономик балканских стран. В частности, он привел к аккумуляции замороженных кредитов, ибо Берлин не торопился платить по обязательствам своим балканским контрагентам. В конечном счете, последние превращались из должников Германии в ее кредиторов. Вынужденные компенсировать создавшуюся задолженность за счет импортирования германских товаров и вооружения, балканские страны оказывались, таким образом, в зависимости от третьего рейха. Другим способом привязки экономик государств Юго-Восточной Европы к Берлину являлась выдача им долгосрочных кредитов на покупку немецкого промышленного оборудования и товаров длительного пользования⁸.

Тем не менее, как отмечают эксперты Чэттем-хаус, субъектно-объектные взаимоотношения, сложившиеся между рейхом и балканскими странами в экономической сфере, в немалой степени отвечали интересам не только субъекта, но и объектов. Во-первых, индексы цен на товары, которые Болгария, Югославия, Румыния и Греция импортировали из Германии, были несколько ниже общемировых. Во-вторых, Германия содействовала повышению экспортных цен балканских производителей, что в результате привело к увеличению доходов соответствующих государств⁹. В связи с этим западные эксперты неоднократно упрекали Германию в том, что она вела нечестную торговую игру на Балканах, скупая продукцию местных производителей в больших объемах и по высоким ценам.

Германское правительство, если верить британским аналитикам, до определенной степени выказывало готовность идти навстречу торговым интересам балканских государств, что было обусловлено двумя принципиальными моментами. С одной стороны, третий рейх стремился прочно «пристегнуть» экономики

малых стран Юго-Восточной Европы к германской, дабы максимально затруднить их переориентацию на «западные демократии» в случае начала войны¹⁰. Во-вторых, политические и финансовые круги Германии вынашивали планы претворить в жизнь проект «Срединной Европы»¹¹, который приобретал особую актуальность в свете аннексии рейхом Австрии и чехословацких территорий (создание в 1939 г. протектората Богемия и Моравия), т.е. промышленного ядра бывшей Цислейтании. Восстановление хозяйственного пространства Габсбургской монархии диктовало необходимость экономической реинтеграции ее бывших аграрных провинций, расположенных в Юго-Восточной Европе, а расширение и углубление торговых связей с балканскими государствами возвращали к ситуации начала XX в., когда большая часть внешнеторгового оборота последних приходилась на Центральные державы¹².

Показательно, что после начала Второй мировой войны политика рейха на Балканах продолжала определяться преимущественно соображениями экономического порядка. В феврале 1940 г. было создано «Общество Юго-Восточной Европы» (ОЮВЕ), которое являлось агентством министерства экономики Германии¹³. Поскольку Балканы вписывались в границы *Mitteleuropa*, т.е. являлись частью немецкого *Grosswirtschaftsraum* (большого экономического пространства), то становятся понятны претензии ОЮВЕ участвовать в выработке политики рейха в регионе и координировать германо-балканские отношения. Не случайно, что штаб-квартира агентства с самого начала его существования располагалась в Вене, которой отводилась роль главного хаба, распределявшего потоки сельскохозяйственной продукции, стекавшейся с юго-востока Европы, и культурно-образовательного центра, осуществляющего подготовку немецких специалистов для работы в балканских странах, так и представителей балканской элиты, которые должны были стать опорой германского влияния в регионе¹⁴.

О намерениях германского руководства адаптировать экономики балканских стран под единый имперский организм свидетельствовал тот факт, что им предназначалась определенная хозяйственная специализация. Берлин выступал против их ин-

дустриализации, ибо она вела к сокращению импорта товаров немецкой промышленности. Так, Германия всячески избегала продавать станки и оборудование в Румынию: по словам британских экспертов, Берлин «не скрывал своего неприязненного отношения к румынской индустриализации»¹⁵. Проявлением этой тенденции стал заключенный 23 марта 1939 г. «Договор об укреплении экономических отношений между румынским королевством и германским рейхом». В соответствии с ним, развитие экономики Румынии определялось структурой германского импорта; предусматривалось создание «свободных зон», гарантирующих особые преимущества рейху в этой балканской стране. В свою очередь, Германия обязывалась поставлять вооружение и финансировать военное производство королевства¹⁶.

Британское правительство, как, в частности, явствует из меморандума статс-секретаря по иностранным делам лорда Э. Галифакса, оценивало экономическое преобладание «большой» Германии, аннексировавшей Австрию и Судетскую область, в Центральной и Юго-Восточной Европе не только как политическую реальность, но и историко-географическую «неизбежность». Галифакс был уверен в том, что «торговля, осуществляемая между промышленной Германией и преимущественно аграрной Центральной и Юго-Восточной Европой, является сбалансированной, а потому взаимовыгодной для обеих сторон». Опасения главы Форин оффис вызывала перспектива установления политического вассалитета балканских стран от Германии и их подчинение ее экономической доктрине: практикуемые Берлином валютные ограничения и стремление достичь автаркии, как констатировалось, начинали переформатировать политическую жизнь каждой из них¹⁷. Таким образом, ключевой вопрос, по мнению Галифакса, заключался в том, обернется ли экономическое доминирование Германии ее политической гегемонией на Балканах, а в перспективе и в Европе, что, в конечном счете, и определяло британские подходы к ситуации в данном регионе.

В свете этих дискуссий британский кабинет склонялся к мнению о том, что усиление экономических позиций Великобритании в регионе должно было происходить в основном за счет деятельности частных компаний, а не на уровне конкретных

межгосударственных договоренностей. Дабы минимизировать риски и издержки, сопряженные для британских фирм с закупками балканской продукции, Уайтхолл был готов дать бизнесу гарантии и оказать финансовое содействие. Но даже и эти меры, как констатировал в своем меморандуме Галифакс, требовали значительных расходов¹⁸.

Одним из самых энергичных и убежденных сторонников оказания экономического содействия странам Юго-Восточной Европы был Джордж Ллойд, глава Британского Совета, в прошлом губернатор Бомбея и верховный комиссар в Египте. Ллойд, с одной стороны, сам являвшийся частью британского истеблишмента, с другой — обладавший обширными связями в правящих и финансовых кругах балканских государств, прикладывал огромные усилия в продвижении британского культурного и экономического влияния в регионе. В начале 1939 г. при его непосредственном участии были заключены сделки по закупкам британскими компаниями балканской продукции, а в конце апреля 1939 г. миссия Ф. Лит-Росса, главного советника британского правительства по экономическим вопросам, в Румынии увенчалась подписанием соглашения, по которому Англия приобретала 200 тыс. тонн пшеницы и гарантировала королевству кредит в 5 млн. фунтов стерлингов. И хотя это были не те объемы, на которые рассчитывал Бухарест, изначально надеявшийся продать британцам 600 тыс. тонн зерна¹⁹, даже такие половинчатые меры, предпринимаемые Лондоном, со стороны воспринимались как попытки противодействия экономической экспансии рейха, нацеленной на превращение Юго-Восточной Европы в его сырьевой придаток²⁰.

Однако в условиях ограниченности ресурсов Лондон не спешил (или не видел необходимости) распространить эту практику на другие балканские страны. Британский посланник в Софии Дж. Рендел в конфиденциальной переписке с высокопоставленным функционером Форин оффис Гл. Джеббом подверг резкой критике, граничащей с отчаянием, способность британской дипломатии дать адекватную оценку внутривосточной ситуации в Болгарии, в частности призыв «изменить состав существующего болгарского правительства с пронацистского на продемократическое». Рендел доказывал своим лондонским коллегам, что бри-

танская пассивность непосредственно по линии экономического сотрудничества способствовала складыванию в стране расстановки сил, благоприятной для Третьего рейха. Отмечая прагматизм болгарского руководства (его готовность договаривать с кем угодно — будь то нацистская Германия, Советская Россия или Великобритания), дипломат сетовал на то, что на протяжении восемнадцати месяцев британским и французским правительствами игнорировались запросы Софии относительно закупок болгарского табака и поставок оружия. Вопреки рекомендациям министра иностранных дел частные компании (в данном случае «Имперская табачная компания») не спешили приобретать болгарское сырье, которое затем было скуплено немецкими производителями²¹.

Ухудшающаяся внутривнутриполитическая обстановка также делала балканские государства уязвимыми перед лицом внешнего давления. Метаморфозы модернизации, повлиявшие на формирование партийно-политических систем балканских стран и подготовившие почву для утверждения там авторитарных режимов²², а также проблема преодоления экономической отсталости, отражались на процессе выработки внешнеполитического курса местных режимов. Однако окончательному размыванию грани между внутренней и внешней политикой балканских государств и, соответственно, флуктуации их внешнеполитической ориентации способствовал нерешенный национальный вопрос²³.

Во второй половине 1930-х годов как в странах-ревизионистах, так и государствах, заинтересованных в поддержании существующего баланса сил, начали поднимать голову партии крайне правого толка. В Румынии это были Христианско-национальная партия, Румынский фронт, Железная гвардия; в Югославии — хорватские усташи и сербское реакционно-националистическое движение «Збор», возглавляемое Д. Лётичем; в Болгарии, политическая сцена которой изобиловала крайне правыми партиями различных оттенков, наиболее крупными организациями являлись Болгарский народный союз «Кубрат», Союз болгар/Союз болгарских фашистов и в определенной степени политический круг «Звено»²⁴. В условиях социально-экономической нестабильности 1930-х годов политическая элита балканских стран

стала всё более интересоваться опытом нацистской Германии, которая сумела преодолеть последствия экономического кризиса 1929–1933 гг., создать, как казалось склонным к авторитаризму балканским политикам, устойчивую вертикаль власти в стране, умело и жестко решить «германский вопрос» посредством демонтажа Версальской системы при «умиротворительном» попуществе Великобритании и Франции.

Кроме того, в Югославском и Румынском королевствах существовали пронацистские партии немецкого национального меньшинства, которые были инструментами политики рейха в регионе: «Культурбунд» (Югославия) и Немецкая национал-социалистическая партия в Трансильвании (Румыния)²⁵. Эти партии наряду с другими реакционными силами пользовались финансовой и моральной поддержкой Берлина. На VII Конгрессе Коминтерна П. Тольятти, пусть и в утрированной форме, точно подметил опасную тенденцию популяризации и интернационализации фашистской и нацистской систем, говоря о «той нагло откровенной помощи, которую гитлеровский фашизм оказывает развитию фашистского движения во всех странах»²⁶. Трансформация политических режимов, в том числе и в балканских странах, по германским и итальянским лекалам, делала их лояльными младшими партнерами рейха на международной арене.

Эти опасения, озвученные видным коммунистическим деятелем, нашли отражение в работах представителей британской демократической общественности. Хаотизации политической жизни Румынии и Югославии и, соответственно, дестабилизации государственного механизма этих двух стран самое пристальное внимание уделила Э. Уискеманн, аналитик Королевского института международных отношений, авторитетный специалист по Центральной Европе, в своей нашумевшей работе «Необъявленная война», которая увидела свет в конце 1939 г. Э. Уискеманн удалось, с одной стороны, вписать процессы, протекавшие в Румынии и Югославии, в общую канву социально-экономического, политического и культурного развития Европы 1930-х годов, с другой — показать местные особенности германского проникновения. Увязывая появление такой радикальной организации как «Железная гвардия» с разочарованием большей части румын-

ского общества в послевоенном порядке (отсюда и «восстание против рационализма»), британская исследовательница отмечала ее генетическое родство с нацистским движением в Германии, которая открыто покровительствовала «Железной гвардии»²⁷. Кроме того, Уискеманн называла германский фактор ключевым для межнационального равновесия в Румынии и Югославии и, следовательно, для их взаимоотношений с реваншистски настроенными соседями. Румыния, по ее словам, искала протекции рейха из страха повторить судьбу Чехословакии, тогда как югославское руководство проводило постоянные консультации с Берлином в ходе подготовки территориально-административной реформы в стране (предоставления Хорватии широкой автономии в рамках Югославского королевства)²⁸.

Стремительно менявшиеся международные реалии: ликвидация Чехословацкого государства, предъявляемые рейхом требования к Польше по поводу Данцига и «польского коридора», «ультиматум» Румынии, предшествовавший подписанию германо-румынского экономического договора от 23 марта, оккупация Италией Албании — подталкивали Англию к усилению своего политического присутствия в регионе. Ведь британское руководство довольно ясно отдавало себе отчет в том, что Берлин и Рим действовали по взаимной договоренности, и их конечной целью являлась не ревизия отдельных составляющих Версальского порядка, а «совместное доминирование в Европе», т.е. полное разрушение всей существовавшей международной системы²⁹.

Стремясь запустить внутренние механизмы укрепления региональных сегментов Версальского миропорядка в условиях надвигавшегося конфликта с фашистскими державами, Великобритания, а вместе с ней и Франция декларативно гарантировали независимость Польши, Румынии и Греции³⁰. Что касается сути односторонних гарантий, данных Лондоном и Парижем Бухаресту и Афинам, то их, на наш взгляд, следует трактовать как попытки усилить «резистентность» регионального порядка, оформившегося на Балканах по итогам Первой мировой войны. Посланный «западными демократиями» сигнал о своей решимости не допустить окончательного демонтажа Версальской системы на региональном уровне подразумевал предел германской

политической и экономической экспансии в Юго-Восточной Европе, что, как представлялось, должно было придать местным игрокам твердости в сопротивлении германскому давлению. Возможными путями реализации этой политики виделись, с одной стороны, реанимация Балканской Антанты как инструмента поддержания региональной стабильности, с другой — включение Балкан в общеевропейскую систему коллективной безопасности.

Рассматривая балканские страны в качестве самостоятельных игроков, а также признавая автономность регионального порядка в Юго-Восточной Европе, «западные демократии», и в первую очередь Англия, не вполне понимали не только логику взаимодействия местных элементов, но и то, как нестабильность на мировой арене влияла на ее эволюцию. Иллюстрацией этого тезиса может служить ситуация вокруг «гарантий» Греции и Румынии, а также реакция балканских государств, отстаивавших статус-кво, на проекты Лондона по «перелицовке» Балканской Антанты и будирование в этой связи «долго тлеющих» территориально-политических противоречий. Так, сама формула «односторонних гарантий» была выработана британским правительством с учетом позиции греческого и румынского правительств, «боявшихся навлечь на себя гнев Германии» из-за своей ассоциированности с западными державами. Греки просили британцев «преподнести все в таком свете, чтобы не сложилось впечатления, будто бы запрос о гарантиях исходил от Афин»³¹, тогда как румынский посланник в Лондоне В. Тилеа предпочел отказаться от своих прежних алармистских оценок германской версии экономического соглашения между Берлином и Бухарестом³². Складывалась парадоксальная ситуация, когда, получив поддержку против агрессоров от Англии и Франции, выступавших несущими опорами Версальского миропорядка, малые страны боялись спровоцировать новый виток экспансионистской политики со стороны ревизионистских держав.

Такое несоответствие было вызвано тем обстоятельством, что в представлении балканских правящих кругов баланс сил в Европе неуклонно смещался в сторону держав «оси», и прежде всего Германии. Третий рейх воспринимался не только как крупнейший внешнеэкономический партнер, но как доминирующий

политический центр. Более того, правящие элиты малых стран Юго-Восточной Европы становились все более чувствительны к самоуверенным заявлениям нацистской пропаганды о том, что западные державы предоставили рейху карт-бланш в регионе — именно в таком ключе размышляло румынское руководство³³.

На этапе конца 1938 — первой половины 1939 гг. Румыния и Югославия не столько опасались оказаться захваченными гитлеровской Германией, сколько панически боялись того, что последняя позволит Венгрии и Болгарии отторгнуть от них спорные территории. Тень первого Венского арбитража (ноябрь 1938 г.) наводила ужас на политиков в Белграде и Бухаресте. Гитлер весьма умело играл на этих страхах. Так, во время переговоров в Берхтесгадене министр иностранных дел рейха И. Риббентроп пенял румынскому королю Каролу, пытавшемуся выяснить отношение Германии к судьбе закарпатских территорий, на тот факт, что Румыния входила в состав Малой Антанты — региональной организации, союзной Франции, а, значит, враждебно настроенной к Германии³⁴. Из этого вытекало, что лояльность по отношению к Берлину обеспечивала государствам, заинтересованным в сохранении послевоенного статус-кво, их территориальную целостность, а региональным ревизионистам — возможность перекройки политической карты. Так, в середине апреля 1939 г. болгарский МИД издал директиву № 19, в которой в качестве приоритета болгарской внешней политики фигурировало возвращение ряда потерянных территорий: Южной Добруджи, Западной Фракии, входившей в состав Греции, и «окраинных земель», присоединенных к Сербии. Весьма показательно, что появление этой директивы фактически совпало с окончательным демонтажом Версальской системы — ликвидацией остатков Чехословацкого государства и итальянским вторжением в Албанию³⁵.

На фоне энергичных действий рейха и его решимости вмешиваться в проблемы Центральной и Юго-Восточной Европы позиция «западных демократий», рассчитывавших на то, что балканские страны сами урегулируют территориальные разногласия ради построения системы коллективной безопасности, выглядела довольно блекло. Греция и Румыния были разочарованы советами Парижа и Лондона пойти на уступки Болгарскому царству.

В ответ на британские призывы румыны в лице министра иностранных дел Королевства Г. Гафенку доказывали, что политика «умиротворения» в отношении Болгарии не работала, и отказ Бухареста от Южной Добруджи не привел бы к стабилизации регионального порядка в Юго-Восточной Европе, ибо болгары стремились к корректировке всего периметра своих границ³⁶. В свою очередь, Афинам казалось, что предложения британских и французских дипломатов только раскалывали существующий балканский альянс, нацеленный на поддержание статус-кво в регионе, а, значит, подрывали баланс сил на Балканах. В этом ключе ряд греческих печатных изданий, особенно прокоммунистическая газета «Эмпрос»³⁷, подвергли резкой критике Салоникское соглашение, заключенное между Балканской Антантой и Болгарией в июле 1938 г.³⁸

Развивая тему стратегической уязвимости Греции, «Эмпрос» — оппозиционное издание, критически настроенное по отношению к режиму И. Метаксаса и, соответственно, осуждавшее его сдержанную реакцию на гарантии, предоставленные Великобританией и Францией, указывало на те риски, с которыми была сопряжена англо-французская помощь греческому государству. Предсказывалась оккупация британскими и французскими войсками греческой территории, дабы «обеспечить себе стратегические пункты на Балканах и Средиземноморье, что будет означать начало расчленения Греции»³⁹. Этот мрачный сценарий во много являлся порождением болезненного опыта Первой мировой войны, когда страна, разделенная по вопросу о вступлении в конфликт, оказалась на грани Гражданской войны, а ряд ее территорий (в Македонии и некоторые острова в Эгейском море) были взяты под контроль Антантой⁴⁰.

В итоге, можно констатировать, что запуску процесса саморазрушения Версальского порядка в Юго-Восточной Европе способствовала неясная и временами противоречивая политика Великобритании. Малые страны региона не ощущали внешнего каркаса, который обеспечивал бы жесткость и сцепленность региональной конструкции. В условиях нарастающего хаоса, отсутствия структурирующего начала со стороны архитекторов послевоенного миропорядка правительства Греции, Румынии,

Югославии всё более склонялось к политике лавирования между «западными демократиями» и германо-итальянской «осью», видя свою задачу в том, чтобы адаптироваться к той международной среде, которую будет формировать наиболее сильная из великих держав. Отчасти расстановка сил, сложившаяся на Балканах к началу Второй мировой войны, являлась проекцией процессов, протекавших на глобальном уровне, — деформации многополярной модели, оформившейся по итогам Первой мировой войны, в результате ослабления международных позиций ключевого центра силы — Великобритании.

Примечания

- ¹ *Einzig P.* La politique anglaise dans l'Europe du Sud-Est // *Affaires danubiennes. Revue de l'Europe Centrale et du Sud-Est.* 1939. № 6 (Decembre). P. 303.
- ² Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 11. Д. 253. Л. 16.
- ³ *Агансон О.И.* Комплексы региональной безопасности на Балканах накануне Первой и Второй мировых войн: сравнительный анализ // *Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. Вып. 3 / отв.ред. А.Ю. Павлов, А.В. Бодров, А.А. Малыгина.* СПб., 2015. С. 105–118.
- ⁴ *Kaiser D.E.* Economic Diplomacy and the Origins of the Second World War: Germany, Britain, France, and Eastern Europe. Princeton, NJ, 1980. P. 20.
- ⁵ *Агансон О.И.* Балканский региональный порядок в условиях распада Версальской многополярности // *Новая и новейшая история.* 2018. № 1. С. 14–15.
- ⁶ *Alastos D.* The Balkans and Europe. A Study of Peace and the Forces of War. London, 1937. P. 116.
- ⁷ The Royal Institute of International Affairs. South-Eastern Europe: A Political and Economic Survey. London, 1939. P. 195.
- ⁸ Ibidem.
- ⁹ Ibid. P. 196–199.
- ¹⁰ The Royal Institute of International Affairs... P. 199.
- ¹¹ Подробнее см.: *Meyer H.C.* Mitteleuropa in German Thought and Action 1815–1945. Hague, 1955.
- ¹² *Lampe J. R., Jackson M.R.* Balkan Economic History, 1550–1950: From Imperial Borderlands to Developing Nations. Bloomington, IN, 1982. P. 160–174.
- ¹³ *Orlow D.* The Nazis in the Balkans: A Case Study of Totalitarian Politics. Pittsburgh, PA, 1968. P. 26.
- ¹⁴ Ibid. P. 49.
- ¹⁵ The Royal Institute of International Affairs... P. 136.
- ¹⁶ Documents on German Foreign Policy (далее — DGFP). Vol. VI. London, 1956. P. 91–96.
- ¹⁷ The National Archives (далее — TNA), Cabinet papers (далее — CAB), 24/280/123. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs, November 10, 1938.

- 18 TNA, CAB 24/2880/126.
- 19 *Atherton L.* Lord Lloyd at the British Council and the Balkan Front, 1937–1940 // *The International History Review*. 1994. Vol. 16. № 1. P. 32–38.
- 20 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 11. Д. 253. Л. 13–14. Так, в одном из обзоров, подготовленном Б. Стефановым, членом ЦК компартии Румынии, показывалось, как на фоне германской «пропитки» экономики Королевства (закупка 50 германских самолетов, развитие румынского транспорта и коммуникаций немецкими специалистами, переговоры о продаже Германии всего урожая 1939 г.), происходило оживление торговых отношений с Англией, причем с положительным сальдо для Румынии на сумму более 1 млрд лей.
- 21 TNA. FO 1093/203. Sofia: Discussions of Proposals to Influence Bulgarian Government. 21 September–19 October 1939.
- 22 6 января 1929 г. Александр Карагеоргиевич упразднил Видовданскую конституцию и установил режим личной власти в Югославии. 19 мая 1934 г. в Софии участниками военно-политической организации «Звено» и Военной лиги был совершен государственный переворот, в результате которого была отменена конституция, распушен парламент и ликвидированы политические партии, однако уже в январе 1935 г. царь Борис III сумел отстранить от власти «Звено» и сосредоточить бразды правления в своих руках. В 1936 г. в Греции в результате так называемого «переворота 4 августа» институализировалась диктатура И. Μεταξаса, теоретическим обоснованием политики которого стала концепция «третьей греческой цивилизации». 10 февраля 1938 г. в Румынии король Кароль II упразднил конституцию 1923 г. и провозгласил установление королевской диктатуры. См. подробнее: Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 265–279; *Bojinov V. Zveno* // Токови историје. 2014. № 3. С. 89–99; *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития. М., 2010. С. 532–535; История Румынии: 1918–1970 / Отв. ред. Н.И. Лебедев. М., 1971. С. 231–237.
- 23 В случае Югославии и Румынии, прежде всего, надо отметить неспособность их правящих кругов выстроить оптимальную модель многонационального государства, которая бы учитывала чаяния населявших их народов. Что касается Болгарии, то вопрос о возвращении территорий, потерянных ею после Первой мировой войны, и судьба Македонии (т.е. ревизия Нейиского мирного договора), с одной стороны, определяли внешнеполитическую программу Софии, с другой — являлись доминирующей темой во внутриполитической борьбе Болгарского царства. См. подробнее: *Силкин А.А.* Внутриполитические предпосылки заключения соглашения Цветкович-Мачек и формирование Бановичи Хорватия (1934–1939 гг.) // Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.): Сб. статей. СПб., 2009. С. 218–233; *Banac I.* The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics. Ithaca, NY, 1994; *Djokić D.* Elusive Compromise. A History of Interwar Yugoslavia. London, 2007; *Pavlowich S.K.* The Improbable Survivor: Yugoslavia and its Problems, 1918–1988. London, 1988; *Bakić J.* Ideologije jugoslovenstva između srpskog i hrvatskog nacionalizma 1918–1941. Zrenjanin, 2004; *Livezeanu I.* Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building & Ethnic Struggle, 1918–1930. Ithaca, NY, 1995; *Hitchins K.* Rumania 1866–1947. Oxford, 1994; *Марков Г.* Покушения, насилие и политика в България 1878–1947. София, 2003, *Поппетров Н., Божинов В.* Национално могъща и обединена България. Формациите на радикалната десница и националният въпрос. София, 2014.
- 24 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 11. Д. 226. Л. 2–7; *Поппетров Н., Божинов В.* Указ. соч. С. 11.
- 25 См. подробнее: *Komjathy A., Stockwell R.* German Minorities and the Third Reich: Ethnic Germans of East Central Europe between the Wars. New York, 1980.

- ²⁶ VII Конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. (Сборник документов). М., 1975. С. 243.
- ²⁷ *Wiskeman E.* Undeclared War. London, 1939. P. 53.
- ²⁸ *Ibid.* P. 132.
- ²⁹ TNA, CAB 23/98/304. Cypher telegram to H. Knatchbull-Hugessen, 12 April 1939.
- ³⁰ *Alexandroff A., Rosecrance R.* Deterrence in 1939 // *World Politics*, 1977. Vol. 29. № 3. P. 404–424; *Conkov S.* The British Policy of Guarantees and Greece (March — April 1939) // Политиката на великите сили на Балканите в навечерието на Втората световна война. София, 1971.
- ³¹ TNA, CAB 23/98/297.
- ³² TNA, CAB 23/98/93. CONCLUSIONS of a Meeting of the Cabinet, 22 March 1939.
- ³³ *Lungu D.B.* Romania and the Great Powers, 1933–1940. Durham, 1989. P. 137.
- ³⁴ DGFP. Ser. D. Vol. 6. № 254. P. 341.
- ³⁵ *Поппетров Н., Божинов В.* Указ. соч. С. 40–42; *Божинов В.* Балканский гамбит. Путь Болгарии и Югославии к Тройственному пакту // Вторая мировая война в истории человечества. 1939–1945: материалы международной научной конференции. М., 2015. С. 257–258. Относительно скромные претензии Софии к Белграду обуславливались ее стремлением придерживаться пакта о «Вечной дружбе», заключенного между Болгарией и Югославией в начале 1937 г.
- ³⁶ *Gafencu G.* The Last Days of Europe: A Diplomatic Journey in 1939. London, 1947. P. 152–153.
- ³⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 11. Д. 134. Л. 44–45.
- ³⁸ Салоникское соглашение аннулировало военные статьи Нейиского и Лозаннского мирных договоров и констатировало отказ договаривающихся сторон от применения силы во взаимных отношениях. См. подробнее: *Постников А.С.* Салоникское соглашение 31 июля 1938 г. и позиция Франции // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1981. С. 59–72.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 11. Д. 134. Л. 114–115.
- ⁴⁰ *Петрунина О.Е.* Указ. соч. С. 497–505.

Роль СССР в подготовке мирного договора с Болгарией после Второй мировой войны — мифы и факты*

Позиция Советского Союза в отношении мирного договора с Болгарией от 10 февраля 1947 г. является следствием его геополитических интересов на Балканах и военных действий, оставивших страну в советской сфере влияния¹. Для Москвы Болгария становится элементом ее безопасности, и действия Сталина — попытаться защитить болгарскую территориальную целостность и предотвратить чрезмерную перегрузку страны репарациями — логичны. Кремль, однако, не забывает, что Болгария потерпела поражение и должна заплатить за союз с Германией. Советская защита к тому же учитывает интересы союзников — США и Великобритании, а также Югославии, что вызывает необходимость идти на компромиссы, даже когда СССР убежден в правоте болгарских аргументов.

Осенью 1944 г. Москва косвенно поддерживает попытку правительства Отечественного фронта (ОФ) задержать болгарские войска на Беломорье**, что могло бы послужить для защиты там болгарских интересов. Однако после ультиматума У. Черчилля Сталин соглашается отозвать войска². Он вмешивается, заставляя И. Броз Тито допустить Болгарию сражаться с Германией на югославской территории, но весной 1945 г., соглашаясь со своими союзниками, не содействует в получении страной статуса «совоюющая»³. В Потсдаме Сталин убеждает США и Англию установить с Болгарией дипломатические отношения, чтобы облегчить подписание с ней мирного договора, но они отказывают. Демон-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Национального научного фонда Болгарии, проект ДНТС Русия/02/17: «Болгария, Россия, Балканы. Проблемы мира и войны XVIII–XXI вв. (мифы и действительность)».

** Белое море — так болгары называли Эгейское море.

стрируя, что уважает их интересы, Сталин идет в отношении мирных договоров на компромисс, соглашаясь на признание территориальных интересов Италии, а также на подписание договоров только с признанными демократическими правительствами Болгарии и Румынии⁴. На сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) в Лондоне осенью 1945 г., однако, становится ясно, что США не примут во внимание сделанные уступки, и министр иностранных дел СССР В.М. Молотов ставит следующее условие: СССР согласится с предложенной США мирной конференцией, если американцы признают румынское и болгарское правительства. На московской встрече в декабре 1945 г. найдена приемлемая формула для конференции: участие ограниченного круга государств и принятие решений рекомендательного характера⁵. Сталин соглашается заставить болгарское правительство включить в свой состав двух представителей оппозиционных партий, не участвующих в выборах, что позволит США признать его и заключить мирный договор. Начало холодной войны делает это решение невозможным, под давлением Сталина прерваны переговоры с оппозицией, а второй кабинет ОФ создан без её представителей⁶.

Реальная борьба СССР за подписание мирного договора с Болгарией начинается в апреле 1946 г., когда он позволяет болгарскому правительству официально поднять вопрос о Западной Фракии, считая его достаточным аргументом против греческих притязаний на болгарские территории⁷. На Парижской сессии СМИД Молотову удается провести решение о частичной, а не полной компенсации Греции со стороны Болгарии. Советская сторона соглашается ограничить действия болгарских вооруженных сил, но выступает против предложения, чтобы Болгария заплатила также косвенные репарации. Из-за категорического выражения США и Англии оценить в преамбуле мирного договора Болгарию как «совоющую» (они возражают даже против формулировки о болгарском вкладе в разгром Германии) СССР идет на компромисс. Он уступает в вопросе о статусе «совоющей», соглашаясь отказать в нем Болгарии, но по его ходатайству в преамбулу договора включается текст, что страна приняла *«активное участие в войне против Германии»*⁸.

Парижская конференция (29 июля–15 октября 1946 г.) стала ареной, на которой Советский Союз ведет борьбу, отстаивая болгарские интересы, поскольку не желает, чтобы страна, входящая в зону его безопасности, была ослаблена в территориальном, военном и экономическом отношении. Он организует и согласовывает защиту интересов Болгарии делегациями Украинской и Белорусской ССР⁹, Чехословакии, Польши и Югославии. Особенно была важна поддержка Югославии, как страны, пострадавшей от действий Болгарии в период 1941–1944 гг. и могущей претендовать на территории и репарации. Благоклонная позиция Югославии могла бы служить контрапунктом чрезмерных греческих запросов. Поддержка Югославии обеспечена при участии Сталина в начале июня 1946 г.¹⁰ и связана с планируемой южнославянской федерацией, но цена этого очень высока — Г. Димитров принимает указание Сталина предоставить культурную автономию Пиринскому краю. В беседе 5 июня 1946 г. с членами болгарской делегации в Москве Сталин разъясняет свою позицию на мирной конференции по болгарским вопросам. Относительно репараций, он считает, что на этом форуме следует упирать на то, что Болгария приняла активное участие «в общей борьбе союзников», «серьезно» помогла в освобождении Югославии и Греции, и поэтому сумму репараций необходимо снизить, как это сделано для Италии. По его мнению, «общая сумма едва ли превысит 45 миллионов долларов, две трети из которых следует выделить Югославии и одну треть — Греции. Когда это произойдет, Югославия заявит об отказе от всяческих репараций со стороны Болгарии, так как самостоятельно разрешит все свои вопросы. Таким образом, для Греции останутся только 15–20 миллионов долларов, которые к тому же будут выплачиваться в течение 6–7 лет»¹¹. Сталин информирует болгарскую делегацию о позиции советской стороны на Парижской сессии СМВД, говоря о том, что она, как и американская, не участвовала в установлении болгарско-греческой границы после Первой мировой войны и «не признаёт ее как справедливую». Указания болгарам звучат так: «Требуйте территориальный выход на Белое море, если это не пройдет, тогда переходите к экономическим требованиям. Право требовать территориальный выход вы

имеете, но сейчас трудно рассчитывать на получение такового. Подобные требования реализуются только силой. Во всяком случае, подготовитесь на будущее»¹².

Еще в начале Парижской конференции (7 августа 1946 г.) в комиссии по процедуре советский представитель А.Я. Вышинский делает предложение, которое оказывается особенно важным для побежденных стран. В дополнение к решению пригласить Италию, Болгарию, Румынию, Венгрию и Финляндию выступить на пленарных заседаниях конференции со своими соображениями по проектам мирных договоров с ними Вышинский предлагает заслушать по отдельным вопросам представителей этих стран также в комиссиях, причем в процессе их работы¹³. Это дает болгарской делегации возможность представить свои аргументы соответствующим комиссиям и таким образом попытаться повлиять на их решения.

Советская поддержка ярко проявляется на пленарном заседании конференции 14 августа 1946 г. В этот день болгарская делегация в лице министра иностранных дел Г. Кулишева представляет свою точку зрения на будущий мирный договор в подробностях. Украинский представитель Д.З. Мануильский в своем выступлении подчеркивает, что речь идет уже о новой Болгарии, которая внесла свой вклад в разгром Германии, и заявляет, что претензии Греции на 1/10 часть болгарской территории несправедливы. Вместе с тем он поддерживает болгарскую идею о Западной Фракии — по его мнению, она «неразрывно связана с Болгарией хозяйственными, географическими и историческими связями», а лишение страны выхода в Эгейское море обрело бы ее на «стальную удушающую петлю и нанесло бы ущерб ее сельскому хозяйству и промышленности»¹⁴. Он призывает принять во внимание Бухарестский договор 1913 г., согласно которому (вопреки проигранной Межсоюзнической войне) Болгарии были оставлены Западная Фракия и порт Дедеагач. На следующий день, 15 августа, между «великими» участниками идет острый спор по поводу болгарских претензий. Как отмечается, государственный секретарь США Джеймс Фр. Бирнс (1945–1947 гг.) и британский делегат сэр Александр Дж.М. Кадоган, постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании

(1938–1946 гг.), выступают против, а в ответ Молотов заявляет, что *«империалистические требования Греции в отношении Болгарии и Албании следует задуть еще в зародыше»*¹⁵.

Фактическое обсуждение проекта договора с Болгарией начинается в Политической и территориальной комиссии. На ее втором заседании (19 августа) греческий делегат П. Пипинелис требует исключить слова *«активное участие»* Болгарии в войне против Германии из преамбулы к договору. Их включение было достигнуто советской стороной во время Парижской сессии СМВД. Со своей стороны болгарская делегация выдвигает предложение внести в текст уточнение о том, что страна начала военные действия против немецких войск еще 9 сентября 1944 г. (а не после перемирия 28 октября 1944 г., как зафиксировано в преамбуле), и настаивает на том, чтобы Болгария была отмечена как *«совоюющая»*¹⁶. 26 августа советский представитель в комиссии Н.В. Новиков, проанализировав участие Болгарии в войне против Германии, настаивает на том, что в преамбуле оно правильно определено как *«активное»*. В поддержку болгарских предложений признать страну *«совоюющей»* и отметить ее вступление в войну против Германии еще до подписания перемирия выступают белорусская, украинская и югославская делегации. При голосовании этих двух предложений три делегации вместе с чехословацкой выступают *«за»*, в то время как девять из 13 стран в комиссии — против¹⁷. В числе девяти находится и советская делегация по причине поддержанного СССР решения Парижской сессии СМВД по вопросу о статусе *«совоюющей»*. Из-за отказа США и Великобритании сессия отказывается признать Болгарию *«совоюющей»*, и СССР не удается добиться большего, чем формулировка *«активное участие»* в войне. В связи с общим решением СМВД у советского представителя в Политической комиссии не было возможности проголосовать за болгарскую формулировку.

2 сентября В. Коларов представляет Политической комиссии болгарские аргументы по Западной Фракии, а 4 сентября П. Пипинелис в длинной речи пытается их опровергнуть. На том же заседании Новиков зачитывает декларацию, в которой оспаривает греческие утверждения о том, что Афины претендуют только

на «*стратегические поправки границы*», и поясняет — они касаются 1/10 части всей болгарской территории, а граница прошла бы «в 95 км от болгарской столицы София и всего навсего в 35 км от Пловдива», и цель Греции состоит в том, чтобы эти политические и хозяйственные центры стали «*стратегически уязвимыми*»¹⁸. Советская делегация выступает против греческих притязаний, поскольку они противоречат целям Мирной конференции по установлению долгосрочного мира на Балканах. Во второй части декларации Новиков подробно останавливается на болгарском предложении, чтобы граница с Грецией соответствовала Бухарестскому договору 1913 г. Он утверждает, что принятие этого предложения «*устранило бы историческую несправедливость, допущенную в отношении болгарского народа*» с потерей Болгарией в 1919 г. Западной Фракии. Новиков приводит исторические и этнические аргументы, умело подчеркивая позицию Великобритании в 1913 г., полагавшей уместным тогда оставить область в болгарских границах, в противовес поддержке, которую Лондон в данный момент оказывает Греции. Советский дипломат напоминает, что и США в 1919 г. выступали за то, чтобы оставить Болгарию Западную Фракию. Подтекст ясен: чтобы быть последовательными, США и Англия не должны отвергать болгарские претензии. Новиков подчеркивает, что СССР не участвовал в конференциях, определивших судьбу области, и не связан с их решениями, а хочет восстановления исторической справедливости. Декларация заканчивается признанием того, что «*у Болгарии есть все основания для претензий на Западную Фракию*»¹⁹.

Дебаты продолжаются 9 сентября с уже упомянутой защитой греческих претензий делегатами Южной Африки и Англии. На них реагируют представитель белорусской делегации А.Г. Бондарь и чехословацкой — Носек, которые характеризуют болгарские аргументы по Западной Фракии как «*вполне оправданные и понятные*»²⁰. В том же духе 11 сентября выступает и украинский делегат А.К. Касименко²¹. На этом же заседании, однако, американская и французская стороны высказываются против болгарского запроса. Когда 16 сентября комитет голосует по предложению Пипинелиса запросить мнение Военной комис-

сии о необходимости «стратегической границы», Новиков заявляет: *«Советское правительство не может согласиться на отделение территорий от Болгарии, потому что [это] не принесет пользы миру на Балканах и в мире и даже может угрожать ему. Советское правительство всегда будет противостоять подобным требованиям правительства Греции, которые мы считаем совершенно необоснованными... Предложение Греции о внесении исправлений неприемлемо и несправедливо и не может быть принято ни этой комиссией, ни конференцией»*²². Предложение Новикова: принять ст. 1 проекта договора в том виде, как он сформулирован СМВД (в границах на 1 января 1941 г.). Это означает, что СССР отвергает претензии Греции, но и отказывается от дальнейшей поддержки предложения Болгарии о Западной Фракии. Из-за обозначившихся позиций Соединенных Штатов и Франции пять славянских делегаций не могут получить перевес в комитете из 13 человек. Поэтому СССР продолжает преследовать свою главную цель — не допустить потерю Болгарией своей территории.

В Военной комиссии советский представитель генерал-лейтенант Н.В. Славин иронизирует по поводу претензий Греции на *«стратегическую границу»* следующим образом: *«Разумеется, безопасность Греции будет повышена, если вся Болгария будет включена в границы Греции»*²³. В дебатах, возобновленных 1 октября в Политической комиссии, Новиков повторяет, что *«изменение границы невозможно»*, но больше не поднимает вопрос о Западной Фракии²⁴. Советская делегация оказывается в числе 10 проголосовавших в Политической комиссии за формулировку СМВД о границах Болгарии на 1 января 1941 г.

Советская поддержка Болгарии в Политической комиссии является фактом и в связи с британским предложением сформулировать ст. 2 мирного договора таким образом, что права евреев в стране якобы недостаточно гарантированы. Новиков в ответ заявил, что в проекте договора содержатся положения, отменяющие все дискриминационные законы и дающие евреям права, которыми обладают все другие граждане. Он критикует самих британцев, напоминая, что еврейское население в Палестине, находящейся под английским контролем, подвергается «убий-

ствам, преследованиям и арестам», и цель предложения — «использовать Болгарию в качестве некоего громоотвода, чтобы показать евреям, как они заботятся об их безопасности, прикрывая законное недовольство евреев ситуацией в Палестине»²⁵. Белорусский делегат Бондарь напоминает, что в Болгарии никогда не было антисемитских настроений, и Всемирный еврейский конгресс в августе 1946 г. выразил болгарам свою письменную благодарность за спасение болгарских евреев во время войны. Однако окончательного отклонения британской поправки СССР добьется только на нью-йоркской сессии СМВД.

В Военной комиссии советским делегатам удается отклонить просьбу Греции о дальнейшем сокращении болгарских войск и военной техники²⁶, сравнивая ее со скромными греческими требованиями в этом отношении к Италии. Серьезный спор вызывают греческие требования к Болгарии: снести все укрепления в 20 км от границы с Грецией и запретить строительство укреплений в этом районе.

Белорусский делегат заявляет, что цель этого: *«унизить и разоружить болгарский народ, чтобы ему всегда угрожала агрессия греческих монархистов»*, а советский делегат Славин произносит резкую речь. Он напоминает о принципиальном решении сессии СМВД, согласно которому малые страны могут принимать меры для своей защиты, и что для четырех бывших сателлитов в проектах договоров (ст. 9) предусматриваются равные условия. Он выражает недоумение, почему Соединенные Штаты, Англия и Франция, поддерживая греческие требования, отходят от принципа равного отношения ко всем малым побежденным странам, принятого ими в СМВД. Его слова звучат основательно: *«Греческая делегация постоянно напоминает нам, что в течение 30 лет болгары трижды нападали на Грецию. Но я спрашиваю представителя Греции: кто оккупировал иностранные территории в течение 30 лет и у кого? Покажите признаки болгарской экспансии, свидетельствующие о захвате чужой земли? ... Советская делегация не может согласиться с тем, что Болгария в результате своих демократических преобразований будет подвергаться новым ограничениям. Болгария имеет право заботиться о своей защите и защищать себя»²⁷. Совет-*

ский адмирал В.П. Карпунин также выступает против другого требования Греции — запретить Болгарии владеть торпедными катерами. В принципе, это требование лишено смысла, поскольку греческий флот находится в Эгейском море, куда болгарские катера не имеют доступа. Тем не менее, это предложение поддерживают США и Англия. Советский делегат указывает на еще один двойной стандарт в позиции Греции, которая не возражает против того, чтобы Италия имела определенное количество военных кораблей, но требует дополнительных ограничений для Болгарии, *«хотя весь болгарский тоннажный флот меньше, чем небольшой итальянский крейсер»*²⁸. Учитывая, что в Военной комиссии представлены делегации 21 участвующей в войне страны, шансы СССР предотвратить принятие предложений Греции минимальны.

Схожая ситуация складывается и в Экономической комиссии, состоящей из 14 членов, которая с 30 сентября 1946 г. начала рассмотрение экономических положений мирного договора с Болгарией. Франция, Англия и США в дискуссиях по ст. 24 о правах Болгарии на болгарские активы, находящиеся у союзников, настаивают на том, чтобы эти активы использовались для компенсации их претензий к соответствующей стране, а советский делегат В.С. Геращенко предлагает ограничить ответственность Болгарии только Грецией и Югославией. Он напоминает, что Болгария участвовала в войне против Германии и должна свободно использовать свои активы за границей²⁹. При голосовании предложение получает поддержку только у делегаций, которые в принципе голосуют одинаково с Советским Союзом, но их всего пять. Негативные последствия для Болгарии несет и отклонение советского предложения по ст. 25, предусматривающего возвращение Болгарии болгарского имущества в Германии. Вместо него принимается предложение США, Франции и Англии, чтобы страна отказалась от каких-либо претензий к Германии³⁰. Не проходит также предложение главы советской делегации Ф.Т. Гусева о создании подкомиссии, которая изучит экономическое положение Болгарии и сообщит СМВД³¹. Во время решающего многочасового совещания по репарациям 4–5 октября Гусев атакует позиции греческой, британской и аме-

риканской сторон: *«Здесь нам предлагают три разных цифры в качестве суммы, которую Болгария должна заплатить. Но эти цифры очень разные — 200, 125, 25 миллионов долларов. Тем не менее, предлагающие ничего не говорят нам, основываясь на каких расчетах они эти цифры определили. Почему, например, Болгария должна платить 125 миллионов долларов, а не 124 миллиона долларов. Мы не можем принять в качестве предложения такие цифры. Они должны быть обоснованы... Вот почему я предлагаю, чтобы те, кто вносит предложения о размерах болгарских репараций, обосновали их, объяснив свои мотивы. Затем мы обсудим каждую отдельную мотивацию и только тогда сможем перейти к голосованию»*³². За это предложение проголосовали только пять делегаций (славянских), и оно было отклонено. Затем СССР проголосовал за предложение Югославии о 25 млн долларов, но и его поддержало только пять голосов. Те же пять делегаций голосуют против предложения Великобритании о 125 млн долларов США, которое принято девятью голосами. После голосования Гусев напоминает, что окончательное решение примет СМВД, и настаивает на том, чтобы в протоколе заседания было отмечено, что, по мнению советской делегации, решение о репарациях в Болгарии *«принято немотивированно, необоснованно и поспешно»*³³. Примечательно, что, возражая против предложенных сумм, советская делегация не воспользовалась подробным и аргументированным заявлением болгарской делегации, сделанным 4 октября в Экономической комиссии, и не прокомментировала обоснованность болгарских встречных требований. В этом случае советский подход отличается от прямой поддержки претензий Болгарии на Западную Фракию. Вероятно, причина кроется как в слишком короткой и интенсивной дискуссии, которая продолжалась с утра 4 октября до 14.40 следующего дня (срок, когда Комиссия должна была завершить свою работу), так и в стремлении СССР не указывать такие же произвольные суммы, наподобие тех, которые сама критикует, и поддержать югославскую делегацию в выполнении ее обязательств лета 1946 г. — бороться за минимальный размер репараций³⁴. Очевидно также советское стремление решить вопрос о сумме в СМВД, где больше шансов на компромисс.

11 октября 1946 г. на пленарном заседании обсуждаются рекомендации комиссий по мирному договору с Болгарией. В числе восьми выступающих делегатов и А.Я. Вышинский. Он подчеркивает, что на выработку условий договора сильно влияет *«предвзятое и недружественное отношение некоторых делегаций к этой маленькой славянской стране»*³⁵. В качестве доказательства Вышинский указывает, что из пяти бывших немецких сателлитов *«в испытательной позиции»* оказывается только Болгария, поскольку США и Англия не установили с ней дипломатические отношения, и обвиняет их в том, что они относятся к болгарскому правительству *«как к неравноправному и чуть ли не подконтрольному»*, ставя судьбу страны в зависимость от их политических симпатий и антипатий. Напоминая об участии Болгарии в войне против Германии, советский делегат подчеркивает, что несправедливо отказывать ей в статусе *«совоюющая»*, и защищает *«славянский болгарский народ»*, ставший жертвой прогерманской политики своих *«преступных правителей»*. Вышинский отмечает, что болгарский народ сумел порвать с Германией *«своими собственными силами и средствами»*, и подробно рассказывает, как *«по собственной инициативе»* организовал *«Народный суд»*, сурово осудивший *«главных военных преступников Болгарии»*. Это, а также отказ от монархии в пользу республики должно быть принято во внимание при обсуждении мирного договора, чтобы страна достигла *«справедливого и демократического мира»*³⁶.

Вышинский обвиняет греческую делегацию и тех, кто ее поддерживает, в попытке помешать Болгарии получить такой мир. В качестве доказательства он приводит наиболее важные решения комиссий, которые наносят ущерб Болгарии. Сначала он комментирует греческую поправку о демилитаризации болгарско-греческой границы, принятую Военной комиссией, хотя и без 2/3 голосов, необходимых, чтобы она стала рекомендацией. Он справедливо заявляет, что такое дополнительное ограничение выходит за рамки решения СМВД и не было наложено ни на одну из бывших балканских враждебных стран или на Финляндию. Напоминая, что в Болгарии вообще нет пограничных пунктов (что официально подтверждено представителем Греции в Военной комиссии) и ее границы не защищены, Вышинский за-

являет, что требование демилитаризации *«неоправданно и должно быть отклонено как лишённое оснований»*³⁷.

В связи с требованием Греции об исправлении границы, Вышинский заявил, что греческое правительство *«жадно протягивает руки к чужой земле»*. Цель советского дипломата — не допустить голосования по этому вопросу на пленуме конференции. Поэтому он характеризует его как несправедливое, напоминая о его *«позорном провале»* в Политической комиссии, и лишь мимоходом (используя цитату из книги У. Черчилля) он упоминает о *«несправедливом увечье»* Болгарии после Первой мировой войны и о болгарских требованиях, которые и в 1946 г. *«не перестают быть благоразумными и благородными, как бы ни злопыхала греческая делегация и все ее покровители и укрыватели»*³⁸. Ради Западной Фракии советская сторона не имеет возможности больше ставить этот вопрос.

Вышинский использует требование Греции о запрете Болгарии иметь торпедные катера, чтобы подчеркнуть политические мотивы поведения США при обсуждении мирного договора. Сам запрет советский дипломат прокомментировал с иронией, сравнив болгарский флот с итальянским³⁹. Постановку этого вопроса и его поддержку американцами Вышинский связывает со стремлением США оказать давление на болгарское правительство. В качестве доказательства он ссылается на заявление представителя США в Политической комиссии о том, что *«у делегации США есть серьезные сомнения в развитии демократии в Болгарии, как мы ее понимаем»*. Критика Вышинского заключается в том, что именно недовольство болгарской политической жизнью заставляет США не уделять достаточного внимания конкретным вопросам, которые должна решать Мирная конференция, а использовать ее для оказания политического давления на Болгарию.

Последний вопрос, на котором останавливается Вышинский, это репарации. Он подтверждает советскую позицию о том, что его решение должно быть направлено в СМВД, который серьезно его изучит, чтобы не голосовать за цифры, *«необоснованные ни фактически, ни морально, ни политически»*⁴⁰. Здесь Вышинский ссылается на болгарские аргументы о тяжелом положении

экономики страны и бедность болгар (он подчеркивает, что доход на душу населения не превышает 50 долларов и является самым низким в Европе). Таким образом, он аргументирует предложение Советского Союза о том, что размер репараций должен определяться в соответствии с фактическими потерями, понесенными болгарскими вооруженными силами, и с учетом экономического положения Болгарии. Это не было сделано на конференции и *«должно быть исправлено»*.

В заключение Вышинский делает вывод, на который оказали влияние вышеупомянутые попытки США использовать уязвимость Болгарии на конференции, чтобы навязать правительству изменения накануне выборов в Великое Народное Собрание. Советский дипломат подчеркивает, что предложения Греции являются ничем иным, как попытками оказать политическое давление на кабинет ОФ для достижения целей, которые *«не имеют ничего общего с целями Мирной конференции и наносят ущерб национальным интересам Болгарии»*⁴¹.

Во время пленарного голосования по отдельным положениям проекта мирного договора с Болгарией советская позиция, поддержанная Чехословакией, Польшей, Югославией, Белорусской и Украинской ССР, не могла перевесить. Шесть стран из 21-й безуспешно голосовали против текстов, гарантирующих права евреев в Болгарии, запрета строить укрепления вдоль границы с Грецией, владения торпедными катерами и выплаты репараций в размере 125 млн долларов. При голосовании по последнему тексту принимается британское предложение, но оно не получает большинства в 2/3 голосов и не имеет рекомендательной силы для СМВД. Таким образом, реализуется советское предложение, чтобы Совет принял решение о репарациях самостоятельно. Шесть стран голосуют за рекомендации по ст. 1 — признать границы, существующие на 1 января 1941 г., но из-за позиции Англии конференция не оформляет их в качестве предложения СМВД⁴².

14 октября 1946 г., в предпоследний день конференции, В.М. Молотов критически анализирует ее работу и ссылается на факт, что статьи договоров с побежденными странами, не согласованные СМВД до начала конференции, не нашли решения на этом форуме, поскольку *«господствующая группировка*

на конференции, начиная с США и Англии, не стремилась к этому», а использовала механическое большинство, чтобы диктовать свое мнение⁴³. Бесспорен отмеченный им отказ этих двух стран от некоторых уже согласованных в СМВД позиций. Особое внимание он обращает на различное голосование Англии по вопросу о болгаро-греческой границе, в том числе и в Политической комиссии, а затем на пленарном заседании конференции, что не позволяет принять решение. Комментируя вопрос о том, какие страны выступают в поддержку британской стороны в этом вопросе и как их национальные интересы связаны с Болгарией, Молотов задает риторический вопрос: *«Не является ли эта комбинация делегаций своеобразной игрой на голосах, которую, однако, ни один честный демократ и вообще ни один объективный человек не может не рассматривать иначе, как грубую политическую ошибку, приносящую ущерб делу устойчивого мира и выгодную сеятелям беспокойства и новой агрессии?»*⁴⁴. Он считает, что это голосование бросает тень на всю практику голосования на конференции, и выражает уверенность, что СМВД вновь одобрит свое прежнее решение о границе, установленной на 1 января 1941 г., показывая очевидность *«просчета, сделанного в этой политической игре»*. Затем Молотов обращается к болгарам со словами: *«Болгары, будьте спокойны, ваша граница останется непоколебимой»*⁴⁵.

В дни конференции советские представители оказывают болгарскому правительству и другую поддержку. Они узнают от К. Георгиева, Г. Кулишева и В. Коларова о давлении американцев относительно изменений кабинета накануне парламентских выборов. Молотов советует болгарской стороне не подчиняться и заверяет, что американцы вряд ли откажутся подписать мирный договор с Болгарией, поскольку от этого также зависит подписание советской стороной мирного договора с Италией.

Уверения в том же духе Г. Димитров получает и от Сталина. Димитров едет в Москву, чтобы узнать советскую позицию по мирному договору, в том числе его сепаратного подписания с СССР, в случае отказа западных государств. Сталин и Молотов не выглядят обеспокоенными, считая, что *«вряд ли дело дойдет до этого, поскольку в конце концов [США] обязаны подписать*

мирный договор», да и заинтересованы в этом, потому что подписание мира с Италией зависит от СССР⁴⁶.

На сессии СМВД в Нью-Йорке болгарский договор обсуждается 11 ноября 1946 г., причем рассматриваются только те рекомендации Парижской конференции, по которым не достигнуто согласие. Молотов вновь предлагает отклонить рекомендации по демилитаризации болгарской границы и запрету на торпедные катера и выступает против Великобритании и Соединенных Штатов по вопросу о репарациях, считая *«странным»* их требование, чтобы Болгария платила Югославии больше репараций, чем просит сама Югославия. Он напоминает, что на Болгарию наложены репарации сверх её возможностей и что эта страна помогла ускорить окончание войны, воюя с Германией. Поэтому Молотов предлагает установить следующий размер болгарских репараций — 30 млн долларов в общей сложности для Югославии и Греции вместо 125 млн (предложение министра иностранных дел Великобритании Э. Бевина) и 78 млн (предложение госсекретаря США Дж. Барнса)⁴⁷. По этим вопросам позиции трех стран остаются непримиримыми. В конце заседания Бевин выражает пожелание изменить болгаро-греческую границу в пользу Греции. Молотов категорически возражает: *«Если мы поставим вопрос об изменении болгарской границы, мы, несомненно, вызовем претензии Болгарии к Греции, которые гораздо более обоснованы, чем другие подобные претензии Греции к Болгарии»*⁴⁸. На последующих заседаниях Бевин снова пытается защитить претензии Греции, но Молотов непреклонен, и граница остается неизменной. По его настоянию репарации сокращены до 70 млн долларов, а Англия отзывает свое предложение о ст. 2 и дополнительных гарантиях по правам евреев⁴⁹. Однако советская сторона вынуждена уступить в вопросах о болгарских укреплениях вдоль границы с Грецией и торпедных катерах. С учетом болгарских интересов Молотов добивается значительных уступок, поскольку сохранение территориальной целостности и сокращение репараций имеют гораздо большее значение. На этой сессии СССР не выдвигает болгарских требований относительно Западной Фракии и статуса «совоюющей». Советский представитель не только осознаёт, что западные союзники не поддержат побежденную Болгарию

против победившей Греции, но и надеется, что подписание договоров укрепит правительства стран советской сферы влияния и позволит ускорить их взаимодействие с СССР, лишит западные страны механизмов вмешательства в их внутренние дела.

Беспристрастное прочтение документов, отражающих дебаты по мирному договору с Болгарией, приводит к окончательному выводу о том, что, в отличие от ситуации после Первой мировой войны, на этот раз интересы Болгарии защищены в большей степени, благодаря усилиям СССР и поддерживавших его стран — Польши, Чехословакии и Югославии. Советская помощь — реальный факт, а не миф, как пропагандистски представляется сегодня. В Париже в 1946 г. советская дипломатия сумела добиться сохранения болгарской территориальной целостности и значительного сокращения репараций. И эти решения имеют больший вес, чем неудачи при обсуждении некоторых военных и политических вопросов. Открыто заявленная советская защита болгарской идеи о более справедливом мирном договоре контрастирует с желанием Великобритании отрезать часть болгарских территорий и обременить болгарскую экономику тяжелыми выплатами в пользу Греции. Позиция СССР также отличается от позиции США, хотя и более умеренной, чем позиция Великобритании.

Объяснение различий в отношении победивших держав к Болгарии связано с включением нашей страны в советскую сферу влияния, а также с памятью о ее действиях в годы войны. Мирный договор, подписанный в феврале 1947 г., ставит точку в отношениях Болгарии с победителями из антигитлеровской коалиции⁵⁰. Несмотря на то, что он отражает ультимативный тон, подписание этого документа является важным шагом к преодолению изоляции Болгарии, которая теряет Беломорье и Вардарскую Македонию, но сохраняет Южную Добруджу и становится единственной побежденной страной, увеличившей свою территорию. Возмещение ущерба не становится для Болгарии чрезмерным бременем: Югославия отказывается от своей части репараций (25 млн долларов)⁵¹, а греческая доля в 45 млн в 1964 г. будет уменьшена до приемлемых 7 млн⁵². Таким образом, независимо от того, что интересы Болгарии остаются подчиненными политическим устремлениям «больших» государств, страна получает относительно благоприятный мир.

Примечания

- ¹ Калинова Е. Победители и България 1939–1945. София, 2004. С. 93–110.
- ² Баева И., Калинова Е. Следвоенното десетилетие на българската външна политика 1944–1955. София, 2003. С. 68–73.
- ³ Там же. С. 55–60.
- ⁴ Берлинската конференция 17 юли — 2 август 1945 г. Сб. документи. София, 1987. С. 335–336, 506–507.
- ⁵ Баева И., Калинова Е. Следвоенното десетилетие... С. 96–98.
- ⁶ Калинова Е. Мястото и ролята на Отечествения фронт в годините на «народната демокрация» (1944–1947) // История на Отечествения фронт/съюз в България. Том I. София, 2012. С. 160–163.
- ⁷ Васильева Н. СССР и проблема подписания мирного договора с Болгарией после Второй мировой войны (1945–1947 гг.) // Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). (Статии и документи). София, 1999. С. 141.
- ⁸ Жигня К. Подготовка и заключение мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией после Второй мировой войны. Кишинев, 1981. С. 102.
- ⁹ Вопрос участия Белорусской и Украинской ССР как стран-учредителей в Международной конференции о создании ООН (Сан-Франциско, апрель–июнь 1945 г.) решен во время встречи «тройки» в Ялте // Крымската конференция на ръководителите на трите съюзни държави — СССР, САЩ и Великобритания, 4–11 февруари 1945. Сб. документи. София, 1985. С. 135–138, 147–150.
- ¹⁰ Из личния архив на Кимон Георгиев. Т. III. София, 2009. Док. № 399. С. 642–643.
- ¹¹ България в секретния архив на Сталин. Документи. София, 2005. Док. № 37. С. 140.
- ¹² Там же. С. 141.
- ¹³ Васев С., Христов К. България на мирната конференция в Париж 1946 г. София, 2017. С. 62–63. (Автори на книга — българските журналисти С. Васев из газети «Работническо дело» и Кр. Христов из газети «Отечествен фронт», аккредитованите на конференции и представили в книга документи парижских заседаний и свои впечатления).
- ¹⁴ Там же. С. 92–94.
- ¹⁵ Там же. С. 97–98.
- ¹⁶ Там же. С. 107, 109–111.
- ¹⁷ Там же. С. 114, 118.
- ¹⁸ Там же. С. 152.
- ¹⁹ Там же. С. 154–159.
- ²⁰ Там же. С. 168–169, 170–171.
- ²¹ Там же. С. 174–175.
- ²² Там же. С. 187–188. Восемь голосов «за» и пять «против» (СССР, Югославия, Украина, Белоруссия, Чехословакия); вопрос передан в Военную комиссию.
- ²³ Там же. С. 218. СССР вместе с большинством в Военной комиссии поддерживает американское предложение ответить Политической комиссии, что Военная комиссия не в состоянии вынести решение по греческому запросу, из чего следует, что вопрос о границе не является стратегическим и военным, а политическим.

- ²⁴ Там же. С. 230–232.
- ²⁵ Там же. С. 199–200.
- ²⁶ Там же. С. 207.
- ²⁷ Там же. С. 209–211.
- ²⁸ Там же. С. 213–214.
- ²⁹ Там же. С. 243–244.
- ³⁰ Там же. С. 244.
- ³¹ Там же. С. 247.
- ³² Там же. С. 250.
- ³³ Там же. С. 251–252.
- ³⁴ Там же. С. 247–248.
- ³⁵ Там же. С. 283.
- ³⁶ Там же. С. 287–289.
- ³⁷ Там же. С. 289–290.
- ³⁸ Там же. С. 291–292.
- ³⁹ Вышинский объясняет, что весь болгарский флот составляет 3 тыс. 700 тонн, в то время как греческий — 65 тыс. тонн, а Италии разрешен флот с 150-тысячным тоннажем. И он комментирует: *«Какой же это страшный военный флот, приводящий в трепет г. Цалдариса и всю греческую делегацию...»* // Там же. С. 293.
- ⁴⁰ Там же. С. 295–296, 298.
- ⁴¹ Там же. С. 297.
- ⁴² Там же. С. 309–312.
- ⁴³ Там же. С. 312–315.
- ⁴⁴ Там же. С. 317. Имеются в виду Эфиопия, Бельгия, Бразилия, Индия, Голландия, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Южноафриканский союз, Китай, Греция. Они вместе с Великобританией составляют те 12 стран, которые на пленуме конференции «воздержались» при голосовании за решение о признании границы Болгарии по состоянию на 1 января 1941 г.
- ⁴⁵ Там же. С. 318.
- ⁴⁶ В разговоре Сталин откровенно комментирует вопрос о Западной Фракии: *«Требование Болгарии по Фракии создаст позиции для будущего. Нужна еще одна война, чтобы подобные вопросы получили окончательное решение...»* // Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 533–534.
- ⁴⁷ Васев С., Христов К. България на мирната конференция... С. 332–333.
- ⁴⁸ Там же. С. 334.
- ⁴⁹ Там же. С. 335.
- ⁵⁰ Калинова Е., Баева И. Победителите и българският въпрос на Парижката мирна конференция 1946 г. // Васев С., Христов К. България на мирната конференция... С. 7–42; Баева И., Калинова Е. Следвоенното десетилетие на българската външна политика (1944–1955). София, 2003. С. 84–118.
- ⁵¹ Даскалов Г. Българо-югославски политически отношения 1944–1945. София, 1989. С. 223–224.
- ⁵² Калинова Е. Изтъняващата «железна завеса» — България и Гърция — 60-те — 80-те години на XX век // България и Европа през съвременната епоха. Сб. в чест на проф. Д. Сирков. София, 2010. С. 194–215.

Балканский вариант режима личной власти (Тодор Живков и Николае Чаушеску)*

Жизнь и деятельность Тодора Живкова (1911–1998) и Николае Чаушеску (1918–1989) не единожды привлекали внимание исследователей. С исторической дистанции авторы пытались проанализировать, прежде всего, характерные черты *режимов личной власти*, получивших в научной литературе наименование «живковизм» и «чаушизм», их возникновение и эволюцию. Естественен был и интерес к характерам, образу жизни и поведению обоих политиков, тем более что на их формирование как национальных лидеров наложили сильный отпечаток сельское происхождение и балканский менталитет. Видимо, этим в определенной степени объясняется тяготение ученых к сопоставительному ракурсу исследований, что характерно как для болгарской, так и для румынской историографии¹.

Сравнение двух авторитарных режимов, лидеры которых стремились превратить собственные страны в некоронованные монархии², как правило, завершается в пользу болгарского руководителя. Констатируется более «мягкая» форма болгарского варианта авторитаризма, причем в глазах некоторых авторов «живковизм» предстает как чуть ли не «демократия», по сравнению с «чаушизмом»³. Последний нередко уподобляется султанистской форме патримониализма, при которой, по Максус Веберу, «развивается до уровня крайнего предела сфера свободного произвола и милости»⁴. В основе такого режима, с характерными для него патронажем, непотизмом и коррумпированностью, лежат «чисто “личные”, а не объективные отношения»⁵.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, проект № 20-59-18004.

Следует признать, что вопрос об особенностях румынского и болгарского вариантов авторитарной власти, их становлении, развитии и финале сохраняет свою актуальность. На наш взгляд, прежде всего по причине происходящего в наши дни пересмотра прежних острокритических, связанных с отрицанием «коммунистического» наследия оценок прошлого, и вследствие ностальгических настроений в обществе. Важным в данном контексте представляется выявление роли «советского фактора» в истории балканских режимов личной власти. Настоящее исследование — попытка автора внести свою лепту в изучение указанной проблемы.

Путь к вершинам власти начинался у Живкова и Чаушеску во многом одинаково: в коммунистическое движение оба вступили в 1930-е годы через комсомол. Живкову исполнилось к тому времени 17 лет, а Чаушеску — 15. Однако впоследствии возраст последнего был уточнен, якобы на основе «изучения документов», — согласно последней версии официальной биографии Чаушеску, его революционная деятельность началась уже в 12 лет⁶.

Оба лидера имели сельское происхождение, что было типичным для Балкан с их социальной структурой преимущественно крестьянского типа*, и знали про деревенскую жизнь не понаслышке. В бедной семье Андруцэ и Александрины Чаушеску было 10 детей. Кормили семью, хотя и недосыта, в основном земля, а также портновское мастерство отца. Родители будущего болгарского лидера Христо и Маруца Живковы, как указывал впоследствии их ставший знаменитым сын, были бедняками⁷. Однако современные болгарские исследователи с основанием полагают, что семейство Живковых относилось к середняцкой прослойке, имело земельный надел, двух коров, овец, вола и свинью. (К слову, по первому закону о реституции, принятому в 1991 г., болгарский лидер мог бы претендовать на получение до 30 га земли.) Христо Живков, так же, как и глава семьи Чаушеску, владел ремеслом: был хорошим скорняком, что приносило заметный

---

* В начале XX в. в Сербии доля крестьянства составляла 87%, в Румынии — 81,2%, в Болгарии — до 80%, и только в Греции крестьян было около 50% населения (Бакланов В. Балканы — захолустье Европы во второй половине XIX — начале XX в. — URL: historick.ru/view_post.php?id=140&cat=3).

доход⁸. Чаушеску и Живков не стеснялись своих крестьянских корней и впоследствии превратили «малую родину» — сёла Скорничешти и Правец — в процветающие города. В Болгарии чудесная метаморфоза некогда скромного села отразилась в анекдоте о двух болгарских столицах — Софии и Правце.

Во время Второй мировой войны Живков участвует в партизанском движении как член Штаба I-й повстанческой оперативной зоны, осуществлявший связь между нелегальным партийным руководством в Софии и партизанским отрядом «Чавдар» (с того времени «чавдарцы» занимали особое место в жизни Живкова). По стране он перемещается по фальшивым паспортам, один из которых на имя Янко Маркова определил и его партийный псевдоним — «товарищ Янко». Чаушеску военные годы проводит в заключении. По официальной версии — за распространение коммунистических и антифашистских пропагандистских материалов. К тому времени, однако, он уже не раз побывал за решеткой: голодное детство заставляло подворовывать. В тюрьме Дофтана он знакомится с политзаключенными. Позднее в лагере для интернированных в Тыргу-Жиу его соседом по бараку оказался Георге Георгиу-Деж, лидер «тюремной фракции» (так, в отличие от «московских кадров», именовались находившиеся в стране румынские коммунисты). Знакомство стало судьбоносным.

Важной точкой в политической карьере будущих лидеров явились события осени 1944 г., когда в условиях наступления Красной армии на карпато-дунайском направлении произошли государственные перевороты 23 августа и 9 сентября, изменившие историю Румынии и Болгарии. «Советский фактор» оказал в тот момент прямое воздействие на исход внутривнутриполитического противостояния в обеих странах. По договоренности с западными союзниками Румыния и Болгария оказались в сфере советского влияния.

В новых условиях будущие лидеры быстро реализуют открывшиеся перед ними возможности карьерного роста. Чаушеску входит в правительства Петру Грозы и Георге Георгиу-Дежа, занимая последовательно посты начальника Высшего политического управления вооруженных сил и заместителя министра вооруженных сил в звании бригадного генерала, а затем генерал-

майора. В 1955 г. он становится членом Политбюро, в котором курирует партийные кадры, а позднее и работу силовых структур. Живков непосредственно после 9 сентября 1944 г. возглавляет Народную милицию, службу в которой заканчивает в звании полковника, и активно продвигается по партийной линии: в 1945 г. он уже член Софийского городского комитета БРП(к), кандидат в члены ЦК партии, а в 1954 г. — первый секретарь ЦК БКП, член Политбюро, отвечающий за текущую работу Секретариата ЦК.

Вектор дальнейшего политического развития двух лидеров — от революционного прошлого к властной диктатуре. Чаушеску, по воспоминаниям его сестры Николины Русеску, якобы еще в юношеском возрасте ясно сформулировал свое желание «стать румынским Сталиным»⁹. Политические амбиции Живкова были гораздо скромнее. Пример для него — герои национально-освободительной борьбы болгар. Впоследствии он любил, когда его сравнивали с «болгарским Бисмарком» — Стефаном Стамболовым, государственным деятелем второй половины XIX в., правление которого было отмечено авторитарными чертами, противником российской политики и последовательным русофобом. Однако делать на этом основании далеко идущие выводы об отношении Живкова к России не стоит. В первую очередь, его привлекала «сильная личность» Стамболова, «дерзость» в проведении самостоятельной политики, непримиримость в преследовании «во имя Болгарии» политических противников¹⁰. Но если независимость в действиях от внешнего фактора так и осталась, скорее всего, потаённой мечтой Живкова, то авторитарные методы управления стали его визитной карточкой. Мало известна одна интересная параллель: в конце XIX в. Стамболов предлагал объединить Болгарию с Османской империей и создать дуалистическое государство¹¹. А Живков, как известно, дважды, в 1963 и 1973 гг., инициировал принятие партийных решений о слиянии Болгарии с СССР, размышлял о возможной форме объединения — федерации или конфедерации и даже обсуждал это на встрече с советским лидером Н.С. Хрущёвым в октябре 1963 г. в Москве. Несмотря на сохраняющуюся и в наши дни дискуссионность вопроса о мотивации подобных действий Живкова¹², в широких общественных кругах они расцениваются как сознательное на-

мерение превратить страну в «16-ю советскую республику» и на волне критики всего социалистического периода истории Болгарии нередко приравняются к национальному предательству.

И Живков, и Чаушеску не получили высшего образования и испытывали в связи с этим определенные комплексы. Позднее обоих объявили малограмотными, недалекими «сельскими» диктаторами, что не соответствовало истине. Отсутствие систематического образования они восполнили самообразованием. Особенно преуспел в этом Чаушеску. В случае с Живковым большую роль сыграла его жена Мара Малеева, дочь учителя, выпускница Софийского университета, медик по профессии. Живков, как единодушно указывают исследователи, относился к жене с огромным уважением, а она не только была помощницей и советчицей по многим вопросам, сдерживала обостренное честолюбие мужа, но и определяла круг его чтения. При ее поддержке Живкову, уже окончившему в 1932 г. профессиональное среднее Графическое училище при Государственной типографии, удалось, хотя и с трудом, получить аттестат зрелости и даже записаться на факультет права в Софийский университет. Правда, учебе он предпочел политику и на занятиях, как утверждают его биографы, не появлялся¹³. В последующем Живков трезво оценивал свои знания и охотно привлекал советников и экспертов при подготовке важных документов и выработке решений по вопросам стратегического характера. В секретариате Живкова отмечали прекрасную память и хватку лидера: читая «по диагонали» представленные материалы, он быстро входил в круг новой для себя проблематики и с успехом использовал их для обоснования своих предложений¹⁴.

Чаушеску был лишен крепкого интеллектуального «тыла». Его жена Елена Петреску происходила из семьи крестьянина-бедняка. Не окончив сельской школы, она переехала в Бухарест, работала на текстильной фабрике и в химической лаборатории. Последнее обстоятельство сделало ее впоследствии руководителем всей химической отрасли страны, действительным членом Румынской академии. Но говорить о влиянии Елены на мужа в интеллектуальном плане было бы преувеличением. Отмеченные некоторыми современниками широкие познания Чаушеску

в политологии, истории, литературе и общественных науках были его личным достижением. Каких усилий это стоило румынскому лидеру нетрудно предположить, ведь за его плечами было только начальное четырехклассное образование и работа подмастерьем сапожника. Сказались волевой характер, целеустремленность и пословичное трудолюбие Чаушеску. В его окружении знали, что он в деталях изучал самые мелкие вопросы, читал, в частности, абсолютно все публикации о Румынии, включая самые незначительные, независимо от того, были они положительными или критическими¹⁵. Чаушеску понимал болгарскую и французскую речь, а знание русского языка было таким, что Георгиу-Деж привлекал его в качестве переводчика к особо важным переговорам на высшем уровне. Если знание французского языка, особенно старшим поколением, в Румынии никого не могло удивить, то разговорный русский объяснялся, вероятно, тем малоизвестным фактом, что до назначения в марте 1950 г. заместителем министра национальной обороны Чаушеску обучался на 8-месячных курсах в Академии имени М.В. Фрунзе в Москве¹⁶. Министр иностранных дел Болгарии Пётр Младенов в начале 1990-х годов отмечал, что по интеллекту и подготовке Чаушеску не только не уступал другим руководителям социалистических стран, но и выделялся серьезными и глубокими знаниями марксизма-ленинизма, истории и философии, очень хорошо разбирался в международных проблемах, хотя суждения его бывали односторонними¹⁷. Широкие познания Чаушеску отмечал и личный переводчик Живкова Илия Стоянов. Оценивая выступления румынского руководителя с профессиональной точки зрения, он подчеркивал, что в логичных, кратких и четких фразах Чаушеску «даже самый лучший языковед с трудом обнаружил бы не только лишнее слово, но и лишний звук». Но внешняя форма подачи материала отражала отсутствие ораторского мастерства: не случайно выступления румынского руководителя напомнили Стоянову лаконичные строки дипломатических шифрограмм или высеченные на камне афоризмы времен Средневековья¹⁸. Все выступления Чаушеску готовил сам, начиная от основных докладов по проблемам внешней и внутренней политики и кончая тостами во время застолья. Часто переводивший Чаушеску на русский язык бывший сотрудник от-

дела внешних связей ЦК КПР, а ныне авторитетный румынский исследователь проф. Василе Буга отмечает, что он обладал великолепной памятью, держал в голове огромный статистический материал, на важных международных встречах не любил читать «по бумажке», предпочитал импровизировать¹⁹.

При этом внимательно слушал переводчика, пытался контролировать сказанное. Иногда легкой усмешкой, мимикой давал понять, что разгадал намерение смягчить при переводе отдельные фразы²⁰. Более того, Илию Стоянову неоднократно приходилось выслушивать упреки Чаушеску за неточный перевод. «Часто у меня не выдерживали нервы ...я с достоинством отвечал ему, что он неправ. За подобные реплики получал замечания [от своих], что ругался с румынским лидером», — вспоминал Стоянов²¹. Некоторые свои формулировки Чаушеску превратил в установочные, кочевавшие по воле оратора из текста в текст (например, о принципе невмешательства во внутренние дела, о равноправии, о национальном и государственном суверенитете и др.). Понятно, что «канонические» тексты не представляли особой сложности для переводчиков, но, естественно, снижали интерес слушателей к речам румынского руководителя²².

Приведенные свидетельства болгарских «соседей» фиксируют взгляд со стороны, что имеет особо важное значение при наличии полярных оценок. До недавнего времени сугубо критическое и даже откровенно враждебное отношение к Чаушеску было в Румынии массовым. Сегодня оно меняется, но всё же остается неоднозначным. В опубликованных в 2017 г. мемуарах известного румынского искусствоведа и писателя Виктора Стойкицэ «Расставание с Бухарестом», автор, проживающий ныне в Швейцарии, вспоминая грандиозный митинг 21 августа 1968 г. в столице в связи с вводом армий стран Варшавского договора в Чехословакию (Румыния, как известно, осудила этот акт), пишет: *«Усиленный громкоговорителями голос Чаушеску легко было узнать. За несколько лет мы привыкли к нему, задавая себе вопрос, как это возможно, чтобы, несомненно, безграмотный человек, явно больной дислексией и слегка страдающий афазией*, мог*

* Дислексия — избирательное нарушение способности к овладению навыками чтения и письма; афазия — нарушение речи при органических поражениях речевых отделов коры головного мозга.

подняться по ступеням власти, заняв в конечном счете руководящее место генерального секретаря партии. [...] Чувствуя себя стесненно перед публикой, Чаушеску обычно читал свои выступления, составленные с помощью простой, ограниченной лексики, на классическом деревенском языке. А вот сейчас он говорил свободно, без какого-либо текста и, сверх того, явно сильно волнуясь. Обычные его заикания, ужасные народные формы множественного числа, частые ошибки согласования слов сегодня уже никого не шокировали. Все мы были на пределе напряжения, наши ожидания были слишком накалены, чтобы уделять внимание таким мелочам»²³. Заметим, что именно опираясь на эти «мелочи», Стойкицэ стремится убедить читателя, хотя и мимоходом, в явно невысоком культурном уровне Чаушеску. Для нас в приведенных примерах важно отметить очевидные противоречия и субъективизм оценок, требующие очень внимательного и аккуратного к ним подхода.

В отличие от Чаушеску, все официальные выступления болгарского руководителя готовили «старательные ребята» — аппарат советников, к которым Живков относился внимательно и дружелюбно, но строго, предъявляя высокие требования. Слушать его, как правило, было интересно. Вместе с тем, как и Чаушеску, Живков любил импровизировать. В таких случаях его выступления бывали пространными, перегруженными подробностями, а быстрая и зачастую нелогично выстроенная речь, насыщенная фольклором, шутками, иногда солеными, создавала немалые трудности переводчикам²⁴. Справедливости ради следует отметить, что точной передачи сказанного Живков никогда не требовал, полагался на знания и такт профессионалов, которые стремились, по мере возможности, заранее подготовиться к «нештатной ситуации»²⁵.

Выявляя совпадения в биографиях и политической карьере двух лидеров, следует отметить, что в продвижении обоих к вершинам власти большую роль поначалу сыграло отношение к ним соратников как к временным, компромиссным фигурам, лояльным и якобы лишенным политических амбиций. Учтены были также молодость и деловые качества: огромная работоспособность, энергичность, инициативность Живкова²⁶ и «большое

желание учиться», «открытый [для новой информации] ум» Чаушеску, его готовность слушать и вникать в доводы собеседника²⁷. Показательно, что «поручителями» выступили пользовавшиеся большим авторитетом в партиях Георгий Чанков и Ион Г. Маурер. По их предложению Живков и Чаушеску сменили на руководящем партийном посту прежних жестких авторитарных правителей Вылко Червенкова и Георге Георгиу-Дежа и поначалу были настроены вполне демократично. Выдвигая кандидатуру Живкова, Чанков отметил, помимо прочего, и тот факт, что Живков не был связан с работой в государственном аппарате²⁸. Для Маурера, сделавшего ставку на Чаушеску, определяющим фактором также стал опыт его партийной работы, в частности, руководство Оргбюро ЦК РРП. Думается, что в обоих случаях соратниками оказался недооцененным именно этот аспект: занимаемые Живковым и Чаушеску посты давали им возможность хорошо изучить партийные кадры и тонкости работы партаппарата и в последующем использовать к собственной выгоде имевшиеся связи и опыт.

Для обоих одним из центральных стал вопрос о преемственности прежнего политического курса. Живков, подобно своему предшественнику Червенкову, безоговорочно ориентировался на Москву. Чаушеску, по расчетам его соратников, мог быть полезным в качестве некоего балансира. После смерти в 1965 г. Георгиу-Дежа, при котором обозначились определенное дистанцирование румын от Москвы и тяга к проведению самостоятельной внешней политики²⁹, советское руководство намеревалось представить дело таким образом, будто личный конфликт румынского лидера и Н.С. Хрущёва был тому причиной. Приход к власти Чаушеску рассматривался в Москве как возможность начать с чистого листа. Перемены во внутренней политике, выразившиеся в некоторой либерализации (ослабление цензуры, свободная продажа в стране зарубежных печатных изданий, разрешение выезда за границу, смягчение преследований диссидентов и др.), оказались недолговременными. Во внешнеполитической сфере Чаушеску не был настроен на изменения формировавшейся «особой» позиции Румынии. Речь шла о принципах экономической кооперации в рамках СЭВ, реальном участии союзников

по Варшавскому договору в выработке долгосрочных планов и принятии важнейших решений, касавшихся использования стратегического оружия, и пр.

Следует отметить, что восхождение к вершинам власти обоих лидеров проходило в условиях развернувшейся в Восточной Европе десталинизации. «Советский фактор» стал решающим в определении этого вектора развития региона. Правильно оценив обстановку, Живков и Чаушеску выступили с развенчанием сталинистов Червенкова и Георгиу-Дежа. Но при этом их внимание фокусировалось, главным образом, на личностях и, как оказалось, в меньшей степени на политике бывших лидеров. Вследствие этого они не представляли опасности для возможных претендентов на руководящие посты, носителей ортодоксальных взглядов. Однако поднявшись на верхние ступени иерархической лестницы в своих странах, оба сумели воспользоваться возможностями, предоставленными системой, чтобы сосредоточить в своих руках управление партией и государством, стать (Живков в 1962 г., а Чаушеску в 1967 г.) обладателями практически неограниченной власти. Схожи методы, которыми оба пользовались с этой целью, — устранение с политической сцены и перетряска кадров разных поколений, неоднократные реорганизации центрального и местного партаппарата и правительственного кабинета, профилактические «чистки» партийных рядов.

Последовательно оттесняя потенциальных оппонентов или возможных претендентов на власть, Живков и Чаушеску, однако, избегали репрессий, следовали сформулированному румынским руководителем «золотому» правилу «не создавать мучеников режима», отдавали предпочтение иным методам подчинения людей и формирования послушного окружения³⁰. В частности, был предоставлен широкий спектр привилегий основной опоре режима — партийно-государственной номенклатуре. И она отплатила сторицей, внося значительную лепту в формирование культа личности (в румынском случае иницируя этот процесс) — важнейшего элемента режима личной власти. Именно эта «искусственность» создания культа как персонификации «идеала» была характерна для национальных руководителей в Восточной Европе: ни один из них, в том числе Живков и Чаушеску, не стал в собственной

стране харизматическим лидером, «национальным» Сталином, то есть вождем, вознесенным до божественных высот «силой общественного мнения» (определение М. Вебера)³¹.

В начале 1960-х годов в Болгарии и в первой половине 1970-х годов в Румынии уже ярко проявляется «перерождение» лидеров — на фоне безудержного восхваления апрельского пленума ЦК БКП (1956 г.) и IX съезда КПП (июль 1965 г.) как партийных форумов, давших старт новому этапу в жизни стран и его творцов. (Например, приехавшего в Софию советского журналиста-«известинца» Николая Паниева болгарские коллеги по-дружески предупредили, что «другарят Живков заметно изменился...»³².) При этом стремительно растет и самооценка лидеров. Оставляя в стороне утверждение Чаушеску, что личности, ему подобные, «рождаются раз в 500 лет», приведем лишь некоторые эпитеты, использовавшиеся в румынской официальной пропаганде. Авторы как будто соревновались между собой в поиске звучных определений, причем, обращает на себя внимание их «глобальность»: «гений Карпат», «Карпатский сокол», «Карпатский лев», «звезда Дуная», «Дунай мудрости», «полноводный Дунай разума», «сын Солнца», «наша Полярная звезда», «кладезь Мудрости», «светский Бог», «небесное тело», «светоч разума», «титан», «провидец», «демиург», «вождь», «Святой» и многие другие. Встречались и поэтические образы — «князь Грации», «нежный поцелуй румынской земли», «мёд нашей речи»... Нашлись эпитеты и для жены лидера. Но если в народе Елену за глаза именовали «мадам», то в пропагандистском лексиконе она — «мать Нации», «звезда на вековой небесной твердыне», «факел партии», «женщина-герой», «светило науки», «направляющий луч культуры и науки» и пр. Время почти 30-летнего пребывания Чаушеску на партийно-государственном Олимпе получило наименование «золотой эпохи» или «эры Чаушеску».

Живков на этом фоне выглядел значительно бледнее, приземленнее, но притом гораздо человечнее, что вполне соответствовало создававшемуся с его благословения имиджу «человека из народа» (именно так назывался снятый в 1981 г. пропагандистский документальный фильм режиссера Христо Ковачева). Даже сегодня для части болгар он — «Тато» («Отец»), «бай Тошо»

(бай — уважительное обращение к старому человеку). Вместе с тем прозвучавшее на пленуме ЦК БКП в октябре 1973 г. предложение Димитра Жулева именовать начавшийся этап в истории Болгарии и Балкан «тодорживковской эпохой»³³ (поводом стало положительное восприятие советским лидером Л.И. Брежневым позиции Живкова по вопросу о всестороннем сближении Советского Союза и Болгарии) не получило широкого общественного резонанса. Дефиниция «эра Живкова» использовалась лишь как временная характеристика, лишенная оценочной идеологической нагрузки.

Еще один общий штрих, характеризовавший балканских руководителей, — почти патологическая тяга к наградам, хорошо знакомая нашим соотечественникам по примерам Хрущёва и Брежнева. Думается, что в этом Живков и Чаушеску не уступали друг другу. В болгарской историографии остроумно подмечено, что Живкова порастил вирус под названием «Орденá»³⁴. В интернете встречается информация, согласно которой награды лидера якобы содержали около 30 кг золота и большое количество бриллиантов³⁵. На десятки шел счет наград Чаушеску — государственных, общественных и исходивших от международных организаций: от трех Звезд Героя Социалистической Республики Румыния до Большой золотой медали XXVI Международного конгресса пчеловодов, проходившего в 1977 г. в Аделаиде (Австралия). Понятно, что вручение последней награды было инициировано официальным Бухарестом.

В 1970-е годы в стиле руководства Чаушеску и Живкова всё отчетливее проявляется nepoтизм. Он в целом отвечал балканской традиции основания политических династий. В Румынии вторым лицом в государстве стала Елена Чаушеску, занимавшая пост зампреда Совета министров, курировавшая науку, культуру, социальную сферу, кадровые вопросы. Именно объемом её реальной власти объяснялся вопрос Франсуа Миттерана в беседе с М.С. Горбачёвым в июле 1989 г.: «... Всем ясно, что в Румынии существует настоящая диктатура. Неясно одно: чья это диктатура — самого Чаушеску или его жены?...»³⁶ Большие надежды Чаушеску связывал с младшим сыном Нику, возглавлявшим румынский комсомол, членом ЦК партии, а позднее

занявшим пост областного секретаря РКП в Сибиу. Считается, что в Нику он видел своего преемника, однако назначение на периферию рассматривается некоторыми авторами как своего рода «ссылка» молодого Чаушеску, будто бы разочаровавшего родителей своим образом жизни и пристрастием к спиртному³⁷. Дочь Зоя, математик по образованию, и приемный старший сын Валентин, физик-ядерщик, были далеки от политики. Правда, Валентин при жизни отца руководил популярным футбольным клубом «Стяуа» («Звезда»). Стремление «порадеть родному человечку» привело к тому, что, по подсчетам исследователей, в различных секторах общественной жизни Румынии на руководящих должностях «осели» от 40 до 60 родственников Николае и Елены Чаушеску³⁸. Среди них братья диктатора: Андруцэ — руководитель одного из структурных подразделений Секуритате (госбезопасности); Йон — первый заместитель председателя Госплана, глава Академии сельскохозяйственных наук; Илие — заместитель министра обороны, председатель Высшего политсовета армии; Марин — дипломат и экономист; муж сестры Елены — секретарь ЦК РКП Василе Бэрбулеску. Родственники Елены Чаушеску тоже были облагодетельствованы: ее брат Барбу Петреску стал секретарем Бухарестского городского комитета партии, а муж сестры Корнел Бутика возглавил Национальный совет радио и телевидения. Исследователи считают, что одна из причин подобной практики заключалась в ставшей притчей во языцех подозрительности четы Чаушеску, её недоверии к посторонним лицам.

В Болгарии Живков не допустил такого размаха семейственности. Его младший брат Георгий, кассир-счетовод по профессии, в период пребывания Тодора Живкова у власти находился в тени, был рядовым сотрудником в болгарском посольстве в Берлине, Будапеште и Берне (предположительно являлся сотрудником спецслужб), и лишь в последние годы его фигура стала привлекать внимание общественности³⁹; младшая сестра Цветана всю жизнь была домохозяйкой. Властные амбиции болгарского лидера распространились в основном на сына Владимира и особенно дочь Людмилу. В 1970-е годы в Болгарии широко распространилось «завещание Тодора Живкова», вышедшее из-под пера какого-то остряка. Будущие руководящие функции распре-

делялись в нем следующим образом: «На Людмила — партията мила!» («Людмиле — милую партию!») и «На сина ми Владко — поста на татко!» («Сыну Владко — отцовский пост!»). Людмила возглавляла Комитет по культуре и искусству в ранге министра, была членом Политбюро ЦК БКП. При жизни «красная принцесса» большой популярностью в народе не пользовалась, но в наши дни оценки её личности и деятельности активно пересматриваются. Владимир уже после смерти сестры занимал пост заместителя председателя Комитета по культуре и искусству при правительстве НРБ, был депутатом Народного собрания⁴⁰. Помимо детей, при Живкове также были облагодетельствованы братья покойной супруги Мары — д-р Атанас Малеев, академик, руководитель Медицинской академии, первый заместитель министра здравоохранения, и Найденов, юрист, судья Верховного суда Болгарии. Зять Иван Славков возглавлял национальное телевидение, а затем Олимпийский комитет Болгарии. После скоропостижной кончины Людмилы в 1981 г. от инсульта Живков удочерил внуку (при живом отце Любомире Стойчеве, которому ранее ограничили встречи с дочерью, а затем направили на работу в Вену), распорядившись вписать с этой целью специальную статью в законодательство. После «разового» применения эта статья была отменена*. Евгения Живкова свое хождение во власть уже после отставки деда связала с деятельностью депутата Народного собрания, являлась заместителем председателя парламентской Комиссии по вопросам детства, молодежи и спорта, членом Комиссий по культуре и по образованию и науке, возглавляла Совет по вопросам детства при Президенте Республики Болгария, входила в состав болгарской делегации в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ). В настоящее время Евгения отошла от политики, является известным дизайнером моды, владелицей

* Трудно сказать, известен ли был Живкову трагический прецедент, имевший место в семье Н.С. Хрущёва. Хрущёв удочерил свою внучку Юлию — дочь погибшего сына Леонида и невестки Любови Сизых, арестованной в 1942 г. за «шпионаж» в пользу Великобритании, осужденной на 5 лет, а затем, до 1956 г., находившейся на поселении в Мордовии и Казахстане. О том, что у неё есть родная мать, Юлия узнала только в 1957 г., в 16-летнем возрасте. На дальнейшую судьбу девушки встреча с матерью не повлияла: Любовь Сизых жила в Киеве с родственниками и со своим свекром увиделась лишь однажды, почти мимоходом, на семейном празднике в 1969 г. (Трагичная судьба внучки Никиты Хрущёва — URL: yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fdn.ru%2F%2Fsociety%2F2017%2F6%2F9%2F371585.html).

дома моделей «Жени стайл», основательницей фонда имени Людмилы Живковой.

Немало информации существует и о других сторонах частной жизни лидеров.

Приведенный в воспоминаниях Стойкице «диагноз» Чаушеску, по всей видимости, отражал некоторые реальные проблемы невротического характера, которые имелись у румынского лидера. Так, упоминавшийся выше Пётр Младенов, неоднократно встречавшийся с Чаушеску, отметил его «больное сознание», мешавшее адекватному восприятию действительности⁴¹. Илия Стоянов констатировал «крайнюю изношенность» нервной системы румынского руководителя, выражавшуюся в грубости и вспыльчивости по отношению к окружающим, притом, в присутствии посторонних⁴². Много говорится и о поистине параноидальной подозрительности и брезгливости Чаушеску: во время выездов «в народ» по пути его охраняли до 40 тыс. сотрудников Секурита-те, семья находилась под неусыпным электронным наблюдением, сам он постоянно протирал руки спиртом, флакон с которым носил при себе личный телохранитель, обслуга внимательно проверяла на наличие ядов одежду, постельное белье⁴³. Определенные проблемы по части медицины имелись и у болгарского лидера, однако сведений об этом почти нет. Напротив, как правило, подчеркивается, что от родителей Живков унаследовал здоровье и стабильную психику «потомственных балканджиев» (горцев)⁴⁴.

Много написано о любви семьи Чаушеску к роскоши, при том, что глава её неоднократно заявлял, что лично ему ничего не надо и что всё вокруг него принадлежит народу. Как бы ни относиться к подобным заявлениям, но факт остается фактом: все личные вещи Чаушеску, вплоть до нижнего белья, и полученные подарки были зарегистрированы как государственная собственность и тщательно инвентаризированы. Сам Чаушеску отличался, по воспоминаниям, скупостью (возможно, сказалось голодное детство). Живков, как считается, был более скромен в быту, а имевшиеся в разных районах страны резиденции (их, по некоторым сведениям, насчитывалось не менее 30) не были его или семьи личной собственностью. Уже находясь в отставке, Живков сетовал на то, что не обзавелся собственным жильем, называл это своей ошибкой.

Интересно, что оба лидера отличались непритязательностью в еде. Живков предпочитал традиционную болгарскую кухню: фасоль, брынзу, баницу (пирог из слоеного теста с начинкой), омлет, качамак (мамалыгу). Любил также русские каши, но из-за сахарного диабета и связанной с ним необходимостью контролировать вес был вынужден ограничивать себя и следовать «заячьей диете», в которой преобладали капуста, морковь и зелень. Мясо ел редко, как правило, во время торжественных приемов, время от времени мог отведать курицу с чесноком и паприкой. С молодых лет состоял в обществе трезвости и не употреблял спиртного, любил крепкий кофе без сахара. Чаушеску отдавал предпочтение вегетарианским блюдам, но иногда заказывал жаркое из курицы или стейк, заливного карпа «по-румынски», лазанью с соусом из яиц и сметаны. На официальных приемах часто ограничивался лишь овощным соком⁴⁵. Все продукты, поступавшие на кухню, и готовые блюда тщательно проверялись, прежде чем попасть на стол Чаушеску. Живков относился к своей безопасности в этом плане гораздо спокойнее. Продукты проходили химический контроль в спецлаборатории, размещавшейся в центре Софии в гостинице «Рила», но приготовленные личным поваром Йорданом Стоичковым блюда не проверялись никогда⁴⁶.

В потоке обвинений Живкова и Чаушеску большое место занял «денежный» вопрос: Чаушеску приписывали наличие счетов в зарубежных банках, Живкову — огромные растраты государственных средств, в том числе и шедших на благодетельствование службы безопасности. При этом в случае Чаушеску сомнение вызывал огромный разброс называемых сумм — от 1 до 100 млрд евро, якобы вывезенных за рубеж. На их фоне совсем скромно смотрелись 26 млн левов «растрат» Живкова. Поисками «золота Чаушеску» в течение 20 лет занималась специальная комиссия румынского парламента. О результатах её работы сообщил по телевидению руководитель комиссии Сабин Кутас: «Мы не нашли никаких свидетельств того, что он [Чаушеску] имел какие-либо личные финансовые средства за пределами Румынии.оборот денег за границей был очень хорошо организован и находился под строгим контролем, поэтому их использование в личных целях было невозможно»⁴⁷. Не нашли подтверждения и обвинения

Живкова по указанной статье, и в 1996 г. он был оправдан Верховным судом Болгарии.

При характеристике режимов личной власти следует учитывать, что Болгария и Румыния несли на себе тяжкое бремя малой страны, испытывая определяющее влияние великих держав. Для «социалистического лагеря» такой державой являлся, прежде всего, Советский Союз. Задача политического руководителя каждой из малых стран заключалась в точном определении допустимых пределов самостоятельных действий при защите своей верховной власти и установлении оптимальной дистанции с ведущим партнером. В болгарском варианте особо отчетливо проявились ориенталистские черты политического поведения Живкова, прежде всего, искусство маневрировать: не замерзнуть, но и не обжечься, находясь у советского «костра». Четко это проявилось по отношению к «китайскому фактору»: в конфликте между Москвой и Пекином Живков занял последовательно просоветскую позицию, хотя это шло вразрез с личным почитанием им Мао Цзедуна и восторженным отношением к экономической политике «большого скачка», кстати, ненадолго заимствованной болгарами на рубеже 1950–1960-х годов. «Себестоимость» критического отношения к политике Китая и поддержки Советского Союза была слишком высокой, что и определило конечный выбор болгарского руководства в защиту СССР.

Китайские реалии произвели сильнейшее впечатление и на Чаушеску. Разработанный после поездки в КНР и Северную Корею в 1971 г. план новой пятилетки, реализация которого началась в том же году, фактически базировался на идее китайского «большого скачка»: румыны предполагали взвинтить темпы производства так, чтобы размер валового внутреннего продукта (ВВП) в два раза перекрыл темпы роста других социалистических стран, включая высокоразвитые ГДР, Венгрию, Чехословакию. Вскоре, в 1974 г., в стране началась реализация программы «систематизации», или территориального планирования. Она предполагала ликвидацию 6–7 тыс. малоперспективных сёл, создание образцовых агрогородов, а применительно к Бухаресту — радикальную реконструкцию столицы. Устранение различий между городом и селом с сопутствующими миграцией и урбанизацией

преследовало также цель гомогенизации румынского общества, разрушения традиционных социальных групп, включая этнические и религиозные меньшинства, и создания на этой основе «социалистического человека» и «социалистической нации»⁴⁸. При этом Чаушеску настойчиво подчеркивал значение национальной специфики и конкретных условий страны, отказ от шаблонов. Утверждая на такой основе «особый путь» Румынии, Чаушеску, в отличие от Мао Цзедунa, не претендовал на видоизменение марксистско-ленинского учения, создание «национального» (румынского) марксизма⁴⁹.

Из Северной Кореи Чаушеску вернулся под обаянием идей «чучхе» — идеологии, в основу которой положены самостоятельность, независимая политика как основной принцип суверенитета, опора на собственные силы.

Книги с изложением северонокорейской идеологии начали переводиться на румынский язык и издаваться большими тиражами. Одним из результатов увиденного в Северной Корее явились проявления мегаломании. Самые яркие примеры — «стройки века» [возобновление строительства канала Дунай–Черное море длиной 65 км (с перерывами длилось с 1954 по 1984 гг.), не принесшего серьезных экономических выгод, и возведение гигантского Дома народа в столице, потребовавшее сноса примерно одной пятой части старого Бухареста]. При Чаушеску любили подчеркивать, что Дом народа стал вторым по величине в мире после Пентагона общественным зданием (265 тыс. кв.м). В 1986 г. было начато также строительство канала Бухарест–Дунай через р. Арджеш протяженностью 72 км. При жизни Чаушеску объем строительных работ был выполнен на 60%, но в феврале 1990 г. из-за нехватки средств строительство было прекращено. В рамках «Стратегии ЕС для Дунайского региона» (проект «Инфраструктура водных путей»)⁵⁰ предусматривалось продолжение работ, рассчитанное на 2014–2020 гг. Однако на сегодняшний день никакой информации о ходе строительства канала или его завершении нет.

Аналогичной программы «систематизации» у Живкова не было, а отмеченная в литературе «грандомания» (почти одновременное строительство металлургического комбината «Кремиковци», энергетического комплекса «Марица–Восток, нефтехимических

комбинатов в Бургасе и Плевене, комбината по производству цветных металлов и азотно-тукового завода в Стара Загоре, и пр.) вписывалась в концепцию создания «материально-технической базы коммунизма». Концепция была сформулирована в ответ на прозвучавший на XXII съезде КПСС (1961 г.) призыв к социалистическим странам следовать примеру СССР⁵¹. В начале 1970-х годов болгарское руководство вынашивало замысел строительства канала от дунайского порта Русе до черноморской Варны как части водной артерии Рейн–Майн–Дунай* в целях ускоренного развития Добруджи. Проект был строго засекречен и в правительственной документации значился под кодовым названием «Аспарухов вал-680», напоминая об оборонительном вале, созданном в устье Дуная после победы в 680 г. хана Аспаруха над византийцами. Русло канала длиной 192 км предстояло проложить на местности со сложным рельефом и с абсолютной высотой 212 м над уровнем моря**. По оценке болгарского историка А. Везенкова, проект канала был авантюрным⁵². Не были реализованы также проект канала р. Марица–Черное море и амбициозный план создания нового административного центра в Софии.

Как и Чаушеску, Живков не избежал соблазна гомогенизировать болгарское общество путем создания «единой коммунистической нации». На это была направлена политика руководства по отношению к мусульманскому населению⁵³.

И в Болгарии, и в Румынии указанные процессы сопровождались усилением националистических настроений, направляемых и регулируемых «сверху».

Режим Чаушеску начали приравнивать к эпохе расцвета и величия Румынии времен Штефана Великого и Михая Храброго. Начало истории румынского государства стали датировать прав-

* Канал Рейн–Майн–Дунай длиной 171 км проложен по территории Германии. В акватории Дуная заканчивается у г. Кельхайм (Бавария). В современном виде действует с 1992 г.

** Интересно, что в наши дни старый проект вновь вызывает интерес болгарских властей. Экономические выгоды они, как и во времена Живкова, связывают с ускорением перевозок грузов водным путем из Западной и Центральной Европы на Ближний Восток и обратно. Также канал предполагают использовать для полива земель и промышленного водоснабжения Северной Болгарии. Болгары мечтают увидеть в числе спонсоров Китай (Болгария построит канал Варна–Дунай в обход Румынии — URL: moryakukrainy.livejournal.com/2375951.html).

лением царя даков Буребисты, сумевшего в I в. до н.э. объединить племена даков и гетов и создать централизованную державу. Подчеркивание дако-римского происхождения румын отразилось и на негативном отношении к славянским элементам, участвовавшим в формировании румынской народности, в частности, к болгарским «следам» в Румынии. Позднее это выразилось в политике уничтожения болгарских исторических памятников, в том числе училища Свв. Кирилла и Мефодия в Бухаресте, построенного болгарами в 1869 г. Неоднократные обещания Чаушеску перенести здание на другое подходящее место выполнены не были.

Взяв на идеологическое вооружение теорию дако-римского происхождения румын, Чаушеску опирался не только на труды румынских лингвистов Ардяльской школы XVIII в.^{*}, но и на неопубликованные работы Карла Маркса. В 1964 г. они были изданы Румынской академией под названием «Заметки о румынах»⁵⁴. Классик утверждал, что дако-римляне — это романский этнос и что румыны являются потомками древних фракийцев (даков, гетов и римлян).

Указанный сборник, содержащий также острую критику Российской империи и её политики на Нижнем Дунае и Балканах, распалил антисоветские настроения. Дополнительным импульсом для их усиления стала позиция Мао Цзедунa по территориальным вопросам, изложенная в июне 1964 г. во время встречи с представителями японской социалистической партии. Затронув проблему Курильских островов, Мао констатировал, что «Советский Союз захватил слишком много земель», в частности, «отрезали от Румынии кусок, называемый Бессарабией»⁵⁵. Характерно, что именно в конце правления Хрущёва крайне болезненный для румын бессарабский вопрос оказывается в центре советско-румынских разногласий, а проблема парирования территориальных претензий к СССР со стороны союзника по «соци-

---

* Ардяльская школа (иначе Трансильванская школа, Семиградская школа) — политическое и культурно-языковое движение греко-католической румынской интеллигенции на территории австро-венгерской Трансильвании. Возникло во второй половине XVIII — начале XIX вв., но позднее, в XIX–XX вв., его ответвления постепенно распространились на территории других восточно-романских земель, в том числе в Румынском королевстве и независимой Румынии. Идеи движения легли в основу современного румынского национализма, а также новой языковой политики румынского государства.

алистическому лагерю» и Варшавскому договору, хотя и подававшаяся в румынской исторической литературе в завуалированной форме, приобретает острый идеологический характер⁵⁶.

Национализм режима Живкова сегодня характеризуется как левый национализм просоветской ориентации⁵⁷. Но некоторые исследователи придерживаются иной оценки. Так, известный австрийский славист и болгарист Петер Бахмайер считает, что ни Тодор Живков, ни Людмила Живкова не разделяли интернационалистских (советских) взглядов, а постепенно насаждали патриотические чувства среди болгар и возрождали настоящие болгарские духовные ценности⁵⁸. Усиление национализма особенно отчетливо проявилось в 1970-е годы в пропаганде в мире болгарского культурного наследия. Благодаря выставкам фракийских сокровищ, «1000 лет болгарской иконе», подготовке и проведению чествования 1300-летия основания болгарского государства, мир познакомился с историей и культурой Болгарии. Связанное с именем Людмилы Живковой «открытие Болгарии миру» было с энтузиазмом поддержано интеллигентскими кругами в стране. Историческое прошлое активно героизировалось средствами кинематографии: художественные фильмы о крещении болгар, о создателях славянской письменности и государства пользовались большой популярностью, способствовали росту национального самосознания. Постепенно изменялся пантеон национальных героев. В целом Живкову, однако, удалось канализировать критические настроения, для которых именно национализм стал своего рода «нишей», удержать националистические чувства от антисоветской и антироссийской направленности⁵⁹.

Более того, проводившаяся при Живкове «историческая политика» содержала мощный просоветский компонент: настойчиво, если не сказать навязчиво, подчеркивались исторические корни русско/советско-болгарской дружбы «из века в век», закреплялась символическая роль Красной армии в освобождении страны, предлагалось «полными горстями черпать советский опыт», причем не только в административной и хозяйственной сферах, но и в народном образовании, армии, спорте. При этом, как подчеркивали советские дипломаты, работавшие в Софии, «нарушались традиции и задевались национальные чувства болгар»⁶⁰.

Резонно задаться вопросом об отношении общества к своим лидерам, поскольку впоследствии, после краха режимов личной власти, в обеих странах проявилось желание преувеличить масштабы критических настроений и диссидентских инициатив. Представляется, что определяющей была всё же поддержка, точнее несопротивляемость, населения действиям властей, на что имелись вполне объективные причины, в том числе и экономические.

В Болгарии и Румынии на вторую половину 1960-х — 1970-е годы пришлось наиболее высокие темпы экономического развития, позволившие обеим странам выйти на средневропейский уровень. В 1972 г. в Болгарии и Румынии были приняты долгосрочные программы повышения материального уровня трудящихся с целью сближения жизненных стандартов города и села, стирания граней между физическим и умственным трудом, воспитания «нового человека». К тому времени X съезд БКП (апрель 1971 г.) уже поставил задачу построения «развитого социалистического общества». В Румынии это произошло немного позднее — на XI съезде КПр (ноябрь 1974 г.). Для достижения таких высот оба лидера рассчитывали на внешние займы. Обозначившиеся расхождения Бухареста с политикой СЭВ, ОВД и другие проявления «особой позиции» обусловили ставку Чаушеску на западную помощь⁶¹, а имидж Румынии как диссидента в «социалистическом лагере» объяснял отзывчивость Запада: в 1975 г. ей был предоставлен режим наибольшего благоприятствования в торговле, мощным потоком потекли в страну займы и кредиты, достигнув к 1987 г. 22 млрд долларов, из которых 10,2 млрд приходились на долю США. В результате осуществленной при Чаушеску модернизации румынской экономики была создана собственная высокоразвитая нефтеперерабатывающая, тяжелая и легкая промышленность, возросли доходы населения⁶².

По подсчетам экономистов Румыния была способна постепенно, как считается, без особого напряжения, погасить долги к середине 1990-х годов, когда заканчивался срок платежа по кредитам. Однако Чаушеску предпочел другой вариант — расплатиться досрочно путем жесткой экономии. В стране была введена карточная система снабжения на основе расчета минимальных норм калорийности питания, были отменены пенсии по инвалид-

ности, лимитированы расходы электроэнергии и воды для населения и пр. Такая политика вызвала резкое осуждение мирового сообщества. Но цель, поставленная Чаушеску, была достигнута: ценой огромного напряжения и лишений к апрелю 1989 г. страна, единственная в «социалистическом лагере», полностью рассчиталась по внешним долгам, экономически подтвердив свой статус суверенного самодостаточного государства, не желавшего следовать той или иной модели развития. Показательно, что в 1981 г. Чаушеску решительно отклонил предложение американцев простить румынам долг в обмен на выход Румынии из Организации Варшавского Договора и СЭВ.

Для Живкова определяющим был расчет на советскую помощь сырьем и кредитами, а также на возможность реализовывать на советском рынке неконкурентоспособные болгарские товары. Размер кредитов постоянно возрастал. По оценке советского посольства, именно благодаря кредитам Болгария покрывала разницу между распределенным и произведенным национальными доходами и «жила не по средствам»⁶³. Положение становилось критическим: в 1958 г., к началу болгарского «большого скачка», долг Болгарии Государственному банку СССР достиг 1,5 млрд долларов. В докладе тогдашнего министра финансов Кирилла Лазарова руководству от 27 июля 1959 г. указывалось, что обеспечить выполнение хозяйственного плана в 1960 г. возможно только в случае получения долгосрочных кредитов в 1 млрд 314 млн левов (711 млн от СССР и других стран «социалистического лагеря» и 603 млн от капиталистических стран). Однако предоставлять новые кредиты без погашения предыдущих партнеры не торопились. По данным Лазарова, согласно достигнутым договоренностям, соцстраны были готовы предоставить кредиты на сумму 405 млн левов, а запад — всего на 20 млн левов⁶⁴.

Вопрос о внешнем долге Болгарии относился к строго секретным и ни разу не обсуждался на заседаниях Политбюро. Кроме Живкова о реальном состоянии дел знали ещё четыре человека (заместитель председателя Совета министров Живко Живков, председатель Государственного комитета по планированию Апостол Пашев, министр финансов Димитр Попов, председатель Болгарского народного банка Кирилл Несторов). Именно

этой «пятерке» были ведомы истинные масштабы катастрофы: в 1960 г. Болгария оказалась *неплатежеспособной*. Но вплоть до 2007 г. этот факт оставался неизвестным, а само определение не встречалось ни в исторических исследованиях, ни в биографиях болгарского лидера⁶⁵. «Завинчивать гайки», прибегать к тотальной экономии, как это сделало позднее румынское руководство, болгары не стали, опасаясь реакции населения. Живков пошел на беспрецедентный шаг: обратился к советскому руководству с предложением купить золотой запас Болгарии. В обмен Живков просил предоставить новые кредиты и отложить погашение прежних на пять лет. Хрущёв дал согласие на покупку болгарского золотого запаса, но в предоставлении новых кредитов и отсрочке выплат отказал. К тому же Живкову пришлось выслушать резкую критику советского лидера за большие расходы и неразумную финансовую политику.

В мае 1960 г. сделка состоялась, и золотой запас Болгарии перешел в собственность СССР*. После проведенного в Новосибирске аффинирования** вес золота сократился на 14 кг и составил 20,1 тонны. В июле 1960 г. советская сторона продала металл на международных золотых биржах в Лондоне и Цюрихе, выручив от продажи около 23 млн долларов. Эта сумма целиком ушла на погашение просроченных болгарских долгов Москве⁶⁶. Только после завершения операции с золотым запасом Хрущёв санкционировал массивные вложения в экономику болгарского союзника: в ноябре 1960 г. был отпущен кредит в 600 млн руб. и отсрочено погашение прежнего кредита с набегавшими процентами (всего 210 млн руб.), что позволило болгарам временно преодолеть серьезный долговой кризис. Напряжение в экономике, однако, сохранялось, явившись существенным поводом к оформлению Живковым идеи «16-й советской республики», о чем говорилось выше.

---

* С 1959 г. золотой запас Болгарии по просьбе болгарской стороны находился на хранении в Советском Союзе. Причина, по которой драгоценный металл был вывезен из страны, — строительство нового хранилища, поскольку здание Болгарского народного банка, по мнению болгар, «не могло выдержать прямого попадания фугасной бомбы или ударной волны атомного взрыва».

** Аффинирование, аффинаж — технологические процессы по глубокой очистке драгоценного металла от посторонних примесей в соответствии со стандартами международных золотых бирж в Лондоне и Цюрихе.

Таким образом, проблема внешнего долга стала «лакмусовой бумажкой», выявившей принципиально разные подходы двух балканских лидеров к вопросу о национальном суверенитете.

С начала 1970-х годов четко проявилось намерение Живкова обеспечить научно-технический рывок страны путем получения новых технологий из ФРГ и Японии. В Софии рассматривали ФРГ как «экономический мотор» объединявшейся Западной Европы, подключение к которому считали долгосрочной тенденцией национального развития⁶⁷. Последовательные действия в этом направлении были успешными: Германия стала для Болгарии самым близким из несоциалистических стран внешнеторговым партнером, а с крупным западногерманским политиком и финансистом Францем-Йозефом Штраусом Живкову удалось установить достаточно тесные контакты. Интерес к «японскому чуду», возникший у Живкова после посещения Страны восходящего солнца в мае 1970 г., был также продиктован желанием получить через Токио современные американские и иные прогрессивные технологии в сфере производства. В связи с этим нельзя не отметить присущую Живкову веру в экономические «чудеса», обещавшие быстрый эффект, его увлеченность разного рода новшествами, реорганизациями, перестройками в народном хозяйстве, подчас без предварительного экономического обоснования⁶⁸. В этом, кстати, болгарский лидер разительно напоминал Н.С. Хрущёва⁶⁹. В целом развитие экономики и повышение жизненного уровня населения Живков увязывал с двумя факторами — получением западных технологий и советской финансовой и сырьевой помощью. Поэтому речь шла не о переориентации национальной экономики, а о поиске путей превращения науки в производительную силу, обращаясь к опыту не только СССР и «социалистического лагеря», но и передовых капиталистических стран⁷⁰. От этой идеи Живков не отказался и позднее, несмотря на критическое отношение Л.И. Брежнева, упрекавшего болгарского лидера, в частности, в том, что за «материальной мощью Японии» тот не разглядел «эксплуатацию рабочих»⁷¹.

Особо следует сказать о личных контактах Живкова и Чаушеску. Началом их интенсивного диалога можно считать июль и сентябрь 1965 г. — пребывание Живкова на IX съезде КПР и

официальный визит партийно-правительственной делегации Румынии во главе с Чаушеску в Болгарию. С тех пор контакты стали постоянными и частыми: Живков и Чаушеску встречались на протяжении 25 лет ежегодно, а то и дважды в год, причем независимо от состояния отношений Румынии с другими странами «социалистического лагеря». Беседы лидеров по широкому кругу вопросов нередко велись с глазу на глаз. В качестве эксперта по Румынии и личного переводчика Живкова на 36 беседах присутствовал упоминавшийся выше Илия Стоянов. В 2017 г. в Софии, в издательстве «МОНТ, вышла его книга «Тодор Живков и Николае Чаушеску наедине», насыщенная интересными деталями, наблюдениями и оценками. Представленный в книге материал не только дополняет, но и в определенной степени меняет устоявшиеся представления об обоих лидерах.

Закономерно задаться вопросом о причинах столь высокой периодичности встреч. Начальник канцелярии Живкова Нико Яхиель объяснял это стремлением своего «шефа» развивать двусторонние контакты, особенно экономические, с Румынией, использовать к болгарской выгоде хорошие отношения румын с югославами, влиять на Чаушеску. Румынский лидер, в свою очередь, хотел избежать изоляции в социалистическом мире и рассчитывал на эти встречи⁷². Но только ли практицизм был определяющим фактором? Или что-то ещё притягивало лидеров друг к другу? Может быть, принадлежность обоих к типу «крестьянского» руководителя с соответствующими внутренними ощущениями, глубинное ментально-психологическое сходство, при том, что поведение разительно отличалось? Ведь не случайно Ю.В. Андропов говорил о дружбе двух «балканских монархов»⁷³. Несомненно, оба лидера внимательно присматривались друг к другу и в чем-то соперничали. В своем кругу, отмечал Яхиель, Живков неоднократно выражал свое превосходство перед Чаушеску, позволял себе насмешки, но втайне завидовал⁷⁴. Возможно, самостоятельности действий и демонстрации независимости, а возможно и внешне выраженному объему реальной власти: в 1974 г. Чаушеску сумел стать президентом и на официальных снимках красовался с президентским скипетром в руке. Но и ничто человеческое не было чуждо обоим: будучи заядлыми

охотниками, они открыто соперничали, выезжая в румынские Карпаты или в болгарские леса в районе Водена на северо-востоке страны, взаимно завидовали охотничьим трофеям. Неприятная обстановка, несомненно, сближала. В связи с этим небезынтересно наблюдение М.С. Горбачёва, подметившего тягу Чаушеску к доверительному диалогу, неформальному обмену мнениями, к нормальному человеческому общению⁷⁵.

По воспоминаниям Стоянова, Живков и Чаушеску обсуждали многие проблемы, но предпочтение всегда отдавалось международным делам. Обмен мнениями затрагивал коммунистическое и рабочее движение, деятельность СЭВ и перспективы кооперирования, специализации и интеграции социалистических стран, балканское региональное сотрудничество, европейская безопасность, существование военных блоков, разрядка международной напряженности и т.д. Уровень откровенности был весьма высоким. Живков, ценя это, лично дозировал объем и содержание информации, передававшейся в Москву, и внимательно следил, чтобы делалось это только с его разрешения⁷⁶.

Советская сторона внимательно контролировала болгаро-румынские контакты и старалась направлять их в нужное русло. Немало подтверждений тому содержат материалы личного (неофициального) фонда Тодора Живкова, сохраняемого в Центральном государственном архиве Республики Болгария⁷⁷.

Очевидно, что в Москве были информированы об откровенных беседах Живкова и Чаушеску и считали необходимым продолжать их с целью воздействия на румынскую сторону. При этом Москва в значительной мере определяла круг вопросов для обсуждения, «оформляя» их в виде советов и рекомендаций болгарам. Расчет, и небезосновательный, делался на принимавшие порой острые формы прямолинейность и честность румынского лидера в беседах с болгарским визави, присущую ему логику, ясность мысли⁷⁸.

Подтверждением может служить приезд в Болгарию 11 июня 1975 г. заведующего V Европейским отделом МИД СССР В.Ф. Грубикова и заместителя заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Г.А. Киселёва. Гости прибыли в Софию, чтобы проин-

структурировать болгар перед предстоящим визитом в Румынию партийно-правительственной делегации во главе с Живковым (визит состоялся 16–20 июня 1975 г.). Диапазон вопросов, которые советская сторона предлагала обсудить с румынами, в том числе и наедине с Чаушеску, был обширным: о конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе (в центре внимания — «сепаратистская» и «раскольническая» позиция Румынии); об «особой позиции» Румынии относительно возможности мирного изменения границ; о добровольном характере предварительного уведомления о масштабных военных учениях; о правах, обязанностях и ответственности государств по отношению к действующим договорам и соглашениям; о ссылках на Устав ООН в документах общеевропейской конференции; о Варшавском договоре; о деятельности СЭВ и сотрудничестве Румынии в Совете; о движении неприсоединения; о позиции Румынии в ООН и пр. Понятно, что для результативного обсуждения очень важны были неформальная атмосфера встречи, откровенный диалог, настроенность на взаимное доверие. Это понимали и в Софии, и в Москве.

Московские гости дали высокую оценку «лично тов. Тодору Живкову» «за оказание положительного влияния на Румынию и противодействие негативным проявлениям в ее политике, особенно по крупным проблемам». Они отметили большие возможности болгарского лидера аргументированно довести до Чаушеску свою позицию, к которой тот «не может не прислушаться»⁷⁹. При этом гости несколько раз подчеркнули, что «румыны не откровенны с советскими товарищами» или, в лучшем случае, «с советскими товарищами он [Чаушеску] *не до такой степени* откровенен», как с Живковым⁸⁰.

Во время встреч наедине, действительно, возникали, по словам болгарского руководителя, «большая близость и доверие», хотя оценки тех или иных вопросов далеко не всегда совпадали. Расхождения, считал Живков, не следовало драматизировать, так же как «не надо раздувать» и националистические проявления румын⁸¹. В материалах встреч отражены критические высказывания Чаушеску в адрес Советского Союза, хотя и в слегка завуалированной форме. Например, как следует из записи 1965 г.,

Чаушеску, остановившись на причинах разногласий между отдельными коммунистическими и рабочими партиями, отметил различные условия их работы, подчеркнул, что некоторые партии это недооценивают и пытаются «навязать» свои установки и свою линию. Очевидно, что румынский руководитель имел в виду действия Кремля. Касаясь конфликта с Китаем, Чаушеску весьма критически оценил позицию СССР во время Карибского кризиса, в войне между Индией и Пакистаном и др., заявив, что советская сторона намеренно «дразнит» китайцев⁸².

Живков также бывал достаточно прямолинеен и настойчив. Во время двух личных встреч в Синае в октябре 1979 г., длившихся более пяти часов, при обсуждении обстановки на Ближнем Востоке, в Иране и Южной Африке он упрекал Чаушеску в «неклассовом» подходе: за отдельными событиями, дескать, упускает главное — их классовое содержание⁸³. Болгарскому лидеру удалось добиться от Чаушеску некоторых изменений, касавшихся предстоявшего в ноябре 1979 г. XII съезда РКП. В ответ на настойчивое пожелание Чаушеску видеть во главе болгарской делегации Живкова тот выдвинул встречное условие: не затрагивать в отчетном докладе расхождения по Китаю, Кампучии, положению на Арабском Востоке, поскольку, в противном случае, возникнет неловкая ситуация. Живков пояснил, что не сможет рукоплескать, вставать в единодушном порыве, как это делают делегаты, а, может быть, даже будет вынужден покинуть заседание. Чаушеску согласился не поднимать указанные вопросы в докладе, а по китайскому вопросу ограничиться пожеланием успехов в советско-китайских переговорах. Он пообещал также, что на пленарных заседаниях съезда китайскому делегату слово предоставлено не будет⁸⁴. В конце беседы Чаушеску неожиданно заявил о желательности встречи Живкова с Тито и фактически предложил свое посредничество в её организации. Живков не возражал при условии, что не будет затронут болезненный македонский вопрос. Из записей следует, что, по мнению Живкова, Чаушеску действовал «не только по своей инициативе»⁸⁵. Намек на Тито, по нашему мнению, очевиден.

Но не только по своей инициативе действовала, как видим, и болгарская сторона. Приведенные документы неопровержи-

мо подтверждают встречающиеся в литературе робкие намеки на выполнение Живковым «чьих-то поручений», чтобы контролировать, по возможности, настроения румын⁸⁶. Генеральная установка Москвы была сформулирована и доведена до болгарского руководства в следующем виде: «Главное так работать с румынскими товарищами, чтобы Румыния была с нами; проводить в отношении неё правильную линию, оказывать на неё влияние и шаг за шагом корректировать её неправильные позиции с тем, чтобы не допустить её отхода от нас»⁸⁷.

Сам Живков высоко оценивал свои встречи с румынским лидером, отмечал реалистичность, «правильность и эффективность ориентации на откровенные беседы и принципиальные отношения в сочетании с тактом и гибкостью». В записях он констатировал, что существуют благоприятные условия для искренних разговоров с Чаушеску по «наиболее щекотливым вопросам двусторонних отношений и особенно международного положения», «создаются возможности оказания положительного влияния на него и на его действия»⁸⁸. Много позднее, в 1997 г., в последнем интервью национальному телевидению Живков, вспоминая контакты с Чаушеску, заметил: «Особенный человек... Трудно с ним было работать, но я работал»⁸⁹.

Разумеется, не всегда встречи проходили гладко. Случались и конфликты, о чем иной раз становилось известно окружению. Однажды, во время проводов румынского руководителя на пограничной станции Русе, будучи в состоянии крайнего раздражения, Чаушеску в присутствии первого секретаря окружного комитета БКП Петра Данаилова и переводчика Илии Стоянова заявил заместителю министра иностранных дел Геро Грозеву, что Живков, соглашаясь с ним по некоторым вопросам международной политики в беседах с глазу на глаз, публично занимал полностью противоположные позиции. При этом Чаушеску заметил, что хранит стенограммы бесед наедине⁹⁰.

Правоту Чаушеску фактически подтверждает и Илия Стоянов. «Я всегда чувствовал очевидное расхождение между тем, что говорил Живков и что думал на самом деле, — пишет он. — Убежден, что Живков чувствовал необоримую логику в высказываниях Чаушеску по многим мировым проблемам. Совсем

не случайно, что на протяжении продолжительного периода Живков вел регулярный диалог со своим румынским коллегой. Чувствовал необходимость сверять с ним часы по главным вопросам мировой политики»⁹¹. Заинтересованность была взаимной, вследствие чего осенью 1979 г. стороны условились продолжить традиционные контакты, а при необходимости встречаться неофициально «где-нибудь на берегу Дуная», не оповещая об этом в печати⁹².

Содержание конфиденциальных бесед Живкова и Чаушеску свидетельствует об объективности и точности многих оценок румынского лидера, что подтвердилось впоследствии. Это касалось внутривосточноевропейской обстановки в Китае, состояния и перспектив советско-китайских отношений, военной интервенции Вьетнама в Кампучии, состояния Организации Варшавского Договора, НАТО, СЭВ, ретроспективных оценок положения в Чехословакии накануне вторжения в 1968 г. и пр.⁹³.

Интересно отметить отношение Живкова и Чаушеску к советским лидерам. Румынский руководитель, как отмечал Василе Буга, «очень уважал Сталина» и особенно высоко оценивал его роль накануне и в ходе Второй мировой войны. По мнению Чаушеску, если бы Сталин не провел модернизацию экономики, не уделял большое внимание развитию промышленности, особенно тяжелой, мировое противостояние могло окончиться иначе⁹⁴. Имея в виду времена Хрущёва, Чаушеску во время встречи с Живковым в Синае 6 июня 1986 г. заметил, что в прошлом можно было хотя бы дискутировать с советскими руководителями, а при Брежневле это стало невозможно⁹⁵. Живков в одном из интервью 1995 г. на прямой вопрос, кого из советских лидеров он ценил больше других, не задумываясь, ответил: «Хрущёва». И пояснил, что «его имя останется в истории» из-за одного только «смелого шага» по разоблачению культа личности Сталина⁹⁶.

Приход к власти в Советском Союзе команды М.С. Горбачёва болгарский и румынский руководители встретили по-разному. Искушенный в политике Живков поначалу колеблется. Похоже, что его сильно напрягает курс Москвы на «экономизацию» отношений со странами СЭВ по формуле «дружба дружбой, а табачок врозь» (об этом Горбачёв прямо заявил Живкову в октябре

1985 г.). Вместе с тем идея горбачёвской перестройки совпала с осознанием Живковым необходимости перемен в собственной стране. Подтверждением явилось появление на свет «Июльской концепции» 1987 г., предусматривавшей освобождение компартии от управленческих функций, экономический плюрализм (многообразие форм собственности), самоуправление общин, подготовку новой конституции и др.⁹⁷ Более того, в августе 1987 г. началась реализация задуманного, настороженно встреченная советским руководством⁹⁸. Помимо якобы «прозападной ориентации» части живковского окружения, выражавшейся в мечтах о превращении Болгарии в «мини-ФРГ» и «мини-Японию», особенно встревожил Горбачёва тезис Живкова, озвученный на пленуме ЦК БКП в июле 1987 г. о том, что «партия не будет больше “главным субъектом власти”». Советский руководитель расценил это как курс на «самоуправляющийся социализм» с сильным авторитарным привкусом⁹⁹. На рабочей встрече лидеров КПСС и БКП 16 октября 1987 г. в Москве Живкову не удалось убедить Горбачёва в необходимости «вникнуть в смысл» происходящих в Болгарии событий. Как стало ясно впоследствии, не получил отклика и его призыв опираться на «доброе известную» и «правильно интерпретированную» информацию¹⁰⁰.

К тому моменту мало-помалу уже оформлялось негативное отношение Живкова к советской перестройке, которую он впоследствии расценивал как «демагогию на новом уровне», как «очередной фарс» и «предательство... дела социализма»¹⁰¹.

Последняя встреча Живкова и Горбачёва в июне 1989 г. в Москве, видимо, окончательно расставила все точки над «i», выявив глубину расхождений. Живков на ней констатировал: «У нас едва ли нужно действовать так, как действуете вы»¹⁰². В Москве поняли: затягивать отстранение Живкова далее не следует. В болгарской историографии в связи с этим высказано предположение, что Вашингтон одобрил смену власти в Болгарии¹⁰³.

Советская сторона сделала ставку на Петра Младенова, занимавшего с 1971 г. пост министра иностранных дел, и заместителя главы правительства Андрея Луканова. Оба являлись советскими воспитанниками, выпускниками МГИМО. В заговоре против Живкова приняли участие также министр обороны Добри

Джуров, член Политбюро Йордан Йотов и заведующий отделом международных связей ЦК БКП Димитр Станишев¹⁰⁴. Все они, между прочим, были «чавдарцами» и долгие годы входили в ближайший круг соратников болгарского лидера. Заметную роль в отстранении Живкова сыграл и советский посол в Софии, генерал-майор КГБ СССР в отставке В.В. Шарапов. В Софию он прибыл в конце февраля 1988 г., будучи до этого помощником Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачёва¹⁰⁵. 4 ноября 1988 г. Живков неожиданно обращается к соратникам с просьбой обсудить и вынести на предстоящий пленум ЦК предложение о его освобождении с постов Генерального секретаря ЦК и председателя Госсовета, а также и о выводе его из состава Политбюро и ЦК и переходе на пенсию. «Не аргументирую свою просьбу, — пишет он в записке, — так как считаю, что соображения известны»¹⁰⁶. 12 ноября Политбюро единодушно отклонило просьбу лидера, но год спустя ситуация кардинально изменилась. Точно известно, что именно после полуторачасовой беседы с советским послом вечером 7 ноября 1989 г. Живков принял окончательное решение о своей отставке. Григору Стоичкову, бывшему в то время кандидатом в члены Политбюро ЦК БКП, он пояснил, что является для Горбачёва нежеланной фигурой, мешает развитию отношений Болгарии с Советским Союзом¹⁰⁷. Представляется, что двигало болгарским лидером понимание необходимости для Болгарии советской помощи и опасения остаться без таковой, наедине со своими проблемами. 10 ноября 1989 г. пленум ЦК БКП принял отставку Живкова, выразив ему «глубокую благодарность» за многолетнюю партийную и государственную деятельность и высказавшись за сохранение ряда привилегий — государственной дачи в местечке Баня близ Софии, автомобиля, медицинского обслуживания и др. Однако уже в декабре 1989 г. Живкова исключают из партии, а в январе 1990 г. арестовывают. Искать в его дальнейшей судьбе пресловутую «руку Москвы» бессмысленно. Причина была сугубо внутренней, и ее четко сформулировала Искра Баева: неспособность нового руководства быстро разрешить накопившиеся противоречия в обществе, справиться с недовольством народа и, как следствие этого, соблазн принести бывшего руководителя в искупительную жертву¹⁰⁸. По-

началу Живкову инкриминировалась незаконная раздача своим приближенным 72 квартир и 69 автомашин, за что осенью 1992 г. он был осужден на 7 лет тюремного заключения. Из-за состояния здоровья мера пресечения была изменена на домашний арест, который опальный руководитель отбывал на даче внучки Евгении. Длительное судебное разбирательство закончилось, в конечном счете, 9 февраля 1996 г. в пользу Живкова. Но поскольку в ходе следствия были сформулированы новые обвинения (финансовая помощь с высокой степенью риска «развивающимся странам», превышение полномочий в финансировании «левых рабочих организаций» («фонд Москва»), болгаризация мусульманского населения в 1984–1989 гг. и др.), расследование продолжалось вплоть до 5 августа 1998 г., когда закончился земной путь болгарского руководителя. До передачи обвинительных материалов в судебные инстанции дело не дошло.

Румыния к моменту прихода к власти Горбачёва переживала нараставший системный кризис, сопровождавшийся ростом недовольства и подавлением малейших его проявлений. На этом фоне Чаушеску, усмотревший в советской перестройке угрозу своему режиму, не скрывал негативного отношения к деятельности Горбачёва, считал перестройку, как и Живков, предательством дела социализма. События в Польше летом 1989 г., когда в результате выборов произошла смена власти, подлили масла в огонь. Произнесенная на XIV съезде партии (ноябрь) знаменитая фраза Чаушеску «Скорее Дунай потечет вспять, чем состоится перестройка в Румынии», не оставляла надежд на радикальные перемены в стране по образу и подобию советских. Операция по устранению Чаушеску от власти вступила в решающую фазу. По известным на сегодняшний день сведениям, в её подготовке приняли участие силовые структуры США, Советского Союза и Венгрии, а все акции, по признанию тогдашнего руководителя отдела Восточной Европы в ЦРУ Милтона Бордена, «в целом» направлялись из Вашингтона¹⁰⁹. Глубинные причины единокровия Востока и Запада на румынском направлении еще предстоит изучить, но в прессе уже прозвучало утверждение, что за ним, помимо прочего, крылось стремление не допустить превращения Румынии в ядерную державу. Официально заявив в мае 1989 г.

о технической готовности Румынии самостоятельно производить атомное оружие¹¹⁰, Чаушеску, как теперь можно предположить, ускорил трагическую развязку*. Самостоятельный, сильный, решительный, но непредсказуемый партнер не нужен был ни Вашингтону, ни Москве.

4 декабря 1989 г., за три недели до трибунала, решившего судьбу румынского руководителя и его жены, состоялась его последняя встреча с Горбачёвым¹¹¹. Чаушеску поднял на ней вопрос о необходимости встречи лидеров социалистических стран для обсуждения международной обстановки и судьбы социализма в целом. Признавая необходимость совершенствования социализма, его «обновления», он ясно высказался против «формы», в которой происходит этот процесс. Советский руководитель поздравил собеседника с завершением XIV съезда КПР и пожелал успешного выполнения его решений, но предложение о встрече не поддержал. Примечательно, что в конце беседы Горбачёв говорил о судьбе «нашего друга Хонеккера» («сильно волнуюсь за товарища Хонеккера».) Собеседники, конечно, знали, что накануне, 3 декабря, Эрих Хонеккер был исключен из СЕПГ, и обстановка вокруг него всё сильнее накалялась. (На следующий день после беседы, 5 декабря, в Берлине началось следствие по обвинению Хонеккера в государственной измене.) Горбачёв, еще в октябре 1989 г. фактически санкционировавший кампанию по смещению немецкого лидера¹¹², явно лукавил. Мягко говоря неискренним был и его ответ Чаушеску, заявившему: «Следовало бы что-то предпринять, ибо нельзя допускать такого. В том числе и по отношению к товарищу Живкову». Горбачёв не проявил беспокойства: «В отношении товарища Живкова, может быть, всё нормально обойдется. Не знаю, каково положение там»¹¹³. Как говорится, свежо предание...

Таким образом, падение балканских режимов личной власти проходило по одинаковому сценарию, хотя в Болгарии он оказался несравнимо более мягким, нежели у её балканской «соседки».

* Освоение технологии получения оружейного плутония из отработанного ядерного топлива началось в Румынии в середине 1970-х годов. Современные исследователи считают, что Румыния могла создать свое ядерное оружие к 2000 г. (Подробнее см.: Чичкин А. Бомба в Карпатах — URL:rg.ru/2009/07/20/rumynia-site.html).

Феномен личной власти в Румынии и Болгарии покоился на «особой» позиции лидеров. Так или иначе эта «особость» сводилась к «советскому фактору». В Румынии она была основана на неприятии советского гегемонизма в международных делах и коммунистическом и рабочем движении, вмешательства Москвы во внутреннюю жизнь стран «социалистического лагеря». Следуя концепции «национального коммунизма», Чаушеску до поры до времени успешно эксплуатировал «диссидентский» имидж своей страны¹¹⁴, но проводил многовекторную политику, лавируя между Советским Союзом, западными державами и Китаем. «Особая» позиция Болгарии заключалась в безоговорочном следовании в фарватере советской политики, что приносило значительные преференции при распределении жизненно важных для страны советских субсидий, энергоносителей и сырья.

В 1989 г. режимы личной власти на Балканах прекратили свое существование. К этому рубежу их лидеры подошли с различным миропониманием. В мае 1974 г., вспоминал Илия Стоянов, Чаушеску приехал в Варну для личной встречи с Живковым. На палубе катера болгарский лидер, с наслаждением вдыхая свежий морской воздух, заметил: «Прожить бы еще лет 15, а после — хоть потоп». (По иронии судьбы Живков фактически «предсказал» срок окончания своего пребывания на вершине власти — 1989 год!) Чаушеску промолчал, но по лицу его было видно, что он не согласен¹¹⁵. И действительно, до последних минут жизни румынский руководитель оставался фанатиком величия и прославления своей родины, защиты её суверенитета, уверенным в возможности достижения этой цели. В отличие от румынского лидера Тодор Живков не только не питал никаких иллюзий относительно перспектив «болгарского коммунизма», но и впоследствии дал ему резкие оценки, оцененные частью болгарского общества как циничные и безнравственные*. Живков прекрас-

---

* Отстраненный от власти Живков заявил в ряде интервью, что социализм сталинского типа был экспортирован в Болгарию из СССР, навязан отсталой стране извне при поддержке определенных внутриполитических сил, что болгарский социализм являл собой «искривление», что его можно сравнить с «недоноском» и пр. При этом Живков давал понять, что всегда понимал бесперспективность социализма в Болгарии («Дума», 22 октября, 6 декабря 1990 г.)

но понимал утопичность мечты о коммунистическом будущем, осознавал её глубокий разлад с действительностью, но делал всё, чтобы не вызвать недовольства советской стороны и обратить зависимость от Москвы на пользу государству-партии, режиму единоличной власти.

Информация к размышлению:

В Болгарии социологические опросы фиксируют значительные подвижки в оценках режима Живкова и его личности. Так, за период 1992–2014 гг., по сведениям агентства социально-политических исследований Alpha-research, негативное отношение к «болгарскому коммунизму» уменьшилось более чем в два раза, а положительное возросло на 10%. Соотношение в целом составило 43% : 14% в пользу социалистического прошлого. Серьезные изменения произошли и в отношении к Тодору Живкову. Если в 1992 г., по данным Национального центра по изучению общественного мнения (НЦИОМ), 70% респондентов оценили правление Живкова резко негативно, а лишь 16% положительно, то в 2014 г. картина диаметрально изменилась: соотношение составило 55% : 25% в пользу болгарского лидера. По опросу агентства Gallup International, проведенному в ноябре 2019 г., 45% респондентов признали, что «при Тодоре Живкове жилось лучше»; более 70% сочли переход к капитализму в Болгарии незавершенным; 42% настроены пессимистично, считая, что «в стране никогда не будет лучше»; 54% опрошенных признали, что «демократия отняла у нас многое». Примерно $\frac{3}{4}$ совершеннолетнего населения обвинили нынешние власти в «развале страны», а $\frac{1}{4}$ причину усмотрела в том, что «менталитет у нас такой»¹¹⁶.

В Румынии отчетливо наблюдается «возвращение Чаушеску»: в канун президентских выборов 2014 г., согласно опросу национального Института по оценке и стратегии (IRES), примерно 70% населения сочли приговор трибунала несправедливым и оценили его как позор для страны; 46% респондентов заявили, что проголосовали бы за Чаушеску; 69% признали, что живут хуже, чем до 1989 г., а 74% назвали направление, по которому движется страна, неправильным. В ноябре 2018 г. исследова-

тельская компания *CT Research* констатировала по результатам опроса, что респонденты назвали Чаушеску самым значительным деятелем в истории Румынии (26,6%). Ближайшие соперники в рейтинге король Михай I (1927–1930; 1940–1947) и король Фердинанд (1914–1927) набрали соответственно 21,4% и 11,6% голосов. Спустя месяц, в декабре 2018 г., при опросе, проведенном румынским Институтом исследования общественного мнения (*Isodop*) положительно оценили роль Чаушеску в национальной истории 64% респондентов. Действующему президенту Клаусу Йоханнису отдали свои голоса 50,7% опрошенных¹¹⁷. Точно предсказать, изменится ли рейтинг после вручения Йоханнису 21 мая 2021 г. престижной Международной премии имени Карла Великого за 2020 год как выдающемуся «борцу за европейские ценности», трудно, но можно. Определяющим фактором останется уровень жизни и благосостояния рядовых румын.

Наедине...

*Последние встречи
с «главным прорабом перестройки»*

*До единоличной власти
еще далеко...*

Примечания

- ¹ См., напр.: *Младенов П.* Животът. Плюсове и минуси. София, 1992. С. 152–164; *Gabanyi A.* The Ceaușescu cult: propaganda and power policy in communist Romania. Bucharest, 2000. P. 13; *Кастелов Б.* Тодор Живков: мит и истина. 563 щриха към портрета. София, 2005. С. 639–640; *Марчева И.* Българо-румънски паралели: Тодор Живков и Николае Чаушеску // *Призвание и всеотдайност.* В чест на 70-годишния юбилей и 40-годишната научна дейност на проф. д.и.н. Витка Тошкова. София, 2011. С. 106–124, и др.
- ² *Манчев Кр.* История на балканските народи (1945–1990). София, 2003. С. 149; *Лори Б.* Балканска Европа от 1945 год. до наши дни. София, 2005. С. 118.
- ³ *Владо Береану:* Убийците на Чаушеску измряха при мистериозни обстоятелства! — URL: <http://www.blitz.bg/article/15924> (дата обращения: 23.08.2019).
- ⁴ *Вебер М.* Типы господства (Перевод с нем.) // *Личность, культура, общество.* М., 2008. Вып. 2(41). С. 32.
- ⁵ Режимы личной власти — URL: studwood.ru/1060149/politologiya/rezhimy_lichnoy_vlasti; Султанистский режим — URL: studopedia.org/12-71842.html.
- ⁶ *Язькова А.А.* Крах «золотой эпохи» Чаушеску // *Вопросы истории.* 1991. № 9–10. С. 17.
- ⁷ *Тодор Живков.* Мемоари. В. Търново, 1997. С. 13.
- ⁸ *Христов Хр.* Тодор Живков. Биография. София, 2009. С. 18, 25.
- ⁹ *Стоянов И.* Тодор Живков и Николае Чаушеску насаме. София, 2017. С. 118.
- ¹⁰ Труд. Национален всекидневник. София, 2011. 7. IX. Год. 76. Бр. 243. С. 16–17 (интервью с режиссером документального фильма «Човек от народа» Хр. Ковачевым); *Яхиел Н.* Тодор Живков и личната власт. Спомени. Документи. Анализи. София, 1997. С. 227.
- ¹¹ *Дубовик О.А.* Отношение Стефана Стамболова к турецко-болгарскому сближению // *Дриновский збірник.* Том VIII. Харків — Софія, 2015. С. 212–224.
- ¹² Подробнее см., напр.: *Драганов Др.* Как замалко щеше да ни няма. Една от идеите на Тодор Живков // *Народна култура.* 1989. 29.XII. С. 5; *Баева И., Калинова Е.* 16-а република ли? Изследвания и документи за българо-съветските отношения след Втората световна война. София, 2017. С. 15–19; *Волокитина Т.В.* Тодор Живков: «...НРБ станет единым целым с Советским Союзом...» (О планах превращения страны в «16-ую республику СССР») // *Москва и Восточная Европа.* Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. Сб. статей / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М., 2013. С. 240–274.
- ¹³ *Христов Хр.* Тодор Живков... С. 56.
- ¹⁴ *Яхиел Н.* Тодор Живков и личната власт... С. 61–62.
- ¹⁵ *Стоянов И.* Тодор Живков и Николае Чаушеску... С. 72.
- ¹⁶ Почему румынские бабушки говорят по-французски — URL: juliana-72.livejournal.com/13948.html/; История Румынии XX века. Политика Чаушеску — URL: kursak.net/istoriya-rumynii-xx-veka-politika-chaushesku/.
- ¹⁷ *Младенов П.* Животът. Плюсове и минуси... С. 152.
- ¹⁸ *Стоянов И.* Тодор Живков и Николае Чаушеску... С. 75.
- ¹⁹ Вождь 24 года строил «вольную Румынию», но был предан и убит, а страна превратилась в руины. Спецкор «КП» Дарья Асламова выясняет, с чем Бухарест пришел к 30-летию со дня падения режима — URL: <https://www.kp.ru/daily/27089.5/4161889/>.

- 20 *Стоянов И.* Тодор Живков и Николае Чаушеску... С. 86.
- 21 Там же. С. 185.
- 22 Там же. С. 73.
- 23 Цит. по: *Балан Д.* Интеллигенция в Румынии и чехословацкий август 1968 года. (Воспоминания свидетеля) // 1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя. Очерки истории / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М., 2021. С. 271.
- 24 *Стоянов И.* Тодор Живков и Николае Чаушеску... С. 88–89.
- 25 *Марчевски А.* Италиански потайности. Записки на преводач. София, 2005. С. 188.
- 26 Подробнее см.: *Волокитина Т.В.* Апрельский пленум ЦК БКП (1956 год) в контексте процесса либерализации политического режима в Болгарии // *Studia balcanica*. К юбилею Р.П. Гришиной / Отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2010. С. 298.
- 27 *Язькова А.А.* Крах «золотой эпохи» Чаушеску... С.18.
- 28 *Кастелов Б.* Тодор Живков — мит и истина... С. 102.
- 29 Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0125 (Референтура по Румынии). Оп. 54. П. 289. Д. 16. Л. 17.
- 30 Реферат: Romania-correct — URL:<http://besrreferat.ru/referat-33314.html>; *Тодоров К.* Зад завесата на СОЦА. София, 2019. С. 10.
- 31 *Вебер М.* Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 139–147.
- 32 *Паниев Н.* Чаушеску и Живков: какими я их знал. Политические эссе. М., 1990. С. 33.
- 33 Централен държавен архив на Република България (далее — ЦДА). Ф. 1Б (Централен партийен архив на БКП). Оп. 58. А.е. 89. Л. 197.
- 34 *Кастелов Б.* Тодор Живков: мит и истина... С. 731–732.
- 35 См., напр.: *Неспокойный XX век. Тодор Живков* — URL:XX-centure.com.ua/archives/481.
- 36 Цит. по: *Баев Й.* Съветската политика в Източна Европа (1986–1989). (Нови документални свидетелства) // Модерният историк. Въображение, информираност, поколения. Сборник се посвещава на 60-годишнината на проф. д-р ист. н. Андрей Лазаров Пантев / Съст. К. Грозев и Т. Попнеделев. София, 1999. С. 334–335.
- 37 *Калашникова Н.Ю.* Семейный портрет в интерьере: эпоха и клан Чаушеску // Бывшие «хозяева» Восточной Европы. Политические портреты / Отв. ред. Ю.С. Новопашин. М., 1995. С. 241.
- 38 *Еремиева Цв.* Ерата на Чаушеску // Международна политика. Благоевград, 2009. Кн. 4. С. 67; *Ерошкин А.* Об именах. Николае Чаушеску — URL:proza.ru/2019/12/27/1802.
- 39 *Владимирова С.* Мистериозният брат на Живков скрит като касиер в Берн — URL:24chasa.bg/novini/article/6617714.
- 40 Ходившие по стране в изобилии слухи о разгульной жизни Владимира сейчас, по понятным причинам, поухили, и в скупых сообщениях, появляющихся время от времени, подчеркивается нынешняя скромная жизнь пенсионера, а подчас опровергается и прежняя компрометирующая его информация (Синът на Тато чукна 66 г. — URL:bgdnes.bg/Article/6901216).
- 41 *Младенов П.* Животът. Плюсове и минуси... С. 152.
- 42 *Стоянов И.* Тодор Живков и Николае Чаушеску... С. 70–71.
- 43 *Анищенко Н.* Зря тронул Трансильванию. 25 декември изпълнило се 20 лет со дня казни Николае Чаушеску и его жены Елены — URL:lenta.ru/articles/2009/12/26/chaoshescu.

- 44 Чакъргов К. Вторият етаж. София, 1990. С. 35.
- 45 Любимая еда диктаторов. Николае Чаушеску — URL: facts-worldwide.info/ljubimaja-eda-diktatorov/.
- 46 Какво е да си бил личният готвач на Тодор Живков — URL: dariknews.bg/novini/liubopitno/kakvo-e-da-si-bil-lichniat-gotvach-na-todor-zhivkov-604660/.
- 47 Малинский Г. За что убили Чаушеску — URL: esnojvolk.livejournal.com/67427.html.
- 48 Подробнее см.: Везенков А. Систематизацията в Румъния при режима на Чаушеску // Историческо бъдеще. 2000. № 1–2. С. 224–227; Еремиева Цв. Ерата на Чаушеску... С. 67.
- 49 Шевелёв В.Н. Диктаторы и боги. Ростов-на-Дону, 1999. С. 112–113.
- 50 Стратегия Европейского Союза для Дунайского региона — URL: deru.xcv/wiki/Strategie_der_Europäischen_Union_für_den_Donauraum.
- 51 XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. III. М., 1962. С. 276.
- 52 Везенков А. Систематизацията в Румъния... С. 233.
- 53 Подробнее см.: Волокитина Т.В. Болгарское государство, мусульманское население и планы создания «коммунистической нации» // Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XX вв. / Отв. ред. В.П. Козлов. М., 2014. С. 209–230.
- 54 Marx K. Însemnări despre români (Manuscrise inedite). București: Editura Academiei RSR, 1964.
- 55 Цит. по: Гончаров С., Ли Даньхуэй. О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» в российско-китайских отношениях: мифы и реальность // Россия и АТР. Владивосток, 2004. № 4(46). С. 45.
- 56 Подробнее см.: Стыкалин А. Румыния — СССР: «заклятые друзья» — URL: ava.md/2016/03/14/rumyniya-sssr-zaklyatyie-druzya.
- 57 Коларов Г. Феномен болгарского левого национализма — URL: zavtra.ru/blogs/fenomen-bolgarskogo-levogo-natsionalizma.
- 58 Там же.
- 59 Марчева И. Българо-румънски паралели... С. 117.
- 60 АВР РФ. Ф. 074 (Референтура по Болгарии). Оп. 46. П. 208. Д. 14. Л. 5–7.
- 61 Язькова А.А. Крах «золотой эпохи» Чаушеску... С. 20.
- 62 Экономика Социалистической Республики Румыния — URL: ru.xcv.wiki/Economy_of_the_Socialist_Republic_of_Romania.
- 63 АВР РФ. Ф. 074 (Референтура по Болгарии). Оп. 60. П. 255. Д. 15. Л. 47, 78.
- 64 Христов Хр. Тодор Живков. Биография. София, 2009. С. 350–351, 354.
- 65 Приоритет в освещении указанных сюжетов принадлежит журналисту болгарской газ. «Дневник» Христо Христову, изучившему материалы Главной прокуратуры о причинах экономической катастрофы Болгарии (дело № 4/1990 г.). (См.: Христов Хр. Тайните фалити на комунизма. София, 2007).
- 66 Христов Хр. Тодор Живков. Биография... С. 355, 357.
- 67 Баева И. Ведущие тенденции в болгарской внешней политике в 70-е — 80-е годы XX века // Славяноведение. 2010. № 1. С. 46–47.
- 68 Баева И. Тодор Живков. София, 2006. С. 50; АВР РФ. Ф. 074 (Референтура по Болгарии). Оп. 60. П. 257. Д. 27. Л. 239.
- 69 Волокитина Т.В. Борьба за политическое лидерство в СССР и Болгарии. 1953–1956 годы. (Исторические параллели) // 1956 год. Российско-болгарские на-

- учные дискуссии / Под. ред. акад. Г.Г. Литаврина, Р.П. Гришиной, Т.В. Волокитиной. М., 2008. С. 139.
- 70 *Марчева И.* Политиката за стопанска модернизация в България по време на Студената война. София, 2016. С. 350.
- 71 Там же. 351.
- 72 *Яхиел Н.* Тодор Живков и личната власт... С. 169–170.
- 73 *Кастелов Б.* Тодор Живков: мит и истина... С. 640.
- 74 *Яхиел Н.* Тодор Живков и личната власт... С. 172–173.
- 75 *Горбачёв М.С.* Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995. С. 625–635.
- 76 *Стоянов И.* Тодор Живков и Николае Чаушеску... С. 189.
- 77 Централен държавен архив на Република България (далее — ЦДА). Ф. 378Б (Тодор Живков). Оп. 1.
- 78 *Стоянов И.* Тодор Живков и Николае Чаушеску... С. 71.
- 79 ЦДА. Ф. 378Б (Тодор Живков). Оп. 1. Папка (далее — П.) 414. Л. 42, 57.
- 80 Там же. Л. 61, 53.
- 81 Там же. П. 152. Л. 20, 19.
- 82 Там же. Л. 14.
- 83 Там же. П. 539. Л. 49–50.
- 84 Там же. Л. 51.
- 85 Там же. Л. 52.
- 86 *Мурджев Д.* Така ги видях. София, 1992. С. 33.
- 87 ЦДА. Ф. 378Б (Тодор Живков). Оп. 1. П. 414. Л. 65.
- 88 Там же. П. 539. С. 61.
- 89 Тодор Живков. Последнее интервью по БНТ. 1997 г. — URL:youtube.com/watch?v=caTqHb9Hjr0.
- 90 *Стоянов И.* Тодор Живков и Николае Чаушеску... С. 108.
- 91 Там же. С. 138–139.
- 92 ЦДА. Ф. 378Б (Тодор Живков). Оп. 1. П. 539. Л. 51.
- 93 Подробнее см.: *Buga V.* Sub lupa Moskovei. Politica externă a României. 1965–1989. București, 2015.
- 94 Вождь 24 года строил «вольную Румынию»...
- 95 *Стоянов И.* Тодор Живков и Николае Чаушеску... С. 148.
- 96 *Сиверский Э.* Документальное расследование. Тодор Живков — URL:my.mail.ru/eduardo1966/video/388/630.html.
- 97 *Валева Е.Л.* Феномен Тодора Живкова: 35 лет на вершине власти // Бывшие «хозяева» Восточной Европы. Политические портреты / Отв. ред. Ю.С. Новопашин. М., 1995. С. 54–55.
- 98 *Балева И.* Българо-съветските отношения в годините на «перестройката» // България в сферата на съветските интереси. (Българо-руски научни дискусии). София, 1998. С. 122–123.
- 99 *Живков Т.* Срещу няком лъжи. София, 1993. С. 38; *Горбачёв М.С.* Жизнь и реформы... С. 370.
- 100 Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Т. 2. Вторая половина 1980-х — начало 1990-х годов /Редколлегия: Ю.С. Новопашин (отв. ред.) и др. СПб, 2013. С. 102, 98.

- ¹⁰¹ Совершенно секретно — Тодор Живков 1995 — URL: youtube.com/watch?v=i7zKDzA18Nw.
- ¹⁰² Цит. по: *Баева И.* Тодор Живков... С. 110–111.
- ¹⁰³ *Марчева И.* Българо-румънски паралели... С. 124; *Трайков Б.* 10 ноември 1989. Превратът. София, 1999. С. 47.
- ¹⁰⁴ Вывод о заговоре разделяют не все исследователи. Некоторые авторы усматривают в событиях ноября 1989 г. развязку внутрипартийной борьбы между реформаторами и ортодоксами-консерваторами (См., например: *Валева Е.Л.* Феномен Тодора Живкова... С. 57).
- ¹⁰⁵ Подробнее о роли В.В. Шарапова в отстранении Живкова от власти см.: Спомени на Валентин Терехов, учен и дипломат, близък приятел на Андрей Луканов — URL: [24chasa.bg >mnenia/article/9225369](http://24chasa.bg>mnenia/article/9225369).
- ¹⁰⁶ Цит. по: *Баева И.* Тодор Живков... С. 110.
- ¹⁰⁷ *Старочкин С.* Тодор Живков — титан ушедшей эпохи — URL: my.mail.ru/mail/b6173276/video/12652/14470.html.
- ¹⁰⁸ *Баева И.* Тодор Живков... С. 112.
- ¹⁰⁹ *Кудряшов А.* Почему Михаил Горбачёв дал согласие на казнь Николае Чаушеску? — URL: argumenti.ru/espionage/n276/94258.
- ¹¹⁰ Там же; Горбачёв дал согласие на расстрел Чаушеску? — URL: varjag-2007.livejournal.com/2449542.html.
- ¹¹¹ Стенограмма встречи опубликована в: *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа...* Т. 2. С. 502–525.
- ¹¹² Хонеккер, Эрих — URL: ru.wikipedia.org/wiki/Хонеккер,_Эрих.
- ¹¹³ *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа...* Т. 2. С. 511.
- ¹¹⁴ *Шевелёв В.Н.* Диктаторы и боги... С. 123.
- ¹¹⁵ *Стоянов И.* Тодор Живков и Николае Чаушеску... С. 124.
- ¹¹⁶ Болгария. По опросам 45% болгар считают, что при Тодоре Живкове жилось лучше — URL: bgnews.bulgar-rus.ru/bulgariya-po-oprosam-45-bolgar-schitayut-cto-pri-todore-zhivkove-zhilos-luchshe
- ¹¹⁷ Уроки расправы над Чаушеску. Почему спустя 30 лет румыны пожалели о том, как поступили со своим лидером — URL: life.ru/p/1340645.

Советская политика на Балканах в период заката «перестройки» (1990–1991 гг.)

И для СССР, и для Югославии 1990 и 1991 гг. были очень трудными. На весах истории решалась судьба социалистических федераций.

Белград прилагал большие усилия к тому, чтобы удержать Югославию от распада. И кроме внутренней, этому должна была способствовать и внешняя политика. Возможно, в 1990 г. югославское руководство рассматривало внешнюю политику как весомый общенациональный фактор преодоления межреспубликанских разногласий, содействующий консолидации федерации. Югославия искала «новые импульсы двусторонних отношений с развитыми государствами» — Италией, ФРГ, Австрией, Францией¹.

Однако внутренние проблемы стремительно перерастали в конфликты, последние — в войны. В такой ситуации западноевропейское направление внешней политики Югославии оказалось неэффективным в плане объективности рассмотрения происходивших событий. Поэтому, пытаясь сохранить единство федерации, руководство страны большие надежды возлагало на СССР.

В СССР же нарастал свой кризис. На страну обрушились проблемы, с которыми идеология «перестройки» справиться не могла. Пока советский лидер Михаил Сергеевич Горбачёв говорил о «национальном ренессансе»², пытался решать проблемы единства федерации, разграничения управленческих функций между Центром и республиками, в стране уже разрушались государственные границы, появились первые беженцы, произошли крушения финансового и потребительского рынков. По регионам нашей огромной страны прокатились митинги оппозиции. Ми-

нистр внутренних дел СССР Вадим Викторович Бакатин сообщал на совещании в ЦК КПСС 24 февраля 1990 г., что «нервозность нарастает... 60 митингов проходят уже сегодня, а завтра их будет 260»³. Достаточно хаотично страна переходила к многопартийной системе. КПСС утрачивала контроль над внутренней ситуацией. Члены Политбюро ЦК КПСС с недоумением наблюдали, как кто-то, называющий себя демократом, хочет «развалить партию и страну, восстановить в ней буржуазные порядки»⁴.

Валентин Михайлович Фалин, член ЦК КПСС в те годы, в своих воспоминаниях, анализируя причины масштабных импровизаций Горбачёва, приведших к краху «перестройки», подчёркивает, что «невежество..., незнание, слитое с безграничной и неконтролируемой властью, равно почти стихийному бедствию»⁵. По его мнению, «придя к власти без программы, чётко продуманной концепции, Горбачёв занялся импровизациями...»⁶. Импровизации дорого стоили нашей стране. Это касается и внешней политики.

Югославское направление балканской внешней политики СССР в таких трудных внутривнутриполитических условиях не было серьёзно востребованным. Во всяком случае из документов видно, что в нём больше была заинтересована югославская сторона. Разговоры во время встреч или по телефону носили общий характер и подчёркивали необходимость наращивать взаимовыгодное сотрудничество по всем направлениям. Следует при этом подчеркнуть, что связи не прекращались, и мы наблюдаем советско-югославские контакты на разных уровнях.

С 24 по 28 июня 1990 г. в Югославии по приглашению Комитета по внешней политике Союзного вече Скупщины СФРЮ находилась делегация Комитета по международным делам Верховного Совета СССР во главе с председателем Комитета Александром Сергеевичем Дзасоховым. Югославы выражали удовлетворение «атмосферой, установившейся в последние годы в советско-югославских отношениях, динамикой их развития, масштабностью»⁷. В октябре 1990 г. состоялась встреча министра иностранных дел СССР Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе с Союзным секретарем по иностранным делам СФРЮ Будимиром Лончаром. В ноябре 1990 г. Горбачёв встречался с Председателем Президиума СФРЮ Борисавом Йовичем (отношения меж-

ду странами оценены как не имеющие осложняющих моментов). Председатель Совета министров СССР Николай Иванович Рыжков беседовал с заместителем председателя правительства Югославии Александром Митровичем в спокойной и дружественной обстановке по вопросам экономического и научно-технического сотрудничества. 9 февраля 1991 г. происходил телефонный разговор вновь назначенного министра иностранных дел СССР Александра Александровича Бессмертных с Союзным секретарём по иностранным делам (министром) СФРЮ Б.Лончаром. «С обеих сторон было подчеркнуто стремление к дальнейшему развитию сотрудничества между СССР и СФРЮ, которое имеет хорошие перспективы»⁸. Вопросы нарастания кризиса в стране или не рассматривались, или не нашли отражения в официальных сообщениях.

А.А. Бессмертных, назначенный министром иностранных дел СССР в январе 1991 г., свою первую поездку в Европу начал с Белграда (8–9 апреля), изменив ранее намеченный распорядок балканского турне и поставив Грецию на второе место. Министр заверил, что Советский Союз «хочет видеть СФРЮ единым и процветающим государством, активно выступает за сохранение территориальной целостности, нерушимости границ Югославии, против интернационализации её проблем, которая противоречила бы основополагающим документам общеевропейского процесса»⁹. В качестве главной причины визита советского министра в СФРЮ югославская пресса называла стремление СССР не оставаться в стороне и в такой форме продемонстрировать отношение к югославским делам в условиях, когда США, а также западноевропейские страны не только с предельной ясностью изложили свои позиции по югославской проблематике, но и прямо обозначили приемлемые для них контуры возможной развязки кризиса, переживаемого Югославией. Белграду было очень важно, что Бессмертных делал упор на «важность укрепления единства страны и союзных начал в её устройстве при недопущении интернационализации югославского кризиса»¹⁰.

Над югославской федерацией в 1990 г. уже отчётливо нависла угроза серьёзного конфликта между республиками, поэтому Белграду крайне важна была позиция Москвы. Тогда она была одно-

значной — у руководства СССР не вызывала никакого сомнения необходимость сохранения единства Югославии. Обосновывая такую позицию, советские дипломаты предлагали не сбрасывать со счетов ряд весомых интеграционных факторов. 1. Большинство населения (около 90%), согласно опросам общественного мнения, выражало желание жить в едином государстве. 2. Экономика страны ориентирована на внутренний рынок и межреспубликанские связи. 3. Высокая степень национальной неоднородности каждой федеративной единицы за исключением Словении. 4. Сложные территориальные проблемы с соседними государствами (у Македонии с Болгарией, у Сербии с Венгрией и Албанией, у Словении и частично Хорватии с Италией), которые могут стать дополнительным дестабилизирующим фактором. 5. США, ФРГ, Франция, крупнейшие экономические и финансовые объединения «ясно дают понять Белграду, да и руководству республик, что заинтересованы в сохранении стабильного югославского государства, что лишь единая Югославия, а не “шесть мелких балканских стран” может рассчитывать на экономическую и технологическую помощь Запада, на сотрудничество с ним»¹¹. Тогда в советском посольстве в Белграде были уверены, что в Югославии возможна перестройка её государственного устройства на принципах конфедерации, «асимметричной» или «мягкой» федерации при сохранении единства страны. При этом дипломаты обращали внимание на то, что противоречия между республиками остаются острыми и раскол страны не исключается.

Начальник 3 Европейского Управления МИД СССР Мечеслав Иванович Сенкевич писал в Докладной записке министру иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе в декабре 1990 г., что с точки зрения советских государственных интересов сохранение целостности Югославии, «ребалканизации» этой страны и региона должны быть одной из приоритетных задач советской внешней политики. Не был оставлен в стороне и вопрос о том, что, в отличие от других стран Восточной Европы, в Югославии сохраняется неизменно истинно дружеское расположение народов Югославии к Советскому Союзу, «не происходит столь характерного для Восточной Европы “поворота к Западу”»¹². Исходя из этого, предлагалось наращивать поддержку югослав-

скому руководству, его усилиям по сохранению целостности СФРЮ, продолжая диалог с руководством страны и всех республик, со всеми политическими общегославскими силами.

Идея самостоятельности югославских республик, прежде всего, Словении и Хорватии, витала в 1990 г. в воздухе. Готовясь к многопартийным выборам, ведя переговоры с лидерами других республик Югославии о переустройстве страны, их руководство всесторонне прорабатывало вопрос провозглашения независимости.

Нам важно обратить внимание на то, что Словении и Хорватии надо было преодолеть сложившуюся европейскую систему нерушимости границ. Поэтому важным моментом в подготовке признания независимости были переговоры с лидерами европейских государств и СССР. Так, в сентябре 1990 г. посол СССР в Югославии Вадим Петрович Логинов разговаривал с недавно избранным Президентом Республики Хорватии Франё Туджманом. Тот поблагодарил посла за «желание сотрудничать с новым демократическим правительством Хорватии», провёл параллели между СССР и СФРЮ, интересовался вопросами межреспубликанских отношений в Советском Союзе, «в частности, проблемой самостоятельности прибалтийских республик, отношениями между РСФСР и Украиной...»¹³. Готовясь к отделению и создавая свои вооружённые подразделения, в разговорах с советскими дипломатами хорваты расспрашивали об организации гражданской обороны в СССР, её взаимоотношениях с армией и другими государственными структурами.

Член Президиума СФРЮ от Хорватии Стипе Месич устанавливал связь с лидерами ведущих держав, убеждая их, что дальнейшее существование югославской федерации бессмысленно. «Мне хотелось увлечь идеей распада Югославии тех, кто обладал сильным влиянием в Европе – Геншера¹⁴ и Папу. С Геншером я встречался даже три раза. Он помог мне получить аудиенцию у Папы. И тот, и другой согласились с тем, что было бы лучше, если бы СФРЮ перестала существовать», – откровенно говорил С. Месич¹⁵.

Как отмечает словенский историк Янко Прунк, «особенно последовательную поддержку Словении оказывали Германия,

Австрия, Венгрия, Чехословакия, Польша... Важную поддержку Словении оказал Ватикан»¹⁶.

25 марта 1991 г. председатель Комиссии по международным связям Скупщины Словении Матияж Шинковец посетил посла СССР в Югославии В.П. Логинова и в разговоре с ним не скрывал, что вопрос разъединения Словении с Югославией предreshён, и «не должно оставаться иллюзий, что Словению как-то удастся удержать в составе югославской федерации»¹⁷. Его очень интересовало, как отнесётся руководство СССР к такому шагу Словении. Посол разъяснил последовательную линию невмешательства своей страны во внутренние дела СФРЮ и сохранения независимости, суверенитета и целостности Югославии.

Словенцы активно устанавливали контакты с зарубежными странами, чтобы было легче добиться признания независимости. И СССР в этом списке занимал важное место. Так, в начале 1990 г. в Москву прилетал Дмитрий Рупел, отвечавший в новом словенском правительстве за международное сотрудничество. Целью поездки было установить связи с министерством иностранных дел РСФСР и СССР, а также найти подходящего кандидата-словенца для непосредственного контакта с российским министерством, чтобы «добиться как можно скорее дипломатического признания и установления дипломатических отношений с Российской Федерацией»¹⁸.

Такой фигурой в Москве стал глава крупнейшего словенского экономического представительства в России Роберт Кокаль. В опубликованных воспоминаниях он пишет, что для него было крайне важно установить дружеские отношения с российскими дипломатами, но так, чтобы об этом не знали сотрудники югославского посольства. Поэтому, как пишет Р.Кокаль, «в целях конспирации большинство встреч мы организовывали в подвальных помещениях выставочного здания фирмы «Словениялес» в Козицком переулке в центре Москвы. Если бы такие встречи проходили в здании представительства, о них бы прежде узнавали в Белграде, чем в Любляне». На этих встречах говорили о событиях в Югославии, о планах Словении провозгласить независимость. «Борис Колоколов, заместитель министра иностранных дел, — вспоминает Р. Кокаль, — при случае сказал, что наши

встречи можно характеризовать как “подпольную деятельность в подвалах” и что все актёры, участвовавшие в ней, убеждены, что “они работают на перспективу”¹⁹.

Накануне объявленного ранее отделения Словении от Югославии (26 июня 1991 г.) 14–16 мая состоялся визит в СССР словенской делегации во главе с премьер-министром Лойзе Петерле. Для Словении он был значим с точки зрения укрепления её международно-правовых позиций. Л. Петерле охарактеризовал его как «самый важный и самый успешный из всех визитов такого рода за границу»²⁰. Для словенцев знаковым был высокий уровень встреч и бесед с союзными и республиканскими лидерами. Они особенно выделяли встречи с Борисом Николаевичем Ельциным, Президентом РСФСР. И позиции республики и Центра отличались. Последний выступал за единство Югославии, а Ельцин сам уже активно отстаивал независимость республик. Поэтому они выработали соглашение об обмене представительствами, Ельцин обещал нанести визит в Люблян. В отличие от бесед в Австрии, Германии, Италии, Франции, где не было конкретных решений, в Москве словенцы встретили «благосклонность и понимание», подписали Соглашение об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, договорились о создании совместного словенско-российского банка. Делегаты акцентировали своё внимание на тех моментах, которые были созвучны их идеям о самостоятельности республики, здесь они встретили полное понимание именно российских республиканских властей. В словенской печати большой резонанс вызвали слова председателя Совета Министров РСФСР И.С. Силаева о том, что российское руководство в буквальном смысле «болеет за Словению»²¹.

Хорватия и Словения посылали свои делегации в Прибалтийские республики, Белоруссию и Украину, укрепляя тем самым, как им казалось, международно-правовой статус своих республик. В словенской и хорватской печати публиковались материалы, в которых говорилось, что Литва, Грузия и Армения уже выступили за независимость Хорватии и Словении²². 2–4 июня 1991 г. делегация Словении находилась в Минске. Для неё было важно, что «БССР является членом-учредителем ООН

и как дружественная страна может в будущем оказать существенную поддержку Словении при приёме её в эту международную организацию»²³. Республики договорились об открытии представительства двух республик в Минске и Любляне, подписали Соглашение об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве.

В мае 1991 г. Ф. Туджман посетил Украину, также договорившись об открытии представительства республик в Загребе и Киеве и подписав Соглашение об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. Хорватия подчёркивала, что это был первый действительно государственный визит на высшем уровне со всеми полагающимися протокольными атрибутами и почестями хорватскому Президенту, хорватским флагу и гимну. Как и в случае с Белоруссией, Ф. Туджман подчёркивал, что для Хорватии крайне важен статус Украины как члена-учредителя ООН «с точки зрения возможного признания её субъектом международного права в будущем»²⁴. Местные обозреватели посчитали этот визит первой ласточкой в прорыве блокады непризнания Республики Хорватии на международной арене. В совместном заявлении утверждалось, что «и Хорватия, и Украина отстаивают в своих распадающихся федерациях идею союза суверенных республик и полной их самостоятельности...»²⁵.

Для Хорватии и Словении 1991 год стал временем решительных действий. 20 февраля Скупщина Словении приняла Резолюцию о разъединении с СФРЮ. В Генконсульство СССР в Загребе документы из Любляны поступили простым письмом по почте. В конверте находилось послание М.С. Горбачёву и текст Резолюции. В письме говорилось, что «Словения сделала решительный шаг на пути к автономии и созданию своей государственности в поисках выхода из состояния хронической агонии югославского общества»²⁶. Затем выражалась надежда на поддержку и понимание, на демократическое признание со стороны дружественных европейских стран, включая СССР, а также мирового сообщества в целом.

Хорватия тоже все решения о провозглашении независимости в обязательном порядке направляла в Москву. Так, 15 июля Генконсульство СССР в Загребе получило проект так называ-

емого Плана урегулирования югославского государственного кризиса. В пяти его пунктах предлагалось признать суверенитет и самостоятельность югославских республик, начать процесс разъединения²⁷. А 28 августа 1991 г. Ф. Туджман послал письмо Президенту РСФСР Б.Н. Ельцину, призывая его поднять свой авторитетный голос в защиту мира и свободы хорватского и всех югославских народов. Так продолжилась работа руководства Словении и Хорватии с республиками СССР в надежде, что те первыми поддержат независимость самопровозглашённых югославских республик.

25 октября 1991 г. Загреб известил министра иностранных дел СССР Бориса Дмитриевича Панкина о решении Сабора Республики Хорватии от 8 октября 1991 г. о разрыве всех государственно-правовых связей с бывшей СФРЮ и просил признать Республику Хорватию и установить с ней дипломатические отношения в полном объёме²⁸.

Совершенно очевидно, что внешняя политика в последние годы существования СССР была зависимой, нестабильной, а потому бессильной. В предисловии к сборнику документов МИД 1990–1992 гг. отмечалось, что «в период после августовских событий 1991 г. основной задачей российской дипломатии стало обеспечение широкой дипломатической поддержки действий руководства Российской Федерации»²⁹. Как вспоминал посол России в США Анатолий Фёдорович Добрынин, Горбачёв «растерянно наблюдал за последствиями своей собственной политики» в Восточной Европе, лишь повторяя свой основной тезис о взаимном с Западом поиске «новой системы безопасности для новой Европы»³⁰.

Что касается Балканского региона, то он оставался в зоне внимания скорее по инерции. МИД СССР декларировал, что занимает нейтральную позицию в конфликте на территории СФРЮ. Равноудалённость от конфликтующих сторон диктовала заявления наиболее общего характера. Неизменным оставался и тезис о территориальной целостности Югославии. Как вспоминал помощник генерального секретаря ЦК КПСС Анатолий Сергеевич Черняев, устойчивость выбора М.С. Горбачёва в пользу единства Югославии была связана с вопросом целостности СССР, «с при-

целом на Прибалтику!»³¹. Такая позиция СССР понятна, так как поддержка сепаратизма в других странах могла бы иметь отрицательные последствия для судьбы самого СССР. Особенно провозглашение независимости Словении и Хорватии стало для СССР во всех отношениях нежелательным прецедентом, так как схожие процессы наблюдались и в ряде советских республик. «Тем более, что и словенцы, и хорваты всячески старались и стараются поддерживать и развивать свои отношения с сепаратистски настроенными лидерами советских республик»³².

Обострение политической обстановки в Югославии в 1991 г. не вызывало особого беспокойства у российского руководства, которое исходило из того, что решение возникших в СФРЮ проблем должно происходить без какого-либо вмешательства извне. При этом «советскому руководству приходилось маневрировать, имея дело с самыми разными политическими силами и быстро меняющимися обстоятельствами»³³. Во время всех официальных встреч Москва и Белград обещали взаимовыгодное сотрудничество по всем направлениям, констатировали близость подходов в международных вопросах, высказывались за усиление взаимодействия³⁴. Как вспоминал А.С. Черняев, в разговорах с югославами ощущалась прежняя искренняя дружба, наполненная «товариществом, полной открытостью, какой-то родственностью», однако Горбачёв на это не реагировал и от таких встреч уставал³⁵.

1–2 августа 1991 г. состоялся визит югославского премьер-министра Антэ Марковича в СССР. Его приезд во время предельного накала внутривнутриполитической обстановки и глубокого экономического кризиса говорил о том, что у югославы надежда оставалась только на русских. Он хотел разблокировать кризис, договориться о конкретных мерах, выводящих из паралича двустороннее экономическое сотрудничество. Стороны подписали Договор о поставках нефти в Югославию, а также угля, хлопка, стали и других товаров на сумму 4 млрд долларов, что должно было улучшить экономику страны. Было подписано также межбанковское соглашение, открывавшее путь движению товаров в обоих направлениях. Достигнутые соглашения оценили в югославских кругах «как реальную экономическую помощь Югославии в самый критический момент»³⁶.

И даже после того, как парламенты Словении и Хорватии объявили о независимости их стран, внешнеполитическое ведомство продолжало придерживаться своей позиции. МИД СССР 26 июня 1991 г. сделал заявление о том, что действия двух республик Югославии являются односторонними. Поэтому «Советский Союз, как и прежде, последовательно выступает за единство и территориальную целостность Югославии, нерушимость её границ, включая внутренние..., поддерживает федеральные структуры власти, которые стремятся обеспечить сохранение югославского государства»³⁷. Отвечая на вопросы журналистов, начальник Управления информации МИД СССР Виталий Иванович Чуркин с уверенностью говорил, что МИД СССР не известно, чтобы Германия, Австрия или какие-либо другие страны выступили... за независимость Словении и Хорватии. Это не так». И далее о позиции Москвы: «Мы исходим из того, что эти права должны реализовываться исключительно в рамках конституционного порядка и не вести к дезорганизации международной жизни... Нам представляется, что территориальная целостность Югославии — это ценность, к которой следует относиться как к таковой»³⁸.

Москва долго не отступала от своей позиции, позволяя «подвижки» лишь в сторону либерализации межреспубликанских отношений. Так, в сентябре 1991 г. М.С. Горбачёв в разговоре с председателем Совета министров Италии Джулио Андреотти выступал за сохранение югославского государства, хотя бы в виде Союза суверенных государств³⁹. Москва была также решительно против участия любых вооружённых сил извне в разрешении конфликта, как это предлагалось некоторыми представителями западных стран, настаивала на широком политическом диалоге между республиками и отказе от решения спорных вопросов вооружённым путём. В разговоре с советником-посланником Посольства Финляндии в СССР Юрье Кариненом 15 августа 1991 г. М.И. Сенкевич подчеркнул, что Москва хорошо разбирается в ситуации на территории бывшей Югославии, и обратил внимание на то, что основным препятствием на пути разблокирования конфликта является жёсткая позиция хорватских лидеров. Они «стремятся к широкой интернационализации кризиса, пытаются заручиться международной поддержкой своих сепаратистских

устремлений», что не поддерживается СССР. Поэтому СССР выступает против направления многонациональных формирований по поддержанию мира в Югославию, против рассмотрения югославского вопроса в Совете Безопасности ООН. «Такие предложения стоят на грани вмешательства во внутренние дела Югославии, могут привести к широкой интернационализации конфликта и усугубить ситуацию»⁴⁰.

Безусловно, Москва не могла выстраивать своё отношение к событиям на Балканах без учёта позиции европейских стран и США. А их политика с середины 1991 г. начала меняться.

МИД СССР констатировал, что представители европейских государств встали на путь беспрецедентного использования международного посредничества в решении сугубо внутривнутриполитических вопросов в независимой стране, что для нас... неприемлемо⁴¹.

При анализе архивных документов МИД СССР приходишь к выводу, что дипломаты, работавшие на Балканах, а также эксперты уже с начала 1991 г. осознавали, что сохранить Югославию не удастся. Но официальная позиция Москвы оставалась неизменной. Например, в Докладной записке МИД (без автора и предназначения) от 15 февраля 1991 г. делался вывод о том, что сохранить югославскую федерацию в нынешнем её виде не получится, дальнейшее ослабление власти Центра неизбежно. Однако автор, как, впрочем, и советское руководство, опасались постановки вопроса об изменении границ, обострения борьбы внешних сил за влияние в регионе. Поэтому предлагалось «попытаться сохранить единое государство и обеспечить фактическое сосуществование в нём двух различных социально-экономических укладов»⁴², продолжать сотрудничество в торгово-экономической и научно-технической областях, наращивать диалог с руководством Югославии, со всеми политическими общегославскими силами, запланировать официальные визиты глав правительств двух стран.

В июле 1991 г. в СФРЮ был направлен специальный представитель Президента СССР, первый заместитель министра иностранных дел СССР Юлий Александрович Квицинский, посетивший Сербию, Словению и Хорватию. Его задачей было, как писал М.И. Сенкевич, «доведение до сведения лидеров вовлечённых

в конфликт югославских республик точек зрения советского руководства и ознакомление на месте с развитием ситуации в стране»⁴³. Направление высокого мидовского чиновника в кризисный регион на Балканах, видимо, было связано в том числе и с приглашением М.С. Горбачёва в Лондон на встречу «семёрки», где должна была обсуждаться ситуация в Югославии. Москву волновали наметившиеся тенденции изменения позиций некоторых европейских стран и США в отношении признания независимости Словении и Хорватии. Ознакомление советского дипломата с ситуацией в балканской стране должно было упрочить позицию СССР по этому вопросу.

В Белграде восприняли этот визит с воодушевлением, так как тогда в мировых СМИ уже начала складываться необъективная картина происходившего на Балканах. А Россия представлялась в международных отношениях той силой, которая сможет беспристрастно взглянуть на сложные югославские события.

Побывав в Белграде, Загребе и Любляне, Ю.А. Квицинский, судя по документам МИД СССР, убедился в том, «насколько важна советская позиция в пользу сохранения единства и территориальной целостности Югославии»⁴⁴. Однако в разговорах с сербами, правда, чуть позже, в самом начале августа, он был более откровенным. Первому заместителю Союзного секретаря по иностранным делам СФРЮ М. Максичу он сказал, что последний шанс сохранить Югославию пропущен, и нет такой силы, которая могла бы это осуществить. Ю.А. Квицинский подчеркивал, что развитие событий уже не подлежит контролю⁴⁵. Это был симптом *начавшихся изменений во взглядах руководства СССР*, хотя официальная позиция по сохранению целостности страны ещё какое-то время продолжала оставаться неизменной. В заявлении советского правительства от 2 августа 1991 г. международному сообществу давалось понять, что следует делать различие между «оказанием добрых услуг» и «вмешательством во внутренние дела», которое неприемлемо ни с точки зрения международного права, ни с точки зрения возможных последствий⁴⁶.

Новые тенденции в позиции СССР к осени 1991 г. проявились уже более определенно⁴⁷. В совместном заявлении СССР, США и ЕС 18 октября уже ни слова не говорилось о сохранении тер-

риториальной целостности Югославии⁴⁸. В это время проявляется пока ещё не изменение позиции СССР по вопросу единства Югославии, но попытка более точно оценить ситуацию в Федерации и рассмотреть потенциально иные подходы Москвы. 16 июля 1991 г. генеральный консул в Загребе Юрий Степанович Гиренко направляет Докладную записку заместителю министра иностранных дел СССР Ю.А. Квицинскому, в которой отмечает, что «возникает необходимость известной модификации нашей позиции по югославскому вопросу»⁴⁹. По его мнению, без дальнейшей интернационализации югокризиса не обойтись. Поэтому «впредь нам, видимо, следует делать больший упор не на противодействие его интернационализации, а на такие его формы, прежде всего, политические, которые не допускали бы грубого вмешательства во внутренние дела Югославии и навязывания ей чужой воли». Генконсул советовал «приглушить» тезис о сохранении единства и целостности СФРЮ.

Как видим, на волне до конца не разработанной «новой концепции мышления», неясностей её идейных параметров советская дипломатия попала в идеологическую ловушку. Отстаивая единство своего многонационального государства, Москва встала на сторону Запада в его стремлении «демократически» преобразовать СФРЮ и поддержать стремление каждой республики к независимости. При этом как незапятнанный и правоверный сторонник интернационализма и противник любого шовинизма она боялась обвинений СССР в поддержке якобы «великосербской» идеи. А потому, по определению, МИД поддерживал любые инициативы Запада, если они назывались «демократическими». Он не задумывался о подрыве международного права и принципов СБСЕ/ОБСЕ и фактически приближал интернационализацию конфликта, а следом за этим и распад СФРЮ.

Таким образом, внешнеполитическая позиция Советского Союза по югославскому кризису складывалась в трудных условиях развития внутривнутриполитического кризиса советского государства. На неё не могли не оказывать влияние сложная, кризисная экономическая ситуация в стране, экономическая зависимость от Запада, необходимость выполнять определённые условия, чтобы получить кредиты, иллюзорная надежда на равноправное

международное сотрудничество со странами Европы и США, необходимость дистанцироваться от попыток инкриминировать Москве поддержку «великосербской» идеи.

Примечания

- ¹ Архив внешней политики СССР (далее — АВП СССР). Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 51. Д. 8. П. 122. Л. 16.
- ² В Политбюро ЦК КПСС. По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев. М.: Горбачев-Фонд, 2008. С. 570.
- ³ Там же. С. 598.
- ⁴ Там же. С. 607.
- ⁵ *Фалин В.М.* Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. 2016 // URL: <https://avidreaders.ru/book/bez-skidok-na-obstoyatelstva-politicheskie-vospominaniya.html> (дата обращения: 19.01.2019)
- ⁶ *Он же.* Как и почему Горбачёв простил Яковлеву сотрудничество со спецслужбами США // URL: <https://regnum.ru/news/polit/1475019.html> (дата обращения: 26.01.2020)
- ⁷ АВП СССР. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 51. Д. 4. П. 121. Л. 189.
- ⁸ СССР — СФРЮ. Разговор по телефону А.А. Бессмертных с Б. Лончаром // Вестник МИД СССР. М., 1991. 15 марта. № 5 (87). С. 12–13.
- ⁹ Там же. 30 апреля. № 8 (90). С. 13.
- ¹⁰ АВП СССР. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 52. Д. 7. П. 125. Л. 98.
- ¹¹ Там же. Оп. 51. Д. 6. П. 122. Л. 50–51.
- ¹² Там же. Д. 4. П. 121. Л. 236.
- ¹³ Там же. Д. 2. П. 121. Л. 39.
- ¹⁴ Ганс-Дитрих Геншер — министр иностранных дел ФРГ.
- ¹⁵ Кто играл главные роли? // Сербия. Белград, 1995. № 26. С. 31.
- ¹⁶ *Прунк Я.* Краткая история Словении. М., 1996. Рукопись. С. 33–34.
- ¹⁷ АВП СССР. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 52. Д. 2. П. 123. Л. 155.
- ¹⁸ *Кокаль Р.* Московские воспоминания // Славянский альманах 2005. М.: Индрик, 2006. С. 544.
- ¹⁹ Там же. С. 548, 551.
- ²⁰ АВП СССР. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 52. Д. 6. П. 124. Л. 106.
- ²¹ Там же. Л. 107.
- ²² Там же. Д. 7. П. 125. Л. 120.
- ²³ Там же. Д. 6. П. 124. Л. 120–121.
- ²⁴ Там же. Л. 115.
- ²⁵ Там же. Л. 116.
- ²⁶ Там же. Д. 2. П. 123. Л. 65, 68.
- ²⁷ Там же. Д. 6. П. 124. Л. 34.
- ²⁸ Там же. Л. 51.
- ²⁹ Внешняя политика России. Сборник документов. 1990–1992. М.: Международные отношения, 1996. С. 5.

- ³⁰ Добрынин А.Ф. Главы из книги «Особо доверительно // Дипломатический вестник. М., 1997. № 4. Апрель. С. 76.
- ³¹ Черняев А.С. Книга: Дневники 1972–1991. Часть II. С. 657. URL: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1007502/Chernyaev_-_Dnevniki_1972-1991._Chast_II.html (дата обращения: 27.01.2019).
- ³² АВП СССР. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 52. Д. 9. П. 125. Л. 204–205.
- ³³ Из предисловия // Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачёва с зарубежными деятелями и другим материалам / Горбачёв-Фонд. М.: Изд-во «Весь мир», 2010. С. 577.
- ³⁴ СССР — СФРЮ. Разговор по телефону А.А. Бессмертных с Б. Лончаром // Вестник МИД. М., 1991. 15 марта. № 5 (87). С. 12–13; Беседа с Союзным секретарём по иностранным делам СФРЮ Б. Лончаром 10 сентября 1991 г. // Горбачев М.С. Собрание сочинений. Т. 28. Сентябрь–октябрь 1991 г. / Горбачёв-Фонд. М.: Изд-во «Весь мир», 2018. С. 157–160; Вестник МИД СССР. 1990. 1 октября. № 20 (78).
- ³⁵ Черняев А.С. Книга: Дневники 1972–1991. Часть II. С. 666.
- ³⁶ АВП СССР. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 52. Д. 7. П. 125. Л. 131.
- ³⁷ Вестник МИД СССР. М., 1991. 31 июля. № 14 (96). С. 30.
- ³⁸ Там же. 15 августа. № 15 (97). С. 31.
- ³⁹ Беседа с председателем Совета Министров Италии Дж. Андреотти 23 сентября 1991 г. // Горбачев М.С. Собрание сочинений. Т. 28. С. 387.
- ⁴⁰ АВП СССР. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 52. Д. 6. П. 124. Л. 27.
- ⁴¹ Там же. Д. 9. П. 125. Л. 202.
- ⁴² Там же. Д. 6. П. 124. Л. 96.
- ⁴³ Там же. Д. 2. П. 123. Л. 49.
- ⁴⁴ Там же. Л. 112.
- ⁴⁵ Јовић Б. Посљедни дани СФРЈ. Београд: Стручна књига, 1995. С. 369.
- ⁴⁶ Заявление советского правительства 2 августа 1991 г. // Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990–1993). Современная история Югославии в документах. / Под ред. Е.Ю. Гуськовой. Т. 2. М.: Славянская летопись, 1993. С. 61.
- ⁴⁷ Јовић Б. Указ. соч. С. 368.
- ⁴⁸ Совместное заявление СССР, США, ЕС 18 октября 1991 г. // Вестник МИД СССР. М., 1991. 15 ноября. № 21 (103). С. 7.
- ⁴⁹ АВП СССР. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 52. Д. 6. П. 124. Л. 140.

«Албанская заря»: российское общество и албанский вопрос в начале XX в. (по материалам некоторых «толстых» журналов)

29 июля 1913 г. на карте Европы появилось новое, никогда ранее не существовавшее государство — независимая Албания. Судьба ее фактически была решена довольно далеко от собственно албанских земель — в Лондоне, где в конце 1912 — начале 1913 гг. проходили два крупных дипломатических форума, имевших целью урегулировать положение на Балканском полуострове после победоносных действий Балканского союза против Османской империи в Первой Балканской войне: мирные переговоры союзников с Турцией и конференция послов шести великих держав. И судьбу Балкан в тот период определила эта последняя. Именно великие державы взяли на себя устройство балканских дел, не допустив к этому фактических победителей. По донесению советника русского посольства в Лондоне Н.С. фон Эттера от 6 марта 1913 г., «так как разграничение Албании взято державами в свои руки, то до окончания оно не может никаких действия Сербии и Черногории не могут создавать никаких новых прав»¹.

Иными словами, какие бы претензии не предъявляли балканские союзники, окончательное решение всегда должно было остаться за Европой, которая, как «беспристрастный арбитр», руководствовалась здесь всецело своими интересами. По словам лидера Конституционно-демократической партии (партии кадетов) и главы тогдашней оппозиции в Государственной думе П.Н.Милюкова, «...нити сложной ткани перемен в этом “ветряном углу” Европы восходили выше, к европейской дипломатии и, через нее, к европейским дворам»².

Образование албанского государства стало следствием длительного развития так называемого «албанского вопроса», заключавшегося не только в нарастающей интенсивности албанского национально-освободительного движения, но и в пересечении интересов самых разных держав, не только балканских, но и весьма далеких от них географически. Решение албанского вопроса стало одной из ключевых проблем в международных отношениях в Старом свете в начале XX в. Борьба за «турецкое наследство» породила множество территориальных споров между государствами региона.

Отношения России с Балканами, ее интересы не укладывались в узкие рамки внешней политики. Многовековые исторические, культурные, религиозные, этнические связи русского государства с балканскими народами обостряли внимание русского общества к региону в кризисные моменты его истории. Живая реакция разных его слоев на страдания балканских народов в период османского господства в более поздние эпохи отражалась на страницах периодической печати, как ежедневной, так и с более редким режимом выхода в свет. В данной работе будет рассмотрено освещение албанского вопроса накануне и в период Первой Балканской войны, а именно с 1908 г. (Младотурецкая революция, оказавшая влияние и на албанские земли Османской империи) до 1913 г., когда албанский вопрос на Балканах был решен на следующие почти 100 лет в известном нам виде.

Использование в качестве источника ограниченного числа так называемых «толстых» журналов не является случайным. По словам одного из крупных отечественных специалистов по истории периодической печати в России Б.И. Есина: «Журнал занят, в основном, формированием общественного мнения, газета — его отражением»³. Это мнение особенно справедливо в отношении русской периодической печати начала XX в., поскольку после «Манифеста» 17 октября 1905 г., отменившего предварительную цензуру и позволившего публично выражать точку зрения сторонникам того или иного общественно-политического направления или движения, на страницы печати хлынул поток самых разнообразных мнений. Сочетание изложения фактической стороны дела с ее анализом, субъективность оценок того или иного автора

при сопоставлении материалов из разных журналов могут нам дать более или менее объективную и весьма интересную картину происходившего.

Характеризуя основные направления русской печати того времени, необходимо отметить, что после революции 1905–1907 гг. на волне демократизации общественного мнения преобладание в «толстых» журналах получили представители «левых» (либеральных, народнических и социал-демократических) течений. С 1906 г. перестал выходить главный орган консерваторов — катковский «Русский вестник». Власть над умами читателей окончательно перешла к западнически-прогрессистским «Вестнику Европы» (Санкт-Петербург — СПб.), «Русской мысли» (Москва), народническому «Русскому богатству» (СПб.) и, в меньшей степени, к «Современнику» и «Современному миру» (оба СПб.) — органам правых социал-демократов. Следует отметить, что прямое отождествление того или иного издания с определенной партией или движением было бы не совсем правильным. Все они называли себя внепартийными и независимыми. Однако это не мешало им быть зеркалом демократических направлений. Не случайно тон в этих изданиях задавали видные представители «лояльной оппозиции»: П.Н. Милюков, П.Б. Струве, В.Г. Короленко, А.В. Амфитеатров, М.М. Ковалевский и др.

Для нас представляет особенный интерес позиция указанных журналов по проблемам внешней политики. Все они не упускали возможности подвергнуть критике «официальный» патриотизм правой прессы, считая его проявлением шовинистических великодержавных устремлений⁴. Естественно, что в собственных публикациях они стремились всячески откrestиться от подозрений в подобных настроениях, хотя правые издания неоднократно обвиняли либералов-западников в том, что они, предавая забвению имя славянофилов, в то же время часто пользовались их теоретическими положениями⁵. Действительно, с общественным мнением, которое с началом Первой Балканской войны решительно выступило на стороне славян, нельзя было не считаться.

Конечно, в позициях журналов были отдельные частные различия. Так, «Русское богатство» даже в период накала страстей старалось избегать прямых выступлений в защиту балканских

государств и интересов России. Ведущим его международного раздела в тот период был Н.С. Русанов, член партии эсеров, казавшийся чрезмерно «левым» даже для этого народнического журнала⁶.

Более влиятельные «Русская мысль» и «Вестник Европы» стремились придерживаться подчеркнуто объективной позиции. Они привлекали к освещению балканских дел известных специалистов: А.М. Петряева, русского эксперта на Лондонской конференции послов и бывшего русского консула в Битоли и Митровице, слависта А.Л. Погодина и др. Однако при всей непредвзятости позиции эти журналы больше остальных приблизились к одобрению балканской политики тогдашнего министра иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонова, вызывавшей серьезные нарекания в консервативной прессе.

Наконец, интернациональную позицию занимали журналы «Современник» и «Современный мир». Выступления их авторов по проблемам Первой Балканской войны (В. Водовозов, К. Вейдемюллер, Н. Борецкий-Бергфельд) пропитаны неприкрытой неприязнью даже к самым сдержанным попыткам отечественного МИД защитить интересы России от иностранных посягательств. «Современник» иногда и вовсе ограничивался публикацией статей австрийского марксиста О.Бауэра, видимо, полагая, что и во внешнеполитических вопросах взгляды схожих политических сил, вне зависимости от их государственной принадлежности, должны совпадать.

Русские консерваторы не имели в то время своих «толстых» общественно-политических журналов. Однако их взгляды достаточно хорошо отражает еженедельная газета «Славянские известия» (выросшая из одноименного журнала, который менял свою периодичность от ежегодной до еженедельной). Ее издавало Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество, которое в 1912–1914 гг. возглавлял герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерал П.Д. Паренсов, в 1879–1880 гг. занимавший пост военного министра Болгарии.

Направление этого издания можно охарактеризовать как традиционное славянофильство, развивавшее идеи А.С. Хомякова, И.С. Аксакова и особенно Н.Я. Данилевского. Россия и балкан-

ское славянство, по мнению авторов «Славянских известий», — неразрывные части единого целого, Россия — единственная страна, имеющая реальные интересы на Балканах, объективно не противоречащие интересам самих балканских народов. Из этого и нужно исходить, определяя русскую политику в этом регионе. Славянофилы противостояли как левым, либеральным общественным деятелям, которых они упрекали в антинационализме, так и крайне правому, германофильскому крылу князя В.П. Мещерского.

Редактором «Славянских известий» в 1902–1916 гг. был известный филолог-славист В.Н. Кораблев. В издании сотрудничали многие крупнейшие слависты: академик А.И. Соболевский (в 1915–1921 гг. возглавлявший Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество), специалист по иллиризму П.А. Кулаковский, знаменитый исследователь Черногории П.А. Ровинский⁷, генерал Н.Р. Овсяный, а также весьма популярный общественный деятель А.А. Башмаков, автор книги о Северной Албании⁸.

Для русского читателя начала XX в. Албания была почти совершенно незнакомой страной. Поэтому с обострением ситуации на Балканах перед авторами сначала встала задача в общих чертах сообщить основные сведения об албанских землях, то есть о четырех вилайетах Османской империи с албанским населением той или иной плотности, и о самом народе. Приводимые данные о численности албанцев, взятые из болгарских, итальянских, австрийских и турецких источников, свидетельствуют о том, что в начале XX в. албанцы составляли здесь от 54% населения (Шкодерский и Янинский вилайеты вместе взяты) до 47% (Косовский) и 31% (Битольский)⁹. Сразу отметим, что данные нужно корректировать, так как турецкие власти руководствовались в переписях конфессиональным, а не этническим принципом, так что в число мусульман попадали и албанцы, и местные турки-османы, и исламизированное славянское население. Особенно подробно этнографические и географические сведения, данные об общественно-политическом устройстве и истории отражены на страницах «Славянских известий». Один из авторов (Г. Капчев) пишет: «Албания представляет собой уголок

на Балканах, где всё еще в первобытном состоянии»¹⁰. Констатируется полное невмешательство турок во внутреннюю жизнь албанцев, в том числе в их взаимоотношения с немусульманским населением¹¹. По словам А.А. Башмакова, в отношении албанцев «употребление выражения “турецкое иго” есть скорее риторическая формула, отдающая политическим лицемерием»¹². Авторы издания отмечают роль албанского населения в указанный период как местного контролера над остальными, нетурецкими подданными Империи и сравнивают его с джином, выпущенным из бутылки, который со временем перестал подчиняться своему освободителю и патрону. Албанцам, в отличие от славян, было оставлено право носить оружие, они были практически освобождены от военной службы и денежных податей. Исключение составляла являющаяся скорее привилегией, чем обязанностью, служба в султанской гвардии. Албанцев также обвиняли в безнаказанном грабеже и сборе дани с православных монастырей¹³. Турецкие судебные власти преимущественно становились на сторону албанцев в их спорах со славянским населением¹⁴.

Необходимо отметить, что из албанской среды вышло много видных османских военачальников и государственных деятелей, отличавшихся личной преданностью султану¹⁵. Только в начале XX в. можно назвать посла Турции в России Тургут-пашу, одного из лидеров младотурок Ниязи-бея, депутатов парламента Эссада-пашу и Исмаила Кемаль-бея (будущего главу временного правительства независимой Албании в 1912 г.).

Албанцы оказались главной опорой османского владычества в регионе, несмотря на множество противоречий в их положении в Империи. Со второй половины XIX в. они в какой-то мере начали заменять в этой роли самих турок, что особенно ярко показали события лета 1912 г.

Авторы указанных журналов большое внимание уделяли такому трудноуловимому, но вполне реальному фактору, как национальный характер албанского народа. Он вырабатывается в процессе развития этноса под влиянием как особенностей его географического положения, так и основных моментов его исторического пути. На складывание национального менталитета албанцев повлияли, в основном, два момента. Прежде всего,

в географическом положении Албания представляла собой тогда труднодоступную горную страну, разбитую естественными преградами на ряд отдельных регионов, сообщение между которыми было затруднено. Кроме того, как считали современники событий начала XX в., албанский этнос в своем развитии почти на полтысячелетия отстал от соседних и в значительной мере сохранил племенное устройство, в то время как его уже окружали независимые государства. Эти черты отмечались даже у тех албанцев, которые спустились с родных гор в долины Косова¹⁶.

Как считалось, албанцы никогда в своей истории не имели собственного государства, всегда входили в состав более крупных государственных образований. Попытку объединения албанских племен, предпринятую в XV в. Георгием Кастриоти Скандербегом, нельзя было в полной мере считать созданием государства, поскольку сразу же после смерти вождя эта структура окончательно вошла в состав Османской империи¹⁷.

Многие из привлекаемых нами изданий отмечали огромное значение в жизни албанцев традиционных родовых обычаев, порой грубых и варварских. Особенно был известен институт кровной мести, который иногда приводил к истреблению целых родов¹⁸. Албанцев отличала также определенная племенная разобщенность, ведущая к постоянным междоусобицам¹⁹. Путешественники, исследовавшие Албанию в XIX — начале XX вв., отмечали такие качества албанцев, как мужественность, недоверчивость, негостеприимство, жадность, вероломство, жестокость, мстительность²⁰. Разумеется, все эти оценки субъективны, однако особая кровожадность албанских племен вошла в историю. А.А. Башмаков даже пытался объяснить ее некой особой формой массового невроза, который выражался в непреодолимом влечении к пролитию человеческой крови. Он называл албанцев психически потрясенной расой²¹. Такое объяснение вряд ли можно считать удовлетворительным, но факт остается фактом. Н.Р. Овсянный, прошедший зиму 1912/1913 гг. в Косове, сообщал, что албанцы отличались крайней жестокостью²². В одном Эпире за время Первой Балканской войны они сожгли 42 селения, зверски убив 78 человек²³.

Российские журналы довольно скептически относились к перспективам европеизации албанских племен. По словам

П.А. Ровинского, «у него (албанского народа. — *З. К.*) не видно было национального самосознания, не было сознания того, что он находится под чужим господством»²⁴. Вторит ему и французский путешественник Г. Луи-Жаре, называвший албанцев «народом, дорожающим только своей личной свободой и своим оружием»²⁵. Отсюда следует вывод, что и прочных государственных традиций у албанцев нет, что после смерти Скандербега в 1467 г. не предпринимались попытки освободиться от турецкого владычества, за исключением некоторых католических албанских племен на севере, продолжавших борьбу до конца XVIII в., что было обусловлено географическими и экономическими факторами (труднодоступностью горных районов и малой их экономической ценностью для турецкой администрации)²⁶. Отмечалось также, что так называемое албанское национальное Возрождение, имевшее конечной целью образование собственного государства, началось у албанцев значительно позже соседних народов²⁷.

Вполне естественно, что правящие элиты сопредельных балканских стран с большой тревогой следили за мероприятиями по созданию независимой Албании в 1912 г., которое было чревато для них опасными и непредвиденными последствиями. Выражая это мнение, балканский обозреватель «Славянских известий» К.Д. Бербенко писал: «Автономная Албания будет хуже, чем бывшая Европейская Турция, ибо у турок всё-таки имелась какая-ни на есть веками выработанная государственность, тогда как у албанцев, дикого и первобытного народа, отсутствуют какие-то бы ни было инстинкты государственности, отсутствуют даже зачатки культуры, нет сознания национального и религиозного единства»²⁸.

Истоки более современной традиции борьбы за некоторую автономизацию албанских земель в составе Османской империи можно обнаружить в период Призренской Лиги (1878–1881 гг.)²⁹. Этот подъем национально-освободительной борьбы был связан с окончательно обозначившимся ослаблением и децентрализацией Османской империи. Лига была создана с целью воспрепятствовать нарушению турецкой, а фактически албанской территориальной целостности в пользу Греции и Черногории. В этот период цели османов и албанцев еще во многом совпадали, что

обусловило долговременную поддержку Портой Призренской Лиги, характер которой был скорее антиевропейским, нежели проалбанским³⁰. Как только пограничные споры Турции с балканскими государствами были урегулированы, Лига прекратила свое существование, а ее наиболее радикальные лидеры эмигрировали.

С этого периода, как пишут рассматриваемые журналы, именно диаспора становится главной силой албанского движения, сменив в этой роли феодальных и племенных вождей. Это сразу же сказалось на его характере: оно утратило свою антиевропейскую направленность³¹. Эмигранты были в основном образованными людьми и находились под сильным влиянием европейских революционных идей. Методы их действий стали более рациональными. Именно в конце XIX в. появились первые албанские газеты, выходившие преимущественно за границами Албании. В рядах эмиграции выдвигаются будущие основатели независимой Албании — Исмаил Кемаль-бей, Фаик Коница и др. Они поднимали аграрный вопрос, чем вызывали недовольство албанских землевладельцев³². В целом их программа была, безусловно, далека от реального положения дел в Албании, поэтому до определенного момента большой популярностью здесь они не пользовались. Албанцев привлекала иная перспектива, наиболее ярко выраженная одним из ранних деятелей албанского движения Сами Фрашери (1850–1904): «Наша страна может управляться и будет управляться демократией старейших, как это было у наших предков и как это происходит у горцев Албании, которые почти свободны и независимы»³³. Здесь мы сталкиваемся с фактическим требованием консервации традиционного родоплеменного строя, которое появится впоследствии, в период албанских восстаний 1910–1912 гг. на фоне внутренней политики в Империи после младотурецкой революции.

В самой Албании большим авторитетом по-прежнему пользовались представители племенной знати — байрактары³⁴. Из их среды также выдвинулся ряд популярных лидеров: Пренк Биб Дода, носивший чин капетана Мирдитов, бей из Митровицы Иса Болетинац, Эссад-паша Топтани из Тираны, занимавший в начале XX в. важные посты в Константинополе.

Требования двух направлений национального движения часто противоречили друг другу. По словам А.М. Петряева, «в лице Эссада и Исмаила Кемаля столкнулись два племени, геги и тоски, два мировоззрения, так как один был представителем и защитником старого феодального порядка, а другой — выразителем и защитником новых демократических идей»³⁵. Но после младотурецкой революции два оппозиционных лагеря сближаются под лозунгом автономии, хотя содержание, вкладывавшееся в это понятие, было у них принципиально разным: модернизация Албании с кантональным устройством по швейцарскому образцу против полной свободы распоряжаться судьбами населявших Албанию народов по своему усмотрению.

Сопредельные государства отнюдь не являлись беспристрастными свидетелями развития событий в Албании, каждое из них стремилось оказать влияние на албанское движение. В этом из европейских держав особенно преуспели Австро-Венгрия (некоторые югославские авторы прямо называли Исмаила Кемаля «австрийским человеком») и Италия, а из балканских стран — Греция и Черногория³⁶.

Немаловажным фактором в начале Первой Балканской войны стала внутренняя обстановка в Османской империи. Младотурки, пришедшие к власти в 1908 г., летом 1912 г. были свергнуты своими политическими противниками. Последние в кратчайший срок (к сентябрю 1912 г.) предоставили албанцам всю полноту власти в границах четырех вилайетов с албанским населением³⁷; административные должности в крупных городах также заняли албанцы³⁸. Эти действия турок вызвали крайнюю озабоченность как славянского и греческого населения упомянутых вилайетов, так и общественного мнения и правительств соседних балканских государств, требовавших от Турции того же для своих соотечественников. Можно с полным основанием сказать, что именно предоставление албанцам фактической автономии, выразившееся в возвращении им прежних «свобод», стало непосредственным толчком к началу Первой Балканской войны.

На страницах «толстых» журналов читателям была представлена по возможности подробная картина переплетений международных отношений и интересов в регионе, как сопредельных

государств, так и великих держав. Корреспонденты и авторы этих изданий с разных точек зрения анализировали цели Сербии, Черногории, Греции, Болгарии, Австро-Венгрии и России. Последнюю критиковали особенно ожесточенно.

Позиция России в албанском вопросе была неоднозначной. Существовал официальный взгляд на проблему, выражавшийся в позиции МИД во главе с С.Д. Сазоновым. Всё многообразие точек зрения, отраженное в привлекаемом нами источнике, от него резко отличалось. Между данными полюсами зачастую возникали серьезные противоречия³⁹. Причиной этого было порой нежелание правительственных кругов, как считали авторы публикаций, держать русское общество в курсе своих намерений⁴⁰. Ими выдвигались обвинения, иногда необоснованные, в несоответствии действий дипломатического ведомства реальным интересам России и славянства, а зачастую и в его некомпетентности⁴¹. При этом к началу Первой Балканской войны расстановка сил в Европе по албанскому вопросу была в целом ясна, стремления держав, имевших интересы в этом регионе, определились достаточно четко. С одной стороны, было очевидным желание части балканских союзников решить свои проблемы за счет албанских земель, с другой — желание Австро-Венгрии и Италии всячески этому воспрепятствовать. Отношение Франции и Германии к албанскому вопросу определялось, в основном, союзническими обязательствами. Великобритания пыталась воспользоваться ролью арбитра и получить максимальные выгоды со всех сторон, не допустив усиления ни одной из держав⁴².

Позиция России определялась рядом факторов, порой противоречащих друг другу.

1. По авторитетному свидетельству С.Д. Сазонова, Россия не имела каких бы то ни было интересов на Адриатическом побережье. Попытки приписать России стремление самой проникнуть на Адриатику⁴³ вряд ли имели под собой основание: такой путь был для нее крайне сложен и фактически нереален. Значительно больший интерес для России представляла зона Константинополя и Проливов. Поэтому отсутствие прямой территориальной заинтересованности позволило ей придерживаться лозунга «Балканский полуостров — для балканских народов!»⁴⁴.

2. В то же время отсутствие территориальных претензий не означало полную отчужденность России от этого региона. По словам академика А.И. Соболевского, «Россия — единственное не балканское государство, связанное с Балканами жизненными интересами. Наши интересы не призрачные, не выдуманные, не преувеличенные, а установленные жизнью веков. Они не идут вразрез с интересами балканских народов»⁴⁵. Особенно давними и прочными, как известно, были связи России с Черногорией, которую часто называли «единственным верным другом России»⁴⁶. Считалось постулатом международной политики, что позиция России в основном совпадает со славянскими интересами и что при нападении какой-либо державы на Сербию или Черногорию она непременно вступится за них. А.А. Башмаков писал об австро-сербском конфликте по поводу порта на Адриатике, к получению которого так стремилась Сербия: «Предстоящая здесь драма для нас не чуждая: она — наша»⁴⁷.

Однако в рассматриваемый период в отношении России к балканским славянам появились новые черты. Возглавивший в октябре 1910 г. русское дипломатическое ведомство С.Д. Сазонов считал, что «историческая миссия России — освобождение христианских народов Балканского полуострова из-под турецкого ига к началу XX века была настолько выполнена, что окончательное ее завершение могло быть предоставлено усилиям самих освобожденных народов»⁴⁸. Сходился с ним в этом и лидер думской оппозиции П.Н. Милюков: «С этих пор... с России снята обуза постоянных забот об интересах славянства в целом»⁴⁹.

3. После Берлинского конгресса 1878 г. главной осью международных отношений на Балканах стали русско-австрийские противоречия⁵⁰, заменившие собой русско-турецкие. Таким образом, Балканский регион окончательно вошел в сферу общеевропейской политики, а Россия отныне была вынуждена здесь считаться с «европейским концертом». Как заявлял директор Ближневосточного отдела МИД Г.Н. Трубецкой, «наше министерство всегда стояло на почве солидарности с европейскими кабинетами. Как решат, что называется, большинством голосов — так и будет»⁵¹. Поэтому для того или иного разрешения албанского вопроса было важно, какой концепции будет придерживаться

русская дипломатия: традиционной защиты балканских славян или солидарности с Европой. Официальная Россия выбрала второе, выдвинув принцип локализации Балканской войны, заключавшийся в следующем: 1) отказ великих держав от извлечения ими из войны каких-либо особых преимуществ; 2) отказ с их стороны от каких-либо единоличных выступлений⁵².

На первый взгляд может показаться, что Россия, пойдя на поводу у европейской дипломатии, окончательно отказалась от традиционной защиты балканских славян. Фактическое положение дел было, как известно, сложнее. Принцип локализации войны означал прежде всего попытку предотвратить перерастание балканского пожара в общеевропейский⁵³. Такое развитие событий не устраивало никого, в том числе и Австро-Венгрию. Предполагалось даже, что все воинственные демонстрации Вены против Балканского союза были лишь следствием ее уверенности в том, что в сложившейся ситуации можно добиться наибольших для себя выгод именно дипломатическим путем⁵⁴.

Кратко остановимся на некоторых важных моментах дипломатической борьбы великих держав вокруг албанского вопроса.

Так как еще до начала Лондонской конференции послов великих держав (декабрь 1912 г.), на заседаниях которой должна была решаться судьба победы балканских союзников над Турцией, выяснилось, что Австро-Венгрия не собирается идти на уступки в вопросе о создании Албании и выходе Сербии к морю, С.Д. Сазонов, высказывавший 20 октября 1912 г. мысль о «полюбовном разделе» всех завоеванных ими турецких территорий⁵⁵, был вынужден изменить свою позицию. Через посла в Белграде Н.Г. Гартьвига он предложил сербскому правительству уступить, обещая добиться удовлетворения сербских интересов иным путем⁵⁶. Уже на первом заседании Лондонской конференции 17 декабря 1912 г. было достигнуто соглашение о создании автономной Албании и предоставлении Сербии торгового выхода к морю⁵⁷. Однако в отношении внутреннего устройства возникли разногласия. Россия придерживалась формулы суверенитета султана, так что Албания должна была стать автономной провинцией Турции⁵⁸. Австрийский план предусматривал сюзеренитет султана над Албанией, то есть номинальную зависимость Албании от Порты при контроле

великих держав. К марту 1913 г. Россию удалось склонить к принятию австрийского варианта. Но в начале мая Австро-Венгрия выдвинула новое предложение о полной независимости Албании от Османской империи. Россия была вынуждена настаивать теперь уже на суверенитете, но под давлением собственных союзников, Англии и Франции, снова уступила Австро-Венгрии, что нашло выражение в принятом 29 июля 1913 г. Органическом статуте Албанского государства⁵⁹.

Большую проблему представляли для России границы нового государства, особенно их северный и северо-восточный отрезки. Австро-Венгрия стремилась включить в состав Албании как можно большую территорию, в частности, Метохию с Призреном, Печем и Дьяковым (Джяковицей), а также Дибру (Дебар) и Скутари (Шкодер). Русский посол в Великобритании А.К. Бенкендорф представил свой вариант разграничения, по которому все эти пункты отходили к Сербии и Черногории⁶⁰, а границы шли по естественным географическим рубежам⁶¹. Началась затяжная дипломатическая дуэль. Вена сравнительно легко примирилась с уступкой Сербии Призрена и Печа (конец января 1913 г.), а затем и Дибры (начало февраля 1913 г.)⁶², но Дьяково стало «яблоком раздора». Русскому послу удалось увязать вопрос о судьбе Дьякова с проблемой Скутари. Черногорцы, продолжавшие осаждать Скутари, оказали здесь неплохую услугу российской дипломатии. В конце концов было негласно решено «обменять» Скутари (остался за Албанией) на Дьяково⁶³.

Совершенно неожиданно вопрос принадлежности Скутари выдвинулся на первый план. Король Черногории Никола Петрович решительно отказался прекратить осаду города и оставить его за Албанией. Позиция России в этом вопросе оттолкнула от нее Черногорию. Король Никола для достижения своих целей задействовал все рычаги, в том числе и свои родственные связи. Еще в декабре 1912 г. его дочь, русская великая княгиня Милица Николаевна ходатайствовала перед тогдашним премьер-министром России В.Н. Коковцовым о дипломатической поддержке Черногории в вопросе Скутари, но получила неблагоприятный ответ⁶⁴. Еще более жестким было заявление С.Д. Сазонова 21 февраля 1913 г. о том, что в случае продолжения осады

на короля падет вся ответственность за последствия⁶⁵. В апреле 1913 г. министр выступил инициатором морской демонстрации со стороны Антанты у черногорских берегов⁶⁶. При этом он, безусловно, исходил из лучших побуждений: международная морская демонстрация была предпочтительней, чем единоличное выступление Австро-Венгрии против Черногории, которое не заставило бы себя долго ждать. Однако эта мера оказалась крайне непопулярной как в Черногории, так и в самой России.

По словам английского посла в Российской империи Дж. Бьюкенена, русская дипломатия путем второстепенных уступок добилась, в целом, положительного для себя исхода⁶⁷. С этим вряд ли можно согласиться — позиции России на Балканах после Первой Балканской войны стали значительно слабее. По словам П.Н. Милюкова, «в обоих спорных пунктах — о территории Албании и о выходе к Адриатическому морю — Россия не рисковала оказывать Сербии сколько-нибудь сильную поддержку»⁶⁸. Неизбежным результатом этого стало охлаждение русско-сербских и особенно русско-черногорских отношений. После же Второй Балканской войны и русско-болгарским отношениям был нанесен большой ущерб⁶⁹.

В целом решение албанского вопроса можно охарактеризовать как дипломатическую победу Тройственного союза над Антантой⁷⁰. Причина этого была ясна изначально: «В то время как Тройственный союз работает с поразительной энергией против Балканского союза, Тройственное соглашение проявляет неопределенную деятельность, дряблость и слабость»⁷¹. Англия в лице своего министра иностранных дел Эдуарда Грея открыто заняла позицию «над схваткой», зачастую даже поддерживая требования противного блока⁷². «Европейский концерт», казалось бы, распавшийся на два враждующих лагеря, фактически вновь объединился против России и славянства. По словам П.Д. Паренсова, Европа «поступила так же, как и в 1878 г., и сделала всё, чтобы, елико возможно, урѣзать результаты, добытые войной»⁷³. Если русская дипломатия на многое шла ради соблюдения союзнических обязательств, то союзники отнюдь не платили ей взаимностью. Резонным представляется замечание П.В. Струве: «Россия должна с полной ясностью очертить с в о и собственные интересы»⁷⁴.

Русское общество не осталось безучастным зрителем драмы, разыгрывавшейся в столь важном для России регионе. Албанский вопрос стал предметом острой, а порой и ожесточенной полемики различных общественных направлений. Причем дискуссии шли не столько о будущей Албании, сколько о той позиции, которую должна занять Россия в сербско-австрийском противостоянии.

Даже в официальных кругах не было единого мнения по этому вопросу. Фактически политику С.Д. Сазонова, направленную на локализацию войны, поддерживал лишь премьер-министр В.Н. Коковцов, который принял на себя ответственность за внешнюю политику России⁷⁵. Император Николай II занимал менее последовательную позицию. С одной стороны он, по словам С.Д. Сазонова, «проявил в эту тревожную минуту ясность политической мысли и твердость воли, кои положили конец тем интригам, которые толкали нас на путь европейской войны»⁷⁶. С другой стороны, ему отнюдь не были чужды славянские симпатии. Даже в самом дипломатическом корпусе не все поддерживали линию С.Д. Сазонова. В частности, посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг, имевший сильное влияние в Белграде, был явно более настроен в пользу славян, чем его руководство, что вызывало недовольство министра⁷⁷. Выделялась группа дипломатов, которых обвиняли в австрийских симпатиях, как, например, посол в Вене Н.Н. Гирс и посланник в Цетине А.А. Гирс. Последний прославился своим донесением в Петербург, в котором обосновывал «вредность» присоединения Скутари для самой Черногории⁷⁸.

Еще более разнообразные точки зрения имели место в разных кругах «неофициальной» России. Считалось, что русское общество в славянском вопросе в значительной степени влияет на принятие тех или иных дипломатических решений. По словам А.А. Башмакова, «твердость русского общественного сознания ... влияет и на твердость славянского самосознания там, на далеком юге; к нему прислушиваются, конечно, и в австро-венгерских сферах». И для русских дипломатов «тягостно было бы работать, если бы они не имели за спиной этого, подчас неудобного, но всё же необходимого *enfant terrible* русского общественного и национального сознания, которое поощряет к мужеству, а, стало

быть, и поддерживает»⁷⁹. Постепенно общественное мнение стало оказывать давление на правительственные круги⁸⁰.

Если рассматривать позиции основных общественно-политических течений России по отношению к албанскому вопросу, то они последовательно выстраиваются, так сказать, «слева направо» и отражаются в привлекаемом нами типе источников.

1. Социалисты марксистского толка, выражавшие свои взгляды в журналах «Современник» и «Современный мир» (В. Водовозов, К. Вейдемюллер, Н. Борецкий-Бергфельд и др.). Основовоплагающими для них были директивы II Интернационала, выдвинувшего лозунги: «Никакого вмешательства в балканские дела! Сохранение мира!»⁸¹. Балканская война, по мнению марксистов, была «ничем иным, как международной революцией», направленной против защитников старого порядка — великих держав и Турции⁸². Последователи К. Маркса унаследовали от него стойкую неприязнь к России, которая, по их мнению, угрожала реакцией всей Европе, в отличие от Австро-Венгрии, вносившей реакцию лишь на Балканы⁸³. Правомерность сербских претензий на Косовский и Шкодерский вилайеты поэтому резко оспаривалась⁸⁴. По мнению авторов рассматриваемых журналов, Сербия сама должна была выступить защитницей албанской автономии, коль скоро она желает избавиться от австрийского влияния на Балканах, а не переходить от самообороны (защиты славян) к нападению (угнетению албанцев)⁸⁵.

Социал-демократические издания резко обрушивались как на выразителей традиционных славянофильских взглядов, так и на «неославянофильство» либералов, которые, по их мнению, «желали прикоснуться к чужим знаменам»⁸⁶. Их позиция оценивалась как «зоологический национализм»⁸⁷, в то время как Албания вполне может стать жизнеспособным государством, свободным от австрийского и итальянского влияния⁸⁸. Предоставление албанцам государственности было бы наиболее полным осуществлением национального принципа на Балканах.

Анализируя левое направление отечественной журналистики, отраженное в ряде «толстых» журналов, несколько слов скажем о тесно примыкавшей к нему публицистике Российской социал-демократической рабочей партии. В общем социалистическом

хоре тогда еще мало кому был слышен голос незадолго перед тем начавшей выходить в качестве легальной массовой рабочей газеты большевистской «Правды», в которой почти каждый день под разными псевдонимами появлялись заметки В.И. Ульянова. В октябре 1912 г. его тексты были посвящены преимущественно событиям начавшейся Первой Балканской войны. Тогдашняя позиция В.И. Ульянова полностью находилась в русле направления II Интернационала, выдвинувшего лозунги предотвращения европейской войны, невмешательства великих держав в балканские события и создания «Федеративной балканской республики»⁸⁹. Следует отметить лишь несколько черт, выделявших ленинские взгляды из ряда других. Это, во-первых, его особенная резкость при нападках на русское правительство, консервативную и либеральную прессу, доходящая до «непарламентских» выражений: «разбойничьи династии Габсбургов и Романовых», «гнусная, провокаторская ложь о свободолобивом царизме»⁹⁰, «обывательская публика, развеса уши, слушает эти рассказы, принимая побасенки за чистую монету, и слепо идет за аферистами»⁹¹. Во-вторых, его особое, многократно выраженное недовольство «бесстыдной травлей Австрии», «науськиваниями на Австрию»⁹². Русский царизм, по мнению лидера большевиков, «во сто раз больше запачкан кровью и грязью, чем монархия Габсбургов»⁹³. В-третьих, полное отрицание «славянских задач» России, которые характеризуются как «лживые речи помещиков и купцов», а ее помощь балканским славянам — как поведение «лисы в курятнике»⁹⁴. Ленин считал, что главная задача на Балканах — не национальное освобождение славян, а экономическое и политическое освобождение славянских и турецких крестьян от власти славянских и турецких помещиков⁹⁵.

Албанские «крестьяне и помещики» в этот список не включены, из чего следует, что специалистом в области албанского вопроса Владимир Ильич не был. Албания в его текстах упоминается исключительно как предмет вожеланий Италии⁹⁶, что опять же свидетельствует о непонимании им всего значения «албанского узла».

2. Социалисты народнического толка, главным печатным органом которых был журнал «Русское богатство». Позиция

Н.С. Русанова, международного обозревателя этого издания, во многом совпадала со взглядами, рассмотренными нами выше, отличаясь лишь бóльшим реализмом. Он прекрасно понимал невозможность строгого проведения в жизнь национального принципа при установлении новых государственных границ на Балканах из-за этнической пестроты последних⁹⁷. Хотя Албания так или иначе должна будет подпасть под австро-итальянское влияние, но это не повод выступать против ее автономии⁹⁸. Признавая обоснованность греческих претензий на южную Албанию⁹⁹, Н.С. Русанов не признаёт обоснованность сербских требований¹⁰⁰. По его мнению, «коридор» к морю для Сербии можно провести и через славянские (то есть черногорские) земли¹⁰¹. Особую антипатию Н.С. Русанова вызывает черногорский монарх¹⁰².

Необходимо отметить, что журналы социалистического направления не имели значительного веса в русском общественном мнении по албанскому вопросу.

3. Одним из наиболее влиятельных течений в русской общественно-политической мысли были **левые либералы**, рупором которых выступал орган кадетской партии газета «Речь», возглавляемая П.Н. Милюковым. Позиция последнего в этот период была наиболее близка к точке зрения официальных кругов. П.Н. Милюков и С.Д. Сазонов солидаризировались в общей оценке роли России в балканской политике: избавившись от обузы безусловного потакания славянским требованиям, Россия, по их мнению, должна была выступать как один из членов «европейского концерта». В указанный период «Речь», по характеристике консервативной прессы, стала настоящим официозом министерства иностранных дел¹⁰³. Это парадоксальное сближение лидера оппозиции с правительственными кругами вызывалось несколькими причинами: ярко выраженной западнической ориентацией П.Н. Милюкова и его неприятием славянофильства и панславизма¹⁰⁴, его болгарскими симпатиями в ущерб Сербии¹⁰⁵ и, наконец, личным стремлением оказывать влияние на выработку внешнеполитического курса России¹⁰⁶.

В ноябре-декабре 1912 г. внимание русского общества было привлечено к полемике П.Н. Милюкова с сербским ученым А. Беличем¹⁰⁷, в которой взгляд лидера кадетов на албанский

вопрос определился с полной ясностью. Опровергая выводы оппонента о нереальности создания албанской государственности, П.Н. Милюков выступил ярким поборником автономии Албании, считая, что со временем «успехи албанской народной школы» изменят ситуацию к лучшему¹⁰⁸. Справедливо заметил по этому поводу А.А. Башмаков: «Но ведь реальная политика строится по н ы н е существующим данным, а не по тому, что будет через несколько поколений»¹⁰⁹.

Не случайно, что в период кризиса вокруг Скутари милюковская «Речь» оказалась почти единственным печатным органом, поддерживавшим правительство. Сдача Скутари Эссадом-пашой Черногории была охарактеризована как «раздаривание Албании по кусочкам»¹¹⁰. Газета даже требовала изгнать Эссада из Албании. Результаты Лондонской конференции были охарактеризованы «Речью» как блестящая победа русской дипломатии¹¹¹. Справедливости ради нужно сказать, что даже в самой кадетской партии у П.Н. Милюкова почти не было единомышленников по албанскому вопросу — против него возникла сильная оппозиция (М.М. Ковалевский, А. Н. Брянчанинов)¹¹².

4. Взгляды **умеренных либералов** (иными словами, правого крыла кадетов и октябристов) были представлены в таких очень влиятельных журналах, как «Вестник Европы» и «Русская мысль». Это течение, бесспорно, играло важнейшую роль в среде русской интеллигенции. К нему относились такие деятели, как крупнейший социолог М.М. Ковалевский, философ и экономист П.Б. Струве, видные слависты А.Л. Погодин и П.А. Лавров, дипломат А.М. Петряев. Именно среди них возникло так называемое «неославянофильство», подвергавшееся критике как справа, так и слева. Левая интеллигенция считала их ренегатами, а традиционные славянофилы так и не приняли их в свой круг¹¹³. Критикуя «националистов» и «панславистов», «Русская мысль» и «Вестник Европы» при этом заимствовали многие свои положения из их арсенала, что зачастую приводило к непоследовательности и противоречиям в их позиции.

Эта непоследовательность проявилась и в албанском вопросе. Дело доходило до того, что на страницах этих журналов высказывались кардинально противоположные точки зрения на албанское

движение: то как прогрессивно-националистическое¹¹⁴, то как мусульманско-консервативное¹¹⁵, то просто как хорошо организованный мятеж¹¹⁶. Можно, конечно, видеть в этом нарочитое стремление к плюрализму. Но скорее здесь налицо тенденция совместить несовместимое: и защитить национальные права албанцев, и поддержать сербов в их борьбе за национальное объединение. Особенно ясно это видно в программной статье издателя «Вестника Европы» М.М. Ковалевского¹¹⁷.

Нетрудно заметить, что по мере обострения балканского кризиса позиция умеренных либералов становится всё более прославянской, антиалбанской и, особенно, антиавстрийской. В отличие от группы П.Н. Милюкова, они подвергают русскую дипломатию уничтожающей критике, обвиняя ее в излишней доверчивости и потакании австро-германским притязаниям. Особенно их упреки усилились после окончания Балканских войн¹¹⁸. Эта оппозиция достигла апогея в период Скутарийского кризиса, когда против курса С.Д. Сазонова они выступили единым фронтом вместе с консерваторами и панславистами¹¹⁹.

5. Значительная группировка **правых** (консерваторов, националистов и панславистов) в основном концентрировалась вокруг газеты «Новое время». Из рассматриваемых нами источников к этому кругу относятся «Славянские известия». Кредо этого направления было: «Нам, русским, идти в славянском деле за Западной Европой стыдно, грешно и неразумно. Напротив, нам следует в настоящее время освободиться от всех опутавших нас договоров и соглашений и бестрепетно и открыто стать на сторону Сербского и Болгарского царств, возрождающихся в их старинных и естественных пределах»¹²⁰. Из этого вытекает антиавстрийская и антигерманская направленность данного течения. В этом отношении правые были более последовательны, чем группа «Вестника Европы» и «Русской мысли», прямо настаивая на необходимости войны с Австро-Венгрией. По словам А.И. Соболевского, «мы не должны останавливаться ни перед войною, ни перед крупными расходами. Наше уклонение от войны теперь должно привести нас к страшной войне потом»¹²¹. В декабре 1912 г. на страницах этого издания известным российским картографом, этнографом и военным А.Ф. Риттихом предлагался даже конкрет-

ный план начала войны: пользуясь недоступностью российских границ с Германией ввиду зимнего времени, вступить в войну с Турцией для защиты балканских союзников, начать военные действия на Кавказском фронте и внезапным ударом Черноморского флота взять Константинополь¹²². Это радикально изменило бы, по мнению сторонников данного общественно-политического направления, стратегическое соотношение сил в Европе¹²³.

Отношение правых кругов к идее независимости Албании было также вполне однозначным. В интервью парижской газете «Фигаро» 9 декабря 1912 г. председатель Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества П.Д. Паренсов заявил: «Идея создания автономной Албании заставила усмехнуться каждого, кто хотя немного знаком с Албанией... Создать царство Албанское — равносильно не только поддержанию, но и организации на Балканах очага постоянных волнений и беспорядков, откуда, несомненно, будут истекать всевозможные осложнения в будущем»¹²⁴. Наиболее оптимальная перспектива для албанцев виделась славянофилам так: «Уж если говорить об автономии Албании, то надо отвести ей то место, которое подобает этому разбойничьему гнезду в его диких горах и болотах»¹²⁵.

В течение всего периода работы Лондонской конференции правые подвергали действия русской дипломатии самой жесткой критике. В отличие от умеренных либералов, они считали уступки России австрийским требованиям не ошибкой, а предательством¹²⁶. Аргумент правительства о том, что Россия не может выступить инициатором европейской войны, ими не признавался. Как считал тогдашний главный редактор издания В.Н. Кораблев, «войны и не требовалось. Нужны были твердый голос и решительные поступки — и больше ничего»¹²⁷.

Среди славянофилов выделялся своей компетентностью и журналистским талантом популярный публицист, редактор газеты «Правительственный вестник» (потерявший, кстати, этот пост ввиду своей острой прославянской позиции) А.А. Башмаков. Его выступления на собраниях Славянского общества, как правило, встречались «громом рукоплесканий, не прекращавшихся в течение нескольких минут»¹²⁸. Особенный эффект произвела его речь «Наш долг на Лондонской конференции» в Клубе общественных

деятелей 18 января 1913 г. После этой речи перед А.А. Башмаковым, вызванным к министру внутренних дел А.А. Макарову, была поставлена дилемма: или отказаться от выступлений по славянскому вопросу, или покинуть пост редактора официального издания. На следующий день он заявил в письме министру: «Я предпочитаю видеть разрушение того благополучия, которое я построил в моей жизни 30-летним трудом, нежели отказаться от исполнения того, что я считаю долгом своей совести»¹²⁹. Сразу после этого он вышел в отставку и вскоре уехал в Черногорию в качестве рядового корреспондента «Нового времени».

Пребывание А.А. Башмакова в Черногории совпало по времени со Скутарийским кризисом, вызвавшим наиболее бурную реакцию в правой прессе. «Неужели “единственного друга” решатся выдать головою?» — писал В.Н. Кораблев¹³⁰. Апофеозом накала страстей стали так называемые славянские банкеты, на которых собирались панславистски настроенные члены общества, произнося зажигательные речи и отправляя телеграммы главам славянских государств и великих держав. У истока этих обедов стояли А.А. Башмаков и А.Н. Брянчанинов¹³¹. Участники банкета 14 марта 1913 г. в телеграмме черногорскому королю Николе советовали ему «поступить со Скутари так, как царь Фердинанд с Адрианополем, не смущаясь решениями дипломатов»¹³². Три дня спустя, 17 марта, мирная манифестация у болгарского и сербского посольств по поводу успехов балканских союзников была разогнана конной полицией, что вызвало новый всплеск возмущения в столичном обществе¹³³. Подобного же рода инцидент повторился 24 марта, после чего, по инициативе С.Д. Сазонова, всякие манифестации, выражающие симпатии славянам, были запрещены¹³⁴. Одним из мотивов такой политики властей стало опасение, как бы прославянские демонстрации не превратились в антиавстрийские митинги, что было чревато крайне нежелательными в тот период осложнениями русско-австрийских и русско-германских отношений.

Под влиянием этих событий 28 марта 1913 г. в гостинице «Европейская» состоялся крупнейший из славянских банкетов. На нем присутствовали и выступали представители практически всех влиятельных политических течений: от умеренно правых —

граф В.А. Бобринский, от либералов-центристов — Н.Н. Львов, от кадетов — А.И. Брянчанинов и др.¹³⁵. На банкете была оглашена приветственная телеграмма Николая II. В выступлениях порой звучали нервные и возбужденные ноты, что объяснялось недавними событиями 17 и 24 марта. Главе правительства был послан запрос, в котором, в частности, говорилось: «Россия не может мириться с образованием никогда не существовавшего Албанского государства в ущерб исторически законных прав славян... Русское общество не допускает мысли о возможности устранения Сербии от владения жизненно ей необходимым берегом Адриатического моря»¹³⁶. Осуждалась в запросе и передача Албании Скутари.

6. Немногочисленное, но довольно влиятельное течение **крайне правых** в политическом спектре было представлено «Гражданином» князя В.Н. Мещерского. Для полноты картины коротко скажем и об этом направлении. Его ориентацию можно назвать германо- и австрофильской. Из этого вытекает его антиславянская направленность. Доходило до того, что после упомянутой нами речи А.А. Башмакова 18 января 1913 г. в «Гражданине» появился фактически донос на него как на лицо официальное: «Башмаков устраивает в Петербурге и Москве обеды с преступной целью возбуждать умы против правительства»¹³⁷.

В связи с обозначившейся негативной позицией большинства значимых русских печатных изданий по поводу создания Албанского государства упомянем и довольно едкий фельетон В.Е. Жаботинского — яркого журналиста, которому в молодости прочили славу великого русского писателя, ставшего впоследствии одним из лидеров сионистского движения. Поводом к написанию данного текста стал Албанский конгресс, состоявшийся в Триесте (тогда Австро-Венгрия) 27 февраля — 6 марта 1913 г. Он был организован Фаиком Конигом и Сошером Колеей при финансовой поддержке австрийских властей. Численность делегатов из собственно Албании, представлявших временное правительство Исмаила Кемаля, достигала, по его оценкам, десятка человек. Остальных делегировали албанские диаспоры из США, Румынии, Египта, Италии и местные албанцы из Триеста. Участники конгресса потребовали от Европы признания временного

правительства Албании во главе с Исмаилом Кемали, обсуждали выбор кандидатуры на албанский престол, подготовили запрос к великим державам о признании политической и экономической независимости Албании, предложили проект договора о дружбе и поддержке арумynского населения¹³⁸ для включения их территорий в состав Албанского государства, предлагали свои границы будущей Албании.

Фельетон «Великая Албания» написан В.Е. Жаботинским в 1913 г.¹³⁹ и содержит его воспоминания об «интервьюировании» им итальянского албанца-однокурсника, члена албанского комитета в Риме в бытность Жаботинского «студентом 19 лет от роду»¹⁴⁰, то есть примерно в 1899–1900 гг. Он, помимо обучения на кафедре права Римского университета, одновременно был тогда корреспондентом газеты «Одесский листок». Автор иронизирует над излишней «серьезностью» и пафосом албанских делегатов от албанских диаспор, многие из которых и не планируют переезжать в пределы будущей независимой родины, и над тем, что судьбы Албании решаются, по сути, иностранцами, а не албанскими албанцами¹⁴¹.

«...Тринадцать лет назад ... албанским движением не интересовался никто. Даже в Италии никто. Албанцев в Италии около ста тысяч. Это не иммигранты, а коренные жители Италии с незапамятных времен. ...Они хорошие итальянские патриоты...

...Так прозябало албанское дело, пока не нашелся умный человек и не нажал нужную кнопку. Если не ошибаюсь, этот умный человек, впервые сказавший «э», был Ансельмо Лореккио, тоже итальянский албанец, довольно известный публицист по этому вопросу. ...Поэтому он перевел центр тяжести вопроса с земли на воду — заговорил не об Албании, а об Адриатическом море. ...Албания как совладчица Адриатики, и при этом, конечно, союзница Италии. ...Пролив между Бриндизи и Валонией будет играть роль Дарданелл. ...Австрия будет в руках Италии и её союзницы. ...Но для этого нужны два условия: во-первых, чтобы Албания стала политическим фактором; во-вторых, чтобы она подпала под влияние Италии»¹⁴². И далее: «...Но снежный ком катится дальше. Раз заинтересовалась Италия, должна заинтересоваться и Австрия. Венская политика дальновиднее римской — в Вене

уже давно знали Албании цену и крепко держались за право покровительствовать над албанскими католиками, предоставленное Австрии международными договорами... Так Албания стала узловым пунктом мировой политики... Автономия Албании стала предметом политической дискуссии. Албания вышла в большой свет. ...

Но тот студентик, с которого начиналась эта история, может потирать руки и ходить, выпячивая грудь. Он себе забавлялся, вроде как у нас дети играют в снежки и думают, что это бомбы, — а из его снежного шарика выросла большая лавина. Смешно, странно и жутко. Так иногда зарождаются великие события на земле»¹⁴³.

И действительно, рубеж веков, наступивший через следующие 100 лет, продемонстрировал всю тонкость и точность данного наблюдения.

Таким образом, всё многообразие мнений по албанскому вопросу в русском образованном обществе можно свести к двум точкам зрения: должна ли Россия выступить как защитница славянства или как член «европейского концерта». В официальных кругах восторжествовало второе мнение, но читающая публика в большинстве своем придерживалась противоположной позиции.

По словам А.А. Башмакова, «национальное начало есть действительно умиротворяющее»¹⁴⁴. Однако разрешение албанского вопроса Лондонской конференцией ознаменовало собой лишь начало новой череды раздоров на Балканах. В таком этнически пестром регионе, как Балканский полуостров, последовательная реализация национального принципа наталкивается на сопротивление самого материала, порождая новые всплески сепаратизма и территориальные споры.

Национальные государства не создаются по мановению руки европейской дипломатии. Кстати, эта закономерность оказалась чрезвычайно актуальной в годы современного нам югославского и являющегося его составной частью косовского кризисов. Государство — это результат долгого, порой мучительного развития нации. Албания же в начале XX в. стала независимой как в результате внутренних национально-политических процессов, так, в гораздо большей степени, — под влиянием благоприятного складывания внешних обстоятельств и баланса сил в Европе

в тот период. Могло показаться, что за несколько месяцев она прошла тот путь, на который всем другим потребовались века. Однако дальнейшая судьба албанской независимости оказалась весьма драматичной — большую часть своего самостоятельного существования Албания находилась или под иностранным влиянием, или под властью диктатур, последняя из которых, Э. Ходжи, вырвала страну из общемирового исторического процесса, затормозив, а во многом даже обратив вспять ее развитие. Есть основания утверждать, что такой ход событий был изначально заложен в решениях Лондонской конференции независимо от воли ее участников.

На примере албанского вопроса можно четко увидеть переплетение устремлений и интересов больших и малых держав на Балканах. Те решения, что были в конце концов приняты, носили компромиссный характер. Но любые компромиссы, как известно, представляют собой паллиативные и часто временные меры, способные лишь несколько отсрочить новые конфликты. В сущности, неудовлетворенными оказались все: и сербы, не получившие выхода к Адриатике, и черногорцы, тщетно осаждавшие Скутарийскую крепость, и греки, не получившие всего Северного Эпира, и болгары, потерявшие большую часть Македонии, и сами албанцы, получившие минимум того, на что они рассчитывали. Незавершенность решения историко-политических задач здешними участниками международных отношений обострила взаимный климат настолько, что именно в этом регионе началась Первая мировая война.

Война повлекла за собой полный триумф Сербии, реализовавшей цель собрать свой народ в рамках одного государства, и гибель Габсбургской монархии. Блестящие успехи венской дипломатии в 1912–1913 гг. обернулись сокрушительным поражением несколько лет спустя. Россия же, вынужденная поддержать решения «европейского концерта» ради сохранения мира, так и не добилась своей цели — война началась. Престиж ее на Балканах упал. Сбылось предсказание А.А. Башмакова, что сербы «найдут свои берега без помощи России»¹⁴⁵.

Примечания

- ¹ Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове (август 1912 — июль 1913 гг.). СПб., 1914. № 90.
- ² *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 299.
- ³ *Есин Б.И.* Русская газета второй половины XIX века. Докторская дисс. Рукопись. М., 1973. С. 377.
- ⁴ *Есин Б.И.* Русская легальная пресса конца XIX — начала XX века // Из истории русской журналистики конца XIX — начала XX века. М., 1973. С. 32 и сл.
- ⁵ Славянские известия. 1912. № 5. С. 72.
- ⁶ *Бережная Л.Г.* Журнал «Русское богатство» в 1905–1913 гг. // Из истории русской журналистики начала XX в. М., 1984. С. 71.
- ⁷ См. также: *Ровинский П.А.* Албанцы и албанское движение // Известия МИД. СПб., 1912. Кн. 6. С. 147–176.
- ⁸ *Башмаков А.А.* Через Черногорию в страну диких гегов. СПб.: Рус.-фр. Типография, 1913.
- ⁹ Славянские известия. 1912. № 1. С. 16–17.
- ¹⁰ Славянские известия. 1913. № 49. С. 675.
- ¹¹ Славянские известия. 1913. № 27. С. 431.
- ¹² Славянские известия. 1912. № 2. С. 23.
- ¹³ *Вейдемюллер К.* Албанское движение // Современный мир. 1911. № 4. С. 320; *Русанов Н.С.* Продолжение турецкого кризиса // Русское богатство. 1912. № 8. С. 107; Славянские известия. 1912. № 6. С. 89.
- ¹⁴ Славянские известия. 1913. № 10. С. 134.
- ¹⁵ Славянские известия. 1912. № 2. С. 27.
- ¹⁶ Там же. С. 25.
- ¹⁷ Там же. С. 26.
- ¹⁸ *Бауэр О.* Борьба за Албанию (пер. Н. Гарри) // Современник. 1913. № 5. С. 178; *Петряев А.М.* Албания и албанцы // Русская мысль. 1915. № 5. С. 2; Славянские известия. 1913. № 17. С. 282; № 23. С. 373; № 49. С. 675. Как писал В.Е. Жаботинский: «В начале XX века, по удостоверениям консулов, в Верхней Албании до 70% мужских смертей приписывалось кровной мести». (*Жаботинский В.Е.* Великая Албания // Фельетоны. Берлин, 1922. С. 203. — Режим доступа: zionistishpropaganda.wordpress.com, кнопка «Фельетоны 1922», дата обращения: 28.05.2021).
- ¹⁹ Славянские известия. 1912. № 3. С. 34.
- ²⁰ Славянские известия. 1913. № 28. С. 460–462.
- ²¹ *Башмаков А.А.* Через Черногорию в страну диких гегов. С. 104.
- ²² Славянские известия. 1913. № 12. С. 174.
- ²³ Там же. С. 176. Как пишет Н.С. Гусев, сообщения о зверствах противника поступали от всех участвовавших в Первой Балканской войне сторон и являлись частью информационной борьбы за симпатии европейской и русской общественности с целью воздействия на соответствующие правительства. См.: *Гусев Н.С.* Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020. С. 177–189.

- 24 Ровинский П.А. Албанцы и албанское движение // Известия МИД. 1912. Кн. 6. С. 153; *Погодин А.Л.* Албанский вопрос // Вестник Европы. 1910. № 10. С. 343; *Петряев А.М.* Албания и албанцы... С. 7.
- 25 Славянские известия. 1913. № 23. С. 375.
- 26 Ровинский П.А. Албанцы и албанское движение... С. 150–151.
- 27 *Гальберштадт Л.И.* Албанский вопрос — Политика младотурок // Русская мысль. 1910. № 8. С. 190; *Бауэр О.* Борьба за Албанию (пер. Н. Гарри) // Современник. 1913. № 5. С. 183.
- 28 Славянские известия. 1912. № 5. С. 67.
- 29 Подробнее о ней см.: *Сенкевич И.Г.* Албания в период Восточного кризиса (1875–1881). М., 1965; Краткая история Албании. М., 1992; Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы Т. 1. 1878–1997 гг. М., 2006; *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013; Независимость Албании в общебалканском контексте. К 100-летию образования Албанского государства. М., 2014.
- 30 *Русанов Н.С.* Трудность решения Балканского вопроса — оборотная сторона медали. Обширность раскрывающихся перспектив // Русское богатство. 1912. № 12. С. 256; *Вейдемюллер К.* Второй акт (по поводу турецких событий) // Современный мир. 1912. № 8. С. 231; *Ровинский П.А.* Албанцы и албанское движение... С.171–176.
- 31 *Русанов Н.С.* Трудность решения Балканского вопроса — оборотная сторона медали. Обширность раскрывающихся перспектив // Русское богатство. 1912. № 12. С. 256; *Swire J.* Albania: The Rise of Kingdom. L., 1929. P. 42–46.
- 32 *Гальберштадт Л.И.* Албанский вопрос — Политика младотурок // Русская мысль. 1910. № 8. С. 191; *Бауэр О.* Борьба за Албанию (пер. Н. Гарри) // Современник. 1913. № 5. С.184.
- 33 Цит. по: *Сенкевич И.Г.* Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 70.
- 34 *Русанов Н.С.* Продолжение турецкого кризиса // Русское богатство. 1912. № 8. С. 107.
- 35 *Петряев А.М.* Албания и албанцы... С. 12.
- 36 *Погодин А.Л.* Албанский вопрос // Вестник Европы. 1910. № 4. С. 353; *Слонимский Л.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1913. № 1. С. 407; *Попович Д.* Борба за народно уједињење од 1908. до 1914. Београд, 1936. С. 112; *Swire J.* Op. cit. P. 89; *Войводић М.* Скадарска криза. Београд, 1970. С. 19; *Kondis B.* Greece and Albania. 1908–1914. Thessaloniki, 1976. P. 13.
- 37 *Горцев [Б. инициалов].* Государственный кризис в Турции // Современник. 1912. № 8. С. 297; [Б.а.] Иностранное обозрение. Турецкий кризис // Вестник Европы. 1912. № 8. С. 436; *Русанов Н.С.* Борьба за автономию национальностей в Османской империи // Русское богатство. 1912. № 7. С. 118.
- 38 *Kondis B.* Op. cit. P. 173.
- 39 Славянские известия. 1912. № 2. С. 23; *Слонимский Л.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1913. № 4. С.401.
- 40 *Слонимский Л.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1913. № 1. С. 408; Славянские известия. 1913. № 17. С. 268.
- 41 Славянские известия. 1913. № 23. С. 365, 372.
- 42 *Русанов Н.С.* Кровавый хаос на Балканском полуострове // Русское богатство. 1913. № 9. С. 325.
- 43 *Ковалевский М.М.* Судьбы Балкан // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 200–204.

- 44 Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 58.
- 45 Славянские известия. 1912. № 4. С. 34; Глебов В.Л. Общие тенденции балканской политики великих держав в конце XIX — начале XX в. // Советское славяноведение. 1973. № 4. С. 26.
- 46 О реальном характере российско-черногорских связей в конце XIX — начале XX вв. см.: Хлебникова В.Б. Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М., 2016. С. 154–156, 161.
- 47 Славянские известия. 1912. № 5. С. 64.
- 48 Сазонов С.Д. Указ.соч. С. 56.
- 49 Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 365.
- 50 Историја српског народа. Београд, 1983. Књ. IV. Т. I. С. 186.
- 51 Славянские известия. 1913. № 23. С. 363.
- 52 Правительственное сообщение по Балканским делам от 29 марта 1913 г. // Известия МИД. 1913. Кн. III. С.127.
- 53 Левин И.О. Война на Балканах // Русская мысль. 1912. № 11. С. 12; Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1912. №2. С. 386.
- 54 Славянские известия. 1912. № 2. С. 27.
- 55 Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове (август 1912 — июль 1913). СПб., 1914. № 40.
- 56 Там же. № 55.
- 57 Puto A. Aspects de la lutte diplomatique à propos de l'indépendance albanaise en 1912–1913 // Actes du premier congrès international des études balcaniques et sud-est européennes. Sofia, 1969. Vol. 4. P. 832.
- 58 Борецкий-Бергфельд Н. Ликвидация Балканской войны // Современный мир. 1913. № 5. С. 210.
- 59 Ключников Ю.В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925. Ч. I. № 364; Swire J. Op. cit. P. 173; Puto A. Op. cit. P. 832–838.
- 60 Helmreich E.C. The diplomacy of the Balkan war, 1912–1913. Cambridge-Mass., 1938. P. 255.
- 61 Војводић М. Разграничење Србије и Црне Горе с Албанијом 1912. — 1913. године // Историјски часопис. Београд, 1989. Књ. XXXVI. С. 151.
- 62 Сборник дипломатических документов... № 79, 84.
- 63 Там же. № 90; Лајиновић А. Питање Скадра у Првом балканском рату // Историјски записи. Цетиње, 1949. Књ. IV. Св. 1–3. С. 75.
- 64 Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911–1919. М., 1991. С. 206.
- 65 Сборник дипломатических документов... № 87.
- 66 Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 104.
- 67 Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 104.
- 68 Милюков П.Н. Указ. соч. С. 369.
- 69 Водовозов В. Балканская война и Россия // Современник. 1913. № 11. С. 264; Б/автора. Результаты политических событий на Балканах и наша внешняя политика // Вестник Европы. 1914. № 1. С. 428; Погodin А.Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915. С. 419; Искендеров П.А. Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погреб» Европы. 1878–1914. М., 2003. С. 501; Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. С. 460.

- 70 Славянские известия. 1913. № 10. С. 145.
- 71 Славянские известия. 1912. № 5. С. 68.
- 72 Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 104.
- 73 Славянские известия. 1913. № 27. С. 422.
- 74 Славянские известия. 1913. № 26. С. 413.
- 75 Славянские известия. 1913. № 21. С. 347; Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики накануне Первой мировой войны (1910–1914) // Исторические записки Института истории. Т. 75. М., 1965. С. 65.
- 76 Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 93.
- 77 Там же. С. 97.
- 78 Славянские известия. 1913. № 23. С. 365.
- 79 Славянские известия. 1912. № 2. С. 23.
- 80 Thaden E.C. Public opinion and Russian foreign policy toward Serbia, 1908–1914 // Велике силе и Србија пред Први светски рат. Београд, 1976. С. 217–232.
- 81 Бауэр О. Борьба за Македонию // Современник. 1913. № 2. С. 221; Kondis B. Op. cit. P. 89.
- 82 Вейдемуллер К. Международная революция // Современный мир. 1912. № 11. С. 305.
- 83 Бауэр О. Борьба за Македонию... С. 221.
- 84 Горцев. Балканский вопрос и интересы демократии // Современник. 1912. № 12. С. 368.
- 85 Борецкий-Бергфельд Н. Рецензия на сборник «Славянский вопрос в его современном значении». СПб., 1913 // Современный мир. 1913. № 3. С. 154.
- 86 Вольский В. Неожиданные славянофилы // Современный мир. 1912. № 12. С. 271.
- 87 Борецкий-Бергфельд Н. Рецензия на сборник «Славянский вопрос в его современном значении». С. 156.
- 88 Бауэр О. После Балканской войны // Современник. 1913. № 6. С. 223.
- 89 Ленин В.И. Полное собрание сочинений (далее — ПСС). Т. 22. М., 1968. С. 135–139, 142, 187, 198; Т. 23. М., 1973. С. 38–39.
- 90 Он же. ПСС. Т. 22. С. 136–137.
- 91 Он же. ПСС. Т. 23. С. 121.
- 92 Он же. ПСС. Т. 22. С. 115, 137, 146; Т. 23. С. 39, 122.
- 93 Он же. ПСС. Т. 22. С. 137.
- 94 Он же. ПСС. Т. 22. С. 138 146–150. Ср. Т. 22. С. 115–116, 151.
- 95 Он же. ПСС. Т. 22. С. 158, 187–188.
- 96 Он же. ПСС. Т. 22. С. 116, 135. Ср.: Искендеров П.А. Российская и европейская пресса о событиях в Албании (конец XIX — начало XX вв.) // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. М., 2014. С. 250.
- 97 Русанов Н.С. Политическое интермеццо в балканской трагедии: сдача Скутари // Русское богатство. 1913. № 5. С. 277.
- 98 Русанов Н.С. Трудность решения Балканского вопроса. Обратная сторона медали. Обширность раскрывающихся перспектив // Русское богатство. 1912. № 12. С. 258.
- 99 Там же. С. 261.
- 100 Русанов Н.С. Новое решение старого вопроса: борьба балканских государств против Турции // Русское богатство. 1912. № 11. С. 363.

- ¹⁰¹ Русанов Н.С. Трудность решения Балканского вопроса... С. 259.
- ¹⁰² Русанов Н.С. Политическое интермеццо... С. 273–280.
- ¹⁰³ Славянские известия. 1913. № 18. С. 284; Кострикова Е.Г. Первая Балканская война и российское общество // Вестник РУДН. Серия «История России». 2009. № 4. С. 101.
- ¹⁰⁴ Милюков П.Н. Указ соч. С. 112.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 125. Ср.: Тимофеев А.Ю., Живанович М. Можно ли рассматривать доклад Комиссии Карнеги о причинах и ведении Балканских войн 1912–1913 гг. как исторический источник // Славянский альманах. 2017. Вып. 1–2. С. 100–120; Гусев Н.С. Указ. соч. С. 266.
- ¹⁰⁶ Бестужев И.В. Указ. соч. С. 63.
- ¹⁰⁷ Отзыв на нее см.: Борецкий-Бергфельд Н. Рецензия на сборник «Славянский вопрос в его современном значении». С. 155; Славянские известия. 1912. № 5. С. 64.
- ¹⁰⁸ Противоположную точку зрения на позицию П.Н. Милюкова в этом вопросе см.: Илюхин М.Ю. «Особая позиция» П.Н. Милюкова по вопросам внешней политики в период Балканских войн 1912–1913 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Орел, 2009. С. 50.
- ¹⁰⁹ Славянские известия. 1912. № 5. С. 64.
- ¹¹⁰ Цит. по: Славянские известия. 1913. № 24. С. 385.
- ¹¹¹ Цит. по: Славянские известия. 1913. № 19. С. 313.
- ¹¹² Бестужев И.В. Указ. соч. С. 64.
- ¹¹³ Волский В. Неожиданные славянофилы... С. 271; Славянские известия. 1912. № 5. С. 71–72.
- ¹¹⁴ Гальберштадт Л.И. Албанский вопрос. — Политика младотурок // Русская мысль. 1910. № 8. С. 195;
- ¹¹⁵ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1912. №9. С. 411.
- ¹¹⁶ Жаботинский В. Письмо из Константинополя // Вестник Европы. 1910. № 5. С. 329.
- ¹¹⁷ Ковалевский М.М. Судьбы Балкан // Вестник Европы. 1913. № 1. С. 197–224.
- ¹¹⁸ Б/автора. Результаты политических событий на Балканах и наша внешняя политика // Вестник Европы. 1914. № 1. С. 428; Слонимский Л. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 6. С. 386.
- ¹¹⁹ Ср.: Славянские известия. 1913. № 1. С. 345–347.
- ¹²⁰ Славянские известия. 1912. № 4. С. 49.
- ¹²¹ Славянские известия. 1912. № 3. С. 33.
- ¹²² Славянские известия. 1912. № 4. С. 50.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Цит. по: Славянские известия. 1913. № 19. С. 299. Схожая точка зрения высказывалась И.П. Табурно. См.: Табурно И.П. Доклад о ходе Балканской войны и ее результатах // Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства). М., 2014. С. 497–498.
- ¹²⁵ Славянские известия. 1912. № 4. С. 49.
- ¹²⁶ Славянские известия. 1913. № 9. С. 113.
- ¹²⁷ Славянские известия. 1913. № 18. С. 290.

- 128 Славянские известия. 1913. № 4. С. 205.
- 129 Славянские известия. 1913. № 52. С. 705–706.
- 130 Славянские известия. 1913. № 14. С. 213.
- 131 Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 213; Бестужев И.В. Указ. соч. С. 70.
- 132 Славянские известия. 1913. № 19. С. 314.
- 133 Там же. С. 315; Поповић Д. Борба за народно уједињење од 1908. до 1914. Београд. 1936.
- 134 Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 104; Бестужев И.В. Указ. соч. С. 71.
- 135 Славянские известия. 1913. № 21. С. 345–347.
- 136 Там же.
- 137 Цит. по: Славянские известия. 1913. № 11. С. 162.
- 138 Арумыны (аромуны, цинцары, влахи, македоно-румыны) — народ, численностью до 300 тыс. чел. Проживают в Греции, Албании, Македонии, Сербии, Болгарии, Румынии. Считаются потомками вlahов — романизированного населения Юго-Восточной Европы. Основное занятие в исследуемый период — отгонное скотоводство // См.: Большая российская энциклопедия. — Режим доступа: <https://bigenc.ru/ethnology/text/3452613>, дата обращения: 12.06.2021.
- 139 Жаботинский В.Е. Великая Албания // Фельетоны. Изд. 3-е, дополн. Берлин: Издательство С.Д. Зальцман, 1922. С. 195–203. — Режим доступа: zionistishpropaganda.wordpress.com, кнопка «Фельетоны 1922», дата обращения: 28.05.2021.
- 140 Там же. С. 197.
- 141 Там же. С. 195.
- 142 Там же. С. 197–200.
- 143 Там же. С. 201–202.
- 144 Славянские известия. 1913. № 15. С. 236.
- 145 Там же.

Заключение

Представленные в настоящей коллективной монографии очерки позволяют сделать принципиальный вывод о важности и приоритетности балканского направления во внешней политике России, начиная с XVIII века. Но столь же несомненно и другое: сами балканские народы на протяжении веков обращали свои взоры к России как к одной из ключевых великих держав, способной оказать им реальную помощь в борьбе за свое национальное освобождение и в строительстве основ собственной государственности.

Страницы истории взаимоотношений России и Балкан знают периоды взлетов и падений, альянсов и конфликтов. Во многом это было обусловлено той самой «противоречивостью взаимных ожиданий», которая, к сожалению, и сегодня имеет под собой реальные основания. Однако богатые исторические традиции российско-балканских связей, накопленный багаж взаимовыгодного сотрудничества позволяют сделать вывод, что отношения России и народов Балканского полуострова выдержали проверку временем, и в новом тысячелетии вновь окажутся востребованными, как это уже неоднократно происходило в истории.

Резюме

Светлана Ивановна ДАНЧЕНКО

Скромный корифей балканистики

Аннотация:

В очерке прослеживается жизненный и научный путь Ирины Степановны Достян (1920–2012), видного представителя отечественной исторической науки, внесшей значительный вклад в становление и развитие славистики и балканистики второй половины XX в. Автор подробно анализирует основные работы И.С. Достян — три монографии, разделы в коллективных обобщающих трудах, отдельные статьи, отмечает их значение, признанное в СССР/России и за рубежом, для разработки важнейших проблем истории балканских народов и их отношений с Россией в конце XVIII — первой половине XIX вв., а также для ликвидации так называемых «белых пятен» и развенчания существовавших ранее в науке мифов. Наряду с этим, в очерке затрагивается вопрос о роли И.С. Достян в истории Института славяноведения, которому она отдала более 60 лет своей жизни, начиная с 1949 г.

Ключевые слова:

Ирина Степановна Достян (1920–2012), Институт славяноведения РАН, славистика, балканистика, балканская политика России, русско-балканские политические и общественные связи, международное научное сотрудничество.

Светлана Ивановна ДАНЧЕНКО

Ирина Степановна Достян. Какой я её помню

Аннотация:

Автор вспоминает о начале своего научного пути, об Институте славяноведения и балканистики в 1970–1990-е годы, о своих старших коллегах, сотрудниках сектора новой истории балканских народов и, в первую очередь, о Ирине Степановне Достян, оставившей яркий след не только в науке и истории Института, но и в жизни тех, кому повезло работать в одном коллективе и дружить с ней в течение многих лет.

Ключевые слова:

Ирина Степановна Достян (1920–2012), Институт славяноведения РАН, научное сообщество, повседневный быт советского ученого.

Василий Борисович КАШИРИН

**«Верное описание прошедшей турецкой войны»:
Неизвестный стратегический меморандум
генерал-аншефа графа П.И. Панина и разгаданная тайна
авторства анонимных воспоминаний о войне
России и Турции 1736–1739 гг.**

Аннотация:

Автором впервые вводится в научный оборот ценный исторический документ — вторая часть хорошо известных воспоминаний участника русско-турецкой войны 1736–1739 гг. под заглавием «Записка о том, сколько я памятую о крымских и турецких походах». Найденная в архиве вторая часть документа представляет собой обобщение опыта борьбы против турецких и татарских войск и содержит конкретные предложения действий русской армии в начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Эта находка позволила установить, что автором обеих частей документа является выдающийся военный деятель генерал-аншеф граф П.И. Панин (1720–1789). В исследовании доказывалось, что документ был составлен им в конце 1768 г. для укрепления позиций Панина при выработке военной стратегии Российской империи в борьбе с Турцией. Как показывает анализ документа, Панин был сторонником активных наступательных действий на Днестровском театре войны, в частности — превентивного занятия польских крепостей в том районе. Помимо прочего, установленное авторство документа проливает свет на ранний этап военной карьеры П.И. Панина и обстоятельства его участия в русско-турецкой войне 1736–1739 гг. В приложении впервые публикуется полный текст документа.

Ключевые слова:

П.И. Панин (1720–1789), русско-турецкая война 1736–1739 гг., русско-турецкая война 1768–1774 гг., русская армия, Крымское ханство, Османская империя, мемуары, стратегический меморандум, Екатерина II, Совет при Высочайшем Дворе.

Елена Петровна КУДРЯВЦЕВА

**Кризис русско-сербских отношений
в конце 30-х годов XIX в.**

Аннотация:

Создание автономного сербского государства стало возможным благодаря постоянству, с которым российское правительство выступало за безусловное исполнение Портой статей ряда двусторонних русско-турецких договоров. Это были статьи Бухарестского мира 1812 г., Ак-

керманской конвенции 1826 г. и мирного Адрианопольского договора 1829 г. Все эти документы подразумевали предоставление Сербии статуса автономии в рамках Османской империи. Именно эти требования выдвигали перед Портой российские посланники в Константинополе — Г.А. Строганов и А.И. Рибопьер. В дальнейшем их поддержал А.П. Бутенев, во время пребывания которого в османской столице турецким правительством были изданы хатт-и шерифы в пользу сербского народа. Казалось бы, российские посланники и само правительство России могли рассчитывать на признательность со стороны сербского руководства. Однако князь Милош Обренович после получения Сербией автономных прав выбрал другой путь развития для своей страны. Вмешательство европейских держав во внутреннюю политику Сербского княжества, их обещания, даваемые Милошу, стремившегося остаться полновластным хозяином Сербии, — всё это привело к тому, что само пребывание дипломатических представителей России в Сербии стало для князя нежелательным. Кризис в русско-сербских отношениях был тесно связан с переориентацией политики Милоша на Великобританию, чему способствовала деятельность английского консула в Белграде Дж. Ходжеса. Русско-сербские отношения были испорчены в последние годы княжения Милоша Обреновича, что привело к их дальнейшему ухудшению в начале 40-х годов XIX в.

Ключевые слова:

русско-сербские отношения, балканская политика России, Сербия, Великобритания, сербский князь Милош Обренович.

Ольга Евгениевна ПЕТРУНИНА

Греческие земли в последней четверти XVIII в. в восприятии российских консулов

Аннотация:

В XVIII в. всё больше европейцев посещало греческие земли, их представления о жизни христиан под властью султана менялись и расширялись. В России эти представления дополнились донесениями первых российских консулов, прибывших в Османскую империю после русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В служебной переписке консулов содержались сведения о местном обществе, взаимоотношениях между разными этноконфессиональными общинами, сепаратистских действиях албанских беев, степени готовности Империи к новой войне с Россией, о реакции местных властей на начало войны 1787–1791 гг. и отношении к ней греческого населения.

Ключевые слова:

Османская империя, османское общество, новогреческие исследования, сепаратистские движения, русско-турецкая война 1787–1791 гг., греческие земли в XVIII в., консульская служба.

Александр Сергеевич СТЫКАЛИН

Дунайские княжества и Трансильвания глазами русских военных наблюдателей (1848–1849 гг.). (По документам Российского государственного военно-исторического архива)

Аннотация:

Революционные события, охватившие многие страны Европы в 1848 г., вызвали в Санкт-Петербурге опасения, что их дальнейшее развитие может привести к краху многонациональной Австрийской империи и тем самым оживит на международной арене польский вопрос, что создаст непосредственную угрозу целостности Российской империи. Взвешивая возникшую угрозу, Николай I после колебаний принял решение о вводе войск в охваченные революционными волнениями Дунайские княжества, в соответствии с правом на их покровительство, которым Россия обладала по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. Корпус русских войск, дислоцированный в Молдове и Валахии, принял также участие в 1849 г. в боевых действиях в Трансильвании и подавлении венгерской революции. Автор рассматривает события того времени сквозь призму рапортов российских офицеров, участников военной кампании. Этот источник ценен тем, что в нем содержится описание ситуации в Дунайских княжествах, находят отражение межнациональные противоречия в Трансильвании. При этом активное участие польских революционеров в событиях позволяло теснее увязать ситуацию в далеком крае с положением в самой России. Офицерские рапорты демонстрируют союзнические отношения России и Османской империи перед лицом революций в Средней Европе, их тесное сотрудничество в «наведении порядка» в Валахии. Пока еще мало что предвещало новое обострение отношений двух держав, приведшее в 1853 г. к Крымской войне.

Ключевые слова:

европейские революции 1848 г., Российская империя, монархия Габсбургов, Османская империя, Молдова, Валахия, Трансильвания, венгерская революция 1848-1849 гг., венгерская кампания русской армии 1849 г., Адрианопольский мирный договор 1829 г.

Марина Михайловна ФРОЛОВА

«Подаренная победа»: взятие Гривицкого редута № 1 под Плевной 30 августа 1877 г.

Аннотация:

На основании значительного комплекса источников (воспоминания участников и очевидцев сражения за Гривицкий редут № 1, опубликованных документов из многотомного «Сборника материалов по русско-

турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове») автор исследования доказывает, что Гривицкий редут № 1 был взят с боя русскими полками (1-й бригадой 5-й пехотной дивизии), а не частями румынской 4-й пехотной дивизии. Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич сознательно «подарил» победу румынскому князю Карлу, вероятно, исходя из политических и дипломатических соображений, но главным образом из стремления поддержать престиж румынского князя в армии и государстве с целью упрочения его властных позиций.

Ключевые слова:

русско-турецкая война 1877–1878 гг., «третья» Плевна, Гривицкий редут № 1, румынская армия, главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, император Александр II, румынский князь Карл.

Тина Николаева ГЕОРГИЕВА

Памятник Александру II в Софии — история создания

Аннотация:

В очерке освещены подробности сооружения монумента Александру II в центре болгарской столицы. Рассматривается деятельность особого Комитета, которому принадлежала идея воздвигнуть памятник в честь российского императора и который организовал ее практическое воплощение: сбор денег, выработка условий архитектурного конкурса и его проведение. Представлено участие болгарских властей и показана роль болгарского князя Фердинанда в осуществлении общественной инициативы.

Ключевые слова:

русско-турецкая война 1877–1878 гг., память, монументы, Комитет «Царь Освободитель Александр II», памятник Александру II в Софии.

Ксения Валерьевна МЕЛЬЧАКОВА

Место служения — Сараево. Первый дипломатический опыт А.С. Ионина

Аннотация:

На основе ранее не опубликованных архивных материалов в очерке реконструируется история пребывания российского дипломата Александра Семеновича Ионина (1837–1900) в османских провинциях Боснии и Герцеговине. В 1857 г. впервые в истории было открыто консульство России в главном городе Боснийского пашалыка. А.С. Ионин получил назначение в Сараево на должность секретаря и драгомана при этом консульстве. Здесь он работал под началом А.Ф. Гильфердинга,

а затем Е.Р. Щулепникова до 1860 г. Ионин стал свидетелем восстаний в Герцеговине, упорно трудился над проблемой открытия российского консульства в Мостаре, некоторое время неофициально исполнял обязанности консула в Сараеве. Это был первый дипломатический опыт человека, который в итоге провел на Балканах около 30 лет жизни и был активным участником многих значимых в истории региона событий.

Ключевые слова:

А.С. Ионин (1837–1900), Босния, Герцеговина, Сараево, Мостар, российское консульство в Сараеве, А.Ф. Гильфердинг.

Юра Тотева КОНСТАНТИНОВА

Славянские и антиславянские идеи болгар и греков (середина XIX — начало XX вв.)

Аннотация:

Автором анализируются представления болгар и греков о роли России на Балканах. Представления о русских планах в регионе вызывают у болгар и греков ожидания, надежды и опасения, которые постепенно перерастают в устойчивые стереотипы, влияющие до сих пор на их отношения с Россией. В очерке приводятся конкретные примеры, показывающие как славянские и антиславянские идеи использовались в политических целях болгарской и греческой элитами соответственно.

Ключевые слова:

Восточный вопрос, Россия, Греция, Мегали идея, Евангелика.

Варвара Борисовна ХЛЕБНИКОВА

Российский дипломат П.М. Власов об итогах и перспективах развития Черногорского княжества в начале XX в. и о необходимости изменений в российско-черногорском сотрудничестве

Аннотация:

В исследовании речь идёт о том, как глава российской миссии в Цетине П.М. Власов попытался вывести из тупика русско-черногорские отношения в начале XX в. Он немало потрудился над тем, чтобы проанализировать и переоценить накопленный его предшественниками опыт. Честно выполняя указания и рекомендации своего руководителя В.Н. Ламздорфа, министр-резидент составил целый ряд предложений по корректировке политического курса, проводимого Россией в Черногории после Берлинского конгресса 1878 г. Однако эти усилия оказались напрасными, а сам дипломат был подвергнут критике за недостаток гиб-

кости и даже упрямство. Его попытки улучшить качество двустороннего сотрудничества закончились неудачей.

Ключевые слова:

Российская империя, Черногорское княжество, министр-резидент российской миссии в Цетине П.М. Власов (1901–1902 гг.), русские дотации Черногории, кризис в российско-черногорских отношениях в начале XX в.

Наталья Григорьевна СТРУНИНА-БОРОДИНА

**Черногория в донесениях
российского посланника в Цетине С.В. Арсеньева
(1910–1912 гг.)**

Аннотация:

В традициях, заложенных видным отечественным балканистом Ириной Степановной Достян, 100-летию со дня рождения которой посвящена данная коллективная монография, при подготовке этого раздела мы использовали ценные архивные документы — донесения российского посланника в Цетине С.В. Арсеньева, в которых раскрываются интересные факты о взаимоотношениях Черногории с ее соседями, а также с ее главной покровительницей Российской империей в начале XX в.

Ключевые слова:

Черногория, Российская империя, С.В. Арсеньев (1854–1922), дипломатическая миссия России в Цетине, албанские восстания 1909–1912 гг., И.С. Достян (1920–2012).

Петр Ахмедович ИСКЕНДЕРОВ

**Политика России на Балканах
накануне Первой мировой войны:
ключевые аспекты проблемы**

Аннотация:

Очерк посвящен анализу политики России на Балканах накануне Первой мировой войны. Основное внимание уделено дискуссионным аспектам указанной проблемы. Автор вычленяет ключевые факторы, влиявшие на формирование и реализацию балканской политики Петербурга в рассматриваемый период. Исследование базируется на неопубликованных архивных документах.

Ключевые слова:

Россия, Балканы, Первая мировая война, международные отношения, великие державы.

Ярослав Валерианович ВИШНЯКОВ

Документы департамента полиции Российской империи о династическом кризисе в Сербии начала XX в.

Аннотация:

Исследование проведено на основе малоизученных документов Балканской агентуры департамента полиции Российской империи. Оно раскрывает нюансы сербской политической жизни начала XX в., характерной чертой которой стало резкое падение престижа правящей династии Обреновичей. Переписка сотрудников и руководителей данной агентуры позволяет более полно реконструировать причины и непосредственный ход государственного переворота 29 мая 1903 г., уничтожившего династию Обреновичей.

Ключевые слова:

Балканская агентура департамента полиции Российской империи, А.И. Будзилович, В.В. Тржецяк, Н.В. Чарыков, А.М. Вейсман, Сербия, государственный переворот 1903 г. в Сербии.

Ирина Михайловна ЗАХАРОВА

Визиты в Россию сербского короля Александра Обреновича и сербские награды С.И. Сперанского

Аннотация:

В очерке речь идет о хранящихся в фонде рукописей и документов Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа двух сербских грамот на награждение служащего министерства императорского двора С.И. Сперанского орденами Таковского креста второй степени. История пожалования С.И. Сперанского сербскими орденами дается сквозь призму русско-сербских взаимоотношений последней четверти XIX в. Автором приводятся краткие сведения по истории ордена Таковского креста с момента его основания и до упразднения, указываются имена сербских и российских государственных деятелей, являвшихся кавалерами ордена. На основании опубликованных и архивных источников дается описание двух путешествий в Россию сербского короля Александра Обреновича — в 1891 и 1894 гг. Особое внимание уделено жалованным грамотам, которые не только являются материалами к биографии С.И. Сперанского и интересными документами по истории сербской фалеристики, но и дополняют историю отношений России и Сербии в конце XIX — начале XX вв. новыми фактами.

Ключевые слова:

С.И. Сперанский, Александр Обренович, Милан Обренович, Александр III, Николай II, С.Д. Шереметев, русско-сербские отношения в конце XIX — начале XX вв., орден Таковского креста.

Любовь Алексеевна КИРИЛИНА

Публикации словенской газеты «Слован» о сербах, болгарх и черногорцах (1884–1887 гг.)

Аннотация:

Газета «Слован» выпускалась словенскими русофилами в Любляне в 1884–1887 гг. прежде всего с целью пропаганды идей славянской взаимности. Авторами анализируются еще не исследованные публикации газеты, посвященные вопросам культурной и национально-политической жизни сербов, болгар и черногорцев. Изучение этой темы позволяет составить более полное представление как об отношении словенских русофилов к южнославянским народам, не входившим в состав Австро-Венгерской империи, так и о специфике восприятия ими важнейших событий, происходивших на Балканах в рассматриваемый период.

Ключевые слова:

словенская газета «Слован» (1884–1887 гг.), словенские русофилы, Сербия, Черногория, Болгарское княжество, Восточная Румелия.

Никита Сергеевич ГУСЕВ

Путевые заметки П.А. Кулаковского о Болгарии

Аннотация:

Автором рассматриваются статьи П.А. Кулаковского, написанные им по результатам путешествия по Болгарии в 1899 г. Основными объектами его внимания стали развитие города София и страны в целом за последние 20 лет, политическая система Болгарии, ее культура, отношение к македонскому вопросу. Сравнение заметок Кулаковского с синхронными русскими источниками подтверждает верность наблюдений и заключений российского славяноведа.

Ключевые слова:

Платон Андреевич Кулаковский (1848–1913), Болгария, модернизация, София, политика, Стефан Николов Стамболов, болгарский князь Фердинанд, русский язык, религия, македонский вопрос.

Ольга Владимировна СОКОЛОВСКАЯ

**МИД России
и греко-сербский договор
в годы Первой мировой войны.
(Обзор сборников
дипломатических документов)**

Аннотация:

В исследовании на основе нескольких сборников дипломатических документов, посвященных деятельности МИД России в годы Первой мировой войны, автор раскрывает позицию высшего российского руководства в отношении балканских государств, прежде всего Сербии и Греции, которых связывал союзный договор. Рассматривается вопрос о борьбе двух греческих политических группировок — венизелистов и роялистов — в связи с исполнением Грецией своих союзнических обязательств перед Сербией, которая привела к расколу страны на Старую и Новую Грецию. Показана политика России в отношении Салоникского фронта.

Ключевые слова:

Первая мировая война, политика руководства МИД России, греко-сербский союзный договор, раскол в Греции, Салоникский фронт.

Юлия Владимировна ЛОБАЧЁВА

**К вопросу
о русско-сербских отношениях
в начале 1920-х годов.
Из истории семьи И.Г. Грицкат-Радулович**

Аннотация:

Автором рассматриваются некоторые аспекты русско-сербских/сербско-русских отношений в начале 1920-х годов в контексте изучения истории семьи Ирины Георгиевны Грицкат-Радулович в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Основным источником является книга мемуарного характера И.Г. Грицкат-Радулович под названием «На зарубежной родине», еще не опубликованная полностью.

Ключевые слова:

И.Г. Грицкат-Радулович (1922–2009), российская/русская эмиграция, Сербия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, русско-сербские/сербско-русские отношения, воспоминания.

Константин Владимирович НИКИФОРОВ

Особенности изучения русской эмиграции в Королевстве СХС (Югославии)

Аннотация:

Объективное изучение русской эмиграции в Югославии началось в самом конце советской эпохи, когда появились статьи В.А. Тесемникова и Ю.А. Писарева. С тех пор опубликовано уже большое количество работ, как в Российской Федерации, так и в Сербии. В них прежде всего рассказывалось о том большом вкладе, который внесли представители русской эмиграции в развитие сербской науки и культуры. Политическая история эмиграции изучена заметно хуже. Исключением остаются подневольный труд самих русских эмигрантов «Белоземлячье в Югославии. 1918–1941» и докторская диссертация сербского исследователя М. Йовановича «Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 (М., 2005)».

Ключевые слова:

русская эмиграция в Королевстве СХС (Югославии), Сербия, Русский дом в Белграде, русский культурный вклад.

Ольга Игоревна АГАНСОН

Великобритания и проблема «балканского равновесия» в 1939 г.

Аннотация:

Автором анализируется балканская политика Великобритании в условиях нарастания международной напряженности накануне Второй мировой войны. Показывается реагирующий характер внешнеполитического курса Лондона, вынужденного скорректировать свои подходы к ситуации в Юго-Восточной Европе под воздействием наступательной экспансии Третьего рейха, выразившейся в привязке экономик балканских стран к германской и вмешательстве Берлина в их внутрисполитическую жизнь. Действия Лондона в регионе предстают как непоследовательные и противоречивые, что, с одной стороны, было обусловлено ослаблением позиций Великобритании на общесистемном уровне, с другой — игнорированием Форин оффис специфики балканского контекста.

Ключевые слова:

Великобритания, Балканы, Версальская система, политика гарантий, Третий рейх.

Евгения КАЛИНОВА

Роль СССР в подготовке мирного договора с Болгарией после Второй мировой войны — мифы и факты

Аннотация:

Автор исследует роль СССР в подготовке и подписании мирного договора с Болгарией после Второй мировой войны. Рассмотрен дискутирующийся в наши дни вопрос, является ли советская поддержка болгарских интересов на Парижской мирной конференции 1946 г. мифом или реальностью. Дипломатическая деятельность СССР сравнивается с деятельностью США и Великобритании, чтобы выявить различия в отношении победителей к побежденной Болгарии.

Ключевые слова:

Вторая мировая война, Болгария, Парижская мирная конференция 1946 г.

Татьяна Викторовна ВОЛОКИТИНА

Балканский вариант режима личной власти (Тодор Живков и Николае Чаушеску)

Аннотация:

Автором анализируются общие черты и особенности «живковизма» и «чаушизма» — балканского варианта режимов личной власти. Предпринята попытка охарактеризовать роль «советского фактора» в деятельности и судьбе двух диктаторов — Тодора Живкова и Николае Чаушеску.

Ключевые слова:

Болгария, Румыния, режимы личной власти Тодора Живкова и Николае Чаушеску, «советский фактор».

Елена Юрьевна ГУСЬКОВА

Советская политика на Балканах в период заката «перестройки» (1990–1991 гг.)

Аннотация:

Автором исследуется период 1990–1991 гг., когда на весах истории решалась судьба социалистических федераций — СССР и Югославии. Пытаясь сохранить единство страны, руководство СФРЮ большие надежды возлагало на СССР. Югославское направление балканской

внешней политики в трудных внутривнутриполитических условиях не было серьёзно востребованным, оно оставалось в зоне внимания скорее по инерции. Позиция Москвы была однозначной — у руководства СССР не вызывала никакого сомнения необходимость сохранения единства Югославии. Но республики Югославии стремились в лице Москвы найти поддержку своему стремлению к независимости, хотя МИД СССР декларировал, что занимает нейтральную позицию в конфликте на территории СФРЮ. Новые тенденции в позиции СССР проявились уже более определённо к осени 1991 г. — согласие с интернационализацией конфликта, поддержка инициатив Запада.

Ключевые слова:

внешняя политика, кризис, «перестройка», федерации, СССР, СФРЮ, сотрудничество.

Зоя Валентиновна КЛИМЕНКО

**«Албанская заря»:
российское общество и албанский вопрос
в начале XX в. (по материалам некоторых
«толстых» журналов)**

Аннотация:

Автором анализируются представленные в русской периодике начала XX в. точки зрения на вставший во весь рост в международной политике албанский вопрос и на проблему создания никогда ранее не существовавшего независимого албанского государства. Привлеченный источник (так называемые «толстые» журналы) не только отражал текущие события Первой Балканской войны 1912 г., публикуя сообщения своих корреспондентов на Балканах, но и формировал общественное мнение, предоставляя свои страницы виднейшим и влиятельнейшим специалистам того времени по балканским делам. Показаны равнодушие русского общества к процессу окончательного освобождения Европейской Турции от османского господства, резкая критика им политики великих держав по сдерживанию балканских союзников и уменьшению плодов их военных побед, а также России, которая, по мнению экспертов, согласилась с этим в ущерб как собственному престижу в регионе, так и интересам балканских государств.

Ключевые слова:

Первая Балканская война 1912 г., Албания, Черногория, Сербия, албанский вопрос, национальное государство, общественное мнение, Россия.

Summary

Svetlana DANCHENKO

A modest luminary of the Balkan studies

Abstract.

The essay traces the life and scientific career of Irina Stepanovna Dostyan (1920–2012), a prominent representative of the Russian historical science, who made a significant contribution to the formation and development of the Slavic and Balkan studies in the second half of the twentieth century. The author analyzes in detail the main works of I.S. Dostyan — three monographs, parts in collective generalizing works, articles, and notes their significance, recognized in the USSR, Russia and other countries, in order to develop the most important problems of the history of the Balkan peoples and their relations with Russia at the end of the 18th — first half of the 19th century, as well as to eliminate the so-called «unexplored facts» and debunk the myths that previously existed in science. Along with this, the essay touches upon the question of the role of I.S. Dostyan in the history of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Science, in which the historian worked for more than 60 years, since 1949.

Keywords:

Irina Stepanovna Dostyan (1920–2012), Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Slavic studies, Balkan studies, Balkan politics of Russia, Russian-Balkan political and public relations, international scientific cooperation.

Svetlana DANCHENKO

Irina Stepanovna Dostyan. The way I remember her

Abstract.

The author recalls the beginning of her scientific career, as well as shares her memories of the Institute of Slavic Studies and Balkan Studies in the 1970s and 1990s, her senior colleagues, employees of the Department of the modern history of the Balkan peoples and, first and foremost, of Irina Stepanovna Dostyan, who made contribution not only in the science and history of the Institute, but also in the lives of those who were lucky enough to work in the same team and to be friends with her for many years.

Keywords:

Irina Stepanovna Dostyan (1920–2012), Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, scientific community, everyday life of a Soviet scientist.

Vasili KASHIRIN

**«A correct description of the bygone war»:
previously unknown strategic memorandum
by the General en chef, Count Petr Panin
and the unraveled mystery of authorship of the anonymous
memoirs about the Russo-Turkish War of 1736–1739**

Abstract.

The article for the first time introduces into scientific circulation a valuable historical document — the second part of the well-known memoir of a participant in the Russo-Turkish war of 1736–1739 under the title “Zapiska o tom skol’ko ya pamiatuyu o krymskikh i turetskikh pohodah” (“A note about how much I remember about the Crimean and Turkish campaigns”). The second part of the document discovered in the archive is a generalisation of the military experience of fightings against the Turkish and Tatar troops, and contains specific proposals for the operations of the Russian army at the beginning of the Russo-Turkish war of 1768–1774. This discovery made it possible to prove that the author of both parts of the document is an outstanding military figure, General en Chef, Count Petr Panin (1720–1789). The article proves that the document was drawn up by him at the end of 1768 to reinforce Panin's position in developing military strategy of the Russian Empire in the fight against Turkey. As the analysis of the document shows, Panin was a supporter of active offensive actions in the Dniester theatre of war, in particular, the preventive occupation of Polish fortresses in that area. Among other things, the established authorship of the document sheds light on the early stage of Petr Panin's military career and the circumstances of his participation in the Russo-Turkish war of 1736–1739. The full text of the document is published in the appendix to the article for the first time.

Keywords:

Petr Ivanovich Panin (1720–1789), Russian-Turkish War of 1736–1739, Russo-Turkish War of 1768–1774, Russian Army, Crimean Khanate, Ottoman Empire, memoirs, strategic memorandum, Catherine II, Council at the Supreme Court.

Elena KUDRIAVTSEVA

**Crisis in the Russian-Serbian relations
in the late 1830s**

Abstract.

Creation of an autonomous Serbian state became possible thanks to the consistency of the Russian government in advocating for the relentless implementation of the articles of bilateral Russian-Turkish agreements by the

Ottoman Porte. These were the articles of the Treaty of Bucharest (1812), the Akkerman Convention (1826) and the Treaty of Adrianople (1829). All these documents implied granting Serbia autonomy within the Ottoman Empire. These were the demands put forward by the Russian envoys in Constantinople, i.e. G.A. Stroganov, A.I. Ribopierre. Later, they were supported by A.P. Butenev, during his work in the Ottoman capital the Turkish government issued hatt-i sharifs in favour of the Serbian people. It would seem that the Russian envoys and government could expect gratitude from the Serbian leaders. However, after Serbia received autonomous rights, Prince Miloš Obrenović I of Serbia chose a different path for his country. The interference of the European powers in the internal affairs of the Serbian principality, their promises made to Miloš, who strived to remain the sovereign ruler of Serbia — all these led to the fact that the Prince did not welcome the very presence of Russian diplomatic representatives in Serbia. The crisis in Russian-Serbian relations was closely related to the re-focusing of his policy towards Great Britain, which was facilitated by the activities of the British consul in Belgrade, J. Hodges. Russian-Serbian relations were dramatically undermined during the final years of Miloš Obrenović's reign and led to further decline in the early 1840s.

Keywords:

Russian-Serbian relations, Balkan policy of Russia, Serbia, Great Britain, Serbian Prince Miloš Obrenović.

Olga PETRUNINA

**Greek lands
in the last quarter of the 18th century
in the perception of Russian consuls**

Abstract.

More and more Europeans visited Greek lands in the 18th century, changing and expanding their ideas of the life of Christians under the rule of the Sultan. In Russia, these ideas were supplemented by reports from the first Russian consuls who arrived in the Ottoman Empire after the Russo-Turkish war of 1768–1774. Official correspondence of the consuls contained information about the local society, relationships between different ethno-confessional communities, separatist actions of Albanian beys, the degree of the empire's readiness for a new war with Russia, first measures at the beginning of the 1787–1791 war, and the attitude of the Greek population towards them.

Keywords:

Ottoman Empire, Ottoman society, Modern Greek studies, separatist movements, Russo-Turkish war of 1787–1791, consular service.

Alexander STYKALIN

The Danubian Principalities and Transylvania in the perception of Russian military observers (1848–1849) (based on the documents form the Russian State Military Historical Archive)

Abstract.

Revolutionary events in many European countries in 1848 caused fears in St. Petersburg that further development could cause collapse of the multinational Austrian Empire and thus revive the so-called Polish question in the international arena, which would pose an immediate threat to the integrity of the Russian Empire. Evaluating the threat that had arisen, Nicholas I, after hesitation, decided to send troops to the Danubian Principalities, to annihilate revolutionary unrest, in accordance with the right to their patronage, which Russia possessed under the Adrianople Peace Treaty of 1829. In 1849 the corps of Russian troops stationed in Moldova and Wallachia took part in the campaign in Transylvania as well as the suppression of the Hungarian revolution. In this article, the events of that time are examined through the prism of the reports of Russian officers, participants of the military campaign. This source is valuable because it contains description of the situation in the Danubian Principalities and Transylvania, reflects interethnic contradictions in Transylvania. Active participation of Polish revolutionaries in the events made it possible to link more closely the situation in remote lands with the situation in Russia itself. The officers' reports demonstrate the allied relations between Russia and Turkey in the face of the revolutionary events of 1848 in Central Europe, their close cooperation in "restoring order" in Wallachia; as yet little augured a new, very early aggravation of the relations between the two powers, which eventually led to the Crimean War in 1853.

Keywords:

European revolutions of 1848, Russian Empire, Habsburg Monarchy, Ottoman Empire, Moldova, Wallachia, Transylvania, Hungarian revolution of 1848–1849, Hungarian campaign of the Russian army in 1849, Peace Treaty of Adrianople of 1829.

Marina FROLOVA

“The bestowed victory”: capture of Grivitsky Redoubt No. 1 at Plevna on August 30, 1877

Abstract.

Based on a significant number of sources (memoirs of the participants and eyewitnesses of the battle for Grivitsky redoubt No. 1, published documents from the multivolume «Collection of Materials on the Russo-Turkish War of

1877–1878 on the Balkan Peninsula»), it is proved that Grivitsky Redoubt No. 1 was captured in battle by Russian regiments (1st brigade of the 5th infantry division), and not by units of the Romanian 4th infantry division. The commander-in-chief, Grand Duke Nikolai Nikolaevich deliberately bestowed this victory on the Romanian Prince Karl, probably for political and diplomatic reasons, but mainly out of the desire to maintain the prestige of the Romanian Prince in the army and state with the purpose of strengthening his position in power.

Keywords:

Russo-Turkish War of 1877–1878, «third» Plevna, Grivitsky redoubt No. 1, Romanian army, commander-in-chief Grand Duke Nikolai Nikolaevich, Emperor Alexander II, Romanian Prince Karl.

Tina Nikolaeva GEORGIEVA

The monument to Alexander II in Sofia — history of its erection

Abstract.

The article reveals details of the construction of the monument to Alexander II in the center of Sofia. It examines the activity of a special Committee which expressed the idea to erect a monument in honour of the Russian emperor, and which organised its practical realisation: collecting money, development of the terms of the architect competition and holding one. Participation of the Bulgarian authorities and the role of the Bulgarian prince Ferdinand in the implementation of the public initiative is also considered.

Keywords:

Russo-Turkish war 1877–1878, memory, monuments, «Tsar-Liberator Alexander II» Committee, monument to Alexander II in Sofia.

Ksenia MELCHAKOVA

The place of service is Sarajevo. A.S. Ionin's first diplomatic experience

Abstract.

Based on the previously unpublished archival materials, the essay reconstructs history of the stay of the Russian diplomat Alexander S. Ionin (1837–1900) in the Ottoman provinces of Bosnia and Herzegovina. In 1857, for the first time in history, the Russian consulate was opened in the principal city of the Bosnian Pashalyk. A. Ionin was assigned to Sarajevo as a secretary and dragoman in this consulate. Here he worked under the leadership

of A. Hilferding, and then E. Shchulepnikov until 1860. Ionin witnessed the uprisings in Herzegovina, worked hard on the problem of opening a Russian consulate in Mostar, and for some time unofficially served as a consul in Sarajevo. This was the first diplomatic experience of a man who eventually spent about 30 years of his life in the Balkans and was an active participant in many significant events in the history of the region.

Keywords:

A.S. Ionin (1837–1900), Bosnia and Herzegovina, Sarajevo, Mostar, Russian Consulate in Sarajevo, A.F. Hilferding.

Yura Toteva KONSTANTINOVA

**Slavic and anti-Slavic ideas
of the Bulgarians and Greeks
(late 19th — early 20th century)**

Abstract.

The article analyses views of the Bulgarians and Greeks on the role of Russia in the Balkans. Perception of the Russian plans in the region evoked expectations, hopes and fears among the Bulgarians and Greeks, which gradually developed into persistent stereotypes that still affect their relations with Russia. The essay discusses specific examples in which Slavic and anti-Slavic ideas are used for political purposes by the Bulgarian and Greek elites, respectively.

Keywords:

Eastern question, Russia, Greece, Megali idea, Evangelica

Varvara KHLEBNIKOVA

**Russian diplomat P.M. Vlasov
on the results and prospects of the development
of the Montenegro Principality at the beginning of the 20th
century and on the necessity of cooperation between
Russia and Montenegro**

Abstract.

This article focuses on how the head of the Russian diplomatic mission P.M. Vlasov tried to break the deadlock in Russian-Montenegrin relations. He worked hard to analyse and re-evaluate the experience accumulated by his predecessors. Scrupulously following the instructions and recommendations of his superior V.N. Lamsdorf, the resident minister drew up

a number of proposals for adjusting Russian politics in the Principality after the Congress of Berlin of 1878. However, these efforts were in vain, and the diplomat himself was criticised for lack of flexibility and even stubbornness. His attempts to improve the quality of bilateral cooperation ended in failure.

Keywords:

Russian Empire, Principality of Montenegro, Minister-Resident of the Russian Mission in Cetinje P.M. Vlasov, Russian subsidies in Montenegro, the crisis in Russian-Montenegrin relations at the beginning of the 20th century.

Nataliia STRUNINA-BORODINA

**Montenegro in the reports of the Russian envoy
in Cetinje S.V. Arseniev (1910–1912)**

Abstract.

This collective monograph is dedicated to the 100th birthday of a prominent Russian Balkan studies specialist Irina S. Dostyan. In the traditions laid down by I.S. Dostyan while preparing this section, we used valuable archival documents — reports of the Russian envoy in Cetinje S.V. Arseniev, which reveal interesting facts about the relationship of Montenegro with its neighbours, as well as with its main patroness, i.e. the Russian Empire at the beginning of the 20th century.

Keywords:

Montenegro, Russian Empire, S.V. Arseniev (1854–1922), Russian diplomatic mission in Cetinje, Albanian uprisings of 1909–1912, I.S. Dostyan (1920–2012).

Petr ISKENDEROV

**Russian policy in the Balkans on the eve of World War I:
key aspects of the issue**

Abstract.

The article is devoted to the analysis of Russia's policy in the Balkans on the eve of World War I. The attention is mainly paid to the debatable aspects of this problem. The author identifies key factors that had an impact on the formation and implementation of the Balkan policy of Russia in the period under review. The research is based on unpublished archival documents.

Keywords:

Russia, Balkans, World War I, international relations, Great Powers.

Yaroslav VISHNYAKOV

Documents of the Police Department of the Russian Empire dedicated to the dynastic crisis in Serbia at the beginning of the 20th century

Abstract.

The research was carried out on the basis of poorly studied documents of Balkan agents of the Russian Empire Police Department. It reveals the nuances of Serbian political life at the beginning of the 20th century, the characteristic feature of which was a sharp decline in the prestige of the ruling Obrenović dynasty. The correspondence of the employees and heads of this agency allows us to reconstruct more fully the causes and the direct course of the coup d'état of May 29, 1903, which eventually destroyed the Obrenović dynasty.

Keywords:

Russian Empire Police Department Balkan agents, A.I. Budzilovich, V.V. Trzetsyak, N.V. Charykov, A.M. Weisman, Serbia, coup d'état of 1903 in Serbia

Irina ZAKHAROVA

Alexander I Obrenović's visits to Russia and S. I. Speransky's Serbian Awards

Abstract.

The article deals with two Serbian certificate awarded to an employee of the Ministry of the Imperial Court S.I. Speransky, and that are now along with the orders of the Takovo Cross of the second degree kept in the collection of manuscripts and documents of the Department of the History of Russian Culture of the State Hermitage. The history of awarding of S. Speransky with the Serbian orders is seen through the prism of Russian-Serbian relations in the last quarter of the 19th century. The article provides brief information on the history of the Order of the Takovo Cross from the moment of its foundation until its abolition, the names of Serbian and Russian statesmen who were knights of the order are also provided. On the basis of printed and archival sources a description of two trips to Russia of the Serbian king Alexander Obrenović in 1891 and 1894 is given as well as the changing attitude towards him from the Russian ruling circles. Particular attention is paid to patents, which are not only materials for the biography of S. Speransky and interesting documents on the history of Serbian phaleristics, but also shed light on relations between Russia and Serbia in the late 19th and early 20th centuries.

Keywords:

S.I. Speransky, Alexander Obrenović, Milan Obrenović, Alexander III, Nicholas II, S.D. Sheremetev, Russian-Serbian relations in the late XIX and early XX centuries, the Order of the Cross of Takovo.

Lyubov KIRILINA

**Publications
of the Slovenian newspaper «Slovan» (1884–1887)
about Serbs, Bulgarians and Montenegrins**

Abstract.

A Slovenian newspaper «Slovan» was published by Slovenian Russophiles in Ljubljana in 1884–1887, primarily for the purpose of promoting the ideas of Slavic mutuality. The author analyses the newspaper's publications, which have not been studied yet, devoted to the cultural, national and political life of the Serbs, Bulgarians and Montenegrins. The research provides a more comprehensive representation of the attitude of the Slovenian Russophiles to the South Slavic peoples, who did not live within the borders of the Austro-Hungarian Empire, and the specifics of their perception of the major events that took place in the Balkans during the considered period.

Keywords:

Slovenian newspaper «Slovan» (1884–1887), Slovenian Russophiles, Serbia, Montenegro, Bulgarian Principality, Eastern Rumelia.

Nikita GUSEV

Travel essays about Bulgaria by P. A. Kulakovsky

Abstract.

The author considers the articles by P. A. Kulakovsky, which he wrote based on the data collected in the course of his trip to Bulgaria in 1899. The main objects of his attention were the development of Sofia and the country as a whole over the past 20 years, political system of Bulgaria, its culture, and attitude to the Macedonian issue. A comparison of Kulakovsky's notes with other Russian sources of the same period confirms correctness of his observations and conclusions.

Keywords:

Platon Andreevich Kulakovsky, Bulgaria, modernisation, Sofia, politics, Stefan Nikolov Stambolov, Bulgarian Prince Ferdinand, Russian language, religion, Macedonian question.

Olga SOKOLOVSKAYA

**Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Empire and the treaty
between Greece and Serbia during World War I
(a review of the diplomatic documents collections)**

Abstract.

The article, based on several sets of diplomatic documents dedicated to the activities of the Russian Foreign Ministry during the First World War, reveals the position of the Russian top leadership in relation to the Balkan states, especially Serbia and Greece, which were bound by the Greek-Serbian Union Treaty. We also consider the struggle of two political groups — Venizelists and Royalists — on the issue of Greece's fulfilment of its allied obligations towards Serbia, which led to the split of the country into the Old and New Greece. Russia's policy towards the Thessaloniki Front is also presented.

Keywords:

World War I, the policy of the leadership of the Russian Foreign Ministry, Greek-Serbian Union Treaty, split in Greece, Thessaloniki Front.

Yulia LOBACHEVA

**On the Question
of the Russian-Serbian Relations
in the early 1920s.
Glimpses of I.G. Grickat-Radulovic
Family History**

Abstract.

This study aims to consider some aspects of Russian-Serbian/Serbian-Russian relations in the early 1920s in the context of studying of the family history of Irina Georgievna Grickat-Radulovic in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes. The main source we used is the memoir by I.G. Grickat-Radulovic under the title «In a Foreign Homeland» which has not yet been published in full.

Keywords:

I.G. Grickat-Radulovic (1922–2009), Russian emigration, Serbia, the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, Russian-Serbian/Serbian-Russian relations, memoirs.

Konstantin NIKIFOROV

Approaches of studies dedicated to the Russian emigrants to the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (Yugoslavia)

Abstract.

Objective studies of the Russian emigrants in Yugoslavia appeared at the very end of the Soviet era, when the articles of V.A. Tesemnikov and Yu.A. Pisarev first came out. Since that time there have been published numerous works in the Russian Federation as well as Serbia. They are mostly dedicated to the contribution made by the representatives of the Russian emigrants to the development of sciences and art in Serbia. Political history of emigration is not studied so well. The exception are involuntarily written work by the emigrants themselves called «White Russian emigrants in Yugoslavia, 1918–1941» and a PhD thesis by M. Jovanovich under the title «Russian emigrants in the Balkans: 1920–1940 (Moscow, 2005)».

Keywords:

Russian emigrants in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (Yugoslavia), the Russian house in Belgrade, contribution of the Russians in art.

Olga AGANSON

Great Britain and the problem of the "Balkan equilibrium" in 1939

Abstract.

The article analyses British policy in the Balkans in the context of the aggravated international instability on the eve of the Second World War. London's actions appeared to be reactive as it had to modify its approaches to Southeastern Europe due to advancing expansion of the Third Reich aiming at making Balkan economies dependent from Berlin as well as interfering with internal affairs of local countries. It is revealed that incoherency and controversies of the British policy in the Balkan region were caused by the weakening British position within the international system, on the one hand, and Foreign Office ignorant attitude to the specific character of Balkan developments, on the other hand.

Keywords:

Great Britain, Balkans, Versailles system, policy of guarantees, Third Reich.

Evgenia KALINOVA

Role of the USSR in drafting of a peace agreement with Bulgaria after World War II, myths and facts.

Abstract:

The article examines the role of the USSR in drafting a peace treaty with Bulgaria after World War II and addresses the question of whether Soviet support for the Bulgarian interests at the Paris Peace Conference is a myth or reality. Soviet diplomatic activities are compared to those of the United States and Great Britain to highlight the differences in the attitude of the victors to defeated Bulgaria.

Key words:

World War II, Bulgaria, Paris Peace Conference (1946).

Tatiana VOLOKITINA

The Balkan version of the regime of personal power (Todor Zhivkov and Nicolae Ceausescu)

Abstract.

The article analyses the commonalities and features of the so-called «Zhivkovism» and «Ceaushism», i.e. the Balkan version of the regimes of personal power. An attempt is made to characterise the role of «the Soviet factor» in the activity and fate of the two dictators — Todor Zhivkov and Nicolae Ceausescu.

Keywords:

Bulgaria, Romania, personal power regimes of Todor Zhivkov and Nicolae Ceausescu, «the Soviet factor».

Elena GUSKOVA

Balkan policy of the Soviet Union at the end of Perestroika (1990–1991)

Abstract.

The article examines the period of 1990–1991, when the fate of the socialist federations — the USSR and Yugoslavia — was on the scales of history. Trying to preserve the integrity of the country, the leadership of the SFRY had high hopes for the USSR. The Yugoslav direction of the Balkan foreign

policy in difficult domestic political conditions was not a priority, it remained in the zone of attention by inertia. Moscow's position was unequivocal — the Soviet leadership had no doubts about the integrity of Yugoslavia. But the republics of Yugoslavia sought support from Moscow for their independence aspirations, although the USSR Foreign Ministry declared that it took a neutral position in the conflict on the territory of the SFRY. By the autumn of 1991, new trends in the USSR's position had already become more pronounced — agreement with the internationalisation of the conflict, and support for Western initiatives.

Keywords:

Foreign policy, crisis, Perestroika, federations, the Soviet Union, Yugoslavia, cooperation.

Zoya KLIMENKO

**«Albanian dawn»:
Russian society and the Albanian issue
at the beginning of the 20th century
(based on the materials from literary monthly)**

Abstract.

The article analyses points of view presented in the early 20th century Russian press on the Albanian question, which then emerged on the international agenda, and on the problem of creation of the independent Albanian State in the Balkans, which had never existed earlier. The sources used by the author (“literary monthly”) were not only reflecting contemporary events of the First Balkan War through publishing reports of their correspondents in the Balkans, but also forming public opinion through offering their issued to the most significant and influential experts in the Balkan affairs of that time. The article demonstrates the interest of the Russian society in the process of definitive liberation of the European Turkey from the Ottoman yoke, sharp criticism of the Great Powers’ policy which in reality meant holding the Balkan allies back, and diminishing results of their military victories, as well as criticism of the Russian government, which, in the experts’ opinion, consented to this policy to the detriment of both its own prestige in the Balkans and the Balkan States’ interests.

Keywords:

First Balkan War, Albania, Montenegro, Serbia, Albanian question, national state, public opinion, Russia.

Сведения об авторах

Агансон Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Вишняков Ярослав Валерианович — доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО).

Волокитина Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. Отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны, Институт славяноведения РАН.

Георгиева Тина — кандидат исторических наук, доцент, исторический факультет, Софийский университет им. св. Климента Охридского, Болгария, София.

Гусев Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Института славяноведения РАН.

Гуськова Елена Юрьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Данченко Светлана Ивановна — доктор исторических наук, зав. Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, Институт славяноведения РАН.

Захарова Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, главный хранитель Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа.

Искендеров Петр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Калинова Евгения — профессор, доктор, исторический факультет, Софийский университет им. св. Климента Охридского, Болгария, София.

Каширин Василий Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Кирилина Любовь Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Клименко Зоя Валентиновна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Центр политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва.

Константинова Юра Тотева — доцент, Институт балканистики с Центром фракологии, Болгарская академия наук, Болгария, София.

Кудрявцева Елена Петровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

Лобачева Юлия Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Мельчакова Ксения Валерьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Никифоров Константин Владимирович — доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН.

Петрунина Ольга Евгениевна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Соколовская Ольга Владимировна — доктор исторических наук.

Струнина-Бородин Наталия Григорьевна — младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Фролова Марина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Хлебникова Варвара Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

СЛАВЯНЕ И РОССИЯ.

Россия: взгляд на Балканы.
XVIII–XXI вв.

К 100-летию
со дня рождения И.С. Достян

Коллективная монография

*Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН
(Протокол № 2 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 26.10.2021)*

Ответственный редактор
С.И. Данченко

Компьютерная верстка
П.Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 14.12.2021. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 38,94.
Объем 41,88 печ. л.

Заказ № 104.

Тираж 500 экз.